

Как много на свете гениальных произведений, про которые я в глубине души думаю, что сам бы мог их написать, и если этого не сделал, то только из-за лени или по недоразумению.

(А. К. Гладков. «Из попутных записей». Воспоминания, впечатления, мысли, афоризмы». РГАЛИ, е. х. 60, л. 59)

Гладков - человек яркий, умный... и очень циничный (Наталья Громова «Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941—1944»)

Молодой автор надменно отрекается от указавшей золотую жилу вздорной старухи «Надежды Дуровой», сгинувшей в Елабуге, но берет во вдохновители Цветаеву, — и никто еще не знает, как скоро ехать ей в ту же Елабугу <...> (Константин Богомолов. «Над рукописями трястись»... // Урал 2016 № 6)

М. Ю. Михеев

Александр Гладков о поэтах, современниках и — немного о себе...

(Из дневников и записных книжек)

Бросила все и читала Гладкова. # Он замечательно внятно мыслит и пишет о памятном мне времени и обстоятельствах очень точно и всегда о главном nerve этого момента. Удивительный охват лиц и обстоятельств при том, что называет себя бирюком и сидит в своей Загорянке (Елена Цезаревна Чуковская, 8 марта 2013, в эл. письме публикатору)

20 апр. 1940. Сегодня получил из магазина «Оптика», что на улице Горького напротив Телеграфа, свои первые очки. # Ходить мне в них еще трудно, шатаюсь и оступаюсь. Теряю чувство пространства. Чуть не попал под машину, переходя Газетный. Мир сквозь очки грубее и резче. Женщины некрасивы. Не знаю, как можно — носить очки и влюбляться. Пока надеваю их иногда, ненадолго. ## (А. К. Гладков. РГАЛИ, ф. 2590, оп. 1, е. х. 81, л. 29)

Моя способность (и потребность) жить и чувствовать и думать сразу за нескольких человек, которая сделала меня настоящим драматургом (хотя и не очень удачливым), мало употребляемая в дело, превратилась в мой бич, мою беду, мешающую мне работать. Начав что то писать, я слишком легко ставлю себя на точку зрения, с которой это все ерунда и не стоит труда. Вот истинная природа моей мнительности. Я привык во время работы брать себя за шиворот и заставлять мысленно отойти, и посмотреть на делаемое со стороны. <...> Ведь надо бы уже понять это и сдерживать себя, но все никак не научусь и попрежнему обливаю себя холодной водой «взгляда со стороны» и в результате естественно охлаждаваю.

(А. К. Гладков, «Из попутных записей». Воспоминания, впечатления, мысли, афоризмы». РГАЛИ, е. х. 60, л. 127)

М. Ю. Михеев

**Александр Гладков о поэтах,
современниках и — немного о себе...**

(Из дневников и записных книжек)

2-е издание

Издательский Дом ЯСК

Москва

2019

УДК 82/821.0

ББК 83

М 69

*Книга была обсуждена на ученом совете
лаборатории автоматизированных информационных систем НИВЦ МГУ
(апр. 2018)*

Михеев М. Ю.

М 69 А. К. Gladkov о поэтах, современниках и — немного о себе...
(Из дневников и записных книжек). — 2-е изд. — М.: Издательский
Дом ЯСК, 2019. — 512 с., ил.

ISBN 978-5-907117-33-4

В книге представлены незаконченные тексты Александра Gladkova: собраны свидетельства о поэтах, которых он ценил больше всего — о Маяковском, Цветаевой и Мандельштаме (с первым из них ему довелось общаться всего один вечер, в течение нескольких часов, вторую он вообще никогда так и не встречал, а третьего слышал лишь на одном выступлении), — и о современниках — Надежде Мандельштам, В. Шаламове, Ахматовой и И. Бродском, а также подготовительные материалы к его все-таки написанной при жизни, но известной в ту пору только по самиздату публикации на Западе книги «Встречи с Пастернаком» (с последним он общался в течение многих лет). Все тексты восстановлены из архива (РГАЛИ. Ф. 2590) и откомментированы, им предпослана автобиография Gladkova — также воссозданная по архивным материалам.

УДК 82/821.0

ББК 83

Mikhail Mikheev

Alexander Gladkov — about poets, contemporaries and a little about himself...
(From the diaries and notebooks).

This book contains Alexander Gladkov's texts that he did not have time to finish, but wished to write, constantly setting them aside and putting his drafts in his diary. He talks there about his most loved poets with whom he was a contemporary (Mayakovsky, Mandelstam, Tsvetaeva) or about famous people who he met personally (N. Mandelstam, V. Shalamov, A. Akhmatova, I. Brodsky). Also there are drafts for his book "Meetings with Pasternak", only published in samizdat and abroad, and never in his lifetime. All the texts were restored from the archive (RGALI, F. 2590) and commented. The book contains Gladkov's autobiography that was recreated on archival documents.

*В оформлении переплета использованы цитаты из дневника А. Г. Gladkova
и отзывы о нем его читателей*

ISBN 978-5-907117-33-4

9 785907 117334 >

© Михеев М. Ю., 2018

© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ [беглое]

Благодарности	4
Вводное слово	5
Условные обозначения	10
Глава I. Об имеющихся «автобиографиях» Гладкова	12
<Для автобиографии>.	15
Глава II. Наброски — о Маяковском, Цветаевой, Ахматовой.	60
<Тридцатый год, Маяковский, юность>	63
<О Цветаевой>	86
<Об Ахматовой>	103
Глава III. Диалог с Н.Я. Мандельштам по дневнику и переписке	127
<О Мандельштаме, встречи и беседы с Н.Я.>.	142
<Иосиф Бродский под защитой Н.Мандельштам>	218
Глава IV. [Предисловие П.М. Нерлера] Осип Мандельштам в записях Гладкова	223
<Глоссы о Мандельштаме>	229
Глава V. <i>Одержимый правдой</i> — В. Шаламов по дневнику Гладкова	241
Глава VI. [Предисловие Ел.В. Пастернак] <i>Давным-давно</i>	279
<Из черновиков «Бесед с Пастернаком»>	311
Послесловие, или Еще раз о дневниках Гладкова (в ранние и поздние его годы)	461
Приложения. Перечень публикаций дневников.	488
Именной указатель	492
Содержание (с перечнем иллюстраций)	508

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикатор¹ благодарит за помощь тех, кто принял участие в комментировании текста, — Владимира Михайловича Алпатова, Елену Александровну Амитину, Ирину Юрьевну Белякову, Софью Игнатьевну Богатыреву, Николая Алексеевича Богомолова, Сергея Васильевича Василенко, Александра Дмитриевича Вентцеля, Наталью Александровну Громову, Марка Васильевича Головизнина, Якова Аркадьевича Гордина, Гасана и Чингиза Гусейновых, Бориса Федоровича Егорова, Валерия Васильевича Есипова, Дмитрия Исаевича Зубарева, Генриха Зиновьевича Иоффе, Сергея Александровича Крылова, Ирму Викторовну Кудрову, Алексея Алексеевича Макарова, Ольгу Макарову, Елену Михайлик, Павла Марковича Нерлера, Дмитрия Нича, Елену Владимировну Пастернак, Юрия Георгиевича Пастушенко, Константина Михайловича Поливанова, Людмилу Пружанскую, Александру Александровну Раскину, Ирину Леонардовну Савкину, Наталию Дмитриевну Солженицыну, Игоря Николаевича Сухих, Габриэля Суперфина, Валентину Александровну Твардовскую, Романа Давыдовича Тименчика, Юрия Львовича Фрейдина, Николая Михайловича Шейко, Григория Шеянова, а также ныне уже покойных — Виктора Марковича Живова (1945–2013), Жореса Александровича Медведева (1925–2018), Елену Цезаревну Чуковскую (1931–2015), Сергея Викторовича Шумихина (1953–2014), и за возможность самой публикации — дочь Александра Константиновича, Татьяну Александровну Гладкову (1959–2014).

Я благодарю также сотрудников архива РГАЛИ, где хранится фонд Гладкова, и лично его директора — Татьяну Михайловну Горяеву.

¹ Сам я ни в коем случае не являюсь автором этой книги, но только лишь — ее составителем, публикатором и комментатором наследия Гладкова, как и мои соавторы — Павел Полян и Елена Пастернак.

Илл. 1. А.К. Гладков: 1960-е годы

ВВОДНОЕ СЛОВО

В этой книге собраны работы Александра Гладкова, которые он так и не успел завершить, но имел в виду написать, постоянно делая наброски, помещая подготовительные материалы в дневник или попросту откладывая в стол...

Но кто же такой Гладков? — спросит читатель. Это человек, по большому счету оказавшийся в жизни *неудачником* — во всяком случае, сам он считал себя таковым: потому что, во-первых, не смог получить высшего образования (не приняли в вуз как сына непролетария), во-вторых, перепробовал множество профессий: пытался стать актером, режиссером, историком, писателем, собирателем книг, а в юности вынужден был зарабатывать работой журналиста-репортера... Увлекался театром, и через какое-то время работы для заработка, познакомившись с В.Э. Мейерхольдом, все-таки стал — помощником режиссера, завлитчастью

или даже кем-то вроде театрального администратора и секретаря при этом великом новаторе театра: Мейерхольд оценил его энергию и подрядил Гладкова вести дневник — по итогам всех своих встреч и спектаклей. Однако Гладков постоянно по тому или иному поводу «комплексовал»:

Моя ранняя принадлежность к журналистскому цеху наполняла меня гордостью (те, кто начинал работать в газете, знают, как в этом возрасте вкусно пахнут свежие гранки и какую магическую силу имеют слова «петит», «корпус», «нонпарель», «абзац», «шпон», «кразрядка» и др.), но в то же время заставляла побаиваться, что Мейерхольд, узнав, кто я такой, прикажет перестать пускать меня в свой театр.¹

Затем, уже уйдя от Мейерхольда, он стал театральным драматургом... причем таким, которого сам Борис Пастернак как будто с искренней завистью назовет *удачливым* — за его пьесу «Давным-давно» (это произойдет в 1942-м, в эвакуации, в Чистополе, за 20 лет до рязановского фильма, созданного на основе этой пьесы, т. е. «Гусарской баллады»). Потом еще Гладков отсидит, по «делу букинистов», шесть лет в Каргопольлаге, где, слава богу, не все время был на общих работах [В воспоминаниях Ильи Соломоники («Новый Мир». 1993. № 6) утверждается, что на общих работах в 1949 г. он не был, так как тогда сильно хромал и ходил с палочкой], а исполнял обязанности культработника (заведовал театральной студией, ставил концерты и спектакли), а освободившись и вернувшись домой в Москву, ощутит себя писателем и — мемуаристом. (Это был второй звездный час Гладкова.) Но сам-то он втихомолку метил гораздо выше, чем только в авторы одного водевиля, автора сценария к нему же как кинофильму или в авторы двух мемуаров, а считал себя — ни много ни мало — *поэтом*. Мечтал стать на самом деле серьезным историком или *прозаиком*, кем-то никак не меньше Марселя Пруста... И безусловно оказался недооценен современниками, отчего всю жизнь страдал, но почти ничего не делал, чтобы как-то выправить ситуацию.

Приведу здесь еще одно характерное для него собственное признание, сделанное за десять лет до смерти (в дневнике от 4 нояб. 1966), после второго из своих «звездных» часов, т. е. признания

¹ Из главы «Знакомлюсь» в книге Гладкова «Пять лет с Мейерхольдом».

и успеха не как драматурга, а во второй ипостаси, в качестве мемуариста:

Как это ни странно, но «Встречи с П[астернаком]» — иначе и по-другому дали мне то, что в ином масштабе дала пьеса «Давным-давно» — и больше ничто из всего мною написанного. «Д.д.» дала всенародное и длительное признание и любовь театралов и актеров, а воспоминания о Б.Л. [Пастернаке] — восхищение и признание узкого круга знатоков, стихолюбов и лучшей части литературного мира.

Реально же Гладков только после своей смерти, и не для современников, а для нас, читателей XXI века, превратился в настоящего летописца своего времени, когда стали известны его дневники. Это его основная и, как мне кажется, — подлинная ипостась.

* * *

Александр Константинович Гладков (1912–1976) начинал карьеру как журналист-репортер. После школы дважды, в 1929 и 1930 годах, пытался поступить в вуз, сначала в МГУ, а потом во ВГИК, но оба раза его не приняли как сына *совслужащего* (с формулировкой: *недостаточный трудовой стаж*). Позже он станет театральным актером, режиссером, руководителем любительской студии, сценаристом, и наконец — драматургом. Написанная прямо накануне войны стихотворная пьеса «Давным-давно» (1940–1941) сделает его широко известным, а фильм, поставленный по ней же еще через 20 лет («Гусарская баллада», 1962, реж. Э. Рязанов), прославит уже на всю страну. Но еще Гладков писал критические статьи о театре, о литературе, прекрасно выступал на диспутах (что в свое время оценил Мейерхольд). И тем не менее как-то невысоко ценил собственные успехи. В глубине души он возлагал надежды на иной свой талант — не драматурга, а писателя-прозаика.

АКГ — так в шутку, по инициалам имени, отчества и фамилии, называла Александра Константиновича Гладкова одна из близких его знакомых (и мы так будем называть его в этой книге, для сокращения, уже без всяких шуток) — АКГ всю жизнь хотел писать прозу и всерьез замахивался даже на жанр романа. К сожалению,

из этого ничего не вышло. Романы так и остались ненаписанными, только в заготовках — о Жанне д'Арк, о Наполеоне, Дрейфусе, о Байроне, о Есенине, о 37-м годе в России. ...После смерти в его литературном архиве обнаружилось около 50 томов рукописного и машинописного дневника, который, пока автор был жив, он почти никому не показывал. Этот труд он ценил превыше всех написанных им пьес, сценариев, снятых фильмов и статей. В дневнике ему удалось отразить события жизни СССР начиная с 30-х годов и до середины 70-х. Причем последние полтора десятилетия, 1960–1976, описаны наиболее профессионально (если возможно говорить о писании дневника как о некой профессии).

В целом вся эта книга, которую держит сейчас перед собой читатель, — лишь только подготовительные материалы к написанным и *недописанным* его мемуарам: они собраны по дневниковым выпискам и записным книжкам АКГ, а также по его переписке, из того, что хранится в архиве Гладкова в РГАЛИ (Фонд 2590).

Довольно точно об АКГ выразился Борис Углицких в «Реквиеме по забытому таланту», предназначавшемся для так и не отпразднованного столетия этого многостороннего человека, автора множества текстов, остановленных буквально на полдороге:

...Гладков был из тех творческих людей, которые подавали большие надежды, но не сделали всего того, что могли бы и обязаны были сделать. Он сам признавался, что «слишком разбрасывался» — то увлекался Байроном, то наполеоновскими войнами, то Пастернаком, то еще кем-то и чем-то. Собирал материалы, вникал в детали, делал наброски, а потом неожиданно охладевал к теме.²

Наиболее крупные из этих отложенных тем, не завершенных автором, представлены ниже, как бы будучи *дописаны* за него. Фрагменты и отрывки, собранные в этой книге, фиксируют, по крайней мере, объекты его внимания, которое было обращено сразу ко многим современникам, но так и не получило воплощения в законченных текстах, оставшись только в заготовках, пробах пера и отрывочных записях. Это касается всех глав книги, за исключением последней, посвященной Б. Пастернаку: о нем АКГ, как и мечтал,

² Углицких Борис. Безымянное бессмертье (запоздалый реквием по забытому таланту); <http://www.proza.ru/2015/04/01/1822> (февраль 2013 г.).

все-таки написал отдельную книгу. И дождался-таки ее выхода, хотя опубликована она была не на родине и не им самим, а за границей — по варианту, взятому без ведома автора из самиздата, со множеством неточностей. В настоящей работе восстановлен ее черновик, представляющий собой, как мне кажется, особую ценность.³

Иначе эту работу следовало бы назвать, наверное, так: «Книга о поэтах и современниках Александра Гладкова, им самим так и не завершенная».

Илл. 2. Александр Гладков
(1930-е годы)

³ Подобного черновика его книги о В. Мейерхольде восстанавливать не пытаюсь, поскольку не являюсь специалистом по театру. — *М.М.*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Отмечу следующие особенности текста:

— многие лица, часто упоминаемые в дневнике, обозначены в нем сокращениями, так же как сам АКГ;

— своеобразное написание им самим некоторых названий, имен и фамилий, которые автор часто воспроизводит со слуха, отступая от общепринятых норм (многие редко или вообще не появлялись в то время в печати), а зачастую следуя нормам старой орфографии; в подобных местах нижним подчеркиванием отмечены типичные для АКГ ошибки (*реабелитация*), опечатки (*периферия*) и особенности написания (*съэкономил* или *терасса*); среди подобных слов также названия, не имеющие устоявшегося написания или же услышанные и воспроизведенные автором со слуха (*Басалошвили* — вместо Басилашвили, *Соложеницын* или *самориздат* вместо самиздат, *Бибиси* вместо Би-би-си);

— написание им частиц (как правило, без черточки) — помечено в тексте подчеркиванием;

— выделения в машинописи АКГ обычно делал разрядкой, однако в тексте книги они переданы **полужирным** шрифтом;

— (1, 2 об., 25)... — числами в скобках перед началом текста обозначены номера листов (и их оборотов) по соответствующей архивной единице РГАЛИ;

— [...] — квадратными скобками (с текстом внутри них) я пользуюсь для обозначения моей публикаторской вставки внутри текста АКГ (с сокращенным пересказом или пояснениями, но не с текстом самого АКГ) и для само собой разумеющихся, легко восстанавливаемых конъектур в тексте дневника;

— <...> — угловыми скобками — обозначение существенных для текста конъектур, в распознавании которых остается загадка, допускающая альтернативу (однако многоточие внутри этих скобок по традиции обозначает купюру публикатора в тексте АКГ); при этом пропуски между подневыми записями дневника специально не фиксируются;

— # — знак «решетки» заменяет убранный из текста абзацный отступ внутри подневной записи, для компактности;

— ## — знак двойной «решетки» фиксирует конец подневной записи.

Все цитаты из дневников или записных книжек АКГ — по соответствующим единицам хранения его фонда в архиве РГАЛИ (Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. № 75–116).

Глава I

ОБ ИМЕЮЩИХСЯ «АВТОБИОГРАФИЯХ» ГЛАДКОВА

Таким поистине «пустыкам», как собственная *автобиография*, АКГ, конечно, не придавал никакого значения и не имел надежд на ее не только прижизненную, но вообще когда-либо возможную публикацию. Поэтому последовательной автобиографии, ее текста у него никогда и не существовало. (Собственно говоря, *автобиография* — единица хранения в какой-то степени вообще условная, придуманная только составителями его архивного фонда.) От самого АКГ осталась только масса разрозненных как по содержанию, так и по времени написания, по тому или иному случаю набросанных кусочков, или *приступов* к ней, фрагментов, вообще как-либо смыкающихся с автобиографией, ближе всего к ней стоящих, — как, например, его воспоминания о детстве, о доме с садиком в старинном окском городке Муроме, где он родился,¹ или же отдельные зарисовки, эпизоды прошлого этой провинциальной, еще «муромской», а позднее — уже столичной, московской, России 20-х и 30-х... По сути дела, всё это тоже черновики разных когда-то задуманных, но не осуществленных работ, отнесенные то ли самим АКГ, то ли скорее все-таки собранные теми, кто занимался архивом после его

¹ Кстати, фамилия *Гладковы* произносилась изначально, по-видимому, с ударением на первом слоге, *Гладковы*: так следует из архивных разысканий о многочисленных купеческих кланах Гладковых в Муроме (благодарю за эту информацию Григория Шеянова).

ухода,² в одно место. Очевидно, что автор — человек в какой-то степени весьма пунктуальный — попросту складывал вместе документы, которые должен был заполнять по различным поводам или надобностям, как то: для поступления в институт (куда, повторюсь, он так и не поступил), оформляясь на ту или иную работу, и те, которые писал в виде анкет, уже для какого-то издания — перед выходом очередной своей пьесы или статьи в журнале. Кроме того, сюда же, к единице хранения, озаглавленной в архиве «Автобиографии», добавлены гораздо более объемные наброски воспоминаний (ед. хр. 30 того же фонда 2590, под названием «Планы, наброски, записи...»). В этих фрагментах рассказывается:

— о детстве в Муроме, откуда в 1925 году семья перебралась в Москву, вслед за отцом, Константином Николаевичем Гладковым, инженером, который стал работать в столице;

— о первой влюбленности АКГ, в 11 лет;

— о еще нэповском Муроме и тамошних известных купеческих фамилиях: *Суздальцевых*, *Гундобиных*, *Воцининых*, *Мошенцевых*, *Мяздриковых*, а также *Зворыкиных* (кстати, это тот самый Зворыкин, знаменитый изобретатель телевидения,³ до революции эмигрировавший в США, а потом, после войны, оказывается,

² Соседка по дому Цецилия Кин, собственно, и обнаружила первой его тело: АКГ умер один в своей квартире, от сердечного приступа. Кое-что из этих автобиографических записей было опубликовано Кин — например, в первой после его смерти публикации, озаглавленной «Из попутных записей» («Вопросы литературы». 1976. № 9): [о чтении] с. 208–209; [о журналистике] с. 209–212; [о работе в студии Хмелева, о Москве середины 20-х гг.] с. 212–215.

Кин Цецилия Исааковна или, в дневнике, просто *Ц.И.* (1905–1992), литературный критик, литературовед, публицист, специалист по культуре Италии; вдова писателя Виктора Кина. Соседка Гладкова по дому на Красноармейской улице и его близкий друг в последние годы жизни: как он сам говорил, у него был с ней *роман отношений*. Она придумала и использовала шуточное сокращение, по его инициалам: «Вскоре после того, как Александр Константинович Гладков впервые появился в моем доме (14 января 1964 года, день рождения Виктора Кина), я стала называть его АКГ, и это ему, кажется, нравилось» (*Кин Ц. О дорогом АКГ* — <http://do.gendocs.ru/docs/index-61281.html>).

³ Владимир Козьмич Зворыкин (1888–1982), русско-американский инженер, родившийся и получивший образование в России и впоследствии эмигрировавший в США, где прославился как изобретатель современного телевидения.

приезжавший в Москву и видевшийся как будто с семьей Гладковых, поскольку он приходился родственником матери отца АКГ, в девичестве Зворыкиной);

— о Москве, увиденной глазами АКГ-неофита середины 20-х годов, для которого *башия Моссельпрома* в семь этажей воспринималась как «небоскреб»;

— об устройстве тогдашних газетных киосков, ларьков, где можно было, оказывается, не только посмотреть, но и почитать самые последние издания (они были привязаны к прилавкам на веревочках);

— о том, как сам Гладков, еще подростком, в первый и в последний раз видел Есенина: на пересечении Тверской и Садового кольца тот покупал газету в киоске, что было осенью 25-го, незадолго до его гибели;

— о встречах с Маяковским, которого АКГ боготворил, и об одном разговоре с ним во время прогулки по ночной Москве (в архиве этот текст помещен внутри общего отрывка, объединенного как раз с воспоминаниями и автобиографиями);

— о внутрипартийной борьбе в конце 1920-х — начале 30-х годов и участии в ней старшего двоюродного брата, племянника отца, Анатолия Михайловича Гладкова (потом, в 1937-м, тот окажется арестован и погибнет в сталинских лагерях); ранее, только еще по переезде семьи в Москву, этот самый Толя Гладков раскроет перед младшим братом мир столичных театров, в результате чего последний буквально заболает театром и делается на долгие годы завзятым театралом, не пропускавшим, по его словам, ни одной премьеры начиная с 1925 и до 1933 года;

— о том, как наш герой учится в школе-семилетке, бывшей московской *Медведниковской* гимназии, а «теперь», т. е. тогда, когда пишет одну из первых «Автобиографий», в 1928-м, готовясь к поступлению в вуз, его гимназию переименуют в *9-ю опытно-показательную школу МОНО имени Томаса Эдисона*, в Староконюшенном переулке (всякий раз, когда в городе случалась какая-нибудь театральная премьера, он срывался и попросту удирал с уроков);

— о том, как, окончив учебу, АКГ пытался подать документы в Московский университет на факультет журналистики, но его туда не приняли за *непролетарское* происхождение, как сына *служащего*, хотя в то самое время его отец был на престижной руководящей

работе в металлообрабатывающей промышленности и часто, как он пишет, «на заседаниях в Госплане сидел рядом с Куйбышевым, Рудзутаком, Осинским, Шляпниковым». Но в то время, как видно, понятие «блат» совсем не так было развито в русской культуре, как теперь, и воспользоваться знакомствами отца мальчик считал для себя зазорным. Не примут его и позже в *ГТК*, т. е. *государственный техникум кинематографии* (как до 1934 г. назывался будущий ВГИК), поскольку отец Гладкова все равно относился к *совслужащим*, а это оставалось скверной рекомендацией: «Меня из-за этой строчки не приняли в Московский университет и уже принятого в Институт Кинематографии исключили перед началом занятий, чтобы взять на мое место кого-то командированного “с производства”».

<Для автобиографии>⁴

[§0. возможный эпиграф — на очень старой, желтого цвета бумаге, истертой, с пятнами:]

(21) Есть вещи которые навсегда исчезают из истории, — их никто не записывает[,] потому что сначала все думают, что это всем известно, а потом потому[,] что многое забылось. «На кухню вынесли тарелки. Никто не помнит ничего» (Пастернак).⁵ Между тем надо записывать, не избегая мелочей. Из двух Сен-Симонов я предпочитаю того, кто записывал церемонии и сплетни Версаля, тому, кто рассуждал о грядущем счастье человечества.⁶

⁴ Это, как и все остальные условные названия в этой книге, дается в ломаных скобках. Тут выборка из единиц хранения «Автобиографии А.К. Гладкова» [автограф, авторизованная машинопись, л. 1–22: 1930–1971 гг. // РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 411] и «Планы, наброски, записи к историческому автобиографическому роману» в архиве [автограф и маш-сь; 129 л.: 1960-е – 1970-е гг. // Там же, ед. хр. 30].

⁵ Последнее четверостишие из ст. Б.Л. Пастернака «Вакханалия» (4 августа 1957 г.): *Прошло ночное торжество. / Забыты шутки и проделки. / На кухне вымыты тарелки. / Никто не помнит ничего.*

⁶ Имеется в виду граф Анри Клод Сен-Симон (Saint-Simon; 1675–1755), известный социальный реформатор и один из самых знаменитых мемуа-

[§ 00. это как бы его самопредставление]

(1) Мои пьесы ставили: А.Д. Попов, Н.М. Горчаков, Г.М. Товстоногов, Н.П. Акимов, В.Н. Плучек, А.М. Лобанов, Р. Суслович, Д.В. Тункель, П.Л. Вейсбрем, М.В. Чижегов, С.А. Майоров, Б.А. Бабочкин, Л.В. Варпаховский, Г.Крыжицкий, Л.В. Рудник, С. Гиацинтова, В.С. Андрушкевич, Микаэлян, Лизогуб, Смидгис и др.

[§ 1. автобиография, написанная, очевидно, перед поступлением в вуз или для работы, в 1930-м: от руки, чернилами; числа в скобках указывают листы соответствующей ед. хр.]

(2, 2 об.) Моя автобиография

Родился я 30 марта 192¹2 г. [цифра исправлена от руки] в г. Муроме.

До мая 1925 г. жил там, обучался в 3-ей Муромской Советской школе II ступени. В 1925 г. живу в Москве, обучаюсь в 9 школе МОНО (семилетке) кончаю ее в [19]28 г. Работаю в ЭлектроМонтажн[ых] Мастерск[их] ПТО МОНО. Осенью 29 г. поступаю на Милют[инские] курсы Подг[отовки] в ВУЗ. С середины зимы работаю (одновременно учась) по путевке Стола Труда Курсов в Моспогрузе.⁷ Лето 29 г. готовлюсь к поступлению в Вуз. В вуз не поступаю и[,] чтобы получить опред. квалификацию[,] поступаю на Чертежные Курсы. Бросаю их в ноябре вследствие изменения моего материального положения (невозможность платить за обучение).

С ноября периодически работаю по путевке Курсов (устроил товарищ) в Моспогрузе (Саратовск. вокзал, ф-ка Мосдрев)

Был[,] учась в семилетке[,] пионером. Имел в отряде обществ[енную] работу (вожатый звена, редактор стенгазеты, председ[атель] совета отряда). Осенью 27 года получил рекомендацию в Комсомол. Посещал ячейку, работал по ее заданию, потом заболел, выздоровел (3) нужно было подгонять учебу и оторвался от комсом[ольской] работы. [4 строчки зачеркнуто, *нрзб.*] Работал

ристов, автор подробнейшей хроники событий и интриг версальского двора времен Людовика XIV и Регентства.

⁷ Адрес: (2 об.) (Саратовский вокзал, ф[абрик]ка Мосдрев).

в лит[ературном] кружке «Рабочей Москвы»,⁸ «Домкрат», в кружках поэзии и прозы при редакции «Комсом. Правды».

А. Gladkov

Март 1930

С октября 1928 г. член Теа-Кружка рабкоров «Рабочей Москвы», потом Теа-рабк[оровского] Объедин[ения]. Член Хам[овнической] Теа-рабк[оровской] Базы со дня организации. Как теарабкор имел следующую обществ. нагрузку: секретарь редколлегии первичной теарабкор. стенгазеты «Мы смотрим» (3 об.), член рабочей редколлегии журнала «Новый зритель», член Худ. Полит. Совета Парка К. и О., староста мастерских Раб. Теа-критики, член бюро расследований при Областном бюро теарабкоров.

(4, 4 об.) [об обсуждении его стихов на кружках]

Илл. 3. Отец Gladkova — **Константин Николаевич** (гимназист, в будущем — выпускник Петербургского технологического института, городской голова г. Муром в 1917–1918)

⁸ Газета «Рабочая Москва» — так называлась «Московская правда» с февраля 1922 по март 1939 г.

Илл. 3–4. Мать Gladkova — **Татьяна Александровна**, выпускница Московского Александровского ин-та благородных девиц (дочь статского советника врача А.П. Доброхотова, выпускника Петербургской Императорской Медико-хирургической академии); позже — преподаватель, домашняя наставница

[§ 2. о жизни семьи Gladkovykh, еще в Муроме]

(22) [заголовок:] Детство в Муроме

(20) [фисташковые чернила, на клочке бумаги в клетку:] *Все окружающее в детстве казалось таинственным. # У бабушки в углу черного дерева⁹ [нрзб.]*

(19, повтор — 22)¹⁰ В детстве каждое лето было непохоже на другое, а зимы как_то сливались, особенно когда кончился военный

⁹ Курсивом здесь и ниже выделены вставки в машинопись от руки.

¹⁰ То есть на листе архивной пагинации 19-м, но также заново, еще раз, — и на л. 22-м, после поставленного на полях самим автором номера страницы: «1».

коммунизм и голод и начался нэп. И мне трудно различить три последние зимы в *Муроме*, их события наплывают друг на друга. Патриархальные религиозные праздники с вкуснейшей едой, службы в приходской церкви Иоанна Предтечи, интерес к которым усилился с приходом молодого священника Арсения Краснова, человека с небанальной биографией,¹¹ тепло подружившегося с семьями прихожан, мир сада, прекрасный, поэтический и колдовской... Собственно, все это были особые и разные миры, малопересекавшиеся: мир книг (самый большой), мир сада, это летний мир; мир города, который как бы отстоял на расстоянии.

(22) НЭП вернул городу магазинные вывески, суету базара, приволье сытой провинциальной жизни. У большинства магазинов были те же владельцы, что и до революции, именитые городские купеческие фамилии: Суздальцевы, Гундобины, Воцинины, Мошенцевы, Мяздриковы [вписано от руки:] *Зворыкины* и другие. Их было несколько линий [нрзб.] и родня[,] и однофамильцы, забывшие свое старинное родство. В годы военного коммунизма

¹¹ На самом деле семью АКГ нельзя было назвать ни религиозной, ни даже искренне верующей. Вот из его дневника позднего времени, уже незадолго до смерти (накануне им там записано: «Завтра Рождество»): 7 янв. 1975. «Верил ли я когда-нибудь в бога? Вырос в семье, где религия занимала какое-то бытовое место[,] и даже года два прислуживал в церкви. <...> и все же, пожалуй, не верил. Сужу об этом потому, что незаметно перешел от условной полуверы к неверию. Ни на один час это не было проблемой, переломом. Ни от одного религиозного явления не испытал потрясения хотя бы приблизительно такого, как от чтения романа У. Синклера “Джунгли” в 14 лет или от казни Сакко и Ванцетти в 15 лет. Детская религиозность умещалась в жизнь как смена праздников, как перемены времен года и была почти календарем. Думаю, что и мама верила так же, а отец не верил совсем. Не помню, чтобы он когда-нибудь ходил в церковь, даже на пасхальную заутреню. В ранние муромские годы церковная жизнь была формой общественности: перевыбирали старосту, свергали регента, защищали от нападков отца Арсения, судачили о патриархе Тихоне и Живой Церкви. Меня это интересовало куда меньше, чем сюжеты Майн Рида: прислушивался за столом, а иногда и пропускал мимо ушей» (РГАЛИ № 2590, оп. 1, ед. хр. 115, л. 7).

в Муроме¹² (40)¹³ произошло известное белогвардейское восстание¹⁴ (одновременно с Рыбинском, Ярославлем и московскими событиями), потом последовали розыски и репрессии, затем некоторое время в нем размещался штаб Красной армии и на квартирах поселилось много военных (наш дом тоже был уплотнен семейными командирами), а НЭП вернул старому городу его торговое значение[,] и он похорошел своими 24-мя церквями на 24 тысячи населения. Оживленным стало пароходство на Оке — вниз на Нижний и вверх на Рязань. Отец когда-то был соредактором газеты «Муромский край»[,] и комплекты старых номеров заполняли один из чуланов. Я любил их рассматривать и находить в Муроме, в котором я рос, черты другого, дореволюционного Мурома, жизнь в котором казалась заманчивой и прекрасной. Годы коллективизации и первых лет пятилетки резче и непоправимей изменили Муром, чем пять лет революции и гражданской войны. Те же магазины, тот же Окский сад с летним кинотеатром и духовым оркестром, те же извошки и пароходные пристани. Улицы были замощены булыжником посередине, а рядом с тротуарами лежала мягкая нежная пыль и росла трава. Город славился древними церковными постройками: позже о них были написаны специальные монографии: в некоторых из них хранились мощи святых князей Петра и Февронии, Константина и Елены и их сыновей, погибших при защите города во времена татарского ига. Однажды раки святых были вскрыты: в них оказалось несколько костей, мышинный помет и истлевшие тряпки. Их выставили в городском краеведческом музее, и я сам видел, как в городские базарные дни туда приходили бабы из окрестных деревень и прикладывались к стеклянному футляру, в котором хранились бывшие мощи. В этом не было слепого религиозного

¹² Текст обрывается, не закончено, конец страницы, а продолжения как будто нет. Впрочем, продолжение обнаруживается в другом месте данной «ед. хр.» (см. ниже):

¹³ Но по собственной пагинации АКГ это просто лист 2-й.

¹⁴ О Муромском восстании на сайте: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5

порыва: скорее традиция привычного православия: кто же знает, какими должны быть настоящие мощи?

В старые годы деревянный город часто горел и после огромного пожара в конце 18 века был заново распланирован с прямыми и длинными улицами и одинаковыми кварталами. Однообразие планировки нарушалось огромными садами и оврагами. Милый мой город, я особенно полюбил его в предверии близкого отъезда весной 1925 года, когда не мог находиться по его улицам. Было грустно уезжать, и мне иногда кажется, что старый Муром, моя родина, где то стоит не изменившись, не перестроенный и нивелированный[а] родной, деревянный, поэтический, с яблоневыми и вишневыми садами, с базарами, славившимися муромскими огурцами, сорт, ставший знаменитым и вошедший в ботаническую литературу. <...>

[§ 2.1. продолжение, повтор, или новый приступ к предыдущему]

(22) Детство состояло из нескольких особых миров, наплывавших один на другой и все же различных и отдельных. Это был мир книг (самый большой), летний мир сада, поэтический, колдовской[,] и мир города, который как бы отстоял на расстоянии.¹⁵

[§ 3. сад и дом; соприкосновение с театром: краткие заметки и пояснения к ним]

(16) 1921 [год обведен кругом, но далее строка незаполнена]

1922. *Сад и дом. Театр в гор. саду. Шалаи в саду. Она. Иван Васильевич. Уроки музыки. Церковь?*

1923. *Лето — Озябликово. Товарищи. Тата Б. Сережа Ш. Алеша З. Муромский свет.*

1924. *Книги. Лето — Сочи. Осенью впервые Москва. Зима — лыжи. Сани. Лиза. Валечка.*

1925 [строка незаполнена]

¹⁵ Ср. в записи от 6 янв. 1975: «Опять плохо спал и надо досыпать. # Заварю крепкого чая, а там видно будет. # Пробуя заснуть, заставил себя вспоминать наш муромский сад. Как я его помню! Все дорожки, все деревья, все уголки. Все террасы, которыми он спускался в овраг. Все сорта яблонь».

(19) «Хроника детства» [заголовок (подчеркнуто)]

Лето 1923 года. Озябликово. Любовь к Тате Б. Товарищи: Миша Ягунов и Ваня Савин. Сундуки с приложениями «Природа и люди». Запойное чтение приключенческих романов. Лето. Природа. Раздолье. Городки. Счастливейшее лето детства.

Зима 23–24 года. Мамина поездка в Москву, Институтский сбор. Московские театральные журнальчики. Морозы. Смерть Ленина. Муромский театр. <...> Тут где-то отец один переезжает в Москву. Его служба.

Лето 24 года. Поездка на юг. Сочи. <...>

Зима 24–25 гг. Светская жизнь в Муроме Уроки музыки, отчетный концерт. Или это раньше? Расширение муромского мира. [сюда же перенос стрелочкой записи на той же странице под заглавием «Зима 22–23 года:»] Муромская светская жизнь. Шемякины. Студенческий концерт. Шарады, я играю в любительском спектакле Митрофана в «Недоросле». Или это позже? Учитель Иван Васильевич Деев. Федор Миронович Моржаков. Нет, это тоже позже? Церковь и отец Арсений. Мой дифтерит?

Май 1925 г. Переезд в Москву. Клязьма. Современная западная литература. Купанье. Киоск-библиотека [конспективно, подробнее см. ниже].

Осень 25 г. Москва. Гостиница Старая Триумфальная. Зима. Переезд на Новую Басманную. Смерть Есенина. Впервые слушаю Маяковского.

[§ 4. домашнее воспитание, городской сад]

(41–43) Чуть ли не до 11–12 лет мир детства почти ограничивался домом, двором и огромным великолепным садом. По старинному капризу мамы мы с братом в Муроме в школе не учились, а только раз в год сдавали экзамены. Нас учил *на дому* [выделенное курсивом вставлено от руки] старый провинциальный интеллигент, друг семьи, Иван Васильевич Деев, атеист и разночинец, всем своим обликом связывающийся в моих воспоминаниях с людьми середины 19-го века. Была еще учительница французского языка, но я ее почему-то совсем не помню, хотя занимался у нее года три и уже недурно читал. Была учительница на фортепиано, москов-

ская консерваторка, к которой я ходил на дом два раза в неделю. Кое-как она натаскала меня для участия в отчетном концерте. Странно, любя музыку, я не любил ее уроков и ходить к ней иногда было для меня чистым мученьем. <...>

Не было школы и не было школьных товарищей. <...> Домашнее воспитание было маминой ошибкой: мне кажется, что я плохо учился, поступив в московскую школу, потому что[,] очутившись среди толп шумных одноклассников, я был (особенно на первых порах) буквально опьянен соблазнами товарищества и все душевные силы отдавал не занятиям, а бурной школьной общественности, спорту и прочему. Но об этом дальше.

Наш дом стоял на краю большой площади, недалеко от Окского сада, собора, базара и тюрьмы. Рядом был широкий спуск к реке, с которого зимой было лихо *на лыжах* слететь на лед Оки и с разгона перелететь почти половину очень широкой тогда реки. Сзади шел огромный овраг, на искусственных террасах которого был раскинут богатейший сад. Многого забыл, а вот сад помню великолепно, и где какой сорт яблонь рос, и где были груши, вишни, терновник (очень вкусный в тех краях) и малина. В саду была беседка, уютные скамьи, а внизу, на дне оврага, каждое лето жил сторож сада (его нанимали за половину урожая яблок). В шалаше, возле которого вечерами жгли костры, <...> варили картошку, пили чай из котелка. Я пересказывал захватывающие сюжеты недавно прочтенных романов.

Хорошо помню сорта и даже вкус яблок. На городском базаре яблоки продавались по сортам: один сорт был дороже, другой дешевле, помню матовый, крупный, сочный Белый налив, мелкий сладкий румяный Анис, нежное Черное Дерево, ароматное Коричневое Дерево, Антоновку, Ранет, Апорт, терпкую Боровинку и другие. Было известно, какие сорта могли долго храниться (Анис, Черное Дерево, Коричневое Дерево, Антоновка). Белый налив быстро портился. <...> В верхней части сада был огород и цветник — царство мамы — и росли три огромных листовенницы. К ним были прибиты качели. Тут же была крокетная площадка.

(42–44) Сад — это была целая жизнь. В нем можно было исчезнуть, затеряться, так что никто не найдет. И мы проводили в нем

целые дни с раннего утра до ночи, и нас часто было трудно доискаться к обеду, да и какие там летом обеды.

Как_то сторож заспался, в сад залезли и сломали ветку на лучшей яблоне. Это было не только обидой, но и оскорблением чего_то священного, родного. А вообще лазали в сад только из хулиганства. Яблочных садов было в городе полно, и яблоки на базаре стоили копейки. Продавали их не фунтами, а пудами и мешками. Никому не пришло бы в голову купить фунт яблок.

Говорят, что сейчас сад уничтожен. Зачем? Кому он помешал?

Когда мы переехали в Москву, в доме оставались бабушка, мать отца, и младший брат отца, дядя Шура, недавно женившийся. Он выпивал и ему было не до сада. <...>

Революцию я помню мало (мне было 4–5 лет). <...> Лучше помню лето 18-го года и белогвардейское восстание. Отец служил в советском учреждении и два или три дня прятался в шалаше в саду. Мне запретили бегать к нему, чтобы его не обнаружить, но поручили отнести ему какую_то еду. В доме не готовился обед, что в детстве всегда приятно как всякое нарушение обычного распорядка, и все это меня очень занимало. Шальная пуля с площади пробилла стекло, и нам запретили подходить к окнам. И это было весьма интересно. У дяди Шуры болели зубы[,] и он не пошел, когда восставшие мобилизовали для несения караульной службы мальчишек «реалистов». Это его спасло. Многие из мобилизованных были расстреляны большевиками, когда они одержали верх, почти все безвинно. Белогвардейцы во главе с полковником Сахаровым бежали[,] и задержаны были только случайные участники восстания — во многих семьях в городе после был траур. И только заклеенная бумагой маленькая дырка в стекле напоминала о происшедшем. Драматизма событий я совсем не ощущал: мне было интересно и только. Во время меньшевистского восстания в Грузии в городе превентивно арестовали всех бывших социал-демократов, в том числе и отца. Тоже было интересно. Его увезли во Владимирскую тюрьму, но через две недели выпустили. Помню его рассказы о тюрьме и о тогдашних блатных. Больше большая история не касалась моего детства. ##

(43) Сад был обширен и великолепен. Он занимал овраг, тянувшийся к реке, раскинулся по дну оврага и по его склону, на котором

было сделано пять терасс, усаженных яблонями, грушами, сливами и вишнями. Вдоль верхнего края сада шла дорожка. В глубине ее стояла мощная сосна. С другой стороны длинная скамейка и беседка, а за ней змеилась дорожка вниз с вырубленными в земле ступеньками. <...>

[§ 5. о первой влюбленности (приписка с проставленной датой и местом написания, слева наверху)]

(23) 13 апр. [19]71 г. Москва.

Вся беда заключалась в том, что я был слишком молод.

Я прекрасно понимал, что мне хочется с ней сделать: я прочитал множество романов, изведаль тысячи соблазнов, мне были известны всевозможные тайны обольщения: я все знал, все мог представить, но хотя она была значительно старше меня, я, увы, был непростительно молод и уже одно это делало мои надежды и планы несбыточными.

Тате было 14 лет, а мне недавно исполнилось 11.

Как не правы те, кому этот возраст кажется невинным и идиллическим. Самые фантастические планы, самые страшные решения, глубины отчаяния и вершины блаженства мне довелось переживать именно в этом возрасте. Никогда я уже так не надеялся, не мечтал, не завидовал, не горевал, не оскорблялся, не любил, не ревновал, как в то удивительное лето, когда мне было только одиннадцать, а ей четырнадцать.

Глупый, нелепый, трагический возраст!

<...>

[§ 6. воспоминание о самом первом искушении театром]

(45) Страстным театралом я стал много раньше, чем впервые попал в настоящий театр. Отца по службе перевели в Москву, семья оставалась в Муроме, но мама стала ездить к нему и посещала театры. Она привозила из Москвы театральные программки. Это были тоненькие тетрадки журналов «Зрелища», «Театральная Москва» и других. Я прочитывал их с жадностью. Вскоре я уже знал имена актеров, названия театров и пьес: всю сложную

географию театральной Москвы начала 20-х годов. Мамины вкусы были консервативны: Большой и Малый театры, театр б[ывший] Корша, Художественный (основная труппа его тогда находилась заграницей[,] и на сцене МХТ играли студии). Попад на шумевшую «Принцессу Турандот», мама была шокирована и назвала это «балаганом». В левых театрах она не бывала. [далее вставка, подпечатано сверху листа:] Рассказывая знакомым о своих театральных впечатлениях, она что-то забывала и путала[,] и я с досадой ее поправлял: программки были выучены на зубок. В собраниях сочинений классиков были пьесы (Гоголь, Тургенев, Пушкин, Лермонтов, Шекспир, Шиллер, Байрон, Мольер). Вскоре моим любимым занятием стало распределять роли. Я воображал, что «Испанцы» Лермонтова или «Вельгельм Телль» идут в Малом театре[,] и распределял роли.

Летом 1922 года в Муром приехала какая-то передвижная опера. Были объявлены «Евгений Онегин» и «Фауст». Оркестра не было[,] и спектакли шли в летнем деревянном театре под фортепьяно. Они произвели на меня огромное впечатление. Во время исполнения «Фауста» разразилась гроза. Крыша потекла, потухло электричество, пол был залит грязными потоками. Зрители забрались с ногами на скамейки, были зажжены свечи, никто не ушел[,] и когда раскаты грома стихли[,] спектакль продолжался при свечах. Мы с братом сидели в восторге: впечатление как бы удвоилось. Чудо театра было таким потрясающим, что вам казалось, что нет таких жертв, которые нельзя было бы принести, чтобы смотреть, [дописано от руки:] *нрзб. сидеть без грязи и свечей было как_то буднично.*

[§ 7. переезд из Мурома в Москву]

(17) Мы уехали совсем из Мурома 12 мая 1925 года. Лето 1925 г. прожили в дачном месте Клязьма под Москвой. 26 сентября переехали в Москву, где сначала жили в гостинице Триумфальной на Садовой_Триумфальной, а в декабре перебрались на Новую Басманную. Там мы жили почти год до поздней осени 1926 г.[,] когда переехали на Большой Знаменский.

[§ 7.1. конспективное продолжение; хроника детства и юности]

(6) 1926

Август. Поездка в Муром. <...>

Сентябрь. Первые числа. Экзамены в 9-ую школу. Увлечение Есениным. <...>

Октябрь 17. Разговоры с девочками. Слухи о моих стихах. Много пишу любовных посланий.

Октябрь 21. Занимался в драмкружке. Переписка с девочками.

(6 об.) 24 окт. Репетирую в Синей Блузе¹⁶ <...>

Январь 7-ое [это уже 1927 г.?]

Письмо-ответ из «Комсомолки».

<...> Январь 14. мысли о самоубийстве. Читаю Лермонтова с увлечением. Байрон. Разочарования.

(7) <...> Апрель 5. [1926! — так как лист с записью начинается с 7-го, где «Январь 26»] <...> Увлечение комсомольской поэзией. Жаров. Уткин.

<...> Март 11. Принят в Отряд. Член редколлегии газеты отряда. <...>

Май 25. [т. е. 25 мая 1926?] Разрыв с Тamarой. Пост[ановление] Шк[ольного] Совета о оставл[ении] меня на второй год. Крупная ссора дома.

(7 об.) <...> Август 24. Казнь Сакко и Ванцетти.

(8) 1927.

Октябрь 23. Нормальные занятия. Кружок электромонтеров. Общ. работа в классе.

<...> Сентябрь 27. <...> Рекомендация в комсомол.

Октябрь 13. [1927] Я с Будниковым и Иноземцевым организую Синюю Блузу.

¹⁶ «Синяя блуза» — советский театр малых форм, вид агитационной эстрады, отражающей самые различные темы, от общеполитических и международных до мелочей быта, новое революционное массовое искусство. Существовал с начала 1920-х до 1933 г. Инициатор — Б. Южанин.

Октябрь 27. Реформы в Синей Блузе. Я и Сергей руководители. Я написал Октябрьскую ораторию[,] и вдвоем с Будн[иковым] ставим ее. Работа в стенгазете.

(8 об.) <...> Ноябрь 13. Общее собрание Синей Блузы. Раскол. Меня не выбрали. Я ухожу из коллектива.

(11–13 об.) [автобиография: *нрзб.* — мелким неразборчивым почерком, конца 1933 года, — сам АКГ потом будет называть ее «шутливо-стилизованной»]

(15а–б) [вырезка из газеты с подписью: «Правда» Декабрь 1932 г. — наклеена на оберточной серой бумаге] Московский Историко-революционный театр принял к постановке мелодраму Н. Оттена и А. Гладкова «Мещанка», трактующую проблему революционной романтики на материале побега женщин-политкаторжанок и восстановления большевистской организации на текстильной фабрике. Действие происходит в 1909–10 гг.

[§ 7.2. названия циклов юношеских стихов, перечень первых сочинений АКГ и статей]

(9) Периоды в стихописании

1. 1929 год. Ранний романтизм. Юношеский индивидуализм. Юношеская любовь.

2. 1930. Работа и поэзия. Мир вокруг. Друзья.

3. 1930–31... Стихи о любви к Н.В.М.

4. 1931–32... Стихи о любви к Т.Е. «Сердце на военном положении»

5. 1932–35... Стихи о любви к О.М. «Взрослая любовь». Мир вокруг.

6. 1935–36... Стихи о любви к О.Н.

7. 1936–37... Стихи о любви о Маше. Одиночество.

8. 1938–39... Любовь без любви. «Россия».

(10) 1. «Давным давно». Комедия в стихах[.] 1940

2. «Бессмертный»[.] Драма (совм[естно] с Арбузовым) 1942

3. «Новогодняя ночь»[.] Комедия. 1944

4. «Наташа Ростова» (по Толстому)[.] 1945

5. «Первая симфония»[.] Комедия. 1946

6. «До новых встреч»[.] Комедия. 1947.

(11–15 об.) Автобиография [до конца 1933: *нрзб.* — очень мелким почерком]

(122) 1934. [Список его собственных, АКГ, статей и рецензий в газетах «Сов. искусство», «Театральная декада», «Литературная газета», «Кино», «Московский экран»]

(123) 1935. «Аристократы» Погодина в Реал. театре // газета «За индустриализацию» 22 янв.

1936. «Заметки о советской кинокомедии» (подвал) // газета «Кино» 17 октября]

(124) [о встрече и беседе с Луначарским, в течение 3 часов]

[§ 8. новые увлечения]

(35) Освоение Москвы началось с Триумфальной площади (теперь площадь Маяковского). Это была осень 1925 года. <...> В гостинице мы прожили месяца два, затем переехали временно на Нов. Басманную. Дом жск [жилищно-строительного кооператива] «Ранит» в Большом Знаменском переулке, во дворе знаменитого Щукинского музея (надстраивалась конюшня купца Щукина),¹⁷ отец вступил еще в предверии нашего переезда из Муром[.] все еще не был готов. [вставка:] Тут мы прожили несколько месяцев, потом переехали в дом в Большом Знаменском, сначала в одну квартиру, потом в другую, ту самую, где я прожил много лет. Она была с краю[.] и рядом с нею можно было развести крошечный садик, что мать, страстно любившая землю и разные посадки, и сделал[а]. Туда мы перебрались по возвращении с Украины, т. е. в августе 1927 года. <...>. Осенью 1926 [мы с братом] поступили

¹⁷ Сергей Иванович Щукин (1854–1936), русский купец, собиратель французской живописи, основатель общедоступной частной галереи; 5 января 1907 г. составил завещание, по которому его коллекция должна была перейти в дар Третьяковской галерее. Он желал, чтобы его собрание стало дополнением уже имевшейся в этой галерее коллекции западноевропейской живописи, собранной С.М. Третьяковым.

в бывшую Медведниковскую гимназию в Староконюшенном, тогда уже 9-ую опытно-показательную школу МОНО имени Томаса Эддисона. Я уже был книжником и все время ухитрялся покупать книги, а вскоре снова стал театралом. <...> Мы прожили здесь весь 1926 год и до лета 1927 года[,] т. е. почти полтора года. Тогда был освоен район Красных ворот, Разгуляя, Каланчевской площади, Земляного вала и Мясницкой до Лубянской площади с Китайгородским проездом с его книжными развалами.

[§ 9. о нэповской Москве]

(36) В середине двадцатых годов почти каждый кинотеатр Москвы имел свою особую физиономию, свой репертуар, своего постоянного зрителя. <...>

Можно без преувеличения сказать, что каждый день где-нибудь шел новый заграничный фильм, а то и два-три. Фильмы[,] называвшиеся «боевиками», шли «монопольно» (как писалось в афишах) в нескольких центральных кино-театрах, как, например, «Багдадский вор» в к/т. «Малая Дмитровка» или «Жизнь за жизнь» в к/т. «Колосс», арендовавш[ем] Большой зал Консерватории. <...>

Лучшие кинотеатры славились своими оркестрами, сопровождавшими демонстрации немых фильмов. <...>

(37) [машинопись с иным интервалом, чем во всех остальных местах:] Я хорошо помню нэповскую Москву: курносых моссельпромищиц с синими лотками на углах, тоненькие разноцветные выпуски «Месс Менд», рифмованные рекламы папирос на трамваях, вереницу изыбших извозчиков у Националя, книжные лавки на Моховой, молочные бывшие Чичкина и Бландова, американские кинобоевики в кино «Малая Дмитровка», пионеров с кружками, собирающих медяки в пользу английских горняков, первые автобусы темно-красные с желтым <...>, трамвайные павильоны на площадях, детекторные приемники и первые радиоконцерты с неизбежным гусяром Северским, певшим: «В лесу, говорят, в бору, говорят», и Ирмой Яунзем,¹⁸ дискуссионные листки

¹⁸ Ирма Петровна Яунзем (1897–1975), советская камерная певица (меццо-сопрано).

в «Правде», «Синюю Блузу» в Доме Союзов, истеричных поклонниц тенора Юдина <...>, стриженных рабфаковок в кепках, кожаные тужурки Халатова¹⁹ и Бухарина, звон Храма Христа Спасителя. Вечера Маяковского в Политехническом, цыган в «Праге», чемпионаты борцов на территории Сельско-Хозяйственной выставки с участием Поддубного, Башкирова и Шемякина, лозунг «Лицом к деревне» на всех стенах <...>²⁰ <...>

[§ 10. интерес к политике и печати]

(24) В моей еще полудетской жизни большую роль сыграл мой двоюродный брат Толя. Он жил в Москве с начала 20-х годов и, если мне не изменяет память, сначала где-то учился, чего-то не кончил и где-то потом работал по строительной части. Он был сибаритом и прирожденным болельщиком всего, что было в те годы интересного в стране. Осенью 1924 года он стал моим гидом по театральной Москве, потом в 26–27-м годах он страстно увлекся внутривластной борьбой и посвящал меня[,] 14-летнего подростка[,] и в ее перипетии. Он не был ни членом партии, ни комсомольцем и интересовался всем этим из исторического любопытства и из свойственного ему чувства ленивой фронды. Знакомств у него было бездна[,] и однажды он таинственно показывал в своей комнатке в Мерзляковском переулке печатные оппозиционные листовки и брошюры (причем, не отдельные экземпляры, а целые пачки и связки). Возможно, он был прикосновенен к их печатанью. Это и погубило его впоследствии, хотя я не могу вспомнить, когда он был арестован. Но кажется, что гораздо ранее 1937 года. В эти годы я был захвачен собственной судьбой[,] и все семейные, родственные связи мне казались неинтересными. Теперь я жалею об этом. Человек он был интересный, хотя и не без

¹⁹ Халатов Артемий (Арташес) Багратович (1894–1938; репрессирован, расстрелян), политический деятель. С 1918 г. в Наркомате путей сообщения; член ВЦИК и ЦИК, член коллегии Наркомпроса и председатель правления Госиздата (1927–1932), председатель КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых при СНК СССР).

²⁰ Этот отрывок вошел как часть и был опубликован в очерке АКГ «Романтики («Комсомольская правда» двадцатых годов)» // Юность. 1967. № 8. С. 111–117 (http://unost.org/downloads/library/1967_08_text.pdf).

кокетства интеллектуального и по привычке говорить напротив. Может быть, более тесная дружба с ним погубила-бы и меня, кто знает? Кажется, он погиб на Колыме, но тоже не[]уверен. Он был высок, почему_то немного, но изящно горбонос, чуть картавил и по всем нормам мог считаться очень интересным молодым человеком. Комната его, где я был всего несколько раз, была типичным холостяцким жильем, завалена газетами и книгами. Насколько помнится, он не был деятелем, но очень активным зрителем происходящего: сначала на московских сценах, потом на политических ристалищах. Анатолий Михайлович Гладков, родной племянник отца. У него был более положительный брат и две сестры. Они смотрели на него (как и мои родители) как на существо богемное и странное[,] и его арест никого не потряс и даже не удивил. Это даже странно, что я так мало помню об его исчезновении, хотя, повторяю, он сыграл в моей жизни заметную роль — приохотил меня к театрам и посвятил в хитро-сплетения партийной борьбы.

[§ 11. вхождение в мир столичного театра]

(39) [но по собственной пагинации АКГ — лист 1:] Счастливые понедельники

Самым счастливым днем в неделе в те годы для меня был понедельник. По понедельникам в помещении так называемого Экспериментального театра, он же филиал ГОТОБ-а,²¹ или в просторечьи Большого театра (теперь там находится московский театр Оперетты), в этом огромном зале на углу Большой Дмитровки и Копьевского переулка, шли сборные гастрольные *драматические* [вписано от руки] спектакли. Там можно было увидеть и давно уже не идущие пьесы, и давно отыгранные роли, и актеров, которые никогда не встречались вместе на сцене, кроме этих спектаклей, или за ужином в <<>Кружке<>>. Театральная критика относилась к этим спектаклям свысока и если касалась их, то только в фельетонном разрезе, чтобы пробрать, якобы за халтуру исполнения, или идеологическую устарелость репертуара. Номинальным организатором этих спектаклей считалось Исполбюро МГУ (так значилось

²¹ Имеется в виду, вероятно, Государственный театр оперы и балета.

на афишах), а фактическим — какой-нибудь старый антрепренер — дай бог ему здоровья, если он еще жив. Эти спектакли как бы раздвигали рамки эпохи для таких юных театралов, как я, и давали возможность жить сразу в нескольких измерениях. Весь текущий репертуар театров был пересмотрен: любимые спектакли по несколько раз, а самые любимые — десятки раз. <...>

Актеры не всех театров принимали участие в этих спектаклях. Почти никогда в них не участвовали (кроме редких «юбилейных») артисты Художественного, театра Мейерхольда. Играли актеры еще существовавшего театра б. Корша, Малого, театра МГПС, Александринки, еще сохранившиеся актеры-гастролеры (Орленев, Россов, Лихачев), крупные провинциальные актеры. Художественный театр иногда играл своим ансамблем, со своими декорациями, а также и МХТ 2-ой.

Это всегда были уже игранные ранее роли и, естественно, из лучших ролей. <...> Может быть, это было счастьем не только для нас, зрителей, но и для актеров: воскрешать былые удачи, уже ушедшие в небытие.

(44) [раньше, осенью 1924-го, они вместе с отцом проездом из Сочи в Муром жили в Москве, в гостинице «Балчуг»] Отец с утра уходил на службу[,] и я до самого вечера был предоставлен сам себе. Мне выдавались деньги на обед, но я тратил их на покупку журналов с заманчиво красочными обложками. На третий или четвертый день в номере гостиницы появился мой двоюродный брат Толя, столичный житель, студент и страстный театрал. <...> Еще весной, когда он приезжал на Пасху в Муром, я заслушивался его рассказами о столичных театральных сенсациях: он был поклонником Мейерхольда и Вахтангова, и впервые эти имена я услышал от него. Отец был очень рад его готовности развлекать меня, поставил только одно условие: он должен был привозить меня домой: в Москве я еще совсем не ориентировался. И вот, началось. Почти полтора месяца — вторую половину октября и весь ноябрь [—] мы с Толей ежедневно бывали где-нибудь в театре. Был подавлен обилием впечатлений[,] и хотя робко поддакивал Толе, когда он громил «аки» <академиков?> и восхвалял «левые» театры, но в душе мне нравилось все: и Игорь Ильинский

в Аркаше в «Лесе», и Южин²² в «Стакане воды», и Михаил Чехов²³ во Фрезере в «Потопе», и Станиславский²⁴ в Сатине в «На дне». Последний сезон в Москве играл театр Габима[,] и я успел видеть «Гадибук». Как раз в это время пышно праздновался столетний юбилей Малого театра. [Южин, Гоголева, В.Н. Давыдов, Остужев, Мамаев,²⁵ Яблочкина, Массалитинова...] Толя терпеливо высиживал со мной все эти спектакли и иронически говорил: «Одиннадцатый век». Для споров с ним я был еще не вооружен, ничего о театре[,] кроме тоненьких тетрадок «Новой рампы»[,] я еще не читал. В вечер, когда в Малом шло официальное чествование, Художественный театр играл «Ревизор» <...> (Бобчинский — Азарин, Добчинский — Яншин, Шпекин — Вербицкий; безымянного трактирного слугу играл Хмелев).²⁶ Если бы знать. Я не проронил бы ни одного вздоха слуги, не упустил бы ни одного его движения... ##

[§ 12. газетные ларьки; Есенин]

(34) Рьяным и азартным читателем газет я стал с 1924 года. Не помню, выписывались ли у нас в Муроме газеты: отец уже жил и работал в Москве, и мы через год должны были к нему переехать. Летом мы — мама, брат Лева и я — поехали на несколько недель в Сочи. По дороге я соприкоснулся с миром газетно-журнальных киосков на вокзалах и станциях и [был] пленен красочными обложками. С этого времени я стал регулярно, т. е. ежедневно[,]

²² Южин Александр Иванович (настоящая фамилия *Сумбатов*; 1857–1927), актер, драматург, театральный деятель. Народный артист Республики (1922).

²³ Чехов Михаил Александрович (1891–1955), актер, режиссер, педагог, теоретик театра. Племянник А.П. Чехова.

²⁴ Станиславский Константин Сергеевич (настоящая фамилия *Алексеев*; 1863–1938), театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра.

²⁵ Возможно, тут АКГ просто описался: роль *Мамаева* — персонажа пьесы А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты» — в Малом театре исполняли в 30-е гг. Н.Ф. Костромской, Н.К. Яковлев, Владимир Владиславский и др.

²⁶ Хмелёв Николай Павлович (1901–1945), актер МХАТа; в 1932 г. под его руководством был создан Театр-студия, просуществовавший до 1937 г.

читать газеты. Помню, с какой жадностью я следил за процессом над убийцами селькора Малиновского.²⁷ #

[пропуск строки]

Один из моих постоянных снов: пестрые, заманчиво-обильные газетно-журнальные киоски 20-х годов. Когда в отрочестве я

²⁷ Малиновский Григорий — 28 марта 1924 г. в селе Дымовка Ново-Одесского района Одесской губернии был убит Григорий Малиновский, которого впоследствии «назначили» селькором. Преступление имело огромный резонанс, а судебный процесс по этому делу стал полем битвы политических сил и предвестником показательных процессов 1930-х гг. Следственные органы незамедлительно начали расследование, однако отыскать убийцу по горячим следам не получилось. А через три месяца в милицию с повинной пришел родной брат убитого, Андрей Малиновский. Дальнейшие события разворачивались в ускоренном темпе. «16 июля николаевским читателям сообщались подробности — в характерном для газеты духе криминальной хроники: “Убийство селькора «Красного Николаева». Малиновский — жертва сельских кулаков. Брат селькора — слепое орудие мести”», — пишут историки прессы Оксана Киянская и Давид Фельдман. Из материала следовало, что в районе началась политическая кампания. Через два дня к делу подключилась региональная печать: в одесской газете «Известия» вышла статья об убийстве селькора. А еще через день информация появилась и в центральной прессе. 22 июля «Правда» опубликовала большую статью Михаила Кольцова под заголовком «Опять убийство». Судебный процесс по делу Малиновского состоялся в Николаеве с 7 по 24 октября 1924 г. Главным свидетелем обвинения на процессе проходил дымовский крестьянин Степан Добровольский. Он утверждал, что является двоюродным братом и другом убитого и также селькором газеты «Красный Николаев». Следователи напирали на то, что Малиновский делился с Добровольским планами по разоблачению кулаков. На суде Андрей Малиновский рассказал, что совершить преступление его заставили местные власти, которым перешел дорогу селькор. В ходе заседания он сдал всех своих подельников: организаторами убийства, по его словам, были уполномоченный дымовской партиячейки Константин Попандопуло, бывший председатель местного комитета бедноты Михаил Тулюпа и местный участковый Захар Стецун. Эти трое были расстреляны. Еще семь человек, в том числе Андрей Малиновский, получили тюремные сроки. После суда село Дымовку переименовали в Малиновку, а селькору Малиновскому поставили памятник. На государственном уровне приняли несколько постановлений, переводящих преступления против рабселькоров в разряд террористических (<https://www.kommersant.ru/doc/3325686>).

поселился с семьей в Москве[,] именно эти киоски — не кондитерские, не даже витрины кинематографов (потом и для них пришло время) — были моим вожделением, завистью, радостью в те годы и в дальнейшие годы и долго, долго потом. Киоски тогда представляли собой большие деревянные шкафы, запиравшиеся на ночь. Киоскер сидел рядом со шкафом, а на его распахнутых дверцах[,] на шнурах, зашпиленные прижимками, как б[е]лье для просушки, висели красочные журналы, дразня, соблазняя, притягивая, маня, заколдовывая. Они были не за стеклом, а тут же. Можно было перелистать номер, не снимая его с защипки. <...> Мой любимый киоск находился на углу Тверской и Садовой, там, где сейчас угловой вход в метро. Он был виден из окна нашего номера. Тогда я еще совсем не знал города[,] и мои первые робкие заплывы в шумную оживленную Москву были — до киоска и обратно в гостиницу. Однажды у этого киоска я увидел хорошо одетого человека в шляпе с напудренным, как у клоуна, лицом. Мой двоюродный брат, московский студент Анатолий, толкнул меня локтем. — Сергей Есенин, — сказал он с восторгом. Мне было 12 лет[,] и я еще не очень хорошо знал, кто такой Есенин, но скоро узнал и даже был на его похоронах, месяца через полтора. Есенин купил какой-то журнал и отошел. Он был один. ##

[§ 13. Медведниковская гимназия]

(18 — 80) <...> До революции это была одна из лучших частных московских гимназий, так называемая Медведниковская. Она занимала огромное пятиэтажное здание в Староконюшенном переулке, как раз посередине между Арбатом и Пречистенкой. У нас были просторные классы, широкие коридоры, два красивых актовых зала, величественная лестница, круглый вестибюль с колоннами и — наша слава и гордость — отлично оборудованный гимнастический зал на 5-ом этаже со шведскими стенками, турниками, кобылами, волейбольной сеткой и баскетбольными стойками. Двор был усажен тополями, в него выходил флигель с квартирами преподавателей. У нас были лучшие педагоги Москвы, авторы популярных пособий: В.П. Гончаров, Г.И. Фалеев, А.В. Перышкин, А.Э. Эйхенгольц — старые школьники помнят эти имена: по их

учебникам учились миллионы. Но нам это мало помогало: мы все учились плохо, кое-как, наспех между другими делами, казавшимися нам куда более важными. Этими делами были: кино, футбол, школьные кружки, школьные романы, запойное чтение, стихописанье, игра в общественность и т. п. [зачеркнуто]

[§ 14. неудачи поступлений в вуз]

(25) Юность [название подглавки, или еще одно начало воспоминаний]

Выпускной вечер в школе прошел скучно и грустно. Он был формальностью никому не[] нужной: наш выпуск преподаватели не любили: мы слишком рано стали самостоятельными и ходили на уроки как бы делая одолжение. Друг другу мы тоже изрядно надоели: почти у всех были друзья за пределами школы, а вместе с друзьями и иные увлечения, заботы, интересы. Многие подрабатывали — кто чем. Нам было меньше лет, чем нынешним выпускникам, но внутренне зрелее их мы были уже задолго до окончания школы.

<...>

Была весна 1928 года, странное непонятное время. Еще продолжался Нэп, но уже без прежней широты и лихости. В городах началась безработица, в вузы поступить уже было трудно: анкетная строчка «сын советского служащего» была серьезным препятствием. Мой отец был ответственным работником, решал серьезные вопросы в промышленности, заседал с Куйбышевым, Шляпниковым, Ждановым,²⁸ но в моих анкетах (сколько я их заполнил в те годы!) он

²⁸ Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937), революционер, советский государственный деятель, лидер группы «рабочей оппозиции». Родился в гор. Муроме Владимирской губ., член ЦК партии в 1921–22 гг. Исключен из ВКП(б) в 1933 г. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно. Автобиография на сайте «Академик» (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/120026/%D0%A8%D0%BB%D1%8F%D0%BF%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2).

Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935), советский политический и партийный деятель, революционер. Во время фракционной борьбы был за «единство партии», т. е. верным сторонником И.В. Сталина, много сделав для укрепления режима его личной власти. Убеденный сторонник индустриализации и коллективизации. С 5.8.1926 — пред. ВСНХ СССР,

значился «совслужащим»[,] и это было плохой рекомендацией. Меня из-за этой строчки не приняли в Московский университет и[,] уже принятого в Институт Кинематографии[,] исключили перед началом занятий, чтобы взять на мое место кого-то командированного «с производства». Но все это было еще впереди. Вспоминаю об этом легко и без драматизма, потому что в общем-то никакого ущерба мне это в жизни не принесло: недополученное в вузах с лихвой дала Ленинская библиотека, а дипломы в те годы еще не имели большой силы, были, впрочем, и тяжелые дни. Но об этом дальше.

[§ 15. «покорение» Москвы, страсть к чтению]

(26) И в тот осенний вечер 30-го года, смотря с горы бульвара на Трубную площадь, постепенно скрывавшуюся в туманных сумерках, и в летние вечера, когда мы приезжали на Воробьевы Горы любоваться Москвой с этой традиционной позиции, воспетой Герценом и Леонидом Андреевым, и даже с колокольни еще не снесенного Храма Христа Спасителя, — оглядывая огромную непостижимо бесконечную Москву нашей юности, мы не чувствовали себя Растиньяками, хотя уже прочли в первый раз «Отца Горио». Разные позы мы примеривали к себе, но эта поза нам решительно не годилась. <...> Мы не ощущали Москву некой враждебной нам силой. И завоевывать в ней было нечего, потому что она сама слагалась на наших глазах и при нашем участии. Быт нэповской

фактически в его руках было сосредоточено все руководство промышленностью СССР. 19.12.1927 в партийной иерархии Куйбышев достиг высших ступеней, став членом Политбюро ЦК. 10.11.1930 заменен Г.К. Орджоникидзе и назначен пред. Государственной плановой комиссии при СТО (с февр. 1931 — при СНК) СССР (занимал эту должность до апр. 1934).

Жданов Андрей Александрович (1896–1948), советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК ВКП(б) с 1939 г. После войны проводил линию партии на идеологическом фронте в поддержку социалистического реализма. В августе 1946 г. выступил с докладом, осуждающим лирические стихи А. Ахматовой и сатирические рассказы М. Зощенко («Приключения обезьяны»). Зощенко был им охарактеризован как «подонки литературы», а поэзия Ахматовой признана «совершенно далекой от народа». Этот доклад Жданова лег в основу партийного постановления «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Москвы уже почти рассыпался. Какой она будет завтра, угадать было трудно. Разные новшества скользили по ней (вроде «непрерывки»). Начиравшееся строительство метро (уже рылись разведочные шахты) были не штрихом благоустройства, а поэтическим сюжетом времени. Недаром скоро появились о нем поэмы и пьесы. Нам нечему было себя противопоставлять, что так органически необходимо юности. Это задержало наше внутреннее развитие. Рано искусившись всяческой книжной эрудицией и отзвуками политических боев, в которых нам не дано было участвовать, мы поздно созрели. Да и созрели ли? Но это особая тема...

Большую роль в нашей жизни тогда играли читальни. У меня это были сначала читальня им. Тургенева у Мясницких ворот, потом читальня им. Герцена на Петровских линиях и, наконец, Ленинская Библиотека. Еще с 26-го года[,] т. е. со школьных лет, я проводил там изрядную часть своего времени.

[§ 16. его компания того времени]

(28) В промозглый осенний вечер 1930 года у спуска Рождественского бульвара на мокрой скамейке сидело пятеро молодых людей. <...>

Хотелось куда-нибудь пойти, но идти было решительно некуда. Никто не располагал отдельной комнатой, а домашним их сборища давно уже надоели. Расставаться тоже не хотелось. Уверенность в себе каждый из них обретал только в своей привычной компании. Все находились в возрасте, когда потребность в дружбе преобладала над всеми прочими потребностями духа и тела. Все вместе они были красноречивы, остроумны, блестящи и нравились себе. Окончив пару лет назад среднюю школу, они еще не нащупали в жизни своих дорог. Только один из них мог считать себя профессиональным журналистом. Он уже год работал в театральных изданиях репортером и очеркистом. Кроме того[,] он в огромных количествах писал стихи. Прочие стихов не писали. Двое мечтали стать актерами; пока один из них служил монтером на телефонной станции, а другой счетоводом в бухгалтерии маленького завода. Четвертый и пятый работали вместе подсобными рабочими на заводе «Изолятор» и собирались поступать в Гитис на театроведческое отделение.

Один писал критические статьи о стихах первого, а другой добродушно и удачно острил, внося в пылкий и фантазерский дух компании нотку трезвого и мягкого скептицизма. Они называли друг друга Борей, Колей, Фредом, Джемсом и Шуриком. <...> На вечеринках не танцевали, но иногда целовались в темной передней или на лестнице. Заработок не был самоцелью[,] и к отсутствию денег все относились равнодушно. Франтить тоже потребности не было. Иногда Шурик, который уже получал скромный *гонорар*, приглашал остальных в кафэ на Столешниковом и пользовался хозяйскими правами, чтобы вытряхнуть с больной головы на здоровые очередные порции стихов из своих нескончаемых *циклов*. <...>

И в этот осенний сырой вечер на Рождественском бульваре, и в другие подобные вечера больше всего говорилось об искусстве. Казалось бесспорным, что жизнь должна быть отдана именно ему. Сомнений в блестящей будущности не возникало, хотя пути к ней были покрыты туманом, похожим на осенний туман, в который прятался постепенно в тот вечер огромный шумный город со своими огнями и сложной симфонией звуков.

[§ 17. их времяпрепровождение в Москве 30-х годов (написано — около 1955 г.)]

(28) Конечно[,] Москва 25 лет назад была много меньше теперешней Москвы, но в ней не было метро, троллейбусов, автобусные линии были довольно редки, а трамваи тащились медленно и их порой обгоняли еще не исчезнувшие извозчики, кроме того[,] не всегда были деньги даже на трамвай, и еще часто приходилось возвращаться домой в послетрамвайное время, и по всему по этому та Москва, исхоженная пешком из конца в конец (куда не носило дурные головы?) и сейчас в памяти моей живет как город куда более огромный, чем Москва нынешняя. Аберрация памяти, но таково мое реальнейшее ощущение той Москвы. <...> «Версты улиц взмахами шагов мну»... Это был реальнейший образ, лишенный какой-либо гиперболы. Неудивительно, что часто ходил я в рваных ботинках. Разве напасешься обуви на такие концы? Так всю юность три времени года я проходил с промокшими ногами и привык «в обществе» прятать носки ботинок каким

нибудь сложным акробатическим вывертом под кресло или диван. Дело было не в бедности. Зарабатывать я начал рано. Но уже тогда деньги уходили на книги, на подарки девушкам, на что угодно, но не на одежду и обувь. Жил без *быта* в буквальном смысле слова. Бывало, что по месяцам не обедал, пробавляясь сухомяткой. И это тоже не по бедности, а из-за неорганизованности и безбытности. Но может быть, так жилось легче и даже здоровее. Пьянства тоже не было. Пили[,] конечно[,] иногда, но именно *иногда*, и то нас, помнится, больше занимала литературно-обрядовая сторона выпивки как атрибута *богемы*. За целое пятилетие[,] с 28-го до 33-го года, я помню всего только несколько посещений ресторанов: два-три раза «Праги», кажется, «Медведя» на старой Тверской, вниз в подвал, ресторана на углу Столешникова и Дмитровки, «Ливорно» на Рождественке, и это все. Правда, с 1931 года в мою жизнь вошел подвал Театллуба (б[ывшая] «Кружка») в Старом Пименовском,²⁹ но это было другое, да и тоже пьянства там не было. Ресторанное времяпровождение началось с 35 года. Мне тогда было уже 23 года. Это совсем другая «эпоха»: *другая по воздуху, краскам, звукам*. [дописано от руки]

Разных «эпох», совсем различных по настроению, атмосфере, цвету времени было в моей жизни много, даже слишком много. Поэтому она кажется такой пестрой. <...>

Та компания, которую я выше описал, продержалась сравнительно недолго в этом составе и с той густотой концентрации

²⁹ Располагалось заведение в подвале одного из четырех жилых корпусов по адресу Старопименовский переулок, участок 7. В 1927 г. весь этот весьма живописный комплекс был сооружен для членов кооператива «Труженик искусства». А те подвал в строении 3 почти сразу же сдали организаторам так называемого «Кружка друзей культуры и искусства». К концу 1929 г., когда от нэпа остались одни воспоминания, кружок, как его уродливое порождение, прихлопнули. А помещение вместе со всем имуществом и мебелью передали новой общественной организации — «Клубу театральных работников». ...Начиная с 1934 г. клубный ресторан в Старопименовском подвале работал в осенне-зимний сезон. А весной и летом стал переезжать в свой филиал, уютный садик на Страстном бульваре у дома 11, где тогда помещалось журнально-газетное объединение Жургаз, занятое выпуском «Огонька», а заодно и еще трех десятков периодических изданий (<https://history.wikireading.ru/196927>).

чувства дружбы. Уже с 1932 года она рассыпалась, хотя мы все продолжали двигаться и расти почти параллельно друг другу и иногда судьба снова сводила нас. Прошло 25 лет. Боря стал знаменитым драматическим актером. Фред — один из популярных конференсье. Коля — директор театра. Джемс — журналист. Я (он же «Шурик», как меня теперь никто не зовет) драматург, познавший триумфы и поражения. Боря играл в одной из моих пьес, Джемс писал обо мне рецензии, Фреду я часто аплодирую на концертах, а Коля выписывает нам всем контромарки. Встречаясь, мы говорим друг другу «ты» и если не хлопаем друг друга по плечам и животу, то только потому, что слишком хорошо знаем театральные штампы.

[§ 17а. Москва 20–30-х: бульвары]

Через всю мою молодость двадцатых и тридцатых годов протянулись Гоголевский, Никитский и Тверской бульвары — ось моего мира, позвоночник «той», моей Москвы. Пушкин, Тимирязев и Гоголь; Дом Герцена и Дом Печати; кинотеатры, где видано все лучшее от «Броненосца Потемкина» до «Труса»; Художественный, Прага, Унион, Великий Немой, Ша Нуар; устья Тверской, Арбата, Пречистенки, улицы Герцена. Вот в этом доме Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» и умер; здесь молодой Ленин спорил с народниками; тут было общежитие Пролеткульта, а с другой стороны жил Михаил Чехов; вон там жила Ермолова, а позже Т.Л. Щепкина-Куперник. За углом был неповторимый Госет Михоэлса и Зускина с фойе, расписанным М. Шагалом. За другим углом шли мейерхольдовские шедевры «Озеро Люль» и «Доходное место» и многие годы звенел колокольчик бабановского голоса. Реввоенсовет, еще не надстроенный, ТАСС, Университет трудящихся востока, дом, где[,] по преданию[,] разыгрывалась драма Луизы Диманш, любовницы Сухова-Кобылина. Малая Дмитровка с кинотеатром, где шли многосерийные американские трюковые фильмы, Палас, Дом Книги, редакции «Правды» и «Известий», бюро пиваков, ресторан Крыша. На этой оси находились мои первые редакции с кассами, где я получал первые гонорарные рубли: газета «Рабочая Москва», журнал «Даешь», театральные журнальчики «Новый

зритель» и «Современный театр», газета «Кино», газета «Рабочий и искусство», ЖУРГАЗ и ТЕАКИНОПЕЧАТЬ: фанерные полузастекленные перегородки с клетушками для секретаря, машинистки и кассира. Справа — если идти от Храма Христа к Пушкину — по этой оси мира, я жил мальчиком во дворе щукинского особняка с плафоном, расписанным Матиссом и шедеврами Ренуара, Пикассо, Ван Гога, Гогэна, Манэ, а слева, в узеньком Мало-Афанасьевском, юношей снимал клетушку с письменным столом и единственным венским стулом; слева чуть подальше была школа, где я учился, а справа Дальстрой, куда я ходил хлопотать о брате,сланном на Колыму[,] — вся судьба поколения растянулась вдоль этой оси. Сколько свиданий начиналось у Пушкина и Гоголя: тут же брат сообщил мне о гибели Гриши Меклера — первый страшный звонок Рока нашего века, — это было тоже у Гоголя; здесь на скамейках я сидел с Леонидом Лавровым, Павлом Васильевым, Михаилом Светловым, и сколько стихов было прочтено друг другу под звоночки трамвая «А», популярной московской «Аннушки». Закусочные и молочные, где насыщались прожорливые молодые желудки, аптека в конце Никитского, куда заходили не за лекарствами, а звонить из автоматов, чтобы возликовать или омрачиться от ласкового или равнодушного голоса. («Из попутных записей», ед. хр. 60, л. 73) ##

[§ 18. журналистика ради заработка]

(29) Репортерская работа мне давалась нелегко: я был застенчив. Застенчивый репортер это нонсенс, но увы, это было так. Приходя в разные учреждения за информацией, я стеснялся высокомерных секретарш и часто уходил ни с чем. <...>

(30) Когда я вспоминаю литературную Москву двадцатых и начала тридцатых годов, я почему-то сразу вижу Тверской бульвар.

Здесь были первые книжные базары с таким изобилием удешевленной букинистической литературы, которое теперь может только присниться. В разноцветных фанерных ларьках можно было найти все что душе угодно. Поперек бульвара висели транспаранты с ныне забытыми лозунгами, а где-нибудь в конце, окруженный красноармейцами, школьниками и людьми в прорезиненных плохо гнущихся плащах, читал свои стихи Маяковский.

Тут помещался Дом Герцена, вмещавший в себя и богемный ресторанчик, и множество литературных учреждений и редакций. В боковых флигелях жили писатели. Поболтавшись недолго возле дома, вы могли встретить Мандельштама и Павленко, Пастернака и Тренева, Афиногенова и Виктора Кина.³⁰ Подвальный зал ресторана хранил предания о скандалах Есенина. Один из официантов называл его своим дядей, а может, и на самом деле был им, кто знает? Здесь бродил неопрятный старик Свирский и завсегдатаем был бывший издатель «Весов», математик и переводчик Гамсуна Поляков, один из самых загадочных людей, которых я знал. Наверху находилась организация под звучным названием Всероскомдрам. С другого подъезда был вход в «Литературную газету». Всего не перечислить. Неподалеку помещался Камерный театр, подальше старинный особняк, где жила и умерла Ермолова, и где потом жила Т. Щепкина-Куперник.³¹ С другой стороны, неподалеку от Мосгорсуда в трех-четырёх крошечных комнатах помещалось РТО, вскоре ставшее ВТО и построившее три этажа над угловым домом Пушкинской площади и улицы Горького, где было популярное кафе «Пушкин».

Тверской бульвар. Посредине еще стоял деревянный павильон, где летом пили кофе, а зимой грелись окованные парочки. Иногда там в раковине играл духовой оркестр. ##

(31)³² Я не помню своих первых напечатанных строк. Это могло быть в 1928 году в газете «Рабочая Москва» или в одном из тоненьких еженедельных театральных журнальчиков «Новый Зритель» или «Современный Театр». Они помещались в соседних комнатах в большом помещении на первом этаже[,] перегородженном легкими полустеклянными переборками на несколько клетушек[,] в угловом доме, выходившем на пушкинскую площадь и Страстной бульвар. В каждой из комнат стояло несколько письменных столов, тесно

³⁰ Кин Виктор Павлович (настоящая фамилия *Суровикин*, 1903–1938?), писатель, ставший известным после публикации романа «По ту сторону» (1928). АКГ напишет о нем и опубликует статью: *Гладков А.* Виктор Кин и его современники // *Новый мир*. 1965. № 11. С. 213–230.

³¹ Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (1874–1952), писательница, драматург, поэтесса и переводчица.

³² Далее (шрифт и лента) от иной машинки.

прижавшихся друг к другу[,] с наваленными на них в беспорядке рукописями, гранками, клише, фото с намазанными ретушером белыми пятнами. За столами сидели, острая и балагурия, штатные сотрудники редакций, от которых зависело дать мне «задание» и написать на машинописной страничке в левом верхнем углу «в набор». Я взирая на них с благоговением. Это были ветераны театральной журналистики: Л.В. Колпакчи, В.К. Эрманс, М.И. Ильин, М.Б. Загорский и др. <...> Это был канун переломного момента в журналистике. Вместе с нэпом с его эклектическим либерализмом испустили дух эти журнальчики. Начиналась эпоха «социалистического наступления», эпоха пятилеток. Вместо тоненьких журнальчиков появилась газета «Рабочий и искусство», старательно имитировавшая тематические подборки больших газет и вытеснившая политизированной информацией и очерками скромный жанр рецензии. На стыке этих эпох и началась моя журналистская карьера. Мне было 17 лет. Я страстно любил театр, видел по многу раз всех знаменитых актеров и спектакли двадцатых годов, зачитывался Кугелем,³³ а должен был писать язвительные фельетоны о противниках введения в театрах непрерывной недели или очерки о деятельности агитбригад на новостройках. Этот и тому подобный матерьял в те годы оттеснил собственно критику. Наша газета, подражавшая центральным газетам, пестрела цифрами, сводками, подборками, тематическими полосами, заметками рабкоров. Весной 1930 года я напечатал свой первый «подвал» «Театр на посевной», сделанный по стеннограмме совещания агитбригад[,] вернувшихся с обслуживанья исторической посевной 1930 года. Вскоре и мне самому пришлось отправиться «собственным корреспондентом» с одной из таких бригад. Но об этом дальше³⁴...

³³ Александр Рафаилович Кугель (1864–1928), театральный критик, создатель театра «Кривое зеркало». Свои взгляды на театральное искусство Кугель предполагал систематизировать в серии книг, однако их подготовку прервали Первая мировая война и последовавший революционный период, так что Кугель успел выпустить только первую — «Утверждение театра» (1923). Его мемуарные книги — «Литературные воспоминания (1882–1896)» (1923) и «Листья с дерева. Воспоминания» (1926), последняя из которых охватывает период 1896–1908 гг.

³⁴ Возвращения к этой теме далее так и не будет.

Политическое напряжение в стране было очень велико. Беспечность юности мешала мне замечать многое, но когда через десяток лет я прочел талантливый роман А. Малышкина «Люди из захолустья», где очень исторически точно и ясно воссоздана политическая и психологическая атмосфера этих лет, мне казалось, что я узнаю виденное мною тогда. Ничто не давалось даром. Быстрота и кажущаяся легкость моих журналистских дебютов сопровождалась волнениями и сомнениями вдесятеро более мучительными, чем будущие драматургические дебюты и первые шаги. И хотя театр в те годы был лишь далекой периферией большой истории, творившейся на партийных съездах в Большом Театре, в Кремле, в Госплане, в редакциях «Правды» и «Экономической жизни», на полях и на заводах страны, и у нас в нашей заводи аукались залпы тех боев. Опальные оппозиционеры находили себе приют в издательствах и всевозможных литературных и театральных ведомствах. Они держали себя вельможно и давали понять, что временное это поприще их мало интересует [тут как будто обрыв текста]

[§ 19. увлечение театром, новые дружбы; «арбузовщина» и «Красный Плуч»]

(32) Какое это было время! Днем на репетициях Мейерхольда, потом почти на ходу какие-то необходимые дела: редакции, выставки, книжные магазины, читальни; вечером — друзья[,] без которых[,] казалось[,] невозможно прожить и суток: Алексей Арбузов, Валентин Плучек, Исидор Шток,³⁵ Эраст Гарин,³⁶ М.Я. Шнейдер³⁷

³⁵ Исидор Владимирович Шток (1908–1980), драматург, актер, бывший в юности другом АКГ, однако в последние годы тот относился к нему с откровенной неприязнью.

³⁶ Гарин Эраст Павлович, или *Э.П.*, или просто *Эраст* (настоящая фамилия — *Герасимов*; 1902–1980), артист театра и кино, режиссер, сценарист, с 1922 по 1936 гг. — актер Московского театра им. В.Э. Мейерхольда; многолетний друг, постоянный собеседник АКГ. Исполнитель роли *Короля* в фильме «Золушка» (1947). В доме его и его жены, Хеси Александровны Локшиной, АКГ бывал часто в гостях.

³⁷ Шнейдер Михаил Яковлевич (1891–1945), киновед, близкий знакомый молодости АКГ.

и др. или премьеры, или снова в Театре Мейерхольда; ночью после окончания спектаклей — репетиции в студии Хмелева, бесконечные студийные собрания с шиллеровскими чувствами, возвращение домой по ночной, странно красивой Москве, еще часто долгое стояние у ворот некоего дома из красного кирпича на Кропоткинской набережной, гамсуновская (так казалось тогда) сложность влюбленности, дома чуть ли не до утра еще писанье дневника или стихов, или писем к той, с которой только что расстался и завтра неизбежно увижусь. Когда я спал? Да и спал ли? Не помню. Когда находил время читать? Тоже не помню. А читал как всегда много: почти все выходящее из стихов и романов, историю, философию. Как я жил? Тоже плохо помню. В Гостиме я получал мизерное жалование, в Студии не получал ничего. Писал и печатал какие-то статьи о театре и кино, библиографические заметки. Изредка получал *гонорар*. Одевался более чем небрежно. Ел что попало. Пил только изредка за компанию и весьма умеренно. Но все же шлялся по букинистам, ловил книжные новинки, выписывал газеты и журналы. Удивительно емкое, напряженное существование. Жадно поглощал все, что давала мне жизнь[,] и сколько мог тратил. Так длилось три-четыре года, даже пять[,] до лета 1937 года, когда арест брата круто сломал мою жизнь и вернул меня к одиночеству.

Сколько бурь! Ссора и разрыв с Хмелевым,³⁸ борьба вокруг Гостима, бесконечные романтические волнения, сжигаемые рукописи. И при этом необычайно твердая уверенность в себе, в своих друзьях, своих пристрастиях и увлечениях. Лет за 20 до первого серьезного успеха Плучека как режиссера мы с Арбузовым уже считали его самым талантливым. Он платил нам той же монетой. Беспредельно верили друг в друга, беспредельно интересовались друг другом, общество друг друга предпочитали всему на свете. Наша дружба была складчиной всевозможных великолепных открытий в поэзии, литературе, жизни. У каждого были свои любимцы, но почти невозможным казалось восхищаться ими в одиночку.

³⁸ В театре-студии Хмелева АКГ какое-то время работал, по его собственному свидетельству, «ближайшим помощником», но потом, во время раскола студии, «присоединился к “бунтовщикам” и ушел вместе с ними» (Гладков. Планы, наброски, записи к историческому автобиографическому роману. РГАЛИ 2590-1-30, 1960–1970-е гг.; л. 16–17).

Всё тащили за общий стол. Золя, Стендаль, Флобер пришли к нам вместе с Ш.Л. Филиппом, Мориакон, Хэмингуэйм, Рене Клэром, Чаплиным. Наизусть знали «Второе рожденье» Пастернака, вместе ходили слушать читку Бабелем только что написанной «Марии», спорили о «Наших знакомых» Ю. Германа, восхищались Довженко. А сколько шуток, острот, пародий! Все казалось смешным и занимательным. <...> Ездили все вместе на футбол, купаться, шлялись по паркам, ночевали друг у друга, спорили до изнеможенья, а всем посторонним расхваливали друг друга на тысячу ладов. Слабости и чудачества каждого замечались и вышучивались. Арбузова звали «самодуром», был и термин «арбузовщина», были также «штоковщина» и «гладковщина», был «красный Плуч» (от названия клуба, где работал Плучек. Все это были совершенно конкретные понятия, понимаемые с полу-слова).

Арбузов в это время уже миновал пору нищеты и невезенья и был автором прошедшей по всей стране комедии «Шестеро любимых». Вскоре он написал «Дальнюю дорогу» и задумал «Таню». Плучек, расставшись с актерством, работал в полусамодетельном рабочем театрикe при клубе МОГЭСа «Красный Луч», но[,] разумеется[,] считал это только первой ступенькой к славе и бессмертью. ##

[§ 19а. его театральная компания 1930-х]

29 дек. 1934. Все последнее время встречаемся у Плучека и под видом приготовлений к встрече нового года очень весело трепемся о том и сем. Решили в этом году встречать новый год вместе, т. е. Арбузов, Плучек, я и наши присные... # Вокруг нашей «тройки» — Алеша, Валя и я — еще многие. К нам тянутся. И нам вместе хорошо и всегда весело. Надолго ли мы сможем сохранить нашу дружбу? # Если к нам придет, наконец, большой успех — сможем ли мы выдержать это испытание. Или — большая беда? ## [Первой пришла беда, в 1937 г., с посадкой брата АКГ, а успех приходил уже к каждому по отдельности, к АКГ в 1941 г., с его комедией «Давным-давно»; потом они еще будут пытаться сотрудничать, ходить вместе на футбол, кутить в ресторанах, знакомиться с девушками прямо на улице и приглашать их к себе в гости, но позже дружба распадется.]

[§ 20. о храме Христа Спасителя]

По дороге в ВУАП долго стоял на Каменном мосту и смотрел на горы и рвы слежавшейся земли, на кучи каких-то ржавых металлических конструкций на том месте, где был раньше Храм Христа Спасителя. Этот грязный хаос — остатки едва начатого строительства Дворца Советов — обнесен забором со стороны Волхонки и набережной почти не виден, но с моста зато красуется со всем безобразием. Почему это все, наконец, не уберут? Я хорошо помню храм и уютные скверики вокруг него. Там мы часто болтались, удрав с товарищами с уроков[,] и тут же назначали свидания. Помню заутреню 1927 года, теплую весеннюю ночь и толпу со свечками. Сколько лет этому пустырю? Наверно[,] уже больше тридцати... # (РГАЛИ. Ф. 2590. *Гладков А. К.* «Из попутных записей». Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 46.)

[§ 20а. дом на Маросейке]

13 фев. 1937. <...> # Я второй год живу во дворе, где когда-то находилось знаменитое Училище зодчества, живописи и ваянья. Здесь учились Маяковский и Бурлюк. Тут началась их дружба и, можно сказать, здесь родился российский футуризм. Директором училища был художник Леонид Пастернак. «Мне четырнадцать лет. Вхутемас еще школа ваянья». Потом здесь был Вхутемас[,] и не сюда ли приезжал Ленин с Крупской и Варей Арманд³⁹ и спорил с вхутемасовцами о Маяковском? Здесь в маленьком флигельке живет фантаст Татлин, друг Хлебникова. Сюда мы приходили к нему в январе 33-го года с О.М., когда начинался наш роман[,] и целыми вечерами сидели у него, а старый чудак давал нам трогать разные «фактуры», т. е. попросту обрубки дерева. Здесь жили Н. Асеев и А. Родченко и А. Лавинский и теперь еще живут художники: Левин, Храковский, Машкевич и другие. В журнале «Новый Леф» этот дом запечатлен Лейкой Родченко в самых необыкновенных ракурсах. Сюда приходили в одну «роковую неделю» в 1935 году к П.И. Новицкому мятежные хмелевцы со мной

³⁹ Арманд Варвара Александровна (1901–1987), младшая дочь Инессы Арманд; заслуженный художник РСФСР, член Союза художников СССР.

и П.В. Вильямсом по вопросу о будущем студии, и он нас сначала обнадежил, а потом обманул. Здесь и сейчас живут А. Крученых, С. Гехт и другие. (ед. хр. 78, л. 34) ##

[§ 21. впечатление от службы митрополита Александра Введенского]

Из любопытства собрался в этом году <1940> пойти на пасхальную заутреню. Мне сказали, что в церкви в одном из переулков на Долгоруковской будет служить сам митрополит Введенский. Это дело решило[,] и я отправился вместе с И.З.⁴⁰ Еще нет одиннадцати, а вся паперть и пространство за оградой полны народом. Еле протискиваемся в церковь — там битком набито. В церкви скудное электрическое освещение. Продают красные свечи, но они так тонки и хрупки, что тают от прикосновения руки еще до того, как их зажжешь. Представлены все возрасты, но преобладают пожилые и совсем молодые: гораздо меньше тридцатилетних и около того [каковым и был в то время сам АКГ, потому это и отмечает]. Есть старухи в платках, есть и модно одетые девушки, которых[,] кажется[,] видел в Национале или Метрополе. Вот зажигается большая люстра. Все друг от друга зажигают свечи. Начинается служба. Митрополиту Александру Введенскому на вид лет 47–48. Он здоровый, упитанный, похож на одного из последних Бурбонов. Нос типично бурбонский. Голос высокий, резкий, с визгливыми нотками. Служит он быстро, суетливо, аффектированно и вместе с тем рассеянно. С ним молодой протодьякон с туповатым лицом, в воротничке с галстуком под стихирем. В толпе говорят, что это сын митрополита, студент какого-то института. Дикция у сына плохая и голос неважный, ниже отцовского. Отец его все время дергает, довольно заметно и без стеснения, то торопит, то задерживает. Когда поет хор, то митрополит шевелит губами, словно бормоча молитву и вознося глаза к потолку, потом вдруг быстрый взгляд в толпу и снова глаза вверх. Можно сказать, что человек он скорее яркий, чем глубокий, и «позер». В самой службе никакого знакомого по провинциальному детству благолепия и чувства. Присутствующие (не могу сказать «молящиеся») и толкаются и бранятся,

⁴⁰ Возможно, имеется в виду Игорь Зубковский.

почти как в трамвае. Нет спокойствия и «чина»[,] присущего русской православной службе, и больше любопытства, чем благочестия. И хор поет неважно и как_то торопливо. Крестный ход вокруг церкви запрещен. Постояли в предверии храма перед закрытыми дверьми[,] и все. Назад я еле выбрался. А вокруг толпа еще увеличилась и все прибывает. (1940 г.) ## (там же, л. 22).

[§ 22. Автобиография. 1972]

(16–20) Александр Константинович Гладков

Член Союза Сов[етских] Пис-й.

Автобиография

Родился 30 марта 1912 года в городе Муроме на Оке. Отец — инженер, в молодости социал-демократ: был исключен за революционную работу из Технологического института в Петербурге и около года сидел в Крестах. Потом был выслан под надзор на родину. Во время войны на фронте, прапорщик. Мать — дочь военного врача, кончила Александровский ин-т в Москве, служила до замужества гувернанткой; когда отец был на фронте, работала страховым агентом. После февральской революции отец был избран по списку соц. демократов городским головой г. Мурома и отозван с воен. службы. Занимал эту должность до октябрьской революции: после работал зав. фин. отделом муромского совета рабочих и крест. депутатов. Затем перешел на работу в мест. промышленность, потом был переведен на руководящую работу в металлообрабатывающую промышленность. После 1917 г. — беспартийный. В начале 1925 в связи со служебным перемещением отца в Москву наша семья тоже переехала в Москву.

Я учился сначала в муромской городской школе, потом в 9-й школе МОНО им. Т. Эддисона (б. Медведниковская гимназия), которую закончил в 1928 году. Учился на Милютинских курсах, работал рабочим на фабрике Мосдрева на Каланчевской улице, в Моспогрузе и пр.

Выдержал экзамен на Режиссерский фак-т Гос. Института Кинематографии, но не был зачислен.

С 1928 года печатал заметки и репортажи сначала как рабкор, затем как литсотрудник. Сотрудничал в журналах «Новый зритель»,

«Современный театр», газете «Кино», газете «Рабочий и искусство», в «Рабочей Москве», «Комсомольской правде» и других изданиях. Первое стихотворение напечатано в 1929 г., первый газетный «подвал» [—] весной 1930 года.

Писал стихи, принимал участие в кружке поэтической молодежи при «Комсомольской правде», познакомился с В. Маяковским: он проводил меня на свои вечера, однажды читал в его присутствии стихи[,] ему посвященные. Его смерть — для меня биографический этап. Когда его тело находилось в Клубе ФОСП-а (ул. Воровского, 52),⁴¹ я почти не уходил оттуда. # С весны 1930 — профессиональный журналист.

С самых ранних лет я был страстным театралом. В конце 1924 года заболел мой брат[,] и меня отправили из Муром к отцу в Москву. Прожил два месяца в гостинице «Балчуг» и почти каждый день бывал в театре. Успел видеть в Малом Давыдова, «Гадибук» [почему-то зачеркнуто] в Габиме,⁴² «Ревизор» с М. Чеховым в МХТ-е и множество маленьких, вскоре исчезнувших театриков, и в дальнейшем, учась в школе, я удирал с уроков, чтобы не пропустить ни одного спектакля, который казался мне интересным. Можно сказать, что между 1925 и 1933 годами я видел все премьеры московских театров, а самые любимые спектакли видел множество раз. Видел и всех приезжавших в Москву гастролеров.

<...> Одно время тоже хотел стать актером, но журналистика захватывала всего. Продолжал писать стихи, но уже только для себя.

⁴¹ ФОСП — Федерация объединений советских писателей (ул. Воровского — ранее и ныне: Поварская).

⁴² Пьеса «Гадибук» («Дибук», или «Между двух миров») поставлена Вахтанговым в 1922 г., представляет собой примитивную наивную мелодраму, окрашенную сентиментально-народническим колоритом. Автор — *Ан-ский* (С.А. Раппопорт), беллетрист-народник, ученик Глеба Успенского, бывший секретарь Лаврова, близкий к журналу В.Г. Короленко «Русское богатство».

«Габима» — еврейская театральная студия, созданная первоначально в Вильне (Вильнюсе), в которой играли пьесы на иврите. Станиславский одобрил это начинание и даже выделил «Габиме» студию при МХТ. Однако в 1927 г. большинство актеров через Европу перебрались в Палестину. В 1946 г. театр получил собственное здание в Тель-Авиве.

В 1931 году начал писать первую пьесу. Постепенно и газетная работа тоже сконцентрировалась в области театральной критики, образовались профессиональные связи, начал выступать на диспутах и пр. Не имея высшего образования, работал «научным сотрудником» Главного Управления Театрами. Но любовь к театру постепенно влекла меня вглубь театрального дела[,] и я начинаю заниматься в группе театральной молодежи «системой Станиславского» у Е.С. Телешевой, знакомлюсь с Н.П. Хмелевым и вхожу в число основателей молодой студии Хмелева, впоследствии трансформировавшейся в Театр им. Ермоловой. Там я работаю зав. литер. частью и режиссером-ассистентом.

(17) [2] Несколько лет был ближайшим помощником Н.П. Хмелева, потом в студии произошел бунт и раскол, я присоединился к «бунтовщикам» и ушел вместе с ними. Но в это время я уже работал так-же в Театре им. Мейерхольда. В.Э. Мейерхольд услышал на одном театральном диспуте мое выступление и позвал меня к себе. Там я тоже сначала числился «научным сотрудником», потом стал заведовать НИЛ-ом (Научн. Исслед. Лабораторией), исполнял обязанности завлита, преподавал в техникуме театра, стал[,] режиссером-ассистентом. В.Э. М-д очень приблизил меня к себе[,] и трудно перечислить, чем я только не занимался, помогая ему. Все эти годы я не расставался с блокнотом и карандашом и записывал многое из того, что слышал от него. Эти записи мне удалось сохранить[,] и большая часть из них впоследствии была опубликована и переведена на 12 языков. Близость к Мейерхольду я считаю самым большим «везением» моей жизни. Она продолжалась с 1934 до его гибели.

Непосредственная работа в театрах отвлекала меня от занятий театральной критикой, хотя я изредка писал рецензии и статьи, и печатался.

Продолжал я так-же и учиться драматургии, хотя и не торопился выступить. С 1931 по 1939 год я написал один и в соавторстве 9 больших пьес, но оставался неудовлетворенным ими, хотя некоторые из них даже принимались театрами и находили отклик в печати. # Был я так-же в числе основателей Московской Театральной студии (вместе с А.Н. Арбузовым и В.Н. Плучеком),

и даже являлся первым редактором коллективной пьесы студии «Город на заре». Но к моменту выхода этого спектакля я от работы в студии уже отошел.

Вокруг меня произошел ряд драматических событий. В 1937 году был арестован мой брат, журналист и критик Лев Гладков.⁴³ Это очень быстро аукнулось на моей журналистской деятельности: меня из перестраховки перестали печатать. Наросли события и вокруг В.Э. Мейерхольда. Было ясно, что театр идет к катастрофе. Я боялся, что мое положение брата «врага народа» затруднит отношение В.Э. Мейерхольда ко мне[,] и решил до лучших времен уйти в «отпуск без сохранения содержания». Это было за полгода до драматического закрытия театра и ошельмования его как «чуждого народу». Наступили трудные времена. Меня не печатали, ГОСТИМ был закрыт, был без работы и В.Э. Мейерхольд. Я начал работать в небольших самостоятельных студиях и театрах («Юношеский театр» в Болшеве и др.), был завлитом передвижного Современного театра и даже худруком Московской Эстрады. Изредка мне удавалось печататься в незаметных изданиях. Писал эстрадный репертуар: куплеты и частушки.

Так продолжалось до осени 1940 года, когда я начал писать пьесу в стихах о девушке-гусаре и постепенно сосредоточился целиком на этом. Моим родным (кроме мамы) это казалось эксцентричной авантюрой, но я увлекся всерьез и в самом конце 1940 года, в немыслимо короткий срок, пьеса была закончена. Я назвал ее «Давным-давно». Когда я дописал ее, у меня не было денег на перепечатку[,] и я для этого продал семитомное издание «Отечественная война и русское общество», великолепные иллюстрации которого так помогали мне в работе над пьесой, в... библиотеку Мосфильма. Через двадцать лет Мосфильм поставил по моей пьесе фильм «Гусарская баллада»[,] и я увидел знакомые тома в руках постановочной бригады.

⁴³ Гладков Лев Константинович (1913–1949), или *Лёва*, родной младший брат АКГ, был арестован 16 июля 1937 г., умер через несколько лет после возвращения (1945) с Колымы.

«Давным-давно» была очень скоро принята Н.П. Акимовым⁴⁴ для его театра Комедии, а в Москве театром Революции для М.И. Бабановой.⁴⁵ <...>

Война все изменила. Театры вскоре оказались в эвакуации, а меня судьба забросила на несколько зимних месяцев в Чистополь на Каме: я из-за сильнейшей близорукости с юности был невоеннообязанным. В Чистополе я близко познакомился с Б.Л. Пастернаком. Эту встречу я считаю вторым большим «везением» моей жизни. Мы говорили с ним о многом[,] и я эти разговоры так-же записывал. В Чистополе я узнал, что 7-го ноября в осажденном Ленинграде акимовский театр Комедии показал первую премьеру «Давным-давно» (под названием «Питомцы славы»). Об этом я прочел в «Правде». Вскоре в Чистополе меня разыскал Центральный Театр Красной Армии, тоже собравшийся поставить «Давным-давно»[,] и вызвал в Свердловск, где он находился.

(18) В Свердловске мы с А.Н. Арбузовым закончили пьесу «Бессмертный», начатую еще в Чистополе — о московских студентах, ставших партизанами. <...>

В 1945 году Театр Вахтангова и Большой Драм. Театр в Ленинграде поставили мою пьесу «Новогодняя ночь» («Жестокий романс»). Пьеса и спектакль вызвали большие споры и через некоторое время были исключены из репертуара московских, ленинградских и периферийных театров. Только в 1971 году в академическом шеститомнике «История советского театра» критика пьесы была признана в значительной степени преувеличенной и ошибочной.

<...>

1 окт. 1948 г. я был арестован. Освобожден в августе 1954 г. И позднее полностью реабилитирован по ходатайству Союза писателей.

⁴⁴ Акимов Николай Павлович (1901–1968), театральный художник, режиссер и педагог, живописец и книжный график. Создал в 1935 г. в Ленинграде Театр Комедии (с 1989 г. театр носит его имя).

⁴⁵ Бабанова Мария Ивановна (1900–1983), актриса театра и кино, педагог.

С 1949 по 1954 г. я пребывал в Каргопольлаге. Находился там на общих работах, работал в больнице и зав. вещевым складом, но большую часть времени работал главным режиссером профессионального внутреннего театра, в труппе которого в разное время находились известные актеры, так-же «заключенные»: Т.К. Окуневская, М.О. Эппельбаум, А.Д. Бойко и др., а так-же очень хорошие музыканты. Поставил там много драматических и музыкальных спектаклей и объездил с ними много лесных лагпунктов в Архангельской области. Некоторые спектакли шли по 50–60 раз. В лагере начал писать пьесы «Зеленая карета» (в стихах) и «Путь в Миссолунги» (Смерть Байрона).

«Давным-давно» все это время была исключена из репертуара театров страны, но зато шла сделанная по пьесе музкомедия «Голубой гусар».

После моего освобождения пьесу сразу возобновили ЦТСА и заново поставил ленингр. театр Комедии и другие театры.

(19) <...>

В 1955 году был реабилитирован В.Э. Мейерхольд[,] и я сразу начал работать над восстановлением и редактированием своих записей о нем, а так-же над воспоминаниями. Записи «Мейерхольд говорит», представляющие свод записанных мною высказываний В.Э. Мейерхольда, начали печататься в журнале «Театральная жизнь», потом печатались в журнале «Новый мир» (№ 8 за 1961 год), в сборнике «Тарусские страницы» (1961 г.)⁴⁶ и в журнале «Нева» (№ 2 за 1966 г.). # Они были переведены на английский, итальянский, французский, немецкий, чешский, сербский, греческий, польский и др. языки.

<...>

Работа над мемуарными жанрами в 60-х годах становится едва ли не главным моим делом. <...>⁴⁷ «Необходимость и границы вымысла» (ВЛ. 1965. № 9), «На полях книги Андре Моруа»

⁴⁶ «Тарусские страницы» — альманах, изданный Калужским книжным издательством. Был образцом допустимого для того времени в печати свободомыслия.

⁴⁷ АКГ перечисляет многие свои статьи.

(Альманах «Прометей» Т. 5), «Не грозит ли смерть театру?» (ЛГ 66 17 нояб.).

Выступал со статьями на темы литературы и театра. Основные: «В прекрасном и яростном мире» (об А. Платонове. «Новый мир» 1963) <...>

С конца 50-х годов я начал работать в кино. Сценарий «Бумажные цветы» <...> [«Аллерт», «Гус. б.»]

(20) В 1964 на студии Ленфильм режиссер В. Аксенов поставил фильм по моему сценарию «Возвр[ащенная] музыка» — (отчасти по пьесе «Первая симфония»). Сценарий этот долго и мучительно переделывался и ухудшался от варианта к варианту. На первом просмотре фильма я в середине ушел из просмотрового зала и уже никогда не смог заставить себя увидеть его до конца. К счастью, фильм был выпущен маленьким тиражем и его мало кто видел. Впрочем, были две бранные рецензии, совершенно справедливые.

В 1967 году на студии Ленфильм режиссером Я. Фридом поставлен мой сценарий «Зеленая карета».⁴⁸ Замысел этой пьесы относится к середине сороковых годов. В 50-х годах я писал об этом пьесу в стихах, но бросил. Потом пьеса трансформировалась в киносценарий.

В конце 1970 года закончил долгую работу над пьесой «Молодость театра» — о судьбе Евгения Вахтангова и начале 3-ей Студии МХТ. Замысел ее восходит к 1946 году. Начал писать ее в 1962 году, но писал с большими перерывами. Меня останавливало то, что еще живы многие свидетели описываемых мною событий. Я бесконечно уважал их, но опасался ворчливой критики. Но приближался юбилей т-ра Вахтангова. Руководство театра прослышало о пьесе и буквально уговорило меня показать ее им. И случилось так, что «старики», «очевидцы» (как и молодежь) приняли ее очень тепло <...>.

<...>

⁴⁸ Фрид Ян Борисович (1908–2003), режиссер фильма, снятого по сценарию АКГ, «Зеленая карета» (1967).

Я был знаком и близок со многими замечательными людьми. Считаю своим долгом постепенно рассказать о них то, что помню.

<...>

Загорянская. Июль 1972 [подпись]

[§ 23. о детстве («Из попутных записей», ед. хр. 60, л. 87)]

В детстве лето казалось жарче и зимы холоднее, и грозы сильнее, и огурцы вкуснее. ##

[§ 24. возможная концовка]

(126) Моральная и психологическая катастрофа 1937 года переживалась мною мучительней и острее, чем самые страшные дни войны. Вероятно[,] это объясняется тем, что летом 37 года все случившееся [здесь запись АКГ не окончена: это последний заполненный лист архивного документа]

Илл. 6–7. Мать Гладкова в саду с собачкой <1930–40-е?>.
Отец и мать Гладкова на даче в Загорянке, 1950-е

Глава II

НАБРОСКИ — О МАЯКОВСКОМ, ЦВЕТАЕВОЙ, АХМАТОВОЙ

«Я боюсь этих строчек тысячи,
Как мальчишкой боишься фальши»

Маяковский

О, прекрасная, нищая, полуголод-
ная юность конца двадцатых годов!

АКГ (РГАЛИ. Ф. 2590.

Оп. 1. № 411. Л. 50)

По его собственному признанию, Гладков считал любимыми поэтами троих — Маяковского, Мандельштама и Цветаеву. К сожалению, ни о ком из них ему не довелось оставить законченного при жизни текста. Хотя он собирался это сделать. И писал — по крайней мере, о двоих из них. Правда, о Цветаевой его заметки рассеяны только в дневниках и письмах. Статью о Мандельштаме в наше время пришлось восстанавливать по рукописи и машинописям из архива: у нее не было даже окончательного названия, вместо него было только несколько рабочих вариантов. То же самое можно сказать и о его тексте с воспоминаниями о Маяковском: во-первых, этот незаконченный текст лежит внутри набросков Гладкова к автобиографическому роману и трудно отделим от них, а во-вторых, имеет несколько предполагавшихся набросков названий: «Маяковский», «О Маяковском», «1930, Маяковский, юность», «Год тридцатый, Маяковский, юность»... Есть также упоминания о некоторой составной части плана романа, куда он мог входить:

Полифонический исторический роман о России (трилогия)...
<...> Тут и апология русской интеллигенции[:] нечто вроде анти_Клим Самгин, но отнюдь не анти_горьковское, а наоборот, все горьковское. Второй том — Маяковский¹.

Однако ни роману, ни статьям, ни законченным воспоминаниям — как и многому другому у этого талантливой и широко ода-ренного человека — так и не суждено было появиться. Вероятно, оттого, что он

...любил людей талантливых. Был буквально влюблен в чужие таланты и был их фанатом. И был заложником этой своей любви, так как чужая гениальность делала его собственные способности будничной посредственностью.²

Вот, например, его собственное заявление («Из попутных записей»), сделанное, по-видимому, после освобождения из лагеря:

Я буду последним остолопом, если не напишу романа о нашем лагерном театре, пусть даже его никто никогда не напечатает³...

Но ведь так и не написал! После смерти АКГ его приятельница Цецилия Кин издала подборку фрагментов его незаконченных текстов, дав им название «Из попутных записей». Туда, в частности, вошли и несколько страниц о Маяковском⁴, но это были лишь избранные отрывки: как их объем, так и очередность, и связи между собой — всецело на совести тогдашнего публикатора.

В главах II, III и IV ниже нумерация, порядок и параграфы фрагментов, в которые организован текст этих восстановленных работ АКГ, условны: в оригинале их не было. Они внесены публикатором, в целях создания целостной композиции. Кроме всего прочего, мне показалось невозможным отделить эти воспоминания — о голосе, манере поведения, о встречах и, на-

¹ Машинопись с заголовком «А если все_таки роман!» и датой в верхнем правом углу: «20.8.46. М.» // РГАЛИ. Ф. 2890. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 1.

² Борис Углицких. Безымянное бессмертье (запоздалый реквием по забытому таланту) — <http://www.proza.ru/2015/04/01/1822> (февраль 2013 г.)

³ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 60. Л. 39.

⁴ Гладков А. О Маяковском // Вопросы литературы. 1976. № 8. С. 169–176.

конец, о разговоре с Маяковским во время прогулки по ночной Москве — от тех воспоминаний о юности Гладкова, с которыми этот текст сливается в архиве автора. То же касается подборки отрывков из дневника АКГ в главах о Цветаевой и Ахматовой. Числа в скобках перед фрагментом указывают листы архивной пагинации по следующей архивной единице хранения: «Планы, наброски, записи к историческому автобиографическому роману» (автограф и маш-сь; 129 л.: 1960-е — 1970-е гг. // РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 30). В тех случаях, когда пагинация двойная, первое число обозначает авторскую, а второе — архивную пагинацию.

<Тридцатый год, Маяковский, юность>

(републикация по тексту, восстановленному из архива)

[§ 1. свидетель времени: хроника слушателя выступлений Маяковского]

(18) 1927 г.

23 марта — в Политехническом доклад В. Маяковского «Леф и блеф»

20 окт. Там же. Чтение «Хорошо».

8 нояб. Красный зал МК[,] М[аяковский] читает на ком-сом[ольском] литературном вечере

1928 г.

18 мая. В горсуде на деле Аврущенко и др. Видел Маяковского.

10 сент. Красный зал МК. Вечер М. перед отъездом за границу.

26 сент. Политехнический. «Левей Лефа»

1929 г.

10 янв. Дом Печати. Чтение «Клопа» ##

[§ 2. фрагменты из дневника, или запись событий 1929–30 гг.]

(9) 11 янв. 1929. Вчера был в Доме Печати на чтении Маяковским его но[вой] пьесы «Клоп». У меня не было билета, но таких, как я, безбилетников собралось порядочно[,] и мы прорвались сквозь контроль. Мне даже удалось устроиться в 3-ем ряду. #

22 янв. У меня снова полоса увлечения Маяковским. Вчера наизусть прочел Оле и ее подругам «Люблю». Бывший там какой-то каганшабшаевский студентик Боря заявил, что это грубо, и вообще не поэзия, и мы с ним сцепились так, что только перья летели в воздух. После провожал Олину подругу Катю[,] и она мне сказала, что я «ее влюбил в Маяковского». #

(25) 9 июня. На Книжном базаре на Тверском бульваре видел, как Маяковский продавал книги. ##

(32) 13 авг. Держу экзамены в МГУ. Выдержал первые три, но боюсь за устное обществоведение. #

(34) 25 авг. На стадионе Динамо[,] только что открытым[,] видел Маяковского. ##

(88) 10 апр. 1930. Подаю заявление в ГТК.⁵ 400 желающих на 50 мест. Не очень верю в свое поступление, но надоело сиденье между трех стульев и рабкоры и пр.

<...>

14 апр. Смерть Маяковского [об этом отдельно ниже, § 9]

(89) 17 апр. День похорон. Утром был в ГТК. Выдерживаю и получаю справку, что принят. <...>

Начало занятий 3-го мая. Счастлив.

22 апр. Экзамен в ГТК. Выдерживаю и получаю справку, что принят.

6 мая. Узнал, что «отчислен из ГТК» ввиду того[,] что у меня не_достаточен рабочий стаж и пришлось принять без испытаний каких_то командированных из среднеазиатских республик. Потрясен. Мысли о самоубийстве.

[§ 3. калейдоскоп памяти]

(33) Я был на первой читке Маяковским «Бани» в Доме печати, на чтении Пастернаком «Спекторского» в Клубе ФОСПа, на чтении Бабелем пьесы «Мария» и рассказа «Улица Данте» в Литерат. музее. Я помню многие диспуты с участием Мейерхольда, в том числе длинное, кажется, двухдневное собрание в бывшем помещении Театра Сатиры после статьи «Сумбур вместо музыки», открывшее бой с «формалистами». Я хорошо помню тоже двухдневный доклад Андрея Белого о постановке во МХТе «Мертвых душ» в помещении столовой Дома Герцена. А Театральное Совещание Раппа, а Первый Съезд Писателей. Я слышал, как Сельвинский читал «Улялевщину», а Багрицкий «Весну» и «Контрабандистов». Я помню вечер О. Мандельштама в Доме Герцена. Я слышал, как Вишневский читал «Последний, решительный», а Ю. Олеша «Список благодеев». Я был

⁵ Государственный Техникум Кинематографии. Позже, с 1934 г. — Всесоюзный государственный институт кинематографии (ВГИК).

на открытой партийной чистке в Жургазе,⁶ когда Мих. Кольцов два часа рассказывал свою биографию. Я помню, как изгоняли из секции драматургов Киршона и Афиногенова. Я помню, как Эренбург читал свои юношеские стихи. Все эти вечера, а также многие другие стоят того, чтобы быть описанными. Это уже почти история[,] и, не будем приbedняться, история блестящая. <...> Еще подростком я видел в 1927 году демонстрацию оппозиционеров на балконе дома на ул. Коминтерна и как Смилга защищал палкой от половой щетки портрет Троцкого. Я видел в кабинете директора ГИХЛа барственного Каменева в шубе и бобровой шапке и Бухарина и Рыкова на процессе в Георгиевском зале Дома Союзов. Я помню, как взрывали храм Христа Спасителя и открывали первую очередь метро. Я помню день 16 октября 1941 года в Москве и 10 мая 1945 года. <...> Я помню окающий бас Горького, певучий тенор Барбюса, медлительную речь Сталина. Я помню, как рано утром 6 июля 41 года[,] выйдя с перрона Северной дороги у станции метро[,] я услышал вместе с взволнованной толпой по радио слова Сталина «Братья и сестры...» и потом как в огромной паузе булькал наливаемый в стакан Боржом... Разве это забудешь? Разве забудешь, как качали Рокоссовского на Красной площади 10-го мая? Разве забудешь нахохлившегося Мейерхольда, сидящего на каких_то ящиках за кулисами в вечер последнего спектакля «Дамы с камелиями»? <...> Я ездил с Татлиным в какой_то монастырь, где в одной из башен, отведенной ему Моссоветом, он показывал мне свой Летатлин и рассказывал о своем друге В. Хлебникове. ##

[§ 4. юность и Маяковский]

(49) Я страстно любил Маяковского с середины двадцатых годов, с переломного мальчишеского возраста, перефразируя слова М. Светлова, другом его не был, но только бродил по следам (50), т. е. по многочисленным выступлениям, а в последнюю зиму его жизни мне даже удалось (правда[,]) почти «шапочно») познакомиться с ним. Произошло это без всяких усилий с моей стороны —

⁶ Государственное журнально-газетное объединение «Жургаз» Наркомата просвещения РСФСР.

я был несмел и застенчив. Как и Мейерхольду, я до прямого знакомства с ним просто примелькался. Вероятно[,] он запомнил меня, неизменно торчавшего на вечерах, сначала у контроля с просьбой «пропустить», а потом в первых рядах, на случайно свободном месте или на ступеньках лестницы в Политехническом.

О, прекрасная, нищая, полуголодная юность конца двадцатых годов! Мы не были пай-мальчиками <...>.

Но причем здесь Маяковский? А вот в том_то и дело, что — притом... Все это вместе — и дыш[а]щая жаром современность, и наши раскрытые ко всем впечатлениям души, и потребность в правде и чести, и детская радость от всего «завтрашнего», вторгавшегося в «сегодня» (от наивного небоскреба Моссельпрома на углу Кисловских и улицы Коминтерна до первых разговоров о метро)[,] и тяга к здоровью, к духовной чистоплотности, брезгливость к шовинизму, взяточникам, начетничеству и цитатничеству, редкий и удивительный юмор и ощущение любви не как романа, а как трагедии — все это было им, Маяковским, *в единственном по силе выражении*.

[§ 5. к воспоминаниям о М.]

(51) О Маяковском

Мне было двенадцать лет. Наша семья незадолго до этого в связи со служебным переводом отца переехала в Москву. Однажды отец привез мне и брату билеты на доклад Радека о международном положении в Доме печати. После доклада должен был быть концерт. Собственно из_за концерта_то он и дал нам с братом эти билеты. Это было в декабре 1925 года[,] перед 14-м съездом партии. Радек был активным оппозиционером[,] и[,] наверно[,] в докладе было нечто сенсационное: маленький зал был набит битком. Но самого доклада я почти не помню, кроме того, что в нем все время мелькало слово «Гоминдан».⁷ Помню внешность Радека: очки, странную бородку и невероятный

⁷ *Гоминдан* (буквально — национальная партия). Национально-демократическая партия в Китае, игравшая руководящую роль в Синьхайской революции 1911 г. и правившая на большей части страны в период с 1926 по 1949 г.

акцент. Он острил[,] и в зале все время смеялись. Мы с братом тоже смеялись, но с нетерпением ждали начала концерта. Но концерта не было. Вместо этого объявили, что приехавший изза границы Маяковский прочитает свои новые стихи.

Потом я много раз слушал Маяковского в этом маленьком белом зале, но еще больше я слушал его в Политехническом. Слушал я его и в полуподвальном зале Дома Герцена, и в Театральном клубе на Пименовском, и [видел] в зале клуба ФОСП-а, где он в апреле 1930-го года лежал мертвым. Слушал я его и на книжном базаре на Тверском бульваре, и на площадке строительства Красного стадиона на Ленинских горах (сейчас там проходит мост метро), и на каком-то празднике в Сокольниках, на дощатой эстраде. Большею частью это было неслучайно: я искал случаев еще раз послушать его. Никого из поэтов я не слушал так часто, как его. Можно называть это везеньем, но это везенье началось с того, что моя юность совпала с его расцветом. Все было естественно, так[] же, как ездить на трамвае «А» — жить в Москве и слушать Маяковского. Не нужно преувеличивать, что на его выступления было трудно попасть. Кто хотел, попадал всегда. За все эти четыре с половиной года я только раз не сумел пройти в Политехнический, да и то потому[,] что не очень старался: у меня в тот вечер отчаянно болел зуб. Московские мальчишки конца двадцатых годов, мы проходили куда угодно и обманывая администраторов, и хитря с контролерами, и применяя всевозможные уловки, и протискиваясь «рывком», и — реже всего — покупая дешевые входные билеты. Сейчас из исторической дали[,] вероятно[,] кажется, что все поколение было влюблено в Маяковского, как я. Грубо говоря, это верно, но на всю нашу огромную школу, где было по три и четыре параллельных групп, таких, как я, в последних группах было всего двое — и это на полтора-два или больше мальчиков, в одной из лучших школ Москвы. <...>

[§ 6. о манере чтения М.]

(52) Есть вещи, которые навсегда исчезают из истории, — их никто не записывает, потому что современники думают, что это всем известно.

Все знают, что Маяковский великолепно читал свои стихи, но почему-то никто не рассказывает, **как** он читал. Это трудно забыть и кажется общеизвестным, но помнящих это становится все меньше и близок день, когда не останется вовсе.

Что было главным в чтении Маяковского, кроме силы и красоты голоса и особенного, неповторимого тембра, к которому (53–54) одинаково не подходят популярные эпитеты: «бархатный» или «стальной». Для «бархатного» он был слишком мужественным, для «стального» — теплым. Он чаровал своей уверенной силой и свободой, не знающей усилия и пределов. К нему невозможно было привыкнуть: он удивлял каждый раз заново при первых же звуках, сколько бы раз н[и] слышал его раньше. Главным — было легкость и естественность интонационных переходов и весь тот невероятный по огромности диапазон оттенков от интонации разговорной, бытовой, комической до патетики несравнимой си<лы>. Я отчетливо помню, как он читал, например, «Разговор с фининспектором о поэзии» — это было одно из самых богатых его исполнений речевыми красками. Интонационные слои сначала менялись большими кусками — от бытового и комедийного в своей подчеркнутой вежливости начала — до торжественно-монологического, от гнева до горечи, от шутки до лирического откровения — потом смена их шла чаще и острее — несколько интонационных красок в пределах одной «строфы». Переходы брались без разбега, с той полной естественностью, которая повторяла движение мысли, ибо мыслью как питающей энергией жило и пульсировало это удивительное чтение. Не хотелось называть это искусство чтением, как не хочется называть пением искусство Шаляпина. Поэты чаще всего читают ритмически остро, но однообразно, почти монотонно (хотя в этом однообразии есть своя выразительность: на ее фоне любой едва заметный интонационный ход кажется событием, как в «Болеро» Равеля). Крайним выражением этой манеры было[,] видимо[,] чтение Блока. Я слышал в конце двадцатых годов запись на восковом валике — с чтением им стихотворения «Девушка пела в церковном хоре» — кажется, потом эта уникальная запись погибла — это был крайний полюс тому, что можно назвать манерой Маяковского. Этой манере подражали[,] и всегда неудачно: дело было не в «приемах»,

а в индивидуальности. Я слышал, как читали О. Мандельштам, Э. Багрицкий, И. Сельвинский, Н. Асеев,⁸ Д. Петровский,⁹ А. Ахматова, Б. Пастернак, [фраза незакончена]

[§ 7. впечатление от встречи и разговора с М., восстановленное задним числом:]

(55) Сейчас я сам с трудом верю, что это было, — что я шел ночью с Маяковским вдоль китайгородской стены, провожая его из редакции «Комсомольской Правды», и мы говорили о стихах, и он читал наизусть одно за другим стихотворенья Блока, Ахматовой, Гумилева. Был морозный вечер ранней бесснежной зимы. В воздухе вились редкие снежинки. На мне был резиновый старенький плащ, но мне не было холодно. Мы дошли до Ильинских ворот, Маяковский резко повернул[,] и мы пошли обратно. Несколько раз мы прошли в оба конца мимо стареньких деревянных ларьков[,] где днем торговали букинисты. Встречные прохожие с удивлением оглядывались на громкий хорошо поставленный голос поэта, но он не обращал на них решительно никакого внимания. Потом он неожиданно простился, перешел проезд, оглянулся, точно уверенный, что я еще не ушел, помахал палкой и скрылся за углом Политехнического музея.

Я помню ночной замирающий грохот города, скрежет позднего трамвая на стрелке, залиvistый гудок паровоза где-то за Курским, помню свой внутренний жар. Я еще мог успеть на трамвай, но я не мог его ждать. Я должен был идти, мерять ногами тротуары, шагать, лететь. Сорокаминутный путь до дому казался мне коротким[,] и я еще удлинил его, свернув на Кузнецкий, и вместо прямой дороги через Охотный идя по кругу переулками. Я шел с чувством, что он еще рядом со мной, я повторял вслух читанные им стихи, и мне казалось, что я читаю их так же замечательно, как он. Я шел, выкрикивая строфы, и на меня оглядывались прохожие, и мне[,] как

⁸ Николай Николаевич Асеев (1889–1963), поэт, сценарист, деятель русского футуризма. Был другом В. Маяковского и Б. Пастернака.

⁹ Петровский Дмитрий Васильевич (1892–1955), писатель и поэт; участник Гражданской войны. Примыкал к ЛЕФу, наряду с Б. Пастернаком представлял «правое крыло» организации.

и ему[,] аккомпанировал ночной гул затихающего города. Я был схвачен восторгом и счастьем[,] хотя радоваться мне было нечего. Я читал в этот вечер в его присутствии свои стихи, и он не сказал мне ничего утешительного. Но в той серьезности, с которой он слушал меня и моих товарищей — наши стихи и мой сбивчивый лепет потом, когда[,] выйдя с ним, я закидал его вопросами; в этой его добросовестной честности, которая не мирится с снисходительностью и сказанными свысока комплиментами, в этой хмурой, но почти нежной внимательности, для меня было нечто большее всяких похвал. Разве было важно то, как ему понравились данные стихи по сравнению с тем, что он почти целый час как с равным говорил со мной о поэзии.

В кружке поэтической молодежи при редакции «Комсомольской правды», который я стал посещать с начала осени 1929, «мэтрами» считались Иосиф Уткин и Джек Алтаузен. <...> Для восстановления исторической истины должен отметить, что даже здесь, в стеклянных клетушках редакции на четвертом этаже в Большом Черкасском переулке, в той самой редакции, которая теперь биографами В.В. изображается его цитаделью, поэтическая репутация Маяковского не считалась бесспорной. Большинство относилось к нему как к талантливому фельетонисту, и мне помнится, что меньше всего авторитет В.В. был весом в литературном отделе редакции, при котором существовал наш кружок. <...> Мои сотоварищи тогда Маяковского не_газетчика просто не знали. Прочтенная мною *вслух* однажды «Флейта позвончик» вызвала общее удивление. Зато Безыменского и Жарова знали назубок. Тайным кумиром был Есенин. Сами мы писали плохо и почти все одинаково. Разные «Смерти партизана» и «Утра в цеху» повторялись почти буквально. Царствовал анапест. Манера чтения была певучей «а_ля Жаров». Кажется, никто из нашей братии не стал поэтом, кроме Смелякова, который тогда больше других слушал.¹⁰ Во всяком случае, я не помню ни разу его

¹⁰ Смеляков Ярослав Васильевич (1912/1913–1972), поэт, критик, переводчик; с дек. 1934 г. репрессирован («за участие в контрреволюционной группе»), получив три года исправительно-трудовых лагерей, но за ударный труд выпущен досрочно, в начале 1937 г. С июня по нояб. 1941 г. был рядовым на Северном и Карельском фронтах: попал в окружение, находился в финском плену до 1944 г. В результате обмена военнопленных между финской

читавшим. Однажды он провожал меня домой, но я, считавшийся той осенью одним из лидеров кружка, не обращал на него никакого внимания. Печататься он стал только через несколько лет, но я именно тогда запомнил его остроносое лицо.

[§ 7а. о «пророчестве» М.]

Однако почему все-таки Маяковский написал фразу «Грядет шестнадцатый год»? Предчувствия и пророчества даны истинным поэтам, но что это за цифровая конкретность: «шестнадцатый»? Откуда он это взял? Историческое предвиденье? Но в это время, или даже еще позже Ленин говорил, выступая в Швейцарии, что революцию будет дано увидеть «нашим детям, а не нам» (или что-то в этом роде). Что же, Маяковский, в это время игрок и богемец, **знал**, а Ленин, историк и политик, **не знал**? Но какой_то все же смысл в слове «шестнадцатый»[,] наверное[,] был. Это не круглое число, не десятичное. Но исследователи предпочитают легкомысленно восхищаться предвиденьем, не желая в этом разобраться. А между тем[,] должно быть[,] разгадка существует или в личнобиографических данных поэта, или[,] м. б.[,] это цитата из мифологии, религиозной и прочей. Маяковский был игрок: м. б.[,] это загаданное число? Вряд ли это сказано наобум. («Из попутных записей», ед. хр. 60, л. 63) ##

[§ 8. описание встречи с М., продолжение]

(56) В тот вечер на очередное наше собрание пришел Маяковский. Мы были предупреждены об этом заранее[,] и Алтаузен распределил[,] кто что будет читать. У меня уже было одно стихотворение[,] напечатанное в Литературной странице Комсомолки и[,] по общему убеждению[,] присужденное к бессмертию. Его хвалили и ставили в пример, но мне самому оно вовсе не нравилось. Оно

и советской сторонами в 1944 г. опять попал в лагерь, но уже советский (до 1946). В 1951 г. по доносу вновь арестован, отправлен в заполярную Инту; просидел до 1955 г., возвратился домой по амнистии, еще не реабилитированный. Его наиболее известные стихотворения «Если я заболею...», «Хорошая девочка Лида».

было очень похоже на стихи моих наставников и совсем не похоже на те, что нравились мне в поэзии вообще. Но мы в те годы учились не верить себе — отсюда вскоре возник тот психоз «перестройки», который погубил не одну литературную судьбу. Призыв ударников в литературу уже зарождался в те годы[,] и в воздухе висел лозунг «одемянивания поэзии», о котором сейчас вспоминается как о невероятном. Для меня приход Маяковского значил больше, чем для всех остальных. Я уже давно не пропускал ни одного его публичного выступления и каждый день выдерживал за него бои. Утром я почувствовал невозможность читать перед ним то, что было мне назначено, разволновался и неожиданно написал довольно длинное стихотворение, ему посвященное. <...>

Написанное для чтения на вечере, стихотворение было прямо обращено к Маяковскому. Я прочел его, не предупредив руководителей, когда пришел мой черед по алфавиту. В.В. сидел рядом с Уткиным и, когда я кончил, что_то тихо спросил, наклонясь к нему. Я не расслышал ни вопроса, ни ответа Уткина. Алтаузен предложил мне прочесть еще стихотворение, напечатанное в газете. Я отказался и сел. Какая_то девица стала читать стихи о беспризорном. Пошли и «Смерть партизана», и «Утро в цеху», и весь прочий наш арсенал. Пока читали остальные, я раза два поймал на себе спокойно_хмурый взгляд Маяковского.

После чтения сдвинули столы и подали чай с бутербродами. Наши девушки стали угощать Маяковского. Он отшучивался. Потом Уткин попросил его сказать нам о прочитанном. Он встал и[,] облокотясь на подоконник[,] начал говорить. Я не помню, что именно он говорил, помню только, что оценки его были дружелюбны, но решительны, и тон его был совсем другой, чем в его речах с трибуны Политехнического Музея. Обо мне он не сказал ни слова. <...> я незаметно выскользнул из комнаты. Сначала я хотел уйти совсем, потом понял, что это невозможно. В странном оцепенении я сел на скамейку в коридоре рядом с оцинкованным баком для питьевой воды. Я был и рад, что он не вышутит меня, и задет, что он ничего обо мне не сказал. Я не понимал — было ли это пренебрежением, или особой формой вниманья. Я решил дождаться его и спросить. Я сидел и придумывал фразу, с которой обращусь к нему, когда он неожиданно вышел в коридор. Неторопливо он прошел в уборную в конец

коридора, искоса посмотрев на меня. Я понял, что не решусь обратиться к нему. Он снова прошел мимо меня и[,] уже пройдя, вернулся и подошел ко мне. Он сказал мне что_то вроде того, что хорошо, что я не ушел, и что пусть я его подожду и мы выйдем вместе...

Вскоре он вышел, окруженный молодежью. <...> Несколько минут он стоял в дверях разговаривая и отвечая на вопросы[,] и я уже холодел от мысли, что он забыл про меня, потом оглянулся в сторону скамейки, где я сидел (я уже встал и ждал его у входа на лестницу), потом увидел меня, направился ко мне, и вот мы уже выходим вместе под удивленными взглядами остальных...

Сперва мы идем молча к лестнице. Я не решаюсь заговорить первым.

Выйдя из подъезда, поворачиваем к Лубянской площади. Он в кепке, в руках палка. [здесь как будто обрыв и конец страницы]

[§ 9. после смерти М.]

(1–57)

<...>

Застрелился Маяковский¹¹...

Новость обежала Москву по телефонам в какие_нибудь полтора-два часа. А в середине дня уже шли такие разговоры:

— Слушай, ты знаешь?

— Знаю...

День был сырой, но солнечный, какой-то полувесенний, словно природа остановилась в раздумии: стоит ли торопиться с весной?

[пропуск строки]

За несколько дней до этого я принял твердое решение покончить жизнь самоубийством. Как мне казалось, она дала непоправимую трещину.

Мне было 17 лет. Выдержав в конце марта экзамены в институт кинематографии, я получил напечатанную на папиросной бумаге справку о том, что принят, доставал ее из кармана каждые полчаса, небрежно показав отцу, с которым почти год не разговаривал после того, как меня не приняли в Московский Университет по анкетным

¹¹ То же и на л. 1–84 с пометкой жанра: «рассказ-воспоминание».

данным, а я отказался идти к Каган-Шабшаю,¹² где имелась протекция, что вызвало бурю в семье. И вдруг я был вызван телефонным звонком в канцелярию ГТК-а и услышал от смущенной секретарши, что я вычеркнут из списка принятых, так как из Ташкента прибыло двое «командированных», но что мне несомненно будет оказано преимущество в поступлении в будущем году. Причина та же самая — социальное происхождение. <...>

(2–58) Я знал, что отец не удивится моему отчислению и лишь знакомо поднимет брови. Он никогда не удивлялся неприятностям: они входили в его мир как должное. Он жил всегда готовый к ним[,] и мне казалось, что я даже слышу нотку торжества в его голосе при разговоре о какой-нибудь новой неудаче: ведь он это предвидел и[,] конечно[,] оказался прав. Увы, он слишком часто оказывался прав. Зато все удачи (и мои особенно) его выбивали из колеи и ставили в тупик. К весне тридцатого года мы уже перестали с ним спорить, но наш молчаливый спор продолжался очень долго, пожалуй, до конца его жизни. Это был спор не убеждений, а скорее мироощущений, не политических взглядов, а жизненных темпераментов — самый глубокий и неразрешимый спор на свете. Мама, тоже большей частью молчаливо, почти всегда была на моей стороне. Теперь мне кажется, что это был и ее спор с ним, тоже продолжавшийся всю жизнь. Все самые важные поступки в своей жизни я совершил наперекор мнению отца и вопреки его советам.

Но кроме проблемы отца была еще проблема нескольких приятельниц, которым я тоже показывал заветную справку на папиросной бумаге. В глазах Люды, Вали и особенно Нины я оказывался трепачем.

И еще — и это главное — я очень устал от двухлетних неудач, безработицы, всяческого неустройства и острого недовольства собой.

Стихи я еще продолжал писать, но всерьез к ним уже не относился после осеннего разговора с Маяковским у Китайгород-

¹² Возможно, имеется в виду Каган-Шабшай, Яков Фабианович (1877–1939), инженер-электротехник, профессор, основатель Государственного электромашиностроительного института, коллекционер еврейской живописи.

ской стены, когда я провожал его домой из «Комсомольской правды».

Он разговаривал со мной доброжелательно, но задал вопрос:

— Ну, а вы можете жить и не писать стихи?

Я мог соврать отцу и матери, любимой девушке и лучшему другу, но Маяковскому я соврать не мог, и, порывшись в себе, я ответил:

— Пожалуй, могу, Владимир Владимирович.

— Ну, и не пишите! — почему_то весело сказал Маяковский.

— Хорошо, не буду[,] — уже более уныло сказал я.

<...>

(3–59) Стихи я писать не перестал, но после этого ночного разговора и смерти Маяковского, обрушившейся на нас (мне тут мало сказать — на меня) ледяной лавиной горя, страшным предупреждением о непростоте жизни, я понял — что стихи — если это настоящие стихи, — обеспечиваются, как червонцы, золотом и всем достоянием республики (как тогда писалось на дензнаках), всей жизнью поэта и подлежат размену на нее.

Смерть его и была этим разменом — стихи на жизнь.

А когда стихи нельзя обменять на жизнь — значит[,] они просто бумажки и чем их больше, тем они дешевле, как банкноты при инфляции.

<...>

(4–60) Чернильная душа, я уже написал прощальную записку в нескольких вариантах, но окончательного выбора между ними еще не сделал. Револьвер я украл у отца моего школьного товарища Володи Лавровского, преподавателя Академии имени Фрунзе, и спрятал дома за толстыми томами энциклопедии Брокгауза и Эфрона.

В тот невыносимо длинный апрельский день я не находил себе места и в конце концов оказался в Клубе ФОСП, в знаменитом «ростовском» доме на улице Воровского. Там толстый Эдя из бригады Маяковского сказал мне, что гроб привезут из Гендрикова переулкa только к вечеру. Поехать на Гендриков я не решился. То, что я с ним знаком, знали только он и я.

<...>

До вечера я шатался по улицам, а потом снова пришел в Клуб ФОСП. Вместе с Эдей и черненькой девушкой, которая все время тихо плакала и мотала головой, чтобы смахнуть с лица слезы (ее руки были заняты[,] и она не могла достать платок), мы развешивали какие_то алые с черным полотна. Девушка требовала закрыть чем_нибудь Венеру, которая стояла в нише на лестнице, а мы колебались. Кажется, ее звали Женей. <...>

(5–61) Уже стало темнеть, когда на грузовике привезли гроб. <...> Я смотрел, как снимают с машины гроб с Маяковским[,] и мне стало нехорошо до того, что закружилась голова. Такой глубокой и острой тоски я уже больше не испытывал за все последующие дни. Гроб внесли в старый барский дом, в ту самую дверь, куда[,] по преданию[,] входил, бренча шпорами, Николай Ростов, возвращаясь домой после проигрыша Долохову.

Венеру так ничем и не закрыли[,] и она стыдливо загораживалась от людей, которые тащили в зал гроб. На верхней площадке у окна сдерживаясь плакала Женя.

Я не помню ее фамилии и не знаю, кто она. Наверно, из той же бригады Маяковского, или из райкома, или из какой_нибудь редакции. Больше в эти дни она мне не попадалась на глаза, а второй и последний раз в жизни я встретил ее в августе 1937 года в справочном бюро НКВД на Кузнецком мосту, когда узнавал, в какую тюрьму попал мой младший, недавно арестованный брат Лева. Она тоже о ком_то спрашивала. Мы посмотрели друг на друга, узнали, но не сразу решились поздороваться. Была полоса великого страха. Кто знает, может[,] за нами следят и решат, что мы связаны не только одним давним и горьким воспоминанием.

<...>

Мы пошли к Нине Алчевской.

(6–62) Нина была единственным человеком, который догадывался, что у меня не все в порядке. Уж не знаю, как это получалось, но она всегда о всем догадывалась. Иногда это было хорошо, а чаще бесило. Она мне очень нравилась, но я демонстративно ухаживал за ее подругой Людой. О том, почему я это делал, она тоже догадывалась. А я догадывался, что она догадывается. <...>

Она жила с отцом, видным московским адвокатом Алчевским[,] на Садово-Кудринской в большой квартире, полной красивой старой мебели, картин и книг. У Алчевских бывало много народа: его коллеги_юристы, знаменитые врачи, художники. Он и сам недурно писал маслом. Здесь всегда знали то, о чем еще не писалось в газетах. Летом 1928 года я впервые услышал тут о расколе в политбюро по вопросу о политике в деревне. Потом пошли разговоры об арестах среди крупных инженеров: близились «вредительские» процессы, многих из арестованных называли по имени-отчеству: это был, если и не один круг, то смежный. Большим приятелем Алчевского был известный адвокат Винавер, помощник Е.П. Пешковой в одной из самых необыкновенных организаций того времени — в политическом Красном Кресте, существовавшем под негласным покровительством Горького приблизительно до его смерти. Винавер был арестован, кажется, в конце 1936 года.¹³ Когда_нибудь будет написана история этого удивительного учреждения, осмелившегося оказывать материальную и юридическую помощь сотням людей, арестованным по политическим обвинениям. Сам Алчевский тоже был арестован в 1937 году. <...>

(7–63) Нина знала, что для меня значил Маяковский, и[,] услышав о том, что случилось, сразу подумала обо мне. <...>

Посмотрев на меня, Нина[,] ничего не сказав[,] отправилась разогревать котлеты. Она догадалась, что я сегодня ничего не ел.

Я был по дурацки застенчив[,] и если меня спрашивали, не хочу ли я есть, я всегда врал и отказывался. Но если просто ставили на стол тарелки и[,] не задавая вопросов[,] как само собой разумеющееся говорили, что если я сейчас же не сяду, все остынет, то я благодарно подчинялся и пожирал все, что было на столе.

¹³ Винавер Михаил Львович (1880–1942), российский политический деятель, правозащитник, инженер-технолог по специальности; адвокат, старший товарищ Дзержинского по гимназии. Был членом еврейских организаций, меньшевиком. Родившийся в Варшаве, стал инженером-технологом в Бельгии, а в 1911 г. переехал в Москву. Ближайший помощник Е. Пешковой по работе в Политическом Красном Кресте и в Польском Красном Кресте. Последний раз был арестован в 1937 г., скончался в заключении.

В этом доме терпели мою неловкую угловатую грубость в те дни, когда я был особенно голоден или когда у меня промокали ботинки или не было денег даже на трамвай, и не особенно доискивались, что там у меня с вузом или с работой и почему я не обедаю у себя дома. А дома я не обедал уже много месяцев, потому что говорил домашним, что зарабатываю репортерством и ем где-то на работе, и так втянулся в это самолюбивое вранье, что всегда убегал, как только с кухни тянуло чем-то вкусным. <...> Быть «на иждивении» в 17 лет мне, как и большинству моих ровесников, казалось позорным. <...>

Регулярной репортерской работы у меня еще не было. <...> Вся жизнь моя была запутана до предела. Я писал стихи, а собирался стать кино- или театральным режиссером (8–64), ухаживал за Людой, с которой скучал, странно дружил с Ниной и целовался на лестнице большого дома у Никитских ворот с Валею, играл перед товарищами роль ловкача и удачника и некрасиво, тяжело голодал, мечтая, как о величайшем счастье, о биточках в сметане в закусочной на углу Страстной площади тверского бульвара рядом с кино «Великий Немой».

Я уходил из дома с утра, как будто на работу, и до вечера сидел в читальнях — иногда в Тургеневской у Мясницких ворот, а чаще в моей любимой Герценовской на Петровских линиях, где в углу у большого окна был круглый стол, усевшись за который со стопкой книг я чувствовал себя защищенным от недружелюбного мира, независимым, уверенным. Я прочитывал все новые журналы, просматривал новинки русской и переводной литературы, попеременно углублялся то в символистов, то в Маколея, то в «Русский архив», то в Энгельса. Я стал энциклопедистом каких-то приватных и никому не нужных знаний и мог спросонья ответить на вопрос о том, почему распалась Аббатство унинамистов[,] или дать отчет о разногласиях между Северным и Южным обществом в 1823 году. Вечера я проводил в театрах[,] и первая сторона практической жизни, которой я овладел с блеском[,] — это было искусство добывать контрамарки.

Иногда я все-таки устраивался на работу, но мне не везло и всегда что-нибудь случалось: то я прозевал скачек манометра в сушилке на фабрике Мосдрева на Каланчевской улице — конечно[,] я читал во время своего дежурства — доски перегрелись и меня выгнали,

то[,] став бригадиром студенческой артели, работавшей по наряду Моспогруза ночами на сортировочной Саратовского вокзала, я попал на сменщиков, которые взламывали ящики с яблоками и воровали, и все свалили на нашу бригаду <...>

(12–70) Летом 1929 года около месяца я проработал заведующим Атракционом ГОМЭЦ № 33. Пожалуй, это была самая странная из всех моих случайных профессий. Испанистое слово ГОМЭЦ расшифровывалось как Государственное (или[, м. б.], «Главное») объединение музыки, эстрады и цирка. Ему были подчинены все цирковые предприятия, садовые оркестры и эстрадные площадки. Некоторое время директором ГОМЭЦ-а (впрочем, кажется, позднее — в начале тридцатых годов) был старый большевик, друг и поверенный Ленина, знаменитый Ян Ганецкий-Фюрстенберг. Это было уже его опалой, унижением, паденьем. По репортерским заданиям мне приходилось бывать на заседаниях в ГОМЭЦ-е, где он председательствовал. Он руководил прениями по вопросу о текстах цирковых антрэ и сметах передвижных зверинцев так же уверенно и невозмутимо, как незадолго перед этим ответственные[ми] дипломатически[ми] переговор[ами] на какой-нибудь международной конференции. Помню его выговор с заметным польским акцентом, коротко остриженную седеющую голову, резкий профиль, бритое лицо. Это было в те странные годы, когда Каменев редактировал мемуары Андрея Белого, а Карл Радек писал театральные рецензии.

Пышное наименование «Атракцион ГОМЭЦ № 33» было присвоено (13–71) маленькому серому ослику, запряженному в детскую коляску и катавшему детей по кругу на площадке посреди Тверского бульвара, там[, где в те годы стояла деревянная раковина для оркестра и павильон, торговавший пивом и мороженым. В штатах «Аттаркциона № 33» было всего две единицы: осел и я. Мои обязанности заключались только в том, чтобы продавать матерям и нянькам билеты и звонить в колокольчик, по звуку которого ослик трогался с места. <...>

(14–72) В тот самый вечер 14 апреля, не успев я еще доесть котлеты с зеленым горошком, как шумно появился сам Алчевский со свежей «Вечеркой» в руке.

В ней уже было прощальное письмо Маяковского.

Алчевский доставил себе удовольствие прочесть его вслух. Потом начались комментарии. Я уже не помню, в чем они заключались[,] и хотя[,] наверное[,] в них не было ни тупости, ни пошлости, все равно слушать их мне было мучительно.

Я взял газету и ушел в другую комнату, чтобы наедине с собой, своими глазами, а не сквозь чужой голос понять стихи и записку.

Я слышал, как громко спорят Алчевский и Юрка. Нина молчала[,] и я был благодарен и за молчание, и за то, что она не зовет меня.

<...>

(15–75) <...> я остался играть с Алчевским в шахматы.

Мы разыграли пешки[,] и мне достались белые. Я начал своим излюбленным в те годы дебютом Рети. С невероятной быстротой я проиграл три партии. Алчевский был в восторге. Он принес бутылку ямайского рома, мне захотелось напиться.

Я знал, что Алчевский был немного знаком с Маяковским по каким-то картежным компаниям. Он начал рассказывать о нем, и хотя их встречи и проведенные вместе вечера не подлежали сомнению, все[,] что он говорил, было удивительно недостоверно и как-то неважно. Ну, играл, ну, огорчался, проигрывая, ну, однажды занял пятьдесят рублей и отдал при следующей встрече, — какие_то пустяки, о которых неприятно слышать. Я не идеализировал Маяковского, но все это так не вязалось с невероятной крупнотой прожитой им жизни, что казалось выдуманным. Я так и подумал «прожитой»[,] и слово это аукнулось во мне еще живой болью. Я поймал себя на бессмысленном желании сказать Алчевскому, что он все врет.

Напиться мне Алчевский не дал. Он берег свой редкостный ром и быстро унес его. Поверив в свое шахматное могущество, он предложил мне еще сыграть. Я согласился — уходить не хотелось и было некуда, — и[,] собрав в кулак волю, снова из упрямства начал дебют Рети и молниеносно выиграл.

Я понимал, что выиграл, потому_что запретил себе думать о Маяковском, но этого зарок надолго хватить не могло и выигрыш скорее огорчил меня, чем обрадовал: он мне показался кошунством и изменой.

<...>

(16–78) Я быстро распрощался и ушел, попросив на память Вечерку.

Я знал, что я еще много раз перечту прощальное письмо.
[пропуск строки]

[§ 10. прокрутка воспоминания назад]

(16–78) Впервые я увидел и услышал М-го, когда мне было 12 лет. <...> Отец принес мне и брату билеты на концерт в Доме Печати. <...>

Я и до этого читал Маяковского и многое знал наизусть, но впечатление было несравнимо. И не в том дело, что он сам замечательно читал, а в том поразительном ощущении, что он тут был сам. «Я сам» — так называлась его автобиография. Так же могло называться каждое его выступление. Да, это был **он сам**. Маяковский. Великолепный, отдельный, несравнимый, единственный. Противостоять ему было невозможно, и когда впоследствии я на его диспутах видел людей, оппонировавших ему или подававших ему реплики, меня они не раздражали, хотя я был всегда предан ему: я смотрел на них с удивлением, как[,] вероятно[,] смотрел бы на японских летчиков-смертников. <...>.

(17–79) Московские *юнцы* двадцатых годов, мы проходили куда угодно <...>. Помню, когда однажды положение казалось особенно безнадежным и контроль почему-либо был усилен, мы с товарищем, почти отчаясь, завернули за малой нуждой в темный двор и вдруг увидели там большой деревянный барабан с намотанной на нем проволокой. Идея родилась одновременно у обоих. Я с трудом поднял барабан на плечо, а Яков взял болтавшийся конец проволоки, несколько растянув ее, и мы торжественно прошли мимо контролеров и расступившейся толп[ы], еле удерживаясь от смеха, поднялись по лестнице и[,] только зайдя за кулисы, положили там в укромном месте барабан и нагло уселись н[и] больше ни меньше как в директорской ложе. Помнится[,] это было в Большом зале Консерватории.

(19–81) Я и сам не заметил, как ноги принесли меня к ГОСТИМ-у на Старой Триумфальной площади. Домой идти не хотелось[,] и, выйдя от Алчевских, я машинально повернул направо, сегодня шла «Баня». Как-же я мог забыть про это? Лучше бы я пошел сюда,

вместо того чтобы играть в шахматы с Алчевским и т. п. [зачеркнуто]. А теперь спектакль уже[,] должно быть[,] перевалил за середину. Основная часть труппы находилась вместе с Мейерхольдом в Берлине на гастролях, но оставшиеся продолжали играть в Москве. Спектакли шли в ослабленном составе: многие первые исполнители были заменены[,] и я все собирался посмотреть спектакль с дублерами, но не собрался.

Войдя в широкий подъезд старого театра Зона, я свернул налево на служебный вход и поднялся наверх. Здесь прямо напротив выхода с лестничной площадки шел полутемный коридорчик, соединявший фойе с кулисами. Из него особая дверь и лесенка в несколько ступеней вела прямо в зрительный зал. Здесь обычно всегда толклось несколько актеров и сам Мейерхольд иногда через (20–82) эту дверь выходил на лесенку и смотрел спектакль, полусидя на перилах. Собственно[,] мне здесь находиться не полагалось: тогда я еще был «посторонним», но у меня в ГОСТИМ-е было много друзей и знакомых и я примелькался гардеробщикам и вахтерам. Первое, что я услышал — это был взрыв смеха из зала. Он настолько поразил меня, что я решил, что зрители не знают о смерти автора пьесы. Не все-же покупают Вечерку! Из кабинета директора, находившегося тут-же, вышел А.В. Февральский, завлит ГОСТИМ-а, знакомый мне по встречам в театральных редакциях. Лицо его мне показалось заплаканным: свалившаяся беда так открыто на нем выражалась, что и у меня снова сжалось сердце. Из зала снова донесся взрыв смеха.

— Смеются! — сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

Февральский рассказал, что перед началом спектакля о смерти Маяковского зрителям сообщил начальник Главискусства Феликс Кон. Он произнес потрясающую речь и предложил почтить память поэта вставанием.

Я снова пожалел, что не пришел в театр раньше. Не было во всей Москве человека более подходящего для такого сообщения, чем Феликс Кон, старый политкаторжанин, человек[,] обладающий редким ораторским даром, если можно так сказать, классической западно-европейской традиции, традиции пафоса и преувеличенного красноречия, без которого он не мог говорить о самых простых вещах. Февральский сказал, что слушавшие его актеры

едва удерживали слезы, а у него самого дрожали руки, когда он попытался записать эту речь. Было трудно представить, что после этого можно играть и смотреть комедию, но вот, спектакль идет и в зале смеются...

Мы помолчали[,] и это молчание нас как-то сблизило. Не стоило больше ничего говорить. Все было меньше чувствовавшегося.

Я заглянул в зал: народу было едва меньше половины. Несколько бранных рецензий сделали свое дело: на спектакль не ходили. Хорошо, что он этого не увидит, подумал я и поразился странности своей мысли.

А в Берлине в этот вечер перед спектаклем «Ревизор» о гибели Маяковского сообщил бледный как мел Мейерхольд. И там тоже весь зал встал, чтобы почтить память поэта. Вскоре принесли телеграмму от Мейерхольда о венке. Подошли месткомовцы и заговорили о траурных стягах в зале. Тогда я впервые заметил, как спасительны бывают простые будничные заботы о ритуале похорон.

(83) <...> [одно из заглавий (зачеркнуто):] ~~1930, юность, Маяковский~~

(84) [и другое:] Маяковский # рассказ-воспоминание
<...>

[§ 11. милые детали памяти]

(85) <...> Я уже не в первый раз заметил за ним эту привычную маленькую хитрость: он не любил здороваться и прощаться за руку[,] и в нужный момент правая рука его оказывалась занята то палкой, то перчатками. Когда любишь, то любишь все, и даже странности — и этот жест и то, что он читал стихи с эстрады в жилете без пиджака (когда мой дядя садился обедать в жилете, меня почему-то [это] раздражало и даже лишало аппетита — о несправедливость любви!), и то, что он перед тем, как выпить из стакана воду, долго подозрительно рассматривал его на свет и тер носовым платком (сам я без раздумья глотал пахнущую керосином и бог знает чем мутную московскую воду, но в нем эта черта мне нравилась), и многим запомнившаяся манера перекладывать

папиросу из одного угла рта в другой (я дома упражнялся в этом перед зеркалом и наконец преуспел) и многое другое.

[§ 12. из краткой хроники года (на двух листах, со склейками)]

(89) 1930 год

<...>

14 апр. Днем узнал о смерти Маяк[овского]. Вечером потянуло в Клуб Пис[ателей]. Там мало народа. Сидят группками. Говорят о М.

15 апр. Утром газеты с письмом М. и стихами. Без Когана не обошлось. В час пошел в Клуб Пис[ателей]. Двор почти полон. На балконе вижу фигуры Кириллова, Свирского, Светлова. Вскоре пришли красноармейцы и стали устонавливать очередь. Потом на грузовичке привезли откуда_то пальмы. До 3-х час[ов] дня к гробу не пускали. Толпа прибывает. На крики кто_то из Клуба объявляет, что кончают бальзамировать. Малышев с палкой. В подъезде разбили стекла, давка. Я прошел 15-ым. В большом зале по диогонали драпшировка и стоят цветы. Справа стоят писатели. Еще ближе к гробу тоже справа какие_то дамы. У гроба на карауле красноармейцы со штыками и 4 человека в штатском (кто не успел рассмотреть). У подмостков среди группы писателей бросился в глаза Халатов в своей кожанке. У подножья гроба лежат два знамени. Лицо повернуто направо, бледное и какое_то холодное, но не потерявшее сходства. Странно торчат носки ботинок. Тело в гробе кажется маленьким. У окна стоит Уткин с красным заплаканным лицом. Когда вышел на улицу, ворота уже были заперты, двор полон народа и на улице очередь до площади.

<...>

Май. Июнь. Август. Начало профессиональной журналистики.

<...>.

[§ 13. ранний вариант событий, хроника 1930 г.]

(91)

<...>

21 янв. Слушаю по радио его чтение «Ленина» из Больш. театра.

1 фев. Открытие выставки. Читает «Во весь голос».

2 фев. На выставке Маяк. Говорю с ним о поэзии.

15 фев. Выступает на закрытии Выставки.

22 фев. Там же. Снова закрытие выставки. Читает.

7 марта. В Клубе писателей. На вечере памяти Хлебникова.

25 марта. В Доме Комсомола Красной Пресни. Речь и стихи.

27 марта. Диспут о «Бане» в Доме Печати.

4 апреля. В Клубе Писателей. Демонстрация проф. Бернштейном записей голосов поэтов. Присутствует Маяковский.

8 апреля. Там же «Земля» Довженко. Вижу Маяковского.

14 апр. Звонит по телефону Гриша Меклер и говорит со слов тети библиотекари какого-то наркомата, что застрелился М[аяковский]. Это было во второй половине дня.

15 апр. В 2 ч. Идем с Яковом к гробу. Несколько раз стоим в карауле в этот и следующий день. Плачущий Уткин.

17 апр. В 3 ч. Митинг во дворе. Похороны.

<О Цветаевой>

(Выписки из дневников Гладкова¹⁴ и его переписки с Ариадной Эфрон)

13 янв. 1938. <...> # Ночью перечитывал Цветаеву из [Л]евинной тетради. ##

[Из дневника за 1940 год.¹⁵]

12 апреля 1940. Слышал с разных сторон, что Марина Цветаева живет в Москве и уже делает какие-то переводы для «Худлита». Поговаривают и о возвращении Бунина.¹⁶

5 мая 1946. На книжном базаре в Союзе писателей покупаю у А. Крученых «Ремесло» М. Цветаевой за бешенные деньги.¹⁷ #

10 янв. 1957. Вышел второй том «Литературной Москвы». # Прекрасная статья Эренбурга о Цветаевой и несколько ее стихотворений[,] мне хорошо известных. #

30 сент. 1957. <...>

Есть слух, что рассыпан набор тома Цветаевой и книги Павла Васильева.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Дневники. Ед. хр. № 87–116.

¹⁵ Гладков А. «Всего я и теперь не понимаю». Из дневников. 1940 // Наше наследие. 2014. № 111 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11114.php>).

¹⁶ М.И. Цветаева вернулась в СССР в 1939 г., вслед за дочерью Ариадной и мужем С.Я. Эфроном (арестованы НКВД в том же году). См. запись «Для памяти» (30 марта 1940 г.), опубликованную Е.И. Лубянской в «Нашем наследии» (2013. № 105. С. 85–86), где перечислены некоторые из переводов (в частности, поэмы Важи Пшавелы), за которые Цветаевой приходилось браться в 1939–1940 гг. Стихов в это время она практически не писала. Слухи о возвращении в СССР И.А. Бунина периодически возникали в среде советской интеллигенции как в до-, так и в послевоенный период.

¹⁷ Кручёных Алексей Елисеевич (1886–1968), поэт-футурист, теоретик и практик «заумной поэзии»; собиратель книг, инскриптов и автографов.

Имеется в виду книга стихов М. Цветаевой 1923 г. «Ремесло».

23 янв. 1958. <...>

Крученных достал мне три редких книжки Марины Цветаевой: «Волшебный фонарь», «Вечерний альбом» и «Царь-девицу»,¹⁸ а также машинописную копию ее трагедии «Тезей».¹⁹

23 янв. 1960. По словам Оттена[,] со мной хочет познакомиться дочь М. Цветаевой,²⁰ чтобы посмотреть тетрадку с имеющимися у меня автографами²¹ и переписать поэму «Лестница», которой у нее нет.²²

2 июня 1960. <...> [после похорон Б.Л. Пастернака]

Хорошо помню похороны Маяковского. Между теми похоронами и этими (двух великих поэтов) целая эпоха и почти вся жизнь. Вот начать бы роман одними похоронами и кончить другими. Был я и на похоронах Есенина, совсем еще мальчишкой.²³ Безвестно трагически погибли Цветаева и Мандельштам. Так же погиб Мейерхольд. Из «стаи славных» живет еще А.А. Ахматова.

13 сент. 1960. [АКГ в Тарусе] Утром едем за грибами. С нами дочь М.И. Цветаевой Ариадна Сергеевна Ефрон,²⁴ уже седоватая, но

¹⁸ Сб. стихов «Вечерний альбом» (1910), «Волшебный фонарь» (Вторая книга стихов, Изд. «Оле-Лукойе», Москва, 1912), «Царь-девица» (1920).

¹⁹ Имеется в виду написанная в окт. 1924 г. в Праге пьеса М. Цветаевой «Ариадна», имевшая первоначально название «Тезей».

²⁰ Эфрон Ариадна Сергеевна (или *Аля*; 1912–1975), переводчица, мемуарист, художница; дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона; с момента освобождения из ссылки собирала материнские тексты, пытаясь добиться их публикации в СССР. (Далее иногда обозначается сокращенно — инициалами А.Э.)

²¹ Насколько удалось проверить, на 2015 г. в фонде АКГ в РГАЛИ автографов Цветаевой нет.

²² Имеется в виду «Поэма лестницы» М. Цветаевой, написанная в июле 1926 г. в Париже.

²³ В 1925 г. АКГ было 13 лет. В его архиве хранятся наброски романа о Есенине.

²⁴ Очевидно, АКГ пишет фамилию так, как она пишется в знаменитой энциклопедии — по образцу второго из авторов. На самом деле Сергей Эфрон не был родственником автора энциклопедии, но только его однофамильцем.

с глазами, в которых непотухший блеск. Я о ней много читал в разных мемуарных отрывках М.И.[.] и она уже знает обо мне от Оттен²⁵ (переписывала кое-что себе из моей тетрадки, где были автографы М.И.)²⁶. Осенний лес. Белых грибов уже мало, но порядочно подоси~~н~~ников. Сеет иногда мелкий дождь. Удивительны[е] березовые рощи. Как пахнет в лесу. Мимоходом разговор о том о сем: и о Пастернаке и пр. Она остроумна. Со мной внимательно доброжелательна. Говорим и о пьесах М.Ц. Она обещает мне дать копии того, чего у меня нет («Феникс» и пр.).²⁷

24 сент. 1960. <...>

Вечером у Оттен²⁸. Там же Ариадна Сергеевна и Ада, ее подруга.²⁹ Я привез А.С. негатив силуэта ее матери работы Кругликовой²⁹ и редкое фото: Цветаева с сыном на пляже, которой у нее не было. Ее рассказы о матери, о Туруханске, где она была в ссылке, о тетке Анас[тасии] Ив-н[е],³⁰ с которой она все время ссорится (видимо — выжившая из ума старуха).³¹

²⁵ *Оттены* — Николай Давидович Оттен (настоящая фамилия *Поташинский*; 1907–1983), кинодраматург, переводчик, сценарист, критик, соавтор АКГ по сценарию «Бумажные цветы»; и его жена, Елена Михайловна Голышева (1906–1984), переводчица с английского. Многие годы семья жила в Тарусе, в их доме бывали К. Паустовский, И. Бродский, А. Солженицын, жилали — А. Гинзбург (с семьей), Н. Мандельштам и др.

²⁶ Может быть, здесь АКГ называет *автографами* М.Ц. — переписанные им ее стихи, не известные А.Э.

²⁷ Пьеса в стихах М. Цветаевой «Феникс» (о Джакомо Казанове) написана в Москве, в июле — августе 1919 г.

²⁸ Ада Александровна Федерольф-Шкодина (1901–1996), бывшая узница ГУЛАГа и мемуаристка, многолетняя подруга Ариадны Эфрон.

²⁹ Кругликова Елизавета Сергеевна (1865–1941), художница, график, мастер эстампа и силуэта. Речь в данном случае о силуэте М. Цветаевой ее работы — http://photo.tsvetayeva.com/details.php?image_id=277

³⁰ Цветаева Анастасия Ивановна (1894–1993), писательница, младшая сестра Марины Цветаевой. В 1938 г. приговорена к 10 годам лагерей, освобождена в 1947 г.; в 1949 г. вновь арестована и приговорена к ссылке; освобождена в авг. 1954 г. Автор «Воспоминаний» (М.: Советский писатель, 1974. 544 с.).

³¹ По признанию А.С. Эфрон в письме И.В. Кудровой: «Тетка моя, Анастасия, написала книгу воспоминаний О СЕБЕ и о М.Ц. (вначале задумала наоборот, но не справилась со своим “Я” [подчеркнуто дважды]), — книгу

18 нояб. 1960. <...>

Аля Цветаева (А.С. Эфрон) прочитала «Давным-давно» и нашла у меня влияние «Конца Казановы» М.И. Ц[ветаев]ой. Если бы это было так, я только гордился бы, ведь «Конец Казановы» — моя любимейшая пьеса с начала 30-х годов. Неужели ее влияние заметно? Очень смешно она сказала: «Вот он знаменитый драматург, а маму все забыли»... Этот знаменитый драматург ходит с рваными ботинками, а за «мамины» книжки люди платят по несколько сотен рублей.

26 ноября 1960.³²

Дорогая Ариадна Сергеевна!

Спасибо за «Метель»! Дал ее машинистке: та мне вернула — множество слов, да еще со старой орфографией, не могла разобрать. С грехом пополам переписал сам. Где не разбирал — догадывался по рифме, словарю Цветаевскому и пр.

У меня отчетливое впечатление, что при предыдущей переписке было сделано множество ошибок: есть нерифмованные строки и явные пропуски, то одной строчки, то двух...

Неужели больше нет списка? А что за «огромный том», о котором говорится в письме?

И еще — «Метель» это несомненно ранний эскиз к «Концу Казановы». Есть совпадение мотивов, но всё здесь как бы набросано, намечено, а там развито и завершено.

«Конец Казановы» — это шедевр — и поэтический, и — сценический. Я в этом давно убежден. Знаете ли Вы (вопрос, разумеется, чисто риторический), что я в 1935 и 36 гг. ставил «Конец Казановы»

далеко не бесталанную, но в которой всё смещено этим самым больным “Я”... Две сестры, из которых одна всегда оставалась подголоском, а теперь “заголосила” что есть мочи, по принципу “живая собака лучше мертвого льва”... Простите мне этот всплеск, но Анастасия законченная психопатка — воистину тяжелый, свинцовый случай!» (Из писем Ариадны Эфрон (1970–1975) / Публ. И.В. Кудровой // Нева. 2011. № 3).

³² Это письмо от АКГ — Ариадне Эфрон, перепечатанное в его дневнике. Логичнее всего, мне кажется, поместить этот отдельный лист (58 в архивной «единице хранения») все-таки здесь, после записи 18 нояб., а не перед 17 окт. — как оно «хронологически» располагается в соответствующем деле архива.

(в Студии Хмелева и в школе Театра Мейерхольда)? У меня даже сохранился эскиз оформления, сделанный мне В. Плучеком (сейчас он главн. режиссер Театра Сатиры).³³ Конечно, зрителям это показано быть не могло (Цветаева жила во Франции), но как учебную работу мне это разрешали.

Николай Давыдович [Оттен] мне передал, что Вы увидели в «Давным-давно» подражанье... Принимаю это как хвалу. Делал это робко и плохо, но вполне сознательно. В другой моей стихотворной пьесе «Зеленая карета» («Асенкова»), которая не шла на сцене и не печаталась,³⁴ подражал еще более сознательно и смело, и в предисловии к пьесе, которое всегда читал на читках пьесы, говорил об этом и указывал на «Конец Казановы» как на недосягаемый образец русского сценического стиха.

У меня даже есть целый небольшой этюд — о театральном стихе М. Цветаевой — сделал его попутно писанию пьес.³⁵

Основным признаком Цветаевского театрального стиха и тем, что делает его и более сценичным, и более современным, чем стих Гюго и его эпигона Ростана, напр., я считаю то, что он опирается не на риторическую речевую конструкцию, а на жест, не на афоризм, а на поступок, не на декламацию, а на действие. Стих Гюго тянет актера выйти к рампе и читать монолог. А стих Цветаевой хочется именно играть. Под ним есть всегда то, что мы называем «физическим действием», и что очень трудно обнаружить в риторическом, словесном театре Гюго. (Я называю Гюго, чтобы не говорить о эпигонах.) Нелюбовь к театру Цветаевой, декларированная в предисловии к «Концу Казановы», — это величайшее недоразумение. Я убежден, что Цветаева тянулась к театру (иначе невозможно было бы написать столько превосходных пьес), но не встретила с ним, как можно не встретиться с чем-

³³ Плүчек Валентин Николаевич (1909–2002), театральный режиссер и актер; с 1957 г. — главный режиссер Московского академического театра сатиры; в молодости — друг АКГ, А. Арбузова и Э. Гарина.

³⁴ Ранее, в 1940–50-е гг., АКГ написал об этом драму в стихах, замысел которой затем трансформируется для кино: в 1964 г. он напишет на тот же сюжет сценарий — об отношениях молодого Некрасова и актрисы Асенковой. В 1967 г. выйдет фильм «Зеленая карета» (реж. Я. Фрид).

³⁵ К сожалению, в архиве АКГ обнаружить эту работу не удалось.

то тебе близким или пройти мимо. А может и так: «Не суждено, чтобы сильный с сильным».³⁶ Когда ее произведут в классики (а я еще доживу до этого), я еще напишу об этой несостоявшейся встрече Цветаевой и Театра.³⁷

Еще одно необычайно привлекательное свойство «театральной Цветаевой» — это отсутствие метрической (и ритмической) монотонности. Пушкин в одном из писем сетовал на то, что его тяготит однообразие пятистопного ямба, и искал в черновиках путей преодоления этого (см. его варианты «Бориса Годунова»: «Сцена со злым чернецом» и «В замке Мнишек»). Цветаева **открыла** для стихотворной драмы самый естественный путь к сложной, контрапунктической смене ритмов (и метров) и виртуозно пользовалась им. Я, более чем робко, пытался подражать этому в «Давным-давно», но все же не осмеливался выйти за пределы ямба и только сменял четырехстопный ямб на пятистопный и шестистопный, а в «Зеленой карете» сделал это более принципиально и смело. Будущее русской стихотворной драмы — на путях, указанных Мариной Цветаевой[,] и **подражать** ей — значит идти вперед.³⁸

Сейчас мне кажется, что «Давным-давно» написана несколько неряшливо, но исправить не могу: ее так много играли, что на текст налипли актерские интонации, которые мне уже заслонили само слово. Борис Леонидович был одним из первых читателей и критиков пьесы (зимой 1942 г. в Чистополе), а потом видел ее в театре уже в Москве (я храню и его письменный отзыв о пьесе), но его интересовало в ней другое. Он сказал мне, что у меня «доверчивое воображение», и еще сказал, что ему нравится «непринужденность сюжетосложения». Он в то время тоже мечтал написать пьесу: зародыш ее в его стихотворении «Старый парк» в книге «На ранних

³⁶ Стихотворение М. Цветаевой из цикла «Двое» (3 июля 1924 г.): Не суждено, чтобы сильный с сильным / Соединились бы в мире сём. <...>

³⁷ Но ведь так и не написал, кажется? Впрочем, и заслуженное официальное признание М.И. Цветаевой пришло позже.

³⁸ Из письма — внутри дневника — от 26 нояб. 1960 г., напечатанного как основной текст на машинке, но с подписью в конце от руки // (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 100. Л. 58 и 58 об.) — отдельно вложенный лист, заполненный с обеих сторон.

поездах». У меня сохранилась запись его рассказа о замысле этой пьесы.

Но это к слову...

Итак, у меня есть книжечка «Конец Казановы» и «Тезей» (на машинке) и «Метель» (на машинке). Я должен собрать весь ТЕАТР Марины Цветаевой. Вот увидите, мы еще издадим его отдельным томиком в «Библиотеке драматурга».³⁹

Еще раз — спасибо!

Ваш⁴⁰

19 мая 1961. <...> Твардовский написал хвалебное предисловие к книге Цветаевой[,] и она выйдет в середине лета.⁴¹ Утвержден в плане «Библиотеки поэта» Мандельштам.⁴²

21 мая 1961. <...>

Ивинскую и ее дочь[,] по слухам[,] перевели из специального полит. лагеря, или[,] как говорят в 60-х годах, «колонии», в колонию общего типа. Их московские печальники испугались, и только я и Ариадна Серг. Эфрон-Цветаева объясняли им (не сговариваясь), что это для них не хуже, а лучше — легче устроиться и нет специфической душной атмосферы, как, например, в Обозерке.⁴³ А давно это было — Обозерка... Тоже май, белые ночи... Кажется, 1952 год. <...> Мне не спалось в ту весну и снова забормотались стихи. <...>

³⁹ Издание драматургии МЦ достоверно осуществлялось и не раз — из театральных изданий в 1988 г. вышла книга с предисловием Антокольского (<http://www.belletrist.ru/book/novlbk/rusbk/cvetaeva-th.htm>).

⁴⁰ Далее подпись АКГ — от руки, синие чернила.

⁴¹ В 1961 г. в Гослитиздате вышел сборник стихов «Марина Цветаева. Избранное», а в 1962-м («Новый мир». № 1) появилась рецензия на нее Твардовского.

⁴² Заявленное в журнале «Новые книги» на конец 1959 г. издание стихотворений Мандельштама в большой серии «Библиотека поэта» не увидело света к указанному сроку. Оно выйдет только через четырнадцать лет: *Мандельштам О. Стихотворения*. Л.: Советский писатель, 1973. (Библиотека поэта. Большая серия.)

⁴³ *Обозёрский* — посёлок городского типа в Плесецком районе Архангельской области, тоже относившийся к Каргопольягу.

28 авг. 1961. Эмма⁴⁴ с упоением варит борщ. Рано утром на рынок. Аля Эфрон.

26 окт. 1961. <...>

Вышел том стихов Л. Арагона⁴⁵ (в «Собр. соч.»), где много переводов Ариадны Сергеевны Эфрон. Просмотрел их. Они очень хороши. Не лучше ли оригинала?

27 янв. 1970. Всю ночь читал интереснейшую книгу: М. Цветаева. Переписка с Тресковой.⁴⁶ Выпущено в прошлом году в Праге на русском языке. Как мне ее хочется достать для себя.⁴⁷ Многие темные для меня периоды биографии Цветаевой прояснились. Тут и ее труднейший, подвижнический быт, и история ее «прозы», и отношения с людьми, и принятие решения о возвращении в СССР (в общих чертах сходящееся, <с тем,> что мне известно по рассказам Сеземана⁴⁸ и другим). Вернулась она в июле 39 года. Значит, муж был арестован в ноябре 39-го.⁴⁹ В письмах есть купюры, но

⁴⁴ Эмилия Анатольевна Попова (по первому мужу *Бирман*; 1928–2001), в дневнике часто *Эмма*, или просто *Э.*, — актриса в труппе Ленинградского Большого драматического театра (БДТ); подруга АКГ в 1960–1970-е гг.; хотя в последние годы между ними возникали постоянные ссоры.

⁴⁵ Арагон Луи (*Agaron Louis*; 1897–1982), французский поэт и прозаик, член Гонкуровской академии.

⁴⁶ Правильно: Тёскова Анна Антоновна (1872–1954), чешская писательница и переводчица; адресат писем Марины Цветаевой. (Полное издание: *Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой*. Болшево, 2008.)

⁴⁷ Накануне АКГ пишет, что «взял ее почитать у Э.»

⁴⁸ Дмитрий Васильевич Сеземан (1922–2010), переводчик, литературовед и писатель, в юности — друг сына Марины Цветаевой Георгия Эфрона; в 15-летнем возрасте вместе с матерью и отчимом приехал из Парижа в Москву, где мать, Нина (по паспорту — *Антонина*) Николаевна, и отчим, Николай Андреевич Клепинин, были расстреляны, а в 1942 г. был арестован его единоутробный брат, Алексей Клепинин; сам он прошел войну, в 1976 г. — эмигрировал во Францию; автор «Из воспоминаний: Болшевская дача» // Посвящается Марине Цветаевой. М., 1991 (<http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/about/sezeman2.html>).

⁴⁹ Здесь и далее пояснения И.В. Кудровой (из эл. переписки с публикатором) сокращенно помечаю как И.К.: Цветаева приехала в СССР не в июле, а в июне (далее АКГ сам поправится), а С.Э. арестован был 10 окт. того же 1939 г.

в общем всё понятно. Ехала она с великой неохотой, ради Али, сына и мужа.⁵⁰ Ей почему-то казалось, что сыну будет лучше в России. Вся эта трагическая история теперь мне ясна. И всё же М.И. понимала всё лучше, чем С.Я. и Аля. Каково читать эту книгу Ариадне Сергеевне!⁵¹

7 авг. 1974. <...>

Часа два у меня просидела Ирма Кудрова. Говорили о Цветаевой, о которой она пишет книгу. В этом году должна была быть опубликована в «Звезде» новая часть воспоминаний Ариадны Эфрон, но из-за истории Эткинда⁵² редактор Холопов⁵³ перенес

Ирма Викторовна Кудрова (род. 1929), филолог, исследователь жизни и творчества Марины Цветаевой.

⁵⁰ Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941: расстрелян), муж Марины Цветаевой и отец ее детей — Ариадны, Ирины и Георгия (Мура); публицист, литератор, офицер белой армии, затем эмигрант, евразиец, агент НКВД.

Георгий Сергеевич Эфрон (*Мур*; 1925–1944), сын Марины Цветаевой и Сергея Эфрона; автор «Дневников» (1940–1944; 2 тома, изд. М.: Вагриус, 2004).

⁵¹ И.К.: В 70 г. АКГ мог читать только первое (чешское) издание этих писем 1968 (или 69?) г. — позже вышел повтор этого издания, откомментированный мной (у меня его теперь не оказалось, это первые годы перестройки). Тут важно только то, что в издании, которое читал АКГ, было множество сокращений и все мы думали, что это о делах СЭ. Но вот наконец появилось издание без сокращений (2008), и тут оказалось, что в основном все сокращения касаются сложных — чтобы не сказать дурных — отношений М.Ц. с выросшей Ариадной. Вот когда можно было пожалеть Алю, если бы она это прочла. А она предчувствовала это и изо всех сил пыталась препятствовать полному изданию, как мы знаем теперь — препятствовала успешно.

⁵² Эткинд Ефим Григорьевич (1918–1999), филолог, историк литературы, переводчик европейской поэзии, теоретик перевода; в 1960–1970-х гг. — диссидент; в 1974 г. был исключен из Союза писателей, лишен академических званий, лишен советского гражданства и по сфабрикованному КГБ «делу» выслан из страны.

Пояснение Ю.Л. Фрейдина (далее сокращенно как Ю.Ф.): «По-видимому, имеется в виду скандал с подготовленным в Ленинграде друзьями Бродского “самиздатным” томом его стихотворений. Эткинд — написал к нему предисловие. Все участвовавшие подверглись санкциям. Эткинда лишили работы, степеней и званий, принудили к эмиграции».

⁵³ Холопов Георгий Константинович (1914–1990), прозаик, главный редактор журнала «Звезда» в течение 34 лет (член ВКП(б) с 1948 г.).

ее на 1975 год. По ее словам, утвержден к изданию трехтомник Цветаевой.

24 авг. 1974. Весь день 19-го и полдня 20-го перед приездом Эммы и ночь с 23-го на 24-го читал томик «Неизданных писем» М. Цветаевой. Они не все равноценны: самые интересные те, где **быт** и рассказы о том, **как** она пишет. Мне не показались очень интересными письма к Пастернаку, слишком экзальтированные, несвободные (навязчивое желание понравиться). Еще неинтересна хроника ожидания сына и его младенчества, да и дальше о нем. Ее восторги неприятны: ведь мы знаем, какого фрукта она вырастила (его равнодушие в дни смерти матери, эгоизм и пр.).⁵⁴ Есть и еще малозначительные письма. Потрясают редкие письма и записная книжка периода жизни в СССР.

Еще о Цветаевой. Ариадна Сергеевна рассказывала Ирме [Кудровой], что в конце июня или начале июля в редакцию «Журнал де Москву», где работала А.С.⁵⁵[.] пришел взволнованный Пастернак, вызвал ее на бульвар, рассказал об аресте Мейерхольда и сказал, что его тоже могут взять. Интересно, о чем они еще говорили?⁵⁶

⁵⁴ Очевидно, АКГ мог опираться в своей оценке на такое мнение 16-летнего Мура (одобрение им критики стихов матери — Корнелием Зелинским как излишне «формалистичных», а потому непроходимых для печати): «Между нами говоря, он совершенно прав, и, конечно, я себе не представляю, как Гослит мог бы напечатать стихи матери — совершенно и тотально оторванные от жизни и ничего общего не имеющие с действительностью».

(И.К.: Ситуация с Муром значительно сложнее, чем здесь представляет себе АКГ.)

⁵⁵ После возвращения в СССР А. Эфрон работала в редакции советского журнала «Revue de Moscou» (на французском языке); писала статьи, очерки, репортажи, делала иллюстрации, переводила.

⁵⁶ О дружбе Пастернака с Мейерхольдом см. выше в записях Гладкова. Пастернак только что сделал для него свой перевод «Гамлета». Вероятно, он слышал, что его имя упоминалось в суде над Мейерхольдом и что ему предстояло участвовать в открытом судебном процессе над антисоветской троцкистской организацией писателей и работников искусств. Этот замысел был отброшен Сталиным после заключения пакта с Гитлером (см.: Тетральная жизнь. 1989. № 5).

Самое странное, что я, восхищаясь стихами Цветаевой, сравнительно долго не знал об ее приезде в Москву, хотя самым простым образом мог встречать ее.

Она приехала в Москву 18 июня 1939 года и жила первое время с С. Эфроном и Алей (и видимо — ее мужем: по словам Д. Сиземана, он был чем-то вроде коменданта дачи «Огонька») в Болшеве.⁵⁷ Алю арестовали в ночь на 27 августа. По словам того же Сиземана, Эфрона арестовали вместе с его матерью и отчимом (Клепиниными) около ноябрьских праздников (кажется, перед праздниками).⁵⁸

Зиму и весну 1940 г. Цветаева с сыном прожила в писательском доме в Голицыне, а потом там же в снятой комнате.⁵⁹ Затем ~~с 30 авг.~~ ~~40~~ [зачеркнуто — забито буквой «м»] где-то на улице Герцена,⁶⁰

⁵⁷ Из комментария И.К. и И.Ю. Беляковой: «Огонек» ни при чем, дача принадлежала официально НКВД — под разными сменявшимися названиями (была одной из трех дач, называвшихся дачами «Экспортлеса», они же — «Жургаза», они же — НКВД); комендантом дачи, где жили Клепинины и Эфроны, был А.М. Обухов.

Под «ее мужем» имеется в виду Самуил Давидович Гуревич (или — *Муля*; 1903–1952: расстрелян), работник Жургаза (секретарь правления), потом заведующий редакцией журнала «За рубежом»; арестован в 1950 г.; друг Ариадны Эфрон («мой первый и последний муж»). На самом деле — чужой муж: Ариадна считала его своим и только в тюрьме узнала, что у него существовала реальная жена.

⁵⁸ С. Эфрона арестовали 10 окт. 1939 г. в доме № 4/33 на ст. Болшево, пос. «Новый быт». В ночь на 7 нояб. произошли одновременные аресты членов семьи Клепининых (Львовых): Нина Николаевна Клепинина была арестована в Москве, на Пятницкой ул., в квартире своей матери, Е.А. Насоновой; ее старший сын от первого брака Алексей Сиземан — на Садовой-Кудринской, в квартире жены, И.П. Горошевской; Николай Андреевич Клепинин — на болшевской даче, в присутствии Цветаевой и ее сына (Летопись жизни и творчества М. Цветаевой. Ч. 3 / Сост. Е.Б. Коркина. М., 2014).

⁵⁹ 8–10 нояб. 1939 г. М.Ц. с сыном переезжают в Москву, в комнату в коммунальной квартире к Е.Я. Эфрон и З.М. Ширкевич; 11–12 дек. они переезжают в Голицыно: Литфонд выделил им две курсовки в Дом творчества на 2 месяца и снял комнату неподалеку от Дома.

⁶⁰ 11 июня 1940 М.Ц. с сыном переезжают в квартиру Северцовых — Моховая, д. 11, кв. 20.

потом в Мерзляковском у золовки Елизаветы Яковлевны Эфрон⁶¹ (не в бывшей ли комнате Анастасии Цветаевой — Мерзляковский пер.[.] дом 16, кв. 27).⁶² Не в этом ли доме жил до войны Плучек: я бывал там очень часто? А потом до эвакуации в коммунальной квартире на Покровском бульваре, дом 14.⁶³

Приехав в Москву,⁶⁴ М.И. застала С. Эфрона больным. «На дачу, свидание с больным С. Неуют. <...>» (Далее она оценивает книгу Ахматовой «Из двух книг»⁶⁵) — «старо, слабо. Часто (плохая и верная примета) совсем слабые концы, сходящие и сводящие на нет. Испорчено стихотворение о жене Лота... (разбор этого стихотворения, очень критический)».

[Далее (л. 157–158) АКГ цитирует записи из книги (продолжение):] <...> Это цитаты из записной книжки М. Цветаевой.

«Неизданные письма»[.] Париж[:.] ИМКА-Пресс, 1972 г. (стр. 629–33)

Тут всё пронзительно, правдиво, трагично.

Самое удивительное, что ее одиночество было все-таки мнимым. Я знаю многих, кто стал бы с радостью ходить ей за керосином и всем бы делились (я сам, например).

Но мы не знали, что она где-то тут, рядом. А те, кто знали — избегали ее из страха и эгоизма... Это очень страшно.

В это время я часто бывал рядом с Болшевым и даже до лета 1939 года работал в Болшеве.⁶⁶ И часто бывал в доме на Мерзля-

⁶¹ Елизавета Яковлевна Эфрон (Лиля; 1885–1976), сестра мужа Марины Цветаевой; театральный режиссер и педагог, хранительница архива семей Цветаевых и Эфрон. В 1922–1937 гг. они жили в соседних домах в Мерзляковском переулке (Е.Я. Эфрон — в доме № 16, а А.И. Цветаева — в доме № 18).

⁶² С 30 авг. М.Ц. жила у Е.Я. Эфрон, оставив вещи у Северцовых.

⁶³ С 26 сент. снимают комнату на Покровском бул., д. 14, кв. 62 у Б.И. Шукста.

⁶⁴ Поправка: в Болшево. В Москве М.Ц. встречали А.С. Эфрон и С.Д. Гуревич.

⁶⁵ «Вчера прочла — перечла — почти всю книгу Ахматовой» — на самом деле имеется в виду только что вышедший тогда сборник Ахматовой «Из шести книг» (Л., 1940). Это черновик письма М. Цветаевой к Арс. Тарковскому.

⁶⁶ В Болшеве помещалась театральная студия, которой руководили АКГ, А. Арбузов и В. Плучек.

ковском (проверить у Плучека адрес) и мог ее встречать и... не заметил некрасивую, стареющую даму в берете.

Это, если угодно, сюжет для повести: человек умирает от одиночества, а где-то недалеко[е] его ищут, томятся по нему. Страшная сила кажущегося одиночества. У Маяковского то же самое при самоубийстве.

<...>

И все же невероятно. Марина Цветаева два года прожила в городе стихолюбов — в Москве, почти неузнанная и неизвестная.

Цветаева уехала из Парижа 12 июня из Гавра, потом пар[о]ходом до Польши, затем снова поездом из Варшавы в Москву.⁶⁷ Задержись она совсем немного, и начавшаяся война в Европе сделала бы ее приезд в СССР невозможным и[,] м. б.[,] спасла бы ей жизнь.

Некий «Муля» из писем Ариадне Сергеевне, уж не муж ли это ее (помощник Кольцова, связанный как-то с органами, отказавшийся от нее⁶⁸ и потом сам арестованный — по разным сбивчивым показаниям)? Постараться узнать.⁶⁹

10 апреля 1941 года у Цветаевой еще приняли передачу С. Эфрону в одной из московских тюрем.⁷⁰

⁶⁷ Поправка: неверно о пути М.Ц. из Парижа — она ехала пароходом из Гавра в Ленинград, потом поездом в Москву (никакой Варшавы). 12 июня 1939 г. Цветаева с сыном подкидают Францию на теплоходе «Мария Ульянова», совершавшем регулярные рейсы Ленинград — Дувр. 18 июня прибывают в Ленинград, 19-го проездом в Москву.

⁶⁸ С. Гуревич не только не отказался, но и помогал М.Ц. и Муру.

⁶⁹ Из статьи Людмилы Кузьминой: «Со своим избранником А.Э. познакомилась весной 1938 года. Самуил Давидович был старше Али лет на восемь (Але — 26, С.Д. Гуревичу — 34), у него была семья, но что тут поделаешь? — Любовь! Они снимали комнату в Москве, жили вместе, и при этом С.Д. не был разведен. Муля — так по-домашнему звали все без исключения члены семьи Эфрон избранника Али — был принят в семье и сделался потом помощником Марины Ивановны во многих бытовых вопросах, а потом, после смерти Марины Ивановны помогал материально Муру, когда он был в эвакуации в Ташкенте» (Дневники «трудного сына трудной матери» (Георгий Эфрон) — <http://www.chitalnya.ru/work/498844/>).

⁷⁰ Еще и 27 мая — в Бутырскую тюрьму.

10 сент. 1974.

Иду обедать к Ц.И. [Кин]

Рассказы (от Мацкина)⁷¹ о Гуревиче [«Муле»], чью странную и зловещую роль в судьбе семьи Цветаевой мне хочется выяснить. Мацкин его знал хорошо.

4 июля 1975. <...>

Звонок Альмы.⁷² Днем она приходит. Привезла мне томик «Неизданных писем» М. Цветаевой, тот, что я читал у Ирмы. Замечательная книга!

8 июля 1975. <...>

Наконец, принесли «Звезду» с воспоминаниями А. Эфрон.⁷³

9 июля 1975. Вчера, когда у меня сидела Альма, принесли запоздавший номер «Звезды». Первым делом я посмотрел, не выброшены ли воспоминания А. Эфрон. Есть.

Когда Альма ушла, я сразу с жадностью стал читать. Это все еще только Чехия, но на этот отрывок приходится рассказы о С. Эфроне, Пастернаке и таинственном Р. (Радзевиче)⁷⁴ — герое поэмы «Конца»

⁷¹ Мацкин Александр Петрович (1906–1996), литературный и театральный критик, историк театра. В 1941–1945 гг. был на фронте. Ему грозила участь «критиков-космополитов», ошельмованных в 1949 г. (рассказывают, что он был среди обвиняемых в директивной разгромной статье «Правды», но в последний момент его имя вычеркнул проводивший кампанию А.А. Фадеев) — <http://library.mxat.ru/books/reader/12>. (См. его, Мацкина, послесловие «А.К. Гладков. Личность и черты творчества» к книге, изданной уже после смерти АКГ: Александр Гладков. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Иск-во, 1980. С. 437–447.)

⁷² Лоу Альма — американская исследовательница Мейерхольда, эксперт по русскому авангардному театру, коллекционер, переводчица на английский работы АКГ «Мейерхольд говорит», автор книги (в соавторстве с Мэлом Гордоном) «Мейерхольд, Эйзенштейн и биомеханика: актерский тренинг в революционной России» (*Law A.H., Gordon M. Meyerhold, Eisenstein and biomechanics: actor training in revolutionary Russia*, 1996).

⁷³ Вторая часть мемуаров А. Эфрон — «Страницы былого» (Звезда. 1975. № 6. С. 148–189); первая часть была опубликована ранее: Страницы воспоминаний // Звезда. 1973. № 3. С. 154–180.

⁷⁴ Родзевич Константин Болеславович (1895–1988), юрист по образованию, сын высокопоставленного военнослужащего императорской армии

и «Горы».⁷⁵ Его характеристика не только положительная, но даже восторженная, противоречащая тому, что говорится в примечаниях к письмам к Тесковой. Это интересно. Отношения с Пастернаком тоже сглажены, т. е. показаны взаимными. Это делает честь дочери, но не объясняет того факта, как М.Ц. могла одновременно вести эпистолярный любовный роман с Р.⁷⁶ и беременеть от мужа, которого она тоже очень любила. Да еще писать лирические письма к Бахраху.⁷⁷ Какая потребность в любви и сколько силы на любовь!

Написано это хорошо, и даже позднейшему падению Эфрона дается предварительное объяснение[,] и довольно убедительное.

4 авг. 1975. Снова в Загорянке. Приехал утром после двух дней в Москве. <...>

В Москве в наших домах слух о смерти в Тарусе Ариадны Эфрон, но извещений нигде не было пока.

5 авг. 1975. <...>

Подтверждается слух о смерти Ариадны Эфрон. У нее 9 дней были сильнейшие боли инфарктного происхождения. Ее похоронили в Тарусе. Ирма приезжала на похороны.

7 авг. 1975. <...>

[от Дома книги на пр. Калинина] пошел пешком в ЦДЛ. На улице Писемского старенький домик, где жила Цветаева, сносят: там уже не живут: окна распахнуты.⁷⁸ Вот и Ариадна умерла. Сегодня извещение в «Литер. России».

России, в эмиграции агент НКВД, близкий друг С. Эфрона и М. Цветаевой.

⁷⁵ «Поэма Горы» и «Поэма Конца» (1924) написаны М.Ц. в Чехословакии, во время окончания романа с К. Родзевичем.

⁷⁶ С Родзевичем был не только «эпистолярный» роман, но и реальный.

⁷⁷ Бахрах Александр Васильевич (1902–1985), литературный критик и мемуарист, живший в эмиграции.

⁷⁸ Сейчас это Дом-музей М. Цветаевой в Борисоглебском переулке. В 1975 г. там еще жили люди, в 1979 г. дом по жалобам жильцов решено было расселять. Последней выехала в 1987 г. Н.И. Катаева-Лыткина, главная хранительница и защитница дома. Подробно история борьбы за дом описана в ее книге «Прикосновения» (М., 2002). А постановление о создании Культурного центра «Дом поэта Марины Цветаевой» было принято

4 дек. 1975. Днем была Ирма Викторовна Кудрова. Она по-прежнему работает в «Звезде» и приехала редактировать роман Каверина.⁷⁹ Согласна со мной в оценке сочинения Бурсова.⁸⁰ В Ленинграде была какая-то неофициальная конференция по Достоевскому[,] и секция переводчиков устраивала вечер Мандельштама,⁸¹ на который приезжали Женья Пастернак и Кома Иванов.⁸² <...>

По словам И.К.[,] комитет печати разрешил Гослиту выпустить двухтомник Цветаевой: том стихов и том прозы.⁸³ Дело тянется из-за равнодушия В. Орлова. #

Для Марины Цветаевой рассказывать о других это способ вспоминать о себе. Это не хитрость и не расчет. Это неизбежность.

на заседании Советского фонда культуры под председательством акад. Д.С. Лихачева и Р.М. Горбачевой 25 сентября 1990 г. Так что Лихачев появился позднее, а до этого были письма в разные инстанции, Союз писателей, Охрану памятников и т. д. В конце концов дом взяла в аренду Некрасовская библиотека в мае 1986 г.

⁷⁹ Какой роман Каверина имеется в виду? — В 1976 г. будет опубликовано автобиографическое повествование «Освещенные окна». Возможно, речь здесь идет о нем.

⁸⁰ Речь о книге Б.И. Бурсова «Личность Достоевского»: первое издание книги вышло в свет в 1974 г.

⁸¹ Посвященное О.М. заседание секции переводчиков Ленинградского отделения СП СССР — вечер из серии «Мастера художественного перевода» — состоялось в Доме писателей 26 ноября 1975 г. Из-за наплыва публики вечер перенесли из Красной гостиной в актовый зал. Вечер начался в 19.00 и продлился 4,5 часа. Среди выступающих — В.Г. Адмони, А.В. Федоров, Я.А. Колесов, Л.Я. Гинзбург, В.Н. Михайлов, А.В. Македонов, Э.Л. Линецкая, М.С. Лесман, Е.Б. Пастернак, П.М. Карп и В.В. Иванов.

⁸² «В харджиевском издании помещен десяток стихотворных переводов, действительно, замечательных, в основном из Барбье. О.М. переводил еще грузин (Важа Пшавела и авангардистов) — с подстрочника; австрийцев, книгу стихов Бартеля, пару стихов для детей Стивенсона — того самого, который “Остров сокровищ”, и довольно много старофранцузского эпоса (эти неопубликованные переводы отыскала Вика Швейцер), так что был план издать переводы О.М. в серии “Мастера перевода”; в связи с этим, видимо, и был вечер в секции переводчиков» (Ю.Ф.).

⁸³ Имеется в виду, по-видимому, будущее издание: *Марина Цветаева. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения; Т. 2. Проза. М.: Художественная литература, 1980.*

Потому что она лирический поэт, у которого всё через «я». ## Расположив ее мемуарные очерки в определенном хронологическом (вдоль ее жизни) порядке, можно получить довольно подробную и связанную автобиографию. Пробелы[,] конечно[,] есть, но разве нет их в классических жизнеописаниях? Пожалуй, нет другого такого русского поэта, так хорошо рассказывавшего о самом себе. А если к этому прибавить еще письма ее и некоторые воспоминания близких друзей, то целое жизни будет почти исчерпывающим. Можно только позавидовать ее будущим биографам. («Из попутных записей». Ед. хр. 60. Л. 96, 137) ##

<Об Ахматовой>

(Выписки из дневника Гладкова с упоминаниями Ахматовой)

Некоторые из отрывков воспроизводились в предшествующих публикациях. Так, к примеру, запись от 20 дек. 1961 г. опубликована в: **Гладков 1945–1973** (2000. С. 552–558; комм. С. Шумихина)⁸⁴, самая же ранняя ее публикация состоялась еще в «Вопросах литературы» (1976. № 9. С. 202–205: вместе со вступительной заметкой Ц.И. Кин); а позднее — уже в третьей по счету публикации: С.С. Никоненко «Об Анне Ахматовой» (*Гладков А.* Не так давно. М.: Вагриус, 2006. С. 572–576). Впрочем, во всех случаях с различными лакунами, добавлениями и заменами в тексте по сравнению с оригиналом. В данной публикации лакуны восстановлены, посторонние добавления устранены.

[Из дневника за 1940 год.⁸⁵]

12 апреля 1940. <...> Журнал «Ленинград» напечатал 6 новых стихотворений Анны Ахматовой.⁸⁶ Стихи очень (и даже слишком) ахматовские. Я отчасти разочарован. Такое долгое молчание сулило что-то новое, но, вероятно, я не прав. Ивану <Пулькину>⁸⁷

⁸⁴ См. Приложение. Перечень публикаций фрагментов дневников Гладкова (в конце книги).

⁸⁵ Александр Гладков. «Всего я и теперь не понимаю». Из дневников. 1940 // Наше наследие. 2014. № 111 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11114.php>).

⁸⁶ В № 2 журнала «Ленинград» за 1940 г. напечатаны пять стихотворений: «Одни глядятся в ласковые взоры...», «От тебя я сердце скрыла...», «Художнику», «Воронеж» (без посвящения и последней строфы), «Здесь Пушкина изгнание началось...».

⁸⁷ Пулюкин Иван Иванович (1903–1941; пропал без вести на фронте), поэт, друг АКГ; в 1920-х гг. публиковал частушки и стихи в молодежной печати (псевдонимы «Ван-Пу», «Ванька Клин», «И.П.», «Ванька из Волоколамска»); с 1928 г. его стихи появляются в «толстых» журналах: в них заметны интерес к древнерус. лит-ре, поиски новых ритмич. возможностей верлибра. В 1929 г. работал вместе с О. Мандельштамом в «Московском комсомольце»; большинство его стихов и поэм осталось неопубликованными.

стихи очень нравятся. В Ленинграде должен вскоре выйти ее одготомник. Это будет огромная радость для всех, кто любит русскую поэзию.⁸⁸

(50) «Правда» 8 марта 1942 г.⁸⁹

Кажется[,] это первый раз Анна Ахматова напечатана в Ц[ентральном] О[ргане] «Правде».

Стихи настолько простые, что почти не существуют, вернее кажутся такими.

Анна Ахматова! Как долго живет с нами это имя! Сколько с ним связано самого противоречивого! Как странно видеть это имя в «Правде» внизу третьей полосы.⁹⁰

22 апр. 1946. Недавно в Колонном зале был вечер поэтов-ленинградцев. Среди других выступала Ахматова. Ей устроили овацию. Зал встал, когда она вышла на эстраду. Говорят, она была этим напугана и повторяла: — У нас этого не любят...⁹¹ Она права: монополия на овации принадлежит одному человеку. Конечно[,]

⁸⁸ Сборник «Из шести книг» (Л.: Советский писатель, 1940) вышел в свет в мае, а через пять месяцев, в октябре 1940 г., появилось специальное постановление секретариата ЦК ВКП(б), вынесшее вердикт: «Книгу стихов Ахматовой изъять». «Однако, — замечает Л. Чуковская, — изъятие запоздало: книга Ахматовой была с восторгом раскуплена читателями в течение нескольких дней». И продолжает: «Постановление ЦК 1940 года явилось прообразом рокового постановления 1946-го» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. М.: Согласие, 1997. С. 220).

⁸⁹ Наклеена вырезка из газеты со ст. Ахматовой «Мужество».

⁹⁰ См. зап. от 11 марта в Всп, 123.

⁹¹ Упомянутый вечер московских и ленинградских поэтов, среди которых была и А.А., состоялся в Колонном зале Дома Союзов 3 апреля 1946 г. 6 апреля Л.В. Горнунг записал в своем дневнике: «Вечером после <...> выступления Ахматовой мне рассказали, что, когда она вышла на эстраду, публика, поднявшись со своих мест, встретила ее громом аплодисментов и в течение 15 минут не давала ей начать свое выступление» (Летопись жизни Ахматовой. С. 404–405). По слухам, узнав об этом, Сталин спросил: «Кто организовал вставание?»

у нее травма испуга после многих лет безвестности и унижений. Она дружит с Ардовыми⁹² и М. Петровых.⁹³

20 авг. 1946. <...>

Тревожные слухи, связанные с заседанием Оргбюро ЦК, появление в печати постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», начало проработок.

15-го или 16-го в Ленинграде на Партактиве состоялся доклад Жданова о постановлении. Текст его еще не напечатан, но слухи самые страшные. Особенно досталось Ахматовой и Зощенко.⁹⁴

3 сент. 1946. Кому особенно досталось в эти недели?

На первом месте Ахматова и Зощенко. <...>

Это те, кто поименован в резолюциях и постановлениях. <...>

Некоторые имена выскочили только к финишу кампании (если наступил финиш?), другие — как ваш покорный слуга, бранимы второй год, с прошлой весны⁹⁵ и к моменту вмешательства ЦК малость закалились.

Особенно отвратительны «высочайшие» характеристики Ахматовой и Зощенко.

⁹² Ардов Виктор Ефимович (настоящая фамилия *Зигберман*; 1900–1976), писатель-сатирик, драматург, сценарист, карикатурист; автор более 40 сборников юмористической прозы (рассказов, фельетонов, театральных скетчей, очерков), киносценариев к фильмам, теоретических работ по технике разговорного жанра на эстраде и в цирке; дружил со многими литераторами и деятелями российской культуры, которые бывали в его квартире в Москве, на Большой Ордынке (в их числе И.А. Бродский, А.И. Солженицын, М.М. Зощенко, Б.Л. Пастернак, А.А. Тарковский, Ф.Г. Раневская и другие). Особенно близка с семьей Ардовых была А.А. Ахматова, которая останавливалась в их доме во время своих визитов в Москву в 1934–66 гг.

⁹³ Петровых Мария Сергеевна (1908–1979), поэтесса и переводчица. При жизни вышла лишь одна небольшая и малотиражная книга избранной лирики Петровых — «Дальнее дерево» (Ереван, 1968).

⁹⁴ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Дневник. 1946. Оп. 1. Д. № 87. Л. 40.

⁹⁵ Имеется в виду кампания в газетах с обвинениями Гладкова в плагиате — за пьесу «Давным-давно» и «Жестокий романс» (*Погодин Н.* Мнимая значительность // «Советское искусство» от 2 марта 1945 г. № 9/941; *Шувалова М.* Переодетые герои. О «Жестоком романсе» А. Гладкова // «Ленинградская правда» от 26 апр. 1945 г. № 97/9132).

Ходит слух, что Сталин нашел у дочери Светланы⁹⁶ книгу Ахматовой, стал листать и пришел в ярость. Будто бы с этого все и началось. Это рассказ со слов самой Светланы.⁹⁷

5 сент. 1946. Опубликовано новое постановление ЦК — о порочности фильма «Большая жизнь».⁹⁸ Пожар перекинулся в кино.

21 сент. 1946. Сегодня в «Правде» стенограмма доклада Жданова на ленинградском партактиве. А вчера в «Сов[етском] искусстве» отчет о партсобрании в театре Вахтангова. Собрание признало ошибкой театра постановку порочной пьесы А. Гладкова «Новогодняя ночь».⁹⁹

⁹⁶ Аллилуева Светлана Иосифовна (1926–2011: урожденная и до 1957 г. — *Сталина*), дочь И.В. Сталина и Н.С. Аллилуевой; филолог-переводчик, канд. филол. наук, мемуарист; в 1956–1966 гг. сотрудница отдела советской литературы ИМЛИ; в 1966 г. выехала по туристической визе из СССР, в 1967 г. заявила о нежелании возвращаться.

⁹⁷ Позднее Б. Сарнов это квалифицировал как легенду: «Имеется в виду легенда, согласно которой Сталин однажды увидел, что его дочь Светлана — ей было тогда четырнадцать лет — переписывает какой-то рукописный текст в свою тетрадку. Он спросил: что это? Светлана сказала, что это стихи Ахматовой, которые ей очень нравятся. # “А зачем переписывать? — будто бы удивился вождь. — Если они тебе нравятся, возьми книгу и читай”. Светлана объяснила, что книги Ахматовой — редкость. К тому же они, кажется, запрещены. # Узнав, что его дочь читает — и даже переписывает — запрещенную или полузапрещенную литературу, Сталин выразил дочери свое неудовольствие» (Сталин и писатели. Книга вторая. — <https://www.litmir.me/br/?b=137031&p=142>). Но якобы именно после этого разговора с дочерью — в 1939 г. Ахматову стали печатать.

⁹⁸ Из Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) 4 сентября 1946 г. — О кинофильме «Большая жизнь» (режиссер Л. Луков, автор сценария П. Нилин): «В фильме “Большая жизнь” дано фальшивое, искаженное изображение советских людей. Рабочие и инженеры, восстанавливающие Донбасс, показаны отсталыми и малокультурными людьми, с очень низкими моральными качествами. Большую часть своего времени герои фильма бездельничают, занимаются пустопорожней болтовней и пьянством».

⁹⁹ Пьеса А. Гладкова «Новогодняя ночь» (пост. 1945 г.; другое название «Жестокий романс») была осуждена постановлением ЦК ВКП(б) и официальной критикой как «слабая и безыдейная», уводящая в мир «фальшивых

[1953]¹⁰⁰ (л. 35)¹⁰¹ <...> # Нина Мейнцендорф¹⁰² принесла «Огонек» почти месячной давности. В этом номере (№ 14) напечатан цикл стихов Анны Ахматовой, прославляющий... Сталина. Одно стихотворение кончается так:

И благодарного народа
Он слышит голос: «Мы пришли
Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли»...

Стишки все очень плохие, стенгазетного уровня. В другом стихотворении, посвященном 70-летию «корифея всех наук», пожалуй, еще более беспомощном, Ахматова называет Ленинград: «спасенным волею вождя».

«В день новолетия учителя и друга
Песнь светлой благодарности поют
Пускай вокруг неистовствует выюга,
Или фиалки горные цветут»...

По верным слухам[,] «выюги неистовствуют» как раз там, где сейчас находится ее сын[,] Лев Гумилев, арестованный в прошлом году в третий раз и загнанный к самому Карскому морю, как рассказывал один ленинградец. Что Ахматова искренна[,] я все-таки допустить не могу. Вероятно, Сталин презирует людей. И как же ему их не презирать?.. Может быть, ползая на коленях перед Сталиным, Ахматова все-же лукаво ему мстит... бездарностью стихов? (начало мая 1950) #

переживаний» — в постановлениях ЦК ВКП(б) от 14 авг. 1946 г., 26 авг. и 4 сент.

¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 93: Дневник 1953 (автогр., маш-сь, 141 л.: 1–31 об. рукописные записи в блокноте; 32–141 маш-сь). Записи 1953–1954 г. сделаны в Каргопольлаге.

¹⁰¹ Первый из двух отдельных недатированных листов (35–36), отпечатанных на машинке с иным интервалом, чем остальные, и вставленных в дневник между записями 2 фев. и 3 фев. 1953 г. (с датой написания текста — в конце записи).

¹⁰² В напечатанной фамилии «й» перечеркнуто чернилами.

1957¹⁰³**Записи 1957 года**

(5 об.) 13 янв. <...>

Сегодня днем был у К.Г. [Паустовского] <...>

На днях у него дома было заседание редколлегии альманаха «Литерат. Москва». Алигер с перепугу забракела половину (4 из 8) цикла стихотворений Ахматовой[,] и что_то ее пугает в новой части «Повести о жизни» К.Г., которая там должна идти в 3-ей книге. <...>

29 нояб. 1958. <...> Купил книжечку Ахматовой, довольно мило изданную.¹⁰⁴ Тираж — 25 000. Попалась она мне случайно. В нашей Лавке¹⁰⁵ с ней делается чорт-те что.

16 янв. 1960. <...> Знакомство с вдовой Мандельштама и ее рассказы. Его стихи.

24 сент. 1960. <...> Н.Я. Мандельштам дала мне воспоминания о М[андельшта]ме Анны Ахматовой. Это около пол-листа машинописи в форме записи в дневнике.¹⁰⁶ Написано блестяще: лаконично, невозмутимо в традиции пушкинской прозы и непривычно «прямо». Н.Я.¹⁰⁷ говорит, что А.А. давно ведет дневник и пишет мемуары. Это бесценная рукопись!

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 97. 126 л.

¹⁰⁴ Анна Ахматова. Стихотворения. М., 1958.

¹⁰⁵ Имеется в виду Книжная Лавка Писателей в Москве, образованная решением правления Всероссийского Союза советских писателей в 1931–1932 (начала работать на Моховой, потом на ул. Горького, пока не обрела окончательное место жительства — с весны 1941 г., перед самой войной — на Кузнецком Мосту, в доме 18/7).

¹⁰⁶ Воспоминания об А.А. Ахматовой О.М. — «Листки из дневника». По-видимому, речь идет о начальной версии, поскольку работа над «Листками...» была завершена только в 1963 или 1964 г.

¹⁰⁷ Н.Я. или Над. Як. — одно из наиболее частых в дневниках АКГ сокращений для обозначения постоянной собеседницы в 60–70-х гг. — Надежды Яковлевны Мандельштам (девичья фамилия Хазина: 1899–1980), жены поэта Осипа Мандельштама, сохранившей большую часть его литературного наследия, автора широко обсуждаемых в 70–80-е гг. мемуаров о нем.

9 окт. 1960. Приехала из Москвы Н.Я. М-м. <...>

Приехала из Лен-да Ахматова, по словам Н.Я. «обнаглевшая оттого, что не умерла летом» (она тяжело болела)[,] и сейчас всё ест и пьет. Есть новые стихи, но списка у Н.Я. нет, а так она не запомнила. М. б., придет сюда.¹⁰⁸

10 окт. 1960. <...> [АКГ беседует с Н.Я.]

Долго вчера сидел у нее[,] и снова интереснейшие рассказы о многом: о периоде молчания М-ма (между 26 и 30 гг.) и о причине этого. Ее концепция теории «капитуляции», о молчании П[астернака] и А[хматовой] приблизительно в этот же период.¹⁰⁹

5 дек. 1961. Утром сижу у Над. Як-ны. Она дает мне письмо, которое я должен передать, когда буду в Лен-де, Анне Андреевне Ахматовой. Н.Я. настаивает, чтобы я его прочитал. В нем пышные рекомендации мне и похвалы. Она дарит мне толстую папку с перепечатан[ным] на машинке полным ненапечатанным Мандельштамом (стихи, работа о Данте, письма жене и пр.).

20 дек. 1961. Сегодня познакомился с А.А. Ахматовой. Вот как это все было...

Проводив Эмму из гостиницы на урок англ. языка, (с которого она должна была идти играть спектакль), я почти у Литейного взял такси и поехал в больницу им. Ленина на Васильевский остров. Точного адреса у меня не было, но шофер довез меня туда в синеватых зимних ранних сумерках. Довольно легко нахожу нужный корпус: оказывается, что нужно было взять пропуск, но меня пускают и без него. Едва напавив на свои мощные плечи белый халатик, выданный мне в гардеробе, поднимаюсь на второй этаж. Все как-то очень казарменно и казенно. Довольно большой зал, куда меня приводит лестница, с бродящими фигурами больных женщин в халатах, разговаривающих с пришедшими на свидание. Было около пяти часов. Налево столик дежурной медсестры. Спрашиваю ее, как мне увидеть Анну Андреевну Ахматову[,] и получаю ответ: «Первая дверь направо». Иду по коридору. В стекло над первой дверью вижу, что в палате темно, иду дальше,

¹⁰⁸ В это время АКГ живет в Тарусе.

¹⁰⁹ Подробнее о разговоре 10 окт. 1960 г. — в главе о Н.Я. ниже.

потом возвращаюсь, какая_то женщина спрашивает меня «Вам кого?» и объясняет, что мне надо как раз в эту дверь. Оказывается, А.А. спит. Я вхожу вслед за ней, она зажигает свет, и на первой койке справа я вижу лежащую фигуру спящей на левом боку женщины. Это Ахматова. Ее будят. Она сразу догадывается, что я тот, кто привозил к ней на квартиру письмо от Н.Я. и не отдал его домашним. После нескольких фраз она начинает читать письмо, попросив извинения, и читает его долго, а я в это время рассматриваю ее, палату, а потом она, прочтя несколько фраз, заговаривает, я отвечаю[,] и некоторое время разговор так и идет с паузами, когда она читает длинное письмо. Н.Я. заставила меня его прочесть[,] и я знаю его содержание: там есть и пышные комплименты моему «уму», и кое_какие факты биографии, которые должны А.А. заставить считать меня «своим»... Палата небольшая с окном в сад, вдоль каждой стены по две кровати. Кровать А.А. первая справа. Высокий столик с лекарствами и табуретка, заваленная книгами. Среди них последний номер «Иностр. лит-ры», «Сюжет и стиль» — новая книга акад. Виноградова, книжка стихов Элюара в переводах Антокольского, тоже новинка, и какие то английские книги. Сверху лежит самый дешевый, какой есть, большой блокнот и на нем карандаш. А.А. красива, даже с румянцем в лице и чудесной сединой, руки ее обнажены почти до плеч: все время разговора она лежит на спине, почти не двигаясь. В руках сначала письмо, потом блокнот. Спрашивает о Н.Я. Оказывается, у А.А. в конце октября был третий инфаркт, сейчас лучше, но она не уверена, что «вылезла». Отвечая на мои вопросы, она говорит, что даже если бы ей разрешили выписаться, ей все равно некуда деваться, так как она не может ходить без посторонней помощи и сама открывать дверь, а дома у нее по целым дням никого не бывает и на новой квартире даже нет телефона. Поэтому и Комарово ей сейчас недоступно. Она говорит все это вовсе не жалуясь, а как бы шутливо: знакомая интонация гордости, которая не хочет просить. Все — чуть небрежно. В Москве ей тоже жить негде, если сможет приехать: у Ардовых, где она всегда останавливалась, в комнатке при кухне живет женившийся сын. Может быть[,] она остановится у М[арии] Петровых, которая ее звала... Чувствуется, что старуха одинока и некому за ней всерьез присмотреть.

Мне трудно припомнить весь разговор по порядку: он шел довольно хаотично. Кажется, она попросила меня прочесть три полученных ею на днях письма (или не на днях, но недавно). Это было письмо от А.А. Суркова¹¹⁰ — две странички пером с разными пожеланиями и изъявлениями преданности своей и жены, потом напечатанное на машинке письмо от академиков-филологов, просящих ее написать в какое-то издание Академии Наук о «связи ее творчества с древним русским фольклором», и открытка из Рима, написанная по-русски от некоего Филиппова,¹¹¹ издателя сборников «Воздушные пути», где уже дважды напечатана в разных вариантах ее поэма «Поэма без героя». Обратный адрес — какой-то шикарнейшей римской гостиницы, А.А. шутливо называет это «письмом от акулы капитализма». Но любопытно, что открытка дошла до нее. Тут же попутно она рассказывает о посещении ее каким-то изучающим русскую поэзию американцем, явившимся со всей своей семьей и даже с маленьким мальчиком. Еще она говорит, что в настоящее время в Сорбонне С. Лаффит читает специальный курс о поэзии Ахматовой. «Ходит слух, что в ленингр. “Звезде” в № 3 будут напечатаны мои стихи и статья о Пушкине...» Это точная ее фраза, мне запомнившаяся с неуловимо иронической и защитно небрежной интонацией. Я спрашивал ее, есть ли у нее мемуары в прозе, вроде «Листков из дневника», посвященных Мандельштаму. Она отвечает уклончиво: «Нет, если не считать маленьких отрывков»... Рассказывает, как все время растет «Поэма без героя»[,] и спрашивает: знаю ли я ее. Я отвечаю утвердительно. «Многие говорят, что она темная, непонятная: это правда?» Я отвечаю, что все заранее понятное не вызывает в читателе процесса восприятия и понимания, что стихи надо сначала «не понимать» и, входя в них, начать понимать, что для этого они

¹¹⁰ Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, участник Великой Отечественной войны, общественный деятель (был членом Советского комитета защиты мира, ответственным редактором «Литературной газеты» и «Огонька», секретарем правления СП СССР, депутатом Верховного Совета СССР); на его стихи написан ряд популярных песен, самая известная — «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь»).

¹¹¹ Очевидно, это Б.А. Филиппов, один из издателей, вместе с Г.П. Струве, американского трехтомника О.М.

и пишутся — или что-то в этом роде, мысль не очень ясно выраженная, но А.А. понятная, как будто. Она спрашивает меня: есть ли у меня список поэмы. Я отвечаю, что есть, но список 46 года. Она прерывает меня: «Дайте мне слово, что, вернувшись, вы немедленно уничтожите этот ужасный вариант!» Я шутливо жалуясь, что останусь ни с чем, и на это она мне обещает вскоре подарить новый последний список, который скоро будет (последнее издание) в шести экземплярах: два из них она собирается послать в Публичку и в Лен. библиотечку в Москву, «а остальные верным друзьям». Последнее, что она написала в поэме, по ее словам, это прозаические вставки. Она читала мои воспоминания о Мейерхольде и[,] бегло похвалив их, рассказывает о какой-то женщине (забыл точную фамилию), в которую, «как всем известно, был влюблен М-д и даже посвящал ей спектакли». (?) Потом она встретила ее в трагические годы дежурств на Шпалерной, когда у нее тоже сидел сын Эрик (кажется) и еще однажды там, где шел суд над ним, и А.А. думала, что свидетелем по делу будет Лева, и она его мельком увидела. Говорим о приговоре «10 лет без права переписки», что тогда было псевдонимом казни. Я рассказываю ей о конце М-да. Она говорит, что встретила однажды его «жену» у какого-то окошечка «справок». В ответ на мое недоумение она добавляет: «Нет, я говорю не о Райх, а о жене»... Она читает печатающийся сейчас в «Ин. Лит-ре» роман Фолкнера «Особняк»[,] и он ей не нравится. Из молодых поэтов она высоко оценивает Володю Корнилова,¹¹² особенно за поэму о смерти

¹¹² Корнилов Владимир Николаевич (1928–2002), поэт, писатель, литературный критик. В 1965 г. по рекомендации Ахматовой принят в Союз писателей СССР. Первую и вторую свои повести — «Без рук, без ног» (1965), и «Девочки и дамочки» (1968) — автор долго и безуспешно пытался опубликовать в Советском Союзе. Первую не напечатали, вторая в дек. была набрана, но сразу же после этого рассыпана. Свое третье и самое крупное прозаическое произведение — роман «Демобилизация» — К. уже не стал пытаться опубликовать на родине и передал свои произведения на Запад, где с 1974 г. они были напечатаны. Публикации в самиздате и в зарубежных русскоязычных изданиях, выступления в поддержку Ю. Даниэля и А. Синявского (1966), а также подписание письма «главам государств и правительств» с просьбой защитить академика А. Сахарова вызвали недовольство советской власти — в марте 1977 г. он был исключен из СП СССР (восстановлен в 1988 г.).

Сталина, которую она знает.¹¹³ Рассказывает, как недавно к ней в больницу проникли два молодых поэта или любителя поэзии, которые требовали от нее немедленного ответа, как сейчас надо писать, как она или как Пастернак. «Я им ответила, что Лермонтов и Тютчев жили в одно время и писали по-разному и оба были поэтами подлинными». Я ей говорю о небывалом сейчас приливе интереса к стихам. Она соглашается, что даже до нее сюда эти волны стихолюбия докатываются и что это всегда признак начала поэтической эпохи... Почему-то вспоминаем о Бальмонте. Я говорю о нелюбви своей к нему. Она с пониманием кивает и вспоминает, как после приезда Бальмонта из эмиграции в десятых годах на него ополчился в печати Брюсов. Бальмонт заносчиво отвечал, и они так спорили о дележе поэтического престола, а «мы молча улыбались, потому что знали, что истинные любители стихов были уже за нас и подходило наше время» («мы» — акмеисты, конечно). Где-то тут она попросила меня передать ей лежавшие под книгами какие-то листки и, бегло взглянув на них, попросила меня их прочесть. Это были напечатанные на машинке «Александр у Фив» и «Комаровские кроки». Я пробормотал что-то. Она попросила передать стихи Н.Я., и «если удастся», то попробовать через Галю Корнилову (она сказала «жену Корнилова») напечатать первое стихотворение в «Лит. газете». Потом она попросила передать ей блокнот и прочитала записанные в нем начерно стихи «Твоя земля» и еще стихи, посвященные певице Вишневецкой, певшей

¹¹³ Из начала:

Радио прошипело —
Что — не расслышал слов.
Ну, а потом Шопена
Кажется, понесло.
— Умер! Ты слышал радио? —
Маша меня трясла,
Но, одурев со сна,
— Шла бы, — сказал я, — к матери...

(Корнилов В. Заполночь (отрывок из поэмы) 1958–1960 // Источник: Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 102. Машинопись — http://www.memo.ru/history/5_Marta/Chapter6.htm).

по радио Баха.¹¹⁴ Эти стихи, особенно первое, мне понравились больше, и я стал просить их для газеты, но А.А. сказала, что они неотделанны и [что] второе слишком «блоковское». И она перечла две строчки и впрямь интонационно похожие на Блока. Я что-то дипломатично, но неуверенно возразил. Потом она прочитала мне заключительное стихотворение из цикла «Реквием» (14 стихотв. о 37 годе), написанного в те «трагические годы». Я запомнил несколько строчек:

И если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество
Но только с условием не ставить его
Ни около моря, где я родилась
Последняя с морем разорвана связь
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов...
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег...

Это из последнего стих[отворен]ия цикла, о том, как она бесконечно простаивала у Большого дома у окна справок, когда был арестован ее сын Лев.

Читала она это, оглядываясь и попросивши меня сказать ей, действительно ли в этот момент в палате никого нет (все время ее соседки то выходили, то входили: уже горело электричество). Читала она очень ясно, чуть пришептывая, но почти незаметно, без «раскраски», но с удивительно прекрасной и чистой артикуляцией губ. Должен сказать, что начала она читать мне стихи без моей просьбы, хотя она и вертелась у меня на устах. Я был[,] естественно[,] несколько напряжен и взволнован[,] и поэтому все запомнил не так четко, как это у меня обычно бывает (как и при первой встрече с Эренбургом). Я сказал ей, что надо обязательно «Реквием» написать (забыл упомянуть, что она сказала: «Эти стихи

¹¹⁴ Г. Вишневская в стихах Ахматовой поет «Бразильскую Бахиану» Вила Лобоса.

никогда не были записаны на бумаге» — она читала их наизусть.) Она спросила: «Вы думаете, можно?»... «Да, да[,] и можно и нужно послать их во все редакции»... она недоверчиво улыбнулась[,] и мы стали говорить о том, могут ли вернуться «те времена»... у нее есть и сильна еще инерция страха[,] и мудрено ли при такой страшной жизни? Об этом тоже говорили подробно: она спросила меня, «где» я «был» и прочее. Я раза два порывался встать и проститься, но она меня удерживала: «я не устала, если вы никуда не торопитесь»... Прошло более двух часов. Санитарка вкатила тележку с лекарствами и что-то поставила ей на столик — я сидел спиной к двери на стуле. Потом другая санитарка вкатила тележку с ужином, и я бегло взглянул — какая-то неаппетитная и совсем ерцевская рыба, вроде трески.¹¹⁵ Все это жалко и так казенно и скудно, — и палата, и соседки-старухи, и эта мокрая рыба, что защемило сердце. Я встал и начал прощаться. Она не удерживала больше. Я нагнулся и поцеловал лежащую на одеяле ее прекрасную руку, ту руку, которая столько написала...

Вышел, как на крыльях. В кармане два еще никому не известных стихотворения Ахматовой. Спустился, отдал халат, оделся и вышел на темную широкую улицу. Некоторое время шел по ней сам не зная куда, потом увидел зеленый огонек, остановил такси и очнулся только, когда мы уже ехали мимо ростральных колонн... Сложное чувство, вернее клубок нескольких чувств: и восхищение перед неувыдаемостью и свежестью ума и дарованья этой удивительной женщины, и восторг от легкости и свободы, с которой я с ней говорил (которые были у меня и с Всеволодом Эмильевичем, и с Борисом Леонидовичем), и тоскливое чувство жалости к ней, и стыд за обстановку, в которой она находится, и гордость за то, что она ни разу не подала виду, что ее это тяготит. Я подумал, что она могла бы оказаться в «те годы» в лагере[,] и представил, как достойно бы и легко она «там» держалась. Много думалось, пока я летел в снежный вечер в такси с Васильевского острова на Невский по «ее городу»...

¹¹⁵ *Ерцево* Коношского р-на Архангельской области — одна из «столиц» *Каргопольлага*, или «Каргопольской лагерной системы» (Ерцевское отделение включало в себя 17 лагпунктов), где сидел сам АКГ.

Конечно[,] я забыл здесь записать многое: и разговор о Пастернаке (она спросила, знал ли я его), и о том, как долетает до нее в больницу «литературная соль» споров и драк. У нее бывают, кроме родных (Пуниных),¹¹⁶ Добин¹¹⁷ и Адмони, какие-то профессора...

Долго бродил по Невскому, по каналу Грибоедова, по Марсову полю — не хотелось идти в гостиницу. Потом пришел[,] и сразу какие-то глупые звонки.

Ночью отвез Эмму со спектакля, вернулся домой, т. е. в номер, и сразу сел за машинку.

Эту встречу мне подарила Н.Я.[] и это поистине царский подарок.

Из великих поэтов XX века я знал Маяковского и Пастернака, теперь узнал Ахматову. Мог лично знать, но только видел мельком Мандельштама. Никогда не видел самую любимую — Цветаеву, хотя дважды пришел в место, откуда она только что ушла (редакция «30 дней»)¹¹⁸.

18 янв. 1962. <...> Третьего дня в «Лит. газете» два стихотворения Ахматовой, которые она дала мне в больнице, а я по ее просьбе передал в Москве (через Корниловых) в газету.¹¹⁹

1 февраля 1963. В «Лит. России» статья (недурная) об Ахматовой.¹²⁰ <...>

Письмо от Над. Яковл. Пишу ответ.

¹¹⁶ Пунины — это дочь последнего мужа А.А., искусствоведа Николая Николаевича Пунина (1888–1953), Ирина Николаевна Пунина (род. 1921), и ее дочь Аня Каминская; Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993), литературовед.

¹¹⁷ Добин Ефим Семенович (1901–1977), литературовед.

¹¹⁸ «Тридцать дней» — советский ежемесячный художественно-литературный, общественный и научно-популярный иллюстрированный журнал. Выходил в Москве с 1925 г. по июнь 1941 г. (Редакторы А.С. Андрейчик, В.И. Нарбут, В.И. Соловьёв, П.А. Павленко и др.) Наиболее полно в журнале был представлен жанр короткого рассказа и очерка. В нем впервые опубликованы романы И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931, со статьей А.В. Луначарского).

¹¹⁹ «Комаровские кроки» // Лит. газета. 16 января 1962.

¹²⁰ Озеров Л. Тайны ремесла. О новых стихах Анны Ахматовой // Лит. Россия. 1963. № 5. 1 февраля. Это была первая в СССР не ругательная,

30 апреля 1963. <...> Звонил Л.Я. Гинзбург. Над. Яковл. приезжает завтра и остановится у нее. Жаль, что не смогу быть с ней у Анны Андреевны.¹²¹

1 мая 1963. Под вечер едем с Эммой к А.А. Ахматовой, где нас уже ждет Над. Яковл. А.А. царственно сидит в кресле. Общий разговор. Н.Я. упрекает А.А. за то, что она на днях допустила до «аудиенции» Соболева.¹²² Та без юмора оправдывается, что она сделала это только потому, что тот может похлопотать о комнате для Э. Герштейн,¹²³ их старой приятельницы. У А.А. лежит первый том собрания сочинений Гумилева, выпущенный в Вашингтоне на русском языке.¹²⁴ Она не встает с кресла. <...>

23 сентября 1963. <...> Сегодня с утра работал в Ленинской библиотеке, потом поехал к Над. Яковл., которая живет у Шкловских. Провел там целый вечер: <...> Н.Я. показала нам стихи какого-то нового ленинградского кумира *Иосифа Бродского*. [имя вписано от руки, поверх исправленного — *нрзб.*] Одно короткое о Васильевском острове¹²⁵ — ничего, мило, но длинная ода Джону Донну¹²⁶ — манерна, скучна, вяла — типичные старопетроградские стихи. Он не печатается, кумир ленинградских психопатов,

а самая что ни на есть спокойно-критическая статья об Ахматовой за много лет.

¹²¹ Жалеет, что Л. Гинзбург не сможет быть у Ахматовой, а сам вместе с Эммой и Н.Я. у нее будет.

¹²² Очевидно, Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971), писатель; депутат ВС СССР (1958–1971).

¹²³ Герштейн Эмма Григорьевна (1903–2002), друг Н.Я. и А.А., литературовед, специалист по М.Ю. Лермонтову и автор ставших позднее известными «Мемуаров», вышедших двумя изданиями — в 1998 и 2008 гг.

¹²⁴ Гумилев Н. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1–4. Из-во книжного магазина Victor Kamkin, Inc. Вашингтон, 1962–1968.

¹²⁵ *Ни страны, ни погоста / не хочу выбирать...* («Стансы» 1962).

¹²⁶ Очевидно, имеется в виду «Большая элегия Джону Донну» (1963) // Бродский И. Стихотворения и поэмы. Т. 1. СПб.: Вита Нова, 2011. С. 116–120.

еврей с рыжей бородой. От него в восторге Ахматова, а Лидия Яковлевна¹²⁷ протезирует А. Кушнеру.¹²⁸ <...>

26 сент. 1963. Прочитал ахматовский цикл «Реквием» полностью. «Эпilog» цикла я слышал от нее самой, когда был у нее два года (или — год?) назад в больнице. Некоторые стихи замечательные, на других есть отпечаток стилистической поэзы, но придирааться к ним не хочется. Важно, что А.А. это написала...

20 июня 1964. <...> Созвонившись с Над. Як., еду к ней <...>.¹²⁹

<...> Звонит Анна Андреевна Ахматова и просит зайти за ней на Ордынку к Ардовым и привести к Шкловским (где живет, как всегда, Над. Як.). В это время приходит молчаливый физик в очках, которого я уже видел в этом доме, поклонник стихов и хороших поэтов, человек немолодой и ответственный.¹³⁰ Идем втроем за А.А. Она плохо ходит даже с палкой и много что-то недослышивает, но лицо ее не по-старушечьи красиво и значительно, ум свеж и остроумие не блекнет. Удастся взять такси[,] и, хотя это очень близко, мы возьмем ее, потом я с физиком отправляемся за покупками. А.А.

¹²⁷ Гинзбург Лидия Яковлевна (1902–1990), литературовед, писатель, мемуарист; знакомая и собеседник АКГ. Автор главы о Мандельштаме в книге «О лирике» (первое издание — 1964: в нем редакция эту главу не пропустила) и статьи о нем в сб. «Стихотворения» (см. ниже, прим. к зап. от 9 фев. 1968).

¹²⁸ Александр Семенович Кушнер (род. 1936), поэт.

¹²⁹ Подробнее эпизод изложен у Шумихина в *Гладков 1945–1973* (In memoriam... 2000). С. 562–564. См. Приложение. Перечень публикаций фрагментов дневников Гладкова (в конце книги).

¹³⁰ Физик — видимо, Георгий Васильевич Глёкин (1915–1998), собеседник Ахматовой последних семи лет ее жизни, написавший воспоминания о ней, отдельные фрагменты из которых были опубликованы в ленинградском «Дне поэзии» за 1988 и 1989 гг. Биолог по образованию, он несколько лет преподавал в школах в московском пригороде, городе Бабушкине, в просторечии — в Лосинке, где жил с семьей с 1924 по 1967 г., а в 1950-е гг. ушел в науку и занимался проблемами физиологии слуха в Акустическом институте им. Н.Н. Андреева АН СССР (<http://www.akhmatova.org/letters/glekin.htm>). Автор книги «Что мне дано было... Об Анне Ахматовой». М.: Азбуковник, 2015.

вина не пьет, а только водку, но сегодня она не хочет пить, и мы покупаем боржома, сыра, ветчины, шпротов и апельсинов. Образуется маленький пир. Еще горячая картошка и чай. Кроме нас еще старуха Василиса Шкловская, Варя, Панченко,¹³¹ потом приходит какой-то Ефим¹³² и Юлия Живова.¹³³

Сидим так несколько часов. А.А. говорит немного, но всегда интересно. Юлия Ж. приносит известие, что А.А. разрешена поездка в Италию. Там ей присудили какую-то премию и идет что-то вроде фестиваля поэзии.¹³⁴ До этого всё время отказывали. Будто бы разрешено ехать на 10 дней в любое удобное А.А. время. А.А. узнает это впервые вот тут. Она заметно (хотя и не слишком) оживляется и просит, чтобы проверили. Звонят Маргарите Алигер, и та подтверждает (у нее дочь Маша служит в Иностранной комиссии ССП).¹³⁵ Заходит речь о воспоминаниях Чуковского,¹³⁶ и А.А.

¹³¹ Николай Васильевич Панченко (1924–2005), поэт, участник войны, муж Варвары Викторовны Шкловской-Корди; будучи редактором Калужского книжного издательства, стал в 1961 г. инициатором и членом редколлегии знаменитого альманаха «Тарусские страницы»; в 1965 г. подписал коллективное письмо в защиту Даниэля и Синявского.

¹³² Возможно, первый муж Варвары Шкловской — Ефим Арсеньевич Либерман (1925–2011), биофизик и физиолог.

¹³³ Юлия Марковна Живова (1925–2010), дочь поэта, журналиста (работавшего в «Известиях» при Бухарине), позднее переводчика с польского и исследователя польской литературы — Марка Григорьевича Живова, вторая жена И.Д. Рожанского, переводчица, специалистка по польской литературе, редактор Гослита, была очень близким Ахматовой человеком, всегда помогавшим ей в быту, когда та жила в Москве.

¹³⁴ Сицилийская премия «Этна Таормина» по европейскому и даже итальянскому счету не очень значительная, но ее присуждение (кажется, согласованное с советским руководством) для недавно вышедшей из официальной опалы Ахматовой значило чрезвычайно много (Ю.Ф.).

¹³⁵ Алигер Маргарита Иосифовна (настоящая фамилия *Зейлигер*; 1915–1992), поэтесса. Но на самом деле *Маша* — это была ее младшая дочь (от А.А. Фадеева): Мария Алигер-Энценсбергер (1943–1991). А старшая — Татьяна Константиновна Макарова (1940–1974), поэт и переводчица поэзии.

¹³⁶ Чуковский Корней Иванович (наст. имя *Николай Васильевич Корнейчук*; 1882–1969), поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист. Отец писателей Николая Корнеевича Чуковского и Лидии Корнеевны Чуковской.

говорит то же, что и я («Большой человек имеет право быть отраженным в ста зеркалах, и каждое отражение существенно»). Н.Я. рассказывает, что у нее как будто выходит дело с пропиской через чью-то протекцию <...>¹³⁷

20 июня 1964. <...> Меня она [Ахматова] узнала и разговаривала как с хорошим знакомым. Потом она ушла вместе с Юлей, которая пошла ее провожать, и забыла свою палку с ручкой из слоновой кости. Коля Панченко побежал ее догонять.

27 июня 1964. Четвертый день в Ленинграде, на Кузнецовской.¹³⁸

Когда мы с Левой¹³⁹ тащили вещи по перрону перед отходом «стрелы», меня окликнула Юлия Живова. Она тоже тащила чемодан. Оказалось, что это вещи Анны Ахматовой, что она идет сзади. Оглянувшись, я ее увидел, подошел, поздравил — в этот день 23-го ей исполнилось 75 лет. Я ехал в первом вагоне, она в шестом. Устроившись и оставив вещи, я пошел к ней. Она уже сидела в купе. В числе провожатых был Кома Иванов,¹⁴⁰ кажется, с женой. Юлия Ж. успела мне шепнуть, что у Н.Я. дела еще не прояснились (на счет прописки) <...>

31 окт. 1964. <...> Н.Я. приехала. Просила меня взять ей на воскресенье билет в Ленинград — она едет навестить Анну Андр. Ахматову.

<...>

¹³⁷ Более полно эту запись см.: в *Гладков 1945–1973*, 2000. С. 562–564. См. Приложение. Перечень публикаций фрагментов дневников Гладкова (в конце книги).

¹³⁸ Ул. Новокузнецовская — это адрес Эммы Поповой в Ленинграде.

¹³⁹ Левицкий Лев Абелевич, или часто в дневнике просто — Лева (Левинштейн; 1929–2005), литературный критик, литературовед, сотрудник «Нового мира», работавший в отд. поэзии, многолетний друг АКГ, сам оставил 2 тома опубликованных дневников: «Утешение цирюльника. Дневник. 1963–1977» (СПб., 2005) и «Термос времени. Вторая часть (1978–1997)» (СПб.: Издательство Сергея Ходова, 2006).

¹⁴⁰ Ива́нов Вячеслав Всеволодович (а также Кома — первоначально семейное прозвище; 1929–2017), лингвист, семиотик, антрополог, переводчик, специалист по сравнительно-ист. языкознанию, академик; сын писателя Всеволода Иванова.

30 дек. 1964. <...> Сюда приехал Д.Е. Максимов. По его словам, в феврале том Пастернака пойдет в типографию. Вернулась А.А. Ахматова, объездившая всю Италию, измученная, уставшая, обвешанная славы. Вероятно, если у нее хватит сил, она поедет вскоре и в Англию. Ее славолубие и ревность: она удивлялась на Д.Е., зачем ему нужно заниматься Блоком, подразумевая: когда есть она. Когда в ее присутствии хвалят Цветаеву, молчит (хорошо воспитана), но человек этот для нее перестает существовать. Будто бы она расширила почти втрое свои воспоминания о Мандельштаме: надо выпросить у Н.Я. Терпеть не может Оттена (после одной встречи) и едва прощает Н.Я. то, что она живет с ними.¹⁴¹

16 мар. 1965. <...>

В «Лит. газете» хвалебная, но неумная статья Ахматовой о книге Герштейн.¹⁴²

1 июня 1965. <...>

Ахматова (по словам Н.Я.) сидит в Москве и ждет визы в Англию.

11 июня 1965. <...> Б[еньяш]¹⁴³ рассказывает об Ахматовой. Есть интересные вещи. Но всё не очень обаятельно. В А.А. всегда было много позы, жизни для истории, для биографии. Надо бы записать кое-что, но все, что слышишь, не хватит времени записывать.

22 окт. Вчера целый день в Москве. <...> Потом у Надежды Яковлевны. <...>

У нее уже есть последняя книжка Ахматовой, присланная А.А. с надписью: «Наденьке — всё равно, что мне самой»... Книга хорошая и нарядно изданная. В Москве ее еще нет в продаже.

¹⁴¹ Только часть этой зап. публиковалась ранее Шумихиным в *Гладков 1945–1973*, 2000. С. 564.

¹⁴² *Анна Ахматова*. Заметка на полях // Литературная газета. 16 марта 1965. № 34.

¹⁴³ Беньяш Раиса Моисеевна (1914–1986), театровед и театральный критик.

18 нояб. Рано утром приехал в Комарово. <...> [там Дар и Л. Чуковская] <...>

Л.К. Чуковская¹⁴⁴ рассказывала, что Anne Андреевне лучше и диагноз микроинфаркта не подтвердился.

5 марта 1966. [АКГ узнает, что умерла Ахматова] Ей было 76 лет.¹⁴⁵ <...>

12 марта 1966. <...> Вчера в Комарове похоронили Ахматову. Я не поехал на похороны.¹⁴⁶ [АКГ еще болен] По словам Максимова[,] все было неважно и достаточно фальшиво. Достаточно уже того, что речи говорили Михалков, Ходза¹⁴⁷ и др.

[22 марта] 1966. <...> О том, как умерла Ахматова (из письма Л[евы] <...>) Утром 5-го к ней пришли <...>¹⁴⁸

22 апр. 1966. <...> Опять не спалось ночью, вдруг придумал сделать в статье эпиграфом строки Ахматовой о портретах, которые изменяются после смерти человека. Вскочил, сел за машинку, но вдруг решил ввести это прямо в текст начала статьи.¹⁴⁹ И снова долго не мог уснуть.

Всё еще «крутятся шарики», как говорит Эмма.

Сегодня сяду переписывать набело.

15 янв. 1970. <...> Жирмунский¹⁵⁰ рассказывал Эт[кинду], что цензура сейчас всюду вычеркивает имя Мандельштама. Ж. пишет

¹⁴⁴ Чуковская Лидия Корнеевна (1907–1996), редактор, писательница, поэт, публицист, мемуаристка, диссидент.

¹⁴⁵ Подробнее в: *Гладков 1945–1973*, 2000. С. 567.

¹⁴⁶ 19 марта 1966 г. АКГ в письме к Н.Я. сообщает, что «не мог быть на похоронах Анны Андреевны и не мог даже толком узнать, как все было» (л. 14).

¹⁴⁷ Нисон Александрович Ходза (1906–1978), детский писатель.

¹⁴⁸ Это есть и у Шумихина в *Гладков 1945–1973*, 2000. С. 567 — как запись за 22 марта. См. *Приложение. Перечень публикаций фрагментов дневников Гладкова* (в конце книги).

¹⁴⁹ Скорее всего, это статья об Олеше, которая потом получила название «Слова, слова, слова...».

¹⁵⁰ Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), лингвист и литературовед.

работу об Ахматовой¹⁵¹ и в отчаянии. Будто бы это потому, что за границей вышли мемуары Н.Я. Я думаю — это ошибка: вышел пока 3-й том сочинений с письмами.¹⁵² Если бы вышли мемуары, об этом бы грело.

23 сент. 1972. <...> Там же [в Лавке писателей] Костя Богатырев,¹⁵³ который просматривал второй том воспоминаний Н.Я. Мандельштам. По его словам, она там многих обливает грязью: М. Шагинян и Маршака, Ардова прямо называет стукачом. Бранит Н.А. Ольшевскую,¹⁵⁴ изображая ее чуть ли не убийцей Ахматовой, бранит Зенкевича¹⁵⁵ и сдержанно пишет о Пастернаке. Он сказал, что она ссылается на мои восп[оминани]я о Б.Л., но не помнит, в каком контексте. Бродим с ним по книжным магазинам ул. Горького.

¹⁵¹ *Жирмунский В.М.* Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.

¹⁵² 3-й том сочинений О.М. вышел в 1969 г., а «Воспоминания» Н. Мандельштам — в 1970 г., причем в его конце. Однако первые предуведомления об их выходе появились еще весной.

¹⁵³ Константин Петрович Богатырев (1925–1976), филолог-германист, переводчик. В 1951 г. арестован по доносу сексота; в 1956 г. реабилитирован, вернулся в Москву, окончил филологический факультет университета. Был близок к А.Д. Сахарову. 26 апреля 1976 г., в девятом часу вечера, неизвестные нанесли Богатыреву несколько ударов кастетом у порога его квартиры на пятом этаже «писательского» дома (Красноармейская, 25). С переломом основания черепа и в бессознательном состоянии Богатырев был доставлен в больницу. 15 июня он пришел в сознание, однако объяснить причины происшедшего отказался. 18 июня умер. Его убийцы не были найдены.

¹⁵⁴ Ольшевская Нина Антоновна (1908–1991), театральная актриса, училась у Станиславского; работала во МХАТе, потом перешла в Театр Красной Армии; работала режиссером; мать актера Алексея Баталова и писателя (протоиерея) Михаила Ардова; входила в ближайшее окружение Ахматовой: в квартире Ардовых на Большой Ордынке та жила во время приездов в Москву и считала ее своим «московским домом».

¹⁵⁵ Зенкевич Михаил Александрович (1886–1973), поэт и переводчик; один из соучредителей «Цеха поэтов»; в советское время больше занимался художественным переводом.

25 сент. 1974. <...> Звонок Н.А. Роскиной.¹⁵⁶ Потом она приходит и приносит свои рукописи. Это повесть о детстве и отце и мемуарные очерки об Ахматовой, Заболоцком, Гроссмане и Берковском. Оказывается, она была женой Заболоцкого.

Я всё прочитал за вечер. Мемуары лучше, чем повесть — особенно об Ахматовой и Заболоцком. В Берковском что-то не схвачено. О Гроссмане как-то неполно (хотя главное верно). Заболоцкий неожиданный (вероятно[,] от ракурса рассмотрения). Ахматова как живая.

12 дек. 1974. <...> Залпом прочел воспоминания М. Алигер об Ахматовой. Она дипломатично обходит многое (вторичный арест сына, речь Жданова, исключение из Союза и пр.), но кое-чем дает понять, так сказать, иносказательно (а в одном месте прямо чувствуется купюра редакционная или цензурная). С этими оговорками написано хорошо и с пониманием Анны Андреевны. Молодец она, что написала про это. Очень туманно и деликатно отзывается о просталинских стихах в «Огоньке»: помню, как они на меня, когда я прочел их в лагере, произвели впечатление оскорбления, хотя я тогда всё понимал об ее мотивах и обстоятельствах.¹⁵⁷ Воспоминания Н. Роскиной[,] конечно[,] правдивее и интереснее, но они[,] должно быть[,] долго не будут у нас напечатаны.

17 марта 1976. Умер Виктор Ефимович Ардов. Я с ним познакомился, когда мне было 18 лет и я поехал корреспондентом на Сталинградский тракторный завод. Он там пребывал с бригадой МХТ-а. Мы подружились. Я имел нахальство советовать ему серьезнее относиться к себе. Он смеялся надо мной, но был отчасти

¹⁵⁶ Роскина Наталья Александровна (1927–1989), филолог, специалист по русской литературе, автор воспоминаний об А. Ахматовой, Н. Заболоцком, В. Гроссмане и Н. Берковском (*Наталья Роскина*. Четыре главы из литературных воспоминаний. Paris: YMCA-Press, 1980).

¹⁵⁷ Так называемая «Публикация отчаяния» в «Огоньке» в 1950 г. стихов Ахматовой к 70-летию Сталина с попыткой вызволить из лагеря своего сына, Льва Гумилева. Унижение оказалось напрасным: Лев Гумилев был освобожден лишь в 1956 г. одним из последних политических заключенных. (См. выше записи 1950 г.)

тронут и, когда мы вернулись в Москву, дважды взял меня с собой на заседания «Никитинских субботников».¹⁵⁸ Все последующие годы мы встречались мимоходом, но всегда дружелюбно. Там же на СТЗ возник его роман с Ниной Ольшевской, вернее[,] там он влюбился в нее (а роман у нее, тогда еще бывшей замужем за В.П. Баталовым,¹⁵⁹ был с молодым Грибовым).¹⁶⁰ Она ушла к Грибову от Баталова, затем уже к Ардову. Уже в 60-х гг. я заходил к нему за А.А. Ахматовой, которая обычно у него останавливалась. В иные годы над ним клубились одиозные слухи (как раз из-за его отношений с Ахматовой), но я не уверен, были ли они верны. Он отличался от прочих юмористов не тем, как и что он писал, а тем, как он жил, т. е. женой, семьей, друзьями. Человек он был очень остроумный, хорошо рисовал и вырезал из бумаги похожие силуэты.

¹⁵⁸ *Никитинские субботники* — кооперативное издательство писателей, появившееся в Москве в 1922 г. при одноименном литературном объединении, организованном журналисткой, поэтессой, редактором и литературным критиком Евдоксией Федоровной Никитиной.

¹⁵⁹ Владимир Петрович Батáлов (1902–1964), актер и кинорежиссер, педагог.

¹⁶⁰ Алексей Николаевич Грýбов (1902–1977), актер театра и кино, педагог. Народный артист СССР (1948). Герой Социалистического Труда (1972). Лауреат четырех Сталинских премий (1942, 1946, 1951, 1952).

Этот дружеский шарж, изображающий меня на "общих работах" в конце июня 1949 г. (т.е. вскоре после прибытия из тюрьмы в лагерь) нарисован молодым литовским художником Виткаусом, моим "коллегой" по карантину.

Илл. 8. Дружеский шарж (июнь 1949) сокамерника по Каргопольлагу — А.Л. Виткаускаса (<http://old.memo.ru/museum/rus/graphics/vitkaus.htm>): АКГ на общих работах в «карантине» («27 июля 1952. По-прежнему с 18 июня живем на 3-ем лагпункте. <...> Тут Вит<кау>скас [переправлено поверх напечатанных букв], молодой литовец художник, мой однокашник по карантину в 49-ом году. Он делает рисунки к моим стихам».)

Глава III

ДИАЛОГ С Н.Я. МАНДЕЛЬШТАМ ПО ДНЕВНИКУ И ПЕРЕПИСКЕ¹

*<...> Лицо жены его, длинное и умное,
напоминает лицо изголодавшейся львицы.*
(В.Н. Арбачева (Горбачева), 13 апр. 1931)

Н.Я. была опытным «ловцом душ».
(Э. Бабаев)

Впрочем, я, умею не терять пессимизма.
(из письма Н.Я. — АКГ, 25 марта 1963)²

*«Моча в норме», как любит говорить
Надежда Яковлевна.*
(АКГ. Дневник. 1972)³

¹ Примечания к главе М. Михеева и П. Нерлера. Правописание и пунктуация в целом приведены к современным нормам, исключения оговорены ниже. В главе используются следующие аббревиатуры: А.А. — А.А. Ахматова; АКГ — А.К. Гладков; Б.Л. или Б.П. — Б.Л. Пастернак; Н.Я. или Над. Як. — Н.Я. Мандельштам; О.М. — О.Э. Мандельштам; Ю.Ф. — Ю.Л. Фрейдин.

² Скорее всего, здесь перед нами цитата, т. е. переиначенное выражение: «Главное — не терять отчаяния», — изначально принадлежавшее Николаю Николаевичу Пунину и произносившееся им «по поводу время от времени возникавших “самообольщений” и надежд» (Бабаев Э.Г. Воспоминания. СПб.: Инапресс, 2000. С. 209). После Пунина его часто использовала Ахматова, а уже вслед за ней — и Н.Я.

³ В действительности и это выражение принадлежит не самой Н.Я., а Ахматовой (Мандельштам Н. Об Ахматовой. М.: Три квадрата, 2008. С. 135). Это некая присказка, или одна из «пластинок», которые та любила «заводить»

Для Гладкова, в нашем веке уже практически забытого как драматург (хотя он — автор десятка пьес и когда-то знаменитой, шедшей с большим успехом по всей стране комедии «Давным-давно»), зато известного теперь в качестве мемуариста и как автора обширного дневника, только три поэта были предметом поклонения — Цветаева, Маяковский и Мандельштам. (Правда, это поздняя уже его переоценка, от 20 дек. 1961 г., а вот четвертью века раньше, в 1937 г., тройка его любимых авторов выглядела несколько иначе: *Маяковский, Пастернак и Цветаева*: Мандельштам шел тогда только во втором ряду — вместе с Блоком, Хлебниковым и Ахматовой.) Сам он с детства запоем писал стихи, пока при личной встрече, в разговоре с Маяковским, тот не сказал ему, по-мужски, начистоту, что если он может **не писать** стихи, то это и не следует делать (почти как потом у Булгакова будет говорить *Мастер — Ивану Бездомному*). Нельзя сказать, что Гладков этому совету классика беспрекословно последовал: стихи писать так и не перестал, они сильно выручали его, когда потом он окажется почти на шесть лет в заключении на севере, в Каргопольлаге.

Любителем поэзии Мандельштама Гладков был издавна: после первого же ареста поэта, в 1934 г., как мы видим из дневника, он интересовался его судьбой, из всех доступных источников добывал о нем сведения и очень жалел, что услышать самого Осипа Эмилевича на выступлении ему довелось всего только однажды, 10 ноября 1932 г.⁴ Как видим, любовь к Мандельштаму к концу жизни АКГ, по мере знакомства с его стихами, все возрастала. Во многом благодаря знакомству с его вдовой. А с Надеждой Яковлевной Гладков познакомился в начале 1960 г., когда гостил в Тарусе у Оттенов. Вместе с Николаем Оттеном он тогда писал сценарий, но в дневнике постоянно сетует, что писать приходится почти исключительно ему одному⁵ (позднее они с Оттеном как будто

своим собеседникам, многие из которых подхватывались слушателями. — Вот и АКГ, услышав это словечко от Н.Я., приписал его ей.

⁴ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 73. Л. 43.

⁵ О совместном с Оттеном сценарии «Бумажные цветы» АКГ в дневнике напишет: «20 янв. 1960. Энергично работаю над либретто сценария. Оттен уже сам начал подтрунивать над своей пассивностью — выдумываю один я».

и вовсе рассорятся, во всяком случае, общение станет натянутым). А вот завязавшемуся здесь, в Тарусе, знакомству с Н.Я. он будет как раз несказанно рад и в дальнейшем, подводя в дневнике итоги, как делал к концу почти каждого года, будет специально это отмечать. Или же — печалиться оттого, что общение их становится все более прохладным и отдаленным:

31 дек. 1967. <...> Меньше общался (по случайным причинам) с Н.Я. Мандельштам.

Благодаря этой дружбе он получает доступ к архиву О.М., к его переписке и к уже написанным или пишущимся буквально на его глазах воспоминаниям самой Н.Я. Причем вдова поэта обсуждает с АКГ свои мемуары и прислушивается к его критике. Да он и сам все время лелеет мечту — написать о Мандельштаме нечто в жанре эссе. Вот из его письма к Н.Я. (Комарово, 30 нояб. 1965 г.):

Опять переделываю сценарий, чтобы разбогатеть через полтора года, и пишу еще одну статью для «Нового мира». Эти статьи — только разбег. Немного привыкнул ко мне в этой новой роли литературного критика-эссеиста[,] и буду писать о Мандельштаме и Маяковском.⁶

К сожалению, выполнить задуманное Gladkovу в очередной раз так и не удалось... Вернее — он не успел оформить уже написанное во что-то готовое для печати. После смерти, в 1976 г., статьи и о Мандельштаме, и о Маяковском останутся в его архиве неоконченными.

Впрочем, восхищение своей собеседницей у АКГ с самого начала будет сопровождаться еще и легкой иронией — но, очевидно, обоюдной, подстегиваемой взаимными подтруниванием, шутками и колкостями, с переходом на более вольный регистр общения:

...удивительная старуха с острым умом и цепкой и злой памятью (11 окт. 1960), милая старуха (дек. 1961), умная старуха (дек. 1963), на редкость умная старуха (сент. 1963), хорошая старуха!

⁶ РГАЛИ. Ф. 1893. О.Э. Мандельштам. Оп. 3 (опись Фрейдина). Ед. хр. № 185: Письма от А. Gladkova — к Н.Я. Мандельштам. Л. 7.

(авг. 1965); жалко старуху! (янв. 1967); упрямая старуха (31 мая 1971)...

(Ср. ниже именование самого АКГ в письме Н.Я., которое было адресовано его возлюбленной, Эмме Поповой, *медведем-стариком*.) В то время АКГ — около 50 лет, а Н.Я. — слегка за 60 (многие писали, что она выглядела старше своих лет). Их знакомство в конце четвертого года осложнится сознанием непростоты характера собеседницы и будет дополнено критическим взглядом на *манеру* ее письма, хотя, сталкиваясь с этим, он постоянно стремится ее оправдать:

29 сент. 1963. <...> Есть и преувеличения, и односторонность, но как им не быть с такой каторжной жизнью.

Через десяток лет, уже в конце этого активно дружественного общения, прозвище *старуха* с его стороны становится не просто ироничным (и несколько назойливым), но, похоже, и издевательски-зловещим. Зная острый язычок Н.Я. и то, что лицо, вышедшее из сферы ее влияния (а как правило, вместе с тем и из сферы внимания), часто становится объектом резкой, порой несправедливой критики с ее стороны, Гладков, видимо, всерьез опасался, что и о нем она может отозваться не совсем благоприятно:

31 окт. 1972. <...> Полтора года, как я перестал ходить к Н.Я., и старуха могла рассердиться и наплести что-нибудь.

С начала 70-х гг. их общение медленно угасает. Однако долгое время в течение первого, вполне дружественного десятилетия, с 1960 по 1970 г., да и впоследствии их контакты неизменно сопровождались выражением взаимной приязни и симпатии. Как в общении с посторонними, так и в самом интимном тексте, дневнике, АКГ придерживается, как правило, чрезвычайно высоких оценок Н.Я. как личности безусловно выдающейся — особенно ценя ее ум:

(10 окт. 1960) Н.Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором;

(1 сент. 1966) человек она замечательный: умница, свежая голова, образована — за всю жизнь я наперечет встречал равных ей.

И ранее:

(17 фев. 1966) В последнем письме Над.Як. пишет, что очень по мне скучает и хочет видеть. Мне это приятно: я считаю ее замечательной женщиной.

Правда, в начале 1964 г. у них возникает довольно острый спор — из-за стихов Иосифа Бродского. Того как поэта АКГ вообще почему-то не хотел признавать, не видя в стихах этого *еврея с рыжей бородой* (23 сент. 1963) какого-то серьезного таланта. Вот как он тогда же отзовется о его стихах: просто — *типичные старопетроградские стишки*. К сожалению, все письма АКГ к Н.Я. за 1964 г. утрачены,⁷ и лишь его дневник, с одной стороны, и письма к нему самой Н.Я. — с другой, сохранились и позволяют нам хоть как-то восстановить и представить себе их тогдашние позиции.⁸ (Из-за этой неполноты и предпринята настоящая «комбинированная» публикация — и дневника, и части переписки.)

Все время общения с Н.Я. для АКГ — источник новых и новых знакомств с людьми, как, например, с Ахматовой (в декабре 1961 г. он по просьбе Н.Я. отвозит той в больницу письмо и потом с подробностями описывает произошедшую между ними беседу). Возможно, от Н.Я. он узнаёт и о том, что Шаламов пишет прозу («Колымские рассказы»): до этого он знал того только как поэта, причем не первого порядка.⁹ У нее же АКГ знакомится с американцем Кларенсом Брауном, который первым из иностранцев станет писать о Мандельштаме, защитит первую в мире диссертацию о нем, будет участвовать в английском издании его стихов. От нее АКГ узнаёт и про солженицынский роман «В круге

⁷ Скорее всего, Н.Я. просто раздала их по знакомым: по свидетельству Ю.Ф., она очень часто именно так поступала, т. е. «раздаривала или отдавала желающим большинство получаемых ею писем». (К этому вопросу мы еще вернемся.)

⁸ По имеющимся на сегодня данным, этот вопрос был рассмотрен в публикации С.В. Шумихина: В споре о Бродском (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову) / Публ. и вступит. заметка С. Шумихина // «Сохрани мою речь...». Вып. 4. [Ч. 1]. М.: РГГУ, 2008. С. 257–273.

⁹ (14 марта 1964 г.) «Книжка стихов Шаламова “Шелест листьев” — чистый тон, естественность, но... ждал много и м. б. большего».

первом», который как прозу оценит очень высоко¹⁰ — в отличие от самой Н.Я. (ср. зап. от 17 и 31 июля 1967 г.). В доме Н.Я. он получает свежие новости — и о процессе Синявского и Даниэля, и о последних событиях в жизни Светланы Аллилуевой, и о многом другом. То и дело знакомится там с кем-то, приобретая новых собеседников — писателей, «физиков», скульпторов, художников, искусствоведов...

Под влиянием аргументов и острого ума Н.Я. даже по наиболее принципиальным вопросам АКГ иной раз просто-напросто *меняет* свое мнение (будучи ею в самом деле *переубежден*) буквально на противоположное! — притом что в интеллектуальном плане он совсем не флюгер. Однажды такое переубеждение реально происходит в случае И. Бродского, с плохого на хорошее, а в другой раз, уже наоборот, — в случае И. Эренбурга. Но и она, похоже, искренне платит ему взаимностью, высоко ценя остроту его ума.

Здесь сказался, по-видимому, пристальный интерес их обоих к российской трагедии 1930-х гг. и к *мемуарам*, которые начинали наконец описывать то время. У Н.Я. — интерес к ним в собственном значении слова *мемуары*, т. е. как к автодокументу, построенному на некоей центростремительной позиции: *я и О.М.*, или — *мы с Осей*, которая неизбежно сопровождается проставлением оценок остальным «фигурантам» описываемых с такой точки зрения событий. По своей откровенной пристрастности это конечно же мемуары (с полемическими выходами в публицистику). А вот у АКГ его *мемуары* ближе стоят именно к *дневнику*, т. е. не ограничены только записями «о себе» и «для себя»¹¹ (для узкого круга понимающих и тех, кто придерживается

¹⁰ Как позднее, уже под конец своей жизни, и его публицистику, «Бодался теленок с дубом» — 14 июня 1975 г.

¹¹ Так названы подробные ежедневные записи журналистки Софьи Смирновой-Сазоновой (*Макарова О. А.С.* Суворин в дневниках С.И. Смирновой-Сазоновой // НЛО. 2014. 6 (130). С. 131 — http://magazines.russ.ru/nlo/2014/130/14m.html#_ftnref4). Но при этом женские дневники я бы скорее отнес к первому из названных типов (так как в них события описываются прежде всего с точки зрения «о себе»), а мужские — как раз ко второму, как описывающие события преимущественно «для себя», часто не заботящи-

сходных с автором позиций), но и захватывают огромное число окружающих событий, с представлением чужих мнений и самых разнообразных точек зрения. Это не значит, конечно, что его дневник обязательно *объективен*: у АКГ как живого человека были, естественно, свои «заморочки» (не любил, к примеру, Александра Галича, с которым когда-то раньше они были соавторами, недолюбливал еще одного друга юности, Алексея Арбузова, поссорился с Юрием Трифоновым и т. д. и т. п.)... Но в целом, в идеале, как представляется, «мемуариста» ведь и отличает от «дневниковода» гораздо более явно выраженная авторская позиция. А тот, кто со знанием дела ведет дневник, должен уподобиться летописцу, «внимающему равнодушно» всему тому, что далее только уже читатель может квалифицировать как добро или зло...

Между тем в какой-то момент своего общения с собеседницей АКГ начинает сознавать: круг общения Н.Я. серьезно тяготит его. И — уже скорее вынужден согласиться с критикой ее самой и ее текстов, доносящейся до него со всех сторон: как, например, с тем, что Н.Я., очевидно, страдает манией преследования — это было ему высказано, например, в доме Эренбургов (7 июня 1966); и, видимо, с какими-то также не вполне дружественными оценками в ее адрес со стороны Шаламова (28 апр. 1967)¹²:

Он довольно рано и сам отмечает, что Н.Я. судит о других все более и более резко, порой совершенно необоснованно и предвзято — как, например, выдавая свои характеристики и толкования тем или иным поступкам Ахматовой (22 апр. 1967) или Пастернака:

еся о «внешнем» читателе: таков, например, в подавляющей части своих записей «Мартиролог» Тарковского (*Тарковский А.* Мартиролог. Дневники 1970–1986. Международный Институт им. Андрея Тарковского, 2008). Впрочем, никаких серьезных «гендерных» исследований со статистикой дневников на эту тему мне неизвестно, так что мои соображения на этот счет исключительно обывательские.

¹² Осенью — зимой 1968 г. у Шаламова произошел разрыв с Н.Я. — по мнению Е. Муриной, из-за разногласий во взглядах на А. Солженицына (*Мурина Е.* О том, что помню про Н.Я. Мандельштам // «Посмотрим, кто кого переупрямит...» Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015. С. 382).

ранее, по крайней мере дважды (11 окт. 1960 и 23 окт. 1965), он отмечает, что Н.Я. заговаривала о *славолюбии* последнего.

А ведь и вправду любила Н.Я., что называется, «резать правду-матку», сказав что-то неожиданное для собеседника и ставя его тем самым в затруднительное положение, произвести впечатление — непредвзятостью и (возможно кажущейся) непоследовательностью суждений... По-видимому, эта младшая дочь присяжного поверенного Якова Аркадьевича Хазина, с детства, как известно, умевшая — драться с мальчишками, унаследовала от отца не только бойцовский характер, *роскошный математический лоб* и *прекрасно подвешенный и очень острый язык*, но и — саму склонность к парадоксам.¹³ У ее отца была любимая поговорка: «Больше 16 часов в сутки я работать не могу»¹⁴. Многие из афоризмов, цитатно подхваченных и часто употреблявшихся его дочерью, вероятно и воспринимались слушателями как ее собственные, а на самом деле таковыми не были.

Но вот АКГ фиксирует в дневнике, что у Н.Я. все время *толчется народ*, причем, как ему представляется, — *лишний*, от которого она заметно устает (1 сент. 1966); и потом он понимает, что сам он просто «не вписывается» в компанию, которая последнее время у нее собирается, берясь оспаривать принятые в их кругу мнения и установки, к примеру безусловное сочувствие и преклонение всех — перед Андреем Синявским:

Я зачем-то влезаю в спор о Синявском: о том, что он неталантлив как художник. На меня обижаются (17 окт. 1968).

Гладкова стал явно раздражать ее «непрерывный “салон” бородатых снобов с религиозным уклоном», как он записывает в дневник в конце года (30 дек. 1968). Здесь, похоже, самое первое упоминание о разногласиях подобного рода между ним и Н.Я. Ему

¹³ *Нерлер П.* Свидетельница поэзии. Очерк жизни и творчества Надежды Мандельштам // Вопросы литературы. 2014. № 3 — <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/3/15n.html> — со ссылками на: *Герштейн Э.Г.* Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. С. 400, и на: *Мандельштам Н.Я.* Девочки и мальчик // *Мандельштам Н.Я.* Третья книга. Сост. Ю. Л. Фрейдин. М.: Аграф, 2006. С. 459.

¹⁴ Там же.

как убежденному атеисту вовсе не понятны и кажутся странными вещи, к которым она в конце жизни проявляла глубокий интерес:

(16 апр. 1971) <...> Кажется, она стала регулярно ходить в церковь. Язык не повернется осуждать ее, но мне это чуждо совсем.

Приведу здесь комментарий Ю.Л. Фрейдина:

...где он пишет о раздражающей его религиозности круга людей, встречающихся ему в доме Н.Я., он в большинстве случаев резко заблуждается. <...> Следует учесть, что большинство окружавших Н.Я. молодых и не очень молодых людей были вполне верующие, воцерковленные, практикующие и, в основном, духовная паства отца Александра (Меня).¹⁵

Только уже к концу 60-х АКГ начинает бывать в доме Н.Я. все реже, а потом зафиксировывает в дневнике, как догадывается, уже нечто необратимое:

Н.Я. несколько раз задавала мне одни и те же вопросы, я отвечал, она спрашивала снова, забыв, что я ответил (26 янв. 1971).

Впрочем, он будет откровенно рад, когда окажется, что слух, дошедший до него о возможной вскоре эмиграции ее в Израиль, окажется неверным (ноябрь 1971). Расстаться со столь ценной собеседницей ему было бы жаль. На самом деле, как мы узнаём только теперь из опубликованных воспоминаний, мысли об эмиграции действительно были тогда у Н.Я., она даже собрала все необходимые для этого документы. Правда, первое, что она намеревалась там, в Израиле, совершить, это — *прикрепить распятие к Стене Плача* [!]¹⁶ Было ли это с ее стороны просто неким эпатажем тогдашнего собеседника или же она намеревалась всерьез проделывать такое, сказать трудно...

Но вот еще один взгляд, уже ее собственный, высказанный в письме, на причины изменения решения об эмиграции:

¹⁵ Здесь и далее большинство цитируемых комментариев Ю.Ф. получены публикатором по эл. почте в 2014–2015 гг.

¹⁶ *Кривошеин Н.* Прощание с Н.Я. Мандельштам, 1971 год // «Посмотрим, кто кого переупрямит...» С. 579–580.

«А знаете, Танечка, я всё думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать».¹⁷

А вот услышав по *вражескому* радио «Свобода» первую главу из «Второй книги» воспоминаний Н.Я., АКГ сразу же оценит ее как *претенциозную* (21 авг. 1972) и дальнейшие главы вовсе назовет откровенной *х..ней*.

Не по радио, а уже собственными глазами АКГ сможет прочесть всю *Вторую книгу* лишь в марте 1973-го, только после того, как придет в себя после перенесенного им в конце февраля микроинсульта. И — отзовется в дневнике о ней, как представляется, вполне искренне (но произнести ей самой это вслух, как приговор, конечно же не решится)¹⁸:

25 марта 1973. Прочитал «Вторую книгу» Н.Я. Мандельштам. Очень смутное и двойственное впечатление. Наряду с блестящими страницами полно мелких сплетен, вранья, инсинуаций. Первая книга лучше, серьезнее.

Однако в многочисленных конфликтах Н.Я. с прежними соратниками, соавторами, помощниками по изданию наследия О.М. (Н. Харджиевым, А. Морозовым, Э. Герштейн...) АКГ даже не пытается разобраться. Очевидно, в целом эта ситуация требует детального анализа: в чем была суть взаимных претензий в прошлом близких друзей, единомышленников, как напряжение в отношениях нарастало и во что в результате вылилось. (Беспристрастное описание этого мандельштамоведом, наверно, еще предстоит.)

Так, в переписке с Б.Ф. Егоровым, заместителем главного редактора серии «Библиотека поэта» (в то время, к 1971 г., как будто официально — уже бывшим), Н.Я. категорически настаивала на том, чтобы из готовящейся книги стихов О.М. была непременно изъята благодарность ей от Харджиева, проделавшего на самом

¹⁷ Дмитриева-Маймина Е. «Милые мои Маймишата...» Письма Н.Я. Мандельштам к Е.А. Маймину и Т.С. Фисенко // «Посмотрим, кто кого переупрямит...» С. 320.

¹⁸ Кстати, в это же самое время, кажется, и сама Н.Я. перенесла микроинсульт.

деле основную текстологическую подготовку текстов О.М. (5 янв. 1971):

Сохраните это письмо, и, очень прошу вас, если когда-нибудь окажется, что книга все-таки выходит, используйте его как документ, чтобы снять благодарность. Это моя громадная просьба к вам. Больше всего шансов, что книга выйдет после моей смерти. Я не отвечаю не только за состав, но и за порядок и за тексты. Это книга Харджиева, который хотел блеснуть оригинальным «Мандельштамом» и исправлял его, как мог. В примечаниях тоже много лжи — особенно в ссылках на мертвого и даже на меня, живущую. Все это мало существенно — лишь бы не было *благодарности мне*. Я писала об этом неоднократно, но внимания не обратили.¹⁹

Долгожданная книга в 1973 г. все-таки выйдет, хотя вдова поэта не могла быть в этом уверенной при жизни (издание откладывалось раз за разом, в течение 15 лет, с 1958-го).

Весьма характерна для Н.Я. и самоирония в реплике, сформулированной Б. Егоровым — как пожелание подержать в руках книжку О.М. до своей смерти, согласно его пересказу: «хоть бы корочку-обложку, без содержимого». А первоначально, за четыре с половиной года до этого, 1 апр. 1963 г., это пожелание было ею высказано в письме к нему следующим образом:

...я очень хочу, чтобы книжка вышла в любом виде. Представьте себе просто переплет с фамилией, а внутри — ничего. И то было бы хорошо. (там же).

Или же это следовало воспринимать с ее стороны как первоапрельскую шутку? АКГ довольно точно, мне кажется, охарактеризовал жизненную позицию Н.Я. — как *бодрый пессимизм* (10 окт. 1960).

Если после ее первой книги, как сам АКГ напишет в «Глоссах о Мандельштаме», он находился будто под гипнозом — *от страстной, умной, горькой диалектики*, то «Вторая книга» весь гипноз напрочь рассеяла... Однако, узнав про скандальное и откровенно оскорбительное письмо к ней В. Каверина, АКГ признается самому

¹⁹ Переписка Б.Ф. Егорова с Н.Я. Мандельштам / Публ. и вступит. заметка Б.Ф. Егорова // Звезда. 2013. № 11.

себе: «по существу, Каверин прав, но учитывая возраст и болезни Н.Я. — это все же жестокость, на которую я не был бы способен» (28 марта 1972). И в то же время зафиксировывает в дневнике резкое мнение своего друга, искусствоведа Александра Каменского, впрочем не присоединяясь к тому, но и не высказывая критики (зап. от 2 янв. 1974). Конечно, АКГ не мог знать, что потом напишет о «Второй книге» Лидия Чуковская (это будет опубликовано уже после смерти — как АКГ, так и самой Н.Я.):

Вульгарность — родная стихия мемуаристики; а ведь ничто на свете так не оскорбляет, как вульгарность. Пересказывая чужую мысль, передавая чувство, Надежда Яковлевна переводит всё на какое-то странное наречие: я назвала бы его смесью высокомерного с хамским.²⁰

Думаю, что и Гладков бы мог присоединиться к этой резкой и беспристрастной оценке. (Так же, как Лидия Чуковская, он, по видимому, не разделял максимализма Марины Цветаевой, считавшей, что критика того автора, к которому обращена заглазно или только уже после его смерти, безусловно проигрывает перед тем, что высказывается ему прямо в лицо.)

И все же главное, по-моему, в том, что АКГ сразу и совершенно правильно оценил основную заслугу Н.Я.:

Она закончила свою «книгу», осталось кое-что отделать — это замечательный памятник поэту и страстное свидетельство о времени (29 сент. 1963)

и:

Рукописи О.Э. сбережены, собраны, изданы за рубежом и готовятся к изданию у нас. Написана замечательная книга о поэте и его времени (1 сент. 1966).

И даже позднее:

Со многим хочется спорить, но все-таки какая это интересная и умная книга! (8 авг. 1971).

²⁰ Лидия Чуковская. Дом поэта // Л. Чуковская. Сочинения: в 2 т. М.: Арт-Флекс, 2001. Т. 2. Гл. 5. С. 102.

Трезвость взгляда Гладкова стоило бы соотнести с тем, что ведь и Шаламова он смог оценить по тому, что тот совершил-таки в сознании современников «Колымскими рассказами», а не так, как подавляющее большинство *прогрессивного человечества*, отвернувшегося от того сразу после *отреченного* письма в «Литературную газету», в феврале 1972 г. (ср. с категорической спонтанной реакцией Солженицына: «Шаламов умер»).

Уже в самом конце их взаимно заинтересованного общения с Н.Я. АКГ продолжает помнить и прошлые остроумные замечания, и участие, и дружеское сочувствие к себе с ее стороны:

29 сент. 1969. <...> Осень, осень... Н.Я. как-то уверяла меня, что я болею осенью в Загорянке из-за воспоминаний о маминой болезни. Может быть.

А ведь Н.Я. была еще и активной «сторонницей» и добровольным доверенным лицом во время многолетнего романа АКГ с актрисой Эммой Поповой, позволяя себе давать ему и ей такие, например, немудреные житейские советы:

30 мая 1963. <...> # Как Эмма? Надеюсь, у вас ничего не произошло. Переезд мужа или любовника в гостиницу раньше означал разрыв, и я испугалась. # Пишите. Я представляю себе, что происходит на свете, только по вашим письмам. Остальное все чересчур субъективно. # Н.М. ##

Или же (ей, в отдельном письме):

30 марта <1964> # Эмма милая! # Что это вы пишете про гордое одиночество? # Ругаетесь со своим медведем-любовником-стариком? Не надо. С Мейерхольдом он молодец,²¹ а сейчас, наверное, с трудом и ужасом начинает сознавать, что он уже не молод и что подошел роковой возраст, когда все становится трудно. У мальчишек в 14 и в 50 — такие кризисы. Крутил ус, хорохорился, а вдруг понял, что все ушло... Какие там розы и лилии... хочется покряхтеть, а стыдно... Может, поэтому и боится жить вместе. Когда врозь,

²¹ Имеются в виду написанные АКГ мемуары о Мейерхольде.

кажется, что еще продолжается юность. Не обижайте его... И не говорите про это письмо <...>. Н.Я.²²

Шутливое именование собеседника *медведем* со стороны Н.Я. — здесь заглазно, но иногда и прямо в глаза (АКГ в последние десятилетия жизни действительно становился грузным) — было элементом все той же принятой между друзьями игры, сродни его называнию Н.Я. — *старухой* или называнию ею Харджиева — *черным жуком* (а себя самой даже — *кусачей сукой*, в письмах Б. Кузину), что никогда, впрочем, не доводилось до амикошонства.

Еще одной — возможно, странной, совсем не современной — особенностью или всё тем же проявлением парадоксализма этой женщины, с чем столкнется АКГ (запись от 30 окт. 1966), был ее отказ от желания оставить *след* в чужой жизни — даже в жизни такого человека, как ее муж, О.М. Я имею в виду стойкое нежелание Н.Я. вызвать пересуды о себе с четким разграничением сферы личного как исключительной собственности (на мужа — в том числе) и — того, что неизбежно будет принадлежать уже всем окружающим. Так, она настаивала на том, чтобы все ее письма к О.М. были бы уничтожены, и сама постаралась, чтобы их после нее не осталось. (Видимо, поэтому их так мало даже в самом последнем издании.²³) Здесь *стоит* привести один фрагмент из ее многократно повторенных почти заклинаний, обращенных к Борису Кузину, чтобы тот обязательно уничтожил ее письма и к нему (9 мая 1939):

<...> Я не могу вам писать, зная, что вы сохраняете письма. Не оттого, что я горбатая пьяница, а хочу казаться прямой сильфидой. Наоборот, я ценю, когда меня любят гадкую. Но потому, что это следы моей жизни. Не вы, а какие-нибудь внуки будут их читать. Я твердо решила, что этого не будет. Не сохранилось ни одного моего письма.²⁴ Это как будто смешно — но я болезненно не хочу, чтобы

²² РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. № 502: Письма Н.Я. Мандельштам — Э.А. Поповой, л. 1. Под «Мейерхольдом» имеется в виду мемуарный текст самого АКГ — воспоминания и записи бесед с великим режиссером.

²³ «Посмотрим, кто кого переупрямит...». С. 41–51.

²⁴ [Но следует иметь в виду, что при этом Н.Я. — что кажется уж совсем парадоксальным! — могла легко раздавать письма своим знакомым.]

жили эти листки. Я уничтожила все свои письма к Осе. Я прошу вас, исполните мою просьбу — уничтожьте мои письма хотя бы с декабря — т. е. с тех пор, как я вернулась от вас. И новых не сохраняйте. Тогда я буду спокойно писать. Иначе не могу.²⁵

На самом деле как, по-видимому, считал издатель, опубликовавший это, к нашей — т. е. читательской — пользе, адресат ее просьбы не выполнил, и благодаря этому письма сохранились.²⁶

По-видимому, у Н.Я. был некий особый душевный склад, со склонностью к демократическому диалогу с любым и каждым, в том числе *встречным* и *поперечным*, а в то же время — уникальная самоотверженность, доходящая до самоумаления, но в поразительном сочетании еще и — с невиданной гордыней, презрением по отношению к тем, кто не способен был оценить О.М. и ее саму. Она — безусловно человек оригинальных, подчас чисто эмоциональных реакций, самоизъявлений, будто специально совершаемых наобум и наотмашь.²⁷ Возможно, этот характер нуждался бы в описании не филолога — но квалифицированного психолога.

Во всяком случае, в лице Надежды Яковлевны Гладков получил от судьбы драгоценный подарок и благодарно осознавал это.

* * *

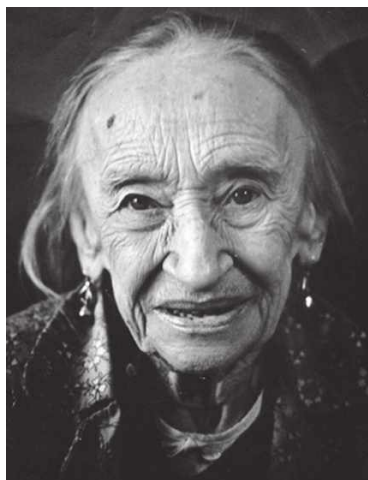
Извлечения из дневника АКГ, приводимые ниже, тематически ограничены фигурами самой Н.Я. и — О.М., его «посмертной судьбы». Извлечения из писем имеют несколько более широкий диапазон (еще и Б. Пастернак, И. Бродский и др.).

Дневник АКГ хранится в: РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 87–116. Письма Н.Я. к АКГ: Там же. Д. 298. Письма АКГ к Н.Я.: РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 185. Самое последнее из имеющихся в архиве писем от АКГ к Н.Я. — за 19 июля 1969; а от Н.Я. к АКГ — за 28 октября 1967.

²⁵ Н. Мандельштам. 192 письма к Б. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. С. 588.

²⁶ Там же. С. 516 [комментарий: Н.И. Крайнева, Е.А. Пережогина].

²⁷ Вот чем она еще и еще раз тщетно пыталась убедить Б. Кузину уничтожить их переписку: «Дамы отличаются от мужчин тем, что не отвечают за свои слова. Я, например, не отвечаю <...>» (25.IV.1939 // Н. Мандельштам. 192 письма... С. 584).

Илл. 9–10. Александр Гладков. Надежда Мандельштам

<О Мандельштаме, встречи и беседы с Н.Я. >

(Выписки из дневников Гладкова и его переписки с Н.Я. Мандельштам)

(52) Ноябрь [1929]. Увлечение конструктивистами. Пастернак. Мандельштам. Агнесса Рубинчик²⁸ в Доме печати.²⁹

11 ноября 1932.³⁰ ...Вчера встретил на Тверском бульваре Юзовского,³¹ и он позвал меня в редакцию «Литер[атурной] газеты» на чтение Осипом Мандельштамом своих новых стихов. В самой большой комнате редакции собралось несколько десятков человек.

²⁸ Агнесса Давыдовна Рубинчик (1895–1965), чтица, актриса Театра б. Корша.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 590. Оп. 1. Ед. хр. 70: Дневниковые записи. 1929 г. Л. 52.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 73. Л. 43. Здесь в расширенной форме — по машинописи эссе «Глоссы о Мандельштаме», л. 19.

³¹ Юзѳовскій Иосиф (Юзеф) Ильич (1902–1964), театральный и литературный критик, литературовед.

Из знакомых: Е. Трощенко,³² Брик³³ и еще кое-кто. Мандельштам одновременно величественен и забавен, горделив и уязвим, спокоен и незащищен — истинный поэт. Когда он читал в странной, тоже чисто «поэтической» манере, противоположной «актерской», хотя в чем-то более «театральной», у меня почему-то сжималось сердце. Я знаю чуть ли не наизусть все напечатанное, но новое непохоже на прежнее. Это не «акмеистический» и не «неоклассический» Мандельштам — это новая, свободная манера, открыто сердечная (как в поразительных стихах о Ленинграде)³⁴ или тоже по-новому — «высокая», как в лучшем из прочитанного «Себя губя, себе противореча». Обсуждение с легкими словами о простоте. Банальности Селивановского.³⁵ Лучше всех говорили Шкловский и Мирский.³⁶ Мирского я увидел впервые — он любопытен:

³² Трощенко Екатерина Дмитриевна (1903–1944), поэтесса и критик рапповского толка. В 1929 г., будучи студенткой МГУ, публиковалась у О.М. в «Московском комсомольце».

³³ Брик Осип Максимович (1888–1945), драматург, теоретик Левого фронта искусства (ЛЕФа).

³⁴ «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (1930).

³⁵ Селивановский Алексей Павлович (1900–1938), советский критик, журналист, один из виднейших деятелей РАПП, ответственный редактор «Литературной газеты» (1931–1932). 23 ноября в «Литературке» вышла подборка стихов О.М. («Ленинград», «Полночь в Москве...» и «К немецкой речи»). 11 ноября, т. е. назавтра после вечера О.М., в той же газете вышел обзор А. Селивановского «Разговор о поэзии», в котором был упомянут и О.М. В 1934 г. Селивановский процитирует неизданные стихи О.М. «Я пью за военные астры...» (Селивановский А. Распад акмеизма // Лит. учеб. ба. 1934. № 8. С. 33).

³⁶ Мирский (кн. Святополк-Мирский) Дмитрий Петрович (1890–1939), литературовед, литературный критик, публицист, писал по-русски и по-английски; участвовал в Первой мировой войне (ранен в 1916 г., сослан за антивоенные высказывания на Кавказ) и в Гражданской войне (на стороне Белого движения); с 1922 г. участник Евразийского движения. В 1931 г. вступил в компартию Великобритании; в 1932 г. при содействии Горького переехал в Советский Союз. В коллективной книге советских писателей «Канал имени Сталина» (1934), посвященной строительству Беломорканала силами заключенных, ему принадлежит глава «ГПУ, инженеры, проект». В 1937 г. арестован, приговорен по «подозрению в шпионаже» к 8 годам исправительно-трудовых работ, 6 июня 1939 г. умер в лагере «Инвалидный»

бывший князь с исторической фамилией («Святополк-Мирский»), эмигрант, эстет и член английской компартии. Крученных почему-то заставлял всех расписываться в какой-то засаленной общей тетради. Он сам плел ерунду.

(10) 16 фев. [1934]. <...>

Еще вчера узнал, что тяжело_больного Э. Багрицкого перевезли на днях в Кремлевскую больницу, а сегодня поздно вечером по телефону Лавров мне сказал, что Багрицкий сегодня умер. Это был большой, настоящий поэт, «мастер», но я никогда им страстно не увлекался. Он слишком «книжен» и все_таки поэт «второго отражения». Мода на него пришла, когда стала невозможна у нас драматическая поэзия. <...>

(11) 19 фев. [1934]. Все думаю о Багрицком...

Могу сказать так: люблю его, как поэта, но не люблю его поклонников. Это почти всегда консерваторы, стихodelьцы, версификаторы. Иногда мне кажется, что восхвалявшие его даже плохо его читали. Например, как понимать такое:

А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку под стать.
Оглянешься, а вокруг враги;
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги», — солги,
Но если он скажет: «Убей» — убей... («ТВС»)

Не знаю, очень ли это отличается от известных крамольных стихов Мандельштама? Только здесь знак плюс, а там — минус. А формула «века» не так уж отличается у признанного и любимого Багрицкого и странного, мало печатаемого Мандельштама? Но насколько М-м крупнее!

в 23 км от Магадана (подробнее см.: Мнухин Л. Легенды и быль: Еще раз о гибели князя Д.П. Святополк-Мирского // Мнухин Л. Итоги и истоки: Избранные статьи. Болшево: Мемориальный дом-музей Марины Цветаевой в Болшеве, 2008. С. 272–280).

«Из попутных записей»: Я люблю стихи Багрицкого, но не очень люблю его страстных поклонников. Чаще всего те, кто считает себя его своим самым любимым поэтом, мне неприятны и чужды. То же самое с Есениным и Ахматовой. Многих поэтов компрометируют их поклонники.³⁷

(23) 17 мая 1934.³⁸ <...>

Утром пришел Лавров³⁹ и передал слух, что на днях арестован О. М-м. Ему об этом сказал переводчик Давид Бродс[к]ий,⁴⁰ который слышал от верных людей. Мандельштам жил где-то недалеко от меня[,] и я иногда встречал его на Пречистенском бульваре (а однажды на Ни[к]итс[к]ом: старый, мудрый еврей с пал[к]ой. По Моск[к]ве много ходило эти годы его ненапечатанных стихов, но особенной [к]рамолы я среди них не находил. После известия о Грише Ме[к]лере — это кажется зловещим...⁴¹

Леня Лавров часто странен[.] Он очень талантлив, но как личность ниже своего таланта. Вечно неуверенный, постоянно унылый, лишенный страсти и темперамента, он может сделать меньше того, что ему дано. <...> Как-то он мне читал ненапечатанные стихи М-ма, а сегодня, когда я просил его прочесть, вдруг отрекся и сказал, что он их вообще не знает...

(26) 1 июля 1934. <...>

О М-ме рассказывают, что он получил 3 года ссылки.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 60: «Из попутных записей». Воспоминания, впечатления, мысли, афоризмы. л. 12.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 23. Здесь — по машинописи эссе «Глоссы о Мандельштаме» (см. выше), л. 19.

³⁹ Лавров Леонид Алексеевич (1906–1943) — поэт, близкий к конструктивизму; переводчик. Автор поэтических сборников: «Уплотнение жизни» (1931), «Золотое сечение» (1933); третий сборник «Лето» готовился к печати, но издан лишь в 2011 г.

⁴⁰ Бродский Давид Григорьевич (1895–1966) — поэт и переводчик, сосед О.М. по подъезду в доме в Нащокинском пер. Находился у О.М. в тот момент, когда поэта — в ночь с 16 на 17 мая 1934 г. — пришли арестовывать (см. главу «Майская ночь» в «Воспоминаниях» Н.Я.).

⁴¹ Две недели тому назад, 30 апр., АКГ узнал, что его друг Григорий Ильич Меклер (1912–1934) арестован: «Сегодня меня Лева вызвал по телефону к памятнику Гоголя и рассказал о трагической судьбе Г.М.».

9 июля 1934.⁴² <...> По Москве бродят волшеббно-прекрасные стихи Марины Цветаевой «Мой стол» и «На смерть Волошина». А недавно Д. Бродский читал мне и Лаврову стихи Мандельштама на смерть А. Белого. Да, есть еще стихи в этом мире! Бродский — грузнеющий, неопрятный сплетник, но страстно любит стихи, бесчисленное число знает наизусть и переводчик Рембо. О судьбе Мандельштама ничего не известно.

6 марта 1935.⁴³ <...> Слышал, что Мандельштам находится в ссылке в Воронеже. Радунская⁴⁴ читала мне его новые стихи. Они замечательны, но ничего «политического» в них нет...

20 фев. 1936.⁴⁵ <...> Утром ходил с Досей посмотреть комнату сосланного поэта О. Мандельштама в районе Пречистенского бульвара...

(Примечание [А.Г.] 1963 г.) Эта запись связана со странным, не разгаданным мною и поныне эпизодом. Блестящая книга! «Дося» — Доротея Мироновна Каминская-Копп, жившая в Спасо-Глинищевском переулке, моя товарка по Студии Хмелева,⁴⁶ потом педагог и режиссер. Я жил тогда в Мало-Афанасьевском переулке, снимал каморку и очень хотел найти более удобную комнату. Мне предлагали разные «варианты», и я ходил смотреть. Ту комнату (Мандельштама) я не снял, кто мне ее показывал и как все это было, не помню совершенно. Вскоре переехал на Мясницкую в дом, где жили многие художники и поэты (Татлин, Крученых, Левин и др.), во дворе б[ывшего] Вхутемаса,⁴⁷ напрочь забыл эту историю и был более чем удивлен, когда мне ее напомнил в конце 1948 г. во внутренней тюрьме на Лубянке мой следователь Раппопорт⁴⁸ и стал меня «со значением» допрашивать по поводу того, что сосланный

⁴² РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 76. Л. 77.

⁴⁴ Сведениями не располагаем.

⁴⁵ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29.

⁴⁶ Хмелев Николай Павлович (1901–1945), актер МХАТа; в 1932 г. под его руководством был создан Театр-студия, просуществовавший до 1937 г.

⁴⁷ Один из учебных корпусов Вхутемаса до 1927 г. располагался на Мясницкой, 21.

⁴⁸ Сведениями не располагаем.

Мандельштам оставил мне свою комнату. Мне, конечно, не стоило большого труда доказать, где именно я жил в 1934–1936 гг., но меня мучало, откуда Раппопорт мог узнать о том, что кто-то мне эту комнату предлагал. Мой дневник тех лет у него в руках не был. Я об этом крепко позабыл, а где-то в анналах НКВД это было зарегистрировано. Видимо, кто-то из знавших о предложении о снятии комнаты М. или из участников этой затеи был информатором. Весной 1949 г. (или в конце зимы) меня снова расспрашивали на следствии о найденном у меня списке стихов Мандельштама, но среди них не было ни «Волка», ни «Квартиры», и следователь Раппопорт пытался зачем-то добиться моего признания о том, что среди стихов М-ма о Кавказе есть «антисоветские», но их сложность делала недоказуемой любую попытку расшифровать эти стихи на языке полицейского протокола. На этот допрос вдруг пришел маленький, элегантно одетый человек в штатском, в перчатках и черной шляпе, при появлении которого следователь встал и стоял, пока тот, усевшись, не пригласил его сесть. Он тоже задал мне два-три вопроса о том, как ко мне попал этот список (я этого не помнил, и это была не уловка, а правда — не помню и теперь). Что-то они хотели тут выжать из меня: не знаю — к чему — Мандельштам уже давно погиб. Но характерно, что в самом конце сороковых годов им еще интересовались на Лубянке.

3 авг. 1936.⁴⁹ ...После репетиции «Бориса Годунова» провожаю Всеволода Эмильевича [Мейерхольда] в «Континенталь» и говорю ему о том, как близко то, что он говорил сегодня о Пушкине, высказываниям Мандельштама в его книжке «О поэзии». Я захватил ее с собой. Он просит меня ее принести.

5 августа 1936.⁵⁰ ...В.Э. говорит мне, что не выспался: «читал вашего Мандельштама», что многое замечательно. Спрашивает меня о его судьбе. Он помнит его по «Бродячей собаке» и встречаю у Пронина.⁵¹ Сказал, что на днях в Киеве арестован Юрий Саблин,

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь — по машинописи эссе «Глоссы о Мандельштаме» (см. выше), л. 20.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Борис Константинович Пронин (1875–1946), режиссер, театральный деятель, актер, участник ряда театральных начинаний В.Э. Мейерхольда;

комдив: тот знаменитый Саблин, который был левым эсером, участвовал в мятеже 18-го года, племянник антрепренера Корша, сын издателя.⁵²

(1)⁵³ [1937] <...> Когда осенью или зимой 37 г. кто-то встретил Мандельштама где-то на вокзале и сказал, что арестован Б. Лифшиц,⁵⁴ он сразу сказал — Это из-за того человека (про Сержа)⁵⁵... Потом замолчал.

3 марта 1937.⁵⁶ ...Снова читаю «О поэзии» Мандельштама. Блестящая книга! По слухам, Мандельштам в ссылке в Воронеже и пишет прекрасные стихи...

28 апр. 1937.⁵⁷ <...> Рассказывают, что закончился срок ссылки и у Мандельштама.

24 мая 1937.⁵⁸ ...Ночью встреча в ресторане «Аврора» (на Петровских линиях) с совершенно пьяным Олешей и Мирским. Мирского бранят сейчас на всех собраниях за то, что он где-то критически отозвался о романе Фадеева «Последний из Удэге». На общепринятом жаргоне этого года это звучит так: «Мирский пытался выбросить Фадеева из советской литературы». А дело в том, что в начале тридцатых годов, только что переехав из-за границы,

главный автор проекта и владелец артистического кафе «Подвал бродячей собаки» в Петербурге.

⁵² Юрий (Георгий) Владимирович Саблин (1897–1937), военный деятель, комдив (1935); член ВКП(б) с 1919 г. Арестован 25 сентября 1936 г., расстрелян.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 527: Сведения о Б.К. Лифшице, записанные А.К. Гладковым. Машинопись, 1 л.

⁵⁴ Лифшиц Бенедикт Константинович (первоначально *Бенедикт Нахманович*, в быту *Наумович*; 1886/1887–1938: расстрелян), русский поэт, переводчик и исследователь футуризма.

⁵⁵ Виктор Львович Кибальчич, более известный под псевдонимом Виктор Серж (1890–1947), русский революционер, деятель коммунистической партии и Коминтерна.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 75. Л. 29. Здесь — по машинописи эссе «Глоссы о Мандельштаме» (см. выше), л. 21.

⁵⁷ Александр Гладков. Ед. хр. 78. Дневниковые записи. 1937. Л. 70.

⁵⁸ (Там же.)

Мирский печатался в альманахе «Год шестнадцатый», которым управлял тогда Авербах, и, следовательно, он автоматически производится в члены «авербаховской банды». Недавно Вишневский⁵⁹ публично назвал его «грязным врангелевцем». В атмосфере этой весны такие эпитеты звучат зловеще. Я шапочно знаком с Олешей, и он зовет меня к их столику. Сижу с ними минут пятнадцать. Историческая бравада Мирского. Он читает «Я скажу тебе с последней прямоотой» Мандельштама. Олеша острит над папанинцами.⁶⁰ За столиком явно наблюдают. Я тихо говорю об этом Ю.К., он начинает громко кричать: «Где? Покажите мне Видока!» Мирского он зовет «мон принц». Ухожу от них к Арбузову и Плучеку...⁶¹

(Вскоре Мирский был арестован. Он ехал на Колыму в одном вагоне с моим братом и Валею Португаловым⁶² в начале осени

⁵⁹ Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951), писатель, драматург, второй муж С.К. Вишневецкой, близкой подруги Н.Я. Во время ссылки О.М. в Воронеж помогал О.М. и Н.Я. материально. Известен как активный противник Булгакова и Зощенко. С 1944 г. жил в Москве, был редактором журнала «Знамя». Именно при нем в журнале был напечатан ряд стихов Ахматовой, что послужило поводом для ее травли (сам он отрекся от нее — см. в «Литературной газете» от 7 сент. 1946 г.).

⁶⁰ Героические исследователи Арктики (от Д.И. Папанина, вместе с Э.Т. Кренкелем, П.П. Ширшовым и Е.Ф. Федоровым совершившего в 1936–1937 гг. 9-месячный дрейф на льдине от Северного полюса до Гренландии).

⁶¹ Арбузов Алексей Николаевич (1908–1986), драматург, давний знакомый и соавтор АКГ по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный» (1942), с которым тот в последние годы почти перестал встречаться, «раздружившись». Плучек Валентин Николаевич (1909–2002), театральный режиссер и актер, с 1957 г. — главный режиссер Московского академического театра сатиры.

⁶² Гладков Лев Константинович (1913–1949), родной младший брат А.Г., был арестован 16 июля 1937 г., умер через несколько лет после возвращения (1945) с Колымы. Португалов Валентин Валентинович (1913–1969), поэт и переводчик; актер Московского реалистического театра; в 1931–1934 гг. учился в Литературном ин-те; арестован в 1937 г., осужден на 5 лет ИТЛ, привезен на Колыму. Освобожден в 1942 г.; с 1942-го — актер в Магаданском театре; в 1946 г. вновь арестован и осужден на 8 лет ИТЛ. После досрочного освобождения в 1952 г. до 1962-го жил в п. Ягодном и Магадане; реабилитирован в 1956 г. Собирает фольклор Чукотки: «...Вместе русский,

1937 года, был с ними на пересылке в лагере на Черной Речке (где год спустя погиб О.Э. Мандельштам).⁶³ Там же с ними был В. Нарбут,⁶⁴ он жил с ними в одной палатке и в начале зимы в Магадане, пока их не развели по этапам. Он очень скоро умер. (Примечание [А.Г.] 1963 г.)

11 июня 1938.⁶⁵ <...> Где-то в провинции арестован сосланный Мандельштам.

15 декабря 1939.⁶⁶ Вечером у меня Иван Пулькин.⁶⁷ <...> Он слышал, что Мандельштам не умер, как об этом говорили, а жив.

16 дек. 1957.⁶⁸ Вчера у меня был Валя Португалов. Рассказывал о себе и других, читал свои стихи, вспоминали разное... <...>

чукча, эскимос / К промыслу готовятся всерьез...» Был ближайшим другом А.Г.; переехав после 1963 г. с семьей в Москву, где ему выделили квартиру как реабилитированному, руководил кафедрой литературного мастерства на Высших литературных курсах. Выпустил несколько стихотворных сборников.

⁶³ Пушкинская аберрация. Надо: Второй Речке.

⁶⁴ Нарбут Владимир Иванович (1888–1938), поэт-акмеист, прозаик, критик, редактор и издатель. Весной 1918 г. отправлен в Воронеж для организации большевистской печати; помимо этого в 1918–1919 гг. издавал «беспартийный» журнал «Сирена». В 1919 г. жил в Киеве. 8 октября 1919 г., попав в занятый белыми Ростов-на-Дону, был арестован контрразведкой как коммунистический редактор и член Воронежского губисполкома. Освобожденный при налете красной конницы, официально вступил в РКП(б). В 1922 г. переселился в Москву, работал в Наркомпросе, руководил издательством ЗИФ. 29 октября 1936 г. арестован НКВД (по обвинению в пропаганде «украинского буржуазного национализма»), осенью 1937 г. этапирован во Владивосток и далее на Колыму. 2 апреля 1938 г., в разгар «гаранинщины», вторично арестован, осужден и 14 апреля расстрелян в карантинно-пересыльном пункте № 2 треста «Дальстрой».

⁶⁵ Гладков А. «Всего я и теперь не понимаю». Из дневников. 1938 / Публ. С. Шумихина // Наше наследие. 2014. № 109. С. 103. (В сети)

⁶⁶ Гладков А. «Всего я и теперь не понимаю». Из дневников. 1939 / Публ. С. Шумихина // Наше наследие. 2014. № 110. С. 119. (В сети)

⁶⁷ Пулькин Иван Иванович (1903–1941), поэт. В 1929 г. работал вместе с О.М. в «Московском комсомольце», был дружен и с А.Г. Погиб на фронте в декабре 1941 г.

⁶⁸ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 97: Записи 1957 г., л. 122.

Его рассказы: об очной ставке с Екатериной Шевелевой,⁶⁹ которая посадила его и Леву, о прибытии на Колыму и о том, как они жили там в палатках на полярном морозе и ветру в дни праздника 7 ноября 37 года, <...> о смерти О. Мандельштама на Владивостокской пересылке в 38-ом году и о многом другом.

26 апреля 1958.⁷⁰ <...>

Купил случайно в букин[истическом] магазине на Арбате сборник стихотворений О. Мандельштама (самый полный. 1928 г.)⁷¹ за... 10 рублей!!!!... А я не думая дал бы за него в пять-шесть раз больше. Полгода назад я видел в другом магазине его же «Камень» (т. е. — треть этой книги) в потрепанном виде, стоивший 50 р. (у меня он есть).

16 янв. 1960. <...> Между 8 и 11 янв. — у Оттенев в Тарусе. Знакомство с вдовой Мандельштама и ее рассказы. Его стихи.

⁶⁹ Шевелёва Екатерина Васильевна (1916/1917–1998), поэт, писатель-публицист; первоначально работала на заводе «Динамо» (1930–1937) и в райкоме комсомола; училась в Лит. ин-те (1933–1937); начала печататься в 1936 г.; чл. коммунистич. партии с 1940 г.

Лев Гладков не без основания считал ее основным виновником своего ареста. Вот ее показания в материалах его следственного дела: «<...> мне известно, что Португалов В. был тесно связан с целой группой лиц, одинаково контрреволюционно настроенных из среды начинающих литераторов, по существу представляющих из себя организованную антисоветскую группу. Кроме Португалова В. из числа участников данной контрреволюционной группы мне известны следующие лица: Гладков Лев, работник радио_центра, Миронов Владимир, Лобода, студент Лит. института, Раскин Александр, студент Лит. института, Зубков Игорь [описка, вместо: Зубковский]. <...> Одним из основных участников контрреволюционной группы несомненно является Гладков Лев, представляющий собой исключительно озлобленного в отношении партии и правительства человека. <...>» (Протокол допроса Шевелёвой Е.В. от 16 июня 1937 г. // ГАРФ, дело П-27885, л. 36, 36 об., 37 об., 38). Португалов был арестован в конце апреля 1937 г. (по-видимому, на основании ее же показаний), брат Гладкова Лев — еще через месяц, 16 июля.

⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 98. Л. 42.

⁷¹ *Мандельштам О. Стихотворения*. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

24 сент. 1960. <...> Н.Я. Мандельштам дала мне воспоминания о М[андельшта]ме Анны Ахматовой. [см. выше]

25 сент. 1960. <...> Ночью читаю ненапечатанное Мандельштама. Хотя я раньше и знал многое, но[,] оказывается, не всё. Замечательно.

26 сент. 1960. Вдова Осипа Мандельштама живет в Тарусе на горе в маленьком трехоконном домике. Она занимает три комнаты (а хозяйка одну).

Я спросил у Ариадны Сергеевны Эфрон (дочери Марины Цветаевой) — зачем ей, одинокой старухе, три комнаты?

— Потому что у нее всю жизнь не было ни одной.

Пишущая машинка, радиоприемник, три десятка книг, из которых большая часть словари (она по образованию и специальности лингвист), на стенах несколько пейзажей и натюрмортов Фалька и глиняных узбекских блюд с ярким орнаментом. На кровати лежит шотландский плед. Я смотрю на него и вспоминаю:

«Есть у нас паутина шотландского старого пледа,
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...»

Но поэт не был укрыт старым пледом. Он умер в холодном бараке пересыльного лагеря вблизи Владивостока, в конце 1938 года, после четырехлетних скитаний в ссылках и тюрьмах...⁷²

Я читал его письма к жене из нищей и тревожной воронежской ссылки. Каким небывалым счастьем показались бы ему эти маленькие комнатки в трехоконном тарусском домике.

Здесь у вдовы хранится ненапечатанное наследие поэта. Оно огромно. Приблизительно это полторы сотни законченных и отделанных лирических стихотворений небывалой силы и свежести — по крайней мере, три полноценных стихотворных книги. Да еще черновик законченной книги о Данте, да несколько отрывков ненапечатанной прозы, да собрание (неполное) эпиграмм, экспромтов и пародий, да 80 писем — горькая летопись великой и жалкой жизни.

Часть из ненапечатанных стихотворений известна любителям. Они давно уже бродят по Москве в неточных списках. Бегло

⁷² Эта «паутинка» пледа была положена в гроб Н.Я. при ее похоронах.

просматриваю архив. Около одной трети (а может и больше) мне совершенно неизвестна, а ведь я собирал Мандельштама годами.

Мое внимание снова приковывает плед. Я спрашиваю о нем.

Нет, это[,] конечно[,] не тот. Но и **тот** сохранился. Он уже даже не паутинка, а тень паутинки. Он лежит в чемодане и бережно хранится. Почти четверть века скитаний, бездомности, бесприютности, но сохранен архив поэта и воспетый им старый плед.

Есть кое-какие издательские надежды. Говорят, что в план «Библиотеки поэта» (Большая серия) на 1961 год включен том «Избранного Мандельштама».⁷³ Имеется даже и редактор: Н. Харджиев.⁷⁴ Но кто знает, когда это издание осуществится.

В выпущенном несколько лет назад «Избранном» О.М. в Нью-Йорке помещено только одно неизвестное стихотворение поэта.⁷⁵ Одно из полутора сотен!

Ухожу. Черная осенняя ночь. Ноги вязнут в размокшей земле.

Вот звякнуло кольцо запора калитки.

Ярко светятся три окна маленького домика.

С Оки доносится свежее дыхание ветра. Теплый, влажный воздух.

Уже издалека оглядываюсь снова.

Весело светят три маленьких окна.

За ними, за легкими занавесками бродит по трем комнатам старая женщина, 18 лет бывшая возлюбленной, женой, подругой и товарищем великого поэта и четверть века прятавшая его архив. В письмах он называл ее «Надик» и из ссылки утешал и подбадривал ее, «нищенку-подругу», как он ее назвал в одном из немногих грустных стихотворений. Сколько испытаний бедностью, преследованиями и страхом. Сколько облитых слезами

⁷³ Книга находилась в подготовке с 1956 по 1973 г. За это время она несколько раз появлялась в плане издания, но так и не издавалась.

⁷⁴ Харджиев Николай Иванович (1903–1996), писатель, историк новейшей литературы и искусства, текстолог, коллекционер. Редактор и комментатор указанной книги.

⁷⁵ В выпущенный в 1955 г. в Нью-Йорке однотомник составители (Г.П. Струве и Б.А. Филиппов) включили все стихи, что смогли найти из прижизненных публикаций, а также стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...», предоставленное С. Маковским.

подушек, бессонных ночей, унижительных ожиданий в казенных приемных...⁷⁶

28 сент. 1960. <...> Не могу оторваться от Мандельштама, хотя это и гибель для сценария. Потом все же отрываюсь и часов шесть пишу.

29 сент. 1960. <...> Всё свободное время — Мандельштам. Он значителен и огромен. Большую часть я знал раньше, но теперь в этом реальном бытовом и историческом контексте, который представляют из себя воспоминания Ахматовой и Н.Я., все еще выр[а]стает.

5 окт. 1960. <...> Н.Я. уехала в Москву узнавать, нет ли у нее рака, и я всё не могу прочесть обещанную мне «4-ую прозу» Мандельштама.

9 окт. 1960. Приехала из Москвы Н.Я. М-м. Она ездила проверять свое здоровье и побыть у Василисы Шкловской,⁷⁷ с которой в почти 70-летнем возрасте разводится В.Б.

<...>

Приехала из Лен-да Ахматова, по словам Н.Я. «обнаглевшая оттого, что не умерла летом» (она тяжело болела)[.] и сейчас всё ест и пьет. Есть новые стихи, но списка у Н.Я. нет, а так она не запомнила. М. б., приедет сюда.⁷⁸

Спор о воспоминаниях Эренбурга. Н.Я. бранит, и Коля [Оттен] ее поддерживает (теория «малой пользы», компромиссы и пр.). Я и Ел.М. [Голышева] защищаем Эренбурга. А.С. Эфрон тоже говорит, что он написал «не так» о М. Ц[ветаев]ой, а Н.Я. боится, что он «не так» напишет о М[андельшта]ме. Нашелся в стране один человек, который пишет о Цв., о М-ме и др.[.] *и сразу на него*

⁷⁶ В дате заметно исправление: «26 сентября 1960 г.» — что перебито иным, чем основной текст, шрифтом машинки — поверх наклеенной заделки. Очевидно, что весь лист с записью за 26 сент. — более поздняя вставка, так как запись под этой датой, но с другим текстом есть и на другом листе этого года.

⁷⁷ Шкловская-Корди Василиса Георгиевна (1900–1977), первая жена В.Б. Шкловского.

⁷⁸ В это время АКГ живет в Тарусе.

напустились, что «не так». Это вроде анекдота о певце, который не поет, но если бы пел, то не так...⁷⁹

10 окт. 1960. Вчера прочел ненапечатанную «4-ую прозу» Манд-ма, полное «Путешествие в Армению» и ряд старых статей, большей частью ненапечатанных, и отрывки из записн[ой] книжки. В статьях есть масса блестящих мыслей и прекрасных формулировок, а «4-ая проза», представляющая собой ряд отрывков, связанных с эпизодом травли М-ма в связи с историей о переводе «Уленшпигеля»,⁸⁰ но содержащая такой каскад гнева, презрения, обобщений и образов герценовского размаха, что естественно было отнести это по эмоциональному масштабу к его позднейшим несчастьям. Написано это блестяще, крайне субъективно и остро, но для незнающих бытовой и политический контекст[,] вероятно[,] темно... Я, относя это вчера Н.Я., сказал ей, что как удивительно, что в этом отрывке (15 стр. на машинке) О.Э. как бы предсказал или[,] вернее[,] предвосхитил свой будущий счет со временем и литературой, на что она тонко сказала: «Мне кажется, поэт не угадывает свое будущее, а строит его сознательно — так и О.Э.». Она вообще утверждает, что М. сознательно и зряче шел навстречу своей судьбе. Так ли это?

Долго вчера сидел у нее[,] и снова интереснейшие рассказы о многом: о периоде молчания М-ма (между 26 и 30 гг.) и о причине этого. Ее концепция теории «капитуляции», о молчании П[астернака] и А[хматовой] приблизительно в этот же период. Ее развенчивание «легенды о святых двадцатых годах», тоже очень субъективное и спорное (ее характеристика Авербаха как прямого и наивно чистого воплощения «20-х годов», по-моему, совершенно неверна.⁸¹ Интер[есна] фраза М-ма в Воронеже

⁷⁹ Здесь две последние строки на листе машинописи съезжают.

⁸⁰ Подробно эта история перевода, или «перелицовки», О.М. романа Шарля де Костера исследована в книге: *Лекманов О.* Осип Мандельштам: ворованный воздух. Биография. М.: АСТ, 2015. С. 212–237.

⁸¹ Авербах Леопольд Леонидович (Лейбович; 1903–1939: расстрелян), литературный критик, комсомольский деятель; член Союза писателей СССР, главный редактор (по другим сведениям — ответственный редактор) журнала «На литературном посту», один из основателей РАППа. Племянник Я.М. Свердлова, шурин Г.Г. Ягоды; посмертно реабилитирован.

в разговоре с Ахм-ой: «поэзия это власть». По ее словам, Ахм. «молча склонила длинную шею» в знак согласия. Это говорили ссыльный и нищий Манд-м и опальная, тоже нищая, не печатаемая Ахматова — два подлинных поэта. Кстати, Н.Я. рассказывает, со слов Ахм., что когда [та] недавно болела, к ней позвонил и пожелал ей выздоровления «тот, кто сейчас на месте Кирова», т. е. [,] видимо, Спиридонов.⁸² Н.Я. читает мне наизусть недавние стихи А[хматовой] «В Кремле не надо жить»,⁸³ которые я забыл текстуально, но смысл которых в том, что в Кремле еще бродят отзвуки великих бурь прошлого: Грозного, Самозванца и пр. — стихи острые и мудрые. На столе у нее лежит польский журнал со статьей о Манд-ме (вышедший летом).

«Избранный Мандельштам» в Библиотеке Поэта уже готов (составитель Харджиев) и разослан членам редколлегии, а когда выйдет, неизвестно, и выйдет ли? Она [,] видимо [,] предпочитает держаться на этот счет бодрого пессимизма. «Волчий цикл» [,] конечно [,] не вошел, и еще Орлов⁸⁴ выкинул почему-то «Флейту»⁸⁵ и еще многое. Ее разгадка странной строки в «Если б меня враги наши взяли» — шифр. Как она не поняла «Ламарка» и ей его объяснил Тынянов.⁸⁶ Почему-то мне интересны эти рассказы о погибшем поэте, как давно уже ничего не было там интересно. В его судьбе фокус времени и других параллельных судеб.

Н.Я. редкая умница и тонкий человек с широким историческим кругозором. Для того чтобы перестать ей волноваться и продолжать жить всем этим, вероятно нужно всё записать

⁸² То есть тогдашний 1-й секретарь Ленинградского обкома КПСС — Спиридонов Иван Васильевич.

⁸³ Имеется в виду стихотворение А. Ахматовой «Стансы» (1940).

⁸⁴ Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед, в 1956–1970 гг. гл. редактор «Библиотеки поэта» при Ленинградском отделении издательства «Советский писатель».

⁸⁵ Домашнее название стихотворения «Флейты греческой тэта и йота...» (7 апр. 1937).

⁸⁶ Стихотворение О. Мандельштама, написанное в мае 1932 г.

Тынянов Юрий Николаевич (Насо́нович) (1894–1943), писатель, драматург, литературовед и критик. С 1918 г. — участник ОПОЯЗа; автор романов «Кюхля» (1925) и «Смерть Вазир-Мухтара» (1928), рассказа (фактически, маленькой повести) «Подпоручик Киже» (1927)

и тогда это, уйдя из души на бумагу, перестанет ее тревожить и бередить.

Два старика: она и К.Г. [Паустовский]. С ней мне разговаривать интересней.⁸⁷

11 окт. 1960. Всё утро — работа над сценарием.

<...> Пошел к Н.Я. и присидел у нее не «полчасика», а почти четыре часа. Замечательные рассказы о Мандельштаме. Они интереснее всего, что я читал или слышал за последнее время. Удивительная старуха с острым умом и цепкой и злой памятью. Конечно всё, что она говорит, субъективно, но всё дельное субъективно.

<...> Из рассказов Н.Я. о Пастернаке (у нее много его писем) удивительно о его славолубии. <...>⁸⁸.

4 января 1961. <...> Кое-что из рассказов Н.Я. Мандельштам я записал, но далеко не все, увы. Недавно, перебирая старые бумаги, нашел запись рассказа С. Нельдихена⁸⁹ о смерти Гумилева. Он был, по его словам, последним человеком, пожалвшим ему руку перед арестом за несколько минут.

31 марта 1961. <...> Читаю 6-й том (дневники и письма) Вишневского.⁹⁰ Все-таки очень интересно, хотя Вишневский очень недалек и часто наивен до глупости. Думаю, что он был человеком хорошим, т. е. добрым: сознательно подлостей никому не делал. Вот, по словам Н.Я. Мандельштам, даже помогал Осипу Мандельштаму деньгами, когда тот бедствовал в Воронеже в 1936 г.⁹¹

⁸⁷ Эти строчки внизу листа «съезжают».

⁸⁸ Подробнее см. ниже, в разделе о Пастернаке.

⁸⁹ Нельдихен Сергей Евгеньевич (1891–1942), поэт-примитивист, член гумилевского третьего «Цеха поэтов» в 1921–1923 гг.

⁹⁰ Всеволод Витальевич Вишневский (1900–1951), писатель, драматург, муж Софьи Касьяновны Вишневской-Вишневецкой (1899–1962), художницы, подруги Н.Я. Издание дневников того времени — в 6-м, дополнительном томе его Собрания сочинений в 5 т. (М.: ГИХЛ, 1960).

⁹¹ Из «Воспоминаний» Н.Я.: «В последний год в Воронеже, в домике “без крыльца”, изоляция дошла до предела. Жизнь наша протекала между нашей берлогой и телефонной станцией в двух шагах от дома, откуда мы звонили моему брату. Два человека — Вишневский и Шкловский — передавали ему

27 авг. 1961. Тарусская идиллия, лодки, Ока. <...>

Прочел рукопись Н.Я. Это очень интересно, хотя с ее историческими «теориями» я и не согласен. Она еще не закончила ее. По ее словам, со сборником О.Э. дело «двинулось». Предисловие написал Друзин.⁹²

1 дек. 1961. [АКГ снова едет в Тарусу, к Оттену] <...> Милая старуха Над. Як-на. Долго говорим обо всем. <...>

20 дек. 1961. <...> [после посещения Ахматовой в больнице и разговора с ней:]

Эту встречу мне подарила Н.Я.[.] и это поистине царский подарок.

10 янв. 1962. <...> Над.Як. дарит мне несколько страничек, исписанных карандашом: автограф О. Мандельштама — отрывок из моего любимого «Шума времени».⁹³

21 мая 1962. <...> Говорят, что Македонов⁹⁴ написал предисловие к томику Мандельштама и скоро книга пойдет в производство. <...>

в ту зиму по сто рублей в месяц, и он посылал их нам. Сами они посылать боялись» (Мандельштам Н. Собр. сочинений: в 2 т. Т. 1. Екатеринбург, 2014. С. 260).

⁹² Валерий Павлович Друзин (1903–1980), критик, литературовед, автор многочисленных откликов на стихи и прозу О.М. в периодике в 1926–1928 гг. (однако текст его гипотетического предисловия к книге О.М. неизвестен); с 1946 г. чл. редколлегии, в 1947–1957 гг. гл. ред. журнала «Звезда» (Ленинград); в 1954 г. квалифицировал поведение Зощенко на встрече с английскими студентами — когда тот, в отличие от Ахматовой, позволил себе не согласиться с критикой в свой адрес в докладе Жданова, — как «классовую борьбу в открытой форме». Но помимо этого известен тем, что пытался под конец жизни добиться реабилитации Н. Гумилева.

⁹³ В архиве АКГ не обнаружено.

⁹⁴ Адриан Владимирович Македонов (1909–1994), видный геолог и одновременно писатель: выступал как ученый-исследователь в области советской литературы; писал книги о творчестве Твардовского, О.М. и др. В нач. 1960-х гг. намечался в авторы вступительной статьи к тому О.М. в Большой серии «Библиотеки поэта» (см. об этом в его переписке с Н.Я.: *Македонов А.*

22 дек. 1962. <...> [Н.Я. в письме] радуется посланному ей куплету песни про то, как «Фартовый парень Оська Мандельштам читает зека стихи Петрарки у костра» (из известного «Письма зека товарищу Сталину», текст которого растет на глазах).⁹⁵

1 февраля 1963. <...>

Письмо от Над. Яковл. Пишу ответ.

24 марта 1963. <...> ...письмо от Н.Я. Манд-м, где она жалеет И.Г. [Эренбурга] (раньше она его часто осуждала) <...>

[Н.Я. — АКГ от 25 марта 1963 (л. 10 об.)] <...> Впрочем, я умею не терять пессимизма. Иначе нельзя. Нет ничего хуже, чем рассчастливиться. Знаю это по своему опыту: со мной такого не бывало.

Пишите Н.М.

30 апреля 1963. <...> Звонил Л.Я. Гинзбург. Над. Яковл. приезжает завтра и остановится у нее. Жаль, что не смогу быть с ней у Анны Андреевны.

1 мая 1963. Под вечер едем с Эммой к А.А. Ахматовой, где нас уже ждет Над. Яковл. <...>

Н.Я. дает мне читать еще 120 стр. своей рукописи, уже доведенной до лета 1937 года, с отступлениями разного рода (напр., «М[андельшта]м и книги» и пр.). Хорошо и точно.

Читаю ночью и еще раз утром.

О письмах Надежды Мандельштам и по поводу // Всемир. слово. 1992. № 2. С. 62–70). Его предисловие было опубликовано только в 1991 г. (см.: *Македонов А.В.* Пути Осипа Мандельштама и его посох свободы // Русская литература. 1991 № 1. С. 42–60; см. также: *Македонов А.* Подвиг Осипа Мандельштама // Вестник Удмуртского университета. Ижевск, 1992. С. 6–8).

⁹⁵ Это народное добавление к песне Ю. Алешковского «Товарищ Сталин, Вы большой ученый». Добавленное четверостишие, в котором упоминается Мандельштам (один из вариантов), таково:

Для Вас открыт в Москве музей подарков
И Исаковский пишет песни Вам.
А у костра читает нам Петрарку
Фартовый парень Ося Мандельштам.

2 мая 1963. Отношу рукопись. Н.Я. записывает мои замечания.

8 авг. 1963. Таруса. <...> Днем обед у Н.Я. Ман-м и Л.Я. Гинзбург. <...> Взял почитать у Н.Я. письма к ней и О.Э. [Мандельштаму] Б.Л. Пастернака.⁹⁶

23 сентября 1963. <...> Сегодня с утра работал в Ленинской библиотеке, потом поехал к Над. Яковл., которая живет у Шкловских. Провел там целый вечер: читал ее новые отрывочки о Шкловских и о Бабеле в 37 году, болтали. Знакомство с А. Морозовым, фанатиком Мандельштама, собирающим о нем все матерьялы. Он странный парень, шахматист, латинист, чудака, кажется, сектант.⁹⁷ <...> Н.Я. показала нам стихи какого-то нового ленинградского кумира Иосифа Бродского <...>⁹⁸

М. б. на днях пойдем с Н.Я. обедать к Л.М. Эренбург.⁹⁹ Н.Я. ужасно не хочет ехать еще на одну зиму в Псков,¹⁰⁰ но нужно: она

⁹⁶ *Пастернак Е.В., Пастернак Е.Б.* Координаты лирического пространства: К истории отношений О. Мандельштама и Б. Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 44–51, № 3. С. 91–100.

Первая публикация этих писем была сделана в «Вестнике студенческого христианского движения» по машинописям В.А. Швейцер с печатками. Вторая — в сборнике «Память» (Париж, № 4, 1980?).

⁹⁷ Морозов Александр Анатольевич (1932–2008), филолог, мандельштамовед-энтузиаст, первоиздатель «Разговора о Данте», писем О.М. к В.И. Иванову и др. В конце 1950-х гг. открыл для себя Мандельштама и увлекся им навсегда (см. также ниже прим. к зап. от 3 июня 1968). Здесь речь идет об уникальной библиографической справочной картотеке Морозова, сведениями из которой он щедро делился с коллегами.

Чуть позднее он будет писать Н.Я., касаясь АКГ, 30 окт. 1963: «Если это удобно и Вы переписываетесь с Гладковым — пусть он Вам пришлет выписки из дневника (он обещал)» («Но я за вами буду следовать всю жизнь...») Письма А.А. Морозова Н.Я. Мандельштам (1962–1964) // «Посмотрим, кто...». 2015. С. 296).

⁹⁸ Об этом подробнее см. выше, в материале об Ахматовой (Глава V).

⁹⁹ Эренбург Любовь Михайловна (Козинцева; 1900–1970), вдова И.Г. Эренбурга (вторая его жена, с 1919 г.), сестра кинорежиссера Григория Михайловича Козинцева.

¹⁰⁰ Н.Я. преподавала в Пскове.

уже избаловалась большим заработком, в Тарусе скучно, а в Москве ее не прописывают, несмотря на многие хлопоты.

29 сент. 1963. <...> Заходил прощаться с Над. Як. Она уезжает опять в Псков, на этот раз с великой неохотой и плохими предчувствиями. Она закончила свою «книгу», осталось кое-что отделать — это замечательный памятник поэту и страстное свидетельство о времени. Есть и преувеличения, и односторонность, но как им не быть с такой каторжной жизнью. На редкость умная старуха. Мало таких встречал.

[Из письма АКГ — к Н.Я. от 3 декабря 1963:] Про И. Бродского в «Веч[ернем] Ленинграде» написали страшно: не только про его стишки, которые мне лично не нравятся, — тут и связи с уголовниками и спекулянтами, и встречи с иностранцами, и подготовка побега за границу. В иные времена за это давали полный набор: 25 и 5 и 5. А сейчас статья оканчивается требованием выслать его из Ленинграда. Я его никогда не видел, а описан он красочно.

28 фев. 1964. <...> Письмо от Над. Як-ны и мой ответ.¹⁰¹ Спор продолжается. Консерватизм бывает разный — у нее консерватизм оппозиции. Что-то в этом меня очень раздражает: наверно — привычка из всякого пустяка делать обобщение. «А в дверях уже стучало обобщение» (О. Мандельштам).¹⁰² По-человечески ее можно понять: привыкнув всю жизнь быть гонимой, нелегко изменить психологию, но именно от нее мне хотелось большей свободы и живости ума.

9 марта 1964. <...> Над поэтом Бродским (из-за которого у меня возникла такая бурная полемика в письмах с Над. Як.),¹⁰³ был суд,

¹⁰¹ Среди писем АКГ в фонде Гладкова в РГАЛИ ни это, ни другие письма от Н.Я. к АКГ (и пп. его к ней) за 1964 г. не значатся: «первое» его письмо датировано только 3 марта 1965 (РГАЛИ. Ф. 1883. О.Э. Мандельштам. Оп. 3. № 185). По словам Ю.Ф., Н.Я. часто просто «...раздаривала или отдавала желающим большинство получаемых ею писем».

¹⁰² В «Путешествии в Армению»: *В дверях уже скучает обобщение* (главка «Француз»).

¹⁰³ Возможно, именно в 1964 г. АКГ высказывался в письмах к Н.Я. о поэзии и поэте Бродском наиболее критически, однако позже он,

но он кончился ничем: поэта увезли в психиатрическую больницу. Хотели доказать, что он «тунядец».¹⁰⁴

[Письмо Н.Я. — к АКГ от 8 марта. <1964>]

Дорогой Александр Константинович! Я всё продолжаю бороться за вашу душу, а вы хотите убежать к обобщению, хотя еще не рассматривали факты. Я предлагаю вам вспомнить факты.

В «В[ечернем] Л[енинграде]» в статье на двух столбцах было напечатано, что некто пишет декадентские стихи, а третий посвящался общей хуле и рассказу о вещах, которые он не сделал, а думал сделать.¹⁰⁵ Техника подобных обвинений известна. Как вы писали, что раньше этого хватило бы «на всю катушку», и действительно все это, особенно третий столбец, сильно напоминало прошлое. Дальше, вы узнали нечто о молодом человеке, что заставило вас с симпатией солидаризироваться с авторами статьи. Возможные меры по отношению к этому юноше вы назвали «профилактикой».

Профилактикой у нас занимались много, и она стоила нам очень дорого. Я вас предупреждала, что всякая травля сопровождается клеветой. Я изучила механизм травли и знаю это точно. Мне неизвестно, что за «неаппетитные вещи» вы узнали об этом человеке и почему вы называете его альфонсом. Но вот вам небольшая деталь: в Москве появились фотографии непристойных эротических сцен. Утверждалось, что снят этот самый человек. От фотографий пришлось отказаться — снят был не он, и к фотогр[афиям] не имел никакого отношения. По моим сведениям, на суде они не фигурировали. И вообще ни о какой безнравственности или альфонсизме на суде речи не было. В газете тоже говорилось не об альфонсизме,

очевидно под действием ее аргументов, а возможно, после личной встречи с поэтом, изменил свое к нему отношение (ср. ниже).

¹⁰⁴ Это записывает АКГ по поводу только что полученного им 8 марта письма от Н.Я., в котором она снова возвращается к предмету их спора. См. ниже ее эмоциональное письмо (л. 22) — на конверте от руки: «№ 4», в Ленинград со штемпелем из Пскова (л. 23, 23 об., 24, 24 об.).

¹⁰⁵ 29 нояб. 1963 г. в газете «Вечерний Ленинград» (за подписью А. Ионина, Я. Лернера, М. Медведева) был опубликован пасквиль на Бродского «Окололитературный трутень», где тот был назван «пигмеем, самоуверенно карабкающимся на Парнас». Имя Бродского в этом письме Н.Я. не называет, но из контекста понятно, что имеется в виду именно он.

а об отце.¹⁰⁶ Между тем на фотогр. в Москве делалась большая ставка — ими подкреплялась статья...

Теперь по существу статьи: декадентские стишки... Является ли писание стихов работой? Если судят задним числом, то все очень просто — Марина и Осип работали... А какой-нибудь неудачник — нет. Но вспомните «Четвертую Прозу». Там как раз об этом говорится...

Если б этот молодой человек был членом Союза, писание стихов считалось бы работой. Но прежде, чем человека принимают в Союз, проходят многие годы. Итак, до вступления в Союз человек должен работать слесарем. Вы все время пишете: я работал, я зарабатывал, я делал то-то, я просил знакомых не хлопотать обо мне и т. д... При чем здесь вы и ваши нормы поведения? Вы хотите объявить себя образцом, которому должны следовать все? Я знала массу людей, которые могли только писать стихи или заниматься живописью. Из одних что-то вышло, из других не вышло. Надо было их ссылать на север из-за этого? <...>

На суде речь шла о тунеядстве, хотя защитник (переводы считаются работой, а стихи нет) продемонстрировал договора на переводы. Влияние статьи на суд несомненно — договора во внимание не приняты. Судью винить нельзя — откуда он может знать, как начинается писатель или художник? Легче с музыкантами — они не могут не кончить школу, как и архитекторы... а в первых двух областях почти все появляются без школы или (художники) поссорившись со школой. Вы-то это могли бы знать. Зачем же вы поддерживали (хотя бы душевно) тех, кто натравил милицию на молодого поэта? Потому что вам не нравятся его стихи? Слишком много на себя берете... Или на основании непроверенных слухов об альфонсизме и прочем? А я признаю, что только конкретные и точные нарушения законов подлежат суду. Надеюсь, что вы тоже, и снимаете свои разговоры о профилактике. Кроме того, я считаю, что нужно осторожно обращаться со слухами против людей, на которых обращаются подобного рода фельетоны. За такими выступлениями всегда что-то стоит весьма организованное. Кстати говоря, для интеллигента нормальнее быть на стороне травимого, а не травли,

¹⁰⁶ «В крайнем случае подкинет толику денег отец — внештатный фотокорреспондент ленинградских газет, который хоть и осуждает поведение сына, но продолжает кормить его» («Окололитературный трутень» — <http://kozhekin.livejournal.com/634060.html>).

на стороне страдающего... Даже если речь идет о преступлении, гуманистическая мысль больше столетия боролась о смягчении наказаний. Вспомните хотя бы борьбу со смертной казнью и смягчение кодексов всех стран. А тут профилактика...

А теперь об аналогиях и обобщениях, потому что эмпирики вы получили достаточно. Что значит Ваша фраза: «Уверяю вас, что Б. терпит не за стихи, а за что-то другое»? Где и когда его обвиняли в «чем-то другом»? в фельетоне? На суде? Только ваши аналогии (с П. Васильевым и еще неизвестным мне Лавровым)¹⁰⁷ привели к такому заключению. Кстати, Пашку Васильева я знала хорошо. Какие он совершал преступления, за которые его надо было судить? Сукин сын был, особенно с бабами. Но суд есть суд. Закон есть закон. Кого он убил?

Я вовсе не думаю, что поэтов нельзя судить, если они совершают преступление. А вы думаете, что поэтов надо судить профилактически. И по возможности не упоминать при этом стихов.

А теперь о моих аналогиях. Психика: «Кто он такой, чтобы жить не как мы», «дрянные стихи, а нос задирает», «мы его судим не за стихи, а за то, что он способен на всё», «не сравнивайте его с теми, кто стоит у нас на полке, — те классики, а он мне ни на чорта не нужен» — это классика и от нее не ушел никто. В судьбе О.М. вы не разобрались. Все разыгрывалось постепенно. Все началось внутри литературы. Именно она поднесла его на блюдечке и попросила уничтожить, как чуждое тело. Просила довольно долго, и эпоха была подходящая. Социальная психология вещь устойчивая, но в разные эпохи она проявляется по-разному. А Виллон¹⁰⁸ здесь ни при чем, как вам известно. Что меня поражает, это то, что вы вдруг забыли логику, точность, привычку взвешивать факты и данные, что под влиянием каких-то «неаппетитных» рассказов вы вдруг набро-

¹⁰⁷ Васильев Павел Николаевич (1909/1910–1937: расстрелян), поэт;

Лавров Леонид Алексеевич (1906–1943), поэт, близкий к конструктивизму; переводчик; автор поэтических сборников: «Уплотнение жизни» (1931), «Золотое сечение» (1933); третий сборник «Лето» готовился к печати, но издан лишь в 2011 г. В 1935 г. был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей «за участие в контрреволюционной группе» (по одному делу с Ярославом Смеляковым). Как негодный к военной службе, во время войны был в эвакуации, затем вернулся в Москву; умер в 1943 г. от туберкулеза.

¹⁰⁸ Франсуа Вийон (*франц.* François Villon), настоящая фамилия *де Монкорбье* (Montcorbier) или *де Лож* (des Loges); родился между 1 апр. 1431 г. и 19 апр. 1432 г. в Париже; год и место смерти неизвестны.

сились на неизвестного вам человека? Интересно, что вы все истолковали как новые данные против него, даже то, что за него заступились. Как это могло случиться? Почему у вас появилась личная нотка: «я так не поступал»? нет ли, действительно, каких-то личных моментов?

Очень хорошо, что заговорили о Мейерхольде. Ваша роль в этом велика и первоклассна. Это особенно обязывает вас к точности и в других вещах. И к вниманию к фактам. Н.М.

[л. 23] Мне очень интересно знать, от кого вы узнали «неаппетитные факты». Вероятно, это лицо чем-то заинтересованное.

[л. 23 об.] Кстати, я этого мальчишку знаю, и хорошего о нем мнения. Трагично, что он уехал в Ленинград, хотя знал, что его там ждет. Я уговаривала его не уезжать. Он это сделал вполне сознательно.¹⁰⁹

[Еще одно письмо Н.Я. (в архиве почему-то ошибочно отнесенное к более поздним): (л. 69, 69 об.) без даты и номера: как будто продолжение предыдущего, но — с самостоятельным обращением и фактически повтором того, что уже было: скорее всего, следует датировать это письмо как написанное ранее 13 марта 1964 (Н.Я., по-видимому, считала, что предыдущие ее письма потерялись, и многое повторяла):]

Дорогой Александр Константинович!

Я сержусь за вашу позицию с Бродским. Каким образом мое бешеное письмо не дошло, не знаю. Больше ни на что я сердиться не могу. А здесь картина ясная. Вот моя аргументация:

всякая травля и всякое убийство сопровождаются клеветой. Примеры я вам приводила: как говорили о Николае Степановиче [Гумилеве] (стихи — плохи, сам — противный... а вот что мы знаем про него)... Я уж не говорю про О.М., где грязные инсинуации шли годами. Поэтому ваши «достоверные» и «объективные» люди с неаппетитными рассказами делают классическое дело толпы при убийстве.

Второе — когда поэта травят, то оплевывают его стихи — от Пушкина до наших дней. Стихи могут не нравиться. Но это не оправдание травли, поэтому нечего об этом говорить. Уверю

¹⁰⁹ Очевидно, что и здесь речь идет о Бродском, хотя его имя не называется: в следующем письме, от 20 марта, он снова будет обозначен буквой «Б».

вас, что те, которые уничтожали О.М., искренне не любили его стихов. Эта нелюбовь помогает уничтожать. На всякий случай следует молчать о своем отношении к стихам. Поэт может быть настоящий, а его стихов мы не любим. Но поэт всегда возбуждает ненависть. Нужна была неслыханная работа Б.Л., чтобы так долго держаться... но под конец прорвалось. Маленькие поэты или большие — разницы нет...

Кстати, я его знаю.¹¹⁰ Он очень похож на поэта и, по-моему, чистый человек... а если хотеть поносить — то [3 нрзб.] на Блока нельзя? на Есенина нельзя? На каждого из нас — не поэтов — нельзя? Осторожнее на поворотах.

Н.М.

[Приписано поперек основного текста на полях (л. 69):]

Мне очень понравилась статья о Платонове (первый класс), и я рада, что вы заключили договор на нужную вам вещь.¹¹¹

Это письмо гораздо мягче первого, потому что товарищеский суд, который должен был выслать Бр., не состоялся, слава Богу, отстояли. Судить должны были моралисты из ССП...

[Там же, (69 об.)]

А как клеветали просто на людей, когда их распинали?¹¹²

[Н.Я. пишет в ответ на (несохранившееся) письмо АКГ чуть позднее: (л. 25) на конверте от руки, в Ленинград со штампом из Пскова (л. 26, 26 об., 27) 20 марта <1964>:]

Дорогой Александр Константинович!

Мне только что рассказали о выступлении Есениной...¹¹³ Молодец... Только она что-то говорила о том, что мы будем смелыми?

¹¹⁰ Тут определенно имеется в виду Бродский.

¹¹¹ Имеется в виду статья Gladkova «В прекрасном и яростном мире» (О рассказах Андрея Платонова) // Новый мир. 1963. № 11.

¹¹² [Скорее всего, следует датировать это письмо — как написанное ранее 13 марта 1964 г., т. е. между письмами «№ 4» и «№ 5».]

¹¹³ Имеется в виду выступление Татьяны Сергеевны Есениной, дочери поэта и З.Н. Райх, на вечере памяти В.Э. Мейерхольда 3 марта 1964 г. (Ср. в дневнике АКГ: «3 марта 1964. Состоялся второй вечер памяти В.Э. в зале б. Тенишевского училища. Я председательствовал, что было обозначено

Что-то я в это не верю. И наконец, как мы используем свою смелость? Будем смело травить Мейерхольда и не печатать Мандельштама?

Скучно мне жить на свете. Я очень рада, что вы мне поверили с Б... Читали ли вы продолжение в Вечернем Ленинграде?¹¹⁴

Говорят, судья, увидев, что он зарабатывал 30 р. в месяц, возмутился: как же вы жили на такие деньги? Это просто мило. Но, может, анекдот...

Никакой он себе защиты не организовывал и сам поехал в Ленинград, хотя я умоляла его не ехать. Просто люди действительно стали смелее и, помня о прошлых историях с поэтами, чему-то научились.

Мне осталось еще 8 недель. Устала я ужасно и психически, и физически. <...>

Неужели вам ваш актер сказал про Бр., что он стучал? Бред... Пашку Васильева я знала до 34 года... Что он плохой человек, это было ясно. Кстати, от стихов ничего не осталось. Не звучат... Хотя талантливы. Он[,] кажется[,] сейчас ходит в богах где-то в очень узкой среде... никогда вам не писала, что талантливость делает людей неподсудными, а писала, что за талантливость судить нельзя.

Да, надо быть на стороне травмированного. Ваш довод: «Эльсберг считает себя травмиемым» не действует.¹¹⁵ В том-то и дело, что надо уметь определять, что такое травля.

в хорошо, со вкусом напечатанном пригласительном билете. Выступали А.В. Смирнова, И. Савельев, Л. Вивьен (хорошо), А. Крон (неплохо), Т. Есенина (очень хорошо) и Акимов (хорошо). Была выставка, устроенная, как и весь вечер, самими студентами. Мне этот вечер понравился больше, чем первый: в нем не было казенно-комильфотного отпечатка. # Я сам говорил немного, предвзяв каждого выступавшего, открывая и закрывая. Прочитал под апплодисменты стихи Маяковского о М-де и предложил почтить его память вставанием».)

¹¹⁴ Имеются в виду публикация в той же газете (8 янв. 1964 г.) подборки писем читателей под общим названием «Тунеядцам не место в нашем городе», где приводилась Выписка из заседания СП Ленинграда, на котором было принято решение: «согласиться с мнением прокурора о предании [И.Б.] общественному суду», также заметка «Суд над тунеядцем Бродским» (Вечерний Ленинград. 1964. 14 марта) и, возможно, еще: «Йоги из выгребной ямы» (Вечерний Ленинград. 1964).

¹¹⁵ Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976), настоящая фамилия Шапириштейн; псевдонимы Шапириштейн-Лерс Я.Е., Лерс Я., Эльсберг Ж.;

Можете мне прислать публикацию из Бабеля? Здесь не достать. Какая это «Литературная Россия»? Еженедельная газета? Туда Мандельштам не давайте.¹¹⁶

[Н.Я. — АКГ на конверте от руки, в Ленинград со штемпелем из Пскова (л. 28); записка на клочке бумаги (л. 29):] «4 апреля [1964]

Почему не ответили на мое письмо? Надоело? Рассердились? Обиделись? Или просто заняты? Сообщите...
Н.М.»

[Н.Я. — АКГ на конверте от руки, в Ленинград со штемпелем из Пскова (л. 30, 31, 31 об., 32, 32 об.):]

14 апреля [1964] <...>

Не ваше письмо пропало, а мое. Я получила и Бабеля[,] и газету.
<...>

В вашем споре с Есениной я всецело на вашей стороне.¹¹⁷ Она учитывает только мелкую выгоду сегодняшней минуты. Между тем время требует человека как такового, во всех противоречиях. Сейчас мы понимаем, что это только и делает его человеком. Но я думаю, что и это икона, только сделанная не наивным богомазом. Я сейчас читала Ганди.¹¹⁸ Он пишет о себе массу смешного, а выходит величественный образ. <...>

литературовед и критик, сотрудник ИМЛИ. Считается, что он является автором множества доносов на своих коллег (к примеру, на И.Э. Бабеля, С.А. Макашина, Е.Л. Штейнберга, Л.Е. Пинского и др.). Репутация его была настолько одиозна, что статья в КЛЭ о нем опубликована с подписью «Г.П. Уткин», с намеком на учреждение, с которым он сотрудничал. — <http://www.people.su/128378>. [1960]. Весной 1960 г. в партком Союза писателей и в секцию критики и литературоведения Московской писательской организации поступили письменные заявления С.А. Макашина, Л.Е. Пинского и Е.Л. Штейнберга, в которых они фактически объявили Эльсберга виновником их ареста.

¹¹⁶ Тем не менее именно там АКГ осуществил свою единственную публикацию текста О.М.: Армия поэтов / [публ. А. Гладкова; предисл. ред.] // Литературная Россия. 1966. 19 авг. С. 18–19.

¹¹⁷ В чем был спор, не очень понятно, его письма к Н.М. за это время не сохранились, есть только начиная с 1965 г.

¹¹⁸ Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди (1869–1948: убит террористом), один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии

Я всегда завидовала Мейерхольду, что о нем пишете вы. Те, кто пишет об О.М., тоже хотят дать «в противоречии» (Миндлин,¹¹⁹ Эренбург, Маковский и др.), но ориентируются при этом не на О.М., а на пошлейшие анекдоты, придуманные Волошиным,¹²⁰ который пробовал сделать из О.М. «поэта» в своем понимании: это понимание, построенное на дешевых журналистских приемах — внешние противоречия. Зачем понадобилось Эренбургу, чтобы О.М. был хилый и малого роста? И рост выше среднего (я до плеча чуть выше плеча, но не до уха) и плечи широкие. А надо для эффекта[,] вроде «мал золотник да дорог»... Хилый, а голос могуч... Красив или некрасив О.М.? Все педерасты сообщили, что О.М. некрасив... А он вне этого понятия. Выразительное лицо, как у многих интеллектуалов (и очень изящен, когда одет не в... Москвошвее). Маковский¹²¹ выдумал мать: простая еврейская торговка и гениальный сын.¹²²

от Великобритании. Его философия ненасилия оказала влияние на движение сторонников мирных перемен.

¹¹⁹ Миндлин Эмилий Львович (1900–1981), литератор, журналист, мемуарист, автор книги воспоминаний «Необыкновенные собеседники» и романа «Возвращение доктора Фауста» (1923), в котором присутствует сходство с романом «Мастер и Маргарита», коллега и товарищ М.А. Булгакова по работе в газете «Накануне», друг Мандельштама, Волошина и Цветаевой.

¹²⁰ Ср. во «Второй книге» Н.Я.: «Ахматова обвиняла Волошина в тысяче сплетен-анекдотов про Мандельштама, которого он стилизовал под дурковатого жулика. По-благородному это называлось “современный Виллон”, а еще “игры-мистификации”. До нас постоянно доходили непристойные рассказы из Коктебеля, распространяемые поклонницами Волошина, и Мандельштам очень резко на них реагировал» (М.: Вагриус, 2006. С. 88–89). Или история об освобождении Мандельштама из врангелевской тюрьмы с помощью Волошина, по ее мнению «пущенная Эренбургом» (Там же).

¹²¹ Видимо, здесь имеется в виду книга статей критика Сергея Константиновича Маковского (1877–1962), эмигрировавшего в 1920 г., — «На Парнасе “Серебряного века”» (Мюнхен, 1962).

¹²² Об этом визите написал в своих воспоминаниях редактор «Аполлона», поэт и критик Сергей Маковский. Монолог Флоры Мандельштам выглядит в его воспоминаниях так: «Мой сын. Из-за него к вам. Надо же знать, наконец, как быть с ним. У нас торговое дело, кожей торгуем. А он всё стихи да стихи! В его лета пора помогать родителям. Вырастили, воспитали, сколько на учение расходу! Ну что ж, если талант — пусть талант... Но если одни выдумки и глупость — ни я, ни отец не позволим. Работай, как все, не марай зря бумаги... сделайте одолжение — скажите, скажите

Вранье. Мать — пианистка, культурная женщина (родств[енница] Венгерова, не бог весть что, но не торговка). У Миндлина О.М. эгоцентризм, которому Миндлин дарит свои представления об искусстве: «творчество это так красиво... это такая радость»... Тоже нашел пошляка и гедониста... О.М. был не по плечу современникам: свободный человек свободной мысли в наш трудный век. Они и старались подвести его под свои заранее готовые понятия о «поэте». Нельзя забывать, кто были его современники и что они наделали.

Довольно хорошо рассказывает об О.М. Аркадий (с одесским шиком) и переводчик киргизо-кайсацких эпосов — я забыла его фамилию.¹²³ <...>

Вы же очень точно передаете мысль и смысл движения человека. У вас был зоркий глаз, когда вы еще были мальчишкой. Пастернака вы точно представили... (Это «цитатно», т. е. подлинная цитата... В анекдотах о разных высоких событиях («он сказал») Бор. Леон. и Анна Андр. всегда решали «цитатно» ли передаваемое, т. е. выдумка или есть реальная подкладка. «Цитатно» значит — похоже на то, что могло быть данным лицом сказано.) Это большой труд увидеть подлинное, живое, отрешившись от готовых представлений и тех стандартов, которые мы подставляем вместо воспринимаемого. <...> А у вас есть способность видеть точно. Повторять «цитатно». Запоминать подлинное... Дай-то Бог... А о богомазной иконе и думать не надо. На это найдутся желающие, когда откроют заслонки.

<...>

Про Бр[одского] вы пишете на этот раз очень хорошо. С доброй позиции... но вы прекрасно знаете, что советов не слушаются.

прямо: талант или нет! Как скажете, так и будет...» # Маковский поглядел на восемнадцатилетнего поэта и «прочёл в его зоре такую напряжённую, упорно-страдальческую мольбу, что сразу как-то сдался и перешёл на его сторону: за поэзию, против торговли кожей. # Я сказал с убеждением, даже несколько торжественно: # — Да, сударыня, ваш сын — талант»! (<http://family.booknik.ru/articles/sovremennyye-geroi/ty-kuda-popala-mukha-/>).

¹²³ «Аркадий» — возможно, Аркадий Акимович Штейнберг (1907–1984), одессит и тарусянин, поэт, переводчик и художник, один из редакторов и со-ставителей «Тарусских страниц».

«Переводчик киргизо-кайсацких эпосов» — это, очевидно, Семен Израилевич Липкин (1911–2003), поэт, переводчик, прозаик; ему принадлежат переводы на русский язык эпосов — калмыцкого «Джангар» (1940), киргизского «Манас» (1941), героической повести «Манас Великодушный» (1947) и др., автор воспоминаний об О.М.: «Угль пылающий огнем...».

Я и А.А., и многие другие... в частности, давала Б. разумные советы. А еще раньше мы все давали О.М... И многим другим. Вообще советы вещь бесполезная, а уж поэтам их давать совсем не надо... А Мейерхольд слушался советов? Да если б и послушался, не могло бы. Я начинаю верить в «Мойру»-судьбу.

16 июня 1964. Вечером у Шкловских с приехавшей из Пскова Надеждой Яковлевной. Пришло много народа: Н.Я. удивительно популярна <...>.

Н.Я. скоро 65 лет, но она молодцом. Ум совершенно свежий, хотя и не без понятных предрассудков (отношение к Горькому).¹²⁴ Она уже не вернется в Псков. Ее рассказы о студентах.¹²⁵

20 июня 1964.¹²⁶ <...>

Я еще сижу с Над. Як. вдвоем в ее комнатке за кухней. Она собирается на днях ехать в Тарусу, где будет жить в той же квартире, где я у нее был впервые (улица Либкнехта, 29).

17 июля 1964. Жарко.

Письмо от Над. Яковл. В Тарусе в этом году много народа. Пишет, что скучает. Зовет туда.

26 июля 1964. <...> Письмо от Н.Я. милое, умное. Довольна тем, что я написал о близости «Шума времени» и Герцена[,] и пишет, что О.Э. очень любил Герцена.¹²⁷

¹²⁴ Отношение к Горькому у Н.Я. можно назвать презрительным — так, она не верила, что в 1921 г. тот пытался спасти Н. Гумилева от расстрела: «Недавно до меня дошел сентиментальный рассказ Чуковского о роли Горького в попытках спасти Гумилева»; этот рассказ Н.Я. называет *брехней* («Вторая книга». С. 89).

¹²⁵ Из писем Н.Я. — АКГ, уже после того, как она получила квартиру в Москве: (л. 44) на конверте надписано от руки «№ 14» со штампом из Пскова, в Москву «22.5» и на л. 45: «Мне уже можно писать прямо ко мне Москва М-447 Большая Черемушкинская 50 корпус 1 кв. 4».

¹²⁶ Предыдущую зап. от 20 июня 1964 см. выше — в разделе об Ахматовой.

¹²⁷ Увлечение АКГ Герценом вполне разделяла и Н.Я. Ср. ее письмо ему: «21 июля <...> О.М. очень любил Герцена, считал его замечательным писателем[,] и его бы очень обрадовало то, что вы проводите какие-то линии между ним и “Шумом Времени”. Кроме того, приятно прочесть вашу

27 сент. 1964. <...> Дал Леве для журнала «Разговор о Данте» Мандельштама. Впрочем, сомневаюсь, что напечатают.¹²⁸

[Н.Я. — АКГ от 6 сент. 1964 (л. 60, 60 об.):] Я не видела упоминаний об О.М. у Синявского. У него борода и Пикассо,¹²⁹ но моча, кажется, в норме. Я не очень верю, что «Москва» что-нибудь пробьет. Но у меня тупое равнодушие.¹³⁰

<...>

Я очень дрожала насчет «пользуясь слабостью надзора»...¹³¹ Боялась, чтобы не сняли... Хорошо, что уцелело. Чуковский¹³² доброжелателен, но увы! — ему не дано... Кроме того, он много врет (Пушкин!) Все путает. Памяти нет. Ранний маразм... Но это еще ничего. Н.М.

11 окт. 1964. <...> Письмо от Н.Я. В ответ на мой отзыв о Бердяеве¹³³ пишет, что она «вся в его власти»... Настроена плохо, мысли о смерти.

31 окт. 1964. <...> Н.Я. приехала. Просила меня взять ей на воскресенье билет в Ленинград — она едет навестить Анну Андр. Ахматову.

оценку Герцена, основанную на любви и уважении» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 298. Л. 52).

¹²⁸ Это написано после получения письма Н.Я. от 4 сентября (л. 60, 60 об.).

¹²⁹ Что здесь имеется в виду под «Пикассо», сказать трудно. Возможно, какое-то выражение, понятное только в узком кругу? Впрочем, Голомшток был близким другом Андрея Синявского и его соавтором по первой советской монографии «Пикассо» (М.: Знание, 1960).

¹³⁰ По-видимому, это о возможном издании О.М. в журнале «Москва».

¹³¹ «Пользуясь слабостью надзора, гонимый голодом и тоской, он несколько раз сбежал оттуда в Москву и однажды добрался даже до Ленинграда». Из статьи Н. Чуковского «Я научился вам, блаженные слова» в книге «Правда и поэзия» (<http://fb2.booksgid.com/content/D9/nikolay-chukovskiy-pravda-i-poeziya/10.html>).

¹³² Чуковский Николай Корнеевич (1904–1965), писатель, переводчик прозы и поэзии, сын К.И. Чуковского.

¹³³ Бердяев Николай Александрович (1874–1948), русский религиозный и политический философ, представитель экзистенциализма.

Сегодня утром взял ей билет и себе на пятое и дал Эмме телеграмму, чтобы она встретила Н.Я. Днем у Н.Я., потом едем с ней к какой-то ее приятельнице Аренс,¹³⁴ <...>. Потом опять сидим у Н.Я. Она кончила книгу и кладет ее «в бест».¹³⁵ Я уговаривал ее сдать экземпляр в ЦГАЛИ. Она плохо выглядит, лежала дома час с грелкой, но весела. Сегодня ей 65 лет. Звала быть у них вечером, но[,] узнав, что там будет Н.Д. [Оттен], я решил не приходить. <...>

1 нояб. 1964. <...> Н.Я. уже прописана в Москве.

12 нояб. 1964. <...> Эмма познакомилась через Над.Як. с блоковедом Максимовым¹³⁶[,] и в воскресенье мы приглашены к ним в гости.

[До этого АКГ получил несколько писем от Н.Я.: во-первых, объясняющее ее непростые отношения с Лидией Гинзбург, 1 декабря (л. 66):] «Как Лидия Яковлевна? У нас отношения явно испортились из-за того, что я окончательно поняла, что анализ как метод научного подхода надо на сотню лет положить в банку со спиртом. Он еще может понадобиться, но не раньше, чем через сто лет. Очень вас поздравляю, что у вас нет ученого инвентаря: ссылок, цитат и аналитических подвигов».

[Во-вторых, еще одно, снова о Бродском и ее к нему отношении, а также повтор о Л. Гинзбург (л. 68) 11 декабря:] <...> Теперь о Бродском. Да, мне не нравятся его стихи. Но совершенно ясно, что это поэт в самом точном смысле слова, и мне не нравится, потому что как всякий поэт он нов, непривычен и мешает. Фельетон, о котором вы говорите,¹³⁷ лучшее доказательство подлинности

¹³⁴ Аренс Елена Михайловна (1904–1988), подруга Н.Я. Мандельштам еще по периоду ее жизни в Калинин в 1937–1938 и 1939–1941 гг.

¹³⁵ *Бест* (*бэст*) — не скрытое, но недоступное убежище. От перс. *bāst* ('место, дающее всякому преследуемому право временной неприкосновенности', например мечеть или иностранное посольство).

¹³⁶ Дмитрий Евгеньевич Максимов (*Иван Игнатов, Игнатий Карамов*; 1904–1987), литературовед, поэт, доктор филол. наук.

¹³⁷ Имеется в виду все тот же пасквиль «Окололитературный трутень» о И. Бродском.

этого поэта. Поэт это интеллигент в сотой степени, и его уже травят по всем правилам. Неужели и этого убьют? Моя реакция на эту травлю та же, что и у вас... Меня физически тошнит.

Лидия Яковлевна меня ничем не рассердила, и я от нее не отвратилась. Мне только действительно осточертел анализ; и кроме того она мирный человек и не позволяет себе, чтобы ее тошнило. Вот и все. А так я самого высокого о ней мнения[,] и мне с ней очень интересно. Но просто я спорщик.

Эмма Герштейн — очень большая дура. <...> [конец письма]

8 янв. 1965. <...> Эмма [Попова] привезла письмо от Н.Я. Она пишет, что собирается расставаться с Тарусой[,] и спрашивает: не передумал ли я насчет Загорянки?¹³⁸

[Н.Я. — АКГ от 12 янв. 1965 — видимо, уже повторно (л. 71):]

Не передумали ли вы с Загорянкой? Я сейчас о ней серьезно думаю. Тарусе не по силам, не по средствам, и нельзя так отрываться от Москвы.

Сейчас я в Тарусе (1-ая Садовая, 2). Отзовитесь. Н.М.

(л. 72) [конверт из Тарусы (13.1.65) в Ленинград]

16 мар. 1965. <...> Письмо от Н.Я. Пишет, что не может писать подробно, так как полдня проводит в больнице[,] и просит писать.¹³⁹

26 марта 1965. [АКГ приехал из Москвы] <...> В первый вечер были у Над. Як. (в квартире Шкловских). Там еще польский критик

¹³⁸ По-видимому, до того АКГ предлагал Н.Я. пожить летом у него на даче в Загорянке, но это так и не состоялось (ср. с записью ниже, от 3 мая). Из мартовского письма АКГ — Н.Я. Мандельштам (3.3.65): «Есть в Москве такой Валя Португалов — я Вам о нем рассказывал, товарищ моего брата, пробывший 25 лет на Колыме (его знает Панченко). Когда я сказал ему, что был такой проэкт, что Вы стали бы жить у меня в Загорянке, то он сказал, что ежели нужно, он сам и его сыновья будут приезжать и носить Вам дрова и прочее и сочтут это за честь» (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. № 185).

¹³⁹ До этого от Н.Я. в письме от 11 марта было (л. 76), очевидно, о Загорянке: «Дайте подумать насчет лета. Скоро решу».

Ричард (фамилию не расслышал),¹⁴⁰ выпустивший книгу о Достоевском и переводящий Мандельштама, и брат Юли Живовой.¹⁴¹

15 апр. 1965. Снова перечитал и книгу Над. Яковл. — тоже замечательную, из того же разряда.¹⁴²

22 апр. 1965. <...> Письмо от Над. Як. Она объясняет отказ от Загорянки плохим характером жены Евг. Як. Фрадкиной, капризной и взбалмошной бабы.¹⁴³ Письмо грустное и словно оправдывающееся. Пишет, что ей «больше ничего не хочется».

3 мая 1965. <...> Письмо от Н.Я. У ее брата Е[вгения] Я[ковлевича]¹⁴⁴ инфаркт[,] и она просит подождать с решением о Загорянке. Она уже в Москве.

[В письме к АКГ от 5 марта 1965 г. (л. 94) Н.Я. просит разузнать про однокашника О.М. — *Крепса* Евгения Михайловича, живущего в Ленинграде. Впрочем, через два года, поняв, что ошиблась, она повторит свой вопрос, поправившись, что это человек по фамилии *Гревс* (см. п. от 8.2.67):]

Особенно важно следующее: офиц. дата смерти 27 декабря 1938 год. 1) *Крепс* вскоре уехал. Умер ли О.М. при нем или нет. По легендам[,] он жил еще несколько лет. 2) Умер он в больнице или нет?¹⁴⁵

¹⁴⁰ Рышард Пшибыльский (см. зап. от 14 мая).

¹⁴¹ Живов Виктор Маркович (1945–2013), филолог, специалист в области истории русского языка, литературы и культуры.

¹⁴² АКГ читает книгу Евг. Гинзбург «Крутой маршрут».

¹⁴³ В письме Н.Я. от 16 апреля она пишет о том, что из-за своей «полусумасшедшей невестки» полностью прикована к брату (л. 79–80): «на лето я неразрывно связана с невесткой и братом <...>. Я думаю о Загорянке осенью, когда вы там будете, для себя одной. А если я не получу квартиру (что, возможно, будет), то и на зиму».

¹⁴⁴ Евгений Яковлевич Хазин (1893–1974), брат Н.Я. Мандельштам.

¹⁴⁵ Ср. П.М. Нерлер об их, АКГ с Н.Я., переписке: «Пожалуй, детальней и достоверней всего заключительная фаза работы Н.Я. над “Воспоминаниями” запотоколирована в дневнике драматурга Александра Константиновича Гладкова <...>. Она не только давала ему читать свои воспоминания в рукописи, но и выслушивала, не морщась, его замечания. Впервые Гладков читал еще незаконченную рукопись в августе 1961 года, а 4 февраля 1962 года

13 мая 1965. <...> Сад зеленеет. Сейчас еду в город. Вечером в МГУ вечер памяти Мандельштама[,] и я обещал Н.Я. быть на нем.¹⁴⁶

14 мая 1965. Вечер вчера состоялся, хотя и была сделана попытка его отменить. Его организовали студенты Мех. Математического ф-та в аудитории на 16-м этаже нового здания университета.

Я в унив-те впервые. Мне нравится.

Приехали вместе с Н.Я. и Левой (мы заезжали за ней). Аудитория битком набита и масса непрошенных у входа. Председательствует И.Г. Эренбург, почти дряхлый и с розовенькими щеками. Он говорит умно, сдержанно и точно на той крайней границе между цензурным и нецензурным, которую он чувствует как никто. Показывает № 4 алмаатинского журнала «Простор», где напечатан целый цикл Мандельштама[,] и в том числе знаменитый «Волк»¹⁴⁷[,] которого в прошлом году запретили в «Москве». Еще говорят: Н. Чуковский (поверхностно и почти пошловато), Н.Л. Степанов¹⁴⁸ (вяло ораторски, но умно, хотя и академично), поэт Арсений Тарковский и Варлам Шаламов, который читает свой колымский рассказ «Смерть поэта» и иступленно, весь раскачиваясь и дергаясь, но отлично говорит. И.Г. объявляет о присутствии Н.Я. Ей устраивают овацию[,] и все встают. Читают стихи О.Э. Лучше всех студент Борисов.

он отмечает в дневнике: “Н.Я. начала писать едва ли не самую важную главу в своей работе”» (Ознакомительный фрагмент // *Мандельштам Н.Я. Об Ахматовой* (http://www.modernlib.ru/books/nadezhda_yakovlevna_mandelstam/ob_ahmatovoy/read_3/)).

¹⁴⁶ Об этом вечере см.: *Нерлер П. Мандельштамовский вечер на Мехмате* (1965): реконструкция // *Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве: в 2 ч. 1. М.: РГГУ, 2015. С. 587–616.*

¹⁴⁷ «Стихотворение “За гремучую доблесть грядущих веков...” (1931, 1935) печаталось посмертно в составе подборки в журнале “Простор”.

“Простор” — алма-атинский журнал; в его № 4 за 1965 г. напечатаны полтора десятка стихотворений воронежского периода (важный способ легализации стихов, ходивших тогда лишь в сам- или там-издате; источником текстов эта публикация быть не может) с предисловием И.Г. Эренбурга — что, возможно, и стало причиной намеренья редакции выплатить Н.Я. ее “вдовью долю”, т. к. обычно публикаторы произведений О.М. подобной заботливостью не отличались, она даже с юмором упоминает об этом в одной из книг» (Ю.Ф.).

¹⁴⁸ Степанов Николай Леонидович (1902–1972), критик, литературовед.

Из знакомых были: Мелетинский с женой,¹⁴⁹ С. Маркиш, Коля Панченко с Варей [Шкловской], Юля Живова, Ричард Пшибельский и др. После едем к Шкловским. Я покупаю водку «Горный дубняк»¹⁵⁰ (другой не было), колбасы, апельсины. Устраиваем пир. Н.Я. возбуждена и счастлива. Сидим долго. Коля читает стихи. Еду ночевать к Леве. Н.Я. по телефону благодарит. <...>

Рад за Н.Я. Она[,] кажется[,] осенью получает кооперативную квартиру.

1 июня 1965. <...> Н.Я. пишет, что устала и больна. Собирается жить в Верее с братом с июля. Будто бы 5 докторов-филологов, бывших на вечере 13-го, были куда-то вызваны и получили нагонный за то, что они «не дали отпора»¹⁵¹.

<...>

Ахматова (по словам Н.Я.) сидит в Москве и ждет визы в Англию.

10 июня 1965. <...> Письмо от Н.Я. (усталое, грустное) <...>

15 июня 1965. <...> Н.Я. зовет в Верею.

30 июля 1965. <...> Н.Я. пишет, что в Воронеже хотели выпустить «Воронежские тетради» Мандельштама, но главк издательский запретил со ссылкой на то, что М-ма будто бы печатает «Библ-ка поэта», а она и не чешется. Обычная уловка.

¹⁴⁹ Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005), ученый-филолог, историк культуры, доктор филологических наук, профессор. *Мелетинские* — это он и его жена И.М. Семенко.

¹⁵⁰ 40-градусная дешевая настойка.

¹⁵¹ Ср. комментарий Д.И. Зубарева: «Не знаю, но думаю, что [это] выдумки — в многотиражке “Московский университет” появилась маленькая заметка об этом вечере как о вполне нормальном мероприятии. Партком МГУ (я смотрел протоколы за 1965 г.) ничего не обсуждал — если бы были жалобы на политический вред от вечера — такое обсуждение состоялось бы. Наши филфаковские профессора — Метченко и Кулешов — которых посадили на сцене сбоку, так как мест в зале не было, тоже вроде куда не жаловались, да они и не отвечали за это мероприятие».

9 авг. 1965. <...> Н.Я. пишет, что совсем потеряла оптимизм и живет уныло. Хорошая старуха!

14 авг. 1965. <...> Еду в город. Недолго у Над. Як-ны М-м. Застаю ее в отсветах[,] видимо[,] оттеновского ажиотажа разных слухов и сенсаций. Немного спорим. За границей вышел первый том нового собрания М[андельшта]ма (стихи). В нем всё написанное. Опечаток немного, но комментарии убогие.¹⁵²

31 авг. 1965. Вчера были в городе. Обед с Н.Я. в «Софии», потом у нее. <...> Н.Я. дарит мне книгу.¹⁵³ Она еще в Верее, в конце ноября собирается переезжать в новую «свою» квартиру. Показывала журнал из США с глупой и мелкой статьей об О.Э. «Простор» ей заплатит и хочет печатать еще.

20 сент. 1965. <...> <...> Надежда Яковлевна. Разговор на Страстном бульваре. <...>

<...>

В городе все говорят о Синявском. <...> Н.Я. считает, что «проблема Пастернака» играет тут главную роль. Но почему же тогда выпустили однотомник? <...> Новое: к жене С[инявского] Марине [sic]¹⁵⁴ ходит полно народа, не боятся; она шутит, что стала самой модной женщиной Москвы. Версия — что хотят напугать интеллигенцию, остановить потоки «второй литературы», какие-то запреты хранить рукописи (какие?). Слух об изъятии у кого-то рукописи романа Солженицына, которую тот взял из ред. «Нового мира». Все взволнованы, пожалуй, больше, чем напуганы. <...>

4 окт. 1965. <...> Зашел к Н.Я. У нее было обострение язвы, она лежит. «Простор» просит у нее еще стихов О.Э. Не испугались.¹⁵⁵

¹⁵² *Мандельштам О.* Собрание сочинений / Под ред. проф. Г. Струве и Б. Филиппова. Т. 1: Стихотворения / Вступит. ст. проф. К. Брауна, проф. Г. Струве и Э. Райса. Вашингтон, 1964. Этот том выйдет вторым изданием в 1967 г.

¹⁵³ Очевидно, первый том Собр. соч. О.М.

¹⁵⁴ Имеется в виду Мария Васильевна Розанова (далее сам АКГ называет ее *Майей*).

¹⁵⁵ Через год там вышла подборка из четырех стихотворений О.М.: «Когда, уничтожив набросок...»; «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...»; «Пластинкой тоненькой “жилета”...»; «Еще далёко мне

В Англии вышла проза М-ма и его «Разговор о Данте» по-английски. По ее словам, перевод очень хорош. Прислали ей и 1-й том М-ма по-русски (кажется, немецкое издание)¹⁵⁶. По ее словам, комментарии глупейшие.

22 окт. 1965. [АКГ у Н.Я., которая плохо себя чувствует: болит что-то в желудке, говорит, что ей уже можно умирать, свое дело она сделала...]¹⁵⁷

23 окт. 1965. <...> Всё думаю о Н.Я. Никогда еще встреча с ней не оставляла такого тяжелого чувства. — Мой переезд не к добру. — сказала она. Шутили, что от одиночества она выйдет замуж за старика одинокого, [нрзб.]: ?<отпу>щенного чекиста и т. д. Она задумалась; после того как я сказал что-то о том, чего ей не хватает. — Мне ЕГО не хватает. Надо стариться вдвоем.

Обычно она полускрывает свое старое недружелюбие к Б.Л. П[астернаку], а тут почти выговорила. Она считает, что он отлично умел жить и устраивать свои дела, и его непосредственность — это поза.

26 нояб. 1965. <...> [в письме] Н.Я. <...> статью Солженицына она называет «идиотской»¹⁵⁸.

до патриарха...» / Публ. подготовила Н. Мандельштам // Простор. 1966. № 11. С. 10.

¹⁵⁶ Первый том так наз. американского издания печатался в мюнхенской типографии.

(О том, как Архив Мандельштама перекочевал в Принстон, кратко написано в книге: *Павел Нерлер*. Осип Мандельштам и Америка. М.: Вердана, 2012. С. 28.)

¹⁵⁷ По сообщению Ю.Ф., долгое время у Н.Я. диагностировали язву желудка. В Черемушках она лечила ее *ротером* — новомодным тогда препаратом. С годами язвенное недомогание прошло, и на первый план выступили сосудистые проблемы.

¹⁵⁸ «Имеется в виду статья «Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана» (ЛГ. 1965. 4 ноября). С[олженицын] в «Телёнке» рассказывает об истории её появления — после конфискации части его архива в сентябре он хотел напомнить читателю, что он жив и здоров. Сама статья — резкая (на грани дозволенного) полемика против ак. Виноградова, ругань против его «нерусского» стиля, там же — комплименты Платонову» (Ю.Ф.).

30 окт. 1965. <...> Сегодня в «Лит. газете» речь Эренбурга о Данте (не знаю уж, с сокращениями ли).¹⁵⁹ Но две большие цитаты из «Разговора о Данте» Мандельштама сохранены.¹⁶⁰

И снова — молодец, старик! Другого такого нет.

13 нояб. 1965. Уже 5 дней в Ленинграде. <...> Короткое письмо Эмме от Над. Як., где она хвалит мою статью в «Вопросах литературы», но косвенно сожалеет, что я задел Э. Герштейн.¹⁶¹

[В своем письме 30 ноября 1965 г. из Комарова (л. 7) АКГ сообщает Н.Я., что сюда к Лидии Чуковской в гости приехал Иосиф Бродский (из письма очевидно, что они познакомились) и что сам он, АКГ, начинает теперь писать в новом для себя жанре, эссе: т. е. только сейчас он осознал, что может попробовать себя не только в жанре записывающего, фиксатора событий, но и — аналитика, взвешивающего и размышляющего:] Немного привыкнул ко мне в этой новой роли критика-эссеиста[,] и буду писать о Мандельштаме и Маяковском. <...>

Бродский мне скорее понравился. Он с нами обедал. Выяснилось, что мы были в одних и тех же местах — земляки. Он не очень похож на то, что о нем рассказывали, а может, обкатала жизнь. Говорили с ним о Мандельштаме и Цветаевой и о Вас. Если прибегнуть к Вашей классификации (из замечательного письма Вашего Харджиеву)¹⁶², то он по израильянским генам своим не из породы

¹⁵⁹ Речь идет о выступлении И.Г. в Париже 28 окт. 1965 г. на вечере во Дворце ЮНЕСКО, посвященном 700-летию Данте. В сокращении оно было напечатано в ЛГ под названием «О Данте», полностью: Курьер ЮНЕСКО. 1966. № 1. Или: *Эренбург И.Г. Собр. сочинений*: в 8 т. / Сост. Б.Я. Фрезинский. Т. 6. М., 1996.

¹⁶⁰ Книжное издание «Разговора о Данте» вышло в Москве, в издательстве «Искусство» в мае 1967 г.

¹⁶¹ Имеется в виду статья: *Гладков А.* Необходимость и границы вымысла // Вопросы литературы. 1965. № 9. С. 62–70. В ней он высказался против вольного и достаточно зыбкого предположения Э. Герштейн («Судьба Лермонтова»), касающегося обвинения приятеля Лермонтова — князя Васильчикова (с. 66–67).

¹⁶² В наиболее полной на сегодня подборке из 37 писем (Николаша. Переписка с Н.И. Харджиевым // Надежда Мандельштам. Об А. Ахматовой.

Ильи Гр[игорьевича], а из породы О.Э. [Мандельштама]. Но есть в нем и шагаловская наивность. Или — я ошибаюсь.¹⁶³

[Н.Я. довольно активно эту аналогию АКГ отмечает:]

Я спешу вам ответить на главный пункт, который меня просто испугал: между Бродским и О.М. нет ни капли сходства, это не противоположности, а просто люди, у которых нет общей единицы для измерения. Все в других плоскостях и измерениях.

Пишите. Я очень люблю ваши письма. Всегда интересно. <...>

Очень хорошо бы, если б вы написали про О.М.¹⁶⁴

[Из письма от АКГ к Н.Я. — 14 дек. 1965 (л. 9, 9 об.)]¹⁶⁵ Вчера снова провел почти целый вечер у Лидии Корнеевны с Бродским. Он все время читал и самое новое и старое.

Что касается общности в человеческом типе и в индивидуальности, между ним и О.Э., то тут я могу[,] конечно[,] попасть пальцем в небо: мало знаю одного и только слышал о другом. Но что касается стихов (особенно этого года), то тут Вы меня не разубедите: есть влияние явное, напр. в стихотв. «На смерть Элиота»¹⁶⁶ и в других. Даже чисто формальные есть совпадения: строка тяготеет к афоризму не грибоедовского или басенного типа, а другому. Я никогда не занимался стиховедением, и мне это скучно, но для

М.: Три квадрата, 2008. С. 260–305) письмо с таким содержанием отсутствует.

¹⁶³ Н.Я. потом напрочь отвергнет эту слишком вольную аналогию АКГ, однако возможно, что в ее пропавшем письме к Харждиёву, о котором здесь упоминает АКГ, была мысль, выраженная ранее женой поэта Сергея Клычкова (как возможно и кем-то еще) — Варварой Николаевной Арбачевой (Горбачевой): «Не зря Осип Эмильевич Мандельштам напоминает внешностью изображение апостола. Он принадлежит к тому редкому типу еврея, к которому принадлежали и Христос и апостолы (какая-то кристаллическая чистота, честность)» (Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9. С. 216).

¹⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 298. Письма Н.Я. Мандельштам — А.К. Гладкову; л. 95; без даты, но до 11 дек. 1965 г.

¹⁶⁵ Видимо, еще до получения им ее письма от 11 дек. — или как раз с ним он здесь и спорит?

¹⁶⁶ *Бродский И.* Стихотворения и поэмы. Т. I. СПб.: Вита Нова, 2011. С. 191–193.

меня бесспорно, что для О.Э. строка стихотворная это, так сказать, смысловая и ритмическая единица. И это при абсолютно поставленном (как говорят актеры) поэтическом дыхании, т. е. при идеально естественном чередовании вдоха и выдоха. Мейерхольд говорил, что зритель должен дышать вместе с актером. Это же верно и для читателя и поэта. Согласитесь, что дышать вместе с Цветаевой или ранним Пастернаком это совсем не то, что с Мандельштамом. Странно, но для меня при существовании известной легенды о смерти О.Э. (кстати, я не поклонник рассказа Шаламова), но О.Э. для меня здоровейшая человеческая индивидуальность. Говорю о ее выраженности в стихах.

Разница[,] конечно[,] есть. У О.Э. при огромной глубине и огромная чистота. Бывают такие чистые озера, где дно на большой глубине видно так, что можно разглядеть каждый камушек. Это поэзия О.Э. А у Бр. (последнего периода) есть глубина, но под очень неясным и часто мутным и темным слоем над «дном».

Бродский сказал мне, что считает, что «Цветаева выше Пушкина». Я не люблю этих «выше» и «ниже», это крайне субъективно и условно, да и неверно принципиально, — что «выше», сосна или береза? Можно сказать, мне сейчас нужнее Цветаева. Так вот, при таком увлечении Цветаевой он не похож на нее.

Простите мне эти дилетантские импровизации, м. б. если хорошо специально об этом подумаю, то все уточню и скажу более доказательно. Это — импрессионистический набросок, со всеми приблизительностями формулировок.

Для меня Мандельштам — в пушкинской генетической линии русской поэзии, а Цветаева, при всей ее любви к нему и понимании, — в другой.

Увы, есть в Бродском и «Вагиновское» (был такой, как бы тонкий, но бесконечно сухой и часто мнимый поэт К. Вагинов)¹⁶⁷ — это «антимосковская» и чисто «питерская» традиция, но мне кажется, это наносное, больше ужимка, чем черта лица.

Но так или иначе — это серьезно и талантливо. Хорошо, что он пока не пьет.

¹⁶⁷ Константин Константинович Ва́гинов (до 1915 г. *Вагенгейм*; 1899–1934), русский прозаик и поэт.

[Н.Я. — АКГ от 15 декабря (л. 97) — она ему вновь возражает и снова просит не сравнивать Бродского с О.М.:]

К стихам его я отношусь более чем скептически. Но Бог с ним...

[И вновь от Н.Я. — к АКГ, через неделю, 23 декабря 1965, явно в ответ на его прошлое письмо (л. 99)]:

В каком-то смысле О.М. был действительно очень здоровым человеком: целостный, без комплекса неполноценности (кроме некоторых коротких периодов), без жажды славы и со спокойным знанием своей силы. Отсюда отсутствие измерений — кто выше, кто ниже. К своему удивлению, я десятки раз убеждалась в этом.

17 фев. 1966. <...>

В последнем письме Над. Як. пишет, что очень по мне скучает и хочет видеть. Мне это приятно: я считаю ее замечательной женщиной.

24 апр. 1966. <...> Потом у меня Эмма. Она получила письмо от Н.Я. с тревожными вопросами обо мне: — Что случилось с А.К.? Не понимаю. Может быть, опять какой-то московский психоз: у кого-то был обыск, и все решают, что что-то возвращается?

8 мая 1966. <...> Днем и вечером у Н.Я. Потом приходит Коля Панченко с Варей, ее подруга биолог Оля, какая-то филологичка Марта,¹⁶⁸ американец Кларенс, занимающийся в ун-те, славист, переводчик Мандельштама.¹⁶⁹ Обычная болтовня.

Характерное: испуг Н.Я., когда он запоздал...

30 мая 1966. Вчера днем поехали в город с Эммой. Сначала у Ц.И. Кин, потом заходим за Левой и едем к Н.Я. Она нас сразу утаскивает к Н.И. Столяровой <...>

¹⁶⁸ Марта Моисеевна Бикель (1920–1992), лингвист, кандидат филологических наук, в годы черновицкой молодости дружила с Паулем Целаном, а в Ульяновске — с Н.Я. С 1979 г. в Израиле.

¹⁶⁹ Браун Кларенс (1929–2015), американский славист, автор работ о творчестве Мандельштама, Ахматовой и др. См. о нем в посвященной ему книге: *Нерлер П.* Осип Мандельштам и Америка. М.: Вердана, 2012.

Главное, пожалуй, — это подарок, полученный мной от Кларенса Брауна (в ответ на подаренные мною ему «Тарусские страницы») — первый том превосходного американского издания двухтомника Мандельштама, вышедший под его редакцией. Я просто зашатался, взяв книгу в руки. Бывает же такое везенье! <...>

7 июня 1966. <...> В последний раз у Эренбургов еще говорили о рукописи Н.Я. Сначала И.Г. сказал, что она ему не нравится. Потом выяснилось, что всё о Манд-ме ему нравится, но не нравится то, что Н.Я. слишком резка в отзывах о людях <...> Доля истины здесь есть. И.Г. и Л.М. о мании преследования, которая издавна свойственна Н.Я.

17 июня 1966. Опять в городе: у Над. Як-ны. Она завтра уезжает с Евг. Як. снова в Верею, но делает это с неохотой. Поссорилась с Оттенами и читала мне письмо к ним. <...>

1 сент. 1966. У Надежды Яковлевны. Она не то больная, не то раздраженная. <...>

Говорим о разном: о Солженицыне, о Шаламове, о стихах Максимова, о Коле Иванове. Он знает более 70 языков, а сама Н.Я. более 20.

У Н.Я. снова народ[,] и[,] видимо[,] лишний, от которого она устает. Некая Елена Алексеевна¹⁷⁰ и какой-то Эдик.¹⁷¹

<...> На последние деньги я купил бутылку вина и конфеты. Это было кстати. Стало теплее, но все-таки это уже осень.

¹⁷⁰ Ильзен-Грин Елена Алексеевна (по мужу — Грин; 1919–1991), родилась в Киеве в семье доктора философии, члена РСДРП с 1902 г. Алексея Ивановича Ашуппа-Ильзена и историка и искусствоведа Елены Ивановны Моллесон, дочери известного земского врача Ивана Ивановича Моллесона; отец в 1928 г. по убеждениям вышел из рядов ВКП(б), а в 1937 г. был репрессирован и расстрелян; мать репрессирована как «член семьи врага народа». С 1947 по 1954 г. Е.А. находилась в лагерях Воркуты; потом преподавала в школе, работала в Медгизе, переводила с английского, немецкого, французского; в 60-е гг. ее дом стал одним из московских центров самиздата, где собирались бывшие заключенные и диссиденты.

¹⁷¹ Эдик — возможно, Эдуард Григорьевич Бабаев (1927–1995), ученик и знакомый Н.Я. по Ташкенту.

Думаю о Н.Я. Дело в том, что в ее жизни образовалась пустота или[,] как теперь принято говорить, вакуум. Рукописи О.Э. сбережены, собраны, изданы за рубежом и готовятся к изданию у нас. Написана замечательная книга о поэте и его времени. <...>¹⁷²

Человек она замечательный: умница, свежая голова, образованная — за всю жизнь я наперечет встречал равных ей.

6 сент. 1966. <...> Вчера утром делал выписки из своих старых дневников о всех упоминаниях Мандельштама по просьбе Н.Я. для какой-то картотеки Морозова (биографической) и вдруг понял, что я могу написать о нем и начинаю понимать — как.¹⁷³

17 сент. 1966. Вчера рассказывал Н.Я. нечто из того, что я собираюсь писать о Мандельштаме. Ей всё очень понравилось[,] и особенно усмотренная мной закономерность его биографии и то, что я говорю о «Четвертой прозе». Посмотрел у нее статью Пинского.¹⁷⁴

¹⁷² Несколько подробнее в: *Гладков 1945–1973. С. 573–574.*

¹⁷³ Н.Я. неоднократно побуждала АКГ писать об О.М. — и, очевидно, сетовала на то, что это ему никак не удастся, он все никак не соберется оформить свой текст во что-то печатное. Вот реакция А.А. Морозова, вероятнее всего, на эти ее сетования, из письма к ней (без точной даты, «середины 60-х годов»): «Гладкова не тревожьте — напоминать ему, по-моему, не следует» («Но я за вами буду следовать всю жизнь...») Письма А.А. Морозова Н.Я. Мандельштам (1962–1964) // «Посмотрим, кто...». 2015. С. 307).

Видимо, все, что осталось от эссе АКГ, — это подготовительные материалы (РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. № 33: О Мандельштаме. Наброски к неосуществленному очерку (1950–60 гг.), 36 л.; выборки из машинописи, местами склеенной из нескольких кусочков листа, с правкой автора).

¹⁷⁴ Пинский Леонид Ефимович (1906–1981), литературовед, педагог, мыслитель-эссеист, сотрудник ИМЛИ, специалист по истории западно-европейской литературы XVII–XVIII вв. В 1951 г. по доносу арестован, осужден по статье на 10 лет лагерей и пожизненную ссылку в отдаленные районы Сибири (отбывал в Унженских лагерях); в 1956 г. реабилитирован; в 1960–1970-е гг. принимал активное участие в диссидентском движении. У себя дома он вместе с женой, переводчицей Евгенией Михайловной Лысенко, организовал так называемые пятницы — еженедельные дружеские собрания деятелей советской подпольной культуры, на которых обсуждались актуальные вопросы философии, литературы, искусства и общественной жизни.

Она серьезна, но не во всем верна, особенно там, где он ссылается на Блока.

У нее были физики: молодая ученая дочка писательницы Грековой¹⁷⁵ и ее франтоватый и[,] видимо[,] ловкий муж — тип ультрасовременного ученого-пижона, стоящего, впрочем, во всем на уровне века и даже кокетничающего с религией, как это ныне модно.¹⁷⁶

Когда мы пришли, Над. Як-на была утомлена и вяла, и вообще плоха, потом после горячего крепкого чаю повеселела. В Самарканде только что прошел пленум языковедов, посвященный памяти Поливанова.¹⁷⁷ Рассказ[,] как физик-муж спасал Есенина-Вольпина,¹⁷⁸ который работает у него. Впрочем, кажется, он не физик, а математик, а физик — она.¹⁷⁹ Вика Швейцер будет писать

¹⁷⁵ Тут имеются в виду Татьяна Дмитриевна Вентцель (1931–2012), математик, специалист в области дифференциальных уравнений, и ее муж Юлий Анатольевич Шрейдер (см. далее). *И. Грекова* — это псевдоним Елены Сергеевны Вентцель, рассчитанный на слитное произнесение инициала и фамилии — так, чтобы ударение падало на первый слог: «*И*Грекова».

¹⁷⁶ Шрейдер Юлий Анатольевич (1927–1998), математик, кибернетик и философ, а кроме того — один из немногих в ту пору московских католиков, доминиканец-мирянин, «монах в миру». Тогда он этого не афишировал, но, как только представилась возможность, принял участие в создании первого в конце XX в. московского католического журнала «Теология», где печатались и его собственные теологические работы (был принят папой римским Иоанном Павлом II).

¹⁷⁷ Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938: расстрелян; посмертно реабилитирован «за отсутствием состава преступления»), лингвист, востоковед и литературовед; один из основателей ОПОЯЗа.

¹⁷⁸ Есенин-Вольпин Александр Сергеевич («Алик»; род. 1924), сын поэта Сергея Есенина и переводчицы Надежды Вольпин — математик, философ, поэт, один из лидеров диссидентского и правозащитного движения в СССР, пионер правового просвещения в диссидентских кругах советского общества, организатор «Митинга гласности», состоявшегося в Москве 5 декабря 1965 г., в 1970–1972 гг. являлся экспертом Комитета прав человека в СССР; советский политзаключенный (общий срок пребывания в тюрьмах, ссылке и «психушках» 14 лет).

¹⁷⁹ Имеются в виду Татьяна Вентцель и ее муж — Юлий Шрейдер (см. выше).

книгу о Марине Цветаевой.¹⁸⁰ Н.Я. рассказывает, что М.Ц. была и лесбиянкой. «По широте натуры» — в начале 20-х годов и жила с Тих[оном] Чурилиным¹⁸¹ (после романа с Мандельштамом). Синявский прислал «отчаянное письмо», что ему трудно, что он не может заработать на хлеб, что его «доконают».

30 окт. 1966. По словам Н.Я. — она узнала, что копии писем к ней О.Э. как-то доставили в США. В письмах нет ничего нецензурного, но очень много личного, интимного (я их читал). Она испугалась, что напечатают, и с какой-то оказией обратилась к Г. Струве с просьбой не делать этого.¹⁸² Он ответил ей, что он не напечатает письма[,] только если вообще не будет печатать больше Мандельштама. Это похоже на отказ. <...>

Дала мне копии статей для «Прометей».¹⁸³

¹⁸⁰ Виктория Александровна Швейцер — литературовед. В рукописном отделе библиотеки ИМЛИ она отыскала письма Еликоницы Поповой с переписанными текстами стихотворений О.М., созданных после возвращения из Воронежа. Издала их за рубежом под собирательным названием «Савеловский цикл» — по одному из мест временного жительства О.М. и Н.Я. в стоверстной зоне летом — осенью 1937 г. Стихи эти несколько десятилетий считались безвозвратно утерянными. После отъезда в Америку занималась текстологией в принстонском Архиве Мандельштама. По изученным материалам издала обновленную редакцию «Воронежских тетрадей». Автор монографии «Жизнь и житие Марины Цветаевой» (отечественное издание — М., 1990, переиздание — ЖЗЛ, 2002). Дружила с Бродским, тесно общалась с ним в Америке (оба преподавали в Мичиганском университете). Ее мужу, Мише Николаеву, посвящена поэма Бродского «Представление».

¹⁸¹ Тихон Васильевич Чурилин (1885–1946), русский поэт; в 1915 г. выпустил первую книгу стихов «Весна после смерти», в которой отразились впечатления от пребывания в психиатрической лечебнице и близких отношений с М. Цветаевой, считавшей Чурилина гением.

¹⁸² Образец отношения Н.Я. к обнаружению личной переписки можно иллюстрировать уже цитированным в предисловии фрагментом из ее письма к Б.С. Кузину от 9 мая и чуть более ранним, 15 апр. 1939 г.: «У меня отношение к письмам не то, что у вас. Не осталось, например, ни одного моего письма к Осе. Я их уничтожила» (*Мандельштам Н.* 192 письма к Б. Кузину. СПб.: Инапресс, 1999. С. 579), а также более поздним: «Я не хочу, чтобы после моей смерти обо мне вообще могли что-нибудь сказать» (3 авг. 1939: Там же. С. 593).

¹⁸³ Альманах издательства «Молодая гвардия».

<...>

У нее острый, свежий ум, хотя ей завтра 66 лет. Удивительная женщина.¹⁸⁴

1 нояб. 1966. Вчера под вечер поехал в город — к Н.Я. на день рождения. Обед с Нат. Ив-й, Харджиевым, каким-то Володей,¹⁸⁵ потом приходят Саша Морозов, Мелетинский и Семенко (да, забыл еще Вику Швейцер и некую Лену — кто она, не знаю толком). Я принес бутылку шампанского, которой Н.Я. обрадовалась. Морозов принес гранки «Разговора о Данте». Ночевал у Левы.

9 нояб. 1966. <...> Вечером у Л.Я. Гинзбург, которая в разгаре работы над предисловием к Мандельштаму. Часа 4 разговариваем о Мандельштаме и злобах дня.

17 нояб. 1966. <...> Вечером еду попрощаться к Н.Я. Оказывается, она сама едет в воскресенье в Л-д. <...> Н.Я. поссорилась с Варей Шкловской и Колей Панченко почему-то и настроена непримиримо.

[Из письма АКГ к Н.Я. от 9 дек. 1966 из Комарова (л.15):] «Сию в столовой за столом с Вашей старинной знакомой, тоже из каторжан, Катериной Константиновной Лившиц.¹⁸⁶ Говорили о Вас и об О.Э. Я забыл, как Вы к ней относитесь? (да и знал ли?), но она производит приятное впечатление. <...> Е.К. Лившиц мне сказала, что брат О.Э. добыл какие-то документы об О.Э. и что по праву они должны попасть к Вам, но она не знает, как это сделать при

¹⁸⁴ Подробнее — в *Гладков 1945–1973*. С. 577–578.

¹⁸⁵ «Володя — возможно, Владимир Сергеевич Муравьев (1939–2001) — доверенный друг Н.Я., филолог, русист и англист, переводчик с английского, наиболее известны его переводы Толкиена (совместно с Андреем Кистяковским)» (Ю.Ф.).

¹⁸⁶ Лившиц Екатерина Константиновна (*Скачкова-Гуриновская*; 1902–1987), балерина, ученица Брониславы Нижинской; после окончания балетной карьеры работала до конца жизни как переводчица с французского; с 1921 по 1938 г. жена поэта Бенедикта Лившица — после его расстрела была репрессирована; автор Воспоминаний (*Лившиц Е. «Я с мертвыми не развожусь!..»* Из воспоминаний и дневниковых записей / Публ. П. Нерлера и П. Успенского // *Новый мир*. 2015. № 9).

отсутствии контактов. Но она собирается в Москву и, вероятно, разыщет Вас и сама Вам скажет.

Перед отъездом я был в “Прометее”¹⁸⁷ — там, куда я дал статьи О.Э., но человек, которому я их дал, оказался в больнице <...>. Завтра попробую ему написать и что-нибудь выяснить».

[12 дек. 1966 — из письма Н.Я., которую АКГ, очевидно, спрашивал перед этим о статье Солоухина «Письма из Рус. музея» (л. 127 об.):] Солоухина я не читала. Как он пишет об этих вещах[,] я знаю. Иногда талантливо, иногда идиотски. Книга «Влад[имирские] прост<оры>»¹⁸⁸ и чудовищная статья о том, что в деревню надо вводить обычаи на место утраченных (на уровне «затейников»)[,] не совместимы. О солонках, ложках и прялках... Я их очень высоко ценю (не говоря уж об иконах, которые считаю чуть ли не единственным крупным периодом русской живописи). Думаю, что без этой «низовой» культуры не было бы ни Пикассо, ни нашего «Бубнового валета». (Между прочим, еще была в России вывеска, а в Грузии — Пирсомани.) Но боюсь, что национализм Солоухина и компании (их художник — как его, Глазунов это грязная стилизация и не под икону, а под чорт его знает что: огромные глаза, для купчих, иностранцев и начальников) ничего общего с Хомяковым не имеет, и даже до Каткова им не дотянуться. Это пахнет совсем другим.

[Из письма Н.Я. от 21 дек. 1966 (л. 129, 129 об.):] Статья Лидии Яковлевны превосходна, там блестящий анализ стихов. Это первый класс, она как бы очнулась, соприкоснувшись с поэзией.¹⁸⁹

¹⁸⁷ Прометей. Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 4. М.: Молодая гвардия, 1967 (Сер. Жизнь замечательных людей).

¹⁸⁸ Солоухин Владимир Алексеевич (1924–1997), писатель и поэт, представитель «деревенской прозы»; автор повести «Владимирские проселки» (1957).

¹⁸⁹ «Очевидно, предисловие к первому законченному варианту макета издания стихотворений О.М. в Большой серии “Библиотеки поэта” в ленинградском отделении изд. “Советский писатель”. Издание, как известно, тогда не состоялось, и книжечка вышла в свет лишь в 1973 г. в существенно сокращенном составе с нелепым, фальшивым, дезинформирующим

Статью Лидии Ч[уковской] я читала, хотя она не выпускает ее из рук. Прямолинейно, наивно, как всегда, но вполне достойно. Фрида¹⁹⁰ для нее девочка из Диккенса, делающая добро (этого я не люблю), удивительно понимающая поэзию (!), что иллюстрируется ее любовью к дивным стихам Тарковского (!)¹⁹¹ <...>

Очень характерно, что статья Солоухина вышла в «Молодой Гвардии». <...>

Антипод Варлаама не так прост.¹⁹²

26 дек. 1966. <...> Письма от Левы и от Н.Я.

Н.Я. пишет, что работа Лидии Як-ы о М-ме первый сорт, вышедший класс. Л.Я. сейчас здесь на неделю. Показал ей это.

12 янв. 1967. <...> Огромное письмо от Сашы Борщаговского¹⁹³ и коротенькое от Надежды Яковлевны.

Н.Я. пишет: «стенокардия обхамела и хочет меня съесть» и «я болею»... Жалко старуху!

предисловием Дымшица, который, впрочем, полагал, будто издание в конце концов состоялось исключительно благодаря его «правильному» предисловию. Он ошибался. Вопрос, по-видимому, решался на значительно более высоком уровне. Но, конечно, предисловие Дымшица соответствовало поставленной перед ним задаче» (Ю.Ф.).

На мой взгляд, замечательна гибкость и эмоциональная подвижность Н.Я.: ведь вначале она сама настоятельно советует АКГ познакомиться с Л.Я. (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. № 298: письма Н.Я. — АКГ, л. 14 [кусочек бумаги без даты, предположительно — весна или лето 1963 г.]): «Пойдите к Лидии Яковлевне. Стоит. Самая умная женщина»), затем ругает ее (в письме от 1 дек. 1964 г.) и теперь вновь превозносит. — М. М.

¹⁹⁰ Вигдорова Фрида Абрамовна (1915–1965), писательница и журналистка; жена писателя-сатирика Александра Раскина.

¹⁹¹ Тут речь о работе Лидии Чуковской «Памяти Фриды»: *Чуковская Л. Сочинения: в 2 т. Т. I. Повести, воспоминания. М.: Гудьял-Пресс, 2000* (Первая публ.: Звезда. 1997. № 1).

¹⁹² Н.Я. обычно называла Шаламова — *Варлаам*, с двумя «а» (в отличие от того, как он сам себя именовал, с одним «а»). Как антипода Шаламова традиционно воспринимают Солженицына, но здесь, возможно, имеется в виду Солоухин.

¹⁹³ Александр Михайлович Борщаговский (1913–2006), писатель, критик, театровед, друг АКГ.

24 янв. 1967. <...>

На днях буду читать статью Л.Я. [Гинзбург] о Мандельштаме.

3 фев. 1967. <...> Вчера письма от Н.Я. и Левы. <...> Н.Я. пишет про Евг. Эм-ча [Мандельштама], что он был у нее, плакал и что он[,] наверно[,] сумасшедший. Пишет, что очень устала.

Разговор с Л.Я. о ее работе. Одно из моих замечаний она определила как ценнейшее.

9 фев. 1967. <...> Странное и тревожное письмо от Надежды Яковлевны. «У меня нет сил жить, нет сил писать, нет сил думать и дышать... Откуда же взять оптимизма, чтобы написать Вам письмо. Но получать письма я люблю. Н.М. Не забывайте меня и пишите. 5 февраля».

Как ей помочь?

12 фев. 1967. <...> Страннейшее письмо от Н.Я. с рассказом (длинным) о каких-то изменах ее с Татлиным и О.Э. с Ольгой Ваксель в 25–27 гг. и просьбой найти сына О. Ваксель и попросить у не<го>¹⁹⁴ дневник матери. Будто бы там может быть какая-то «клевета» и пр.¹⁹⁵

Я человек любопытный и могу этим заняться, но зачем это Н.Я.? И еще просит разыскать некоего доктора Гревса и узнать о смерти О.Э.

16 фев. 1967. <...> Любопытная новость: в № 1 «Литер. Грузии» за этот год опубликовано 60 стихотворений Мандельштама и статья о нем на 2 листа Маргелашвили.¹⁹⁶

¹⁹⁴ В машинописи, видимо, описка: «у нее».

¹⁹⁵ Имеется в виду письмо Н.Я. Мандельштам — АКГ от 8 февраля 1967 г. (РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. №298 пп. Гладкову — от Н.Я. Мандельштам) (л. 140): «У меня к вам трудное и сложное дело. Оно настолько интимно, что должно остаться между нами». Но ездил ли АКГ к сыну Ваксель и достал ли у него ее дневник для Н.Я., как пишет Павел Нерлер в книге «“Возможна ли женщине мертвой хвала...” Воспоминания Ольги Ваксель» (М., 2012), это так и осталось неизвестным.

¹⁹⁶ *Маргелашвили Г.* Об Осипе Мандельштаме // Лит. Грузия. 1967. № 1.

Маргелашвили Гия Георгиевич (1923–1989), редактор «Литературной Грузии» и многолетний ведущий в ней рубрики «Свидетельствует вещий

19 фев. 1967. <...> Письмо от Над. Яковл. Ей понравилось то, что я написал ей о 19-м веке, как кульминации человеческой культуры нашей исторической фазы. Пишет, что у нее плохо с сердцем, но что она не может бросить курить. <...>

Надежда Яковл. пишет в письме: «Вы написали чудное письмо про 19-й век. Да, это кульминация гуманизма. Но почему гуманизм провалился? В этом вся проблема».¹⁹⁷

20 марта 1967. <...> Вечером еду к Надежде Яковлевне. Застаю ее в плохом настроении. Она пишет воспоминания об Ахматовой,¹⁹⁸ очень волнуясь и нервничая[,] и говорит, что «старуха забрала ее когтями и когда она кончит, то утащит за собой»... У нее неважно с сердцем[,] и она плохо выглядит. Приезжает Шаламов[,] и долго сидим втроем. Разные разговоры. Она дает нам читать куски из новой рукописи, которая умна и интересна, и говорим о ней. По ее сведениям, Светлана Алл[илуев]а некоторое время назад крестилась. Какие-то данные об ее дружбе с Синявским.¹⁹⁹

У Н.Я. телефон, но без номера: ей нельзя звонить, а она может.²⁰⁰

знак», литературовед; составитель книги: Мандельштам, Осип Эмильевич. Стихотворения. Переводы. Очерки. Статьи [Текст] / Сост. Г.Г. Маргвелашвили и П.М. Нерлер. Тбилиси: Мерани, 1990. 415 с. (Век XX. Россия — Грузия: сплетение судеб).

¹⁹⁷ В письмах к Н.Я. за то время обсуждения данного вопроса нет.

¹⁹⁸ «Воспоминания об Ахматовой» Н.Я. (http://imwerden.de/pdf/mandelstam_nadezhda_ob_akhmatovoy_2008_text.pdf).

Пояснение Ю.Л. Фрейдина: это завершенная рукопись без названия, большой, почти панегирический некролог; после разрыва с Харджиевым в конце весны 1967 г. была отвергнута Н.Я., сохранились два экземпляра — у Н.Е. Штемпель и в личном архиве самой Н.Я.; в сильно переработанном и, главное, переосмысленном виде частично вошла во «Вторую книгу», над которой Н.Я. работала до конца 1970 г.

¹⁹⁹ О романе Синявского со Светланой Аллилуевой (оба работали в одном отделе ИМЛИ) много говорили в Москве. Очень любила рассказывать М.В. Розанова, как она отбрила С.А., когда та пришла выяснять отношения. Она спокойно спросила мужа: «Андрей, тебе не кажется, что твое изучение истории КПСС зашло слишком далеко?»

²⁰⁰ По сообщению Ю.Ф., «еще и в 1967 г. Н.Я. говорила, что с ее телефона звонить можно, а набирать ее номер из города — бесполезно. Так ли

25 марта 1967. <...> В только что вышедшем 9-ом томе собрания сочинений Эренбурга напечатаны его стихи последних лет, из которых я знаю часть. Они унылы и в них нет музыки, да и мысли острой нет. Просмотрел и последнюю часть мемуаров. Когда читал ее в первый раз, она мне больше понравилась. В эпоху «самозидата» уклончивость и моральная неопределенность мемуариста кажутся непростительными. Многие (и я сам прежде) считал их лукавством, тактическим маневром, но[,] м. б.[,] он (автор-мемуарист) и в самом деле ничего не понимает. Все-таки многолетнее пребывание в среде Фадеевых, Тихоновых, Корнейчуков и разных европейских либеральных пасторов не прошли для него даром. Не чуждо ему и полубессознательное восхищение перед «волей» и «силой», что так остро разглядела в И.Г. Надежда Яковлевна. Это сквозит через характеристику Фадеева, где так много недоговоренного, умолчанного, недодуманного.²⁰¹

[АКГ — Н.Я. от 8 апр. 1967 г.: он пишет ей о встрече с В.Т. Шаламовым и о разговоре с ним о ее работе] В.Т. говорил, что Вы продолжаете много работать. Это отлично, но бойтесь реакции после окончания. Даже у меня с моими воловьими нервами это всегда проходит трудно.

22 апр. 1967. С утра еду в ВУАП, потом в Лавку писателей, затем к Н.Я. К ней приходят Адмони²⁰² и Нат. Ив-на Столярова. Пьем чай и в две руки с Адмони читаем ее [Н.Я. Мандельштам] рукопись об Ахматовой, где уже 155 страниц машинописи.

Много интересного и умного, но ей мало быть мемуаристкой, и она снова философствует, умозаключает, рассуждает о времени,

это было — я тогда не проверял. Позднее телефон стал работать как обычный — или Н.Я. перестала таким способом защищаться от неожиданных звонков».

²⁰¹ Об отношении Н.Я. к Эренбургу см.: *Фрезинский Б.Я.* Мандельштамы и Эренбурги // Корни, побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. М.: РГГУ, 2015. С. 230–248.

²⁰² Либо Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993), либо его жена, Тамара Исааковна Сильман (1909–1974) — оба литературоведы, профессора ленинградских вузов, специалисты по теории немецкой грамматики и стилистики. (См. прим. к 1965.)

об истории, о смене литературных школ, о стихах и даже о любви. А.А. у нее очень живая, но как-то мелковатая, позерская и явно уступающая автору мемуаров в уме и тонкости. Совершенно новая трактовка истории брака с Гумилевым: она его никогда не любила. Верное замечание, что тема А.А. — не тема «любви», а тема «отречения». Есть и случайное и ненужные мелочи. Хотя Н.Я. сказала, что она согласна с моими замечаниями, но мне почему-то кажется, что она чуть обиделась.

28 апреля 1967. Был в городе. ЦДЛ.²⁰³ <...>

С Шаламовым говорили о литературе, <...>

Мы во многом сошлись с Шаламовым в оценке рукописи Н.Я.

10 мая 1967. Утром еду в город <...>. Потом у Н.Я. Все время мрачайшее настроение. Кажется, таким я у нее еще не был никогда.

20 мая 1967. <...> Утром отвез пук сирени Надежде Яковлевне. Она была рада. Рассказывает, что потребовала рукописи О.Э. у Харджиева²⁰⁴ <...>

30 мая 1967. <...> У Н.Я. второй том американского собрания соч[инений] О.Э. Тираж «Разговора о Данте» готов, но не вывезен из типографии — нет разрешения Главлита: та же история, что и с нашим сборником.

²⁰³ Центральный дом литераторов (в Москве).

²⁰⁴ Ю.Ф.: «Рукописи от Харджиева Н.Я. в итоге получила. Рассказ об этом она записала тогда же, летом 1967 г., но при жизни не публиковала». (Посмертная публикация — главы «Архив» и «Конец Харджиева» — Надежда Мандельштам, «Книга третья». YMCA-Press, Paris, 1987. Собственно о том, как Н.Я. требовала вернуть и в конце концов получила рукописи от Харджиева — на с. 119–125.) Отечественный вариант издания: *Мандельштам Н.Я.* Третья книга. М.: Аграф, 2006. Главы с теми же названиями. Отъем рукописей описан на с. 161–166. Также о причинах ссоры Н.Я. с Харджиевым — см.: *Нерлер П.* В поисках концепции: книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками (гл. «Первый старатель») // *Мандельштам Н.* Об Анне Ахматовой. М.: Новое издательство, 2007.

7 июня 1967. <...> У Н.Я. Книжка еще не вышла. Читаю ее рукопись об Ахматовой. Она расширяется (раздвигается) и растет. Спор об отношении к М-му в 30-х годах. Очень все интересно[,] и еще интересней устные дополнения Н.Я. («только не записывайте») об интимной жизни А.А.

15 июня 1967. <...> Завтра <...> займусь, наконец, делами Н.Я. <...>

5 сент. 1967. Вчера похоронили Илью Григорьевича. ЦДЛ был переполнен[,] и тысячи москвичей прошли мимо гроба и еще тысячи не попали. До конца траурного митинга в ЦДЛ на улице Герцена стояла огромная толпа, остановившая уличное движение, которую тщетно милицейские машины с рупорами старались уговорить разойтись. <...> Блестящее отсутствие Федина, Леонова, Шолохова, Соболева. Не говоря уже о прямых противниках И.Г. (Кочетове, Грибачеве, Сафронове, которые могли бы прийти из приличия, хотя бы. Кроме иностранных и речи Кассиля на кладбище — ни одной достойной речи. Характерно, только иностранцы упоминали о горе близких И.Г., Любовь Михайловны и Ирины.²⁰⁵ <...> Почему-то не говорил ходивший в толпе с потерянным лицом Каверин или Боря Слуцкий, который вместе с художником Биргером²⁰⁶ многое сделал в закулисной организации похорон.

Замечательные старухи: Любовь Михайловна и Надежда Яковлевна не проронили ни слезинки. <...> И Н.Я., и меня пригласила после к себе Любовь Михайловна, но Н.Я. попросила меня накормить ее обедом в ЦДЛ и отвезти домой: она страшно устала. Едем на автобусе ССП в ЦДЛ. Утро было дождливым, но днем распогодило и стало жарко.

²⁰⁵ Эренбург Ирина Ильинична (1911–1997), дочь Эренбурга, переводчица.

²⁰⁶ Биргер Борис Георгиевич (1923–2001), художник, участник войны. Примыкал к «неофициальному искусству», продолжая традиции символизма. Дважды (в 1962 и 1968 гг.) исключался из Союза художников за резкую критику официальной культурной политики. Исключался из КПСС.

5 сент. 1967. (продолжение). В ЦДЛ сдвинули столики и сели вместе: Н.Я., Лена Зонина,²⁰⁷ Сара Бабенышева,²⁰⁸ Копелевы,²⁰⁹ Аникст,²¹⁰ я и еще какие-то девушки из Иностранной Комиссии.

Выпили в поминование И.Г. немного водки и посидели часа полтора. Потом отвез Н.Я. Разговор об И.Г. и о том, какая это потеря. Н.Я. умная женщина и говорит верно. Она помнит, как несколько лет назад она насакивала на него, а я всегда его защищал. Дарит мне «Разговор о Данте» с памятной надписью о том, что за эту книгу долго боролся И.Г. Уезжаю от нее в пол-десятого, не чуя ног от усталости (я встал около пяти утра и с девяти в городе).

[АКГ в письме к Н.Я. 21 окт. 1967 г. из Ленинграда сообщает о себе (л. 17):] Я почти сразу после похорон Ильи Григорьевича захворал и пролежал одиноким больным псом долгое время у себя в Загорянке, а сейчас, почувствовав себя получше, поехал в Ленинград, предъявить себя живым.

²⁰⁷ Зонина Лёнина Александровна (1922–1985), литературовед и переводчик французской прозы.

²⁰⁸ Сара Эммануиловна Бабенышева (1910–2007), критик, преподаватель Литературного института.

²⁰⁹ Копелев Лев Зиновьевич (Залманович (Копелевич); 1912–1997), критик, литературовед (германист), диссидент и правозащитник. В 1941 г. записался добровольцем в Красную армию; служил пропагандистом и переводчиком; был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорен к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». Освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1956-м. Восстановился в КПСС. Содействовал напечатанию в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». С 1966 г. активно участвовал в правозащитном движении. В 1968 г. исключен из КПСС и Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию. В 1980 г. во время исследовательской поездки в Германию был лишен советского гражданства. Жена — писатель Раиса Орлова.

²¹⁰ Аникст Александр Абрамович (1910–1988), литературовед-западник и театровед, один из виднейших отечественных шекспироведов.

[Сообщает о выходе на экраны фильма по своему сценарию «Зеленая карета»] <...>

Слышал здесь, что макет книги О.Э. уже разослан членам редколлегии[,] и видел в печатном плане «Сов. пис.» подробную аннотацию.

31 окт. 1967. <...> В городе был <...> у Н.Я. Мандельштам, которой сегодня 68 лет.²¹¹ Она мрачна: болен Евг. Як. (спазмы) и проорчит, что в следующем году умрет. Впрочем[,] рада шоколаду и шампанскому, которые я привез. У нее обычные гости: Шаламов, Варя Шкловская и Коля Панченко, Саша Морозов, Мелетинские,²¹² Юля и... (забыл имя и фамилию) и двое молодых: муж и жена, которых именно тоже забыл (да и знал ли?)²¹³

Разговоры, как и везде в литературных домах, о пакостной поэме Вознесенского.²¹⁴

²¹¹ Собственно дата рождения Н.Я. — 18 октября 1899, на новый стиль будет не 31, а 30 октября, но эта тонкость была известна лишь старым подругам, помнившим подобные детали. В последующие годы Н.Я. отмечала свой день и 30 октября (для тех, кто знал старую дату и мог точно перевести ее по новому стилю), и 31 октября — для остальных (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

²¹² Елеазар Моисеевич Мелетинский (1918–2005), ученый-филолог, историк культуры, доктор филологических наук, профессор.

²¹³ «Юля» — Юлия Марковна Живова (см. выше).

Забытые Гладковым имя и фамилию ее спутника или спутницы реконструировать могу сугубо предположительно: если спутница, то это, скорее всего, подруга Юли Ника Глен, также дружившая с Ахматовой, которая, в свою очередь, познакомила их обеих с Н.Я. Но это мог быть и спутник, и тогда это, скорее всего, Юлин единокровный брат, Виктор Маркович Живов.

«Двое молодых: муж и жена» — это, скорее всего, Борисовы — Дима (Вадим Михайлович) и его жена Таня (Татьяна Повереннова). Диму Гладков должен был бы помнить по Мандельштамовскому вечеру в МГУ, когда Дима прекрасно читал стихи О.М. Но Гладков мог и забыть, и не узнать.

Вадим Михайлович Борисов, тогда студент истфака, потом подготовил текст «Доктора Живаго» для первого издания в «Новом мире» 1987 г., помощник Солженицына в его архивных занятиях (за что подвергался преследованиям), публикатор «Архипелага» в «Новом мире».

²¹⁴ Тут речь идет о поэме Вознесенского «Зарев» и о письме Ю.И. Левина о ней.

13 нояб. 1967. <...> В Лавке писателей встречаю В.Н. Орлова. Он настроен пессимистически относительно выпуска и Мандельштама, и «Поэты XX века», и своей книги статей. Говорит, что местные инстанции отказали ему в его книге дать визу на печатание[,] и собирается в Москву хлопотать.

7 дек. 1967. <...> Вечером у Н.Я. Мандельштам. Она нездорова и скучна. Говорит, что написала комментарий к стихам О.Э.

31 дек. 1967. Еще один год и в общем, надо прямо смотреть в глаза фактам, довольно бесплодный.

<...> Меньше общался (по случайным причинам) с Н.Я. Мандельштам. Потеря — смерть И.Г. Эренбурга.

27 янв. 1968. <...> Вечером едем с Леовой к Н.Я. Там Наталья Ивановна Столярова. Она была свидетельницей на недавнем процессе.²¹⁵ Н.Я. заново пишет воспоминания об Ахматовой.²¹⁶

Уходим скорее, чем предполагали.

9 фев. 1968. <...> Условился с Л.Я. Гинзбург встретиться 14-го. Она уже читает корректуру Мандельштама.²¹⁷ <...>

15 фев. 1968. <...> Визы на книгу Мандельштама уже все получены, в последний момент вставили еще три стихотворения, Л.Я. читает корректуру, и скоро она пойдет в производство.

²¹⁵ На «процессе четырех» (Ю. Галансков, А. Гинзбург, А. Добровольский, В. Лашкова).

²¹⁶ «Заново» — после перерыва, наверное. Или после истории с Харджиевым.

²¹⁷ Имеется в виду сб. «Стихотворения» О. Мандельштама в «Большой библиотеке поэта», который ждали много лет. Л.Я. Гинзбург в свое время (видимо, еще в 1966 г.) работала над предисловием к этому однотомнику, но потом предисловие зарубили, однотомник отложился и вышел только в 1973 г. — с предисловием Дымшица.

Добавление Ю. Фрейдина (21 дек. 2015 г.): «Свою работу — “Поэтика Осипа Мандельштама” — Лидия Яковлевна опубликовала в Изв. Акад. Наук СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. 3. Вып. 4. С. 309–327 (то есть годом раньше выхода “Стихотворений”). Статья великолепная, ее выход из печати стал тогда заметным филологическим событием. Копии даже ходили в узком самиздате».

30 марта 1968. День моего рождения.

<...> купил в буфете коробку к-т и поехал к Над. Як. <...> Она написала листов 5 книги восп-й об Ахматовой, но пока болен Евг. Як., не может продолжать. Звала приехать и почитать у нее. Говорим о Ч.Словакии. Немного спорим. Она считает, что «большевизм это глубоко национальное явление» и он глубже в толще народа, чем ей казалось раньше.²¹⁸ Это и так и не так. Говорим о феодализме, о «цехах», кот. стояли над личностью: этой «школы» не было в России. <...>

3 июня 1968. <...> В городе: <...> у Надежды Яковлевны.

<...>

Она мучается язвой, собирается в Верею, бранит на все корки Сашу Морозова, уже, видимо, изгнанного из дома. Он тоже что-то наговаривал лишнее о подписании писем, и его уволили из «Искусства».²¹⁹

²¹⁸ Может быть, в этой оценке АКГ совпадал с Шаламовым. Н.Я. в то время уже не звала того в гости — он демонстративно прекратил с ней общение осенью — зимой 1968 г.

²¹⁹ «Тоже» — вероятно, так же, как Храбровицкий, о котором у АКГ в дневнике было сказано: «подал заявление в Литфонд, или в группком» о том, что «якшался с антисовет. людьми».

Комментарий Ю. Фрейдина: «Насколько мне известно, издательство Саша покинул в связи с повально организованными собраниями в поддержку нашего вторжения в Чехословакию. Собрания были общими, поддержка требовалась единогласная. Наказания для голосовавших против или воздержавшихся зависели от дирекции учреждения, от партбюро и профкома. Так, в Институте русского языка акад. Виноградов не допустил изгнания сотрудников, заявив, что должность научного сотрудника — выборная на срок и что он оценивает работу своих научных сотрудников только по качеству их научной продукции. Это стоило ему в дальнейшем должности директора, а неугодных сотрудников убирала при очередной переаттестации. В издательстве “Искусство” уволили за голосование “против” Диму Муравьева (не путать ни с Володией Муравьевым, ни с Димой Борисовым), а Саша Морозов, видимо, ушел сам в знак протеста против администрации и солидарности с уволенным.

Про разрыв с Морозовым Н.Я. говорила, что ей стало трудно выносить его характер. Возможно, ее не устраивало, что Саша отказался вслед за нею порвать отношения с Харджиевым, которого считал своим учителем. В ито-

23 сент. 1968. <...> В городе <...>.

Звонил Н.Я. Мандельштам. Мне показалось, что она говорила с сильной одышкой. Условились, что я приду к ней послезавтра.

27 сент. 1968. Третьего дня в городе. <...>

Одиноко обедаю в ЦДЛ и еду к Н.Я.

Она дает читать мне свои новые наброски и просит совета насчет своего письма О.Э. Мой совет — выделить его в отдельную главу, — ей нравится.²²⁰ Написанное ею интересно, но это всё вовсе не новая книга, а всё та же, новые фрагменты. И это говорю ей.

Потом приходят люди: <...>. Н.Я. говорит, что Л.М. Эренбург спрашивала не раз обо мне: Она хочет, чтобы я написал об Илье Григорьевиче... Надо побывать у нее. Н.Я. тоже считает, что я должен писать о нем.

Она выглядит неплохо, мало изменилась.

17 окт. 1968. <...> Вчера днем в город. Роскошно обедаем в ЦДЛ. Потом едем с горой раков, вином, калачами, орехами и конфетами к Надежде Яковлевне. Там все, как обычно, тот же «салон». Я зачем-то влезаю в спор о Синявском: о том, что он неталантлив как художник. На меня обижаются. Не надо было спорить: были его друзья и, хотя я прав, бог с ними.

30 дек. 1968. <...> Кончается год.

<...> Дальше [стали отношения] от Н.Я. — кажется, из-за ее непрерывного «салона» бородатых снобов с религиозным уклоном.²²¹

ге у него прекратились отношения и с Н.Я., и с Харджиевым. Н.Я. продолжала интересоваться Сашиной жизнью, принимала его жену Юлю».

²²⁰ Речь о ее символическом неотправленном письме уже погибшему Мандельштаму («Последнее письмо», завершающее «Вторую книгу»).

²²¹ Вот здесь, кажется, — первое упоминание об этой стороне разногласий между ними (см. предисловие).

В тот же год (1968) произошел разрыв с Н.Я. — у Шаламова, но АКГ об этом еще не знает, поскольку перестал бывать у Н.Я. раньше Шаламова. Первое упоминание в дневнике об этом появится только через год — см. зап. от 12 сент. 1969 г.

9 марта 1969. <...> Прочел наброски о Мандельштаме. Ей-богу, это лучше того, что пишут о нем Адамович и Вейдле, светила эмигрантской критики. Л.Я. Гинзбург[,] м.б.[,] написала и лучше, но у меня всё острее и образнее. У нее академичней.²²²

29 сент. 1969. <...> Осень, осень... Н.Я. как-то уверяла меня, что я болею осенью в Загорянке из-за воспоминаний о маминой болезни. Может быть.

9 нояб. 1969 (продолжение). Смерть К.И. Чуковского. <...>

С Н.Я. созвонился. Ей 31-го исполнилось 70 лет. В этот день она заперлась, но мы условились, что я приду через три дня, предварительно позвонив (в понедельник[,] 3-го). Я звонил с 12 часов дня, но телефон не отвечал. Наверно[,] ее вызвали к брату. В 4 часа мне надоело звонить, и я уехал на дачу. Жаль, что не повидал ее. В США вышел 3-й том собрания сочинений О.Э.

14 нояб. 1969. <...> Еще короткое письмо от Н.Я. Мандельштам. Она ушла 3-го ненадолго, но сломался замок, и она не могла вернуться. В это время, должно быть, я и звонил. Пишет, что очень хотела видеть меня и что ей жить «смертно трудно»....

15 янв. 1970. <...> Жирмунский²²³ рассказывал Эт[кинд], что цензура сейчас всюду вычеркивает имя Мандельштама. Ж. пишет работу об Ахматовой²²⁴ и в отчаянии. Будто бы это потому, что за границей вышли мемуары Н.Я. Я думаю — это ошибка: вышел пока 3-й том сочинений с письмами.²²⁵ Если бы вышли мемуары, об этом бы гремело.

²²² Здесь он сравнивает написанное Гинзбург (то, что потом было издано ей как «Поэтика Осипа Мандельштама») со своими заметками, которые так и останутся незаконченными.

²²³ Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), лингвист и литературовед.

²²⁴ *Жирмунский В.М.* Творчество Анны Ахматовой. Л.: Наука, 1973. 184 с.

²²⁵ 3-й том сочинений О.М. вышел в 1969 г., а «Воспоминания» Н. Мандельштам — в 1970 г. (причем в его конце), однако первые предуведомления об их выходе появились еще весной.

26 марта 1970. <...> Звоню и под вечер еду к Надежде Яковлевне, которую не видел с осени. У нее, как обычно, люди: некий физик с дочкой,²²⁶ еще какая-то дама, потом приходят очкарик Андрей²²⁷ и Мелетинский с женой. Обычные разговоры и споры о разном, но на этот раз без политического заострения. Спор о Набокове. Физик бранит юрину повесть «Обмен».²²⁸

Н.Я. показывает мне номер «Дейли Геральд» от 19 марта, где напечатана большая заметка о ее мемуарах. Рукопись каким-то образом попала за границу и осенью выйдет одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Н.Я. польщена, но и чуть-чуть испугана. Даже не бравирует.

14 июня 1970. <...> Ночью бессонница. Почему-то не горел свет. Читал при свечке. Ворочался. Все время возвращался к мысли о смерти Любове Михайловны Эренбург. Жалко, что не знал и не был на похоронах. Вот и исчез один из интереснейших и дружественных ко мне московских домов. Ее смерть подвела черту. Как это печально.

И невольно стал думать о Надежде Яковлевне.

19 июля 1970. [с Сашей Каменским]²²⁹ <...> говорили с ним о мемуарах Н.Я. Мандельштам. Он судит о них верно: масса интересного, но общая картина времени неверна, 20-е годы перечерчены.

20 июля 1970. <...> Книга Н.Я. скоро выйдет за границей. Вероятно, произойдет большой скандал.

²²⁶ Имеется в виду Михаил Константинович Поливанов (1930–1992), автор воспоминаний о Н.Я. Мандельштам и предисловия к московскому изданию ее «Второй книги» (ранее, в дневнике АКГ за 1962 г., он упоминался как «внук Шпета»), с дочерью Мариной (род. 1953) — она как раз на каникулах в марте 1970 г. была в Москве, и они были у Н.Я. (сообщение К.М. Поливанова).

²²⁷ Очкарик — это, по мнению А. Раскиной, Андрей Яковлевич Сергеев (1933–1998), поэт, переводчик, мемуарист. Он в это время носил большие роговые очки, которые очень бросались в глаза, и часто приходил к Н.Я. именно вместе с Мелетинскими, с которыми дружил.

²²⁸ Имеется в виду повесть Ю. Трифонова.

²²⁹ Каменский Александр Абрамович (1922–1992), искусствовед.

11 янв. 1971. <...> Ночью кое-что слышал по радио сквозь специальный шум и треск. <...> Слышал и отрывки из воспоминаний Н.Я.

29 марта 1971. <...> Вечером по Св[ободe] передают из воспоминаний Н.Я. главу «Шкловские». Кажется, кроме сына В.Б. Никиты,²³⁰ все упомянутые в главе живы. Они живут в Москве, а о них гремит на весь мир радио. Тогда, в 1937 году, это невозможно было представить, а сейчас они даже не опасаются. И еще говорят, что ничего не изменилось.

16 апр. 1971. <...> Под вечер покупаю коробку шоколадных конфет и еду к Н.Я. М-м. У нее предпасхальная уборка: некий священник из Пскова отец Сергей с женой,²³¹ какие-то обычные убогие девицы, Варя Шкловская.²³² <...> Всего одно время набралось 15 человек. Чай, черный хлеб, поджаренный на оливковом масле, мои конфеты. Дамы пьют водку. Разговоры о том о сем. Н.Я. в хорошем настроении. Потом я удираю в спальню[,] и сидим там с Колей Панченко <...>. Я ухожу первым в начале одиннадцатого.

<...>

Уговорился с Н.Я. что приеду скоро к ней днем, чтобы спокойно поговорить не на людях.

Н.Я. уже бранит Рожанского, в котором души не чаяла.²³³ Как она изменчива к людям. Я так долго держусь в друзьях, наверно, потому, что редко видимся.

²³⁰ Никита Викторович Шкловский (*Китя*; 1924–1945), сын Виктора Борисовича Шкловского и Василисы Георгиевны Шкловской-Корди; окончил школу в эвакуации в Чистополе; в Алма-Ате поступил в артиллерийское училище (весь курс занял шесть месяцев), после чего попал на фронт, где был ранен в голову; лежал в госпитале. В 1944 г. семья вернулась в Москву, а Никиту снова отправили на передовую; погиб 8 февраля 1945 г. под Кенигсбергом. Но это не Шкловский-Корди Никита Ефимович (род. 1952), внук В.Б. Шкловского; врач, кандидат биологических наук.

²³¹ Имеется в виду известный отец Сергей (Желудков), автор оригинальной концепции «анонимного христианства».

²³² Шкловская-Корди Варвара Викторовна (род. 1927), физик, дочь Василисы Георгиевны Корди, художницы, и Виктора Борисовича Шкловского, жена Н.В. Панченко.

²³³ Иван Дмитриевич Рожанский (1913–1994), историк античной и эллинистической науки и философии; кандидат физико-математических наук,

Кажется, она стала регулярно ходить в церковь. Язык не повернется осуждать ее, но мне это чуждо совсем.

31 мая 1971. <...> Ночью Бибиси передает обзор рецензий на книгу воспоминаний Н.Я. Мандельштам.

Хорошо помню зимние дни в Тарусе, когда книга эта писалась, и мы там жили с Э[ммой] (1961–62)[,] и Н.Я. мне читала каждый написанный кусок. Часто мы спорили[,] и она — упрямая старуха! — редко следовала моим советам. И вот эта книга издана во всех странах, о ней пишут и говорят по радио, а Н.Я. живет в своей однокомнатной квартирке на Б. Черемушкинской с полустрахом и счастьем свершения. Ей 71 год или чуть больше. Она много болеет.

8 авг. 1971. <...> Наконец, читаю **книгу** (не рукопись) «Воспоминания» Н.Я. На томике марка изд-ва им. Чехова. 1970 год. Это значит, издательство снова существует после 15 или около того лет бездеятельности.

Со многим хочется спорить, но все-таки какая это интересная и умная книга!

9 авг. 1971. <...> В книге Н.Я. есть главы, так сказать, написанные по моей просьбе, когда я читал первый вариант полной рукописи в Тарусе. Это «Читатель одной книги», «Книжная полка», «Архив и голос» — целиком и разные фрагменты в других главах.

Выброшены или смягчены куски об отношении О.Э. к советской литературе в целом. В рукописи была ссылка на одно мое свидетельство о сравнительном равнодушии к первому аресту М-ма. Даже цитата была из «Встреч с П[астернаком]», и я ничего не имею против, что это сокращено. Многое было резче.

При этом последнем чтении я заметил странные вещи. Мандельштам имел прямые контакты с Дзержинским, Бухариным,

доктор философских наук. Отношение к Рожданскому переменялось, когда он оставил свою жену, Наталию Владимировну Кинд, и дочь Надю, уйдя к Юле Живовой. Соответственно, у Н.Я. перестала бывать Юля, а с ней и ее подруга Ника Глен. По сообщению Ю.Ф., таким же было поведение Н.Я. в других аналогичных случаях (с А.Я. Сергеевым и И.М. Гельфандом).

Гусевым.²³⁴ Ему помогали Молотов, Ломинадзе, Киров, Енукидзе. Он имел персональную пенсию чуть ли не с 30-летнего возраста. Когда он ехал на Кавказ, туда звонили из ЦК и просили о нем позаботиться. Вернувшись, он ходил снова на прием к Гусеву (одному из членов секретариата ЦК). Его посылали в привилегированные санатории и дома отдыха (Узкое, санаторий в Сухуме). Значит, не таким уж он был перманентным изгоем. Откуда же это раннее ощущение травмы и заброшенности? Квартиру он получил, когда и другие получали первые отдельные квартиры, а до этого жил в флигелях Дома Герцена, где жили и такие писатели, как Павленко, Тренев, Пастернак, Фадеев и др. Во всяком случае отдельную квартиру он получил раньше, чем Пастернак. У него был с Гослитом договор на собрание сочинений, и он получил по нему 60 %. Собрание, по признанию Н.Я., не осуществилось потому, что О.Э. хотел и настаивал, чтобы туда включили «Путешествие в Армению». Мы знаем, что и в наши дни писатели часто спорят о том, что включать и не включать в собрание. Недавний пример — Твардовский. Короче, из всего рассказанного не следует, что М-м находился в исключительном плохом положении: скорее наоборот, но они были мнительны и возбудимы и начали воображать о травле раньше, чем она началась. Было трудно всем, и М-му не больше, но он был поэтом и страдал не только за себя, а за всех.

22 окт. 1971. <...> По Бибиси начали передавать отрывки из воспоминаний Н.Я. Мандельштам.

10 нояб. 1971. <...> Слух, что Н.Я. Мандельштам собирается ехать в Израиль. Тоже не верится. Она старый человек: там она будет рядовой эмигранткой, а здесь она для каких-то кругов —

²³⁴ Комментарий Ю.Ф.: «О.М. встречался с этими деятелями, обращаясь к ним с просьбами и ходатайствами, а, например, Щербаков принимал даже Н.Я. в первый период воронежской ссылки О.М., но “прямого контакта”, возможности звонить по “личному телефону”, по прямому служебному номеру — никому из них он, конечно, не мог. Однажды позвонил Енукидзе — секретарю секретарей — и то вышел конфуз, Авель принял поэта за его однофамильца, старого большевика-подпольщика, имя которого присвоили в 30-е годы небольшому саду за спиной [нынешнего] метро “Фрунзенская”».

оракул. Кроме того, она увлечена православием и, по-моему, совершенно равнодушна к иудейству.

26 нояб. 1971. <...> Вчера вечером, возвращаясь домой, встретился с Юлей М., которую не раз встречал у Н.Я. М[андельштам]²³⁵. У нее тут живет кто-то из родни. Спросил ее насчет слухов о том, что Н.Я. собирается уезжать в Израиль. Слава богу, это не так, как я и думал, Н.Я. поболтала на эту тему в своем салоне, но всерьез об этом и не думала, а теперь говорит, что «раздумала». Я в это и не верил и рад, что оказалось именно так.²³⁶

5 янв. 1972. <...> Вчера звонил Л.Я. Гинзбург. <...> Она была у Н.Я. и говорит, что у нее «мрачно».

[Между янв. и мартом] 1972. <...> Шаламов показывал мне купленную им книгу — хрестоматию «Родная литература. XX век», выпущенную изд. «Просвещение», где есть стихи Гумилева, Мандельштама, Кузьмина, Ахматовой. Составитель — Н. Трифонов.²³⁷ Теперь можно поверить, что выйдет Мандельштам в «Библ. поэта».²³⁸

²³⁵ Юлия Морозова (Фрумкина), жена Саши Морозова, с которой он впоследствии разошелся и долгое время жил в одиночестве, хотя отношения поддерживались: у них было двое детей.

²³⁶ См. подробнее в кн.: Кто кого переупрямит. Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М., 2015. С. 577–585 (материалы Н. Кривошеина, П. Нерлера и Д. Маркиша).

²³⁷ Очевидно, имеется в виду какое-то из изданий: Русская литература XX века: дооктябрьский период: хрестоматия / Сост. Н.А. Трифонов. М.: Просвещение, 1966 (или — 1971).

²³⁸ В письме от 12 марта 1972 г. Шаламов писал АКГ о том, что рад выходу книги Мандельштама: «Это, конечно, победа в арьергардных боях, но все же победа.

<...> [и относительно предисловия в ней Дымшица:] самым худшим автором был бы *нрзб.* господин Твардовский — стоит только вспомнить некролог Ахматовой, который этот сталинский лауреат написал.

У Надежды Яковлевны я не был более четырех лет — оттого и все ее *нрзб.* <?-публикации> прошли мимо моих ушей и глаз. И о сборнике О.Э. я узнал из Вашего письма. Если будете заказывать через лавку — нельзя ли экземпляр для меня этой книжки» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. № 378. Письма Gladkovu — от Шаламова (16 шт., 21 л.), от руки, л. 18–18 об.).

Странное время! Все время происходят какие-то изменения в разные стороны и очень непоследовательно. Давно ли зарезали книгу В.Н. Орлова и антологию стихов этих авторов в той же «Библ. поэта» и кого-то снимали за нее в издательстве.

7 марта 1972. <...> Бибиси передало сегодня «Завещание Надежды Мандельштам». <...>

11 июня 1972. <...> По «Св[ободе]», которую давно не слышал, передавали 1-ю главу второй книги воспоминаний Н.Я. М[андельштам] «Я». Несколько претенциозно, больше рассуждений, чем фактов. <...>

12 июня 1972. <...> Оказывается, в Париже уже вышла вторая книга воспоминаний Н.Я. Мандельштам. «Свобода» передает со вчерашнего дня текст книги, начиная с 1-й главы.

21 июня 1972. <...> Разбирал письма. У меня около 70 писем от Н.Я. Есть коротенькие — записочки. Но есть интересные. <...> Она обычно писала только число и месяц.²³⁹

21 авг. 1972. <...> Вечером поймал нечаянно «Св[ободу]». Обычная х.ня, и новая глава из новой книги Н.Я. тоже в этом роде. Впрочем, любопытно то, что «вдвоем». Это должно быть верно: хотя по личному опыту этого я не знаю и лишь догадываюсь. А о христианстве, Достоевском, Толстом, русском терпении и прочем — мало оригинально.

Первая книга Н.Я. рождала мысли между строчек[,] и в том была ее сила; вторая — запись этих междустрочных мыслей, но тут уже ничего междустрочного нет...

16 окт. 1972. <...> Поздно вечером вчера поймал <...>

Потом небольшой отрывок из «Второй книги» Н.Я. — о визите к М. Цветаевой, после того как она впервые с О.Э. приехала в Москву. Подробно описывает грязные комнаты, неряшливость, грубую встречу... Дальше слышимость пропала, к сожалению, но все же

²³⁹ И сейчас в архиве РГАЛИ: Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. № 298: пп. от Н.Я. Мандельштам — А.К. Гладкову; 1962–1967 — всего более 60 писем и записок: с 17 дек. 1962 — по 28 окт. 1967, 147 л.

что-то меня покорило. Как-то это мелко. Посмертная расправа с погибшими соперницами.

31 окт. 1972. <...> Днем неожиданно появляется Лева Левицкий. <...>

Он рассказывает, что мое имя дважды мелькает во второй книге Н.Я. <...>

Леве читали по телефону эти фразы, и он уверяет, что ничего иного и обидного там нет. Полтора года, как я перестал ходить к Н.Я., и старуха могла рассердиться и наплести что-нибудь. <...>

25 марта 1973. Целый месяц пролежал в постели после микроинсульта, который случился со мной вечером 23-го февраля и выразился в повышении давления и нарушении вестибулярной системы (не мог стоять и ходить — заваливался направо). <...> Была попытка законопатить меня в генеральский госпиталь в Красногорске <...>, но я категорически отказался. <...>

Прочитал «Вторую книгу» Н.Я. Мандельштам. Очень смутное и двойственное впечатление. Наряду с блестящими страницами полно мелких сплетен, вранья, инсинуаций. Первая книга лучше, серьезнее.

28 марта 1973. <...> Будто бы В. Каверин написал Н.Я. Мандельштам резчайшее письмо относительно разных ее мелких инсинуаций во «Второй книге» (она назвала в ней вдову Тынянова, сестру Каверина, почему-то «мегерой»). Он подвергает сомнению ее право всех судить и осуждать и называет ее только тенью Мандельштама.²⁴⁰ Старуха, как говорят, очень расстроилась и окончательно слегла.

²⁴⁰ «Уважаемая Н.Я, я прочитал Вашу “Вторую книгу” и пожалел, что из уважения к М-у ни я, ни другие Ваши знакомые (кроме И.Г. Эренбурга) не указали Вам откровенно, что и в первой под прозрачными инициалами Вы оклеветали честных людей. Правда, немногих — очевидно, по той причине, что те, за кого Вы принялись во “Второй”, были еще живы, а ругать живых сложнее, чем мертвых. # Что же Вы сделали? Книга — большая, семьсот страниц. Написана она с мнимой значительностью. Много нахватали, услышано краем уха, перепутано. <...> Вы не вдова, Вы — тень М-ма» (РГАЛИ. Ф. 1893: О.Э. Мандельштам. Оп. 3 (опись Фрейдина). № 204: письмо В.А. Каверина — к Н.Я. Мандельштам (7 л.) от 20 марта 1973, л. 1, 4).

У нее круглосуточное дежурство. По-существу Каверин прав, но, учитывая возраст и болезни Н.Я., — это все же жестокость, на которую я не был бы способен.²⁴¹

²⁴¹ Комментарий Ю. Фрейдина: «Письмо Каверина гораздо хуже, чем сказано у АКГ. Во-первых, оно кончается цитатой из Шварца: “Тень, знай свое место!” — а это в данном случае просто непозволительное хамство. Во-вторых, Каверин посылает по почте письмо, где бранит книги явно неподцензурные, если не антисоветские по тогдашним меркам. Человек, прошедший сквозь страшные годы, имевший перед глазами трагический пример — судьбу брата, академика Зильбера, наконец, способный писатель, ратующий за человеческую порядочность, — не мог не понимать, что, пользуясь заведомо перлюстрируемой почтой, он в данном случае действует как доносчик и, во всяком случае, зарабатывает у начальства бонусы за свою лояльность. Н.Я. это письмо, скорее, позабавило, чем огорчило, и утвердило ее в справедливости ее оценок. Она только пожалела, что не написала, как Каверин отказал ей, когда, приехав из Воронежа в Москву и прося всех, кого встречала, помочь Мандельштаму деньгами — во имя большой поэзии и малого милосердия — обратилась к Каверину. Он строил дачу.

Более принципиальная, чем Каверин, Л.К. Чуковская свою критику (“Дом поэта”) при жизни Н.Я. не печатала. То же, хоть и по иным мотивам, — Э.Г. Герштейн.

Письмо Каверина опубликовал в своем “Вестнике” Н.А. Струве, сопроводив собственным резким послесловием.

Любопытно сравнить с реакцией Твардовского на “Воспоминания”. Он, действительно не любивший поэзии О.М. и предпочитавший Мандельштаму — Маршака, Исаковского, — хвалит “Воспоминания” и сожалеет, что сейчас не может напечатать их в своем журнале. Письмо на бланке “Нового мира”, т. е. официальное. Более того, оно могло для Н.Я. служить оправданием появления зарубежного издания без ее авторского участия: мало ли как копия произведения, официально поданного в редакцию журнала, могла попасть к западным издателям.

Ну и, наконец, “старуха слегла” уж никак не от каверинского письма и, как мы знаем, вовсе не “окончательно”. Не помню, чем тогда разболелась Н.Я. — коронарным обострением или легочной простудой — на 74-м году жизни, при её биографии, и то, и другое было бы совсем не удивительно. Удивляла та легкость, с какой всякий раз удавалось организовать круглосуточное дежурство возле заболевавшей Н.Я. По 3–4 человека в сутки, не чаще двух раз в неделю на каждого (а лучше один раз в неделю) — это получается команда в 15–20, а то и 25 (учитывая необходимость резерва) человек. И такая команда всякий раз набиралась, разновозрастная, от 20 до 60 лет...

29 марта 1973. По моей просьбе мне выписали из «Второй книги» Н.Я. Мандельштам два места, где я упоминаюсь.

Ничего порочащего меня в них нет, хотя несколько удивляет тон.²⁴²

Во втором отрывке маразматическая путаница. В «Встречах с Пастернаком» я писал, что первый арест Мандельштама не произвел большого впечатления в обстановке очередной литературной весны, и у нас с Н.Я. шла речь о том, чтобы уточнить это и написать подробнее, что я обещал ей в моем незаконченном эссе о Мандельштаме. А его второй арест прошел малозамеченным (как и известие о гибели — впрочем, о ней долго никто не знал), потому что в разгаре террора такие вещи уже никого не удивляли: привыкли ко всему. А Н.Я. перепутала одно с другим.

Как я мог знать точно о гибели Мандельштама, когда я и о судьбе Мейерхольда, которая меня близко касалась, ничего не знал до 1955 года.

2 янв. 1974. <...> Саша [Каменский в письме после поздравления]²⁴³ среди прочего сообщает: «На днях попались на глаза писания Н.Я. Я стал их перечитывать, но отбросил с досадой. Какие бы великие тени она ни тревожила, сама она просто старая ведьма с маниакальной однозначностью суждений».

14 янв. 1974. <...> Письмо от Лидии Яковлевны Гинзбург. Пишет, что написала о Заболоцком. Нечто полу_мемуарное.²⁴⁴

Тут-то и становилось видно, что “столпотворение” в доме Н.Я., так раздражающее АКГ, было вовсе не суетой, а чем-то гораздо более значительным и, можно сказать, обнадеживающим. Вот и хоронить ее пришлось человек двести... Так что не так уж велико число “обиженных” ею.

²⁴² Далее вклеены отдельно перепечатанные, на пожелтевшей бумаге, эти 2 места: с. 387: «Гладков в своих страничках о Пастернаке не врет и не хвастается, когда <...>», и с. 394: «АКГ все собирается написать о равнодушии, с которым...».

²⁴³ Но на самом деле АКГ путает: сообщил ему это не «Саша» [Каменский], а — Б.Н. [Ляховский] в новогоднем поздравлении-открытке со штампом «31.12.73» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. № 294. пп. Гладкову от Ляховского Б.Н. — 33 л. (от 18 сент. 1954 до 11.9[?].1975).

²⁴⁴ *Гинзбург Л.* О Заболоцком конца двадцатых годов // Воспоминания о Заболоцком. М.: Сов. писатель, 1977. С. 120–131.

А вот что она пишет о Надежде Яковлевне (в ответ на мое упоминание о том, что я с ней не встречаюсь). «С Н.Я. тоже давно не вижу. Всё это[,] вместе взятое[,] не для меня. Перестала у нее бывать без ссор и писем. Она, по слухам, всячески меня хулит. Ее поведение, помимо всего прочего, продукт вообще характерной потери масштабов. Она всерьез верит в то, что она непререкаема во всех вопросах философии, искусства, литературы и проч.»²⁴⁵.

15 янв. 1974. Сегодня с утра в Лавке продавали Мандельштама.²⁴⁶ Заранее (при прежних напрасных ожиданиях) был составлен список на более чем 200 человек. Меня Лева вписал 65-м. Все знакомые лица: даже перечислить невозможно. В начале одиннадцатого привезли книги. Директор магазина объявил, что в продажу поступит 200 экземпляров. По порядку номеров выстроилась очередь. Мороз 19 градусов. Из очереди ходят греться <...>. В начале двенадцатого я уже получил книгу. Все удивляются относительно и разумному порядку. Разговаривал с Нат. Ив. Столяровой. Народ все время прибывал и становился в хвост очереди с туманной надеждой, что им достанется. В большинстве это была лучшая интеллигентнейшая часть московских писателей, хотя передо мной стоял Н. Вирта²⁴⁷ и еще кое-кто из явных подонков. <...>

При всех «но», томик Мандельштама хорош. Не считал, сколько стихотворений из него исключено. Сразу бросается в глаза, что, конечно, нет стихотворения о Сталине, «Квартиры», «Я пью за осенние астры» (?), отдельных старых стихов о Каме. Но[,]

²⁴⁵ См.: Письма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / Подгот. текста Н.К. Цендровской (при участии А.Г. Меца) // Звезда. СПб., 1998. № 10. С. 125–149.

²⁴⁶ Имеется в виду анонсированное впервые еще в 1958 г. издание: *Мандельштам О. Стихотворения*. Л.: Советский писатель, 1973. (Библиотека поэта. Большая серия.)

²⁴⁷ Вирта Николай Евгеньевич (настоящая фамилия *Карельский*; 1906–1976), писатель; лауреат четырех Сталинских премий (1941, 1948, 1949, 1950); получил известность благодаря роману об антоновском восстании («Одиночество», 1935–1941), который переработал в пьесу («Земля», 1937). В своем творчестве всегда твердо держался партийной линии: разоблачал троцкистскую оппозицию, боролся с «безродным космополитизмом», пропагандировал «культ личности»...

вероятно[,] это не все. Комментарий Харджиева хорош. Предисловие Дымшица корректно, хотя какие-то умолчания и бросаются в глаза. Тираж 15 тысяч. Цена 1 р. 45 к. Говорят, что спекулянты уже торгуют книгой за 50–80 р.

17 янв. 1974. <...> От Л.Я. Гинзбург оттиск ее статьи о Мандельштаме.²⁴⁸

5 фев. 1974. <...> Мариолина²⁴⁹ была у Н.Я. Мандельштам. Нашла ее «очень злой».²⁵⁰

8 фев. 1974. <...> У Ц.И. с Мариолиной. Ее рассказы. Она была у Надежды Яковлевны и у Л.Ю. Брик²⁵¹ и еще в разных домах.

Н.Я. больна и все время лежит, хотя непрерывно курит свой Беломор. Будто бы ее куда-то вызывали, но она не пошла. И лежит отчасти для того, чтобы иметь предлог не ходить. Очень зла на всё и всех.

20 апр. 1974. <...> А Кларенс Браун (с которым я знаком) выпустил первый том биографии О. Мандельштама. Книжная лавка, торгующая в Вашингтоне русскими книгами, получила всего 25 экземпляров советского издания Мандельштама и мгновенно распродала (большей частью по заказам) и заказала новую партию. Книга там стоит 2 доллара.

7 июня 1974. <...> По словам Н.И. С[толяров]ой, Надежда Яковлевна Мандельштам на лето переезжает в Загорск к ее знакомым. Раз Загорск, значит тут не без попов.²⁵²

²⁴⁸ Гинзбург Л. Поэтика Осипа Мандельштама // Известия АН. Сер. литературы и языка. М., 1972. Вып. 4. Т. 31. С. 309–327.

²⁴⁹ Мариолина Ронкале, итальянская славистка, привезшая в подкладке своей шубы американское издание О. Мандельштама Струве и Филиппова (Олег Лекманов. Осип Мандельштам..., 2015. С. 426).

²⁵⁰ См. ниже, через 3 дня, раскрытие этой темы.

²⁵¹ Брик Лиля Юрьевна (в девичестве Каган) (1891–1978), литератор, любимая женщина Владимира Маяковского, старшая сестра французской писательницы Эльзы Триоле, жены известного французского писателя Луи Арагона.

²⁵² «Весной 1974 г. скончался брат Н.Я., Евгений Яковлевич Хазин. С конца 40-х гг. Н.Я. все более и более заботливо их опекала, вывозила

24 июня 1974. <...> Умер Сергей Бородин. Он в 20-х годах назывался Амиром Саргиджаном и имел отношение к аресту Мандельштама.²⁵³ Вообще, был подлецом, но скрывал это. Приложил руку к травле Е.Л. Шварца уже во время войны. Я был с ним знаком, когда он возглавлял Сценарную Студию.²⁵⁴

в Тарусу, потом в Верею и т. п. Не оставила она своей заботой и оставшуюся в полном одиночестве его вдову, Елену Михайловну, которую терпеть не могла, да и мало кто мог бы вытерпеть эту вздорную, капризную, претенциозную, высокомерную старуху, тем не менее талантливую художницу, глубоко преданную искусству. На первое вдовье лето Н.Я., хорошо помнившая, что значит остаться вдовой, решила снова вывезти ее с собою (до этого несколько лет она оплачивала им путевки в подмосковные санатории, прося кого-либо из друзей довести их до места отдыха, а через несколько недель забрать оттуда). На этот раз свое гостеприимство предложил духовный отец Н.Я., о. Александр (Мень) в своем доме в Семхозе (действительно, недалеко от Загорска и, действительно, “попы”» (Ю.Ф.).

²⁵³ В «Энциклопедическом словаре псевдонимов» значится Амир Саргиджан (наст. имя и фам. Сергей Петрович Бородин; 1902–1974), рус. писатель, нар. писатель Узбекистана (1973). Между ним и О.М. произошел в 1932 г. острейший конфликт и даже общественный суд. Не исключено, что именно он был автором доносов на О.М., итогом которых стал арест поэта.

²⁵⁴ Комментарий С.В. Василенко: «Инцидент произошел в начале мая 1934 г. в помещении Издательства писателей в Ленинграде. Поводом к инциденту послужило поведение А.Н. Толстого на общественном суде по поводу конфликта между О.М. и Амиром Саргиджаном, который отказался вернуть взятые у поэта займы деньги и проявил рукоприкладство. Заседание суда описано в заметке А.Г. “Нелитературный вечер” // Вечерняя Москва. 1932. 15 сентября: “13 сентября в Доме Герцена, в этой цитадели литературных дискуссий, происходил вечер писателя Саргиджана. Председательствовал Алексей Толстой. Речь шла об избиении писателем Саргиджаном поэта Мандельштама и его жены. Почему уголовное дело Саргиджана должно было рассматриваться специальным литературно-общественным судом при большом стечении писателей? Разве если писатель дерется, то от этого драка делается литературным явлением? <...> На этот неправильный путь встал и общественный обвинитель т. Равич. Кого он больше обвинял — битого или бившего, разобрать трудно. Суд при общем неодобрении присутствующих писателей вынес свое решение: Саргиджана исключить из профсоюза, но, считая необходимым оказывать поддержку молодым писателям, просить президиум горкома считать исключение условным (!)».

См. также в книге: О. Лекманов 2015. С. 278–279.

7 окт. 1974. <...> Сейчас «Г[олос] А[мерики]» передавал сообщение со славистского конгресса в Канаде, где выступал А.Л. Дымшиц и говорил о Мандельштаме и о мемуарах Н.Я. Мандельштам, которые назвал полными сплетен и сказал, что «она не доросла до понимания стихов своего мужа».²⁵⁵ К сожалению, я включил радио [поздно].

16 нояб. 1974. <...> В американских газетах письмо Кларенса Брауна о том, что Н.Я. Мандельштам с весны перенесла несколько апоплексических ударов,²⁵⁶ что он лишен возможности помогать ей лекарствами, деньгами, книгами, так как его письма несколько месяцев к ней не доходят. Он пишет, что вообще с весны письма с Запада в Москву не приходят, но это неверно. Получает же Ц.И. письма из Италии[,] и в большом количестве. Н.Я. уже 75 лет.

19 фев. 1975. <...> Мариолина рассказывала Ц.И. что она виделась с Н.Я. Мандельштам у Аренса, и та буквально кричала на нее, за то, что та не привезла ей сборник «Россия-Россия». Мариолина ответила, что она привезла всего один экземпляр — от В. Страды²⁵⁷ — АКГ. Так что Н.Я. знает о сборнике и моем участии в нем.

3 марта 1975. <...> Весь вечер просидел у славной, умной Л.Я. Гинзбург. <...>

²⁵⁵ В сент. 1974 г. в канадском городе Банф в рамках конференции по изучению культуры стран Восточной Европы состоялся семинар, посвященный мемуарам Н.Я. Среди его участников был и Н. Коржавин, но — уже как эмигрант, а А.Л. Дымшиц был членом сов. делегации.

²⁵⁶ Пояснение Ю.Ф.: «В действительности — перенесла пневмонию и несколько приступов коронарной болезни, резко похудела — опасались, что из-за опухоли, но опасения, к счастью, не подтвердились. Почтовая связь для нее и в самом деле была очень затруднена, это было похоже на почтовую блокаду».

²⁵⁷ Стрaда Виттoриo (*umal.* Vittorio Strada, род. 1929), итальянский литературовед и переводчик-славист, историк русской литературы, научной и общественной мысли; издатель журнала *Россия/Russia* (1974–1993), при его участии была создана и издана «История русской литературы» в семи томах (1986–1995, в соавторстве с Ж. Нива, Е. Эткингом, И. Серманом).

Прочитала мне свое маленькое эссе «Вечер с Мандельштамом»²⁵⁸ и подарила машинопись воспоминаний об Н. Заболоцком. Показала еще свои дневниковые записи начала 30-х годов. Тут отзвуки и смерти Маяковского, и разных проработок того времени. Личных записей совсем нет. Это очень, как всегда у нее, умно и остро, и интересно.

26 марта 1975. Письмо от Л.Я. Гинзбург от 22 марта. Она пишет о «Похвале анекдоту»²⁵⁹:

«Ваш опус очень мне понравился. Это сконцентрировано и занимательно, и верно. К тому же мне близка эта тема — тема перестройки и построения действительно бывшего. Между прочим, Н.Я., при всей нелюбви к автору, понравилась книга “О психологической прозе”, п. ч. там более или менее прямо сказано, что чем талантливее мемуарист, тем он больше врет. Но неправда может остаться неправдой, а может у настоящего писателя превратиться в подлинность — Вы это хорошо в своем очерке показали».

25 мая 1975. <...>

Днем приходит Альма. Она перевела на английский мой «Мейерхольд говорит» и[,] кажется[,] напечатает перевод в Нью-Йорке. Отвечаю на ее вопросы в том, что ей непонятно в тексте. Она все-таки молодец: уже многое знает и понимает в мейерхольдиане.

Третий том Мандельштама и «Россия-Россия».²⁶⁰

Обещает достать письма Цветаевой.

26 мая 1975. <...> Ночью читал трогательные и жалкие письма Мандельштама.²⁶¹ Я их читал и раньше, и они у меня были в машинописной копии, но в книге они как-то убедительней.

²⁵⁸ Видимо, имеется в виду глава о Мандельштаме, которая так и не вошла в 1-е изд. ее книги «О лирике» (1964), но зато потом вошла во 2-е изд. (М., 1974).

²⁵⁹ Как определил сам АКГ, это его «мемуарный мини-очерк» о К.Г. Паустовском.

²⁶⁰ «Россия / Russia» — ежеквартальный журнал, или альманах, издававшийся в Италии Джулио Эйнауди (*итал.* Gulio Einaudi; 1912–1999) в 1974–1993 гг.

²⁶¹ Вошло в состав т. 3 «Собрания сочинений» О.М. Впервые в: Oxford Slavonic Papers. Vol. XI. 1964. P. 120–123 (оттиск имелся у АКГ).

В томе есть «История одного посвящения» Цветаевой (воспоминания о Манд-ме) и библиография. Статьи плохи.

Теперь у меня есть полный Мандельштам. Первый том когда-то был в двух экземплярах (подарок Кларенса Брауна), но я подарил дублет Леве.

6 июля 1975. <...> Читаю Цветаеву. <...>

В одном из писем Цветаевой из Лондона, где она гостила у Д. Мирского, она называет «подлой» книгу Мандельштама «Шум времени».²⁶² Невозможно понять — почему?²⁶³ Кстати, Мирский

²⁶² В письме П.П. Сувчинскому, редактору парижского журнала «Версты», издававшегося на русском языке, М. Цветаева назвала ее «книгой баснословной подлости» (15 марта 1926), она написала также гневную статью «Мой ответ Осипу Мандельштаму» и весной 1926 г. предлагала ее в эмигрантские журналы, но статья так и не была опубликована.

²⁶³ Комментарий Ю. Фрейдина: «Речь идет, видимо, о первом издании «Шума времени» (1925), автобиографической повести в отдельных главах, из которых заключительные отражают впечатления о пребывании в деникинско-врангелевской Феодосии в конце 1919 — начале 1920 года. При втором издании в составе сборника прозы «Египетская марка» (1928) автор объединил их в маленькую отдельную повесть «Феодосия». Книга свидетельствует о явном, хотя и категорически не принятом воинствующей рапповской критикой, стремлении О.М. «договориться» с новым временем, но только на своих условиях (требование — в явочном порядке — признать право автора на «стилистическую независимость» или хотя бы самостоятельность). В «Шуме времени» О.М., хоть и по-детски (как сказала Ахматова, «сияющими детскими глазами»), но явно любит «державным Петербургом» (тогда уже переименованным в Ленинград!); несколько раз настойчиво упоминает о своей эсеровской юности, о восторженном намерении вступить в Боевую Организацию — террористическое ядро левого крыла партии социалистов-революционеров (и это после эсеровского путча в Москве в 1918, после того, как левые эсеры сразу же были объявлены вне закона, а над их руководителями недавно прошли судебные процессы!); ставит в один ряд стихи своего любимого Тютчева с «Критикой Готской программы», сравнивает марксово описание организации капиталистического хозяйства с библейской лестницей Иакова, по которой восходят и спускаются ангелы (и это после ограбления церковных ценностей и прочих кровавых антирелигиозных деяний большевиков!); восхищенно, хотя и, на первый взгляд, чисто внешне описывает Константина Леонтьева, которого и до большевиков прогрессивные русские либералы не без оснований

напечатал в «Совр[еменных] записках» восторженную статью о книге Мандельштама.²⁶⁴ Это загадка.

считали махровым монархистом-реакционером, откровенным морально-религиозным империалистом византийского склада, писавшим, что надо бы “подморозить” Россию. Возможно, до всех этих тонкостей лично Цветаевой не было никакого дела, хотя, как великолепный, эмоционально бурный поэт и писатель, она многое могла интуитивно почувствовать. Но вот в фео-досийских главках О.М. описывает оккупировавших Феодосию белых (конкретно — белоказаков, которых сравнивает с итальянскими кондоттьерами; для Цветаевой — дочери создателя московского Музея изящных искусств, где стояла и стоит сейчас копия средневековой бронзовой статуи конного кондоттьера, такое сравнение могло быть вполне ощутимым и обидным!) как погромщиков и убийц, упоенных запахом крови и возможностью безнаказанного насилия над беззащитными, — а Цветаева тогда, видимо, еще не вышла из настроений “Лебединого стана”, где прославляла отчаянное мужество белого движения, в котором участвовал ее любимый Сережа [Эфрон] (“И в словаре задумчивые внуки За словом: долг напишут слово: Дон” (“Кто уцелел — умрет, кто мертв — воспрянет...” и т. п.) — но этой, возможно, совсем немаловажной для нее причины недовольства книгой Мандельштама сама она не называет. Возмущена же она — и где-то прямо пишет об этом — тем, что О.М. мягко иронизирует над безмятежным (на фоне гражданской войны и творящегося кругом кровавого насилия, незадолго до разгрома и панического бегства!) образом жизни и стихами (действительно, слабыми и невнятными) своего благодетеля, полковника Цыгальского (“полковник — нянька с бармами закона”). Она как бы дает понять Мирскому, что это неблагоприятно — и, следовательно, “подло” — воспользоваться благами (вплоть до спасения от гибели!), а потом посмеяться над благодетелем, когда тот уже оказался в стане потерпевших поражение и подвергшихся изгнанию (сам О.М. явно не предполагал, что дает основания для подобного рода “критики справа”); у менее ангажированных читателей и критиков, в том числе у Святополка-Мирского, повесть имела успех; да и Цветаева десятилетие спустя в не напечатанной при жизни “Истории одного посвящения” вернула себе прежнее, предреволюционное, сочувственно-снисходительное, если не материнское, то сестринское, оправдывающее и защищающее отношение к О.М.)».

О мотивах такой реакции М.Ц. см. также: *Нерлер П. Con amore. Этюды о Мандельштаме*. М.: НЛО, 2014. С. 82–83.

²⁶⁴ *Святополк-Мирский Д.П.* [Рец. на:] О.Э. Мандельштам. Шум времени // *Современные записки*. Париж, 1925. № 25. С. 541–543.

<Иосиф Бродский под защитой Н. Мандельштам>

(По дневнику Гладкова и их переписке с Н.Я. в 1963–65 гг.)²⁶⁵

В 1960-е гг. Гладков — это человек, отсидевший 6 лет в ГУЛАГе, автор пьесы «Давным-давно» и поставленного по ней Э. Рязановым фильма «Гусарская баллада». Вместе с тем он же — и мемуарист, известный в кругах московских и ленинградских знакомых своими воспоминаниями о Мейерхольде и Пастернаке, но также он — автор еще никому не известного дневника, в котором записывает:

8 нояб. 1963. <...> думаю о том, что мне снова нужна большая работа. Книга. Или — пьеса. Нет, лучше — книга. Без этого жизнь пуста и слишком легка. # Жить не работая уже невозможно, если не пьешь и не бегаешь за встречными юбками.

О поэзии Иосифа Бродского Гладков услышит в конце 1963 г. — от Надежды Мандельштам, но поначалу будет воспринимать его как поэта весьма скептически: ср. его запись 23 сент. 1963 г. об «Оде Джону Донну» — как о манерной и скучной: «типичные старопетроградские стишки». Надо сказать, что АКГ сам всю жизнь пишет стихи, но не пытается публиковать их (за исключением пьес в стихах, которые написаны им в легком жанре водевиля), а только лишь дарит некоторым друзьям в машинописном виде, и к чужим стихотворным опытам, особенно *новомодным*, относится весьма взыскательно.

При этом всегдашний закоренелый скептик Гладков как раз в данном вопросе склонен почему-то доверять самой махровой советской пропаганде (он вообще каждое утро проглатывает по несколько газет и пытается — иногда не без успеха, но не в данном случае — читать в них между строк):

²⁶⁵ Опубликовано в: *Михеев М.* Иосиф Бродский под защитой Надежды Мандельштам от нападок Александра Гладкова (в дневнике последнего, 1963–65 гг.) // С Днём Рождения, Андрей Анатольевич! 29.04.2015 [к юбилею А.А. Зализняка] — http://www.inslav.ru/zalizniak80/congratulations/M_Mikheev.pdf

3 дек. 1963. Про И. Бродского в «Веч. Ленинграде» написали страшно: не только про его стихи, которые мне лично не нравятся, — тут и связи с уголовниками и спекулянтами, и встречи с иностранцами, и подготовка побега за границу. В иные времена за это давали полный набор: 25 и 5 и 5. А сейчас статья оканчивается требованием выслать его из Ленинграда. Я его никогда не видел, а описан он красочно²⁶⁶.

А через несколько месяцев он фиксирует для себя еще и следующее:

9 марта 1964. Над поэтом Бродским (из-за которого у меня возникла такая бурная полемика в письмах с Над. Як.,²⁶⁷ был суд, но он кончился ничем: поэта увезли в психиатрическую больницу. Хотели доказать, что он «тунеядец».²⁶⁸

15 марта 1964. Суд над Бродским состоялся: приговор — 5 лет ссылки с принуждением к труду. <...> В основе всего — высокомерный разговор с пресловутой секретаршей райкома К-вой [Н.С. Косаревой] <...>, которая вызвав Бр[одского], спросила его, почему он не хочет учиться, и он ответил, что он не желает заниматься «лже-наукой-диаматом». С этого и начало крутиться. Кто-то из бывших на процессе назвал это «обезьяньим процессом». Думаю, что объективно виновата и среда, восхищавшаяся Бр[одским] и передававшая с восторгом эти его и подобные словечки. Шутить с государством нельзя, а эти небитые дурачки про это забыли. Другое дело, что Бр[одскому] может помочь это всё стать настоящим поэтом, если у него есть что-то подлинное, как всегда этому помогает живая, а не придуманная среда. # <...> # Вот вырезка из сегодняшней «Смены». # [вклеена статья из газеты (без подписи) «Тунеядцу воздается должное»]: # О самом Иосифе

²⁶⁶ Гладков А.К. — Мандельштам Н.Я. // РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3 (опись Фрейдина). № 185. Письма А.К. Гладкова — Н.Я. Мандельштам.

²⁶⁷ Возможно, именно в 1964 г. А.Г. высказывался в письмах к Н.Я. о поэзии и поэте Бродском наиболее критически, однако позже, очевидно под действием ее аргументов, а возможно, после личной встречи с поэтом, он изменит свое к нему отношение.

²⁶⁸ Это записывает АКГ по поводу только что полученного им 8 марта письма от Н.Я., в котором она снова возвращается к предмету их спора. См. ниже ее эмоциональное письмо (л. 22) — на конверте от руки: «№ 4», в Ленинград со штемпелем из Пскова (л. 23, 23 об., 24, 24 об.).

Бродском говорить уже противно. <...> # <...> проповедник пошлости и безыдейности <...> болезненное самолюбие недоучки <...> ##

Но тут за Бродского как поэта вступается Надежда Мандельштам. Она ведет борьбу, по-видимому, в течение всего 1964 г. (письма АКГ к ней за это время не сохранились). Но вот свидетельство из его дневника, запись, сделанная им за две недели до только что цитированной:

28 фев. 1964. <...> Письмо от Над. Як-ны и мой ответ.²⁶⁹ Спор продолжается.²⁷⁰ Консерватизм бывает разный — у нее консерватизм оппозиции. Что-то в этом меня очень раздражает: наверно — привычка из всякого пустяка делать обобщение. «А в дверях уже стучало обобщение» (О. Мандельштам).²⁷¹ По-человечески ее можно понять: привыкнув всю жизнь быть гонимой, нелегко изменить психологию, но именно от нее мне хотелось большей свободы и жизни ума.

А вот выдержки из ее письма, на которое он, по-видимому, так болезненно реагирует:

[25 фев. 1964, л. 21: в приписке поперек основного текста, на полях слева:] А если человек ругает Марину [Цветаеву] или О.М[андельштама], вы действительно хотите его выслать? Я — нет. И вы действительно думаете, что во мне говорит еврейский национализм, а не русская интеллигентская традиция? # [на поле справа:] А насчет антисептики? Мы уж ее испробовали. Неужели хочется еще?²⁷²

²⁶⁹ Писем АКГ к Н.Я. за 1964 г. в фонде Гладкова в РГАЛИ не значится: «первое» его письмо датировано только 3 марта 1965 г. (РГАЛИ. Ф. 1883. О.Э. Мандельштам. Оп. 3. № 185). По словам Ю.Л. Фрейдина, Н.Я. Мандельштам часто просто раздавала или же раздаривала свои письма. Ср.: *Мандельштам Н.Я.* Письма А.К. Гладкову. 7.12.1962–28.10.1967 (РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Д. 298. Л. 1–147).

²⁷⁰ Здесь это, очевидно, еще не спор о поэзии И. Бродского.

²⁷¹ На самом деле у Мандельштама в «Путешествии в Армению»: *В дверях уже скучает обобщение* (главка «Французы»).

²⁷² Гладков А.К. — Мандельштам Н.Я. // РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3 (опись Фрейдина). № 185. Письма А.К. Гладкова — Н.Я. Мандельштам.

Можно утверждать определенно, что именно под влиянием собеседницы Гладков постепенно уступит и изменит свою — вначале, как видим, непримиримо-неприятную по отношению к Бродскому — позицию. Из ее писем к нему наиболее характерны два, от 8 марта 1964 и написанное без даты, но вслед за ним, до 13 марта: она напишет, очевидно считая, что первое, которое она во втором назовет *бешеным*, АКГ так и не получил (они были приведены выше в главе V).

И блестящей полемистке Н. Мандельштам, очевидно, все-таки удалось переубедить Гладкова, поскольку уже после личной встречи с Бродским, которая произошла в Комарове осенью 1965 г., «отчитываясь» перед своим адресатом, АКГ так напишет о своем впечатлении:

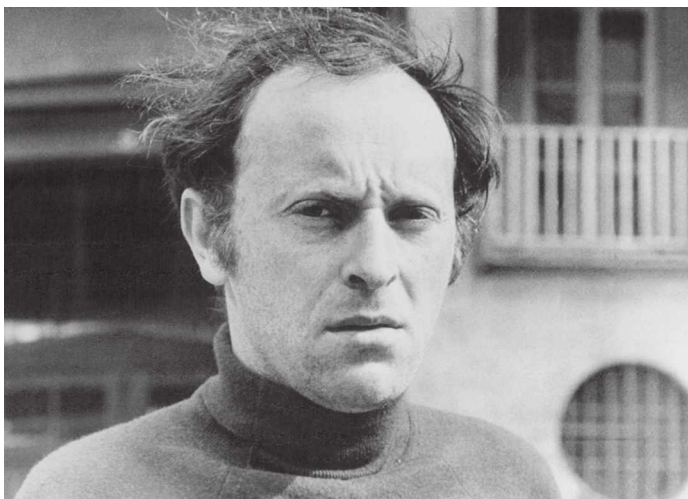
Бродский мне скорее понравился. Он с нами обедал. Выяснилось, что мы были в одних и тех же местах — земляки. Он не очень похож на то, что о нем рассказывали, а может, обкатала жизнь. Говорили с ним о Мандельштаме и Цветаевой и о Вас. Если прибегнуть к Вашей классификации (из замечательного письма Вашего Харджиеву), то он по израильянским генам своим не из породы Ильи Гр. [Эренбурга], а из породы О.Э. [Мандельштама] Но есть в нем и шагаловская наивность. Или — я ошибаюсь? (А.К. Гладков — Н.Я. Мандельштам, п. 7, 30 сен. 1965, из Комарова).

Впрочем, Н.Я. довольно активно эту последнюю его вольную аналогию отмечает:

Я спешу вам ответить на главный пункт, который меня просто испугал: между Бродским и О.М. нет ни капли сходства, это не противоположности, а просто люди, у которых нет общей единицы для измерения. Все в других плоскостях и измерениях. # [Н.Я. Мандельштам — А.К. Гладкову.]

Можно также сопоставить приведенные ранее гладковские впечатления — с первым (тоже, кажется, единственным) впечатлением от чтения Бродским своих стихов — поэта Дмитрия Голубкова, ставшего свидетелем такого чтения уже позднее, в январе 1966 г., и описавшего Бродского так:

Небольшой, плотный, белокурый. Лицо белое, гладкое — как после долгой (не опасной, но изнурительной) болезни. Часто улыбается — насмешливо, высокомерно. Картавит (в меру). Читал, помахивая и постукивая по столу бутылкой из-под лимонада, обеими руками потирая уголки глаз и нос — страстно, напевно, как-то враскачку. Некоторые строки и строфы почти пел — громко, быстро, напористо... Трудное чтение — мешает слушать мысль. Только — ощущение, настроение... плох триптих памяти Элиота — наивно, рифмачески, длинно. Хорошо — о дожде (длиннющая баллада). Так себе — «Мне скушно, бес» — о Мефистофеле.²⁷³

Илл. 11. Иосиф Бродский

²⁷³ Голубков Д.Н. «Это было совсем не в Италии...» Изборник. М.: Маска, 2013. С. 348.

Глава IV

[Предисловие П.М. Нерлера]

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ В ЗАПИСЯХ ГЛАДКОВА

Я не признаю историю без подробностей...

А.К. Гладков

В 2013–2014 гг. в литературный процесс «вернулся» Александр Константинович Гладков (далее А.Г.; 1912–1976). Впервые письма и выдержки из его дневника предстали перед читателем еще в начале 1980-х гг.¹ Следующий этап их изучения и обнародования связан с публикациями Сергея Шумихина,² нынешний же — с Михаилом

¹ Из дневников и «попутных записей» / Сост. и подг. текста В.В. Забродина // *Гладков А. Театр. Воспоминания и размышления*. М.: Искусство, 1980. С. 9–81; «Протоколист своего времени» (Письма А.К. Гладкова к брату) / Публ. В.П. Коршуновой // *Встречи с прошлым*. Вып. 4. М.: Сов. Россия. 1982. С. 289–311.

² «Мандельштам был не по плечу современникам...». Письмо Надежды Мандельштам к Александру Гладкову // *Русская мысль* (Париж). 1997. 12–18 июня. С. 10, 12; В споре о Бродском (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову) // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества. [Т. 14.] Вып. 4. [Ч. 1]. М.: РГГУ, 2008. С. 257–273; *Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...»* (Из дневниковых записей 1945–1973) // *In memoriam*. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.: Феникс-Atheneum, 2000. С. 521–654; *Гладков А. Попутные записи. Фрагменты* // *Новый мир*. 2006. № 11. С. 119–139; *Гладков А. «Всего я и те-*

Михеевым и серией опубликованных им хронологических подборок из дневника А.Г. в российской периодике последних лет.³

Известный при жизни как успешный драматург и киносценарист (одна «Гусарская баллада» чего стоит!) и как тонкий мемуарист, Гладков как бы заново раскрылся еще с одной — и, как выясняется, с самой главной — своей стороны: как автор дневника, который начиная с 16-летнего возраста вел на протяжении 48 из отпущенных ему 64 лет, не исключая и 6 лет — с 1949 по 1954 г. — в ГУЛАГе. Все это дало В.П. Коршуновой право назвать Александра Гладкова «протоколистом своего времени».

Но не только в фундаментальном охвате времени ценность этого дневника и амбиция его автора. Похоже, что в какой-то момент Гладков осознал и оценил достоинство дневника как жанра. 1 мая 1938 г. он не вдруг записал: «Лучшее в литературе — дневники покойного Ильфа. Т. е. отрывки из записных книжек».⁴

Дневник Гладкова впечатляет еще и своей откровенностью. Очень часто рискованной для автора, если вспомнить времена его написания. В чем он отдавал себе полный отчет — раз спрашивал у самого себя в самый разгар Большого террора: «Зачем я все это слушаю и записываю? Наверно, по тому же психологическому закону, по которому тянет заглянуть в пропасть...»⁵

Имена Осипа Мандельштама (О.М.) и Надежды Мандельштам (Н.Я.) — нередкие гости на страницах дневника. Начиная с января 1960 г. Надежда Яковлевна — и вовсе один из самых заметных его персонажей.⁶

Они познакомились 15 января 1960 г. — в день рождения О.М. — в заснеженной Тарусе, где Н.Я. провела почти два года

перь не понимаю». Всеволод Мейерхольд и 1936–1940 годы в дневниках А.К. Гладкова // Наше наследие. 2013–2014. № 106–111.

³ Выборки из дневников 1960–1968 гг.: Новый мир. 2014. № 1–3, 10–11; Литературная учеба. 2014. № 3; Нева. 2014. № 4–5, 11; ФИЛОЛОГОС. Вып. 22 (3); Звезда. 2015. № 1 и др.

⁴ Запись за 1 мая 1938 г. (Наше наследие. 2014. № 109. С. 100).

⁵ Запись за 14 июля 1937 г. (Наше наследие. 2013. № 108. С. 137).

⁶ Соответствующая подборка тянет на целую книгу объемом в 4 печатных листа. Ее подготовка и публикация представляется отдельной и очень интересной задачей недалекого будущего.

между службами в Чебоксарах и Пскове. На это время пришлось и начало работы Н.Я. над «Воспоминаниями», и ее дружная, веселая помощь составителям «Тарусских страниц», в которых оба — и Н.Я., и А.Г. — выступили и как авторы.

О прекрасном отношении и доверии Н.Я. к А.Г. масса свидетельств: тут и просьба помочь в столь деликатном деле, как дневник О. Ваксель, и явно согласованная с Н.Я. публикация Гладковым важного мандельштамовского текста,⁷ и факт дружеского дарения ему бесценных листочков из архива О.М. (нечто похожее известно только в отношении Шкловского, Пастернака, В. Борисова, Е. Левитина и Р. Шибыльского).

Естественно, что отдельные фрагменты, связанные с Мандельштамами, уже попадали на страницы мандельштамоцентричных публикаций. Так, одна из работ С. Шумихина — это подборка выдержек из дневника и писем Н.Я. Мандельштам к А.К. Гладкову, посвященных Иосифу Бродскому и его «делу».⁸

Однако имя О.М. возникает на страницах гладковского дневника еще задолго до знакомства со вдовой поэта — в ранние 1930-е гг.

Сами по себе дневниковые записи Гладкова — двух сортов. Первый — это свидетельства, собственные или с чужих слов. Бесспорно, главная запись такого рода — о единственной встрече с самим поэтом на его читке в редакции «Литературки»: «Это не похоже на прежнего М-ма, которого я знаю: новая манера, свободная и иногда открыто сердечная (“Ленинград”), стихи превосходны. Тут он уже не “неоклассик”».

⁷ Мандельштам О. Армия поэтов / Публ. А. Гладкова; предисл. ред. // Литературная Россия. 1966. 19 авг. С. 18–19.

⁸ См. его публикации: «Мандельштам был не по плечу современникам...». Письмо Надежды Мандельштам к Александру Гладкову // Русская мысль. Париж, 1997. 12–18 июня. С. 10, 12; В споре о Бродском (Письма Надежды Мандельштам Александру Гладкову) // «Сохрани мою речь...»: Записки Мандельштамовского общества. [Т. 14.] Вып. 4. [Ч. 1]. М.: РГГУ, 2008. С. 257–273. См. также письма Н.Я. Мандельштам А.К. Гладкову об Ольге Ваксель (Нерлер П. В поисках концепции. Книга Надежды Мандельштам об Анне Ахматовой на фоне переписки с современниками // Мандельштам Н. Об Ахматовой. М., 2008. С. 32–43).

Весьма любопытно и свидетельство Д. Бродского об аресте О.М., сделанное буквально на следующее утро после ночного ареста (будь Бродский подсадной уткой, едва ли бы он стал рассказывать об этом, пусть и не называя себя).

Второй сорт записей — читательские впечатления от поэзии О.М. Из этих впечатлений, собственно, и выросли «Глоссы о Мандельштаме» — отдельная и незаконченная работа Гладкова об О.М., представляющая собой собрание фрагментов и набросков о поэте. Трудно сказать, было ли это заготовками к написанию «классической» статьи или это принципиально фрагментарный текст, напоминающий в таком случае мандельштамовские заметки «Андрэ Шенье». Скорее второе, если учесть самую последнюю из заметок («Форма этой статьи — монтаж отрывочных кусков... Принцип фрагментарности позволит только обойтись без мостков и излишних коммуникаций, без связывающего матерьяла»).

«Глоссы» интересны еще и тем, что это попытка воспользоваться для их построения такой «кучей кирпичей», как дневник. В данном случае статьи об О.М. от Н.Я. он хорошо знал, что издание его стихов в «Библиотеке поэта» раз за разом разбивается о неподобающую, с точки зрения властей, вступительную статью — сначала А. Македонова, а потом Л. Гинзбург. До известной степени А.Г. попробовал вступить в необъявленное соревнование за эту честь, результатом чего и стали «Глоссы», да еще понимание, как это все-таки трудно: написать предисловие к тому Мандельштама — своего любимого поэта.

Некоторые наблюдения А.Г. чрезвычайно тонки. Например, о внеоценочной растворенности в читательской душе любимого поэта и его стихов, ведущей к тому, что весь его внутренний мир как-то меняется. Или о соучастии читателя-современника в биографии поэта, об их взаимосвязи и взаимозависимости. И о вечном огне у подножия памятника «неизвестному читателю».

Или о Герцене как о корневище и Мандельштама-писателя, и Мандельштама-разночинца.

А тезис о забегающем вперед времени («Это предошущение и рождает стихи, забегающие вперед случившегося»), когда стихи и проза из более или менее спокойного 1930 г. семантически кажутся «родом» из 1937-го, а датировка написанного в 1933 г.

«Разговора о Данте» невольно перекладывается аж в 1960-е гг., настолько «из будущего» (для 1933 г.) была уже одна его лексика...

Отсюда блистательный вывод о пророческой природе поэзии и сравнение поэта с «японскими рыбками», умеющими задолго до землетрясения чувствовать катастрофу и предупреждать о ней. С таким пониманием «Четвертую прозу» уже не выведешь из недоразумений вокруг «Тиля Уленшпигеля»: «Реакция настолько громче события, его вызвавшего, что тут все кажется преувеличенным, чересчур чувствительным».

Между прочим, забежал вперед и сам Гладков, когда вдруг обратил внимание на чрезвычайно интенсивные контакты О.М. и «властей предержащих»: в круг его общения входили Бухарин, Енукидзе, Гусев, Ломинадзе, Молотов, и среди доставшихся ему привилегий были и персональная пенсия, и договор на собрание сочинений, и квартира в одном из первых писательских кооперативов.

Иными словами, он как бы предвосхитил современный мандельштамоведческий дискурс о конформизме поэта как в жизни (по Максименкову, О.М. входил чуть ли не в писательскую номенклатуру!), так и в творчестве (М. Гаспаров и др.).

Многие гладковские тезисы вполне могли бы быть развернуты в основательные добротные исследования. Тем важнее ввести его «мандельштамиану» в соответствующий научный и читательский оборот.

*

Настоящую публикацию открывают «Глоссы о Мандельштаме»,⁹ они отрывочны и беглы, но, как всегда у А.Г., информативны и раскрывают историю в ее «подробностях».

Важно пояснить «двухэтажность» дневникового наследия Гладкова. Изо дня в день (с отступлениями, разумеется) он вел текущие бегло-рукописные (и очень плохо читаемые!) записи о событиях дня — от глобально-политических до сугубо интимных: такие тексты М. Михеев условно называет «записными книжками». Спустя

⁹ Композиция фрагментов принадлежит М. Михееву. Повторы в тексте убраны.

какое-то время А.Г. перечитывал их, садился за «Эрику», но не перепечатывал один к одному, а делал своего рода дайджесты, принося в них естественные изменения (сокращения, переформулировки, кодирование части имен и т. п.): такие тексты М. Михеев называет — также с долей условности — «дневниками». В тематическом случае Мандельштама к этим двум «этажам» добавился третий — «Глоссы», в которые не только попадают специально и заново для них написанные фрагменты, но и отбираются уже готовые куски или заготовки из «дневников» (тоже, разумеется, не все, где упомянут О.М.). Таким образом, в «Глоссах» мы имеем дело с некоторыми фрагментами, имеющими две или даже три редакции!

Непростая, согласитесь, задачка для публикаторов. В большинстве случаев выбирался более поздний вариант, но иногда — более полный.

Илл. 12. Осип Мандельштам

<Глоссы о Мандельштаме>*(Публикация и подготовка текста**М. Михеева, П. Нерлера и С. Василенко)*¹⁰

Вчера утром делал выписки из своих старых дневников о всех упоминаниях Мандельштама по просьбе Н.Я. для какой-то картотеки Морозова (биографической) и вдруг понял, что я могу написать о нем и начинаю понимать — как (Из дневника А. Гладкова. 6 сент. 1966).

[РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. № 33: О Мандельштаме. Наброски к неосуществленному очерку (1950–60 гг., 36 л.; выборки из машинописи, местами склеенной из нескольких кусочков листа, с правкой автора]

(1) В середине двадцатых годов в развалах уцененных книг в большом количестве лежали гизовский «Камень» Мандельштама и гизовские «Версты» Цветаевой. Сейчас мне не верят, когда я рассказываю об этом, как и тому, что «Великодушный рогоносец» у Мейерхольда почти не делал сборов и всегда шел при полупустом зале. Новые книжки стихов Жарова и Уткина расхватывались, а «Камень» и «Версты» лежали. Я это отлично помню. В Художественный театр попасть было трудно, а в ГОСТИМ и Камерный легко. Пустовал и Госет,¹¹ хотя в нэповской Москве евреев было достаточно. У меня тут нет места это анализировать: ограничусь свидетельствованием. Так было.

¹⁰ Название «Глоссы о Мандельштаме» трижды повторяется как заглавное (на л. 5, 7 и 23) и интерпретируется как авторское. Глосса — объяснение, толкование непонятого слова или выражения, данное на полях или в самом тексте древних и средневековых рукописей.

¹¹ Московский государственный еврейский театр (Московский ГОСЕТ), один из двух еврейских театров в Москве в раннее советское время. Основан в 1920 г. Был закрыт в 1949 г. в результате антиеврейских репрессий со стороны властей.

(5) Мы ленивы и нелюбопытны. Живя в одном городе с Мандельштамом, я читал и перечитывал его стихи, ездил куда-то¹² к черту на рога за город, в Тарасовку, если мне сулили дать неизвестные, ненапечатанные его строки, жадно вычитывал все, что попадалось о нем в литературных мемуарах (В. Лившиц, В. Пяст, В. Шкловский)[,] и только один раз слышал, как он сам читает свои стихи (в ноябре 1932 г. в редакции «Литературной газеты»), несколько раз случайно встречал его на Тверском и Гоголевском бульварах. А между тем, как это выяснилось впоследствии, я довольно легко мог с ним познакомиться. Были общие друзья (Нина Антоновна Ольшевская, В.Н. Яхонтов и другие). Но я об этом не догадывался. Почему-то с ними о нем никогда не заходил разговор. Вспоминаю одну встречу с Яхонтовым, недалеко от Нащокинского переулка и Сивцева Вражка, где жил тогда Мандельштам. Постояли, поговорили о пустяках и разошлись, и вернувшись домой — я тоже жил почти рядом¹³ — я погрузился в книжку Мандельштама «О поэзии», которую знал наизусть и каждое слово в которой для меня было весомо и ценно. А может быть, Яхонтов тогда шел от него или к нему. Как же я не почувствовал рядом **присутствия** любимого поэта? Буквально рядом. В двух шагах. За первым углом. Вон за тем табачным киоском, пройдя молочную...

(1) Поэтический талант — это прежде всего способ воспринимать и уже во-вторых — способ выражать. Недаром, говоря об одаренности музыкантов[,], сначала говорят о слухе и лишь

¹² Гладков обычно не ставит дефисов перед частицами. Далее, после первой фиксации «руки» автора, эту и подобные ей особенности орфографии АКГ не фиксирую — М.М.

¹³ *Грицевец* — Гладков А.К. Москва 19, пер. Грицевец, д. 8, кв. 24 (по записной книжке Н.Д. Оттена — РГАЛИ. Ф. 2665. Оп. 1. Ед. хр. 70. № 88. Л. 112) — переулок, или улица Грицевецкая, носившая это имя с 1952 по 1994 г. в честь дважды героя летчика-истребителя С.И. Грицевца (прежнее и современное название — Б. Знаменский переулок, в центре Москвы, между Волхонкой и Знаменкой), адрес, по которому жили Гладковы с 1926 г.: сначала родители, а потом и жена, с которой он фактически расстался, Антонина Антиповна Тормозова (1919–1981), с их дочерью Татьяной, и где за АКГ оставалась формально одна комната — он держал в ней книги.

потом о длине пальцев. Конечно[,] случай гениальности это расчленение перечеркивает, но все равно это в принципе остается верным.

(5, 7, 8, 23) Я влюбился в его стихи в возрасте, когда еще не мог их вполне оценить. На каком-то книжном базаре, среди удешевленных книг был куплен «Камень» и не то чтобы был прочтен, поразил и сразил, но листался, читался и постепенно растворился во мне настолько, что многие стихотворения из этого сборника (госиздатовское переиздание) я и теперь перечитываю со странным чувством, вернее не читаю, а вспоминаю, словно не то сам их написал когда-то, не то с ними родился. Сражали и поражали другие (в том числе и недостойные), а Мандельштам как-то исчезал во мне, растворялся. Вот его уже будто нет, стихи ушли, а только мир стал другим: соло[н]ее, или слаще.

(22) Это меньше всего мемуары.

Я видел Мандельштама несколько раз в жизни, однажды слушал, как он читает стихи, и ни разу с ним не разговаривал.

Это заметки читателя, читателя-современника.

Но это также и мемуары, ибо я тоже лицо биографии поэта, а читатель поэта[,] может быть[,] самое главное действующее лицо его биографии. Ценитель — русский читатель стихов — существо особенное. Он одновременно и переписчик, и распространитель, и пропагандист. Трудно представить молодых любителей поэзии с Монпарнаса и Монмартра, переписывающих Бодлера и Верлена.

Мандельштам говорил, что нигде так не уважают стихи, как в России, где за них могут даже расстрелять. Он считал это высшей честью для поэзии.

Заметки эти делались годами, исподволь, попутно чтению и перечитыванию его стихов, рассказам и воспоминаниям о нем.

Не мемуары, не исследование: всего лишь слабый отблеск немеркнувшего света стихов Мандельштама, отзвук им сказанного.

(2, 23) Является ли армейский поручик, переписавший при свечке полученный на ночь рукописный экземпляр «Горе от ума», действующим лицом биографии Грибоедова? Несомненно. В каком то

смысле даже более важным, чем его бытовые приятели, хотя бы тот же Булгарин. Ведь прижизненная слава Грибоедова — это десятки и сотни этих рукописных экземпляров — самоиздат начала 19-го века, и их существование куда более важно, чем его служебный формуляр в министерстве иностранных дел. Но тогда и я тоже соучастник биографии Мандельштама, уже по одному тому, что я современник и человек эпохи Москвошвея, и на мне тоже всю жизнь топорщился пиджак, и я был его читателем и переписывал мятые списки его стихов, выпрашивал их и сам давал читать, или, говоря языком уголовного кодекса[,] «хранил и распространял» все то, что завтра будет издаваться в синих переплетах и что неприлично не иметь в библиотеках всей столичной шушере, всем бегающим на просмотры в Дом Кино и на концерты приезжих шансонье. Представляю это кудахтанье: — Вы достали Мандельштама? Я достал Мандельштама!.. Было испытание неизвестностью, было испытание опасностью — будет испытание модой. Но стихи переживут и это.

Я пишу эти заметки с позиции современника и соучастника биографии поэта, с позиции того самого «неизвестного читателя», которому, право, давно уже пора в нашей стране поставить памятник и возжечь у его основания огонь.

Стихи обычно сравнивают со стихами же. Это напоминает котенка, играющего с собственным хвостом. Мандельштам выводил генеалогию Ахматовой из большого русского психологического романа. Наблюдение тонкое и, что важнее, точное. Если поискать такого рода сравнение для его стихов[,] то первым приходит на ум Герцен. Ни у кого другого нет такой способности к сверкающим ассоциативным столкновениям, такого чувственно-весомо-грубо-зримого ощущения духовной культуры, такого живого, пульсирующего здоровой, разночинской кровью историзма.

(25, 13, 7) Если бы «Разговор о Данте» пришел к нам анонимным и мы не знали бы даты его написания, то исторический анализ текста привел бы его к датировке нашими нынешними годами: в нем много «модной» терминологии 60-х годов — *все эти «световые волны», «кванты» и пр.* И весь характер разговора — современный. *Будь он опубликован тогда, когда был написан, он бы не был понят. И это еще лучший случай того, что с ним*

могло случиться, произойти. Но если так, то значит сегодняшний, а не завтрашний. Но этого нам не дано знать. Поблагодарим поэта за то, что он с нами нынче, сейчас[.]

(11–12) Увлечение Мандельштамом среди поэтической молодежи сейчас очень велико. Это обещает хороший урожай, если не стихов, то умов, потому что лучшей школы я не представляю. Это урок поэзии, а не поэтической позы. Но чем объясняется это тяготение к нему? Конечно[,] отчасти и тем, что он жертва Сталина, что он до сих пор не переиздан и является полузапретным плодом. Но дело все же[,] конечно[,] не в этом. Наш век — век разоблачения дуализма. Единство внешнего и внутреннего, духовность материи и материальность мысли, век абстракций[,] рождающих тепло и свет, век формул[,] читаемых как стихи[,] и стиховых конструкций, ставших формулами невнятного и таинственного душевного мира. Мудрено ли, что поэзия Мандельштама, уравнивавшая догадку о сложном психологическом движении и итог огромного исторического опыта («он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет»), говорящая об исторических массивах времени, как говорят о семье соседа («бездетная Византия» в «Разговоре о Данте» — два слова, которые стоят тома исследования!), поэзия[,] сочетавшая простоту бытовой обиходности с высотой морального или философского суждения, поэзия[,] до предела насыщенная содержанием и совершенно лишенная общих мест — слабость всякого подражательного или инерц[ионного] стихотворчества, — поэзия[,] уравнивавшая в правах мелодику русской стиховой музыки, не нуждающаяся в формальных украшениях и щегольстве кажущейся новизной, способная говорить о проблемах XX века на языке Боратынского и Батюшкова (ведь с какой то исторической точки, которая впереди нас[,] начала XIX и XX веков — такие же соседи, как XII и XIII века[,] с нашего пригорка), — эта пленительная поэзия, полная музыки и мысли, искусившись которой не захочется вернуться к романсам и одам, — она прижилась в середине нашего XX века, как потерянная и найденная дочь, а не как падчерица. Это не поэзия ума, но это умная поэзия. После наводнения всякими приближительностями поэзия эта сделала своим правилом точность мысли, а точность всегда кратка, а стало быть и емка, не нуждается

в околичностях и ненавязчиво-свободна, она — спасительный отдых от утомительной пустоты, напряженной бессодержательности всего мнимо-поэтического.

(15, 26) В дни ташкентского землетрясения появился рассказ об японских рыбаках, которые за несколько дней или часов — не помню — предчувствовали катастрофу и начинали метаться в аквариумах. Настоящий поэт — тоже японская рыбка. Невозможно правильно понять «Четвертую прозу» Мандельштама, объясняя ее биографическими фактами[,] связанными с обработкой перевода «Тидля Уленшпигеля» и фельетоном Заславского. Реакция настолько громче события[,] его вызвавшего, что тут все кажется преувеличенным, чересчур чувствительным. У кого из литераторов не случалось подобного: в плагиате обвиняли и Тургенева и Толстого. Но если соотнести накал и пафос обобщений «Четвертой прозы» со всей дальнейшей судьбой поэта, то она не покажется ни чересмерной, ни преувеличенной. Задолго до землетрясения поэт его предчувствовал и предрек. И не только «Четвертая проза» такова. Тема изгнания, бездомности, обреченности появилась в стихах Мандельштама гораздо раньше, чем это все с ним случилось. Можно сказать, что все происшедшее с ним он сам накликал. Но что такое «накликать» на языке философии и истории? Когда еще в сороковых годах мне впервые попался более-менее полный список стихотворений Мандельштама тридцатых годов без дат написания и я стал произвольно проставлять возможные даты, учитывая известные мне очертания биографии поэта, то помню, например, что стихотворение «Мы с тобой на кухне посидим» я отнес к 1937 году, а написано оно было, как оказалось, в 1930 или 1931 году. И здесь то же самое — стихи забегают за факты биографии. Это не свойство одного Мандельштама, а присуще всякой истинной поэзии, но для Мандельштама оно характерно в особенной степени, потому что он был больше поэт, чем кто-либо другой. Впрочем, в «Гамлете» Пастернака, написанном в 1945 году[,] т. е. за 12 лет до скандала с Нобелевской премией[,] тоже содержится подобное роковое пророчество. Причинная связь в судьбе поэта находится в более сложном отношении к прошлому и будущему, чем в обычной жизни. Предвещание должного совершиться

предваряет биографический факт как таковой. Это предощущение и рождает стихи, забегающие вперед случившегося. Поэт живет вслед за своими стихами — его настоящая жизнь в них и через них. Подлинный поэт пишет стихи о 1-ом мая в ноябре и стихи о своем памятнике за полвека до того, как этот памятник поставлен. У Лермонтова есть выражение «пророческая тоска», т. е. тоска предвиденья, предчувствия, предощущенья, обгоняющих реальную жизнь поэта, как свет обгоняет время в современной философской утопистике. Поэт — тот фольклорный дурень, который «пляшет на похоронах и плачет на свадьбе» (из записи в сухумском дневнике Мандельштама).

(29) А если, освободясь от гипноза страстной, умной, горькой диалектики книги Н.Я., от поразительной правды общей картины времени, нарисованной ей, попробовать независимо от ее точки зрения взвесить только **факты** судьбы Мандельштама до его последнего ареста, то неожиданно выясняется, что, пожалуй, никто из беспартийных писателей, не бывших «деятелями», не имел таких многочисленных контактов с членами правительства, людьми власти. Долгое и неплатоническое покровительство Бухарина. Персональная пенсия еще в молодые годы. Помощь Енукидзе, Кирова, Гусева, Ломинадзе, Молотова. Их толчки в издательских делах, в устройстве командировок, пребывания в высокопоставленных санаториях. Квартиру он получил среди первых в среде писателей: до этого жил во флигеле Дома Герцена, где жили и Фадеев, Тренев, Павленко. Пастернак получил отдельную квартиру позже. У него был договор на собрание сочинений, за которое он успел получить 60 %. Первый приговор был мягчайшим, учтя содеянное. В конфликте с Горнфельдом был виноват скорее всего он сам. Откуда же это постоянно ощущение отщепенства и травли?¹⁴

(27, 9) К рассказам современников о поэте... Его называли безвольным, но то, что в нем казалось нерешительностью или вялой уклончивостью, было некоей военной хитростью, тем маневром, которым полководец расчетливо, экономя свои войска, сосредотачи-

¹⁴ В большем объеме эта запись — в дневнике, 9 авг. 1971.

вает в главном участке фронт[а] основные силы. Когда он сочинял стихи, он был решительным и точным: тут не было места отступлению перед сомнениями. Он выбирал нужное слово, рифму точно и властно, а для этого надо куда больше воли, чем для всех тех пустяков, которые заполняют остаток суток, когда не пишутся стихи[,] которые почему-то называют настоящей жизнью. И только в той, не настоящей, остаточной жизни он считался ленивым чудачком, бесхарактерным и лукавым. Он знал, как о нем все думают[,] и оставался к этому равнодушным: ведь он-то понимал, что все ошибаются...

(34) И у Мандельштама [,] и у Пастернака можно увидеть попытки найти формулу принятия действительности: они были искренни, так как положение «отщепенца в народной среде» их[,] конечно[,] не привлекало, но неудачны, потому что это могло быть достигнуто только ценой отказа от себя, от своего внутреннего мира: цена за внутреннюю гармонию была для них слишком высока.

(27) Попытка Мандельштама в 1937-м году написать «Оду» и написание Пастернаком «Доктора Живаго» — эти два таких противоположных творческих финала двух жизней — оба противостоят жизненной установке обоих поэтов. Тот, кто все время искал примирения — взбунтовался: другой, непримиримый — попытался капитулировать. Но уже было слишком поздно. Все было поздно. Не поздно было только умереть.

(27) Поэтическое развитие Мандельштама необычно: точнее — оно противоположно обычному. Чаще всего поэт начинает с личностных стихов от имени повышенно звучащего «я»[,] и обычно это «я» бывает противопоставлено миру. Потом «я» делается все меньше и меньше — то ли «мир» превратился в его «я», то ли «я» стало «миром». Иное у Мандельштама — наиболее личностной, индивидуальной, субъективной его поэзия стала при ее последней и ярчайшей вспышке ... — в «Воронежских тетрадах». Это последний акт трагедии, названный «Смерть поэта». Но смерть ли это? «Смертию смерть поправ» — эта строка из гимна воскресенья здесь более уместна. И в самом деле — смерть поэта это и есть его бессмертие.

(16) Из разговора с Н.Я. Мандельштам (декабрь 1960 г. Таруса)

Я: — Н.Я., вот я очень люблю одно из тончайших лирических стихотворений Мандельштама «Сестры нежность и тяжесть[,] одинаковы ваши приметы». Я хотел бы, чтобы Вы рассказали мне об их биографическом контексте...

Н.Я.: — Очень просто. Ося уехал от меня из Крыма и где-то таскался по бабам...

(32, 17) — Я готов ко всему... — сказал И.Г. Э[ренбург] Надежде Яковлевне, прощаясь с ней в передней в феврале 1953 года (в дни «дела врачей»). *А я в эти дни, изгнанный подполковником Мелькиным из «театра», принимал на лагпункте «Пикет 37» вещевую каптерку. Помню хорошо эти дни. В воздухе была разлита тяжесть предчувствий. Но все повернулось неожиданно...*

(17) Б.Л. П[астернак] сказал Н.Я. о мандельштамовских стихах о Сталине, к которым сразу отнесся враждебно: — Как он мог написать это — ведь он еврей... Н.Я. предложила Б.Л. прослушать их во второй раз, но Б.Л. решительно отказался.

(17) И.Г. Э[ренбург] советовал Надежде Яковлевне, когда она добивалась реабилитации Мандельштама, отрицать авторство этих стихов и объяснить признание самого М-ма нажимом следователя. Мол, и не такое признавали... Характерный совет.

[Сюда же логично отнести и следующий поясняющий фрагмент:¹⁵] Любопытный разговор с Н.Я.М. Начался он с воспоминаний о молодом Эренбурге. Васю Чекрыгина¹⁶ тошнило от поверхностной журналистской природы Эренбурга, а Илья не мог вынести этого углубленного в себя, странного и действительно духовного «головастика: он ему не импонировал, как в чем-то и Ося». «В Эренбурге сидел все-таки еврейский дурачек,

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 30: Гладков. Планы, наброски, записки к историческому автобиографическому роману, 1960–1970-е годы.

¹⁶ Василий Николаевич Чекрыгин (1897–1922), живописец, график, один из основателей и наиболее ярких художников «Маковца»; ушел добровольцем на фронт Первой мировой войны; в возрасте двадцати пяти лет трагически погиб, попав под поезд.

которому втайне нравились “победители” или тупая рослая порода вроде Алексея Толстого. Я это поняла позже, читая мемуары Э-га и думая о том, почему ему нужно, чтобы Мандельштам был маленького роста, хилым и чудаковатым “головастиком”. По словам Н.Я.[.] «напряженно духовная интеллектуальная порода людей вроде Чекрыгина и Осипа чем-то отпугивала Эренбурга. Для него это было гетто, мыслители-раввины, слабость[.] отказ от победы и племени “победителей”, к которому он тянулся». Эренбург[.] по ее словам[.] чувствовал время[.] «потому что впереди нас поджидало почти полстолетия этих самых “победителей” и немецких и русских. Он никогда не пони[м]ал, что эти молодцы самые отъявленные трусы. Они покрываются розовым потом и храбрятся только в присутствии начальства и под его прямым покровительством. Это им нужно сильное государство, чтобы под его сенью без риска проявлять мужественность». Я оппонирую, хотя она во многом права. (Февраль 1965 г. Таруса.)

[Из письма Н.Я. — А.Г. 25 фев. 1964:] Вы не совсем понимаете то, что произошло с О. М.

Это был не обычный случай[.] и до конкретных стихов его аккуратно всеми силами (писательскими) толкали к такому концу. Это можно кратко выразить такой формулой: «Подумаешь: стихи ничего не стоят, а он позволяет себе жить не так, как мы...» Кроме того, О. М.[.] может[.] и шел на гибель для того, чтобы поучились получше обращаться и с людьми просто, и с поэтами.¹⁷

(28) С. Бонди, величайший знаток творческого процесса у Пушкина, в своей замечательной книге «Черновики Пушкина» пишет, что у Пушкина сочинение все было связано с писанием, с бумагой, т. е. что он сочинял преимущественно с пером в руке. Отсюда такое большое число помарок. Письменный человек был и Пастернак: он тоже сочинял, записывая. Маяковский в «Как делать стихи» и Мандельштам (судя по свидетельству вдовы поэта)[.] наоборот, сочиняли в ходьбе, в голове, и записывали уже почти готовое, а Мандельштам даже часто и не сам записывал, а диктовал

¹⁷ РГАЛИ. Фонд Гладкова 2590. Оп. 1. Ед. хр. № 298: пп. от Н.Я. Мандельштам — А.К. Гладкову, л. 21–21 об.

Надежде Яковлевне. Судя по стихам Цветаевой о ее рабочем столе, она тоже была «письменным человеком», хотя[,] казалось бы[,] стих ее ближе к импровизационной манере Маяковского. Какие из этого следует сделать выводы? Можно над этим подумать, но ясно, что это не мо[же]т быть выводом о преимуществе одного метода над другим. Это очень субъективно. С одной стороны[,] Пушкин и Пастернак, с другой — Маяковский и Мандельштам... но все-таки, вероятно, какая-то закономерность здесь (психологическая) есть. Узнать об этом важнее, чем сосчитать все шипящие в стихах Пушкина или синтаксические фигуры у Пастернака, но гораздо труднее. Догадавшись об этом, мы будем больше знать о самих поэтах. Но к этой догадке так называемая «наука» приблизить вряд ли сможет, или[,] вернее[,] сможет та часть научного творческого процесса, которая связана с интуицией.

(18) В разговоре [АКГ с Н.Я.] 4 ноября 65 г.[:] записано 14 ноября[:]

Н.Я.М. о Пастернаке: ...долго считал себя неудачником, никак не определявшимся в жизни — ни музыка, ни наука. Не было уверенности и в стихах. Внутренне завидовал ловким, речистым, стеснялся своей мямлящей и захлебывающей, многословной речи, пока не научился тому, что ее можно играть и что в ней есть обаяние: — но все равно не любил походить на себя в этом у сына Жени. Огромное долго неутоляемое тщеславие, которое ум и хорошее воспитание сумели искусно прятать и которое вырвалось только в самые последние годы. Сложный счет с Маяковским и борьба за самостоятельность от него, так много определившая в жизни.

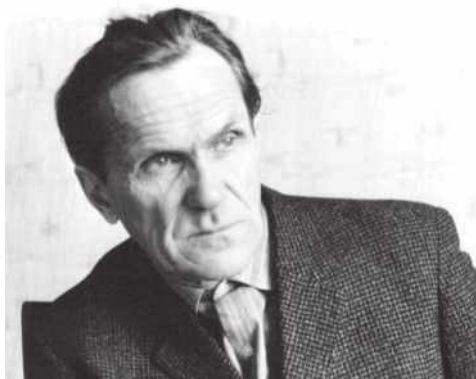
Если здесь и есть преувеличение, то есть и доля правды. Н.Я. относится к нему со скрыто скрываемым недружелюбием, которое все же сквозит. Его происхождение понятно: не может быть никакого счета с процветавшими в те тяжелые времена людьми, но трудно забыть встреч[и] приезжавшей из Воронежа нищей и загравленной Н.Я. от больного опального О.Э. с его гениальными стихами в благополучную (так казалось) квартиру Б.Л. Он щедро, слишком щедро хвалил стихи и иногда давал какие-то деньги. Накапливалось что-то темное, подогреваемое бестактностью

З.Н. [,] и даже блестящий ум Н.Я. не может тут ничего изменить. Конечно[,] травля в дни Нобелевской премии очистила многое, но не все, и снова это начало усиливаться от сравнительно быстрой и легкой посмертной реабилитации Б.Л. и сравнения с ней трудностей посмертной литературной судьбы Мандельштама. Подаренное ею мне письмо к сыну Б.Л. Жене, написанное сразу после смерти Пастернака¹⁸ — благородная попытка быть справедливой над гробом, но где-то внутри надолго этого не хватило. Можно ли ее за это упрекать? Источники ее сложного отношения к Б.Л. так понятны и человечны, что, если разбираться до конца, в нем многое делает ей честь: есть нечто и выше справедливости — в конце концов[,] это та же верность О.Э. А любовь и верность выше справедливости...

(34) Форма этой статьи — монтаж отрывочных кусков с анализом и комментарием с отрывками из дневников старых лет и позднейших записей. Фрагментарность как композиционный принцип. Но, разумеется, все должно быть выстроено точно и расчетливо. Принцип фрагментарности позволит только обойтись без мостков и излишних коммуникаций, без связывающего матерьяла.¹⁹

¹⁸ Письмо Н.Я. Мандельштам сыну Б.Л. Пастернака — Е.Б. Пастернаку от 3 июня 1960 г., подаренное А.К. Гладкову, с такой его собственной подписью: «Получил от Н.Я. в декабре 1961 г. в Тарусе» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 501, 2 об.).

¹⁹ Это последний отрывок машинописи.

Илл. 13–14. Варлам Шаламов и Гладков

Глава V

ОДЕРЖИМЫЙ ПРАВДОЙ — В. ШАЛОМОВ ПО ДНЕВНИКУ ГЛАДКОВА

Вот, по-видимому, первое свидетельство знакомства АКГ с Варламом Тихоновичем Шаламовым (ниже сокращенно — В.Т. или Ш.):

3 нояб. 1961. <...> захожу в «Новый мир». Там знакомство с поэтом Д. Самойловым. <...> Еще знакомлюсь с поэтом Шаламовым. Он был на Колыме много лет, хорошо знает Валю Португалова. К нему хорошо относился Пастернак. Его книжку выпустили не так давно в 2000 экземпляров[,] и она сразу же исчезла.¹ <...> ##

Здесь АКГ узнает Ш. пока только как автора стихов, о его прозе ему ничего еще не известно. Затем В.Т. появится в его дневнике только через три года, в связи с выходом следующей книги:

¹ Имеется в виду первая книжка стихов Шаламова «Огниво» (1961).

14 марта 1964. <...> # Книжка стихов Шаламова «Шелест листьев» — чистый тон, естественность, но... ждал много и[,] м. б.[,] большего. Впрочем, редактора... ##

Как видим, знакомству с новой публикацией сопутствует некоторое разочарование. И только еще через год автор дневника начнет знакомиться, очевидно через самиздат, с самыми главными, как он их оценит, текстами Ш.:

3 апр. 1965. <...> Прочитал 5 рассказов В. Шаламова из его колымского цикла: «Заговор юристов», «Сгущенное молоко», «Заклинатель змей», «Одиночный замер» и «Посылка» (в рукописи). Всего листа два. Кажется, это далеко не вс[ё] из написанного в этом роде автором. Очень хорошо! ##

Помимо этой краткой, но экспрессивной констатации, на следующий день автор дневника не поскупится и на достаточно развернутый комментарий, приведя свою оценку прочитанного. Для его дневника характерны такие возвращения к наиболее значимым событиям в жизни, с их осмыслением:

4 апр. 1965. <...> # О рассказах Шаламова. Мне читать их интереснее, чем все другое о лагерях, не исключая и «Ивана Денисовича». Они не имеют претензии на «художественность»[,] и это-то и делает их при уме и таланте автора, подлинного поэта, по-настоящему художественными. Читал их с волнением: в этих местах пробыл 8 лет брат Лёва. Упоминается и «Спорный»,² где он пробыл лет шесть. Страшная правда о репрессиях, непосильном труде, голоде и цинге, об издевательствах «друзей народа» — блатных, о мелком бесчеловечном гоноре начальства, о самочинных расстрелах, о новых провокационных делах и о всем прочем... # Как это важно,

² Лагерь «Спорный» упоминается, в частности, в «Заговоре юристов», где повествование построено от лица «юриста» по фамилии Андреев: *Вот здесь в эту ночь на «Спорном» я отморозил наново все десять пальцев ног, безуспешно пытаюсь заснуть хоть на минуту.* Ср. фото на <http://photo-kolymy.ucoz.ru/search/?q=%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9>; также «поселок Спорная получил название вследствие того, что там долго спорили, как его назвать. Были названия и неэстетичные, Сопливый, например, или сопка Дунькин пуп» (<http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=2629>).

что выжили, нашлись люди, пишущие об этом. # Я был в лагерях гораздо более легких, хотя и мне было нелегко: но при разветвленной кровеносной системе внутри и меж лагерных этапов, при долгом сидении на Лубянке с «повторниками» я если не всё, то многое знал из этого. Но одно дело знать, другое — читать об этом черным по белому. # Кажется, это только часть «колымской прозы» Шаламова³. Много говорят также о мемуарах Гинзбург,⁴ матери Василия Аксенова. Но я еще их не читал.⁵ # Какую бы высоту набрала наша литература, если бы печаталось **всё**⁶ (разумеется, правдивое и талантливое), а не только то, что окрашено слащавым

³ Очевидно, в перепечатках на машинке еще не было названия «Колымские рассказы», во всяком случае как будто ни в одном из рассказов их общее название или название сборника не упоминалось, хотя шаламовское наименование «циклы», как видим, АКГ уже знакомо (ср. выше в зап. 3 апр. 1965 г.).

⁴ Евгения Семеновна (Соломоновна) Гинзбург (1904–1977), по мужу Аксенова, — журналистка: будучи репрессирована в 1937 г., провела 10 лет в тюрьмах и колымских лагерях и 8 лет в «бессрочной» ссылке; автор мемуаров «Крутой маршрут» (1967, вторая часть в 1975–1977).

⁵ Рукопись ее книги будет позднее восторженно встречена также и АКГ. Ср. запись от 15 апр. 1965 г., где он подводит итог выдающихся событий за последнее время:

...пожалуй, самое главное — чтение рук. Евг. Гинзбург (матери Вас. Аксенова) «Крутой маршрут» — воспоминания о 37-м годе, тюрьме и лагере. Это превосходно, умно, точно, честно. Еще одна из больших книг той «второй литературы», которая существует еще пока в рукописном виде.

Но совсем иное мнение об этом тексте — примерно в то же самое время, на месяц позже, — выскажет, как мы знаем, Ш. (в письме А.И. от 29 мая 1965 г.): «Недавно мне пришлось познакомиться с мемуаром “Крутой подъем” [оговорка: на самом деле “Крутой маршрут”] и встретиться с его автором, некой Гинзбург. <...> Со стороны чисто литературной — это не писательская вещь. Это — журналистская скоропись, претенциозная мазня» (<http://www.shalamov.ru/library/24/21.html#t34>). Мы сталкиваемся с крайне раздраженной реакцией, неким шаламовским «заскоком». Правда потом, познакомившись более тесно с Е.С. Гинзбург, он, кажется, изменит свое мнение о ней, но о ее тексте — все-таки нет. А вот АКГ в оценке ее текста коренным образом расходится с Ш.

⁶ В рукописи это слово выделено разрядкой.

идиллизмом. Не знаю, знаком ли был Шаламов с братом? С Португаловым они встречались там на Колыме,⁷ Валька рассказывал об этом. ##

Заметим здесь: автор признает В.Т. «подлинным поэтом», а при этом основное, что его привлекает в текстах Ш., — это именно отсутствие претензий на художественность (!) хотя, как мы знаем, с самооценкой Ш. это впечатление совершенно не совпадает (он-то считал себя сторонником новой эстетики, или «новой прозы», как он это назовет). АКГ готов противопоставить суровую правду о лагерях тому, что уже выражено так или иначе другими, в частности даже Солженицыным, — но выражено как бы в *излишне* художественной, т. е., с точки зрения АКГ, все-таки сглаженной, не совсем адекватной, форме.

Оценки сравнительной ценности прозы и стихов Ш. — у АКГ и у Солженицына (ниже сокращ. — как А.И.) оказываются друг другу диаметрально противоположны. Как и последний, сам Ш., в отличие от АКГ, выше ценил свои стихи, а не прозу: «Стихи Шаламова всегда мне нравились больше, чем проза его. (Как и ему самому.)⁸»

В следующий раз, месяц спустя, 14 мая 1966 г., автор дневника становится свидетелем выступления Ш. на вечере памяти О. Мандельштама на мехмате МГУ; упоминание об этом кратко (известно описание и более подробное).⁹

⁷ Португалов был арестован в конце апреля, брат Gladкова Лев — через два с половиной месяца, 16 июля. Ср. запись в дневнике АКГ от 6 мая 1937 г.:

Лёва [Лев Gladков] взволнован — на днях арестован Валя Португалов, его близкий товарищ, мой хороший знакомый: неудачливый актер, начинающий поэт, ученик Багрицкого. Причины ареста, конечно, неизвестны: вероятно — какой-нибудь треп.

⁸ Солженицын А. С Варламом Шаламовым [отдельные воспоминания, написанные в 1986 г., с добавлениями в 1995 г. и 1998 г.; напечатаны:] // Новый мир. 1999. № 4. С. 163–169 — http://www.solzhenicyn.ru/modules/myarticles/article_storyid_274.html

⁹ Подробнее о выступлении В.Т. на вечере Мандельштама в МГУ — в записи «неустановленного» лица (согласно <http://shalamov.ru/memory/118/>).

Еще раз разговор о Ш. возникнет у АКГ в том же году осенью, с Надеждой Мандельштам. Очевидно, в самиздате к тому времени появляются новые рассказы Ш., которых АКГ еще не видел — помимо тех пяти, прочитанных им и понравившихся ему в апреле.¹⁰ Как бы в предвкушении будущего удовольствия, он замечает о том, за что ценит *самиздат* (при этом не называя его так):

7 сент. 1965. <...> # Н.Я. в последний раз очень хвалила новые рассказы Шаламова. Это вообще ее последнее увлечение. Конечно, так называемая, «вторая литература», т. е. вещи, бродящие по рукам в машинописном виде и не печатаемые редакциями, ярче и сильнее. ##

Можно заметить, что АКГ находится под влиянием Н.Я. в вопросе выбора чтения (они познакомились пять лет назад, в 1960-м, и с тех пор весьма тесно общаются между собой — и лично, и по переписке).

Обращают на себя внимание некоторые совпадения в описании Ш. у АКГ и в этой записи:

бледный, с горящими глазами, напоминает протопопа Аввакума, движения некоординированные, руки все время ходят отдельно от человека, говорит прекрасно, свободно, на последнем пределе, — вот-вот сорвется и упадет...

На самом деле авторы этой записи установлены (Евгением Голубовским). Это «Генриетта Савельевна Адлер, жена писателя Сергея Бондарина, одессита по рождению и юности. Рукописный текст расшифровал краевед, хранитель одесской истории и культуры, друг С.А. Бондарина и Г.С. Адлер Сергей Викторович Калмыков» («Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах». Кн. 44. Всемирный клуб одесситов / Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. Одесса: Издат. организация «ПЛАСКЕ», АО, 2011» — http://odessitclub.org/publications/almanac/alm_44/alm_44_255-261.pdf).

¹⁰ Возражение Дмитрия Нича: «в письме Шаламову от 2 сент. 1965 Н. Мандельштам дает очень высокую оценку всему (<http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/75.htm>), по моему мнению, уже подготовленному Шаламовым для издания за границей сборнику “Колымские рассказы”, который она в письме называет “книгой” (обоснование этого — <http://ru-prichal-ada.livejournal.com/268207.html>)».

Через 10 дней произойдет случайная встреча АКГ с В.Т. на улице, во время которой Ш. пригласит нового знакомого к себе в гости; и еще через два дня в его квартире на Хорошевке состоится их первый серьезный разговор, один на один, с отчетом об этом, который будет занесен в дневник АКГ (сперва предварительно):

16 сент. 1965. Был в городе. Редакция «Новый мир». # <...> #
Встреча на остановке такси с Шаламовым. Он зовет к себе. #

И через два дня:

18 сент. 1965. <...> # Сегодня снова в городе: у Шаламова и в ЦДЛ на гражданской панихиде по С. Злобину.¹¹ От Шаламова огромное впечатление. Глухота, дергающиеся движения, нечто вроде внешнего юродства, и сложный быстрый ум, вкус, тонкость. Убежденность, как у протопопы Аввакума. Говорим о Колыме. Его история в целом. Его проза и позиции. О вымирании классического романа. О «документальности» новой прозы. Его жены, писательницы Ольги Неклюдовой, нет. Мещанская квартира на Хорошевском шоссе, рядом с квартирой Штока. Он пишет в школьных тетрадях карандашом. Взял у него папку «Колымских рассказов»¹². <...>

Тогда же чуть не произошла и еще одна встреча, у Н.Я., но — так и не состоялась:

22 сент. 1965. <...> # Н.Я. сегодня звала к себе: у нее будет Шаламов. Мог бы успеть до поезда, но вряд ли поеду. <...>

Итак, за 1961 и 1964 гг. — по одному упоминанию, а за 1965-й — целых семь, два из которых весьма содержательны. И главное: АКГ, наконец, знакомится с прозой Ш.

В начале весны следующего года в форме отчета задним числом упоминается их встреча, в конце февраля, в большой компании, опять в доме той же Н.Я. Но здесь для АКГ наиболее важно было отноше-

¹¹ Злобин Степан Павлович (1903–1965), писатель, автор известных исторических романов.

¹² Здесь у АКГ в первый раз появляется название «Колымские рассказы» — по отношению к их «папке». Возможно, речь идет о сборнике, прочитанном Н.Я., который уже был, как считает Д. Нич, оформлен в окончательной редакции.

ние к его собственной рукописи, пущенной незадолго до этого «по рукам» знакомых, — т. е. отклики присутствующих на его «Встречи с Пастернаком», им он уделяет преимущественное внимание:

4 марта 1966. # Вчера вечером дневным поездом приехал из Москвы¹³ <...> # <...> 26-го [февр.] почти целый день у Надежды Яковлевны. <...> # <...> Прочитал <...> несколько рассказов <...> из портфеля «Нового мира», <...> одну рукопись В.Ш. (о процессе) и последние слова С[инявского] и Д[аниэля] (уже бродящие по Москве в машинописи). <...>. # У Н.Я. я пробыл целый день и обедал. Она очень хвалит «Встречи с П.». — Да, это он, — говорит она. Она хорошо знала его много лет[,] и это свидетельство ценно. Еще прочли рукопись Шаламов (ему понравилась только первая половина) и Дорош,¹⁴ которому, кажется, понравилось. Вечером у Н.Я. появился Шаламов, потом Наталья Ивановна [Столярова], Пинский и Майя Синявская, жена героя процесса.¹⁵ <...> # Общее отношение в Москве к нему [процессу] резко отрицательное даже у тех, кто[,] как я, не одобряет «двойной игры». Общество выросло[,] и осуждение за инакомыслие начинает казаться чудовищным. В этом огромный разрыв между интеллигенцией и руководством, которому чудовищным, вероятно, кажется право на инакомыслие. Боюсь, что суровость приговора еще усилит этот разрыв. <...>

Какого-то содержательного общения между АКГ и В.Т., за исключением *половинчато*-одобрительного отзыва Ш. на мемуары о Пастернаке, на вечере у Н.Я., как будто не происходит.

Заметим, что у самого Гладкова явно отрицательное отношение к осуждению Синявского и Даниэля — он уверен, что такая же должна быть позиция большинства интеллигенции, по сути

¹³ В это время АКГ живет у своей неофициальной жены Эммы Поповой, в Ленинграде.

¹⁴ Дорош Ефим Яковлевич (1908–1972), писатель, автор очерков о деревенской жизни.

¹⁵ Мария Васильевна Розанова-Синявская, жена А.Д. Синявского. Учившийся с ней вместе на филологическом ф-те в МГУ Игорь Голомшток сообщает, что свое имя *Майя* она потом поменяла на *Мария*. Он же описывает и ее манеру поведения с мужчинами: *при первом знакомстве ударять собеседника, так сказать, мордой об стол и наблюдать, как он на это прореагирует* (Воспоминания старого пессимиста // Знамя. 2011. № 2. С. 154).

оправдательная для них. Однако «двойной игры» он не одобряет. Следует разобраться, что имеется в виду под выражением «двойная игра». Хорошее определение было предложено Е.Ц. Чуковской (все дальнейшие высказывания остальных участников обсуждения в этой мини-дискуссии, проведенной мной осенью 2013 г., привожу по электронной переписке):

Под двойной игрой я понимаю службу в советских учреждениях, печатанье в советских журналах — и одновременно отправка своих произведений на Запад. Причем в этих произведениях высказываются взгляды, противоположные тем, которые присутствуют в советских изданиях.

Пожалуй, здесь перед нами наиболее широкое определение термина «двойная игра». А вот как его дополнила, заострив, А.А. Раскина:

Шаламова и некоторых других людей стала раздражать вся эта действительно противоречивая ситуация, когда для многих диссидентов самое главное было сообщить в «Хронику [текущих событий]» или иностранным корреспондентам о каком-либо преследовании, нарушении закона властями и т. п., а как это отзовется на людях, упомянутых в «Хронике» или по западному радио, — это их не волновало. И для них главное иногда было не помочь людям в беде, а сделать эту беду гласной. # Поэтому Ш. и сказал о диссидентах: *Они затолкают меня в яму и будут писать петиции в ООН.*¹⁶

Наверно, не надо говорить о том, что в наиболее радикальные времена, в 1937–1938 гг., сравнительно «мягкое» выражение *двойная игра* было бы скорее всего заменено на более определенно обвинительное — *двурушничество*. В свою очередь, Наталия Дмитриевна Солженицына в обсуждении роли Ш. со всей определенностью заявляет:

...например, к А.И. [Солженицыну] никак нельзя отнести термин «двойная игра», ибо он никогда не печатал за границей чего-

¹⁶ Но это последнее высказывание Ш. — уже по записи И.П. Сиротинской, сделанной значительно позднее, без точной даты, скорее всего, после 1970 г.

либо противоречащего его публикациям и выступлениям на родине; по-моему, и к Сахарову нельзя отнести «двойную игру»; к Синявскому и Даниэлю — можно. Но А.И. их не осуждал, у него в «Теленке», в главе «Подранок» — *«Как когда-то Пастернак отправкой своего романа в Италию, так теперь Синявский и Даниэль за своё писательское душевное двоение беспокойным принятием расплаты, — открывали пути литературы и закрывали пути её врагов. У мракобесов становилось простора меньше, у литературы — больше».*

Но главное там — авторство «Письма старому другу» и совершенно беспочвенные предположения в адрес Александра Гинзбурга, что он мог «редактировать» текст или не выполнить какие-то условия. <...>¹⁷

Интересно было бы разобраться, как эти, по-видимому, уже тогда ощутимые, но сформулированные все-таки позднее «мировоззренческие» возражения по отношению к диссидентскому движению Шаламов смог преодолеть, вполне сознательно и, очевидно, по собственной воле приняв участие в «Белой книге» А. Гинзбурга на стороне Синявского и Даниэля, — но через некоторое время, когда та же, по сути дела, «двойная игра», т. е. печатание здесь и там, в СССР и за границей (хотя, как настаивает Н.Д. Солженицына, с попыткой в обоих случаях отстоять свое единое мнение), стала приносить реальные плоды — по крайней мере, в деятельности Сахарова и Солженицына, — почему-то от нее устранился? И более того: даже заклеил ее сторонников уничижительным в его употреблении выражением *прогрессивное человечество!* Что подтолкнуло его к этому?

Сравним здесь, с одной стороны, утверждение Ш. времен 1966 г. в «Письме старому другу»:

Как можно обвинять писателя в том, что он хочет печататься? # И если для этого нужны псевдонимы, пусть будет псевдоним, в этом нет ничего зазорного. Какой же путь к печатанию? # Нет, Даниэль и Синявский не двурушники, а борцы за свободу творчества, за свободу слова. Обвинение их в двурушничестве есть двурушничество самой чистой воды, худший вид двурушничества. Никто не имеет права называть двурушником человека, который сидит в тюрьме.

¹⁷ В письме по эл. почте от 1 нояб. 2013 г.

А с другой стороны, его же более позднее — печально известное письмо в Литгазету (1972), с «ударной» его концовкой:

Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся!

С.В. Шумихин (опять же в переписке с публикатором) склонен был объяснять всю ситуацию вокруг последнего письма Ш. в «ЛГ» следующим образом:

...тут свою роль еще сыграла досада, что «Колымские рассказы» не принесли ни лавров, ни денег (тогда они прошли на Западе почти незамеченными), а одни неприятности, вынудившие писать письмо в Литературку. Шаламов заявлял когда-то: *Если слава придет ко мне без денег, я выгоню ее за дверь!*¹⁸ А слава пришла только после голодной смерти в психинтернате, деньги же достались совсем другим людям. Того воя, который поднялся среди московской диссидентуры после его письма, Шаламов не ожидал, он вообще плохо ориентировался в окололитературной диссидентской тусовке — отсюда раздражение, не изжитое до последних дней.

Нечто подобное этому объяснению, подкрепляющее его, прозвучало и в выступлении С.Ю. Неклюдова на Шаламовской конференции в 2011 г.:

По моему мнению, он [Ш.] был одиноким по своей природе, так сказать, конституционально. Я не раз наблюдал, как у него — и всегда по его инициативе — рвались отношения с окружающими. Он страстно увлекался людьми и столь же быстро разочаровывался в них. <...> Я уже сказал о его одиночестве, индивидуализме, что ли. Он был человек очень не групповой, не командный, отдельный, сам по себе. С этой точки зрения любое рядоположение с кем бы то ни было, в том числе с теми, кого потом назовут диссидентами, у него вызывало некое отторжение. Он не хотел быть вместе, он хотел быть один. Наконец, он был человек совершенно не декларатив-

¹⁸ Но и это, опять-таки, только уже согласно более позднему свидетельству Сиротинской — «Новый мир». 1999. № 9 — <http://shalamov.ru/memory/37/1.html>

ный, не склонный как-то риторически формулировать свою позицию (<http://shalamov.ru/memory/192/>).

Здесь же надо вспомнить — совсем не в порядке выискивания противоречий, а скорее для иллюстрации естественной антиноmicности всякого нагруженного смыслом высказывания — такое из «максималистских» утверждений Шаламова: «...уж ежели имеешь претензию быть пророком, денег брать нельзя, они связывают твою свободу и посягают на твои слова».¹⁹

Приведу и вот такое, еще более «человечное», в смысле аргументов *ad hominem*, объяснение ситуации — Е.Ц. Чуковской:

...почему Шаламов позже плохо отнесся к Сахарову и Солженицыну, это непростой вопрос. Думаю, тут играла роль его болезнь, обстоятельства его жизни, рискну даже сказать подсознательная зависть к громкой известности обоих персонажей. Одним словом, обоснования этой неприязни может дать он, а не я. То, что я читала в его выступлениях на этот счет, меня не убеждает в его правоте. Он устал бороться, болен и хочет дожить без потрясений. А Солженицын и Сахаров каждый день своей жизни «вызывали огонь на себя».

Но вот в книге В.В. Есипова — мнение категорически иное, он пытается найти конкретных виновных:

Есть основания полагать, что сразу после появления письма в самиздате, а затем за границей КГБ заинтересовался выяснением его авторства. <...> можно предполагать, что условие анонимности было на определенном этапе нарушено и кто-то просто «проболтался» об авторе. Разумеется, невозможно обвинять в этом А. Гинзбурга, непосредственно занимавшегося освещением дела Синявского — Даниэля, а затем издавшего «Белую книгу» по этому делу, куда впервые вошло «Письмо старому другу». Но утечка информации об авторе на каком-то этапе произошла <...>.²⁰

¹⁹ Сиротинская Ирина. Мой друг Варлам Шаламов (<https://profilib.net/chtenie/66332/irina-sirotinskaya-moy-drug-varlam-shalamov-15.php>).

²⁰ Есипов В.В. Варлам Шаламов. М., 2012. С. 279 (Серия ЖЗЛ). (Правда, с примечанием к этому месту: *На следствии и на суде А. Гинзбург категорически заявлял, что «не знает» его автора.*)

Какая же могла быть «утечка»? То, что автора этого письма КГБ все-таки вычислил? Вот еще уточнение, которое вносит Д.И. Зубарев:

...в январе 1968 г. текст «Письма старому другу» был признан судом «антисоветским», что категорически отрицал подсудимый А. Гинзбург, отказавшись назвать и имя автора «письма».

Что же, значит, А. Гинзбург на суде и перед лицом следователей отказался назвать автора, а кто-то другой все же не устоял?

В.В. Есипов конечно же не может согласиться с предшествующими утверждениями — ни покойной Чуковской, ни Солженицыной, поскольку, по-видимому, уверен, что разочарование Ш. в совместной борьбе с диссидентами против советского режима могло произойти только сразу же после опубликования «Письма...» в составе «Белой книги»: Ш. был оскорблен несанкционированным «использованием» его текста — именно тем, что в результате оно привело к его «подставлению» под удар КГБ. (Пожалуй, вероятность такой реакции подкрепляется и приведенными выше свидетельствами С.Ю. Неклюдова о принципиально «негрупповом» устройстве психики В.Т.) Во всяком случае, будущий биограф В.Т. должен еще установить реальные причины его поступка.

Но вернемся к хронике событий в дневнике Гладкова. Пятью днями позднее записи с осуждением *двойной игры* в его дневнике снова упомянут Ш. — в связи со сравнением его текстов почему-то с книгой Б. Дьякова, которую, несмотря на ее очевидную одиозность, АКГ все-таки хвалит:²¹

²¹ Борис Александрович Дьяков (1902–1992), партийный работник и журналист, автор «Повести о пережитом», быстро появившейся в журнале «Октябрь» после «Одного дня Ивана Денисовича» (№ 11. 1962) — первые главы в «Звезде» (№ 3. 1963), расширенное издание в «Октябре» (№ 7. 1964).

Об этом тексте: «Основная мысль этих записок — фальшивейшая: даже и в тех условиях настоящие коммунисты понимали, что репрессии не меняют сути нашей жизни и правильности нашей политики, и сохраняли исторический оптимизм» (Кондратович А. И. Новомирский дневник (1967–1970). М.: Собрание, 1991. С. 282).

По свидетельству Дмитрия Нича: «Я сам видел несколько страниц ксерокопии “Архипелага ГУЛАГ” с антисолженицынскими пометками Дьякова —

11 марта 1966. <...> Если отделить слащавые риторические пассажи, то в чисто описательной части — все правда. И немного странно, что книга вышла сейчас, когда, как все считают, дан отбой в разоблачении культа Сталина. <...> Перечитывал ее с волнением, все время останавливаясь и вспоминая свою лагерную эпопею. Конечно, Шаламов пишет лучше, глубже, острее, правдивее, но и это пригодится. ##

Так что здесь перед нами? Просто всеядность увлекающегося читателя, каким оказывается АКГ, или беспристрастность автора мемуаров и дневника? На самом деле уж он-то знал цену писаниям Дьякова, поскольку ранее уже высказывался о них:

19 июля 1964: <...> Правда фактов, обстановки и неправда психологии рассказчика и его друзей. Она слащава, условна. Нет, даже честные, хорошие, искренние коммунисты держались не так.

Затем, 19 апр. 1966 г., перечисляя 30 фамилий тех, кто высоко оценил его воспоминания о Пастернаке, АКГ назовет среди них и Ш. (грешный человек, как все мы, он равнодушен к чужим откликам на собственные произведения): хотя тот, как мы помним, одобрительно отозвался только о первой их части (!). Интересно было бы узнать, что же он сказал о второй, но восстановить это, скорее всего, невозможно. (В архивах ни Шаламова, ни Пастернака как будто так и не удалось найти машинописные листы «Доктора Живаго» с критическими пометами Ш. (посланные им Пастернаку). Впрочем, и здесь, т. е. в оценке романа, мнение Ш., на мой взгляд, могло совпадать с оценкой текста у АКГ.)

Позднее, через месяц, 26 мая — снова глухое упоминание постфактум об их новой встрече у Н.Я., но опять без изложения сути происходивших там разговоров. Однако через несколько дней, 29 мая, между ними возникает гораздо более содержательное общение, рассказ о котором будет зафиксирован в дневнике через день после события:

ксерокопировано было персонально для него как объект критики». Е.Ц. Чуковская добавляет к этому: ксерокопия была наверняка с Лубянки, он ведь один из немногих доносчиков, которых Лубянка сдала в начале перестройки, один из немногих разоблаченных в печати в эти годы стукачей.

Но, как видим, АКГ совсем не воспринимал этот текст тогда так критически.

31 мая 1966. <...> у Н.Я. <...>. # Рассказы Шаламова о том, как он сидел в 29–32 гг.[.] и о Колыме и о судьбе героев его рассказов. Спор о Солженицыне, к которому Ш. относится скептически и совсем не принимает «Ивана Денисовича», как неверную картину лагеря. Из присутствующих его поддерживаю один я, хотя и с оговорками. Нападает он и на «Новый мир». # При всех его крайностях, это замечательный человек. Талантлив, умен, любопытен, бездну знает всего и как никто — историю лагерей... #

Интересно, что в мае 1966-го, оказывается, у Ш. уже сложилось критическое мнение об А.И. как писателе: к нему он *относится скептически* и, в частности, *не принимает* «Одного дня...». Но ни того, ни другого как будто он не высказывал самому Солженицыну: до тех пор их переписка свидетельствовала о прямо-таки обратном. Ср. вначале восторженное письмо В.Т. с подробнейшим — и, надо признать, очень точным! — разбором «Одного дня...» в ноябре 1962 г. Ведь сам А.И. назовет его письмо *пылким* и *отчасти нежным*; а кроме того было еще 14 (!) посланий от Ш. — к А.И., вплоть до уже более спокойно-сдержанного отклика на роман «В круге первом» (это последнее письмо в подборке, без точной даты, но, видимо, отправленное не ранее конца 1966 г.): «Роман этот — важное и яркое свидетельство времени, убедительное обвинение» (<http://www.shalamov.ru/library/24/21.html#t41>).

Интересно также, что при всех сложностях очевидно изменившегося теперь, после мая 1966 г., мнения В.Т. об «Одном дне...» и разногласиях его в отношении к общепринятому взгляду на это произведение с кругами оппозиционной к режиму интеллигенции — АКГ все-таки поддерживает В.Т. в критике этого произведения (только хотелось бы узнать, каковы были его *оговорки* и в чем состояли тогдашние упреки Ш. «Новому миру», хотя это, к сожалению, по-видимому, невосстановимо).

Через несколько дней АКГ встречается с Эренбургом, надеясь услышать уже от него отзыв о рассказах Ш., но не получает ответа:

3 июня 1966. # Вчера целый день в городе <...> # [у Эренбурга] # Аксенова [Евг. Гинзбург] написала еще три главы своих мемуаров. И.Г. их читал и очень хвалит. Шаламова он не читал. #

Зато жена Эренбурга, Любовь Михайловна (Л.М.), знает о текстах Ш. и отзывается о них во вполне характерном для своего круга ключе (отклики самого Эренбурга нам неизвестны, но, думаю, его мнение было солидарным):

7 июня 1966. <...> # В последний раз у Эренбургов <...> Л.М. считает рассказы Шаламова слишком «страшными». И.Г. их еще не читал и лучшими в этом жанре находит мемуары Аксеновой, которая продолжает их писать, переехала в Москву и пр.

Через два дня в дневник заносится краткое упоминание:

9 июня 1966. <...> Сейчас по рукам ходит бездна рукописей и особенно много рассказов Шаламова. <...>

И — через два месяца, уже в начале августа:

<...> # В «Лит. газете» письмо в редакцию Твардовского, стихи Шаламова <...>

В конце августа АКГ сравнивает вновь прочитанный текст с шаламовским, т. е. тот для него становится неким эталоном всей «лагерной» литературы:

27 авг. 1966. <...> # Прочитал очерки и рассказы Олега Волкова о лагерях. Интересно, но Шаламов лучше. #

И еще раз, 1 сент. имя Ш. возникает как предмет разговора АКГ с Н.Я., как бы среди прочего. В том же сентябре, наконец, происходит, по-видимому, наиболее тесное непосредственное общение автора с Ш. — уже в течение нескольких дней, из которого появится в дневнике ценнейший отзыв о прозе В.Т. и заметки о его манере письма в целом:

6 сент. 1966. <...> # Вчера едем в город. <...> Потом у Н.Я. <...>. # Шаламов продолжает писать рассказы: только что написал и принес Н.Я. 8 штук. Бранил пьесу Пановой в «Нов. мире»²²,

²² Видимо, речь идет о пьесе В. Пановой «Сколько лет, сколько зим» (Новый мир. 1966. № 7).

снисходительно хвалил (с упреком за отсутствие прямизны?) Домбровского.²³ <...> #

7 сент. 1966. <...> # С утра в городе. Три часа у Шаламова. Разговор о многом. В нем есть односторонность и своего рода фанатизм, но человек он крупно талантливый и интересный. Кто-то говорит, что память это свойство таланта: у него удивительная память. Взял у него читать еще кучу рассказов и переписку с Пастернаком.²⁴ #

8 сент. 1966. # Полночи читал рассказы Шаламова (некоторые уже вторично)²⁵. Есть вещи отличные, есть небрежно-беглые. Он пишет их в школьных тетрадях в линейку с одной стороны листа (на другой вносит поправки). Сходимся в том, что профессиональная школа перечеркиваний и помарок, возведенная в абсолют Фединыным и даже Флобером и Толстым, в большинстве случаев обескровливает рукопись (как это было с Бабелем). Писатель должен неустанно работать над собой, а писать быстро, легко и почти импровизационно. Это высказываю я, а Ш. сказал, что это и его мысли и техника работы.²⁶ Он получает 70 руб. пенсии «за стаж» и изредка (но очень редко) какой-нибудь гонорар и этим удовлетворен.

²³ Не совсем понятно, о каком произведении речь: повесть Юрия Домбровского «Хранитель древностей» была опубликована два года назад (Новый мир. 1964. № 7–8). Ее Ш. называл «лучшей повестью о 1937 годе» (<http://shalamov.ru/library/24/29.html>). А роман «Факультет ненужных вещей», начатый автором в 1964 г., был закончен только в 1975-м, и отзывы Ш. о нем неизвестны.

²⁴ Вероятно, имеется в виду перепечатка писем Пастернака Шаламову. (Первое издание писем — Борис Пастернак. Переписка. М., 1990. С. 526–565; ответные письма Шаламова, по черновикам, изданы в собрании его сочинений. Т. 6. С. 7–77.)

²⁵ Видимо, Ш. дает АКГ весь сборник «Колымских рассказов» в новой редакции, с новой расстановкой и добавлениями.

Возражение Д. Нича: «Нет, к сентябрю 1966 г. Шаламовым и Пинским составлены уже по меньшей мере три сборника — “КР”, “Артист лопаты” и “Левый берег”, причем с добавлениями рассказов из будущего “Воскрешения лиственницы”. Новой редакции сборника “Колымские рассказы” быть не могло, она окончательна — самое позднее уже к весне 1965-го».

²⁶ Интересно, что эту, позднее ставшую чуть ли не уникально-шаламовской, мысль АКГ считал тогда одновременно и своей! Выдает ли он желаемое за действительное? Или и в самом деле он мог — параллельно и независимо от Ш. — прийти к сходным представлениям?

Жалуются только, что не хватает денег на машинистку. Написано уже около полтораста рассказов²⁷ о Колыме — это целая энциклопедия жизни, быта, истории этого самого огромного советского лагеря. У него цепкая память и интерес ко многому, что выходит из границ темы. Говорим с ним и о «Синей блузе»[.],²⁸ и он верно указывает о незамеченном исследователями Брехта ее влияни<ии> на драматурга. Рассказы о молодежи вокруг ЛЕФа в конце 20-х годов: он ходил туда. Лихая, анекдотная, циническая атмосфера салона Бриков и его стиль, оттолкнувший его С. Третьяков и его взгляды.²⁹ Он отрицательно относится к «Ивану Денисовичу», хотя

Вот, кстати, еще один источник для сравнения: соавтор В.Т. по композиции циклов «Колымских рассказов» Леонид Пинский чуть ранее этой встречи Ш. с АКГ в миниатюре «Недоумки, межеумки» записывает в свой дневник следующие наблюдения (в июне 1963):

Маяковский — крупнейший поэт хамского сознания в литературе (...) # (...) Другой очень близкий вариант этого «недоумочного сознания» — это Горький как теоретик искусства: надо учиться у мастеров прошлого писательскому ремеслу: Стендаль и Флобер за-а-мечательные мастера романа. Взять у них, значит, их технику и создать социалистический роман. (...) # На этом стояла русская земля целые десятилетия — и вот плоды: Хеопсовы пирамиды, высотные здания псевдолирики, псевдоромана, псевдодрамы и прочего «псевдоклассицизма». # Отрицание искусства прошлого — и «использование» его [«критическое освоение наследия»], Маяковский нигилизм и горький «культ» (второй взял верх над первым!) — два родных брата, две стороны медали («задняя» и лицевая) с изображением недоумка. # Что до меня, то я предпочитаю хамский зад. Он адекватнее передает лицо. ## (Пинский Л.Е. Минимы. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2007. С. 294, 295).

²⁷ На самом деле — около ста двадцати (уточнение Д. Нича). Заметим, что четырьмя годами ранее, в приписке к письму А.И., их было «сто»:

Я написал тысячу стихотворений, сто рассказов, с трудом опубликовал за шесть лет один сборник стихов-калек, (...).

²⁸ «Синяя блуза» — советский театр малых форм, вид агитационной эстрады, отражающей самые различные темы, от общеполитических и международных до мелочей быта, новое революционное массовое искусство. Существовал с начала 1920-х до 1933 г. Инициатор — С. Южанин.

²⁹ О Бrike Осипе Максимовиче (1888–1945), драматурге, теоретике Левого фронта искусств (ЛЕФа), и Третьякове Сергее Михайловиче (1892–1939),

признает «полезность»: считает это «неполной правдой» и вообще не жалуется Солженицына.³⁰ ##

Здесь мы видим, я бы сказал, некий уникальный у АКГ прямо-таки трехдневный «запой» и прозой Ш., и личным общением с ним. Вновь повторяется тема неприятия А.И. Через несколько дней в дневник заносится отзыв о стихах Ш., но он уже окрашивается охлаждением (автор дневника остается последователен в оценках его поэзии):

17 сент. 1966. <...> # Просмотрел гору шаламовских стихов: несколько «Колымских тетрадей». Это очень слабее его прозы. Во-первых, всё приблизительно-условно-поэтично, очень иносказательно и очень несвежо. Есть[,] конечно[,] и сильные стихи — он большой талант, но уж очень всё лирично и нежно. Т. е. прямо противоположно его же прозе. #

Однако и далее интерес к Ш. у АКГ не утрачен. Вновь и вновь следуют сравнения с ним чьих-то самиздатских книг:

19 сент. 1966. <...> # Перечитываю (кажется, в третий раз, если не в четвертый) рукопись Над. Яковл. Это замечательно при всей односторонности и субъективизме. # Когда-то я сокрушенно думал, что

писателе, одном из теоретиков ЛЕФа, — в воспоминаниях Ш. «Двадцатые годы» — <http://shalamov.ru/library/30/#n4>

³⁰ Солженицын об отрицательном отношении Ш. к «Одному дню...» тогда не знал. Ему впервые это стало известно только после публикации «Записных книжек» Ш. — И. Сиротинской в «Знамени» (1995. № 6). Хотя насчет «неполной правды» — мог знать уже из письма Шаламова к нему в ноябре 1962 г.: «Это лагерь легкий, не совсем настоящий». И вот после их встречи в авг. 1964 г. он почувствовал «стену отчуждения или неполного родства» и понял это как раздражение на успех «Ивана Денисовича» (Солженицын А. С Варламом Шаламовым). Уточнение Н.Д. Солженицыной: АИ поразило не «отрицательное отношение», а — «изменение отношения» Ш. в сравнении с тем, что было выражено Ш. в его письме к автору в ноябре 1962 г.: «Я две ночи не спал — читал повесть, перечитывал, вспоминал... Повесть — как стихи — в ней всё совершенно, всё целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что я думаю, что «Новый мир» с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал».

наша эпоха не оставит великих мемуаров. Оказалось, что оставит. Ведь и гигантский цикл рассказов Шаламова — тоже мемуары. ##

Характерно, что проза Ш. и воспоминания Н.Я. для АКГ — нечто единое, родственное друг другу, так же как ранее мемуары Е. Гинзбург (и, что уж совсем странно, — даже книга пресловутого Б. Дьякова). Он свободно объединяет все эти — несоединимые для самого Ш. эстетические противоположности: принципиальной новизны «новой прозы» он как будто не хочет видеть, она для него не важна.³¹

Упоминания В.Т., а также следы их довольно активного общения видны в дневнике за этот год до самого конца — 1, 9 и 28 окт.

В иных случаях уже АКГ приходится отстаивать собственное мнение о текстах Ш.:

8 дек. 1966. <...> Разговоры и с Д.Я. [Даром³²]. Он прочитал рассказы Шаламова[,] и ему не нрав<и>тся. «Как-то всё голо. Нет обобщений». Удивительно, до чего у нас при взаимной симпатии разные литературные вкусы... #

27 дек. 1966. <...> # Споры о статье Шарова³³ в № 10 «Нов. мира». Дар безоговорочно за нее. Я не согласен с маниловской защитой рецидивистов и с полемикой с Шаламовым. Л.Я. [Гинзбург] на моей стороне и Рид Грачев³⁴ тоже.

Итак, 1966 г. по количеству встреч АКГ с Шаламовым (5) и отзывов в дневнике с содержательной оценкой его произведений (4) оказывается прямо-таки рекордным: вообще всех упоминаний, включая сравнения с его текстами чьих-то чужих, в дневнике — 22!

³¹ Ср.: Михеев М. О «новой прозе» Варлама Шаламова // Вопросы литературы. М., 2011. № 4. С.183–214 (а также на сайте: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/mm9.html#top>).

³² Давид Яковлевич Дар (Рывкин, 1910–1980), русский писатель. Муж В.Ф. Пановой.

³³ Прозаик и новомирский публицист по вопросам педагогики — Александр Шаров (Шер Израилевич Нюрнберг, 1909–1984), писатель-фантаст и детский писатель, с 1954 по 1957 г. регулярно публиковался в разделе «Дневник писателя» журнала «Новый мир».

³⁴ Рид Иосифович Грачев (настоящая фамилия Вите, 1935–2004), писатель, переводчик, эссеист.

Ср. с упоминаниями Солженицына за этот же год у АКГ: их почти вдвое меньше.

Да и в следующем, 1967 г. общение с Ш. (в том числе втроем, с Н.Я.) остается в дневнике почти на том же уровне интенсивности — 17 упоминаний, два из которых представляются наиболее содержательными, а к А.И. как писателю начинают накапливаться уже и со стороны АКГ критические оценки:

19 фев. 1967. [в Комарове] # Вчера письма от Левы и Шаламова. <...> # Шаламов пишет: «у меня просто руки опускаются, когда видишь, что все наиболее выстраданное, наиболее проверенное подвергается сомнению из-за того, что люди просто не хотят подумать серьезно о многом, начиная с фармакологии букиниста и кончая блатным миром.³⁵ Никто не хочет знать, что все гораздо серьезней, страшнее»... Это в связи с маниловскими рассуждениями Шарова о том, что он де неверно описывает мир рецидива, который не столь плох. # <...> Сегодня в «Известиях» полемические заметки Грибачева о той же статье Шарова[,] и, увы, убедительные...³⁶ #

16 марта 1967. <...> Читаю 2-ю часть «Ракового корпуса». Нервно и плоховато там, где про любовь, но к концу лучше. Солженицын — автор одной мысли[,] и там, где он идет вдоль нее, — он силен и убедителен, но помимо этого — часто беспомощен. # <...>

29 апреля 1967. # Прочитал целую кипу рассказов Шаламова. Нет, мне нравится его манера. Встречаются повторения, но это неизбежно и их немного. Есть сильнее, есть слабее, но в целом это выразительно, умно, точно. Это как чудовищная фреска, внутренняя форма которой зависит не от сюжета, а от размера стены, на которой она написана, а стена эта колоссальна. # И я совершенно согласен с ним, где его точка зрения оспаривается, как, на-

³⁵ Тут имеются в виду, очевидно, рассказы Шаламова «Букинист» и «Очерки преступного мира».

³⁶ Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992), советский писатель и общественный деятель, автор статьи в «Известиях» с критикой Александра Шарова. (Как пишет Владимир Шаров о своем отце, Александре Шарове, он «напечатал статью в “Новом мире” против Грибачева. После нее появился подвал в “Известиях”, и во все издательства, где он издавался, пошла бумага из КГБ — не печатать» — <http://ilya-verhovsky.livejournal.com/143323.html>)

пример, в вопросе о рецидиве.³⁷ Так и я увидел этот отвратительный мир, так и я рассказывал о нем, еще не читав Шаламовских рассказов. #

Весьма интересны, на мой взгляд, точки несовпадения, или несогласия, АКГ с В.Т., уже заявленные в его дневнике ранее. Ведь как и для многих сторонников «традиционной» прозы, для АКГ в повторах — явный недостаток рассказов. Он никак не может смириться и признать их достоинством, каким-то специальным приемом «новой прозы», как ни хотел бы, может быть, считать сам В.Т. (Высказывал ли АКГ это открыто автору, и если да, то как реагировал на это сам Ш.?)

Вместе с тем у последней записи как будто еще и какая-то «оправдательная» интонация: автор дневника — сам перед собой или перед каким-то авторитетным лицом — объясняет, за что все-таки ему нравятся рассказы Ш., спорит с воображаемым оппонентом.³⁸

И вот АКГ с Ш. встречаются вновь:

15 мая 1967. # Вчера был в городе: взял билет на поезд и отвез Шаламову его рукописи. Сидел у него часа три. Подарил ему сборник, который он, просмотрев бегло, очень хвалит.³⁹ #

Через несколько дней происходит как бы параллельное событие, свидетели которого выступают друг для друга некими «несообщающимися сосудами»:

20 мая 1967. <...> # С.⁴⁰ мне показал в америк[анской] газете объявление о выходе № 85 «Нового журнала» (Нью-Йоркского), где на первом месте стоят «Колымские рассказы» Шаламова. Он [сам Ш.] или не знает об этом, или не захотел мне рассказать.⁴¹ #

³⁷ Это снова вопрос об уголовниках в лагере.

³⁸ Такими авторитетами для него могли быть в то время, например, Н.Я. или же Л.Я. Гинзбург. Ср. запись разговора с последней от 2 июля 1965 г.

³⁹ Не совсем ясно, что имеется в виду, но скорее всего сборник «Встречи с Мейерхольдом» (М., 1967) со статьей АКГ «Мастер работает».

⁴⁰ Возможно, буквой «С» обозначен Н.П. Смирнов, знакомый АКГ и специалист по «тамиздату».

⁴¹ Скорее всего, сам Ш. просто еще не знал об этом.

И вновь следует в дневнике АКГ сравнение судьбы Ш., теперь уже — с судьбой своего брата:

22 мая 1967. [при уборке на чердаке своей дачи, в Загорянке, АКГ] ...открыл дёвин [брата, Льва Гладкова] чемоданчик и зачитался его и мамиными письмами периода после моего ареста и перед его смертельной болезнью и во время нее. <...> Господи, какая мера горя, незаслуженного, непоправимого. И это только две судьбы — две из миллионов! И еще находятся люди, рассуждающие о прощении Сталину во имя некоей исторической объективности. # Не потому ли меня так и тянет к Шаламову, что он какая-то вариация (наисчастливейшая) судьбы Левы. У них есть общее, но Ш. огненнее, или просто везучее. #

Что характерно: сопоставляя Ш. с погибшим братом, АКГ называет участь первого — *наисчастливейшей!* В 1967-м, только на закате «оттепели», очевидно еще никак нельзя было предвидеть, насколько тяжело отзовется на авторе «Колымских рассказов» история так и не состоявшейся на родине публикации его основного текста, всего через каких-то пять лет!

Далее следуют несколько глухих упоминаний в дневнике (31 мая, 5, 11, 25 июня и 3 июля) и одна, уже третья за год, их встреча:

10 июня 1967. <...> # Не записал еще вчера про встречу с Шаламовым с его бывшей (и настоящей[,] м. б.?) женой О.С. Неклюдовой на Аэропортовской днем. У него обвязана голова[,] и она провожала его в поликлинику: он упал и разбил голову. Но он веселый — в руках у него связка книг: первых авторских экземпляров новой книги стихов «Судьба и дорога». ⁴² Тут же надписывает мне. Неклюдова раздражена на него, шипит все время[,] и мне неловко. До сих пор я ее ни разу не встречал. ⁴³ #

Как известно, где-то в конце 1968 г. между Н.Я. и В.Т. происходит разрыв, но пока, в 1967-м, АКГ никаких признаков этого

⁴² Правильно — «Дорога и судьба» (1967).

⁴³ Ольга Сергеевна Неклюдова писала в те годы по преимуществу о подростках и юношах, издавалась мало, и вряд ли Гладков ценил ее прозу. Но, так или иначе, годами жизни на Хорошевке Шаламов обязан именно ей (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

не видит и не фиксирует.⁴⁴ Наоборот, он отмечает сходство и даже солидарность их обоих — в критической оценке нового романа Солженицына (в отличие от него самого, АКГ, кому этот роман как раз исключительно нравится):

17 июля 1967. <...> # Все думаю о «Круге первом». # Это много выше мелких вещей Солженицына, особенно тех, что пронизаны искусственным русофильством, словечками от Даля и пр. Он писатель глубокого дыхания: атлет, способный поднимать большие тяжести. Как романист он сильнее, чем новеллист. И это — настоящий крупный писатель, которого ждали и который пришел... # <...> Если не считать рассказов Шаламова, некоторых мемуаров и кое-каких стихов, то[,] разумеется[,] ничего подобного «Кругу первому» в литературе еще не было на тему о лагерной трагедии русского народа. # Это сильнее «Ивана Денисовича» и «Матренина двора». То было обещанием, а это уже большое свершение. # И меня удивляет, что Н.Я. и В.Т. (кажется) так холодно отнеслись к этой вещи. ##

АКГ как летописцу свойственно подведение итогов в дневнике — и по части политических событий года, и по части увиденного или прочитанного. Тут он добавляет в общую подборку текстов, наиболее ярких свидетельств о ГУЛАГе, еще и роман А.И. — и в этом его расхождение с эстетикой Ш., безусловно, достигает максимума, однако выражения в дневнике их разногласия, к сожалению, не находят. Более того, произошедшее уже к лету 1965 г., как считает Дмитрий Нич, «коренное изменение отношения» к А.И., который теперь внушал Ш. (напомню: контрастно — после

⁴⁴ По замечанию Дмитрия Нича, в 1967 г. АКГ и не мог этого зафиксировать — в это время отношения Ш. и Н.Я. безоблачны, а потом — с декабря 67-го до сентября 1969 г. — он с Ш. не встречался.

О «черной кошке», пробежавшей между В.Т. и Н.Я., есть разные версии, сводящиеся, в основном, к тому, что Н.Я. вроде бы слишком хорошо отзывалась о прозе Солженицына («Август 1914» она прочла позже, летом 1970 или 1971 г.), что вызвало понятную ревность В.Т.; однако инициатива «разрыва» действительно исходила от Ш.; Н.Я. говорила: «Варлам отлучил меня от ложа и стола» (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

прежнего восхищения («Одним днем...») только *презрение*,⁴⁵ — тогда еще никак не фиксировано дневником А.И. Может быть, внешнего проявления его тогда и не было?

И даже когда А.И. узнает о болезненной реакции Ш. на А.И., он долгое время будет находиться под сильным впечатлением от «В круге первом», настойчиво возвращаясь к восхищенным оценкам романа, на время утрачивая интерес даже к собственной работе:

25 июля 1967. <...> # По-прежнему не работается. Это влияние чтения «Круга первого». Рядом с этим все делаемое и задуманное кажется игрушками. ##

30 июля 1967. <...> # Читаю вторично «В первом круге», уже менее торопясь и более внимательно. Впечатление еще большее. Получил рукопись в другом месте, чем в первый раз. Уже одно это доказывает, что роман «пошел по рукам». #

31 июля 1967. <...> # Дочитываю «В круге первом» (вторично и более внимательно). Можно сказать, что вся вторая половина июля прошла у меня под знаком этой замечательной книги. # Она была написана между 1955 и 1963 гг., т. е. писалась 8 лет. Я узнал о ее существовании, кажется, от Н.Я., еще когда она жила у Шкловских, т. е. вскоре после ее окончания. # <...>

Между тем осенью того же года встречи с Ш., у той же Н.Я., возобновляются:

31 окт. 1967. <...> # В городе был <...> у Н.Я. Мандельштам, которой сегодня 68 лет. <...>. # Шаламову несколько месяцев назад вернули рукопись рассказов о воровском мире с обвинениями его в негуманном отношении к людям, из изд-ва «Советский писатель». Рец-ю писал Ю. Лаптев.⁴⁶ Он [В.Т.] туманно слышал, что его

⁴⁵ Из дневниковых записей лета 1965-го (репер — гибель кошки Шаламова Мухи): «Мир Солженицына — это мир подсчетов, расчетов». «Первый человек — оставил по себе мое презрение, тогда как второй — восхищение и бесконечную преданность. А.И. и Н.Я.» (<http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/38.htm>).

⁴⁶ «Рецензия Ю. Лаптева “О рукописи В.Шаламова «Очерки преступного мира»” — датирована 22 мая 1967 года. Лаптев обильно цитирует рас-

рассказы вышли на англ. языке. За рубежом есть хорошие рецензии на его стихи: одна написана Г. Адамовичем.⁴⁷

Итак, в 1967 г. — 5 личных встреч, но число содержательных разговоров становится меньше. Уже наметилось расхождение? Однако лишь в 1968-м интенсивность личного общения и просто число обращений к текстам В.Т. в дневнике АКГ заметно сокращается: личных встреч вообще нет и всего лишь 2 упоминания, последнее из которых — рассуждение по поводу возможности напечатания текстов Ш. за рубежом (о передаче «Колымских рассказов» за границу АКГ как будто ничего не известно):

1 фев. 1968. <...> # Во вчерашней «Лит. газете» рецензия Олега Михайлова на книгу стихов В. Шаламова. Она давно уже лежала в редакции и ее не печатали, так как Шаламова стали издавать за границей и хвалить там же. И если ее напечатали, стало быть, это что-то значит, какой-то тактический ход... ##⁴⁸

сказы Шаламова, хотя в заглавии заявлено, что рецензируются «Очерки...», признавая, что многие из них, в том числе «Теркулес», «Сука Тамара», произвели на него гнетущее впечатление. Общая направленность обозреваемых произведений кажется рецензенту ущербной» (*Некрасова И.* Судьба и творчество Варлаама Шаламова. Гл. 1 — <http://shalamov.ru/research/158/2.html>).

⁴⁷ *Адамович Г.* Стихи автора «Колымских рассказов» // Русская мысль (в конце августа). 1967 (<http://shalamov.ru/critique/193/>). Но ни о каких других рецензиях далее у АКГ не сообщается.

Кроме этого до конца года будут еще два упоминания Ш. в дневнике АКГ: 4 нояб. и 7 дек.

⁴⁸ Интерпретация Д. Нича: «“Тактический ход” — это интрига против Твардовского и “Нового мира”, в ходе которой подборки стихов Шаламова будут отмечены в июле рецензентом ЛГ Ст. Лесневским как лучшие стихи полугодия». См., например, письмо Шаламова Гродзенскому от 16 июля 1968 г. (<http://www.booksite.ru/fulltext/new/boo/ksh/ala/mov/63.htm>). Любопытно, что в этой «шахматной партии» против Твардовского и НМ настроения Шаламова и молодых поэтов журнала «Юность», вроде Чухонцева, сомкнулись с интересами таких агентов гестапо, как Полевой и Чаковский. Шаламов был успешно мобилизован партийными интриганами против перворазрядного «прогрессивного человечества», та же история, что с «письмом в ЛГ». Здесь объяснение и следующей записи в дневнике

12 июля 1968. Целый день моросил мелкий дождь. Сильный южный ветер. # В последней «Лит. газете» хвалят стихи Шаламова. Не может быть, чтобы Чаковский⁴⁹ не знал, что рассказы о Колыме недавно печатал «Новый журнал», что они изданы в ФРГ по-немецки (а у нас не изданы), что Шаламов написал целую энциклопедию о Колыме в страшные ее годы, но, оказывается, это не имеет значения и его можно прославлять. Он не подписывал никаких писем. Да. Но его личное письмо к Шолохову стоит многого.⁵⁰ Но скандала, связанного с его именем, не было. И о нем пишут.

За кулисами этого года, осенью 1968 г., остается уход Ш. от Н.Я. В своем дневнике АКГ всегда старался отслеживать значимые литературные события. Кроме того, он считал и Ш., и Н.Я. своими друзьями. И все же от его внимания этот разрыв ускользает.

Почти так же редки оказываются упоминания Шаламова и в 1969-м — всего лишь 4 раза, правда, в один из них происходит их личная встреча. И вот только тут, на вечере у Н.Я., АКГ узнает — очевидно, от самой хозяйки? — что с Ш. они больше не встречаются:

28 мая 1969. Третьего дня рано утром приехала Эмма. <...> # В ЦДЛ роскошно обедаем, потом[,] купив фруктов и шеколада,⁵¹

Гладкова — Чаковский все прекрасно знал и знал, что делает: «Новый журнал» далеко и его не бывает, а реальный враг — «Новый мир».

⁴⁹ По замечанию Ю.Л. Фрейдина, Александр Борисович Чаковский был в ту пору главным редактором «Литературной газеты», которая, в отличие от «Литературы и жизни» или «Советской культуры», считалась «либеральным» изданием — там в 60-е гг. работали Окуджава, Сарнов, Рассадин, Непомнящий...

⁵⁰ Что тут имеется в виду под «письмом к Шолохову», не совсем понятно. Возможно, позиция, заявленная в дневнике Шаламова в связи с выступлением Шолохова на XXIII съезде КПСС 1 апр. 1966 г., где тот призвал к расправе над А. Синявским, Ю. Даниэлем и другими «оборотнями». Позднее Шаламов назовет главы романа «Они сражались за родину», публиковавшиеся в «Правде» (12–15 марта 1969), «художественной скороговоркой» (*Шаламов В. Новые главы Шолоховского романа. Рукопись в РГАЛИ. Ф. 2596. Оп. 3. Ед. хр. 202. Л. 1–31*). Этот его текст известен только как «Наброски отзыва» (<http://shalamov.ru/library/21/72.html>).

⁵¹ Прежняя норма написания допускала двоякое написание: шеколад, шоколад (Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М., 1935); у АКГ встречаем и в той, и в другой форме.

едем к Н.Я. Мандельштам. # Сначала сидим втроем, потом приходит некая искусствоведка Леля, которую я вижу у Н.Я. в первый раз.⁵² Между Н.Я. и Шаламовым пробежала черная кошка. Споры о Достоевском и Толстом. #

Так что же произошло между Ш. и Н.Я.? — Об этом, возможно, и самому АКГ так и не довелось достоверно узнать. (Или он уже как будто равнодушен к этому?) Виктория Швейцер, единственная свидетельница произошедшего — поскольку в тот момент, во время их «объяснения», осенью 1968 г., она с мужем как раз была у Н.Я. в гостях — до сих пор хранит на этот счет молчание (ее фраза из интервью, на вопрос журналиста о причинах разрыва: «Я не хочу об этом рассказывать. Между ними возникло принципиальное расхождение»)⁵³.

Осенью того же 1969 г. АКГ с Ш. снова случайно встречаются, на улице, и В.Т. подтверждает, что с Н.Я. его отношения прерваны (но подробное объяснение и тут отсутствует, он тоже не распространяется на эту тему):

12 сент. 1969. С утра в городе. <...> # Встреча у девиногового дома с Шаламовым. Заходим с ним к Лёве [Левицкому]. Он [В.Т.] хорошо выглядит, свежий цвет лица, сравнительно мало седины. Всё лето много работал: сделал сборник избранных стихов для Гослитиздата, написал к ним комментарий, написал много новой прозы, в том числе закончил всю «Колыму». Много читает, интересно и свежо судит обо всем. Его рассказы о разном. Все-таки удивительно интересный, самостоятельно мыслящий человек. С Н.Я. совсем не встречается. Говорит, что вечера у нее стали мешать его работе, но дело не в этом: между ними, как говорится, пробежала черная кошка. Его рассказ о соседе инженер-пьянице.⁵⁴ #

⁵² Елена Борисовна Мурина, искусствовед, жена скончавшегося Дмитрия Владимировича Сарабьянова; родные и близкие, действительно, называют ее *Лёлей*, дружила с Н.Я. до самой ее кончины, опубликовала интересные воспоминания о ней (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

⁵³ Сказано 10 июля 2011 г. в Доме-музее Марины Цветаевой на презентации книги *Николаев М., Швейцер В. Кто был ничем...* (Документальный роман). М.: Время, 2008 (<http://gladkeeh.livejournal.com/99018.html>).

⁵⁴ Скорее всего, имеется в виду сосед по квартире на Хорошевке, В.Н. Федюшкин.

Вскоре после этой встречи:

15 сент. 1969 <...> # Послал 2 бандероли в Ленинград и «Дело Чернышевского» Шаламову.⁵⁵ #

Вот и в следующем, 1970 г. упоминания редки и малосодержательны: их снова 4, и они как бы автоматичны, регистрируя проявления чего-то уже давно известного, достигнутого ранее, остановившегося для АКГ в своем развитии, не заслуживающего особого внимания: 3 и 19 янв. Но вот проявление интереса уже обратного, со стороны Ш., и его живой отклик на одно из произведений самого АКГ:

2 апр. <...> # Фильм «Хламида»⁵⁶ очень понравился В.Т. Шаламову, который успел его увидеть. Он приходил в «Новый мир» и рассказал об этом Леве [Левицкому]. #

В другой раз АКГ сравнивает с Ш. — уже Евгению Гинзбург, в связи с появлением в печати очередного ее текста. Очевидно, сравнение сделано на основании известного для АКГ ранее, по самиздату, текста «Крутого маршрута»:

23 июня 1970. <...> # В № 6 «Юности» напечатан рассказ Евгении Гинзбург.⁵⁷ Я его не прочитал еще, но тут важен сам факт появления ее фамилии в печати. У нее такое же положение, как у Шаламова. #

Итак, в течение трех лет, с 1968 по 1970 г., контакты АКГ и Ш. весьма редки, ограничиваясь по большей части обменом некими «светскими» приветствиями или поздравлениями друг друга с праздниками.

Но в 1971-м общение как будто оживает: 2 встречи на улице и общее число упоминаний — 10 (причем одно из них оказывается вполне содержательным). Хотя все же и теперь трудно назвать их

⁵⁵ Вероятно, речь идет о книге: Дело Чернышевского. Сб. документов / Подгот. текста, ввод. ст. и коммент. И.В. Пороха. Саратов: Приволж. книж. изд-во, 1968, 680 с. (пояснение С.А. Соловьева).

⁵⁶ О фильме «Невероятный Иегудиил Хламида», рассказывающем о «творческой юности» М. Горького, снятом по сценарию АКГ.

⁵⁷ Имеется в виду рассказ Евг. Гинзбург «Учительская кровь».

контакты столь же тесными и сердечными, как раньше, в наиболее благоприятные 1966–1967 гг.⁵⁸

В это самое время, продолжая общаться с Н.Я., АКГ фиксирует у нее сильную рассеянность, забывчивость, даже некие признаки склероза (но при этом сама она, надо сказать, проявляет трогательное участие к его, АКГ, семейной жизни):

26 янв. 1971. <...> # Днем поехал к Н.Я. М[андельштам]. Застал ее больной и лежащей в постели. Сердце. Ждет акций начальства, но храбрится.⁵⁹ Привез ей апельсинов и коробку шоколадного набора. Посидел часа два, увидел, что она устала[,] и ушел. В квартире хаос. Она беспрерывно курит, несмотря на запрет врачей. Всё тот же Беломор, что и всю жизнь. Всё бесконечно грустно — и она, и я, и разговор об Эмме,⁶⁰ и всё вокруг... # Н.Я. несколько раз задавала мне

⁵⁸ Как назовет АКГ Дмитрий Нич (в эл. письме автору), «он, в общем, — обычный фланер, в меру отзывчивый, в меру самовлюбленный»...

⁵⁹ Как известно, в конце 60-х гг. Н.Я. передала через знакомых рукопись еще не изданных на Западе «Воспоминаний» непосредственно Твардовскому. Он ответил ей очень комплиментарно, сокрушаясь, что в настоящий момент положение его журнала и его собственное не таково, чтобы он мог начать печатание «Воспоминаний» Н.Я. Ответ — на бланке «Нового мира», т. е. вполне официальный. По тем временам это — охранный грамота. «Воспоминания», отправленные за рубеж еще в начале 1965 г., были опубликованы в 1970 г. одновременно по-русски и в переводах (английском, французском, немецком...), вызвав много положительных откликов. Учтем, что к моменту переправки книги Даниэль и Синявский были арестованы, а на период ожидания пришелся и процесс над ними, и вторжение в Чехословакию. Так что и тревогу Н.Я., и сердечные приступы, и рассеянность вполне можно понять. Вспомним еще, что к концу 1970 г. Н.Я. завершила «Вторую книгу» (интересно, читал ли ее Гладков) и отправила ее за границу, не заручившись на сей раз «охранной грамотой» от Твардовского. Это был уже совсем отчаянный шаг. Книга вышла в 1972 г. Некоторые предполагают, что выход тонкой книжечки О.М. в Большой серии «Библиотеки поэта» в 1973 г., спустя 17 лет после принятия официального решения об ее издании и 7 лет после отпечатки гораздо более обширного и содержательного макета, был «нашим ответом Керзону» (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

⁶⁰ Со своей многолетней подругой (последних десятилетий жизни) актрисой Эммой Поповой АКГ в то время находится в «разъезде», при этом Н.Я., принимая активное участие в их судьбе, советовала им объединиться.

одни и те же вопросы, я отвечал, она спрашивала снова, забыв, что я ответил. Шаламов к ней не ходит с тех пор.⁶¹ #

6 марта 1971. <...> # <...> встретил на углу Никитского бульвара и Арбатской площади (вернее — на бывшем углу) В.Т. Шаламова. Прошлись по проспекту Калинина, зашли в книжный магазин. Он прилично одет. Продолжает писать о своей жизни. Написал о Вишере, собирается писать о Вологде первых лет революции, терроре М. Кедрова⁶² и пр. # <...> # Шаламову понравился фильм «Бег». #

И вновь АКГ возвращается мыслями к этой встрече:

9 марта 1971. <...> # Припоминаю разговор с Шаламовым. Он ненавидит Льва Толстого и как философа, и как человека, и как писателя. Сказал, что если бы у него нашлось время, он написал бы о нем работу, где показал бы его ничтожество. Мы разговаривали на ходу[,] и он не аргументировал даже бегло своего мнения. Это может показаться чудачеством, но В.Т. слишком серьезный и убежденный человек, чтобы так к этому отнестись. Сам он пишет прозу очень простую и неукрашенную, но преклоняется перед «Петербургом» Белого. #

Здесь многое совпадает с тем, что и по иным свидетельствам нам известно о Ш.: «ненависть» к Л. Толстому, курс на «неукрашенность» прозы, преклонение перед эстетикой А. Белого. Но всё это, скорее, уже черты более позднего, «угловато-парадоксального» Ш., намеренно рвущего контакты с людьми, общение с которыми прежде было наиболее интенсивным и плодотворным. Притом что самого АКГ не коснулось это насильственное отторжение (разрыва между ними не произошло до самой смерти АКГ в 1976 г.). И все же очень жаль, что внимательный, скептический, здравомыслящий наблюдатель, каким безусловно был АКГ, не удосужился подробнее вникнуть, расспросив Ш. — чтобы по-настоящему разобраться в причинах именно так складывающихся теперь его поэтических и эстетических предпочтений.

⁶¹ Но, по-видимому, все же не поэтому!

⁶² Шаламов В. Четвертая Вологда. Гл. XII (<http://shalamov.ru/library/20/10.html>).

А ведь именно в это время у Ш. возникает твердое убеждение — очевидно, под непосредственным впечатлением от сожжения себя чехом Яном Палахом (в знак протеста после вхождения в Прагу советских танков): «Самиздат, этот призрак, опаснейший среди призраков, отравленное оружие борьбы двух разведок, где человеческая жизнь стоит не больше, чем в битве за Берлин» (Зап. книжки, 1971)⁶³.

На основании чего именно это происходит? Только ли под воздействием той борьбы с властью, которую ведут диссиденты во главе с Сахаровым и Солженицыным, и неизбежных отрицательных ее сторон, проявлений этой борьбы (которые позднее отразятся в судьбе, например, сломленного этой борьбой Петра Якира)?

Остальные записи о контактах за этот год, к сожалению, фрагментарны: отношения сохраняются все еще теплыми, но и — весьма поверхностны (15 марта, 3, 5 8, 24 и 28 апр.).

И вот тут-то отсутствие тесного контакта между двумя прежде так близко общавшимися людьми явно проявляет себя:

27 окт. 1971. <...> Беглая встреча с Шаламовым в магазине книжном. Покупаю по его совету книгу о Народной Воле, вышедшую в Саратове. Пока я платил в кассу, он исчез. Не успел с ним толком поговорить. В ЦДЛ бегло поговорил с Колей Панченко. #

АКГ явно сожалеет: между ними что-то вроде недопонимания. Уже в следующем, 1972 г. он будет сетовать, пеняя самому себе за то, что не проявлял ранее достаточного интереса к своему старшему товарищу. Их основное общение за этот год концентрируется вокруг публикации печально известного письма 23 фев. 1972 г. в «Лит. газете»⁶⁴, а до этого все так же фрагментарно. В отношении письма АКГ склонен оправдывать поступок Ш. — в отличие от Солженицына, который откликнулся сразу же в самиздате

⁶³ Записные книжки. Общая тетрадь белого цвета. На обложке надпись: «1971.Ш» <март?> // Шаламов. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. С. 339.

⁶⁴ А.И. с горечью назовет его, употребив характерный неологизм, — *отречным*.

и позже, в «Архипелаге...», однозначно осудив: «писатель Варлам Шаламов — умер».⁶⁵ А вот АКГ — и поймет, и одобрит Ш., во всяком случае, не осудит, хотя вполне беспристрастно будут при этом отмечены в дневнике значительные потери и в наблюдаемом физическом облике В.Т., и в его психическом состоянии... Из 12 упоминаний за этот год в дневнике по крайней мере два, на мой взгляд, оказываются снова весьма содержательны (после 8 и 12 янв.):

23 фев. <...> # Сегодня в «Лит. газете» письмо в редакцию В. Шаламова. А только вчера я послал ему записку с предложением встретиться в воскресенье. Любопытно, что заставило его так написать? Беспричинно это не делается. Он не член Союза[,] и там давление на него оказать вряд ли могли. Но его книжка стихов в плане «Сов. пис.». И все же меня это письмо удивило. В нем говорится, что «проблематика “Колымских рассказов” снята жизнью». #

⁶⁵ В книге («Бодался теленок с дубом», 1975) его нет, но есть в «Архипелаге ГУЛАГ»:

23 февраля 1972 г. в «Лит. газете» отрекся (зачем-то, когда уже все миновали угрозы): «Проблематика “Колымских рассказов” давно снята жизнью». Отречение было напечатано в траурной рамке, и так мы поняли все, что — умер Шаламов. (Примечание 1972 г.) (<http://www.bibliotekar.ru/solzhenicin/41.htm>). Позднее: ...так узнали мы, что писатель Варлам Шаламов — умер... (1999).

Сам Ш. в «Неотправленном письме», обращенном к А.И., назовет это его «похоронной шуткой» и там же, кстати, назовет одну из дат своей «смерти» для него: «в сентябре 1966 года» (Общая тетрадь зеленого цвета. На обложке надпись: «1 Солженицын», 47 л. // *Шаламов В.Т. Воспоминания / Подгот. текста и коммент. И.П. Сиротинской. М.: Олимп: Астрель: АСТ, 2001. С. 377*).

Так что же произошло в этом сентябре 1966 г.? — В дневнике АКГ на это мы не находим ответа, хотя возможно, что Ш. просто сделал описку — речь шла о его сентябрьском пребывании у А.И. на даче в Солотче в сентябре 1963 г. (это предположение Д. Нича основывается на уточнении Сиротинской в скобках после этой фразы: *(В Солотче Шаламов гостил у Солженицына осенью 1963 г.)* («Новая книга», 2004).

И вот наконец их объяснение, которому отведено в дневнике два дня (АКГ специально встречается с Ш., чтобы прояснить ситуацию в разговоре, с глазу на глаз):

28 фев. 1972. Вчера ⁶⁶ утром <...>. # В 2 часа еду к Шаламову. Он рассказывает мне историю своего письма в редакцию. Как я и думал, у него заблокировали книгу стихов в «Сов. пис.» и цикл стихов в «Лит. газете». При выяснении причин узнает, что всё упирается в Союз писателей. Он не член Союза. Разговор с Марковым.⁶⁷ — Мы вас примем, но вот вас всё печатают за рубежом. Мы знаем, что Вы сами не передаете, что это делается без разрешения, но напишите мне об этом, а я покажу это письмо в приемной комиссии... В.Т. написал, Марков передал письмо, выбросив обращение и один абзац [!], в «Лит. газету». Но В.Т. ни о чем не жалеет и настроен задорно. [!] Он хочет вступать в Союз. Вся беда в его полной оторванности от литер. среды и общей ситуации, с которой он не мог соразмерить своих поступков. [!] И он искренне не понимает, как его письмо могут повернуть против Максимова, например, Каржавина⁶⁸ или еще кого-то. В.Т. даже не знал об исключении Галича. [!] Но я не стал ему этого объяснять. Мне стало очень жалко его[,] и я виню и себя в том, что, хорошо относясь к нему, редко с ним встречался, — в сущности, он жил в полной изоляции, усугублявшейся его глухотой и болезнями, бедностью и пр. # Его комната, где уже довольно много книг. Он умело покупает новинки: показывал мне новую интересную книгу Э. Бурджалова о Февр. революции⁶⁹. И снова рассказы о Колыме. О смерти Арк[адия] Добровольского, которого хорошо знал и Шульман. Тот умер в Киеве в инвалидном доме, куда его водворила его последняя жена, киевская поэтесса Костенко⁷⁰. Чем-то неуловимо его комната, хотя она и довольно

⁶⁶ Слово вписано от руки, шариковой ручкой.

⁶⁷ Георгий Марков, официальный советский строчкогон, видный функционер ССП.

⁶⁸ Наум Коржавин (1925–2018), поэт, прозаик, в 1974 г. эмигрировал в США.

⁶⁹ Очевидно, имеется в виду книга: *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. (1967) — http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/BURDJALOV_Eduard_Nikolaevich/_Burdjalov_E.N..html

⁷⁰ Лина Васильевна Костенко (род. 1930), украинская писательница-шестидесятница, поэтесса; в 1963 г. вместе с А. Добровольским создала сценарий

большая, напоминает кабинку лагерного придурка.⁷¹ # От Шаламова еду к Гариным. #

29 фев. 1972. <...> # Шаламов показывал мне купленную им книгу — хрестоматию «Родная литература. XX век», выпущенную изд. «Просвещение», где есть стихи Гумилева, Мандельштама, Кузмина, Ахматовой. Составитель — Н. Трифонов.⁷² Теперь можно поверить, что выйдет Мандельштам в «Библ. поэта». # Странное время! Все время происходят какие-то изменения в разные стороны и очень непоследовательно. Давно ли зарезали книгу В.Н. Орлова⁷³ и антологию стихов этих авторов в той же «Библ. поэта» и кого-то снимали за нее в издательстве. # Рассказы Шаламова об около-оппозиционном поэтическом фольклоре конца 20-х годов. Поэма о П. Залуцком Михаила Голодного,⁷⁴ стихи М. Светлова и даже Багрицкого. Ш. уверяет, что он сам слышал, как Багрицкий читал стихи о Троцком на студенческом вечере. Он тогда учился в МГУ и жил в общежитии на Б. Черкасском, напротив «Комсом. правды». Там сплошное гудение от диспутов и споров. К 1929 году из ста студентов, живших в общежитии, были арестованы и отправлены в ссылку 80 человек. Он сам был взят там в первый раз. Как на диспуте тогдашний ректор Вышинский, рьяно выкорчевывавший оппозицию, получил две пощечины. Потом он ушел в Главпрофобр и уж затем в прокуратуру. Теория Ш[аламова]а о самоуправном и антиправовом характере «досрочных освобождений» и сравнение [далее текст от руки, почерком АКГ, в конце нрзб.:] *Вышинского и Крыленко как «стр<sup>2>авн<sup>2>виков»*⁷⁵. ##

фильма «Проверьте свои часы». — Хотя жена Добровольского — это Елена Орехова.

⁷¹ *Придурок* — на лагерном жаргоне это заключенный, занятый не на физических работах.

⁷² Очевидно, имеется в виду издание: Русская литература XX века: до-октябрьский период: хрестоматия / Сост. Н.А. Трифонов. М.: Просвещение, 1966 (или — 1971 г.).

⁷³ Видимо, Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед.

⁷⁴ Михаил Голодный, журналист и пролетарский поэт.

«Залуцкий, П.А. — в годы первой мировой войны член Русского бюро ЦК РСДРП(б). После Февральской революции — член Петроградского Совета и ЦК РСДРП(б). После Октябрьской революции — на руководящей партийной работе» (справка в книге Герберта Уэллса «Россия во мгле»).

⁷⁵ Неясно отпечатанное слово: то ли «соперников», то ли — «историков / стражников / стервятников / ставленников / соратников»?

6 марта. 1972. <...> # Вечером в ЦДЛ на обсуждении юриных [Ю. Трифонова] повестей <...> # Неприятный осадок после разговора с А. Рыбаковым⁷⁶ о Шаламове. Конечно, этот маленький и весьма ловкий «прогрессист» считает теперь Шаламова «негодяем». <...> #

В последней записи мы видим, что общественное мнение того «прогрессивного человечества» (ПЧ, как именовал его Ш.), которое однозначно осудило его поступок с письмом в газету, для АКГ совсем не так значимо, как, например, для друзей и знакомых из либеральной интеллигенции, например Льва Левицкого, Давида Дара и множества других. Однако открыто противостоять их консолидированному мнению, как здесь — выступлению Рыбакова, — АКГ по российскому *ленивому* обыкновению, конечно, не станет.

А вот сам Ш. снова проявляет интерес к творчеству АКГ:

29 апр. 1972. Открытка от В. [знакомая АКГ, имени которой он здесь не раскрывает] из Мукачева и письмо от Шаламова. «Вся Москва говорит о “Молодости театра”[,] и мне бы очень хотелось посмотреть спектакль» ...⁷⁷ #

Шаламов тут не противопоставляет, а скорее только сравнивает друг с другом — Крыленко и Вышинского: «Верх юридического совершенства сталинского времени — в этом сходились две школы, два полюса уголовного права — Крыленко и Вышинского — заключался в “амальгамах”, в склеивании двух преступлений — уголовного и политического» (Рива-Роччи. 1972).

Ранее он противопоставлял теорию «возмездия» Вышинского, согласно которой преступник должен был отдать себя «на службу Сталину», — более ранним методам Крыленко: «В двадцатые же годы действовала знаменитая “резинка” Крыленко, суть которой в следующем. Всякий приговор условен, приблизителен: в зависимости от поведения, от прилежания в труде, от исправления, от честного труда на благо государства. Этот приговор может быть сокращен до эффективного минимума — год-два вместо десяти лет, либо бесконечные продления: посадили на год, а держат целую жизнь, продлевая срок официальный, не позволяя копиться “безучетным” (В лагере нет виноватых — <http://shalamov.ru/library/16/17.html>; к сожалению, на сайте год создания текста не указан).

⁷⁶ Анатолий Наумович Рыбаков (1911–1998), писатель.

⁷⁷ Спектакль по его пьесе (*Гладков А. Молодость театра*. Театральный роман в пяти картинах. Отдел распространения ВУОАП. М., 1972. Тираж 100 экз.).

Позже следует фиксация того, что и должно было произойти:

29 июля. 1972. <...> # Прочитал в «Книжном обозрении», что вышла новая книжка стихов В. Шаламова «Московские облака». Это точно сработало его письмо. #

И наконец, вроде бы и встреча, но — уже какая-то почти немая, бессодержательно-грустная:

31 авг. 1972. Вчера днем уехал в город. Лавка.⁷⁸ Там пустота. Встреча с Шаламовым. Он переехал на новую квартиру, на Васильевской.⁷⁹ Дом, где он жил, сносят. Книжка его вышла, но тираж лежит в Туле, где она печаталась. Лето, отпуска, не вывозят. Он еще хуже слышит, чем раньше. #

Позже, в 1973 г., если продолжать подсчеты, надо сказать, что «статистическое» преимущество уже явно не на стороне общения АКГ с Ш., а — с Солженицыным: упоминаний о нем становится вчетверо больше. Кроме того, АКГ дружит и общается с Роем Медведевым, фиксируя в дневнике:

19 нояб. 1973. <...> Наши «инакомыслящие» <...> уже как бы разделились на два течения: Сахаров, Солженицын и другие [с одной стороны] и Медведевы и др. [с другой]. По забавной аналогии первых можно назвать «большевиками» (несоразмерность требований, своего рода «пораженчество» — в вопросе предоставления СССР статута благоприятствуемой стороны, например, и др.). Учитывая болезненность правит-ва к вопросу о престиже, это вряд ли даст положительный эффект. Тут правы «меньшевики» Медведевы.⁸⁰

⁷⁸ Имеется в виду Книжная лавка писателей.

⁷⁹ Васильевская ул., д. 2, кв. 59 — последний адрес Шаламова. В письме к АКГ (от 3 янв.?) 1974 г. он напишет: «...адрес мой Вы записали верно: Москва — Д-56, Васильевская 2, кв. 59, а телефон: 2-54-19-25».

⁸⁰ Под «меньшевиками» тут помимо Роя Александровича Медведева имеется в виду еще и его брат-близнец Жорес Александрович, диссидент, ученый-биолог и писатель (в том числе соавтор брата по книге «Неизвестный Сталин» (М.: Время, 2007)). Их «партию» АКГ вполне логично противопоставил «большевистским» методам, какими действовал А.И. Сам АКГ при этом явно сочувствует «меньшевикам»; а вот к какой партии можно было бы отнести Ш., сказать трудно. Вероятно, к эсерам или же — к сторонникам Троцкого...

Ну, а в 1974–1975 гг. внимание АКГ полностью перемещается — на А.И.: с В.Т. они ни разу не встречаются и практически не общаются...

Итак, Gladkov в первый раз видит Шаламова и знакомится с ним в редакции журнала «Новый мир» 3 ноября 1961 г., вначале узнав его только как автора стихов. Только через четыре года, летом 1965 г., в самиздате он прочтет 5 рассказов Шаламова, и они поразят его: в дневнике появится восторженная оценка этой прозы. Ш. сделается для него даже неким мерилom для сравнения произведений на «лагерную» тему. (При этом к стихам В.Т. в целом у него равнодушное отношение: а надо учесть, что АКГ сам писал стихи и как будто знал в них толк.) Пик их наиболее интенсивного общения приходится на 1966–1967 гг. и совпадает по времени с общением В.Т. с кругом Н. Мандельштам (она, собственно, и вовлечет Ш. в орбиту АКГ), но личные содержательные контакты — и с Ш., и с Н.Я. по отдельности — продолжатся у АКГ и потом, уже независимо, после отхода В.Т. от круга Н.Я. и даже после публикации пресловутого письма в фев. 1972 г. в «Лит. газете». Судьба Шаламова близка Gladkovу, как видно, не только из-за того, что он и сам «сидел», но и потому, что после Колымы погиб его младший брат, Лев Gladkov (успел оттуда вернуться, но вскоре умер от полученной болезни).

По мнению Д. Нича, если судить по дневнику, Ш. с АКГ не встречаются около двух лет — с декабря 1967 г. по сентябрь 1969 г., а это как раз переломный для Ш. период, отмеченный его разрывом с диссидентским кругом, самиздатом, тамиздатом, Н.Я., Л. Пинским, Солженицыным (и связанный с запретом использовать его материалы для «Архипелага ГУЛАГ»), а также разрывом с Н. Столяровой, Демидовым и — с составлением в апреле 1969 г. завещания в пользу И.П. Сиротинской.⁸¹

Для АКГ в творчестве Ш. наиболее важными представляются «Колымские рассказы», которые он оценивает безусловно выше

⁸¹ В дневнике АКГ последняя упоминается, но не в связи с Ш., а в связи с предложением передать свой фонд в архив: 5 нояб. 1967. *Открытка от сотрудницы ЦГАЛИ И.П. Сиротинской, которая мне уже не раз писала: «(...) Надеемся, что Вы не забудете о ЦГАЛИ, который желает видеть Вас своим фондообразователем»...*

«Одного дня...» Солженицына. АКГ в оценках произведений последнего отчасти совпадает с Ш., но только, в отличие от Ш., он еще и высоко оценивает роман «В круге первом», не прекращая общаться с А.И. вплоть до высылки того за границу.⁸²

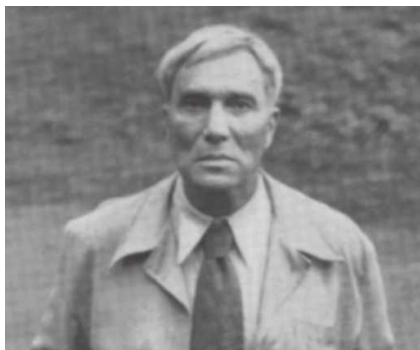
АКГ вообще не разделяет крайних мнений — с одной стороны, категорического мнения Ш., что «роман умер», а с другой — и слишком жестокой метафоры А.И., что «Варлам Шаламов умер»⁸³ (как реакции на *отречное* письмо того в ЛГ).

И тем не менее, на мой взгляд, АКГ — совсем не «фланер». Он человек трезвой середины: немного циник, немного лежебока, но главное — трудоголик с умом и талантом, обладающий к тому же отменным вкусом и чувством юмора, никогда не действующий нахрапом, предпочитающий для самого себя пораженческую позицию. Недаром основной его труд, дневник, до сих пор остается в полном объеме так и не изданным. Этот документ хранит для нас бесценные свидетельства общения автора со множеством умнейших людей его времени... И по крайней мере одиннадцать записей из перечисленных передают его уникальные впечатления от общения с Шаламовым.

⁸² Ср. итоговую запись об их встрече на даче в Загорянке, куда А.И. приехал 30 июля 1973 г.:

Он уехал, и сразу ощущение какой-то пустоты. В нем очень заметна инерция движения, энергии, чему невольно завидуешь. И немножко грустно. Мимо меня пронеслась какая-то сила, ее уже нет, а я остался на месте (Гладков А. Попутные записи. Фрагменты (Публ., предисл. и примеч. С.В. Шумихина) (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/gl10.html)).

⁸³ Здесь Н.Я. солидарна с О.М. — ср. его статью (1923 г.) «Конец романа» (пояснение Ю.Л. Фрейдина).

Илл. 15–16. Борис Пастернак

<http://static1.repo.aif.ru/1/6f/332528/2216901d438bc397b6740eb3e2e45a1f.jpg>
и Александр Гладков (Каргополь, 10.12.49, «За шахматами»,
рис. неизвестного; РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 552. Л. 3)

Глава VI

[Предисловие Ел.В. Пастернак]

ДАВНЫМ-ДАВНО

Публикуемый ниже материал представляет собой выдержки из дневников А.К. Гладкова, порой очень кратко, для себя, фиксирующих события его жизни, как-то связанные с именем Пастернака. Среди них, конечно, самые существенные те, в которых передаются их встречи и разговоры. Представляется интересным сопоставить их с его книгой «Встречи с Пастернаком», которая сочетает в себе как воспоминания, так и дневник.

«Встречи с Пастернаком» — одна из самых известных книг Гладкова, написанная в жанре критико-биографическом. В машинописном виде она долго ходила «по рукам» в Москве и Ленинграде, а в 1973 г. была издана за границей, в Париже, в YMCA-Press.

Начало работы над ней положило наше, т. е. мое и моего покойного мужа, Евгения Борисовича Пастернака, знакомство с Гладковым в Тарусе летом 1962 г. в гостях у Н.Я. Мандельштам. Гладков увлеченно рассказывал нам о Чистополе и встречах с Пастернаком и их прогулках по снежному городу. Смущаясь, он обещал нам показать свои записки. Разбирая дневники и выписывая из них места, относящиеся к Пастернаку, он стал дополнять их воспоминаниями, и они разрастались все больше год от года. Как писал Гладков, он передавал в них в первую очередь их разговоры, — «то есть, конечно, главным образом то, что говорил он <Пастернак>». Несмотря на дальнейшие передраги моей жизни, — продолжал Гладков, — записи сохранились. Они являются основным содержанием этих заметок, а все прочие воспоминания должны помочь восстановить реальный фон наших разговоров — обстоятельства времени и места».¹

В дневнике Гладков регулярно подсчитывает количество добавленных страниц. Летом 1963 г. он впервые отмечает, что пишет «заметки к воспоминаниям о Пастернаке» и 24 июня он написал пол-листа (то есть 12 машинописных страниц) и отложил. В августе снова принимается за них и 20 октября отдает написанное в машинку. Получилось около 100 страниц, но в них нет еще оценки романа и автобиографического очерка. Осенью следующего 1964 г. Гладков снова берется за продолжение, рукопись достигает уже 110 страниц.² В 1965 г. он отмечает, что все читают его книгу, получившую уже название «Встречи с Пастернаком». Гладков делает в нее новые вставки. В 1971 г. в книге уже «175 страниц, т. е. более 7 листов».³

¹ Гладков А. Встречи с Пастернаком. М.: Арт-Флекс. 2002. С. 66 (далее издание обозначается сокращенно как ВСП; номера страниц по нему указываются через запятую или просто в скобках).

² Ср. вариант, хранящийся в его архиве: РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 47: А.К. Гладков. Встречи с Пастернаком, 1963–64 гг. [в date, поставленной в конце, л. 222, обе строки зачеркнуты:] Загорянская. Сент. 1963 г. # Комарово. Декабрь 1964 г. ##

Основное время работы над рукописью — именно 1963–1964 гг., но и потом в нее делались вставки.

³ Александр Гладков. Дневниковые записи. 1971 год. 13 янв. // Знамя. 2015. № 5. С. 159.

Мы получили машинопись этой книги в начале 1967 г. Гладков записал свой приход к нам на Дорогомиловскую 27 мая 1967 г. Евгений Борисович очень хвалил его книгу и подробно расспрашивал его об источниках его записей разговоров. Нас смущали совпадения некоторых из них с опубликованными текстами Пастернака. Гладков несколько смущенно и сбивчиво, как нам показалось, объяснял это зашифрованностью своих записок. Может быть, именно для того, чтобы правильно прочесть краткость своих записей, он пользовался имеющимися у него текстами самого Пастернака?

Читая между строк дневниковые заметки Гладкова, неожиданно становится виден некоторый «комплекс неполноценности», неуверенность в себе, характеризующие их автора, — вероятно, именно это останавливало порой его работу над книгой и решительные шаги, чтобы ее дописать. Это объясняет также причины, задерживавшие ее окончание, и долгое нежелание показать ее нам. Сочтя нужным дополнить свои записи добавочными материалами, в том числе вставленными в подлинные записи разговоров, он не хотел, чтобы Евгений Борисович воспользовался его материалом для своих работ, и сам сделал эту работу, представив ее в окончательном виде. И в этой самостоятельно сделанной части есть некоторые ошибки, что естественно, поскольку память несовершенный аппарат. Неприятно только то, когда в текст подлинных слов Пастернака вставляются реплики, заимствованные из других источников, то есть использованы слова, написанные самим Пастернаком или высказанные им в его выступлениях и опубликованные в свое время. В комментариях к «Встречам с Пастернаком» (Арт-Флекс 2002) мы привели эти места. Несколько уменьшая возможность воспринимать эту книгу как документальный материал, это сильно украсило ее с точки зрения полноты образа Пастернака и сюжетной привлекательности.

Чистопольские разговоры с Пастернаком, которые составляют треть книги Гладкова и самые сильные ее страницы, даны на фоне прекрасных описаний города, гуляющих по нему и обедающих в столовой писателей. В деталях, передающих Пастернака-труженика, не расстающегося со своими листочками с выписками английских слов (они частично сохранились в его архиве) или томиком Шекспира, сказался удивительный талант Гладкова. Как

великолепно сделана писательская столовая и ее посетители! Замечательно описана комната Пастернака в доме Вавиловых, в которую нельзя было закрывать дверь из кухни, где топилась печка и гремел патефон, потому что она не отапливалась. Все это, даже птички на стене имеются теперь в существующем уже двадцать лет музее Пастернака в Чистополе. Из воспоминаний Gladkova мы знаем, как Пастернак вспылывал, когда этот патефон особенно мешал ему сосредоточиться над работой, и как он мучился потом, что не сдержался и накричал на людей, не виноватых в том, что их не научили слушать хорошую музыку. Как он из-за этого отказался выступать на вечере в честь Красной армии, чувствуя себя виноватым перед ними. Это живой Пастернак во всем своем поведении, со стороны казавшемся странным, или даже, как пишет Gladkov, ссылаясь на неизвестного мемуариста, «игравший свои странности» (С. 75).⁴ Здесь все убедительно, всему веришь, слова Пастернака «цитатны», как говорила о них Н.Я. Мандельштам.⁵

(Ссылаясь на нее, Gladkov объясняет это выражение, которое употребляли, как он пишет, Борис Леонидович и Анна Андреевна, решая, «цитатно» ли передаваемое, то есть выдумка ли это или есть реальная подкладка. «Цитатно» значит — похоже на то, что могло быть данным лицом сказано.)

Переноса свои дневниковые записи в книгу, Gladkov расширяет их обрисовкой характеров, отношений персонажей друг к другу, что создает живую картину происходящего. Рассказывая о чтении Федина⁶ воспоминаний о Горьком (С. 81), Gladkov ярко описывает аудиторию и выражение лиц слушающих. Прекрасно, густо и насыщено переданы многие диалоги, прогулки с Пастернаком по городу и к затону вдоль Камы. Убедительно и трогательно описан

⁴ Впрочем, сам Gladkov видел в Пастернаке, что тот — «абсолютно не актер, и когда в речах характерных персонажей вроде кормилицы начинает играть, то это получается наивно» (С. 116), или: *...когда... начинает актерствовать, это получается наивно* (по «Зап. книжке № 52», л. 40 об.).

⁵ Ср. со словами из ее письма Gladkovу от 14 апр. 1964 г. (ниже).

⁶ Федин Константин Александрович (1892–1977), писатель, в 1959 г. стал первым секретарем, а в 1971 г. председателем правления Союза писателей СССР; Герой Соц. Труда (1967).

одиноким Новый год Пастернака, лежащего в постели с книжкой Гюго о Шекспире.

...Записи, связанные с Б.Л. Пастернаком, встречами и разговорами с ним... — пишет Гладков, — делались по свежим следам в маленьких книжках клетчатой бумаги в черных коленкорových переплетах.⁷ Привожу их почти без сокращений. Кое в чем они совпадают со ставшими нам известными высказываниями Б.Л. на разные темы, в частично опубликованной переписке, в «Автобиографии» и на страницах романа,⁸ но чаще дополняют, развивают или даже противоречат чему-то высказанному позднее. Среди сохранившихся записей есть и такие, которые я не мог впоследствии связно изложить: очевидно, стремясь к полноте, я что-то записывал очень условно, полушифром. Кое-что восполняю по памяти: до сих пор многие фразы Б.Л. звучат в ушах, как будто сказанные вчера (С. 77).

Документальные заметки Гладков дополняет воспоминаниями разных лет и фактами жизни Пастернака, о которых он слышал от других или читал в газетах. Гладков вспоминает свое первое знакомство со стихами Пастернака, о чтении «Спекторского» в клубе ФОСП в 1931 г., о Пушкинском пленуме 1936-го, о встрече с Пастернаком у Мейерхольда, о его отказе осудить книгу Андре Жида, которую он не читал. Гладков передает нам, как Пастернак бросился отнимать у девушки-метростроевки отбойный молоток,

⁷ Эти записные книжки — и составляют (или вложены в) папки с «Записными книжками» и «Дневниками», которые Гладков так и не успел перевести в машинопись. Как вот, например, единица хранения № 139 (РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1), имеющая название в фонде архива: «Записные книжки 1961–66 гг.»: это четыре собственно записные книжки (со сплошной пагинацией во всех четырех, где пронумерованы только заполненные листы — хотя автором каждая из них заполнялась и с начала, и с конца книжки). За последние годы жизни записных книжек практически не осталось, тогда как до 60-х гг. они бережно сохранялись. Всего за время с 1934 по 1966 г. — около 20 таких «ед. хр.» с более чем тремя десятками записных книжек Гладкова (в том числе с черными, коричневыми и др. коленкоровыми переплетами).

Здесь и ниже в квадратные скобки помещаются наши примечания к чужим цитатам. — *Ел.П.* и *М.М.*

⁸ «Автобиографией» Гладков называет автобиографический очерк «Люди и положения» (1957), романом — «Доктора Живаго» (1956).

который она принесла на съезд писателей как символ героического подвига молодежи. Очень важен его рассказ о поразительном совете, который Пастернак дает Мейерхольду, не встречаться со Сталиным в качестве просителя, так как таким людям надо разговаривать на равных. Это уже после его собственного разговора о Мандельштаме, при котором Пастернак не просил спасти Мандельштама и разговаривал со Сталиным как равный. Правда, ему в первых же словах было сказано: «С Мандельштамом все будет в порядке», и необходимость заступничества отпадала сама собой. Да, через год он письмом к Сталину просил об арестованных Пунине и Гумилеве, которых сразу выпустили после этого, но это была просьба Ахматовой.

Рассказывая о пресловутом телефонном звонке Сталина, Гладков приводит письмо Н.Я. Мандельштам к нему, где она пишет, как они с Осипом Эмилевичем и Ахматовой оценили естественность тона и предельную точность сказанного Пастернаком. И вдруг Гладков неожиданно добавляет от себя, будто после этого Борис Леонидович «долго был в отчаянии, упрекая себя, что не сумел сказать что-то самое веское для облегчения участи Мандельштама» (С. 76). Но что нужно было еще такого сказать, когда Сталин потому-то и звонил Пастернаку, что знал от Бухарина о его взволнованности этим арестом, и сразу же успокоил его насчет арестованного. И это притом, что Н.Я. пишет, что недовольство Бориса Леонидовича собой касалось только того, что он не сумел воспользоваться разговором, «чтобы добиться встречи».⁹ — Он просил встречи, чтобы поговорить «о жизни и смерти» (то есть о праве человека распоряжаться этим), а не для «облегчения участи Мандельштама» после того, как его уже уверили, что с ним будет все в порядке. И действительно, Мандельштам уже ехал в Воронеж, город, выбранный по его желанию.

Существует двойственность отношения исследователей к воспоминаниям современников — далеко не всегда их можно отнести к фактическим документам, слишком часто они при сопоставлениях с материалом писем, других воспоминаний или исторических источников оказываются неточными или вовсе вымышленными. Не всегда можно полагаться на память, время часто искажает смысл

⁹ Мандельштам Н. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. С. 173.

события или сказанного, может быть, не понятого в свое время и домысленного позже. Известно, что свидетели на суде забывают, в какую сторону открывалась калитка. Притом они с полной уверенностью говорят о верности своих воспоминаний, не принимая опровержений. Комментатор в силу своих способностей и знаний определяет, что ускользнуло из памяти мемуариста, а что препарировано в соответствии с его пониманием. Такими в данном случае в книге Гладкова оказываются записи, сделанные в последние годы с чужих слов.

Л.К. Чуковская признавалась, что речь Пастернака невозможно записать, притом что за Ахматовой она делала это прекрасно. Гладков тоже кое-где пишет, что, слушая «хаотические монологи» Пастернака, ему удастся запомнить, «как всегда, только малую часть» (С. 103). Или в другом месте, передавая его слова, оговаривается: «Кое-что запомнил и записываю» (С. 104). Он тоже сопоставлял сложность речи Пастернака с тем, как говорил Мейерхольд: «Очень трудно записать этот разговор. Насколько мне было легче записывать В.Э.М., Б.Л. всегда многословен, сбивчив, хаотичен, хотя все говоримое им внутренне последовательно и только форма импрессионистически-парадоксальная» (С. 123).

В дневнике есть набросок слов Пастернака, сказанных 28 января 1942 г. по поводу поэмы Асеева:

Пастернак произносит длинную речь об искусстве вообще, записать которую дома... невозможно. Она вся... состоит из тончайших парадоксов, фейерверка мыслей, логически друг с другом не связанных.¹⁰

И дальше об этой же речи:

Поэт в самом прекрасном смысле слова. Речь его — реплики... стенограмма мыслей (Там же).

В книге эта запись развернута:

Вот уж *поэт* в подлинном смысле слова. Его речь и отдельные реплики — бесконечное содержание, сложное, ибо это почти стенограмма мыслительного процесса сильного и утонченного ума (С. 98).

¹⁰ Записная книжка (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 58).

Встретившись с Пастернаком после возвращения из лагеря — из осторожности по отношению к нему Гладков старался некоторое время не попадаться ему на глаза, — он отмечает, что «говорит он совсем по-прежнему, то есть стремительно набрасывает кучи фраз, сам себя перебивает, уклоняется в отступлении, возвращается к прерванному, со всей той кажущейся сбивчивостью речи, к которой нужно привыкнуть, чтобы понимать ее неуклонную последовательность. Он кажется взволнованным и желающим выговориться (от одиночества)... Ему не с кем было разговаривать» (С. 203).

Трудность воспроизведения слов Пастернака объясняется метафоризмом и насыщенной ассоциативностью его мысли, тем же, чем пронизана его лирика. В своей статье «Замечания к переводам из Шекспира» он называл эту особенность стиля «скорописью духа» и стенографией личности.

Второй чертой рассуждений Пастернака надо назвать их «чрезвычайную сжатость». Притом, что все мемуаристы отмечают многословие его монологов, его речь сама по себе лишена обстоятельности, которая помогает пониманию.

«По стремительности движения его мысли он из всех русских писателей ближе всего к Пушкину, — пишет В.Ф. Асмус в предисловии к сборнику статей Пастернака о художественном творчестве. — Его мысль — как птица, которая бежит по земле, едва касаясь ее ногами в некоторых точках».

Соединение обеих этих черт — напряженной (хотя вполне естественной) метафоричности со сжатой стремительностью — порой затрудняет точную расшифровку его мыслей. Некоторые грани мысли остаются не обнаруженными. Пастернак ничего не прячет, не скрывает, не зашифровывает. Его мысль целиком вписана в его поэтические впечатления. Но она проносится в поле зрения читателя с быстротой, затрудняющей видение.¹¹

Как само собой разумеющиеся, Пастернак пропускает в разговоре очевидные для него самого ступени, которыми идет развитие и строится логика нашей мысли.

¹¹ Пастернак Б. Об искусстве. Заметки о художественном творчестве. М., 1990. С. 11.

Многие пытались записывать или отдельные слова Пастернака, или его монологи, но книга Гладкова стала первой, доступной довольно большому числу читателей, которая достоверно передавала его речь. Гладков достаточно широко распространял свою книгу в разных стадиях работы над ней и с удивлением и радостью перечисляет в дневнике отзывы, приходящие к нему с разных сторон и из разных городов. Она быстро расхищалась в перепечатках.

Это было время, когда после скандала с изданием «Доктора Живаго» имя Пастернака долго держалось под запретом. Концом хрущевской оттепели стало издание книги Пастернака в Большой серии библиотеки поэта (1965). Тогда же была выпущена на свободу О. Ивинская.¹² После этого редкие публикации попадали в печать хорошо, если раз в пять лет. О нем мало что знали, он оставался загадкой для многих в течение следующих 20 лет. Выросло новое поколение.

И книга Гладкова была воспринята с восторгом. В ней убедительны и ярки картины чистопольской жизни Пастернака, характеристика его поступков, персонажи писательской колонии. Вот где пригодилось умение автора кратко и живо передавать характер и поведение человека. Их всех видно и этому веришь. Пастернак говорит Гладкову о «доверчивости его воображения, пленяющей читателя». Гладков пересказал эти слова Паустовскому, но ни тот, ни другой не поняли их истинный смысл, считая просто красивым комплиментом. Паустовский даже попробовал заменить их на «доброе воображение». Это не так, и Гладков очень точно записал объяснение Пастернака: «Вы смело и безоглядно ведете свой рассказ. Ни на секунду не опасаясь, что вам кто-то не поверит» (С. 131).

И во «Встречах с Пастернаком» эта «доверчивость воображения» Гладкова выразилась во всей яркости и силе. Это смелость художественного воображения, увлекающего зрителя (в случае с театром) или читателя (в случае с воспоминаниями) в живую атмосферу описываемого, это — о вере зрителя или читателя в правду того, что ему показывают или рассказывают.

¹² Ольга Всеволодовна Ивинская (1912–1985) — редактор, переводчица, писательница; подруга Бориса Пастернака в 1946–1960 гг.

В 1982 г. одна молодая девушка, инженер из Саратова, увлеченная Пастернаком и всё, что было тогда можно, прочитавшая его и о нем, познакомилась с нами. Ее зовут Элла Лихт, теперь она живет в Израиле. В один из первых дней нашего знакомства она спросила меня о достоверности воспоминаний З.А. Масленниковой¹³ и записала наш разговор. Я ответила:¹⁴

— Это очень честно и достоверно сделанные дневниковые записи, а не воспоминания. Частично опубликовавший их в «Литературной Грузии» Гия Маргвелашвили заметил однако, что в них не слышен голос живого Пастернака, как у Гладкова. Но это не совсем так. Конечно, Гладков сделал книгу своих воспоминаний лучше в художественном отношении. Но...

— При чтении его воспоминаний, — говорю я [Э.Л.], — меня не оставляет ощущение, что все это им составлено не столько по следам разговоров с Пастернаком, сколько по текстам выступлений самого Пастернака.

— Да? Вы заметили? Мы с Женей тоже об этом думали. И даже говорили с Гладковым на эту тему. Нет, он не признается. Ведь у него тоже сохранились записи, но они сделаны очень кратко и даже как будто зашифрованы. ...Вполне вероятно, разговоры такие между ними велись. И если даже он позаимствовал прямую речь Пастернака из текстов пастернаковских выступлений на те же темы, то согласитесь, это не самый плохой вариант. Во-первых, речи эти никому не известны, так что спасибо Гладкову, что познакомил с ними читателей. Ну, и лучше пользоваться словами самого Пастернака, чем придумывать за него.

К тому же за Пастернаком вообще ничего невозможно было записывать. У него было такое образное мышление, такой поток ассоциаций, что редкие собеседники успевали за ходом его мысли, а уж слова вообще никто запомнить не мог... Даже Лидия Корнеевна Чуковская, записывавшая за Ахматовой, ничего не могла записать из своих разговоров с Пастернаком. Только однажды, разговаривая с ним по телефону и имея под рукой бумагу и карандаш, она тут же почти застенографировала его слова, но и то, как сама признавалась, это далось ей не просто.

¹³ Масленникова З. Борис Пастернак. Встречи. М., 2001.

¹⁴ Рахелла Лихт. Дневник. 1972. (Личное письмо).

Совсем другое дело беседы Пастернака с Масленниковой. В те годы это была молодая девушка, приехавшая из провинции, из Крыма, кажется. Она увлекалась скульптурой, хотя скульптором не была (не стала и в дальнейшем), писала стихи. Благоговела перед творчеством Пастернака. Возможно, именно ее непосредственность и искренность подтолкнули Пастернака позволить лепить свой портрет. Во время сеансов, чтобы «модель не застывала», она задавала Пастернаку вопросы, он охотно отвечал. А приходя домой, она тут же записывала его ответы. В силу своей определенной наивности она не стеснялась задавать вопросы самого широкого спектра.

Действительно, вставленные Gladkovым в разговоры Пастернака цитаты из Минской речи,¹⁵ автобиографического очерка, заметок о Шекспире или «Доктора Живаго» резко бросаются в глаза тем, кто читал и помнил эти слова в напечатанном виде.

Подтверждением этого могут служить слова Ариадны Сергеевны Эфрон¹⁶ из письма Gladkovу от 25 сент. 1966 г.:

Читала Ваши записки о Пастернаке, хорошо бы, если не разбав[лять] его выступлениями, когда-то давно («давным-давно») опубликованными; а ведь он никогда [подчеркнуто] не повторялся! Это сразу снижает ценность и достоверность остального, подлинного...¹⁷

Ариадна Сергеевна не совсем права, — так, мы с удивлением встречали его слова о Томасе Манне, сказанные 14-летней девочке Тане Тонхилевич (Эрастовой) 4 мая 1952 г. и прекрасно записанные ею,¹⁸ в письме к Т.С. Элиоту 14 января 1960 г.¹⁹

Так, Вяч.Вс. Иванов, пересказывая свои разговоры с Пастернаком о колышавшемся занавесе, раздуваемом неведомым ветром,

¹⁵ Выступление на III пленуме правления Союза писателей СССР. — *Пастернак Борис*. Полное собрание сочинений: в 11 т. С приложениями. Т. 5. М., 2003–2005. С. 230–235. Дальше: ПСС, том и страница.

¹⁶ Дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. № 396. Л. 1.

¹⁸ ПСС. Т. 11. С. 565.

¹⁹ ПСС. Т. 10. С. 567.

на котором он рисует подвижную картину жизни, отмечает, что эти же мысли Пастернак пытается передать в письмах последних лет на разных языках своим корреспондентам. И со временем мы все чаще убеждались в том, что сказанное в устном разговоре потом попадало в письма Пастернака или даже в текст его произведений. Он таким образом отработывал форму высказывания. Это были мысли, пронесенные им через годы, и таких примеров достаточно много. Но форма их выражения была достаточно разная. И то, что Гладков пользовался не только своими материалами, а порой просто переписывал эти разговоры из печатных источников, доказываются совпадениями не только мыслей, но и формы их выражения, часто дословного, вызывает уверенность в использовании в диалогах Пастернака печатных источников, которые Гладков не считал нужным сопровождать ссылками. К тому же легко узнаваемые выписки отсутствуют в дневниках Гладкова. Он немного видоизменял их, переставлял местами прямое и придаточное предложения. Но иной раз забывался и выдавал себя. Так, передавая свой разговор с Пастернаком 25 декабря 1941 г., Гладков в своей книге последовательно один за другим приводит в некотором пересказе пассажи из речи Пастернака на Минском пленуме 1936 г. о гении, о Демьяне Бедном, о плохих стихах и хороших и др., печатавшиеся в «Литературной газете» 24 февраля 1936 г. и к тому времени давно забытые. Причем Гладкова выдает с головой одна опечатка в газете, повторенная им в своей передаче слов Пастернака. Говоря о «перелете на позицию», который ему «придется совершить в пространстве, разряженном публицистикой» (ВсП, 89), Пастернак имеет в виду «разре^еженное пространство», с ударением на «е», то есть от слова «разре^едить», сделать редким, сквозным, а не «разря^ядить» (какая тут разрядка?). В неправленной стенограмме из ИМЛИ (Ф. 120. № 26) спорное слово вообще отсутствует, там мы читаем: «...мне придется в плане искусства перелетать через пустое пространство на новую художественную землю». Так что вместо слов «разреженное пространство» стоит «пустое пространство» (С. 87–89). Сопоставления текста выступления и слов Пастернака из книги Гладкова приведены нами в комментариях (С. 258–260). Очевидно, сверяя задним числом свой текст с публикацией речи

Пастернака в газете — или же попросту — дополняя его ею, Гладков невольно заимствовал оттуда и вкрапшуюся ошибку:

<p>...ибо этот перелет с позиции на позицию придется совершать в пространстве, разряженном публицистикой и отвлеченностями...²¹</p>	<p>...иначе мне было бы не одолеть пространства, <u>разряженного</u> публицистикой и отвлеченностями, малообразного и неконкретного (ВсП, 89).²²</p>
--	---

Другим подтверждением компилятивной структуры разговоров Пастернака стало обширное цитирование трактата Гюго о Шекспире.

Пастернак рассказывал Гладкову о книге Гюго 8 марта 1942 г. и, возможно, читал ему отрывки. В его дневнике нет таких записей, хотя Гладков мог запомнить что-нибудь из них, но дословно сохранить в памяти цитаты, приводимые в книге целыми страницами, невозможно. Конспект трактата Гюго, который Пастернак делал в Чистополе, сохранился. Он выписывал по-французски отрывки из него, глава за главой, и два места в этом конспекте²² (о простоте и о Шекспире: С. 94, 95) совпадают с тем, что приводит

²⁰ О скромности и смелости. Речь тов. Бориса Пастернака // ЛГ. № 12. 24 фев. 1936. С. 5, колонка 5.

²¹ Отмечу, что Гладкову были свойственны небрежности в написании отдельных слов, а порой и откровенная безграмотность: например, он употребляет прилагательное *развязанный* — в значении слова *развязный*. Ср. в «Записной книжке № 47» запись от 2 янв. 1941 г., в которой после прослушивания в московском Доме печати пластинок с голосами писателей и поэтов он отметит впечатление от чтения Есениным «Исповеди хулигана» и монолога Пугачева: «Есенин читал с хрипотцой, но развязанно, с отчетливой ритмической акцентировкой, впрочем довольно однообразной» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 6). Так что вполне возможно, что воспринятое из слов Пастернака пространство, *разреженное публицистикой*, становится в его передаче — *разряженным*. Смысл для него здесь и там на слух, как видно, один и тот же: развязный = развязанный, разреженный = разряженный. — М.М.

²² ПСС. Т. 5. С. 336. Конспект Пастернака был впервые опубликован только в ПСС. Т. 5. С. 336. Французские выписки конспекта даны в переводе Е.Б. Пастернака.

Гладков. Вероятно, он вставил их позднее, при работе над книгой. Это точный перевод с французского, сделанный, возможно, с помощью его соседки по квартире, дружески к нему расположенной Цецилией Кин, специалистом по романским языкам. Сам Гладков, судя по его диалогу с Пастернаком, недостаточно знал французский, поэтому Пастернак переводил ему эти пассажи. Эти отрывки действительно близки Пастернаку по смыслу, и вполне возможно, что что-то из них Гладков запомнил и кратко записал (в какой-то другой тетради). Подобно тому, как он упоминает о «двойном действии» Шекспира (С. 97), что очень интересно интерпретируется у Гюго и кратко обозначено у Пастернака в конспекте.²³

Позднейшими добавлениями к книге стали отрывки из писем Пастернака к Мандельштаму, которые ему давала читать Надежда Яковлевна (с опечатками в машинке, которую делала В.А. Швейцер), или стихи из альбома Крученых. Адресата писем Пастернака к самой Надежде Яковлевне Гладков не называет, но достаточно широко цитирует. Вставлены также стихотворение из альбома В.Д. Авдеева и письмо Пастернака чистопольским школьникам, недавно опубликованные в журнале «Русская литература» (1966, № 3) тоже с ошибками чтения. Все эти добавления украшают книгу и дают новые черты к облику и характеру Пастернака, но не имеют, по-видимому, никакого отношения к дневнику Гладкова. Это дополнения к нему, сделанные задним числом, возможно через несколько лет.

²³ В более позднем переводе одного из этих мест из работы Гюго — А. Теревниковой: «Мысль, разветвляющаяся на две, мысль, словно эхо, повторяющая самое себя, вторая, меньшая драма, протекающая бок о бок с главной драмой и копирующая ее, действие, влекущее за собой своего спутника, — второе, подобное ему, но суженное действие, единство, расколотое надвое, — это, несомненно, странное явление. Те немногие комментаторы, которые указали на такое двойное действие, строго критиковали Шекспира по этому поводу. Мы не присоединяемся к их мнению. Значит ли это, что мы принимаем двойное действие и считаем его удачей Шекспира? Никким образом. <...> # Это двойное действие — нечто чисто шекспировское. Ни Эсхил, ни Мольер не стали бы вводить его в свои произведения, а мы похвалили бы за это Эсхила и Мольера. # Кроме того, это двойное действие — отличительный признак шестнадцатого века» (*Гюго В. Собрание сочинений. Т. 14. Критические статьи, очерки, письма* — http://rulibs.com/ru_zar/nonf_publicism/gyugo/0/j247.html)

Отсутствие в дневнике записей февраля и марта 1942 г., сделанных в других тетрадях,²⁴ восполняется во «Встречах с Пастернаком» прекрасными разговорами, чуть подкрепленными вкраплениями, аналогичными цитатам из «Доктора Живаго» («Стадность — убежище неодаренности». С. 124) или из Минской речи.

Пятьдесят процентов вашего хорошего отношения ко мне — это, вероятно, мой перевод «Гамлета», — записывает Гладков слова Пастернака. — Я буду огорчен, если вы станете отрицать это.²⁵ Все прочее мне давно уже кажется чрезмерно сложным, натянутым, украшенным... Нет, нет, не говорите, я совершенно убежден в этом. Не заставляйте меня думать о вас плохо, не говорите, что вы любите «раннего Пастернака»... Тем хуже для вас. Тогда вам не должно нравиться то, что я теперь собираюсь делать. Вы отстанете от меня, как я отстал в 20-х годах, как читатель, от Маяковского. История литературы показывает, что у каждого поэта бывает несколько поколений читателей, принимающих один период его работы и не принимающих другой... Художник должен иметь мужество сопротивляться вкусам своих поклонников, бунтовать против их инстинктов заставить его повторяться... Читатель всегда консервативнее поэта. Да, да, и вы тоже. Надеюсь, я вас не обидел? (С. 25).

Удивительно, как Пастернак увидел вперед и понял Гладкова, отвергающего написанное им в более поздние годы. Это было время, когда он был нацело отрезан от контактов с теми, для кого и ради кого он работал. Его творческое одиночество, оторванность от читателей и переход на роль переводчика особенно были острыми в те 1940-е гг., когда Гладков познакомился с ним. Этой тоской

²⁴ Они — в РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 135, где перед нами два документа: во-первых, «Дневник», или то, что АКГ называл «дневничком», — тетрадка без обложки и корешка, заполненная чернилами, с пагинацией от л. 1 до 21 об. — с янв. по март 1942 г., т. е. до отъезда АКГ из Чистополя в Свердловск (ниже как «Дневничок»); и, во-вторых, «Записная книжка № 52» (л. 25–59): «Начато 29 янв. 1942 Чистополь # Кончено: 13 апр. 1942 Свердловск».

²⁵ Гладков предпочитал перевод Лозинского. См. его запись от 11 мая 1939 г.: «Мне его перевод [Б.П.], впрочем, нравится меньше, чем перевод Лозинского. Тот объективнее».

по читателю, возможно, и объясняется его доброе отношение к нему. Чтобы выйти из «вторичных, подчиненных позиций, — как писал Пастернак Н. Табидзе 10 декабря 1943 г., — что при нынешней обострившейся борьбе за существование и двойственности бытового положения вредно, чтобы не сказать губительно», — ему нужно было, как он признавался Гладкову, «пробиться в газеты». Эта попытка не удалась. Гладков пишет о печальной истории с поэмой «Зарево», когда после публикации «Вступления» в «Правде» была отвергнута ее первая глава. «Читаю Симонова. Хочу понять природу его успеха», — записал Гладков его слова (С. 161).

Не эти или подобные слова Н.Я. Мандельштам считала доказательством «славолюбия» Пастернака? Гладков записал их 11 октября 1960 г., когда уже после смерти Пастернака познакомился с ней в Тарусе. Но признавался в этом Пастернак совсем не «только очень близким друзьям», как записал Гладков, но в силу открытости своего характера он, к удивлению слушателей, говорил это на своих вечерах чтения: «Учусь писать, как Сурков и Симонов».

Его непосредственность вводила людей в недоумение, когда он признавался в своей мечте о романе, то есть большой прозе, в которой он хочет передать все свои мысли о жизни без тех ограничений, которые накладывает на поэта лирика. Как пишет в своих воспоминаниях Н.Я. Мандельштам, они с Осипом Эмилевичем удивлялись этому еще в 1920-х гг. Это желание сопровождало Пастернака с ранних лет. Он хотел научиться этому умению. Цветаева запомнила, как, сидя рядом с ней в 1918 г. в гостях у М.О. Цетлина, Пастернак признался: «Я хочу написать большой роман: с любовью, с героиней — как Бальзак». Она подумала: «Как хорошо. Как точно. Как вне самолюбия. — Поэт».²⁶ «Детство Люверс» было началом этого романа. Пастернак снова брался за него в «Повести» 1929 г., в прозе 1930-х гг., о которой вспоминает Гладков. Но необходимость кормить семью, а позже помогать тем, кто оказывался в тяжелом положении, вступала в противоречие с этим желанием и не давала ему возможности это осуществить, — нужно было «оплаченное время». Для этого Пастернак переводил Шекспира. Он мечтал о театральной

²⁶ Из письма Цветаевой Пастернаку 29 июня 1922 г.

постановке, чтобы «писать свое». Но «Гамлет» не был поставлен во МХАТе, «Антоний и Клеопатра», переведенные по заказу Немировича-Данченко, тоже. Малый театр отказался от «Ромео и Джульетты», перевод которой Пастернак читал актерам, «Отелло», сделанный по заказу Театра революции, тоже остался без применения. Он делал одночастного «Генриха IV» для Охлопкова, потом сокращал для него же «Фауста», но все это оказывалось ненужным. Гладков пытался помочь ему своими знакомствами в театральном мире. Пастернак читал свои переводы в разных местах.

«Горячий прием актерской братии, — пишет Гладков, — его трогательно и немножко жалко растрогал. Я сидел и думал: все-таки, наверно, он очень одинок, если ему нужны такие нехитрые триумфы» (С. 195). Но театральная политика зависела от рекомендаций ЦК, которые не были даны.

После войны Пастернак во всей остроте почувствовал невозможность более откладывать свой замысел о романе, затянувшийся на всю жизнь. Публика на его вечерах дала ему понять, что вернувшаяся с войны молодежь ждет его новых произведений.

«Я много бы дал за то, чтобы быть автором “Разгрома” или “Цементы”, — записывает его слова Гладков. — Да, да, и не смотрите на меня с таким удивлением... Поймите, что я хочу сказать. Большая литература существует только в сотрудничестве с большим читателем» (С. 125). Такого читателя у Пастернака не было.

«Мы все ждем гениальных произведений нашего времени. Я уверен, что и Федин и Леонов²⁷ ощущают свою неполноценность», — продолжал Пастернак свою мысль (С. 125).

Эти годы — 1945-й и 1946-й, — считал Гладков, — будущие биографы Пастернака, вероятно, назовут эпохой его глубокого душевного перелома. Гадательно события его внутренней жизни происходили так: острое и мучительное сознание творческого тупика (неудачи с поэмой и театрами), дошедшее до крайности недовольство собой и, как выход, решение вернуться к давно начатому, но оставленному роману в прозе, значение которого для литературной судьбы Б.Л. необычайно преувеличивал и, после завершения работы

²⁷ Леонов Леонид Максимович (1899–1994), писатель.

над ним, называл единственным трудом своим, которого он не стыдится (С. 173).

Этот перелом Gladkov заметил у Пастернака еще в Чистополе, когда тот говорил ему о своем разочаровании тем, что было им написано раньше. Он понимал, что Gladkov не примет его нового творчества и отстанет от него, как не поспевают читатели за поэтом, выбирающим новый стиль своих работ. Так и произошло на самом деле, хотя Gladkov не сразу это понял.

Стихи из романа он получил от Тарасенкова.²⁸ «Мне сразу стало ясно, — пишет он, — что это начало новой “манеры” Б.Л., которую он искал в предыдущие годы; простой, но не обедненной; естественной, но по-новому образной» (С. 179).

Прекрасно записал Gladkov свой разговор с Пастернаком в Александровском саду в начале июня 1947 г. (С. 183–190). В нем есть мысли, пересекающиеся с высказанными в других местах, в частности в романе, который он тогда писал, — но все это очень естественно, не списано, а запомнено. Пастернак несомненно повторял то, что обдумал и что писал в то время. Кроме этого, здесь есть многое, нигде ранее не сказанное, но очень похожее на Пастернака, «цитатное». Конечно, попадают слова чужого лексикона, например слово «настрой» вместо «настроения», которого не могло быть у Пастернака, так как появилось в языке позже.

В дневнике Gladkov писал о стихах из романа, напечатанных в 1954 г. в «Знамени», которые по его просьбе прислала мать ему в Каргопольлаг. Они показались ему прекрасными «в той новой, очищенной от утонченности манере, которая свойственна Б.Л. с начала войны». «Не описать, что они для меня были в это мое последнее лето неволи, лето ожиданий и предчувствий». Как обрадовало Пастернака известие, что его стихи читают «там».

В разных местах своего дневника Gladkov передает ходившие среди писателей слухи и анекдоты о Пастернаке, которые были очень распространены, и все любили передавать их друг другу. Возможно, иногда в их основании лежало что-то реальное, но

²⁸ Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1956), литературовед, литературный критик, поэт, библиофил, собравший большую коллекцию русской поэзии первой половины XX в.

мемуаристы непременно вносят их в свои воспоминания. Гладков не избежал этого, и у него тоже появляется тема о лежащей на столе у Сталина вырезке из газеты с соболезнованиями Пастернака по поводу смерти Аллилуевой (Гладков получил этот рассказ от Эренбурга со ссылкой на Бухарина).²⁹ Обязательно муссируются насмешивший всех эпизод с метростроевкой с отбойным молотком на плече и, конечно, разговор со Сталиным, ходивший в самых невероятных вариантах. К этому добавляются будто бы сказанные Сталиным о Пастернаке слова о «небожителе» (кто их слышал?). В послевоенные годы появился в разных версиях рассказ о столкновении Пастернака с Вертинским, которого Пастернак спутал с Вышинским.³⁰ В последние годы прибавился анекдот о праздновании то ли ордена, то ли новоселья (как пишет Гладков) у Федина и реакции Пастернака на тост Вишневого, вызвавшей истерику у Федина или его жены. Теперь сочиняют разнообразные анекдоты на тему о магнитофоне на могиле Пастернака.³¹ Все эти сюжеты без разбора Гладков записывает у себя в дневнике, что, несомненно, повышает его фабульность, но входит в противоречие с достоверностью.

Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть эти анекдоты, не имея документальных свидетельств, а воспоминания об этом у всех даются самые разнообразные. Но слухи о выдвижении

²⁹ О соболезновании по поводу Аллилуевой достаточно убедительно пишет Галушкин, что эта Литгазета не была в числе тех, которые читал Сталин, и до того ли было ему в те дни (*Галушкин А.* «Сталин читает Пастернака». В кругу Живаго. Пастернаковский сборник. Stanford, 2000. Примеч. 373).

³⁰ Вяч.Вс. Иванов вспоминал, что Пастернак на чтении «Антония и Клеопатры» в ВТО встретился с А.Н. Вертинским, которого, не расслышав, спутал с Вышинским (*Иванов Вяч.Вс.* Пастернак. Воспоминания. Исследования. Статьи. М., 2015. С. 32–33).

³¹ Анекдоты в традиционном смысле слова это не ложь, а освещение реальных событий с иронией и тенденцией насмешить слушателя забавным рассказом, к которому рассказчик прибавляет свою окраску и, может быть, какие-то детали перевирает или утрирует. В комментариях на всем протяжении записей Гладкова мы оказываемся вынужденными поправлять сведения, полученные им «по слухам» от разных рассказчиков, сочетающих правду с выдумками, может быть неосознанными, но подчиняющимися закону «испорченного телефона».

Пастернака на Нобелевскую премию в 1954 г. и его боязнь их осуществления подтверждаются его письмом к О.М. Фрейденберг 12 ноября 1954 г.:

Такие же слухи ходят и здесь — пишет Пастернак. — Я — последний, кого они достигают, я узнаю о них после всех, из третьих рук. <...> Но ты не представляешь себе, как натянуты у меня отношения с официальной действительностью и как страшно мне о себе напоминать. При первом движении мне вправе задать вопросы о самых основных моих взглядах, и на свете нет силы, которая заставила бы меня на эти вопросы ответить, как отвечают поголовно все. <...>

Я скорее опасался, как бы эта сплетня не стала правдой, чем этого желал, хотя ведь это присуждение влечет за собой обязательную поездку за получением награды, вылет в широкий мир, обмен мыслями, — но ведь опять-таки не в силах был бы я совершить это путешествие обычной заводной куклой, как это водится, а у меня жизнь своих, недописанный роман, и как бы все это обострилось! Вот ведь вавилонское пленение! По-видимому, Бог миловал, эта опасность миновала.

Пастернак, как и Гладков, узнает об этом от каких-то знакомых, которые ссылались на какие-то бельгийские газеты или передачи по ВВС. Но по позднейшим сведениям Шведской Академии, Пастернак в этот год не выдвигался на Нобелевскую премию, его кандидатура впервые появилась в 1946 г., продержалась в течение 5 лет до 1950-го, потом возникла в 1957 г.³² и 1958-м, когда и была присуждена премия. «Доктор Живаго» стал известен Нобелевскому комитету только в 1958-м,³³ так что никакие домыслы о заинтересованности в этой номинации ЦРУ, которые в последнее время усердно внедряются в общественное сознание, не имеют права

³² Годом раньше, в 1957 г., Пастернак не получил премии, хотя его выдвигали за стихи, которые шведы сочли слишком эзотерическими.

³³ В Европе ДЖ издавался в 1958 г. в разных странах — после итальянского издания осенью 1957 г. было французское летом 1958-го, осенью — английское, немецкое и шведское, но для представления номинанта на премию предложение должно было быть сделано в январе 1958 г., раньше, чем ДЖ вышел во Франции. Об этом — в книге Л. Флейшмана «Пастернак и Нобелевская премия» (2014).

на существование. Откуда взялись сведения в бельгийских газетах 1954 г., мы так и не узнали, Нобелевскую премию в том году получил Хемингуэй.

Имеет подтверждение также дневниковая запись Gladkova 15 сентября 1955 г. о вызове Пастернака к прокурору В.Б. Ряжскому для реабилитации Мейерхольда. Борис Леонидович сам приходил к нам непосредственно после свидания с прокурором. Евгений Борисович передал его рассказ в книге «Существованья ткань сквозная...»³⁴. Кроме того, нам через некоторое время стал известен текст письма Пастернака Ряжскому. В устной передаче разговора Пастернак на просьбу прокурора рассказать об отношении Мейерхольда к революции ответил, что Всеволод Эмильевич всегда был более советским по сравнению с ним самим и это его надо было спрашивать о Пастернаке, а не наоборот. В письме к Ряжскому эта формулировка несколько смягчена:

...Для меня и он, и Маяковский были людьми слишком левыми и революционными, а для них я был недостаточно лев и радикален.³⁵

Письмо появилось потому, что, посмотрев протокол допроса перед тем, как его подписать, Борис Леонидович попросил позволить ему самому написать свои слова, потому что стенографистки никогда не могут правильно понять и передать его речь. Об этом разговоре Пастернак рассказывал достаточно широко.

Gladkov прочитал автобиографический очерк Пастернака в 1957 г., когда его собирались опубликовать в третьем выпуске альманаха «Литературная Москва». Он его очень разочаровал:

Мне почудилось, — записал он, — за всем этим (переоценкой прошлого) какой-то вызов кому-то, вызов очень одинокого, отчаявшегося и уставшего от одиночества и отчаяния художника и еще почудилась тоска человека слова по поступку... (С. 207).

В первую очередь Gladkov огорчили слова Пастернака о Маяковском. Он сопоставлял их с тем, что писалось в «Охранной

³⁴ «Существованья ткань сквозная». Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М., 1998. С. 520.

³⁵ Из письма 24 августа 1955 г. (ПСС. Т. 3. С. 336).

грамоте» о любви к Маяковскому, но не увидел той же разницы отношения Пастернака к раннему Маяковскому и к позднему, высказанной там в более смягченной форме. Ведь по существу последняя глава повести была фактически некрологом только что скончавшемуся поэту.

Гладкова поразила резкость Пастернака, с которой он в очерке 1956 г. писал:

За вычетом предсмертного и бессмертного документа «Во весь голос», позднейший Маяковский, начиная с «Мистерии-буфф», недоступен мне. До меня не доходят эти неуклюже зарифмованные прописи, эта изощренная бессодержательность, эти общие места и избитые истины, изложенные так искусственно, запутанно и неостроумно. Это, на мой взгляд, Маяковский никакой, несуществующий. И удивительно, что никакой Маяковский стал считаться революционным.³⁶

Гладков находит объяснение этим словам в признании Пастернака Нате Вачнадзе о «связанности собственными границами», которая легла на его жизнь «непоправимым обедняющим закостенением», — но ведь об этих же непреодолимых «границах понимания» Пастернак писал в «Охранной грамоте», где Гладков пропустил их мимо внимания:

Пока он существовал творчески, я четыре года привыкал к нему и не мог привыкнуть. Потом привык в два часа с четвертью, что длилось чтение и разбор нетворческих «150 000 000нов». Потом больше десяти лет протомился с этой привычкой. Потом вдруг разом ее утратил, когда он *во весь голос* о себе напомнил, как бывало, но уже из-за могилы.³⁷

Именно от подобной сложности выражения, мешавшей читателям правильно понять его слова, Пастернак желал отказаться в последние годы и начать договаривать все до конца. И именно в этом переломе и «переоценке прошлого» винит его Гладков. А по поводу Маяковского, о котором Пастернак писал, что его «стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине», что громко

³⁶ ПСС. Т. 11. С. 244.

³⁷ ПСС. Т. 11. С. 218.

возмущало его поклонников, Гладков записывает у себя в дневнике: «О Маяковском у меня недавно был спор слевой <Левицким>. Он из поколения, которое *заставляли* его любить».

Читая огорчивший его автобиографический очерк «Люди и положения», писавшийся как предисловие к стихотворному сборнику, вскоре запрещенному, Гладков не заметил восторженные слова о Цветаевой, вспоминать которую тогда никто не решался, о погибших в «шигалевщину» 1937 г. грузинских поэтах и многом другом, о чем Пастернак решился сказать в очерке, готовящемся к печати. Публикация «Доктора Живаго» в Италии остановила издание сборника стихов Пастернака в то время, когда многочисленные машинописные копии «Доктора Живаго» ходили по Москве, но Гладков не торопился его прочесть, считая, что он скоро будет издан. Не удивительно ли? Вот почему он был смущен просьбой Евгения Борисовича ознакомить его со своими дневниковыми записями о его отце. Он еще не читал тогда романа.

«Мне кажется, что где-то в 50-х годах (в начале их) у Б.Л. произошел какой-то внутренний перелом и он вышел из него чем-то озлобленным и задетым, — записал Гладков в дневнике 25 июня 1962 г. — во время чтения “Доктора Живаго”, полученного на день. — Завтра надо вернуть».

А до этого в дневнике краткие и трогательные записи о Пастернаке в дни траула, Гладков записывает гнусные разговоры на улице 27 октября 1958 г., в тот самый день, когда Пастернака исключают из Союза писателей. Через несколько дней, 1 ноября, он выслушивает «эхо обывательских разговоров и пересудов о всех сенсациях дня, а для меня все в этом вопросе (о Пастернаке) очень болезненно», — признается он. Этих записей нет во «Встречах с Пастернаком».

Гладков очень ярко описывает похороны Пастернака.

Чтение «Доктора Живаго» было мучительно для Гладкова. Почему он приступил к этому только после смерти Пастернака, хотя, казалось бы, роман, о котором он слышал от Бориса Леонидовича и который стал притчей во языцех после издания его за границей и всего того, что пришлось пережить его автору? Гладков, который всегда интересовался запретным чтением и умел доставать недоступные книги? Объяснением может быть только широко распро-

страненное в писательской среде, в которой он вращался, мнение, осуждающее Пастернака и его роман.³⁸ Гладков пишет, что ему было трудно увеличивать «ряды тех, кто бранил роман, не задумавшись над ним глубоко, а часто и вовсе не прочитав его» (С. 218). Горько сознавать, что «Доктор Живаго», в который автор вложил душу и высказал все то, что хотел сказать своим современникам, не был ими принят и понят. Известно мнение Ахматовой, назвавшей его «гениальной неудачей», письмо Ариадны Эфрон, которая была недовольна беглостью и краткостью описаний, и многих других, некоторые из которых, правда, при перечитывании романа меняли свое мнение. Подобный отзыв Гладков приводит в своем дневнике. Это слова Любови Михайловны Козинцевой-Эренбург, которая прочитала «Встречи с Пастернаком»: «(кто-то дал самиздатовский экземпляр) и не согласна только с двумя вещами: не надо было писать о связи дома Бриков с органами (я ответил, что это мнение Б.Л., а не мое) и еще, что ее первое впечатление о “Докторе Живаго” было таким же, как и мое, а когда она его перечитала, она его изменила в лучшую сторону. Может быть, тут она в чем-то и права. Надо мне еще раз перечитать роман», — добавляет Гладков (2 авг. 1969 г.).

В своей книге Гладков привел слова Пастернака о том, что «квартира Бриков была, в сущности, отделением московской милиции». За разъяснениями он обратился к Г.О. Винокуру, бывшему у них частым гостем. Тот рассказал об известном чекисте Якове Сауловиче Агранове (С. 118), чья фамилия была первой в некрологе Маяковского. В 1935 г. Пастернак обращался к нему, защищая жену и дочь арестованного В.Ф. Анастасьева, которых выселяли из Москвы. «Этот Агранов, — вспоминала А.Р. Грегер-Анастасьева, — интересовался стихами Бориса Леонидовича, его личностью и не раз намекал, что хотел бы побывать у него дома. Но Борис Леонидович всячески уклонялся, не желая усугублять знакомство».³⁹

³⁸ Тут возможно предположить и иное решение: на самом деле АКГ читал роман еще и раньше, но тот ему не понравился. И он рассчитывал, не признаваясь никому и даже не фиксируя это в дневнике, что со временем сможет его перечитать и — оценит тогда по-настоящему.

³⁹ ПСС. Т. 11. С. 244.

Выше мы процитировали слова Пастернака, который с удивительным пониманием отношения Гладкова к его поэзии говорил ему о «консерватизме» читателя, отстающего от поэта, который должен «сопротивляться вкусам своих поклонников» и их желанию «заставить его повторяться». И дальше он говорит о причинах, которыми Гладков объясняет свое неприятие романа:

Стремление к чистоте жанра свойственно только так называемым эпигонам, — записал Гладков слова Пастернака. — Открыватели и родоначальники варварски смешивают разнородные стилистические и композиционные элементы, оказываясь победителями, не по законам вкуса, а по его инстинктивному чутью. Их незаконные победы потом становятся образцом для новых толп подражателей (С. 126–127).

В полном согласии с этими словами писал Пастернаку его друг поэт Сергей Дмитриевич Спасский в 1950 г., четко представляя себе будущие претензии читателей к роману:

Нигде не установлено и не предрешено, какими методами должен развиваться роман и что подходит под мерки такого романа... В конце концов, писатель пишет так, как ему удобно... Формы «Потерянного времени» или «Войны и мира» просто уродливы и чудовищны на непривычный взгляд.

Ссылаясь на опыт Пруста и Толстого, Спасский утверждал право автора самому выбирать форму, стилистику, ритм повествования:

Единство ритма, единство дыхания — вот суть композиции. И эта увлеченная автором внутренняя ритмичность, будучи, может быть, первым толчком к творчеству, заставит и образы располагаться в определенных соответствиях и образует то, что внешне проявится как сюжет.⁴⁰

«Доктор Живаго» был принят молодыми людьми, прочитавшими его в 1950–1960-е гг. Это именно они осаждали подъезды

⁴⁰ Из письма С.Д. Спасского Пастернаку. — Б.Л. Пастернак: Pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике. Антология. Т. 2. СПб., 2013. С. 17.

зданий, где поэт выступал со своими стихами, и переполняли залы, подсказывая ему забытые при чтении строчки. Для них роман стал «живым современным словом, сказанным о насущных и острых вопросах мировоззрения». Вспоминая освобождающее значение «Доктора Живаго» во времена страшных и как бы окаменевших лет, «в окружении мертвых политических мифов и страхов», они поняли, что, «узнавши Пастернака, нельзя было больше принимать это мертвое всерьез. То, что он называл “магией мертвой буквы”, уничтожалось его живым словом <...> Наше поколение, поколение, прочитавшее “Доктора Живаго” в пятидесятые годы, никогда не уйдет от формообразующего влияния его идей», — вспоминал М.К. Поливанов.⁴¹ «Апостолом свободы» назвал Пастернака польский журналист Анджей Дравич.

Именно эти страшные годы Александр Гладков провел за решеткой. И по возвращении оттуда он, читая «Доктора Живаго», рассматривал его как измену «раннему» Пастернаку. Он не мог воспринять широкую идеологическую основу романа, основанную на свободно понятом христианстве, отказавшемся от пут клерикализма, мешающих видеть его истину. И слова из «Доктора Живаго», которые приводит Гладков, записывая разговоры с Пастернаком: «Всякая стадность прибежище неодаренности... Истину ищут только одиночки и порывают со всеми, кто любит ее недостаточно», — говорят именно об этой свободе отношения к миру.

Гладков не увидел в романе противостояния христианской атмосферы романа духу нового язычества XX в. с его «сангвиническим свинством жестоких, оспоею изрытых Калигул, не подозревавших, как бездарен всякий поработитель». С этим взглядом Пастернака на Сталина Гладков столкнулся еще в Чистополе и удивлялся тому, что тот называл Сталина «гигантом дохристианской эры».

Гладков обосновывает свое понимание романа словами Пастернака об утрате веры в цену собственного мнения, как главной беды нашего времени. «...Исполняя завет Б.Л., — пишет Гладков, — решаюсь высказать *собственное мнение*, и мне безразлично, кто и в каких целях в свое время яростно бранил роман».⁴²

⁴¹ ПСС. Т. 11. С. 467.

⁴² In memoriam. С. 561. В своей книге Гладков объясняет затруднение высказаться о «Докторе Живаго» тем, что он не хотел увеличивать «ряды тех,

Ясно, что Пастернак имел в виду не литературные оценки, а самостоятельную позицию по отношению к происходящему в жизни, притом что реакция Gladkova лежит в русле распространенного писательского мнения. Gladkov пишет, что безоговорочная хвала по отношению к Пастернаку мешала ему признаться в том, что роман ему оказался чужд.⁴³ Вероятно, именно это обстоятельство было помехой тому, чтобы дать Евгению Борисовичу свою книжку.

Только выдержки из его дневников помогли нам увидеть душевную трудность характера Gladkova, замкнутость жизни, узнать о непримиримых ссорах с друзьями, о его нетерпимости к возражениям. Мы не понимали, почему он никак не может дать нам свои записи, и только с помощью Ц.И. Кин, которой позвонил Евгений Борисович, удалось его уговорить дать их нам уже тогда, когда мы почти махнули на это рукой.

Gladkov выписывает имена тех, кому понравились его «Встречи с Пастернаком» и кто придерживается той же точки зрения на роман. Это М.Л. Слонимский, Н.Я. Берковский и его жена Е.А. Лопырева. Особенно дорого ему мнение Л.Я. Гинзбург («одна из умнейших читателей», — пишет Gladkov), которая «находит за “общей ласковостью тона” некоторое “лукавство художника”, рисующего объективный портрет Б.Л... и... показывающего его огромный и всеобъемлющий эгоцентризм. Она согласна с каждым словом о романе “Доктор Живаго” и говорит (уже не первая — то же и В.Ф. Панова и др.), что я первым объяснил ей связь желаний “быть как все”, тоски по большому читателю, — с корнями художественной манеры романа».

В эгоцентризме Пастернака обвиняют очень многие, но он считал, что творчество художника-реалиста всегда биографично не из эгоцентризма, а потому что он смотрит «на свою жизнь как на орудие познания всякой жизни на свете» и ведет «именно этот расточительно-личный и нерасчетливо-одинокый род существования».⁴⁴ Это то, что касается творческой точки зрения,

кто бранил роман, не задумавшись над ним глубоко (а часто и вовсе не прочитав его)» (ВсП, 218).

⁴³ См. запись 26 июня 1952 г.

⁴⁴ ПСС. Т. 5. С. 63.

а что касается отношения Пастернака к другим, то его внимательность поражала всех чуткостью, тем, как он умел

«помнить каждую мелочь, как он умел понимать то, чего другие даже не замечали», «выделить что-то самое хорошее и главное в человеке», вникнуть в каждого и уметь «сдерживать в себе все, что могло бы обидеть человека, даже если этот человек так глуп и бестактен, что нет человеческих сил его терпеть... Он часто хвалил людей, с точки зрения других — преувеличенно и незаслуженно. А это диктовалось только его глубочайшей жалостью».⁴⁵

Подобные чувства испытывал и сам Гладков, желая объяснить самому себе доброе расположение Пастернака. А упреки Л.Я. Гинзбург, вероятно, вызваны тем, что Гладков передает только слова Пастернака, а не полностью весь их диалог. В дневниках Гладкова нет такого переверса, он естественно пишет о самом себе.

Гладков был близко знаком с В.Т. Шаламовым, который после восторженных писем Пастернаку о романе 1955 г., переехав в Москву в 1956 г., пересмотрел свое отношение к нему и писал Н.Я. Мандельштам: «Наше знакомство прервалось при обстоятельствах, не делающих чести Пастернаку... Я не разделял и не одобрял его “опрощения”, не считал, что проза “Доктора Живаго” — лучшая его проза... Работа над романом, “опрощение” — все это встречает полное непонимание и в семье, и в квартире Ивинской».⁴⁶ Эта точка зрения очень близка гладковской, и возможно, тоже была ему известна.

Гладков записал, что его книжкой был заинтересован также Н.П. Смирнов и его знакомые, что естественно, потому что она привлекала людей не столько критикой романа, сколько живым описанием самого Пастернака. И если сопоставлять отзыв Ивара Иваска, который считает, что «Доктор Живаго» написан по рецеп-

⁴⁵ ПСС. Т. 11. С. 457.

⁴⁶ *Шаламов В.* Несколько моих жизней. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2009. С. 779. И это тем более странно, что сам Шаламов считал себя поборником того, что он называл «новой прозой», «нового романа», т. е. романа XX в. — экспериментального, рвущего традиции со старой классической беллетристикой века XIX.

там «Серапионовых братьев»,⁴⁷ то можно процитировать письмо Н.П. Смирнова, которое явилось ответом на просьбу Пастернака кратко оценить написанное, как старого редактора и литературного критика. «Вы такой тонкий, такой близкий по всему Вашему миру человек и такой знаток всей этой музыки, такой судья в ней», — писал ему Пастернак, передавая машинопись романа.

Роман волнует оттого, что он по-настоящему современен... оттого, что он с большой изобразительной силой показывает судьбу поколений «страшных лет России» — в том числе и моего поколения, оттого, наконец, что он вплотную касается не «текущих», а непреходящих — вечных вопросов, в частности — религии и творчества. <...>

Ценность Ваших «картин полувекового обихода» заключается не только (или не столько) в их высочайшей красочности, яркости и правдивости, но и в том, что они пронизаны и просвечены упорной и углубленной мыслью, что они продуманы *философски*. Замечательна, на мой взгляд, трактовка христианства как начала эры Человека — в противоположность «народам и богам», и незабываемо чудесен этот образ Христа («легкий, одетый в сияние»... и т. д.). Замечательна еще короткая, но чрезвычайно глубокая сцена с последним русским императором («он был трагически — выше всех этих пошлостей»)...<...> Самое же главное, что этот роман — индивидуально Ваш, что его не сравнишь ни с каким другим, что в каждом его слове ощущается неповторимый, острый пряный и терпкий аромат Вашего таланта. <...>

Вы ошибаетесь, что «Доктор Живаго» — роман «домашний», камерный, написанный «для себя». Это — явление настоящего, подлинно высокого и прекрасного искусства... Опубликовать его в ближайшее время вряд ли, конечно, придется, — он не поддается никаким «сокращениям» и «переработкам», — но это — чистопородное золото, которое не подвержено никакой ржавчине времени.⁴⁸

⁴⁷ *Ивар Иваск*. «Высота суждения» О двух книгах Пастернака: Доктор Живаго и Автобиография // Новое русское слово. 1959, 8 фев. С. 2 и 7; ПСС. Т. 10. С. 600.

⁴⁸ Из письма 1 мая 1955. Б.Л. Пастернак: Pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике. Антология. Т. 2. СПб., 2013. С. 48.

В последних словах Смирнов возражает против того, что Пастернак называл свой роман писавшимся сознательно «непрофессионально»:

Я начал ее <прозу> писать... когда по собственному какому-то отчуждению, я оказался не у дел и меня стало отмывать куда-то в сторону все больше и больше. Я лишился художественной собранности, внутренне опустился, как ослабнувшая струна, — я писал эту прозу *непрофессионально*, без сознательно выдерживаемого творческого предела, в плохом смысле по-домашнему.⁴⁹

Гладков в дневнике признается в своей любви к книге Ф. Степуна «Сбывшееся и несбывшееся»:

19 ноября 1973. Пленительно сочетание быта и истории, — записывает он. — Вне правды быта история не может быть рассказана правдиво и точно. Пожалуй, Степун повлиял на меня как мемуариста. Впервые я прочитал эту книгу в конце 50-х годов в Спецхране Ленинской библиотеки, а начал писать о Пастернаке в 1963 г. осенью в Загорянской.

Женя Пастернак, как-то увидев у меня на столе книгу Степуна (другую), сказал, что С. был внутренне близок Б.Л. Это характерно.

Статью Степуна «Борис Леонидович Пастернак», в немецком варианте «Die Neue Rundschau» 1959 Jg. 70, Пастернак получил во время своей последней болезни и ответил 6 мая 1960 г. (последнее предсмертное письмо, написанное с трудом): «Дорогой Федор Августович, только на днях, более чем с годичным запозданием прочел Вашу статью в Neue Rundschau. Сколько души и понимания Вы мне подарили! Страшно горжусь Вашим признанием и такой одухотворенной захватывающей поддержкой».⁵⁰

В этой статье Степун разбирает «внутреннюю связь Пастернака» с символизмом и видит в этом отличие «Доктора Живаго» от традиционной формы западноевропейского и русского романа. «Отсутствие пластичности», некоторую «расплывчатость» образов главных действующих лиц и случайность их встреч Степун объясняет поэтикой символистской прозы, которая дает Пастернаку

⁴⁹ Из письма 2 апреля 1955. ПСС. Т. 10.

⁵⁰ ПСС. Т. 10. С. 600.

«возможность окрылить свое повествование глубоко своеобразными, лично пережитыми раздумьями о судьбах мира, о трагедии человеческой жизни, о природе и назначении искусства». Он увидел в романе, как

...в планетарном размахе большевизма, в сверхчеловеческой активности партии, в ее мессианском утопизме, в том шуме и хаосе, которыми большевизм наполнил мир, Пастернак услышал голос смерти и увидел немое лицо человека, скорбящего о поругании самого дорогого, чем Создатель наградил человека, — о поругании его богоподобия, в котором коренится мистерия личности.⁵¹

Гладков часто при встрече с Пастернаком не без иронии описывает его внешний вид, то, как он выглядит со стороны. Глазами Гладкова мы видим фигуру приближающегося человека, не сразу узнаваемого, но привлекающего взгляд своей необычностью или небрежностью костюма.

«Он был в поношенном макинтоше, в нелепой широкополой шляпе и с рюкзаком за плечами», — записывает Гладков, увидев его в Москве 7 октября 1943 года (С. 167).

Через несколько лет при встрече с Пастернаком он отмечает в дневнике, 11 ноября 1946 г.:

Шуба все та же чистопольская, очень поношенная, но шапка новая, высокая, котиковая (С. 177).

(Шапка пирожком скорее всего была черного каракуля, поношенная шуба сохранилась до конца жизни и теперь передана в Чистопольский музей.) В этой же шубе Гладков встречает его 4 апреля 1947 г.:

Он был в шубе и странной желтой шляпе (С. 182).

И вскоре в конце июня, встретив Пастернака в Александровском саду, Гладков записывает:

⁵¹ *Стенун Ф.* Борис Леонидович Пастернак // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 70, 71.

Еще издали я увидел идущего по аллее человека в странном плаще песочного цвета из какого-то негнувшегося жесткого материала. На него все оглядывались. День был жаркий, и человек в плаще выглядел странно (С. 183).

Очевидно, что для Пастернака его внешний вид не имел никакого значения, но для внимательного глаза мемуариста и драматурга это было характеристикой человека, который сам, по-видимому, достаточно серьезно относился к своему костюму, хотя возможности следить за модой в это время не было ни у того, ни у другого. Но эти незначительные наблюдения дают нам возможность прибавить некоторые характерные черты к облику Пастернака и объяснить то ироническое отношение к нему, составленное о нем современниками.

В своей книге Гладков приводит шуточное стихотворение Пастернака, написанное ко дню рождения А.Е. Крученых. В нем он предлагал своему другу, который, подобно автору, «роком пощажен тем, что судьбой не избалован», — учредить орден «правдивой жизни в черном теле». В тех выборочных дневниковых записях, которые предлагаются в этой публикации, нет подробностей такого рода, но упоминание о 15 рублях, которые просит Пастернак у Гладкова в начале февраля 1942 г., а возвращает только через месяц, говорит о многом. К этому можно добавить то, что после отъезда Гладкова из Чистополя Пастернак оказался вынужден брать в столовой обед взаймы, достаточно убедительно показывает, что, кроме Крученых, их обоих тоже надо причислить к этому ордену.

Илл. 17. Б. Пастернак, В. Мейерхольд, А. Гладков
(5 марта 1936, квартира Вс.Э. М-да)

<Из черновиков «Встреч с Пастернаком»>

*(Выписки из дневников и записных книжек Гладкова,
комментарии М.Ю. Михеева и Ел.В. Пастернак)*

Я и сейчас, через тридцать с лишним лет, могу скопировать все его интонации, и, когда пишу это, у меня в ушах звучит его густой, низкий, носового тембра голос. «Пространство спит, влюбленное в пространство...» А в открытые окна доносился запах лип и дребезжание трамвая № 26 на улице Герцена (из «Бесед с Пастернаком»).

1931

(36) <...> Март <...> В «Кр[асной] нови» № 3 — «Впрок»
А. Платонова. <...> Август.

4-го авг. Начался снос Храма Христа Спасителя. <...>

Где-то осенью разговор о романе Пастернака. Развод и пр.⁵²
Выход «Спекторского» и «Охранной грамоты».⁵³

(37) посв. З.Н. Нейг[ауз].

«Красная новь» № 12 «Баллада» и «Вторая баллада» (Ирпень.
Конец авг. 1930 г.)

«Кр. новь» № 1. «Волны» Б. Пастернака.

«Новый мир» № 1 «Смерть поэта»

«Новый мир» № 4 «Лето».

«Новый мир» № 8: «Годами, когда_нибудь». «Не волнуйся,
не плачь, не труди», «Окно, пюпитр и как овраги эхом», «Любить
иных тяжелый крест», «Мертвецкая мгла», «Все снег да снег»,
«Платки, подборы», «Любимая — молвы слащавой», «Красавица
моя, вся статья».

«Красная новь» № 9: «Никого не будет в доме», «Ты здесь, мы
в воздухе одном», «Кругом семящейся ватой», «Опять Шопен
не ищет выгод»

1934

(33 об.) *Стихи Пастернака*⁵⁴

<...>⁵⁵

(4) «Это было при нас

Это с нами вошло в поговорку»

Б. Пастернак

⁵² Летом 1931 г. Пастернак вместе с З.Н. Нейгауз уехал в Грузию, по возвращении, в октябре, поселились на Волхонке. Его жена Е.В. Пастернак с сыном в декабре 1931 г. вернулась из Берлина и переехала к брату в Арсеньевский переулок. Официально развод был оформлен в 1943 г.

⁵³ Ед. хр. № 72. Дневниковые записи. 1931, 37 л. (л. 20–35 маш-сь, л. 36–37 — краткий обзор событий за год и библиографические выписки, в конце дневника).

⁵⁴ Запись простым карандашом (все рукописные записи, карандашные и чернильные, даются курсивом).

⁵⁵ Далее красным карандашом, *нрзб.* (ед. хр. 117. Записные книжки 1934, 61 л. [два бумажных «Блок-Нота» форматом 35 × 70 «ЗК № 13» и «ЗК № 15»]). Следующая запись — первые строки главы «Отцы» из поэмы «Девятьсот пятый год» (ЗК № 15, л. 4).

*«Повесть наших отцов
Точно повесть
Из века стюартов,
Отдаленней, чем Пушкин
И видится
То-же во сне»
Б. Пастернак*

*«Эти дни, как дневник
В них читаешь
Открыв наугад»
Б. Пастернак*

[после подведенной черты карандашом:]

*Он был похож на белую лошадь в синих очках.*⁵⁶

(37)⁵⁷ 12 авг. Редакция «Советское Искусство» просит меня быть ее основным референтом на открывшемся на днях Первом съезде писателей.⁵⁸ <...>

19 авг. Вчера открылся съезд. Я сажу близко к президиуму в ложе слева в первом ряду. <...>

(35) 30 авг.⁵⁹ Поэтические прения происходят бурно и страстно. Бухарин задел многих[,] и они выскочили с протестами. Мне понравилась речь Табидзе,⁶⁰ Пастернака, Д. Петровского и... Демьяна Бедного, который по своему прав. Пастернак говорил наредкость

⁵⁶ Далее следуют выписки из Луи Селина.

⁵⁷ Ед. хр. 75: Дневниковые записи 1934 г. [в отличие от предшествующих лет (1928–1933), уже машинописные].

⁵⁸ АКГ публикует заметки о съезде: После съезда писателей // РАБИС (журнал Всесоюзного профсоюза работников искусств). 1934. С. 34–35.

⁵⁹ АКГ присутствует на 1-м съезде писателей и записывает свои впечатления.

⁶⁰ Табидзе Тициан Юстинович (1895–1937: расстрелян), грузинский и советский поэт. Каждого прибывшего в Тбилиси поэтического гостя первыми встречали, как правило, Тициан Табидзе и Паоло Яшвили. В сент. 1924 г. они встретили Сергея Есенина, в марте 1926 г. — В. Маяковского, а в 1931 г. произошла встреча его с Пастернаком, после чего они стали близкими друзьями. (Жена — Табидзе Нина Александровна: 1900–1964.)

обаятельно⁶¹[,] и ему устроили овацию. Сегодня после яркого выступления испанца Рафаэля Альберти заключительное слово произнес Бухарин, интересно и остроумно отвечавший своим оппонентам.

1936

[Записная книжка № 20]

(2)⁶² 1 марта. (3 об.)⁶³ [чернила, но ранее и далее — карандашом:] 5 марта [1936] 5 марта был приглашен В.Э. к нему на обед. Должен был быть Андре Мальро.⁶⁴ Я пришел в пять часов. Еще не было никого кроме В.Э. и Зинаиды Николаевны.⁶⁵ Сидели в столовой и разговаривали о театральных событиях Москвы за последнее время. В столовой <уже?> роскошно накрытый стол. (4) Стук в входную дверь (в квартире В.Э. нет звонка). Входит Борис Пастернак и Зинаида Нейгауз.⁶⁶ Я не знал, что они должны быть. Это был для меня огромный сюрприз. Познакомился. Разговор все о том же: о <кампании> борьбы с формализмом, о «мейерхольдовщине», о чиновниках и интриганах вокруг искусства. ...

⁶¹ Стенограмма его выступления была опубликована в «Литературной газете» 1 сентября 1934 г. под названием «Во имя любви к родине» и в «Правде» 31 августа 1934 г. Текст по правленной автором стенограмме (ИМЛИ. Ф. 42) см.: ПСС. Т. 5. С. 227.

⁶² Записная книжка № 20. # Начато: 1 марта 1936 г. [чернила:] # Кончено: [карандаш:] 1 июнь 36 г. # Ед. хр. 119. Записные книжки 1935–1936, 67 л. [черные коленкоревые записные книжки с пуговками (№ 19 и 20)]. Здесь, в записной книжке, только предварительная запись, она потом будет расширена, при перепечатывании в дневник (см. ниже).

⁶³ Чернила, но ранее и далее в блокнотике — карандашом.

⁶⁴ Андре Мальро (Malraux; 1901–1976), французский писатель, культуролог, герой французского Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры в правительстве де Голля (1958–1969).

⁶⁵ Райх Зинаида Николаевна (1894–1939), актриса, первоначально жена С. Есенина (с 1917 до 1921), а с 1922 г., после развода с Есениным, — В.Э. Мейерхольда; играла в его театре; через несколько дней после его ареста была зверски убита неизвестными.

⁶⁶ Пастернак Зинаида Николаевна (в девичестве Еремеева, по первому браку Нейгауз, 1897–1966), вторая жена Бориса Пастернака, с 1932 г.

Из «Нувель де Моску» пришел фотограф.⁶⁷ До прихода Мальро снял меня с В.Э. и Пастернаком сидящими втроем на диване.

[то же — и в Дневнике 1936 г.:]

(120)⁶⁸ 5 марта 1936 г.

В.Э. просил меня быть у него к 5 часам.

Я пришел ровно в 5 часов[,] минута в минуту.

И, разумеется, я был первым из приглашенных.

Минут двадцать сидели с В.Э. и З.Н. [Райх] в столовой и разговаривали о московских театральных злобах дня: что будет с актерами МХТ 2-го, о фильме Вишневого и др.⁶⁹ В столовой уже был роскошно накрыт стол: у каждого прибора много разных рюмочек, вилок, ножики.

Стук во входную дверь (у Мейерхольдов почему-то нет звонка). И сразу из коридора доносится знакомый, носового тембра, гудящий голос...⁷⁰ Огромный сюрприз! Это Борис Леонидович Пастернак с Зинаидой Нейгауз. Я и не знал, что они тоже должны быть. В.Э. нас знакомит. Разговор все о том же: о <кампании> борьбы с формализмом, о «мейерхольдовщине», о чиновниках и интриганах вокруг искусства... Незаметно я рассматриваю Пастернака: он моложав, но кажется утомленным. В.Э. это замечает. Б.Л. жалуются на бессонницы. Снова стук. Нет, это еще не Мальро, а фо-

⁶⁷ Фотографом был В. Руйкович из «Journal de Moscou» — пропагандистская газета для заграницы.

⁶⁸ Приведем здесь более подробную запись об этой же их встрече — очевидно более позднюю, уже не из записной книжки, а из дневника. Она тем более интересна, что почему-то не попала в публикацию Шумихина в журнале «Наше наследие». 2013. № 106 — <http://www.nasledie-rus.ru/rodshivka/10609.php>. (Хотя была воспроизведена в публикации Ц. Кин в «Вопросах литературы». 1976. № 9. С. 189–190.)

⁶⁹ Имеется в виду фильм по сценарию Вс. Вишневого «Мы из Кронштадта» (1936).

⁷⁰ Сравним с тем местом из ВсП, которое можно было бы поставить эпиграфом к нашей публикации, — где АКГ вспоминает о чтении Б.Л. только что законченного «Спекторского»:

«Я и сейчас, через тридцать с лишним лет, могу скопировать все его интонации, и, когда пишу это, у меня в ушах звучит его густой, низкий, носового тембра голос. <...> В стихи Пастернака я влюбился за несколько лет до этого, еще в средней школе» (С. 60).

торепортер из «Нувель де Моску». До прихода Мальро он снимает В.Э., Б.Л. и меня втроем сидящими на диванчике. Я пытался уклониться, но В.Э. притянул меня за руку.

Мальро появился не один, а со своим секретарем — молодым Жаном Садулем (младшим братом знаменитого Жоржа Садуля).⁷¹ Во время обеда больше всего говорили Пастернак и Мальро. Мальро нервен, целеустремлен, мечтателен, человек монолога... В его манере говорить характерно отсутствие непосредственного обращения к собеседнику. Он не участвует в диалоге, или общем разговоре, а говорит как бы куда-то в сторону, над собеседниками, кусками монолога... Садуль⁷² Брат молчал или говорил ничего не значащие любезности. Пастернак, как в своих публичных выступлениях, которые я слышал (так близко я его вижу впервые)[,] говорит сложно, даже витиевато, часто туманно, горячо...

Разговор вертелся главным образом вокруг нынешнего нелегкого положения М-да в Москве. Мальро выражал сочувствие от лица левой парижской интеллигенции, говорил, что они там в Париже недоумевают и не понимают и отношения к Мейерхольду, и травли Шостаковича, и многое другое, и что он говорил об этом при встрече Косареву и не понял его ответа.⁷³ Он сочувственно говорил об Эренбурге и почему-то презрительно об Арагоне, так, приблизительно, как у нас говорят о Киршоне,⁷⁴ не мотивируя, а словно всем присутствующим это должно быть ясно. Так же говорилось и о Кольцове.

⁷¹ В машинописи зачеркнутые слова, но их можно разобрать. Брата Мальро звали Роллан Мальро, он некоторое время жил в Москве как кинорежиссер. Останавливался у Бабея.

⁷² Зачеркнуто и исправлено (от руки) на — *Брат*.

⁷³ Три строки густо зачеркнуты, забыты, *нрзб*.

⁷⁴ Киршён Владимир Михайлович (1902–1938: расстрелян), драматург, партийный деятель: организатор Ассоциации пролетарских писателей в Ростове-на-Дону и на Северном Кавказе; протеже Г. Ягоды; с 1925 г. — один из секретарей РАППа в Москве, был в числе наиболее радикально настроенных коммунистических литфункционеров (начал борьбу против попутчиков, вместе с В. Билль-Белоцерковским травил М. Булгакова).

В конце обеда З.Н. <Райх> завела разговор о возможности встречи В.Э. со Сталиным (через Поскребышева,⁷⁵ который три раза смотрел «Даму с кам[елиями]» и приходил к ней). В.Э. просит совета у всех присутствующих и сначала обращается ко мне («как на военном совете — к младшему»). Я[,] конечно[,] говорю, что это необходимо. То же говорит и З.Н. Мальро тоже считает, что личная встреча могла бы разрядить положение. В.Э. молча слушает. Потом говорит Пастернак, возражая. Его необыкновенная аргументация.⁷⁶ И В.Э. с ним соглашается.

После обеда Мальро и его брат уезжают на Курский вокзал — они сегодня едут в Крым к Горькому — вещи им привезут прямо на вокзал из гостиницы, и мы сидим за кофе еще несколько часов, почти до ночи.

(121) Пастернак много говорит[,] и в том числе рассказывает о телефонном звонке к нему Сталина о Мандельштаме (тот был арестован за какую-то будто бы им написанную «Балладу о Сталине»⁷⁷ и потом сослан в Воронеж).

За кофе В.Э. начинает «показывать». Он играет нам официантов разных национальностей, уходит и приходит все время в новом «образе», разливает ликеры и коньяк, выделяет чудеса с салфеткой и пр.

В театре шел «Лес». <...>

Говорят, что в Театре Сатиры снят спектакль «Иван Васильевич» (*пьеса М. Булгакова*).⁷⁸

(148) 1 июля 1936. У меня на стене над столом висит большой портрет Пушкина (Кипренского), фотопортреты Маяковского и Пастернака, фотография, где я снят с В.Э. Мейерхольдом

⁷⁵ Поскребышев Александр Николаевич (1891–1965), член РСДРП(б) с марта 1917 г.; заведующий особым сектором ЦК (Секретариат Сталина, 1928–1952).

⁷⁶ Пастернак считал, что Мейерхольду не надо встречаться со Сталиным и выступать перед ним в роли просителя. Всп, 51–52. См. также вводную статью.

⁷⁷ Стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...». Пастернак знал это стихотворение от самого Мандельштама, но в разговоре у Мейерхольда ничего не сказал об этом.

⁷⁸ Последние слова написаны карандашом.

и Б.Л. Пастернаком[,] и фотогруппа: Арбузов,⁷⁹ Плучек,⁸⁰ Шток⁸¹ и я. На столе в стеклянной рамке стоит репродукция ульяновского рисунка: Мейерхольд — Пьеро, с его драгоценной приветливой надписью, сделанной мне еще в прошлом году, в день моего отъезда из Ленинграда. Да, забыл — еще висит фото: Мейерхольд на репетиции — то, где он поднял руку...⁸²

(224) 30 декабря 1936. После урока танцев на репетиции «Бориса». Я принес В.Э. статьи Мериме о Пушкине. Он благодарит: «Вот, люблю вас за любопытство...» Перед репетицией говорим о разных злобах дня.

В.Э. рассказывает, что Пастернак будто бы отказался подписать протест советских писателей против книжки Андре Жида,⁸³ сославшись на то, что не читал ее в оригинале, а пересказ неубедителен. «И самое забавное, — говорит В.Э., — что Ставский,⁸⁴ разъярясь, считает, что это только предлог, а Пастернак и на самом деле так думает, и сделал это не из демонстрации, а из добросовестности».⁸⁵

⁷⁹ Арбузов Алексей Николаевич (1908–1986), драматург, знакомый и соавтор АКГ по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный» (1942).

⁸⁰ В молодости В. Плучек в компании с АКГ, А. Арбузовым и Э. Гариным, страстно увлекшись театром, ставил спектакли в различных студиях и кружках творческой молодежи Москвы и Подмосковья. (Ср. шуточное выражение, фигурировавшее в их товарищеской среде применительно к студии «Красный Луч», где им доводилось работать, — ее называли «Красный Плуч».)

⁸¹ Шток Исидор Владимирович (1908–1980), драматург и актер, друг юности АКГ, с которым они потом разойдутся.

⁸² Эта же запись была воспроизведена в публикации С.В. Шумихина (*Гладков А. Из дневников. 1936 // Наше наследие. 2013. № 106 — <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10609.php>*).

⁸³ *Андре Жид. Возвращение из СССР.* На эту книгу «Правда» отозвалась гневной статьей «Смех и слезы А. Жида» (3 декабря 1936 г.). Об отказе Пастернака подписать протест против книги А. Жида свидетельств нет, но в частном разговоре с литературным критиком А.К. Тарасенковым, содержание которого стало широко известно, Пастернак защищал А. Жида.

⁸⁴ Владимир Петрович Ставский (1900–1942) — ответственный секретарь Союза писателей.

⁸⁵ Эта же запись — и в публикации С.В. Шумихина (*Гладков А. Из дневников. 1936 // Наше наследие. 2013. № 106 — <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10609.php>*).

1937⁸⁶

[Дневник 1937]

(12) 10 янв. Вчера в «Литературной газете» письмо в редакцию Б.Л. Пастернака в ответ на критику Ставским его строк «кладет под долото / твои мечты и цели».⁸⁷

<...> В газетах продолжают бранить Пастернака: на этот раз за то, что он наивно и чистосердечно высказался не так[,] как надо[,] о книжке Андре Жида.

(39) 24 фев. Вчера днем был на Пушкинском пленуме. Джек Алтаузен⁸⁸ произнес гнусную речь о Пастернаке, связывая его политически с Бухариным. Еще отвратительней выступил хороший поэт Дмитрий Петровский (Алтаузен — никакой поэт). Он назвал Пастернака двурушником, «сознательно пишущим шифрованные стихи, обращенные к врагам». За восхваление Пастернака досталось и критикам: Мирскому и Тарасенкову.

(41) 27 фев. 1937. <...> # В «Правде» передовая о двурушниках. В отчете о пленуме правления опять бранят Пастернака и Сельвинского и называют «врагами народа» П. Васильева и А. Макарова. Дорого обходятся Пастернаку бухаринские комплименты. Сейчас буквально все пытаются объяснить влиянием Бухарина и Радека. #

⁸⁶ То же — в публикации С.В. Шумихина (*Гладков А. Из дневников. 1937 // Наше наследие. № 107–108* — <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10708.php> и <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10812.php>).

⁸⁷ Строки из стихотворения «Счастлив, кто целиком», которые Ставский в докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов назвал «клеветой на советский народ». Б. Пастернак в Письме в редакцию «Литературной газеты» (ПСС. Т. 5. С. 238) выступил против искажения смысла его стихотворения.

⁸⁸ Джек (Яков Моисеевич) Алтаузен (1907–1942) — поэт. Связь с Н.И. Бухариным, к тому времени арестованным, основывалась на его докладе о поэзии, сделанном на съезде писателей в 1934 г., где он назвал Пастернака «одним из замечательнейших мастеров стиха». С поэтом Дмитрием Васильевичем Петровским (1892–1955) у Пастернака сложились близкие дружественные отношения весной 1914 г.

(43) 2 марта. Днем в театре: возня с разными счетами и актами в бухгалтерии. Зачем мне это надо — быть «материально ответственным лицом»?

Вечером на «Даме» разговор с В.Э. о «Пушкинском» пленуме ССП. Он говорит, что на днях говорил с Б.Л. Пастернаком по телефону, и добавляет, что тот «держится мужественно».

(43) 3 марта. Меня предупредили, чтобы я был осторожнее с формулировками в своих лекциях в Училище, что кто-то готовит на меня письменный донос, который пойдет в газету. Не сомневаюсь, что Альтман с удовольствием напечатает любую пакость, ибо удар по мне одновременно будет нападением на Мейерхольда. А при высоком уровне политической демагогии это может заставить В.Э. отмежеваться от меня. Я смотрю на это трезво и понимаю, что сам В.Э. не в таком сейчас положении, чтобы защищать меня в случае чего. Пастернаку боком выходят похвалы Бухарина. Дружеские отношения Мейерхольда с Бухариным менее известны, но могут всплыть, и тогда польется... Вот почему я уже вторую неделю откладываю свою лекцию в Училище о «Театральном Октябре»: в ее теме все сложно и спорно и поймать меня тут будет просто. К.И. Гольцева ничего этого не понимает и торопит меня.

(47) 10 марта. <...> Расставшись с Э.П. [Гариным], иду в Клуб писателей на вечер Т. Табидзе. На нем присутствуют Р. Альберти и М.Т. Леон. Она очень красива. Читал свои переводы Б.Л. Пастернак. В конце Табидзе читал по-грузински стихи, посвященные Сталину.⁸⁹ Был с М.Я. Шнейдером.

(55) 27 марта. В «Литературной газете» отчет об общем собрании ленинградских писателей. Атмосфера доносов и проработок.

Н. Заболоцкий выступил против Пастернака. А ему-то зачем? Ведь он сам подлинный поэт. Засвидетельствовать благонадежность? Много раз мелькает имя «врага народа» Бориса Корнилова.

(127) 2 окт. <...> Еще встреча на Гоголевском бульваре с Б.Л. Пастернаком. Он меня узнал и приветливо заговорил. Сразу, не понижая

⁸⁹ У Табидзе нет стихов о Сталине. Возможно, Гладков спутал его с Паоло Яшвили, который тоже присутствовал на этом вечере.

голоса, начал говорить об «ужасном времени» и, довольно спокойно, о своем возможном аресте.⁹⁰ Удивительный человек!

(161) 31 дек. В «Литгазете» сегодня отрывок о 1905 годе из нового романа в прозе Б.Л. Пастернака. Он написан от первого лица и автобиографичен. Это настоящая большая проза.⁹¹ По сравнению с прежними прозаическими вещами Пастернака здесь повествование, рассказ берет верх над процессом «виденья мира», если так можно сказать. И манера более свободная, менее напряженная и сгущенная. Скорей бы он был закончен. Осточертели разные «Хлебы» и «Сыновья трудового народа».

1938⁹²

[Дневник 1938]

(8) 10 янв. Днем захожу в ГОСТИМ.⁹³ [Сначала АКГ и Мейерхольд в театре, потом они идут с ним пешком домой и беседуют у В.Э. дома.] <...> В.Э. рассказывает, что арестован их хороший знакомый доктор Левин, лечивший его и З.Н.⁹⁴ Около 7 часов

⁹⁰ В Всп, 199 Гладков пишет, что «не запомнил его говорящим вполголоса, наклоняющимся к собеседнику и понижающим тон, шепчущим, старающимся, чтоб не услышали, не обратили внимания. Мы-то все годами приучались говорить тихо и только для собеседника».

⁹¹ Имеется в виду публикация главы из незаконченного романа «Записки Патрика».

⁹² РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 79. 87 л.

⁹³ Государственный театр имени Вс. Мейерхольда (ГОСТИМ, ГосТиМ), драматический театр, под разными названиями существовавший в Москве в 1920–1938 гг.

⁹⁴ Лев Григорьевич Левин (*Ушер-Лейб Гершевич Левин*; 1870–1938: расстрелян) — врач-терапевт, доктор медицинских наук, профессор, консультант лечебно-санитарного управления Кремля, отказавшийся в 1932 г. зарегистрировать смерть Н. Аллилуевой как следствие аппендицита, друг и домашний врач А.М. Горького, обвиненный в его убийстве. Был также личным врачом В.И. Ленина, Ф.Э. Дзержинского, В.М. Молотова, Г.Г. Ягоды, В.Р. Менжинского и многих других деятелей партии и правительства. С ранней юности был близок с Л.О. Пастернаком и лечил всех членов его семьи. (Далее текст этой записи по публикации С.В. Шумихина в журнале «Наше наследие». 2014. № 109. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10910.php>.)

приходит Б.Л. Пастернак. Я узнаю его голос еще из передней: этакое милое гудение. Он сидит недолго. Говорит о заразительности безумия. В первые минуты нового года у него родился сын. Потом заходит речь о деньгах.⁹⁵ В.Э. снова говорит, что у него нет никаких сбережений и что ему придется продать машину. — Вот, может, Гладков купит у меня библиотеку? — невесело шутит он. Мне хочется уйти вместе с Б.Л. но В.Э. меня задерживает и я сижу еще около часа. В столовой стоит клетка с зеленым попугаем[,] и В.Э. ласково и забавно говорит с ним, поглаживая его желтый хохолок.⁹⁶

(10) 10 янв. (продолжение) В.Э. говорит, что сейчас ему очень просто разделить просто знакомых и настоящих друзей. Пастернака он называет другом. Друзья это те, кто звонят и приходят в эти дни. Из завсегдатаев дома, испугавшихся и исчезнувших с горизонта, он с горечью называет Льва Оборина.

(18) 1 марта. Вечером в Консерватории снова 5-ая симфония Шостаковича,⁹⁷ концерт Брамса и фантазия на темы «Женитьбы Фигаро» Моцарта. Солист — новый лауреат Владимирский.

⁹⁵ Театр был закрыт приказом Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР от 7 янв. 1938 г. «О ликвидации Театра им. Вс. Мейерхольда», опубликованным на следующий день в «Правде». Свой последний спектакль театр сыграл 8 января: это было 440-е представление «Ревизора». Разговор идет о деньгах, потому что Мейерхольд после этого остался без работы.

⁹⁶ Ср. в более ранних «Материалах для книги о Мейерхольде»: «22–23–25 дек. “Актив” в Гостиме.

На следующий день после закрытия театр[а] у В.Э. Дверь открыла З[инаида] Н[иколаевна]. М[ейерхольд] лежал в кабинете на тахте, прикрывшись клетчатым плэдом. Горела одна настольная лампа. Он откинул плэд и сел. Он посадил меня рядом с собой. Пауза. Я говорю, что все постепенно наладится.

— Нет, мне не дадут больше работать...

Несколько дней он не выходил из дома.

На третий день после закрытия театра у В.Э. Пастернак. 7 ч. вечера. Метель. Разговор о деньгах. У В.Э. нет сбережений. Он говорит, что придется продать машину» (Ед. хр. 59. Л. 68).

⁹⁷ А.А. Баранович-Поливанова записала слова Пастернака по поводу 5-й симфонии: «Подумать только, взял и все сказал. И ничего ему за это не сделали» (ПСС. Т. 11. С. 453).

На концерте встречи с В.Э. Мейерхольдом и Б.Л. Пастернаком.
<...>

(3)⁹⁸ 18 окт. 1938 г. Москва. # Если не считать нескольких случайных записей — не писал дневник с начала лета. Попытаюсь снова вернуться к регулярным записям <...>⁹⁹

(73) 12 нояб. [на концерте Генриха Нейгауза в Большом зале Консерватории]

Среди публики Б.Л. Пастернак. Впервые заметил у него в волосах седину. Я поклонился: он ответил, видимо не узнав меня.

1939¹⁰⁰

[Дневник 1939]

(5) 10 янв. Только что вернулся из Консерватории. Впервые исполнялся концерт для скрипки с оркестром Мясковского. Солировал Давид Ойстрах. На концерте был Б.Л. Пастернак. Виски у него уже седеют. Он ответил на мой поклон, но я не уверен, что вспомнил, где мы встречались.

1940¹⁰¹

[Дневник 1940]

(10) 27 янв. <...>

Вечером в Т[еа]-К[лубе] лекция о Пастернаке. Читаю его стихи.

⁹⁸ Ед. хр. 79. Дневниковые записи. 1938, 87 л. МФ [на бумаге в клетку, от руки, чернилами].

⁹⁹ За исключением этой рукописной записи, остальное есть и в «Нашем наследии». 2014. № 110 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11015.php>). Начиная с 5 л. в Дневнике — машинопись.

¹⁰⁰ Ед. хр. 80. Дневниковые записи. Маш-сь. 1939. 75 л. Оpubл. в «Нашем наследии».

¹⁰¹ Ед. хр. 81. Дневниковые записи. Маш-сь. 1940. Оpubл. в «Нашем наследии». 2014. № 111 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11114.php>).

(33) 11 мая. <...>

Утром прочитал афишу, что сегодня Борис Пастернак читает в Лектории МГУ «Гамлета», и побежал в кассу. Мне достался последний входной билет за трешницу.

Пастернак читал как всегда, обаятельно гудя в нос, делая пропуски и длинно пересказывая пропущенное с талантливейшими комментариями. Мне его перевод, впрочем, нравится меньше, чем перевод Лозинского. Тот объективнее. Но все равно это очень талантливо. Ему устроили овацию. Какое славное студенчество у нас появилось.

1941¹⁰²

[«Дневничок 1941»]

(2) 29 окт. 1941 г. Вчера вечером приехали в Чистополь. Библейская грязь, тьма, ветер с дождем, татарин-извозчик, обалдевшая от удивления Аня Богачева, ужин в грязной чистопольской ресторации...¹⁰³ <...>

Первое впечатление от города скверное. Не хочется тут оставаться, а[,] может быть[,] придется. <...>

(2 об.) 30 окт. Центр общественной жизни писательской колонии в Чистополе — столовая Литфонда. Здесь можно сытно пообедать за 5–6 рублей и встретить всех и вся... Многие сидят

¹⁰² Ниже отсутствующая у автора единая хронология 1941–1942 гг. (ср. «Дневниковые записи» // РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 82–83) восстанавливается по следующим четырем дополняющим друг друга источникам: 1) «Дневник. Осень-зима 1941 года г. Чистополь» [авторское название; тетрадка без обложки и корешка, автограф, заполненный чернилами, с записями от конца января по 17 марта 1942; ниже обозначается как «Дневничок 1941»]. Ед. хр. 134, с архивной пагинацией от л. 1 до 36 об.; 2) «Записная книжка № 51» [авторское название]; внутри той же самой ед. хр. 134, л. 37–63; 3) «Записная книжка № 52» (л. 23–69): «Начато 29 янв. 1942 Чистополь # Кончено: 13 апр. 1942 Свердловск» [в черном коленкор. переплете] и — 4) [тетрадка без первого листа обложки и (нескольких?) начальных листов], с зап. от 19 янв. по 17 марта 1942, л. 1–22. обозначается ниже как «Дневничок 1942»]; оба последних — в составе ед. хр. 135 того же фонда: 2 документа, 65 л.

¹⁰³ Богачева Анна, жена драматурга Алексея Арбузова.

тут от открытия до закрытия, как в клубе, например, Валентин Парнах.¹⁰⁴

(3 об.) 2 нояб. Был на писательском собрании. Шла долгая, нудная трепотня с перебранкой на разные актуальные для чистопольской братии проблемы. <...> Если не считать умного бодрого Глебова,¹⁰⁵ только[,] пожалуй[,] Пастернак держал себя достойно: пишет новые стихи и никуда не стремится бежать... <...>

(8 об.) 15 нояб. <...> Сегодня днем около нашей столовой меня остановил Пастернак...

— Послушайте, ваше лицо мне удивительно знакомо...

— Да мы встречались с вами, Борис Леонидович.

— Но где же, где?

Я напомнил ему о встречах у Вс.Эм. Мейерхольда. Он сразу вспомнил[,] (9) спросил меня[,] что я делаю, каким образом оказался в Чистополе и пр.

Мы разговаривали минут десять и условились увидеться на будущей неделе специально....

Пастернак ходит в черной шубе и черной же каракулевой шапке. Он немного сед, но еще не очень, пожалуй — моложав для своих лет....

[«Записная книжка № 51»]

(38) Начато: 28 окт. 41. Чистополь.

Кончено: 28 янв. 1942. Чистополь.

(38 об.) [без даты] Пастернак в разговоре: Государство — это чтобы каждому было неудобно.

¹⁰⁴ Парна́х Валенти́н Яковлевич (настоящая фамилия *Парно́х*; 1891–1951), российский поэт и переводчик, музыкант, танцор, хореограф.

¹⁰⁵ Анатолий Глебович Глебов (настоящая фамилия *Котельников*; 1899–1964), драматург, журналист, прозаик. О нем в дневнике АКГ позже напишет: «7 фев. 1964. <...> # Умер мой старый хороший знакомый А.Г. Глебов. С ним связаны и воспоминания о начале журналистики, и о драматургическом дебюте, и о делах в Союзе пис[ателей] после 16 октября [1941 года], и о Чистополе. Он недавно стал успешно писать мемуарную прозу — как бы начал вторую литературную жизнь после многолетних неудач в драматургии. Уходят люди 20-х годов. #».

(44 об.) [10 дек.]¹⁰⁶ Пастернак[,] приходя в столовую Литфонда[,] всегда[,] сколько бы не было градусов, снимает пальто и вешает его на спинку стула. Сегодня (10 дек.) он[,] когда я вхожу, здоровается со мной, приглашает сесть за свой столик, но извиняется[,] что он будет заниматься. Справа от тарелки перед ним лежат четыре маленьких листика бумаги[,] и он то ест, то просматривает их, что то исправляя...

Среди <нудных>, сплетничающих, сидящих здесь в шубах и шапках, литераторов он — как белая ворона.

(45 об.)¹⁰⁷ 18 дек. 1941. Федин [нрзб.]: <читает> «Воспоминания» <...> собирается человек 40 «писателей» и писательских «жен».¹⁰⁸

(46) <...> Большинство сдержанно-вежливы. Б. Пастернак восторжен, но немного по-мальчишески (может быть, это <оттенок> у него от выпавшего переднего верхнего зуба), он и улыбается, и что то бормочет. <...>

(47) 22 дек. Разговор по телефону с Г. Штайном.¹⁰⁹ Изд-во «Искусство» печатает пьесу.

(26) 22 дек. <...>

(27) Днем встречаюсь[,] как условились заранее[,] с Пастернаком и даю ему на прочтение «Давным-давно». Узнаю от Хесина,¹¹⁰

¹⁰⁶ Дата, 10 декабря, указана в тексте самой записи между записями чернилами — от 5 и 14 дек.

¹⁰⁷ Запись фиолетовыми чернилами.

¹⁰⁸ Речь идет о чтении воспоминаний о Горьком «Горький среди нас» (Всп. 17 дек. С. 81–82). Пастернак писал Вс. Иванову 12 марта 1942 г.: «Мы устраиваем по средам литературные собрания. Федин открыл их чтением своей книги, прошедшим с огромным успехом».

¹⁰⁹ Штайн Георгий Георгиевич (1911 — после 1965), русский драматург, театральный критик, переводчик; зав. лит. частью театра им. Ермоловой.

¹¹⁰ Хесин Григорий Борисович (1904–1964), директор Всесоюзного Управления Авторских прав (ВУАП). С 1942 по 1946 г. параллельно с этим был директором Литфонда. Приезжал в Чистополь. В 1950–1956 гг. был репрессирован.

что под вечер из Казани будет звонить консультант Комитета искусств и редактор издательства «Искусство» Г. Штайн и что он просил меня быть в Союзе (в помещении Райкома) ко времени его звонка.

(27 об.) <...> Под вечер иду в Райком ждать звонка Штайна. Он звонит около шести. Кроме меня с ним говорят Глебов, Пастернак и Дм. Петровский. Штайн сообщает мне, что экземпляр пьесы, посланный мною ему полтора месяца назад, с опозданиями получен и что пьеса принята <...>

(28 об.) Пастернак и Петровский жалуются ему на свои неурядицы с пьесами и также просят денег. Ухожу я вместе с Пастернаком. Он очень нервен и как-то уныл. На днях он кончил перевод «Ромео и Джульетты», но не очень высоко оценивает эту работу и <сообщает>, что война «опрокинула все планы постановки его перевода “Гамлета”» — его <любимую> переводческую работу. Он прямо не (29) говорит этого, но видно по всему, что матерьяльные его дела неважны. Петровский почти голодает и тщетно выпрашивает у Хесина авансы. Жалко их обоих.

Вечером в Доме учителя концерт пианистки Лойтер¹¹¹ для писателей. <...>

(47 об.) 25 дек. [1941]. Большой разговор с Пастернаком о «Давным-давно» и Петефи, о жизни о [нрзб.] и позже прогулки: обед. ##

[то же по «Дневничку 1941»]

(29 об.)¹¹² 25 дек. Сегодня днем встретил в столовой Б. Пастернака. Он пригласил меня сесть за его столик. Мы говорили о «Давным-давно» (пока он прочел только один акт), о Петефи и о прочем. Я не обедал, а Пастернак[,] съев постные щи и 200 грамм черного хлеба (второго не было)[,] предложил мне пойти погулять. Прогулка продолжалась довольно долго[,] и все это время я слушал его беспорядочно блестящий монолог....

¹¹¹ Лойтер Елизавета Эммануиловна (1908–1973), с 1931 г. — лектор-музыковед (в первые годы также пианист) Моск. филармонии.

¹¹² В (рукописном) Дневнике за то же 25 дек.

Он удручен неудачей с театральной реализацией своего «Гамлета», которого он ценит слишком высоко по сравнению с другими своими работами.¹¹³ Он даже сказал: «80 % Вашего хорошего отношения ко мне это мой “Гамлет” конечно»[,] и[,] разумеется[,] ошибся.... Он жаловался на то[,] что серьезная работа не дает <почти?> заработка, а переводы наших [нрзб.] (30) грузинских поэтов могут обеспечить на год-полтора. Его беспокоит мнение о том[,] что и после войны Ставский выстроит нас в шеренгу и будет [нрзб.] еще круче... он говорил[,] что ему тяжело отсутствие свободы слова и что[,] если после войны все останется по-прежнему, он может очутиться среди своих старых друзей на севере (намек на В.Э. М[ейерхольда]), потому что он больше не хочет не быть самим собой. Его откровенность со мной меня немного удивила, вероятно[,] она объясняется корнями нашего знакомства....

Про «Давным-давно» он сказал, что первый акт очень весел, жив и изыскан, но слишком «густ». Может быть, я чересчур увлекся колоритом... Впрочем, он оговорился, что эти замечания только предварительные и большой разговор о пьесе у нас будет, когда он (30 об.) прочтет все 4 акта. Он очень заинтересовался моим замыслом работы с Петефи. И интересно, и верно говорил о цыганском, буйном духе его поэзии. Советовал для пьесы прочесть статью Листа о цыганских мотивах в венгерской музыке и ознакомиться с Ленау (я признался, что мало знаю его).... Говорили еще о Марине Цветаевой, о переводах Луначарского, о «Ромео и Джульетте» — новой переводческой работе Пастернака[,] и о многом другом. Он сетовал на МХТ за то[,] что последний не поставил его «Гамлета»[,] и рассказал хороший анекдот о Ливанове в Кремле.¹¹⁴ # <...>

¹¹³ В Всп в этом разговоре во время прогулки есть слова о Гамлете и о Петефи: «Ему очень понравилась написать героическую драму о Петефи». С. 85–86. Далее на С. 87–89 последовательно приводятся в некотором пересказе пассажи из речи Пастернака на Минском пленуме 1936 г., печатавшиеся в «Литературной газете» 24 февраля 1936 г. и к тому времени. Сопоставления текстов приведены в комментариях к Всп С. 258–260.

¹¹⁴ На одном кремлевском приеме актер МХАТа Б.Н. Ливанов, репетировавший роль Гамлета, спросил Сталина, как, по его мнению, надо

(34 об.) 29 дек. <...>

(35) Утром захожу к Пастернаку и беру у него экземпляр пьесы, чтобы дать Штайну список опечаток.¹¹⁵ Борис Леонидович снова хвалит пьесу. Говорю с Хесиным о деньгах. Обещает завтра что-нибудь дать, у нас уже нет ни копейки.

(36) 31 дек. <...> Сегодня днем прогулка с Пастернаком. Он слегка простужен, у него прострел в спине. Обычный для него захлебывающийся монолог. Говорит, что все время войны до отъезда из Москвы и первое время здесь было отличное настроение, потому что он был как все, стоял на крышах и спал в Переделкине возле зениток (36 об.) и это было все далеко от советского писательства. Потом он[,] по его словам[,] надеялся на то[,] что всеобщее бегство и паника отсеют от литературы чиновников и отцов-командиров, но[,] кажется[,] это не так.... При расставании он пожелал мне в новом году «всего того, о чем мы так много говорим между собой и еще больше молчим».... Я звал его встречать новый год с моей компанией. Он сначала как будто обрадовался и сказал, что он будет один этот вечер, так как его жена[,] служащая в детском интернате[,]¹¹⁶ на вечер будет там, хотел прийти и даже спросил адрес, но потом вспомнил про прострел и сказал, что ему лучше лежать дома с книжкой....

У меня с ним как-то сразу установились простые и сердечные отношения. Забавный штрих... Он и не знал, что Крым был занят немцами... Читаю «Три мушкетера».

играть советского Гамлета. Сталин ответил недоумением: «Зачем нужно играть “Гамлета” во МХАТе?» После этого репетиции прекратились. Сам Ливанов отрицал реальность этого эпизода. Пастернак об этом рассказывал достаточно широко. Его рассказ можно отнести к фольклору или анекдоту. Может быть, он сам это сочинил, чтобы объяснить отказ МХАТа от постановки Гамлета.

¹¹⁵ Имеется в виду, очевидно, «Давным-давно».

¹¹⁶ Сначала Зинаида Николаевна была взята на работу в интернат литфондовского детдома как воспитательница, но потом стала сестрой-хозяйкой (ср. Всп, 70 и примеч. 255).

[«Записная книжка № 51»]

(50) [31 дек.] *Сегодня последний день 1941 года. Я в Чистополе. <...> Здесь в Чистополе — тихий медленный быт, нечто среднее между ссылкой и эмиграцией. <...> Я здесь в Чистополе с молодой женой. Год назад мы еще не были знакомы, да и полгода назад я с ней еще даже не здоровался при встречах...*

(59 об.) Б.Л. Пастернак ул. Володарского, 75. [адрес в Чистополе] #

1942

(I) Дневник. 1942 год¹¹⁷

(31) 2 янв. <Чистополь>¹¹⁸

(32) 9 янв. 1942.¹¹⁹ Сегодня узнал, что в понедельник, 5-го, на заседании чистопольского филиала правления ССП меня приняли в члены Союза писателей. Это решение должно быть утверждено в Казани секретарьём ССП (Бахметьев, Аппетин и др.), но авторитет участников заседания (Б.Л. Пастернак, М. Исаковский, Л. Леонов, К. Тренев и он — Федин) предпрещает утверждение.

¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 83, 86 л.: сначала это рукопись (л. 1–4); далее маш-сь: (5) 3 июня; затем, л. 8, снова рук-сь: начато 27 сент. 1942. М. (23) Свердловск (до 28); далее (от л. 29–88) маш-сь.

¹¹⁸ Записи «хозяйственного» характера — о заготовке дров, об играх в шары у Арбузовых и проведении вечера у неких *Сони* и *Аннели* с выпивкой и патефоном (Аннель Стоянова — жена болгарского писателя-эмигранта Людмила Стоянова (настоящ. имя *Георги Стоянов Златаров*; 1886–1973). Но о Пастернаке не говорится, тогда как в (ВсП, 92) под этой датой содержится рассказ о подаче АКГ заявления о принятии в члены СП, которое было поддержано БЛ.

¹¹⁹ Имеются переключки с (ВсП, 93) с переделкой фраз и добавлениями. Ср.: <...> *Это решение еще будет утверждаться в Казани...* в перечислении в скобках еще: *Асеев, Добрынин*. Заменены некоторые выражения: *...авторитет участников заседания...* персональный состав собрания... Вставлены целые фразы — как в начале: *Мою пьесу прочли Тренев и Леонов.* <...> — так и в конце: *Обо мне горячо, хвалебно говорил Б.Л. и, неожиданно, Тренев. <...> Первый порыв — пойти к Б.Л. поблагодарить его, но удерживаюсь. Не хочется показаться навязчивым.*

Я был принят единогласно. За меня выступали Б.Л. Пастернак, Леонов и Тренев. Протокол заседания уже переслали в Казань.

Я[,] конечно[,] рад[,] и даже очень.

(34) 14 янв. 1942.¹²⁰ Встретил на лестнице в Управление Б.Л. Пастернака. — Здравствуйте. Как вы похудели!... (Я немного нездоров эти дни.) На днях у меня к вам будет большой разговор... Встретимся не на ходу и поговорим, как следует...¹²¹

Борис Леонидович относится ко мне с заметной симпатией и доверием. Истоки этого[,] конечно[,] в корнях нашего знакомства (Всеволод Эмильевич).¹²²

16 и 19 янв. <...>¹²³

[«Записная книжка» № 51]

(47)¹²⁴ 18 янв. [1942]¹²⁵ *Обедаю с Пастернаком. Рисовый суп и ужасное рагу из баранины. Он грызет горбушку черного хлеба. Говорим о военных и [нрзб.] новостях. Я рассказываю ему о бесчинстве немцев в Ясной Поляне (по радио). Он ужасается и недоумевает.*¹²⁶ *Просит у меня мою пьесу дня на два[,] на три...*

¹²⁰ Эта же запись совпадает с изданием: *Гладков А.К.* Из дневниковых записей. 1941–1945 гг. // *Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тексты, воспоминания.* М.: РОССПЭН, 2006. С. 208. (Далее ссылка на изд. дается сокращенно как — «Музы».)

¹²¹ В (ВсП, 93) эта запись датирована 16 января и переведена из прямой в косвенную речь: ...он спросил, почему я так похудел... и прибавил, что на днях у него ко мне будет большой разговор...

¹²² Ср. в «ЗК № 51»: (53 об.) *Пастернак со мной [нрзб.] — доверчив, что[,] наверно[,] объясняется истоком нашего знакомства (Вс. Эм.).*

¹²³ В этих записях о Б.Л.П. нет ни слова: т. е. запись из (ВсП, 93) за 19 янв. отсутствует!

¹²⁴ По Записной книжке (Ед. хр. 134).

¹²⁵ В дневнике 1942 г. за это число такой записи нет, но на ее месте стоит другая, с перечислением полученных писем и сделанного ими с Арбузовым по пьесе «Бессмертный»).

¹²⁶ Пастернак писал К. Чуковскому 12 марта 1942 г.: «Среди вещей, вывезенных (а не уничтоженных) из Я<сной> П<оляны>, числится копия с патиной “Наташи на балу” к “Войне и миру”».

19 янв. Встречаю в «Союзе» Пастернака. Говорим с ним о дровах, как их привезти в такие морозы с затона. Я объясняю ему технику получения литфондовых дров.¹²⁷ Потом[,] конечно[,] о войне.

(36) 24 янв.¹²⁸

(37–38) 28 янв.¹²⁹

[«Дневничок 1942»]:¹³⁰

(2) 29 янв. Четвертую ночь мучаюсь бессонницами. Просыпаюсь в три часа и не сплю до 7–8... Потом[,] послушав три выпуска «Последних известий»[,] снова дремлю немного, но спать не могу. Я думаю, это объясняется волнением по поводу московской премьеры. Ужасно хочется поехать туда, но нельзя, держит пьеса о студентах и отсутствие денег...

Арбузову лучше. Я сегодня начал писать второй акт.

Вчера вечером в Доме учителя на очередной литературной «среде» Асеев читал отрывки из новой поэмы и военную лирику. Все это¹³¹ не более чем сносно, хотя большинство было в восторге. Подробно я записал свое мнение в записной книжке. Я был с Тоней.¹³² Интересно и тонко и горячо говорил Борис Пастер-

¹²⁷ Потом в ВСП появится: «Я работал рядом с Пастернаком. Он не ворчал, не жаловался, а ворочал поленья если не с удовольствием, то, во всяком случае, бодро и весело» (69).

¹²⁸ Есть запись в дневнике, но в ней также не говорится о Б.Л. А в (ВСП, 94–97) под этой датой дан разговор о трактате Гюго о Шекспире, который в дневнике отнесен к 8 марта. Характерно, что в дневнике нет цитат из трактата, которые Гладков внес непосредственно во время работы над книгой ВСП. Записи от 2, 3, 4, 10, 15, 20, 23, 26, 27 фев. и 3, 5, 6, 7, 11, 13, 14 и 17 марта, которые есть в ВСП, с. 99–134, в дневнике за 1942 г. вообще отсутствуют.

¹²⁹ Здесь в Дневнике то же, что — в (ВСП, 97–99). Ср. ниже с предварительной записью того же, в Записной книжке.

¹³⁰ Та же самая запись и в машинописном Дневнике: л. 37.

¹³¹ Асеев читал отрывки из новой поэмы.

¹³² Тоня, или в часто просто Т. — сокращение, многократно встречающееся в дневнике. Это жена автора, Антонина Антиповна Тормозова, во время их знакомства актриса Арбузовской студии, позднее перешедшая в театр Советской армии.

нак...¹³³ # [так и в Дневнике: «Интересно, тонко и горячо говорил Борис Леонидович. ###]

[то же по «Записной книжке № 51»]

(58)¹³⁴ 28 янв. [1942]¹³⁵ В очередную «Среду» Союза писателей Н. Асеев читает отрывки из своей поэмы еще не конченной и лирические стихи времени войны... Все близоруко и фразеристо[,] кроме двух маленьких лирических вещей о стрекозе на винтовке¹³⁶ и «Разговора с другом». Но все единодушно восхищены, кто от «ребячливой» доброжелательности (Пастернак), кто от дурного вкуса (Арский, Боков,¹³⁷ Никитин и др.)[.] Пастернак произносит длинную речь об искусстве вообще, записать которую дома [нрзб.] <сложно?> [и] невозможно. Она вся [нрзб.] <состоит> из тончайших парадоксов, фейерверка мыслей, логически друг с другом не связанных. Очень хорошо все это произносится — с [нрзб.] <запалом> юност[и] (58 об.) и милым добродушием. Пастернак председательствует на собрании, где больше жен писателей, чем писателей, заботится о том, чтобы у каждого был стул, первый [нрзб.] <раздает?> [нрзб.] <пальто?>, давая пример другим (в комнате холодно), до начала несколько раз подходит к жене, которая[,] кутаясь в пальто[,] стоит у железной печки[,] и[,] очень нежно называя ее [нрзб.] «<Кисой?>»[,] о чем то спрашивает... Во время чтения Асеевым он улыбается, восхищенно качает головой, говорит «Очень хорошо!» «Прекрасно» и вообще ведет себя изумительно изящно-гостеприимно. Смотреть на него [нрзб.], настолько он красив и легок. Вот уж поэт

¹³³ Эта запись есть и в публикации «Музы», с. 210.

¹³⁴ По Записной книжке (Ед. хр. 134).

¹³⁵ Хотя в соответствующей записи Дневника за 1942 г. об этом нет.

¹³⁶ Очевидно, имеются в виду строки Н. Асеева: *Стрелок следил / во все глаза / за наступленьем неприятеля, / а на винтовку стрекоза / крыло хрустальное приладила* («Контратака», 1941).

¹³⁷ Павел Александрович Арский (Афанасьев; 1886–1967), пролетарский писатель, сын каменщика; поэт, драматург; Боков Виктор Федорович (1914–2009), родился в крестьянской семье; русский поэт, прозаик, собиратель фольклора.

в самом прекрасном смысле слова. Речь его — реплики, неумное [нрзб.] <содержанье, содержимое?>, стенограмма мыслей.¹³⁸

(109)¹³⁹

[«Записная книжка № 52»: ¹⁴⁰

(25–25 об.) <...>

*Разговор с Пастернаком о художнике Н.Н. Ге... «Я знал его, когда был мальчиком. Он даже говорил, что у него есть только два настоящих друга[,] Лев Николаевич Толстой и я (мне тогда было 5 лет)... Для меня он не художник, а старый знакомый отца».*¹⁴¹

(26) [без даты: после зап. от 4 фев., но перед зап. от 2 фев.] *Борис Л. Пастернак в разговоре о войне неожиданно спрашивает[,] нет ли у меня на два дня пятнадцать рублей. У меня[,] к счастью[,] есть. Я вынимаю и отдаю ему. Он благодарит, берет. Потом вдруг резко вынимает бум[ажник] из кармана и протягивает мне — Нет, не могу взять у вас, вы не [богаты] — Так вы же берете не полторы тысячи, а пятнадцать рублей... Он колеблется... — Видите ли[,] у меня такой заворот с деньгами... Ну хорошо, я возьму. Как это глупо — просить пятнадцать рублей... Мы оба смущены...*

¹³⁸ Всп, 97–98. Далее идут слова Пастернака об искусстве, которые, как Гладков только что отметил: «записать дома невозможно, потому что состоят из тончайших парадоксов, фейерверка мыслей, логически друг с другом не связанных».

¹³⁹ На след. листе продолжение дневника за — ноябрь 1941, Чистополь.

¹⁴⁰ (л. 25) начато 29 янв. 1942 Чистополь # кончено: 13 апр. 1942 Свердловск.

¹⁴¹ Без даты, но после записи от 4 фев. (ср. в Всп, 108).

Боре Пастернаку было четыре года, когда Н.Н. Ге скончался. «...Во время одного из своих <Н. Ге> посещений, — вспоминал Л.О. Пастернак, — он сказал мне: “У меня теперь на свете три друга: Лев Николаевич Толстой (не помню, кого он назвал вторым) и ваш Боря”» (*Пастернак Л. Записи разных лет. М., 1975. С. 142*). Гладков читал верстку книги Л. Пастернака и отметил это место в своем дневнике 23 ноября 1973 г.

[«Дневничок 1942»:]

(5) 4 февр. *Интересный разговор с Пастернаком. Я записал его в записной книжке.*

[«Зап. книжка № 52»:]

(от 30 об. до 33 об.) 4 фев.¹⁴² *На очередной чистопольской «среде» должен быть вечер поэтов Д. Петровского, [нрзб.] <В. Гупних?>, Я. Кейхауза и др. Приходит один Кейхауз. Из слушателей прихожу я, Павел Арский, Гуго Гупперт и с маленьким опозданием Борис Пастернак и человек 10–12 писательских «жен». Решают, что вечер должен состояться. Кейхауз чахоточный 2-[нрзб.]¹⁴³ высокий малый с ассирийской бородкой и шеей[,] замотанной в зеленый шарф. <...> (31) [читает переводы из Гейне и Кипплинга] В это время <появляется пришедший> с мороза благожелательный и <оживленный> Пастернак. Он просит прощения за опоздание. Ему повторяют «Остров Бомини», который он слушает с видимым удовольствием, улыбаясь изредка. Кейхауз розовеет от счастья. Пастернак хвалит перевод и просит прочесть оригинальные произведения. Кейхауз извиняется за мрачность своих тем, читает вступление и несколько отрывков из поэмы «Ночь в одиночке», посвященной октябрьским (41 г.) [нрзб.]¹⁴⁴ <переживаниям> в Чистополе, войне и бедствиям эвакуации, потом он читает три стихотворения о сыне, среднее из (31 об.) которых Пастернак просит повторить и очень хвалит. Вообще он хвалит стихи Кейхауза как акты создания поэтом мира, а не 2[нрзб.]¹⁴⁵ ритмической, подражательной или словесной. Бедняга поэт[,] видимо[,] счастлив. Мне этот [нрзб.] вечер доставляет больше радости[,] чем вечер Асеева на прошлой неделе. Обратно идем с Пастернаком вместе, вернее я его провожаю....¹⁴⁶ Снова его хаотические монологи, из которых как всегда успеваешь запомнить лишь ничтожную часть. [далее АКГ пытается восстановить эти монологи:]*

¹⁴² См. ВсП, 102–104.

¹⁴³ В ВсП, 102: ...скверно одетый.

¹⁴⁴ В ВсП, 102: ...посвященной 16 октября в Москве.

¹⁴⁵ В ВсП, 102: ...по инерции.

¹⁴⁶ У АКГ стоят обычно четыре точки: это его авторский знак.

— «Ромэо и Джульетту» я перевожу не так, как «Гамлета», стараюсь быть проще — непере译имые метафизические выражения, народные поговорки перевожу их смысловым, а не образным эквивалентом...

(32) — Жизнь в Чистополе хороша тем, что здесь мы ближе[,] чем в Москве[,] к природной стихии, в Москве что нам морозы, не то здесь, и даже отсутствие удобств всех этих [кранов?] — [штенселей] мне лично оно не кажется лишением[,] и это говорю почти от имени поэзии....

— В Переделкине перед отъездом в Чистополь я старался как можно больше наработать для денег и ночью во время бомбардировок усаживался писать. Мне бомбардировки в этом не мешали. Даже лучше[,] кругом тишина, но очень мешала домработница [нрзб.] <пожилая умная женщина, но> отчаянная трусиха, которая вдруг врывается в мою комнату и пугала меня страшным криком: «Опять стреляют»[—] и потом выбегала куда_нибудь (32 об.) прятаться[,] и мне приходилось бежать закрывать за ней дверь, ибо она в тишине¹⁴⁷ нарушала светомаскировку, распахивая двери....

— Здесь в Чистополе у меня светлая хорошая комната, но тепло в ней[,] если отворяешь дверь к хозяевам, а там целый день сплетничают, ссорятся, учат уроки, играют на патефоне, и все это ты неизбежно слушаешь[,] даже когда работаешь — только половиной сознания в работе, а другой половиной там...

— Но тем не менее я здесь количественно более производитель, чем в Москве, не знаю уж как в смысле качества....

Пастернак очень огорчен тем[,] что в среду[,] 11 февраля[,] отменяется (33) чтение им недавно законченных «Ромэо и Джульетты», как ему об этом грубовато сообщает <Добрынин>, намекающий в этот день провести пушкинский вечер...

Пастернак говорит, что 11-ое — день его рождения (29 января, по старому) — поэтому он хотел читать в этот день... Его огорченье по_детски велико, и действительно[,] насколько приятней было бы слушать в день рождения Бориса Леонидовича только что законченные им «Ромэо и Джульетту», чем

¹⁴⁷ Очевидно, ошибочно, вместо: в темноте.

какую_то[,] наверно[,] [нрзб.] <будничную?> программу казенно-го юбилейного вечера....

(36 об.) [без даты, после зап. от 13 фев. и перед — от 20 фев.] # Пастернак в парикмахерской.... Записать #

(38 об.) 23 фев. <...>¹⁴⁸

Пастернак сделал скандал своей квартирной хозяйке за шум, потом раскаялся в этом, стал просить извиненья, а вечером ни с того ни с сего[,] выступая на вечере в честь годовщины Красной Армии, рассказал все это с какими_то философскими комментариями, потом сам понял (39)[,] что это глупо[,] и снова стал раскаиваться. Вот инцидент типичный для него. #

(39 об.)¹⁴⁹ Четверг[,] 26 февраля. Вечером в 6 часов вечера Борис Пастернак в зале Дома учителя читает только что оконченный перевод Ромэо и Джульетты.... Билеты по 4 и 5 рублей распродавались между писателями и членами их семей в пользу подарков для Красной Армии. Под вечер в городе авария на электростанции. Тухнет свет. Пастернак читает при свете двух керосиновых ламп. Зал почти полон. Давно не было в Чистополе литературного вечера[,] собравшего столько народа. Писательск[ая] колония Чистополя еще довольно велика. Но в отличие от ноября и декабря сейчас <жен> писателей заметно больше, чем самих писателей. В этот же вечер в Гортеатре премьера «Обрыва». <...>

(40) Начинают с получасовым опозданием. Борис Леонидович в черном костюме и пестром <вязаном?> галстуке, на ногах белые валенки. Он добродушно спокоен. Как обычно перед читкой[,] он начинает говорить вступительные замечанья, растекается в них, перескакивает с одного на другое, запутывается и[,] наконец[,] обрывает. Он говорит о лучших русских переводах «Р. и Д.» (старых), он называет перевод Михайловского в трехтомнике <Гербеля>¹⁵⁰ и перевод Аполлона Григорьева, хотя последний

¹⁴⁸ Ср. по Всп, 115.

¹⁴⁹ Ср. Всп, 115–117.

¹⁵⁰ Гербель Николай Васильевич (1827–1883), русский поэт-переводчик, литературовед, издатель, редактор, библиограф; составитель книги «Русские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1873, 1880, 1888).

и страдает чрезмерной руссификацией текста. Пастернак горячо хвалит книгу В. Гюго «Шекспир», называя ее одной из лучших существующих в мире книг по искусству, сравнивая ее с «Моей жизнью в иск[усстве]» Станиславского и о влиянии этой книги на кружок молодой редакции «Москвитянина»... <...>

(40 об.) Потом он начинает читать. Читает он не хорошо, но мило, понятно и громко. Он абсолютно не актер[,] и когда он, читая характерных персонажей вроде кормилицы, начинает актерствовать, это получается наивно. Лучшие всего он читает текст Ромео и Лоренцо. Драматически выразительно прозвучала сцена смерти Меркуцио... Сам перевод очень хорош, едва ли не лучше «Гамлета». Его отличие от перевода «Гамлета» в большей «объективности». Здесь меньше Пастернака и (41) больше Шекспира. Рифмованные куски переведены образцово, хотя попадаются спорные рифмы, т. е. не очень точные, полуассонансы. Пастернак читает перевод не полностью, а делая во второстепенных сценах купюры. Вначале еще он предупреждает, что вершиной пьесы по простоте он считает 5 акт, но для того[,] чтобы добраться к нему[,] надо потерпеть. 5-ый акт он читает весь целиком. Пропущенные места он пересказывает — и опять — типично для него, иногда этот пересказ с его комментарием так разбухает, что он, поняв это, смеется и говорит — <что> проще это будет прочесть... Он сидит за столом на эстраде между двух ламп. После 3 акта он делает перерыв. Все чтение заканчивается без четверти одиннадцать. #¹⁵¹

(44) 7 марта. Три часа в гостях у Б. Пастернака¹⁵². Разговор об искусстве и прочем.... Выхожу от него полным счастьем от этой беседы, еще больше утвердившись в своей многолетней влюбленности к этому необыкновенному человеку, попробую записать все возможно подробнее... Мы условились с Б.Л. еще несколько дней назад, что я приду к нему сегодня утром. Выбравшись[,] иду в начале первого. Б.Л. моется в своей [комнате]и кричит мне сквозь дверь, чтобы я подождал минутку в кухне, через

¹⁵¹ Но записи от 3 марта (см. ВСП, 119: в очереди за хлебом) и от 6 марта здесь как будто нет.

¹⁵² Однако (по ВСП, 122) «почти пятичасовой разговор...».

которую <нужно> проходить, идя к нему в комнату. Я жду. Кухня как кухня. Керосинка, рыхлая хозяйка, детишки. На стене почему-то плакат кино-фильма «Песнь любви»... За дверью комнаты Б.Л. веселый плеск воды и фырканье. Наконец дверь (44 об.) раскрывается и Б.Л. приглашает меня войти. Он в брюках и белой довольно мятой и грязной рубашке. Разговаривая со мной, он надевает подтяжки, застегивает ворот, поддевает воротничок. [Нрзб.] На пиджаке нижняя пуговица правого борта болтается на ниточке[,] и я невольно смотрю на нее в продолжение нашего разговора. Пол залит водой. Б.Л. приносит щетку и затирает пол. Он усадил меня на стул, и я сижу, а он расхаживает по комнате и только в середине беседы садится на кровать... Комната средней величины, побеленная очень неважно: по середине стены идет бордюр, изображающий черных и красных птиц. Мебели в комнате всего две сдвинутые рядом кровати («литфондовские») такие же как наша, рабочий стол Б.Л. и несколько стульев. В углу подобие <шкафчика>. (45) Очень неудобно, но довольно светло... На столе толстая рукопись большого формата. Это «Ромэо и Джульетта», старинное издание Шекспира (2 тома), английский словарь, французский словарь, книга В. Гюго о Шекспире на французском языке, переложенная узкими бумажными листиками, и под ней толстые тетради, исписанные почерком Б.Л. — видимо выписки (проза). На столе чернильница, кучка карандашей, лезвий для бритвы, куча квитанций и старых писем.

В волосах Б.Л. уже заметна проседь, но она еще не преобладает. Глаза желто-карие, крепкие лицевые мускулы, свежая кожа, впереди нет верхнего зуба, что придает улыбке Б.Л. мальчишеский оттенок. Оживлен, подвижен.

(45 об.) Как всегда Б.Л. многословен, сбивчив и хаотичен, но только внешне, внутренне он очень последователен и целен в своем как бы противоречивом монологе. Затрудняясь в каком-нибудь определении[,] он нечто мычит: это странное междометие сопровождает всю его речь. Записать ее по порядку невозможно. Запиши здесь только самое главное....¹⁵³

¹⁵³ Ср. с Всп, 123.

[после пропуска строки]

Б.Л. спрашивает мое мнение о фрагментах поэмы Асеева. Я говорю, что держусь мнения противоположного[,], чем он, и мотивирую свою точку зрения. Он не спорит со мной и говорит, что я[,], пожалуй[,], прав,¹⁵⁴ но что он хвалит Асеева потому[,], что хочет поддержать его в [нрзб.] в том чувстве внутренней независимости, <к> которо<й> Асеев после многих лет стал возвращать себя только здесь в Чистополе...

(46) Он говорит, что ряд лет был далек от Асеева из-за всего того, что определяло атмосферу [грубости] «ЛЕФа» (компания Бриков). Группировку Бриков он называет «отделением московской милиции», говорит об их вреде для Маяковского. Потом, как бы противореча сам себе[,], Б.Л. говорит, что Асеев недавно уже здесь чем-то снова оскорбил его и вынудил «жаловаться» Федину...

Он говорит, что многие писатели не могут оценить тех благ, которые им дала эвакуация в смысле возможности приобретения «внутренней независимости». И что в этом смысле он очень доволен Чистополем...

О своем положении в советской литературе Б.Л. говорит очень скромно: «Меня ценят за большее, чем я дал». (46 об.) «Я в долгу у литературы». «Я со своим именем часто кажусь себе Хлестаковым». Потом в его словах звучит горечь: «Иногда мне понятно, что я нечто вроде привиденья». Он говорит, что даже в Чистопольской пятёрке правления он часто чувствует себя «двусмысленно».¹⁵⁵

Он рассказывает, что в Переделкине Фадеев часто[,], напившись пьяным[,], являлся к нему и «откровенничал». Пастернака смущает, что он позволял себе это почему-то именно с ним...¹⁵⁶

¹⁵⁴ По ВСП: *Может быть, вы и правы* (с. 123).

¹⁵⁵ См. ВСП, 124, где Гладков приводит объяснения Пастернака, чувствующего себя Хлестаковым своей известностью, которого ценят за большее, чем он дал.

¹⁵⁶ Здесь и в следующей записи подчеркиванием помечено то в дневниках АКГ, что он сам позднее, очевидно, не включил в текст своей книги. Главное, что Фадеев смущал Пастернака тем, что «откровенничал», то есть говорил политически недопустимые вещи, что воспринималось как провокация. «Фадеев лично ко мне хорошо относился, но если ему велят меня

О своих переводческих работах он говорит много и охотно. Признается, что уже немного тяготится ими, но все остальное «непрочно», а они дают какой-то «хлеб». По-прежнему очень высоко отзывается о своем «Гамлете»: «Что бы мне о нем не говорили, я (47) знаю, это моя лучшая работа»... Говорит он[,] словно угадывая готовое родиться у меня возражение... Я говорю ему, что[,] на мой взгляд, его работа над «Ромэо и Джульеттой» в отличие от «Гамлета» — объективней. Здесь везде Шекспир сам, а в «Гамлете» нередко слышится Пастернак. Он возражает мне и говорит, что «Гамлет» вообще у Шекспира субъективнейшая трагедия, насколько трагедия может быть субъективной... Другое дело «Ромэо и Дж.». В дальнейшем он собирается начать переводить <Словацкого>¹⁵⁷ (?)...

Говорит, что он нашел в «Ромэо и Джульетте» ряд почти дословных сходств Шекспира с Маяковским (в том числе «любовная лодка наткнулась на быт...» — финальные реплики Ромэо). Здесь сходство настолько близко, что пришлось его уничтожить, чтобы оно не бросалось в глаза. (47 об.) Он приводит еще несколько примеров и выводит заключение, что Маяковский учился у Шекспира. Он еще говорит о близости их остроумия... Спрашивает меня, читаю ли я по-французски...

— Я хотел вам предложить замечательную книгу Гюго... Это сокровищница мыслей об искусстве, читая ее, чувствуешь себя мальчиком...¹⁵⁸ На мой вопрос об его отношении к театру В. Гюго отвечает тем, что когда-то читал «Рюи Блаз», но забыл, остального не помнит... я спрашиваю его, почему он оставил свою работу над большим романом в прозе, отрывки из которого появились в «Литгазете» и «30 днях» в 1938 году. Он отвечает, что ему помешало продолжить ее все время менявшееся

четвертовать, он добросовестно это выполнит и бодро об этом отрапортует, хотя и потом, когда напьется, будет говорить, что ему меня жаль и что я был очень хорошим человеком» (ВсП, 109).

¹⁵⁷ Словацкий Юлиуш (1809–1849), выдающийся польский поэт-романтик, драматург, философ-визионер.

¹⁵⁸ Имеется в виду трактат В. Гюго «Уильям Шекспир» (1864). См. о нем в вводной статье.

*ввиду политической конъюнктуры отношение к империалистической войне...*¹⁵⁹

(48) О «Давным-давно» <...> *Но главное Ваше активное свойство — это доверчивость Вашего воображения, пленяющая читателя....*

(48 об.) «Так поздно уж, что скоро будет рано» # «Ромэо и Джульетта» # Перевод Бориса Пастернака.

(50 об.) Пастернак[,] явившись в театр[,] чтобы условиться о читке «Ромэо и Дж[ульетты]», снимает где_то у входа галоши и идет дальше без них. Нужно знать это грязное, пустынное, никем не охраняемое здание, чтобы вполне оценить это безумие.

(59) Записи последних бесед с Пастернаком в марте¹⁶⁰

[«Дневничок 1942»:]

(17 об.) 11 марта. <...> *Сегодня диспут о писателях и критике. Говорят Леонов, Федин, Пастернак, Винокур, Дерман, Нусинов, Галкин.*¹⁶¹ *Все ерунда, кроме трех речей Пастернака. С ним болтаю в кулуарах.*

(18 об.) 13 марта. <...> *Днем встреча с Борисом Леонидовичем в Союзе. Он первый подходит ко мне. — Здравствуйте, Александр Константинович — вы не забыли, что завтра вы у меня... а потом[,] может быть[,] пойдем в театр...*

Увидев, что я разговариваю с Аней Богачевой, он спрашивает меня — Это ваша жена?... В Союзе дают билеты на просмотр

¹⁵⁹ Ср. по ВсП, 111.

¹⁶⁰ Перед этим — записи карандашом, календарного характера, о его перемещениях, посылке писем и переговорах относительно пьесы «Давным-давно». После этого заглавия чернилами подведена черта карандашом, но потом — 5 пустых страниц! Далее — опять записи календарные.

¹⁶¹ Винокур Григорий Осипович (1896–1947), лингвист и литературовед; Дерман Абрам Борисович (1880–1952), русский писатель, критик, историк литературы и театра; Илья Исаакович Нусинов (1920–1970), драматург, киносценарист; Самуил Залманович Галкин (*Шмуэл Халкин*; 1897–1960), советский еврейский поэт (писал на иврите), драматург и переводчик.

«Разгром немцев под Москвой»[,] и он берет два билета на понедельник[,] 16-го.

(19 об.) 14 марта. *Сегодня был вечером у Пастернака. Он заболел и принял меня лежа в постели. Говорили с ним о «Давным-давно»[,] которую он наконец прочел всю.... Его мнение о ней очень хорошее, выше, чем я ожидал! Подробно наш разговор я запишу в записную книжку...*

Уйдя от него, зашел по его просьбе к его жене, которая служит в детском интернате Литфонда[,] и просил ее вернуть-ся домой. Отдал ему имеющуюся у меня в кармане коробочку <кальцекса>¹⁶².

Вечером же успел быть на концерте Лойтер в Доме учителя (Бах, Бетховен, Шопен, Лист) и посмотреть 2-ой акт «Обрыва».

(21 об.) [внутри последней записи, от 17 марта] Сердечно попросился с Б. Пастернаком и Г. Винокуром.

[«Зап. книжка № 52»:]

(23)¹⁶³ [без даты] *Пастернак:*

«Зло[,] для того чтобы существовать, должно притворяться добром, поэтому оно безнравственно вдвойне: тем что зло, и тем что притворяется <нагромождение?» [нрзб.] <только> Ницше главной бедой считал именно эту способность зла быть оборотнем и только с этой чертой зла боролись. Даже фашизм под самое черное из своих преступлений подводит фундамент [—] заботу о немецком народе»...

«Дневник»:¹⁶⁴

(39) 18 марта 1942.¹⁶⁵ Пишу это в Казани <...> Итак, закончился чистопольский период. Он продлился без малого пять месяцев.

¹⁶² См. Всп, 132–133.

¹⁶³ На обороте обложки, карандашом. Соответствует записи (Всп, 107).

¹⁶⁴ Ед. хр. № 83: Дневниковые записи. 1942. Автогр. маш-сь; 86 л.

¹⁶⁵ Под этой датой в дневнике о Б.Л.П. ничего нет, есть — в записи за 19 марта (она в Всп отсутствует), которая переключается с записью в книге за 20 марта (Всп, 134).

<...> Чистополь, несмотря на безденежье и другие трудности, как_то сразу оказался каким_то родным. <...> ##

(40) 19 марта.¹⁶⁶ <...> # Под вечер является с аэродрома Арбузов. Он привозит мне письма Тони, Б.Л. Пастернака и машинописный экземпляр «Ромео и Джульетта» в переводе Б.Л. Арбузов не мог дотащить свой чемодан и оставил его в аэропорту.

(40) 20 марта. <...> Арбузов оказывается совсем слабаком[,] и чемодан приходится волочь мне одному.¹⁶⁷

[22–24 марта: они едут с Арбузовым из Казани в Свердловск на премьеру пьесы АКГ в ЦТКА]

(42) 28 марта. Моя беседа с труппой о «Давным-давно». <...>

(43) 1 апр. 1942. Тоня между прочим пишет из Чистополя: «Сегодня в столовой встретила Пастернака. Он со мной очень любезно поздоровался[,] и мы долго разговаривали. Я рассказала ему, как ты уехал и с каким приключением (о самолете. — А.Г.), что пьеса его уже в Казани (перевод “Ромео и Дж.” — А.Г.). Он меня благодарил и взял наш с Аней¹⁶⁸ адрес — я сказала ему, что переехала, сказав, что если что будет ему нужно, он зайдет. Я сказала, что могу сама зайти к нему, а он сказал, что не смеет меня беспокоить[,] и еще изъявил желание посмотреть “Обрыв”. Я обещала ему оставить места, но попросила не судить строго. Итак, в воскресенье Пастернак будет смотреть “Обрыв” (письмо от 23 марта).

А в другом письме Т<оня> пишет: «Пастернак очень часто о тебе спрашивает и взял твой адрес. Жди от него письма. Как твои

¹⁶⁶ 20 марта: «Я уже второй день в Казани <...> *Вчера вслед за мной прилетел из Чистополя Арбузов и привез мне записку от Б.Л. <...>*» (ВсП, 134). Более разговорные выражения и интимные подробности очевидно убираются: *является...; не смог дотащить чемодан...*

Алексей Николаевич Арбузов (1908–1986), драматург, давний знакомый и соавтор АКГ.

¹⁶⁷ В этой дневниковой записи о Б.Л. ничего нет, но самой этой записи — нет в ВсП, а что вместо нее, см. выше.

¹⁶⁸ Видимо, жены Арбузова и АКГ — Аня и Тоня — во время отсутствия мужей живут в Чистополе вместе.

успехи с хлопотами о постановке перевода Пастернака? Он очень [нрзб.] <?-беден> и недавно в столовой он брал обед взаймы...» (это в *следующем* письме).

Успехов с продвижением «Ромео и Джульетты» у меня пока нет. Я дал его прочесть А.Д. Попов [у], но он взял его без особой охоты, сказав, что он так привык к другому переводу, который он ставил в театре Революции, что ему было трудно читать, да и он [не] уверен, разойдутся ли роли в труппе ЦТКА. Но все же обещал прочесть.

Очень хочется мне помочь Б.Л. В Москве это сделать легче.

(53) 5 мая. [АКГ выезжает в Москву на поезде — вместе с А.Д. Поповым, Т. Хренниковым и А. Арбузовым — и приезжает туда только 12-го]

(55) 10 мая.¹⁶⁹

11 мая.¹⁷⁰ Когда просыпаемся утром, поезд снова стоит в 165 км от Москвы. В 11 часов Шатура. Бреюсь с холодной водой. Все-таки сегодня будем в Москве.

Везу своим около килограмма топленого масла и большие связки лука.

Днем у нас опять сидит Долматовский. Он сыплет анекдотами, первый хохочет и матерится <...>. Он видел в Чистополе Б.Л. Пастернака и свысока говорит о нем. Я, конечно, лезу в спор. У меня с собой тетрадка последних стихов Б.Л. Да, в стихах Женя понимает немного.

(76)¹⁷¹

17 авг. <...>

У меня под вечер В.Н. Яхонтов. Он пришел за экземпляром пастернаковского перевода «Ромео и Джульетты». Он хочет сам

¹⁶⁹ Об «истории» Долматовского (как он попал в окружение, пробиваясь к фронту, и как выдержал экзамен уже у своих — «на поэта» — по книжке собственных стихов). Евгений Аронович Долматовский (1915–1994), поэт, автор слов многих известных советских песен.

¹⁷⁰ По изд. «Музы», 218.

¹⁷¹ О возмущении АКГ от просмотра собственной пьесы «Д-д» в постановке Горчакова в б. т-ре «Корша на Богословском» — из-за самовольных вставок в текст Б. Фердинандова: «...на всем налет примитивизма и пошловатости».

один сыграть его. Советуемся о купюрах. Еле успевает уйти до начала «комендантского часа».¹⁷²

(79) 19 окт. <...> # Слух, что Сталин звонил Леонову и хвалили его пьесу «Нашествие». ##

(80) 22 окт. <Москва> 1942.¹⁷³

Зашел днем пообедать в Клуб писателей. Там почему-то выключен свет[,] и хотя на улице довольно светло, в зале ресторана ранние осенние сумерки все укутали в серую полутьму.

Слышу знакомый голос, непохожий ни на какой другой: — Александр Константинович!

Всматриваюсь, за столиком в углу сидит Б.Л. Пастернак.

Подхожу. Он вскакивает и обнимает меня. Неожданная горячность встречи сковывает меня смущеньем. Но он так сердечно и открыто приветлив, что оно сразу исчезает.

Он приехал на несколько недель из Чистополя, оставив там пока семью. Сдает в издательство книгу «На ранних поездах». Есть новые переводческие заказы. Завтра он будет читать «Ромео и Джульетту» в ВТО.

У меня завтра как раз очень трудный день: надо получить пропуск в милиции на выезд в Свердловск, а это[,] по слухам[,] большая волокита, но я говорю, что постараюсь быть. — Я, как всегда[,] только о себе[,] и не спрашиваю о ваших делах, — говорит он. — Впрочем[,] я видел на улице афишу «Давным-давно»[,] и мне это все сказало. Я вас от души поздравляю! Когда вы пригласите меня на спектакль?

Я объясняю Б.Л., что спектакль[,] идущий с весны в Москве[,] с моей точки зрения[,] неудачен и мне не хочется, чтобы он его смотрел. Рассказываю о спорах с режиссером Горчаковым, о навивных прямолинейных вставках в роль Кутузова, которую тем не

¹⁷² По публикации («Музы», 222).

¹⁷³ Эта запись в дневнике частично совпадает с текстом ВсП, с. 136–140, но еще и включает в себя и запись следующего дня, 23 окт. (80–81 = ВсП, 138–139), остальное в книге, после 140 с. — это уже не из дневника, а, по-видимому, из какой-то записной книжки, которая в дневнике не отражена.

менее отлично играет Орлов.¹⁷⁴ А послезавтра я еду в Свердловск, где недавно состоялась премьера в Театре Красной Армии, от которой жду очень много. Достаю из кармана и показываю телеграмму от А.Д. Попова.

Я знаю, что Б.Л. слушает меня не из простой вежливости. Все[,] что касается театра, его живо интересует. Спрашиваю про пьесу, которую он собирается писать.¹⁷⁵

Он отвечает, что не кончил ее и даже[,] пожалуй, не начинал, но еще вернется к этому замыслу.¹⁷⁶ Он говорит, что рад за Леонова и за его пьесу, написанную еще в Чистополе.¹⁷⁷

Как раз в эти дни в Москве распространился слух о звонке Сталина Л.М. Леонову с похвалой его только что опубликованной пьесы «Нашествие».¹⁷⁸ До этого звонка отношение к ней было настороженно-подозрительным. И в одну ночь все переменялось. — Я уверен, что это отличная вещь, — говорит Б.Л. со своей обычной щедрой благожелательностью. — Чистопольский воздух располагает к работе...

Распрашиваю о новой книге¹⁷⁹ и попутно жалуясь, что у меня зачитали его однотомник. В этот момент загорается свет. К нашему

¹⁷⁴ Орлов Дмитрий Николаевич (1892–1955), актер; в дек. 1941 г. перешел во вновь организованный Московский театр драмы, который в 1943 г. был слит с Театром Революции; здесь Орлов сыграл одну из лучших своих ролей (1942) в «Давным-давно» — Кутузова.

¹⁷⁵ Пастернак писал пьесу «Этот свет» на современную тему и летом 1942 г. окончил четыре картины.

¹⁷⁶ Приехав в Москву, Пастернак читал написанное своим друзьям, испуганные услышанным, они рекомендовали уничтожить ее. От пьесы сохранились две сцены.

¹⁷⁷ Пастернак знал эту пьесу, Леонов читал ее, вероятно, в доме Авдеевых в конце марта 1942 г., Б.Л. писал о ней Всеволоду Иванову 8 апреля 1942 г.: «Леонов прочел нам новую замечательную пьесу, неподдельную и захватывающую почти на всем протяжении, кроме обычного и несколько казенного конца» (ПСС. Т. 9. С. 280). Тут у Гладкова путаница. Пастернак не мог не сказать Гладкову, что он знает эту пьесу.

¹⁷⁸ Пьеса Леонова «Нашествие» была опубликована в жур. «Новый мир». 1942. № 8.

¹⁷⁹ Имеется в виду только что сданная в издательство книга стихов Пастернака «На ранних поездах».

столику подходит кто-то со свежими новостями из Информбюро о последнем немецком штурме под Сталинградом.¹⁸⁰

(80) 23 окт. С утра еду в милицию (в районе ЦТКА[,] от которого у меня командировка), долго жду в облезлом коридоре и, как обычно, волнуюсь, потом в ЦТКА заказать на завтра билеты и только потом попадаю в Дом Актера ВТО.

Чтение происходит в Малом зале.

(81) 23 октября (продолжение)

Когда я вошел[,] чтение уже шло. Сажусь у входа.

В перерыве подхожу к Б.Л.

— Вы пришли? Спасибо! Я вас увидел у двери и обрадовался. Вы мне напоминаете зиму в Чистополе и разговоры обо всем на свете. Вот, я украл для вас в одном доме, где ночевал.¹⁸¹ Тут я написал для вас, но не читайте сейчас...

И Б.Л. передает мне однотомник 1935 года в светло-синей супербложке.

Мне не терпится посмотреть[,] и меня выручает профессор Морозов, как всегда румяный, экспансивный, многоречивый.¹⁸²

Он завладевает Б.Л., а я выхожу на лестничную площадку и раскрываю книгу.

Крупно карандашом на оборотной стороне портрета Б.Л. он написал: «Александр Константинович Гладкову.

¹⁸⁰ Запись соответствует публикации в изд. «Музы» (с. 224–225).

¹⁸¹ Б.П. ночевал у брата, архитектора Александра Леонидовича (Тоголевский бульвар, 8, кв. 52). Б.Л. имел обыкновение забирать у родных или близких знакомых свои книжки, которых у него самого никогда не было, просто говоря: «Мне нужно, а ты уже прочел». Тем более что однотомник («Стихотворения в одном томе») издавался в 1933 г. в Ленинграде и в Москве в 1935 и 1936 гг.

¹⁸² Морозов Михаил Михайлович (1897–1952), литературовед, театровед, педагог, переводчик, посвятивший всю жизнь изучению творчества Шекспира. Пастернак, признавая, что принял половину из его замечаний к переводу «Гамлета», относился к правке весьма болезненно и сетовал (в письме Чагину): «Милейший Михаил Михайлович Морозов <...> вместо того, чтобы совершать лексические откровения на чужой шкуре, мог бы составлять увлекательнейшие и оригинальные самостоятельные работы...»

Вы мне очень полюбились. На моих глазах Вы начинаете с большой удачи. Желаю Вам и дальше такого же счастья. На память о зимних днях в Чистополе и даже самых тяжелых.¹⁸³ Б. Пастернак. 22. X-42. Москва».

Ну, какого же мне еще нужно счастья?

Я еду на премьеру своей пьесы, да еще с таким дорогим напутствием!

Возвращаюсь в зал, чтобы поблагодарить Б.Л., но профессор Морозов уже втянул его в дискуссию о каких-то семантических тонкостях текста. Они тесным кольцом окружены пожилыми дамами, постоянными завсегдатаями всех чтоток и диспутов в ВТО.

Нужно ли добавлять, что дома однокотник был бережно уложен на дно приготовленного к путешествию чемодана. Мне кажется немислимым расстаться с ним даже на неделю.

(81) 24 окт.¹⁸⁴ Поезд уходит утром. За нами должна заехать машина ЦТКА. Проводить нас пришел Саша Гинзбург.¹⁸⁵

Машина опаздывает[,] и мы волнуемся.

Но вот, она пришла. Летим во всю. Саша провожает нас до поезда.

В купэ с нами какой-то эмгебешник.¹⁸⁶ Ладно!

Поезд трогается. Саша машет перчаткой.

Первым делом я достаю книгу Пастернака: просто чтобы убедиться, что я ее не потерял и никто ее у меня не выкрал.

¹⁸³ В машинописи — увеличенный пробел.

¹⁸⁴ АКГ с женой едет в Свердловск на премьеру своей пьесы «Давным-давно». Запись в ВсП отсутствует.

¹⁸⁵ В будущем — Александр Галич.

¹⁸⁶ Как заметил еще комментатор публикации в «Нашем наследии» С. Шумихин, здесь у автора явный анахронизм: МГБ (Министерство государственной безопасности СССР) было создано только в марте 1946 г., так что в 1942 г. АКГ мог бы называть соответствующего человека — *энкаведешник* или *чекист*. Так что эта запись внесена в дневник (или отредактирована), очевидно, уже после 1945 г.

(86) 16 дек. 1942.¹⁸⁷ Вчера в Клубе писателей состоялся вечер новых стихов Б.Л. Пастернака из готовящейся к печати книги «На ранних поездках». Вечер был в помещении большого холла клуба, где днем помещается ресторан.

Общее настроение было повышенным. Завершилось окружение немцев под Сталинградом и окончательно провалилась попытка деблокировать «котел». В Африке союзники заняли Тобрук и Бенгази. Французы в Тулоне потопили свой флот, чтобы не отдавать его врагу. Англичане и американцы наперебой расхваливают Красную Армию и «славянскую душу». Как и год назад, кажется, что победа не за горами, объявлено, что с 1 января часы работы метро и начало «комендантского часа» будут продлены до половины двенадцатого. Декабрь стоит мягкий, снежный. В Союзе писателей атмосфера либеральнейшая[,] и кажется, что время проработок и начальственных распеканий¹⁸⁸ {распеканий} ушло навсегда.

Когда Б.Л. поднялся на низ {ень}кую эстраду {в большом холле клуба (где сейчас ресторан)}, его встретили дружные апплод{и}-сменты. Народа много, почти вся литературная Москва. Значительная часть в военной форме. Это писатели фронтовики, оказавшиеся в Москве проездом или в отпуске [и их товарищи].

Б.Л. читал стихи в приподнятом самочувствии. Обсуждение вылилось в поток приветствий и благодарности.

Мне захотелось укрепить Б.Л. в состоянии доверия и оптимизма[,] и, попросив слово, я произнес нечто [что-то] звонкое и романтически возвышенное о том, что любовь, которую почувствовал к себе сегодня поэт, должна быть возвращена им нам, его читателям[,] новыми большими смелыми произведениями {,} и упомянул о неоконченном романе и о замысле пьес и поэм.¹⁸⁹

¹⁸⁷ Эта запись дневника примерно соответствует Всп (с. 140–141) — за исключением выправленных в книге мест, которые даются здесь в фигурных скобках: {...}. Ср. также («Музы», 227–228).

¹⁸⁸ Именно так в машинописи, но в тексте книги исправлено на: *распеканий*, представлявшееся более правильным, хотя для стилистики Гладкова «распеканий» более естественно.

¹⁸⁹ Имеется в виду неоконченный роман 1930-х гг., отдельные главы которого были изданы посмертно как «Записки Патрика», начатая в Чисто-

Мне тоже дружно хлопали[,] и Б.Л. {,} отвечая{,} сказал, что он принимает читательский вызов, о котором говорил {«} Александр Константинович {»} [далее *нрзб.*:] {как свой долг, — и он} белозубо улыбнулся в мою сторону — я сидел рядом с эстрадой. Он казался обрадованным и даже растроганным.

Для полноты характеристики полного единодушия добавлю, что в конце вечера ко мне подошел грузный {и широкоплечий} молодой человек в гимнастерке и сказал, что ему очень понравилось все, что я сказал{,} и что со мной во всем согласен. Мы дружески пожали друг другу руки. — {«}Я вас знаю, а вы меня нет, — сказал он и назвался[:] — Анатолий Софронов — поэт... {»}

Но в этот вечер ко мне подходили многие[,] и не одну руку я пожал в самодовольной уверенности, что комплименты как оратору {были} мною заслужены. Но еще больше, разумеется, я был рад за Пастернака.

Когда я прощался с ним, он мне сказал, что через несколько дней возвращается в Чистополь. {Кажется, через несколько дней он уехал обратно в Чистополь.¹⁹⁰} ##

1943¹⁹¹

(2) 1943 год. Дневник.

(31) 30 июня. На днях в «Красной звезде» напечатана крайне хвалебная статья о «Давным-давно» в ЦТКА Р. Морана. И пьеса и спектакль превозносятся без всяких оговорок. <...>

поле пьеса «Этот свет», от которой сохранились две сцены. Во «Встречах с Пастернаком» есть разговор с АКГ об этой пьесе 14 марта 1942 г.: «Вы говорите, что ваша новая пьеса начинается с рытья картошки? ... Удивительное совпадение, моя пьеса тоже должна начинаться с картофельного поля» (ВсП, 132). Эта глава сохранилась (ПСС. Т. 5. С. 110–119). Непонятно, почему здесь и несколько раньше АКГ ничего не знает о ней.

¹⁹⁰ ВсП: Пастернак уехал в Чистополь 25 декабря 1942 г. [Листы 85 и 86 переставлены местами, из-за чего запись 16 дек. предшествует записи от 25-го, и на этом дневник кончается.] Далее в ВсП — о выходе из печати «На ранних поездах»: с. 142 и далее.

¹⁹¹ РГАЛИ. Ед. хр. 84: Дневниковые записи. 1943. Автограф, машинопись. 90 л.

(32) 5 июля 1943. <...>¹⁹²

Встреча в Союзе с Б.Л. Пастернаком. Недавно у него вышла новая книжка «На ранних поездках». Он меня сразу спрашивает: — Ну, как ваши театральные дела?... Но в общем он в курсе моих дел и видел даже статью в «Красной звезде». Он перевез из Чистополя семью, но квартира у него в нежилом состоянии и они все пока живут у Асмусов.¹⁹³ Своей книжкой он недоволен: т. е. тем, что в ней под одной обложкой объединены стихи разных периодов.

Мы шли вместе по улице Герцена, попали под ливень и стояли довольно долго на углу Мерзляковского в каком-то подъезде.

Он обязательно хочет посмотреть «Давным-давно» в ЦТКА[,] и я записал его телефон, чтобы сообщить ему о ближайших спектаклях.

Встретил он меня приветливо и почти ласково.¹⁹⁴ ##

(33) 8 июля.¹⁹⁵ Борис Леонидович Пастернак читает в малом зале ВТО свой новый перевод «Антония и Клеопатру» Шекспира.

¹⁹² По изд. «Музы», 244. Как дневниковая запись с точным числом в ВСП отсутствует, там: «Когда мы с ним снова встретились в самом начале июля 1943 года...» (ВСП, 144).

¹⁹³ Б.Л. жил у Асмусов, З.Н. — у Погодиных, Станислав Нейгауз — у отца на ул. Чкалова, маленький Ленечка в Переделкине с няней. Квартира Б.Л. в Лаврушинском была занята зенитчиками, которых удалось выселить только в декабре 1943 г. Не нужно объяснять, в каком она была виде, что там было с бумагами Б.Л. и картинами его отца. Недовольство книгой объяснялось ее неполнотой, отсюда были выкинуты стихи о грузинских поэтах Яшвили и Табидзе, погибших в 1937 г. Ему нравился только цикл «Переделкино» 1941 г., но этого для книжки было слишком мало. См. также письмо к Н.Я. Мандельштам 10 июня 1943 г.: «Напрасно интриговали Вас моей книжкой. Стихотворенья эти Анна Андреевна знает. Я читал их весной 1941 г. перед войной. Там десятка полтора таких стихов, которых должно было бы быть полторааста. В этом конфузующее ничтожество книжки» (ПСС. Т. 9. С. 346).

Ленечка — младший сын Зинаиды Николаевны Леонид Борисович Пастернак (1938–1976), стал физиком.

¹⁹⁴ Текст в книге значительно дополнен, расширен: ср. ВСП, 144–147.

¹⁹⁵ По изд. «Музы», 244–245. В книге (ВСП, 148–151) — с некоторыми изменениями: «Это было 8 июля в ВТО, где он читал “Антония и Клеопатру”. <...>».

Небольшое помещение битком набито, но преобладают пожилые дамы из завсегдатаев {многочисленных секций} ВТО и {зеленая} молодежь из ГИТИС_а. Душно.¹⁹⁶ Во время чтения проходит гроза. На улице еще светло, но в зале темновато из-за заделанных фанерой окон. Горят лампы.

Б.Л. еще поседел с осени. Он читает в очках, но[,] переставая читать, сразу снимает их. Читает хорошо, с большим во[о]душевлением. Сравнительно мало предисловий и отступлений. Перевод отличен. Это еще выше, чем «Ромео и Джульет[т]а. Тончайшее чувство красоты подлинника и совершенное владение словом. После сцены рассказа Энобарба о Риме и Клеопатре и ее знакомстве с Антонием стихийно возникают а[п]лоди[с]менты. Б.Л.[,] видимо[,] рад и[,] кланяясь[,] как_то по-детски улыбается и говорит: — Дальше будет еще лучше... Смех. В сцене пира на галере Помпея Б.Л. после слов «Любопытная гадина» сам смеется вместе со всеми. Эту сцену он читает с наибольшим удовольствием. После чтения все долго а[п]лодируют стоя, но обсуждения не получается, что[,] видимо[,] огорчает Б.Л. Художник в нем еще ждет какой_то отдачи и неудовлетворен неполнотой реакции. Крученых, взгрозившись на стул, провозглашает экспромт:

Такое Шекспиру не сразу приснится:

Прошла Клеопатра с твоей колесницей.¹⁹⁷

Б.Л. смущенно улыбается. В перерыве и после конца чтения говорю с ним. Снова о книге «На ранних поездках», о том, что он хочет посмотреть «Давным-давно». Он вдруг почему-то словно начинает оправдываться передо мной (вспомнив мою речь на его осеннем вечере) в том, что он все переводит, в «неполноте своего литературного существования».

Ухожу очищенным разрядами истинного искусства. Долго сижу на Гоголевском бульваре, вместе со встретившимся Арбузовым. После грозы воздух свеж и сумерки чуть прохладны. По радио передают песенки из «Давным-давно». ##

¹⁹⁶ Здесь и далее расхождение в этой записи уже не фиксирую.

¹⁹⁷ Эпизод с Крученых в книге перенесен далее (ВсП, 150), зато в дневнике не было абзаца: «В прозаических местах Б.Л. несколько наивно наигрывает и старается читать “по-актерски”, что ему, конечно, плохо удается. <...>» (ВсП, 149).

(38) 29 июля. <...>¹⁹⁸

Днем в клубе меня ост[а]навливает Б.Л. Пастернак и говорит, что хочет быть на «Давным-давно» в субботу. Несмотря на дождь[,] он в белых брюках и туфлях.¹⁹⁹ ##

(39) 31 июля 1943 года. День полный Пастернаком. ##.²⁰⁰

(87)²⁰¹ 31 июля 1943 г. Суббота. День под знаком Пастернака...

Утром[,] созвонившись[,] заново ему билеты на спектакль. Он остался без квартиры после эвакуации и временно ночует в квартире Погодиных, а работает в квартире брата архитектора в доме[,] похожем на стеклянную коробку[,] на изгибе Большого Знаменского переулка... Там я его и застаю. Узенькая комнатка с окном на Гоголевский бульвар... На столе куча старых книг Б.Л. Оказывается,

¹⁹⁸ По изд. «Музы», 248.

¹⁹⁹ Как датированная запись в книге отсутствует, но есть пересказ ее содержания, включенный в общее повествование (ВсП, 151).

²⁰⁰ Это единственная запись на листе, без какого-либо продолжения — и далее лист пуст, что бывает у АКГ крайне редко! В то же время в книге (в ВсП) рассказ о посещении Б.Л. с АКГ спектакля «Давным-давно» в Театре Красной армии занимает более 10 страниц (151–162): «...в этот вечер я ничего записывать не мог. Когда вернулся, меня буквально сковала страшная усталость. Ко всему прочему, мы с Б.Л. всю обратную дорогу шли пешком — от площади Коммуны до Кропоткинской. Кое-что записал на следующий день...» (ВсП, 155). То есть и на следующий день всего не записал, а дополнял, очевидно, уже позднее, и, видимо, даже неоднократно: «В своей записи о ночном разговоре 31 июля 1943 года после театра я, с естественным эгоцентризмом молодости, подробно занес почти все, что он говорил о спектакле, и только тезисно остальное. <...> Говорим о его поэме» (с. 161). Однако некоторую существенную деталь АКГ упустил: по свидетельству Е.П., он забыл, что Пастернак был не один, он взял с собой на спектакль Таисию Михайловну Макашину (она тогда была под своей девичьей фамилией). Она была обижена, когда прочла у него об этом, и рассказывала нам, что Гладков забыл, что они втроем шли ночью из театра, провожая ее до дома (ВсП, 33 и 272). Возможно, Гладков намеренно опустил это обстоятельство, чтобы не усложнять рассказ.

²⁰¹ Запись уже в самом конце дневника, через 50 страниц, на более старой бумаге, с иным шрифтом машинописи, более подробно.

он по предложению Чагина²⁰² делает сборник избранных произведений... Туда войдет, как он сам говорит, «все самое описательное». Кроме того[,] скоро выходит «Ромео и Дж.» Ему предлагают перевести еще из Шекспира «Отелло», «Макбет» [тут как будто фраза не закончена и оставлено более страницы пустой]

(48) 7 окт. 1943.²⁰³ Встреча на Полянке с Б.Л. Пастернаком. Он в поношенном макинтоше, в нелепой шляпе, с рюкзаком за плечами. Я провожаю его[,] и говорим минут двадцать. Ему все еще негде жить. Живет у Асмусов. Собирается вскоре начать работать «наконец для самого себя».²⁰⁴ Видимо[,] ради любезности говорит мне, что он хотел бы еще раз посмотреть «Давным-давно»[,] и просит позвонить ему и сказать, когда всего удобнее это сделать. Конечно, с моей стороны было бы наивностью тащить его на спектакль вторично. Просто он очень хорошо воспитан и неплохо ко мне относится. Когда прощаемся, он мне говорит, что ему «всегда приятно меня видеть». В его отношении ко мне есть что-то общее с отношением В.Э.М. — м. б. дружеская благодарность за верность себе...²⁰⁵

(57) 3 нояб. 1943. Днем на генеральной репетиции «8-ой симфонии» Д. Шостаковича в Большом зале Консерватории.

Мое место в 17 ряду у прохода оказывается позади места Б.Л. Пастернака.

Перед началом Тихон Хренников сообщает мне, что наши войска уже ворвались в Киев, но сообщено это будет позднее. Поздоровавшись с Б.Л., я ему рассказываю об этом. Он восклицает: — Что вы говорите? Поздравляю вас!...²⁰⁶

²⁰² Чагин Пётр Иванович (настоящая фамилия *Болдовкин*) (1898–1967), журналист, партийный и издательский работник, литературный деятель.

²⁰³ По изд. «Музы», 251–252.

²⁰⁴ В это время Пастернак пишет поэму «Зарево» и отдает Вступление в «Правду» (АКГ вспоминает, что он назвал ее некрасовской (ВсП, 159). Первая глава была отвергнута «Правдой», работа над ней оборвалась.

²⁰⁵ Расширенные упоминания об этой и следующей встречах — в ВсП, 167–168. Там — с передачей прямой речи: «...продолжает “обременять Асмусов”» (167).

²⁰⁶ ВсП, 168, почти дословно.

Успех средний: все ждали большего.

Автора все же вызывают. Он горячо жмет руки Мравинскому и первым скрипачам, — бледный, маленький, худой... ##

1944²⁰⁷

1944 г. ##

(58) 22 окт. 1944.²⁰⁸ Если допустить, что трагедия 37-го года и все дальнейшие зажимы и притеснения связаны с ощущением опасности фашистского нападения и приведением перед этим страны в мобилизационную готовность, хотя бы и было допущено множество ошибок на грани преступления, — а иного разумного объяснения происшедшему нет, — то можно надеяться, что с устранением после победы этой угрозы будут исправлены и эти ошибки (или то, что еще можно исправить) и[,] уж во всяком случае, они больше не повторятся. В этом главный смысл победы, а вовсе не в воинской славе и трофеях. Б.Л. П<астернак> и еще некоторые в это не верят, но я не могу не надеяться. Иначе — нечем жить...²⁰⁹

(63) 11 нояб. 1944.²¹⁰ Встретил на улице Б.Л. Пастернака. Довольно долго говорили о разных злобах дня. Он бодр и оживлен. Недавно закончил перевод «Отелло». Работу над поэмой пока оставил. Он прочитал начало Фадееву[,] и тот не советовал ее продолжать.²¹¹ Усмехнувшись, он добавил, что у него на выходе

²⁰⁷ Ед. хр. № 85. 66 л. Дневниковые записи.

²⁰⁸ «Музы», 288.

²⁰⁹ В 1956 г. Пастернак записал: «Трагический тяжелый период войны был живым периодом и в этом отношении вольным, радостным возвращением чувства общности со всеми. Но когда после великодушия судьбы, сказавшегося в факте победы, пусть и такой ценой купленной победы, когда после такой щедрости исторической стихии повернули к жестокости и мудрствованиям самых тупых и темных довоенных годов, я испытал во второй раз (после 36 г.) чувство отталкивания от установившихся порядков, еще более сильное и категорическое, чем в первый раз» (ПСС. Т. 5. С. 396).

²¹⁰ «Музы», 289–290.

²¹¹ Рассказ Пастернака об отказе от продолжения работы над «некрасовской» поэмой «Зарево» Гладков относит ко времени «конца войны» (ВСП, 159), где признается, «что ему писать ее отсоветовал Фадеев».

две книги²¹² и нет смысла ими рисковать... Говорили еще о разном[,] и в том числе о снятии Судакова в Малом т-ре. — Вот, видите, как мне не везет... Оказывается, Судаков намеревался весной начать работу в Малом над «Ромео и Джульеттой» в переводе Б.Л.

Даже о возможной войне с Японией говорили.

На этот раз Б.Л. меньше чем когда бы то ни было показался мне отрешенным от реальной жизни[,] и я даже пошутил, что он не оправдывает своей репутации небожителя... Он рассеянно улыбнулся.

Я шел из ВУАПа и встретил его на Пятницкой, повернулся и пошел провожать его до дому в Лаврушинском. Потом мы еще минут двадцать стояли у подъезда и разговаривали.

Он мне однажды сказал, что ему всегда приятно меня встречать. А как мне радостно встречать его и разговаривать с ним! Удивительный человек с какой-то околдовывающей «аурой».

1945

(1) 1945. Дневник.²¹³

(5) 7 фев. <1945>²¹⁴

Впервые вышел из дому после болезни.

Достал только что вышедшую книжку Б.Л. Пастернака «Земной простор». Очень скверная бумага. Нельзя так издавать поэтов.²¹⁵

1946

(1) 1946. Дневник.²¹⁶

(47) 11 нояб. 1946. <...>²¹⁷

Встретил в метро Б.Л. Пастернака. — Ну, как вы? Он: — Работаю и это главное... Почему-то смущенно. Это значит — неважно.

²¹² «Земной простор» и «Избранные стихи и поэмы» вышли в декабре 1945 г.

²¹³ Ед. хр. 86. 50 л. Дневниковые записи.

²¹⁴ «Музы», 293.

²¹⁵ «В начале февраля 1945 года... и Б.Л., как-то мельком встреченный в клубе, сказал, что у него к ней “физическая неприязнь” (ВсП, 171).

²¹⁶ Ед. хр. 87. 63 л. Дневниковые записи.

²¹⁷ ВсП, 177. «Начало зимы 1946 года. Еду в метро...».

Сказал, что написал «хорошую статью» о своих переводах²¹⁸ и пишет роман в прозе, тот самый, о котором он мне рассказывал на Моховой за час до нового[,] 1946 г.: «Это будет роман о моей школе в литературе, если бы она у меня была: об университетской интеллигенции, о преодолении символизма»... Он в черной высокой шапке, самый молодой из своих ровесников.²¹⁹

1947

[Записные книжки]²²⁰

(4) 2 марта 1947. [в «Дневнике» зап. от 2 марта нет]

(12) Б.Л. Пастернак в разговоре.

— «Я люблю русскую литературу первой половины 19 века и второй половины 20 века».

(27) «Это была скука существа[,] привыкшего к жидкой грязи и очутившегося в сухой пыли»

Б. Пастернак

«Возд. пути»²²¹

(1) 1947 год. Дневник.²²²

(22) 10 марта. На днях²²³ встретил в сберкассе в ВУАПе Бориса Леонидовича Пастернака. Это было сразу после того, как в связи с совещанием молодых писателей Фадеев и Сурков²²⁴ опять резко

²¹⁸ Это «Замечания к переводам из Шекспира», написанные весной 1946 г., в первой редакции называвшиеся «Заметки к переводам Шекспировских трагедий».

²¹⁹ В ВСП (с. 177–178) — *Начало зимы 1946 года.* <...> — по сравнению с дневником расширено.

²²⁰ Зап. книжки № 53 и 55 (за 1947–1949) // Ед. хр. 137: 2 док-та: 102 л. «Начато: 2 марта 1947. М. # кончено:» [не заполнено] #

²²¹ Цитата из повести Пастернака «Воздушные пути» (1924).

²²² Ед. хр. 88. Дневниковые записи.

²²³ По ВСП: в начале марта 1947 г. о выступлениях против Б.П. — Фадеева и о встрече с Б.П. до появления статьи Суркова («Культура и жизнь» 22.3.47), в Лаврушинском (С. 181–182).

²²⁴ Сурков Алексей Александрович (1899–1983), поэт, участник Великой Отечественной войны, общественный деятель (был членом Советского

напали на него. Он был какой-то смущенный и уклончивый, вероятно из самолюбия, хотя как всегда приветлив. #

(24) 22 марта. В «Культуре и жизни» постыдная статья Алексея Суркова о Пастернаке. Рекорды глупости и недобросовестности. Тем не менее, прочтя ее, я облегченно вздохнул: при таком умонастроении можно было-бы написать еще подлее и резче. В ней все-таки нет окончательного отлучения. #

(28) 4 апр. Сегодня днем пошел в ВУАП <...> # Когда шел оттуда, встретил на Каменном мосту Б.Л. Пастернака в какой-то странной желтой шляпе. Он как всегда приветлив. Поговорили пять минут ни о чем. Мне хотелось сказать ему что-нибудь теплое, но не придумал что, а выражать сочувствие по поводу нападок на него не хотелось. По себе знаю, как это противно, когда так сочувствуют.²²⁵ #

(29) 11 апр. У Оттенов познакомился с первой женой Б.Л. Пастернака и его сыном Евгением,²²⁶ очень похожим на него, но более заурядным, хотя, кажется, и не без способностей юношей в форме курсанта военной школы.²²⁷ Мадам Пастернак мне понравилась больше[,] чем вторая жена Б.Л., Зинаида Нейгауз, которую я часто встречал в Чистополе: унылая, капризная, монотонная дама. Б.Л. получил заказ на перевод «Фауста». Его история с Вертинским.²²⁸ #

комитета защиты мира, ответственным редактором «Литературной газеты» и «Огонька», секретарем правления СП СССР, депутатом Верховного Совета СССР); на его стихи написан ряд популярных песен, самая известная — «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь»).

²²⁵ О встрече 4 апр. 47 на Б. Каменном мосту — Всп, 182.

²²⁶ Пастернак Евгения Владимировна (в девичестве — Лурье; 1898–1965), художница, первая жена Бориса Пастернака.

²²⁷ Евгений Борисович Пастернак (1923–2012), старший сын Б.П. (от первого брака); в 1947 г. адъюнкт бронетанковой академии, затем — военный инженер, преподаватель автоматики в МЭИ, биограф и издатель своего отца.

²²⁸ В Всп вопрос Гладкова о Вертинском отнесен к разговору 20 апреля. Пастернак рассказывал, что А.Н. Вертинский «подошел к нему с какими-то жалостливыми словами, и Б.Л. очень резко ему ответил» (с. 183). Кроме этого эпизода, имелись и другие рассказы о встрече Вертинского с Пастернаком. Так, в книге М.И. Белкиной о М. Цветаевой («Судьбы скрещенья»

(32) 20 апр. Встреча и разговор с Б.Л. Пастернаком в ВУАПе. Он сдержанный и смущенный. Явно не хочет вызывать сочувствие и избегает всего в разговоре, что может к этому подвести. Очень знакомое мне ощущение.²²⁹ #

1948

1948 год. Дневник.²³⁰

(5) 31 янв. <...> Вчера Б.Л. Пастернак читал в театре Ермоловой «Антония и Клеопатру» и стихи. Это все устроил я. Но об этом я подробно запишу завтра.²³¹

(6) 1 фев. 1948 года.

Записываю вечер 30-го января.

В этот вечер я снова слушал гениальный перевод «Антония и Клеопатры» Шекспира и новые стихи Бориса Леонидовича (из романа). Это было в театре Ермоловой в кабинете Лобанова²³² (где когда-то помещалась уборная Зинаиды Николаевны и мой НИЛ). Встреча театра с поэтом имела практический характер: А.М. [Лобанов] хочет поставить «Антония и Клеопатру» для своей

М.: Эллис Лак, 2008. С. 390–392) есть рассказ о приходе Вертинского с женой в Лаврушинский, чтобы познакомиться с Ахматовой, там присутствовавшей, и о том, как она отбрила его за его слова об эмигрантской тоске по родине. Потом были какие-то рассказы, что Пастернак спустил Вертинского с лестницы и пр.

²²⁹ Далее в Всп идет рассказ о встрече Гладкова с Б.П. в конце июня 1947 г. в Александровском саду — с разговором более двух часов (с. 183–5–191), в том числе об антисемитизме и ассимиляции.

²³⁰ Ед. хр. 89. 43 л. Дневниковые записи.

²³¹ В Всп Гладков пишет о том, что во вторую половину года он получил от Б.П. машинопись «Антония и Клеопатры» для одного «руководителя одного из <московских> театров» (с. 191–192). 30 янв. 1948 г. состоялось чтение Б.П. отрывков из «Антония и Клеопатры», стихов и рассказ о романе в кабинете неназванного режиссера (с. 192–197). Далее в Всп Гладков рассказывает о встрече с Б.П. в конце мая в писательской сберкассе (с. 197). Далее — арест АКГ. В дневнике за 1949–50–51–52 гг. — о Б.Л. записей нет, т. к. АКГ сидит в лагере.

²³² Андрей Михайлович Лобанов (1900–1959), театральный режиссер и педагог.

возлюбленной Орданской. Я был посредником в переговорах и оказался единственным, кто был знаком с поэтом из присутствующих. Сам Б.Л. по телефону просил меня обязательно быть на чтении. До прихода Б.Л. я сидел в кабинете директора (бывшем кабинете Всеволода Эмильевича). Он вошел, стряхивая снег с шапки и воротника (вечер был снежный)[,] и[,] приветливо поздоровавшись со мною, почему-то сказал: — Ну, вы преуспеваете... Я понял, что он читал вчерашнюю Вечерку. Продолжая здороваться с другими, кто был в комнате, он добавил: — Впрочем, вы этого вполне заслуживаете... еще он посетовал, что мне будет скучно слушать во второй раз... Он предупредил, что «взял на себя смелость» пригласить на читку трех своих знакомых. Это оказались две не очень юных и хорошеньких дамы²³³ и неизбежный Крученых. Перешли за кулисы в кабинет Лобанова.

Читал он пьесу только в отрывках, но подробно пересказывал остальное, комментировал, как обычно уклоняясь в сторону и теоретизируя, что само по себе было очень [далее строка полностью забита, а в Всп в этом месте скобки: ...](что само по себе не менее интересно) (с. 193).]

Он уже совсем седой, но скорее сероватый, чем белый, и попрежнему моложав для своих 58 лет: крепкий, гибкий, стройный.

На днях он смотрел спектакль «Укрощение строптивой» (когда уже было назначено чтение). Все это знали и спросили его мнение. Б.Л. без фальшивых комплиментов сказал, что ему понравилась только комедийная линия (назвал имена актеров Прокофьева, Вицина и Кирилловой) и не понравилась романтическая линия, что пьеса вообще груба и «второй сорт» и ставить ее не следовало. Шекспира Б.Л. читал наивно наигрывая, что было-бы смешно, если бы не его обаяние. Он старался комиковать в жанровых сценах и трогательно волнуясь в сценах трагических.

Потом его попросили почитать новые стихи. Он[,] как говорится, «ломается», отказывается, но выясняется, что папка со стихами с ним. После перерыва, в котором он, встретив за кулисами Тоню, (она занята в спектакле), поцеловал у нее руку, сразу узнав. Перед

²³³ По Всп: «две неизвестные мне женщины» (с. 192). Одна из них была О.В. Ивинская. Это о ней в зап. от 28 мая 1948 г. будет сказано, что у Пастернака «роман со студенткой».

чтением стихов он рассказал про свой роман в прозе и о том месте, которое в нем занимают стихи (линия врача Живаго, который после смерти оставил рукописи стихов). Стихи, прочтенные Б.Л.[.] гениальны, другого слова не надо. Он читал «Свеча горела», «Март», «Страстная площадь» и два больших стихотворения на евангельские темы «Звезда волхвов» и «Чудо» и потом наизусть «Гамлет», очень личное и горькое. Это стихотворение, как и «Чудо», которое он тоже читал наизусть, он прочел с большим волнением. Стихотворение о звезде он как-то связал с темой Блока.

(7) (продолжение записи от 1 февраля 1948 г.)

В конце чтения он был немного жалко и трогательно растроган приемом актерской братии. Народу было не очень много (ведь шел спектакль). <...>

Актеры смотрели на нас с почтительным недоумением. Появились знакомые дамы Б.Л. Я стремительно простился и почти убежал и всю дорогу домой бранил себя за то, что мало пользуюсь приятнью гениального поэта и возможностью встречаться с ним.²³⁴

(19) 28 мая. <...>

На днях встретил в сберкассе Б.Л. Пастернака. Он весь летний, в белой панаме, очень моложавый для своих 58 лет. Держится с подчеркнутой беспечностью. Говорят, у него роман с какой-то студенткой.²³⁵

Его сборник («Избранное» в юбилейной серии «Сов. писателя») напечатан, но тираж задержан. Я видел эту книгу у Тарасенкова. В ней 3 стихотворения, ранее не печатавшихся. Они из тех, что он читал тогда на вечере у ермоловцев (из романа): «Свеча горела» и два других. Он мне сказал, что 4 часа читал недавно свой роман Анне Ахматовой. «И довел ее до грудной жабы», сказал он почему-то весело.

²³⁴ По ВСП: «Я отошел в сторону, но до меня доносились пышные и банальные комплименты, произносимые хорошо поставленными голосами. <...> # В коридоре показались знакомые Пастернака. Я стремительно простился и быстро ушел, словно боясь расплескать что-то, что дрожало и билось во мне и комком подкатывало к горлу... #»

²³⁵ См. ранее, зап. от 1 фев. 1948 и прим. к ней.

(34) <...>

Золотая осень сменилась ненастьем. По городу ходит рукопись первой части романа в прозе Б.Л. Пастернака.

(37) 30 сент. <...>

Этой ночью я был арестован.²³⁶

1952²³⁷

1953 год²³⁸

(75) 24 мая. Репетирую полным ходом. В складе наклевался приемник.²³⁹ Через несколько дней, дай бог, сдам.

28 мая 1953. Получил однотомник Пастернака²⁴⁰ с автографом. Очень скучал по стихам П. Счастлив. <...> # <...> сегодня чудный теплый вечер. Сейчас иду в клуб на ночную репетицию оркестра. ##

²³⁶ Ср. по (ВсП, 197): «19 сентября у меня в дневнике такая запись: “Золотая осень сменилась ненастьем. По городу ходит рукопись первой части романа Пастернака. Через несколько дней получу: мне обещал ее достать Т” # Но 1 октября 1948 года, как раз в день генеральной репетиции моей пьесы, я был арестован».

²³⁷ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 92: Дневник 1952, [лагерный дневник, маш-сь, склейка и вырезки л. 22–109, но фактически страниц 30] л. 22 [с наклеенной картой:] «Чернилами очерчены места, где в 1949–1955 гг. находились три отделения Каргопольлага (примерно 60–70 лагпунктов)»: «Кодино, возле Мудьюги, Пуксозеро, возле Плесеца и Ерцево, возле Коноши» (автогр., маш-сь 144 л.); (24) [маш-сь] Из режиссерского дневника (1952, ноябрь) [от руки:] (*Выписал в дневник, чтоб запомнить наши будни*) # 12 ноября. «Комендантский» # «Вольный ветер» (в 3-ий раз) # <...> Главный режиссер А. Гладков. ##

²³⁸ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 93: Дневник 1953 (автогр., маш-сь, 141 л.: 1–31 об. рукописные записи в блокноте; 32–141 маш-сь). Записи 1953–1954 гг. сделаны в Каргопольлаге, где АКГ отбывал срок, работая сначала на лесоповале, но потом вскоре стал режиссером самодеятельности и лагерного театра, ставил спектакли.

²³⁹ В описываемый момент АКГ был переведен из театра за какой-то проступок — заведующим складом.

²⁴⁰ Пастернак Б. Стихотворения в одном томе. М., 1936.

2 июня. Наконец сдал склад. Здорово уставал в последнее время.

(83) 21 июля 1953. Ставлю «Трембиту». <...> У Твардовского есть строки: «За тысячу верст от родимого дома вдруг ветер повеет знакомо, знакомо...» Сегодня у меня было это чувство. А вообще живу с ощущением, что полоса бед скоро кончится. Наслаждаюсь Пастернаком, не расстаюсь с одноклассником. Без нескольких строф с утра хожу как неумытый. ##

1954²⁴¹

Дневник 1954

(19) 19 апр. 1954. <...> Слышал, что в № 4 «Знамени» напечатаны новые стихи Пастернака[,] и написал, чтобы мне его прислали. Жду с нетерпением. <...>

(25) 24 апр. 1954. Читаю и перечитываю стихи Пастернака, напечатанные в № 4 «Знамени». 10 стихотворений под заголовком «Стихи из романа в прозе “Доктор Живаго” с небольшим авторским предисловием о содержании романа. Стихи прекрасны в той новой, очищенной от утонченности манере, которая свойственна Б.Л. с начала войны.²⁴² ##

(36–36 об.) Март 54 г.²⁴³

В сюжете «Байрона» не хватает контрдействия. Он эпичен. Это вообще свойственно моим пометам. Недостаток ли это? Здесь я ощущаю это недостатком. Может быть[,] я слишком доверился Моруа. Характер Байрона[,] конечно[,] противоречив, но

²⁴¹ РГАЛИ. Ф. 2990. Оп. 1. Ед. хр. 94 (маш-сь 83 л. [с вложенным листом рукописи]).

²⁴² О получении журнала и чтении этих стихотворений см. далее в записи начала лета (май, июнь).

²⁴³ На листке из блокнота в клетку, вложенном в машинописный дневник: вся запись от руки, синие чернила — рассуждения Гладкова о собственной пьесе, которая потом будет получать названия: «Возвращение в Миссолунги», «Путь в Миссолунги», «Смерть Байрона», «Последний год Байрона»...

и в нем есть нечто неделимое и неразложимое, «ген» индивидуальности. Моруа слишком увлекается описанием противоречий. В драме эта концепция сразу демонстрирует свои слабости. Есть, кажется, три пути преодолеть это. Это путь Бернарда Шоу в исторических пьесах. — Вы видите чер<ты><такие>, а он вот какой... Но не мелко ли это? Путь второй — создание активной интриги с воплощением контрдействия в лице какогонибудь агента Меттерниха. Это легко, но кажется примитивным. Третий путь — еще более глубокая психологизация героев по образу строк Пастернака: «С кем протекли его боренья? С самим собой[,] с самим собой!» А может быть[,] следует использовать все три пути? Это очень трудно[,] и это может сделать пьесу эклектичной и <пестрой.> Сюжет очень труден: более чем казался мне вначале.

(41) Начало лета 1954 (Май, Июнь?)²⁴⁴

Мне мама прислала по моей неотступной просьбе четвертую книжку «Знамени» с 10-ю новыми стихотворениями Б.Л. «Стихи из романа». «Март», «Белая ночь», «Распутица», «Лето в городе», «Ветер», «Хмель», «Бабье лето», «Свадьба», «Разлука», «Свиданье». Некоторые из них я знал и раньше. Вместе со стихами на евангельские темы они попали ко мне еще до ареста. Я слышал, как Б.Л. читал их (не все). Не описать[,] что они для меня были в это мое последнее лето неволи, лето ожиданий и предчувствий.²⁴⁵

²⁴⁴ На отдельном кусочке листа: очевидно, что это машинопись, сделанная задним числом.

²⁴⁵ Встреча в авг. 1954 г. в сберкассе в Лаврушинском (ВсП, 198–200) — о манере говорить громко в присутствии народа вокруг. Еще несколько встреч, когда Б.П. звал Gladкова приезжать в Переделкино, но тот этим не воспользовался (с. 200–201). Далее в Дневнике идет текст, перенесенный из записей «1955 года»: там — на листе, напечатанном на другой машинке, шрифтом, отличающимся от предыдущих, 28-м и последующем, 30-м листах, сделанных на новокупленной «Эрике», — и, скорее всего, отнесенный в дневник 1955-го ошибочно.

1955

Записи 1955 года²⁴⁶ #

(2)²⁴⁷ 1955 г.

Начало года — возобновление в ЦТСА «Давным-давно» (утром 31 дек. замена утренника без афиш — бурный успех). <...> 12 февр. в сберкассе — с Б.Л. Пастернаком. Он меня целует. С М.И. Царевым и др. Покупка машины «Эрика» (той[,] на которой сейчас пишу).

(5) [повтор:] 13 фев. 1955.²⁴⁸ Вчера, вернувшись с дачи, поехал в ВУАП. Там в сберкассе встреча с Б.Л. Пастернаком. Он что_то пишет у окошечка кассы. Я его окликаю. Он быстро поворачивается, вглядывается и порывисто обнимает и целует меня. «Уже слышал, слышал... А я вот не исправился».²⁴⁹ Еще минут пять говорим о здоровьи и пустяках. Он почти не постарел.

<...> Днем покупаю новую машинку «Эрика», на которой сейчас пишу... #

(29) 14 сент. [1955]. На даче. Вчера до ночи в Москве. Разбирал книги, навестил Н.Д. [Оттена] и Е.М. [Голышеву]. Они были очень приветливы. <...>

Среди литераторов странный слух, что Пастернаку хотят дать Нобелевскую премию. Он будто бы этого боится.

(27) 15 сент. 1955. Часто встречаюсь на футболе с Костей Есениным. Он инженер-строитель и страстный болельщик. По его словам[,] с месяц назад начался пересмотр дела Всево[лода] Эмильевича Мейерхольда. Начало этому положила Таня Есенина[,] специально для этого приехавшая из Ташкента, где она живет постоянно с мужем. Обоих их — Костю и Таню — я помню еще под-

²⁴⁶ Ед. хр. 95, 55 л.

²⁴⁷ Здесь на отдельном листе выписаны события всего года.

²⁴⁸ Повтор: описывается еще раз то же самое событие.

²⁴⁹ В ВСП, 198 описана встреча вскоре после возвращения Гладкова из лагеря в августе 1954 г. В дневнике первая встреча датируется 14 сент. 1954 г., но при другой встрече в сберкассе 12 фев. 1955 г. Пастернак радуется, что Гладков вернулся, а он так «не исправился». (Ирония по поводу «исправительных лагерей».)

ростками. Таня проявила большую энергию в хлопотах в Прокуратуре и добилась пересмотра. Результата еще нет, но есть надежда, что кончится хорошо. Такое впечатление вынесла Таня после нескольких встреч со следователем, ведущим пересмотр.²⁵⁰ Он уже вызывал ряд лиц (27 об.)[,] близко знавших В.Э.[,] как то: Эренбурга, Пастернака, Олешу, Ильинского и др. Будто бы Эренбург и Ильинский читали даже «последнее слово» В.Э. на заседании трибунала. В этом «слове» В.Э. отказался от показаний[,] данных на предварительном следствии, вынужденных «мученьями непереносимыми для 65 летнего старика»[,] и заявил, что он жил и умрет коммунистом. После этого будто бы его прервали и увели. Раньше был слух, что он умер в 42 году в пересыльной тюрьме в Кирове, но сейчас кажется ясно, что он был в 40-ом году расстрелян. Говорят, что привлечен к ответственности ведущий его дело тогда следователь. Пастернак будто бы на вопрос следов[ателя,] был ли М. «советским человеком»[,] после паузы ответил[,] что тот был более советским человеком, чем он сам, т. е. П[астернак].²⁵¹ На Б.Л. это очень похоже. Ряд крупных деятелей театра по просьбе Тани написали в Прокуратуру свои отзывы о В.Эм. как деятеле театра: в том числе Акимов, Попов и др. — все будто бы очень положительные. Речь идет не только о гражданской реабилитации М-да, но и о его реабилитации как деятеля и художника. Если это произойдет, то последствия этого будут огромны. Современная грубо фальсифицированная разными Калашниковыми и Ростовскими история советского театра,²⁵² где М[ейерхольд] изображался только как злой гений и чуть ли не идеологический диверсант, должна

²⁵⁰ К.С. и Т.С. Есенины воспитывались матерью, З.Н. Райх, и Мейерхольдом. Дело о реабилитации вел прокурор Б.В. Рязский. АКГ верно передает слова Пастернака, который, подписывая стенограмму допроса, попросил позволения написать свои слова самому (письмо 2 авг. 1955). См. о допросе Рязского во вступительной статье (см. также: *Существования ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями*. М., 1998. С. 520).

²⁵¹ Всп, 216.

²⁵² Калашников Юрий Сергеевич (1909–1988), театральный деятель; автор книги «Очерки истории русского советского драматического театра» (в 3 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1961. Т. 2: 1935–1945 / АН СССР. Ин-т истории искусств ; под. ред. Н. Г. Зюграфа и др. 1960).

быть решительно пересмотрена. Может быть[,] станет возможным и издании[е] трудов В.Эм. или того[,] что от них сохранилось. И для меня и для многих других учеников и соратников В.Э. это тоже будет иметь огромное значение. А то ведь у всех нас в творческой биографии были «белые пятна». Это относится и ко мне, и к Варпаховскому, и к Плучеку, а также и к М.И. Бабановой, Охлопкову, Ильинскому, Свердлину, Боголюбову и др. # У нас с Костей рядом места на стадионе по абонементам, и он мне рассказывает эти новости. <...> #

1956²⁵³

(2) Записи 1956 года

(12) 14 мая. Слух о самоубийстве А.А. Фадеева, будто бы происшедшем вчера на его даче в Переделкине. Видимо[,] завтра будет какое-то сообщение об этом, хотя вряд ли характер смерти будет обозначен.

Он страшно, иступленно пил, теряя человеческий облик в периоды запоя, новый роман его, говорят, не удавался, надо было вновь вторично переделывать «Мол[одую] Гвардию» применительно к курсу дня, из гробов стали подниматься тени людей, гибели которых он если не был виною, то во всяком случае по своему положению содействовал: это все, но[,] вероятно[,] все же больше всего вино загнало его в тупик, из которого не было выхода, очевидно...

Человек он был умный, талантливый и с большим личным обаянием, которое позволяло ему сохранять личные отношения даже с Пастернаком, которого он общественно третировал, как мог. Сколько друзей его и соратников было рас[с]стреляно и погибло в лагерях за эти годы, а он все держался «в руководстве»[,] и вряд ли мы когда-нибудь узнаем[,] чего это стоило ему. Деятель эпохи «культа

Ростóцкий Болеслáв Нóрберт Иóсифович (1912–1981), советский театровед, историк театра, театральный критик, автор книги «О режиссерском творчестве В. Э. Мейерхольда» (М., 1960).

²⁵³ Ед. хр. № 96, 38 л.

личности» — он был по существу ее жертвой и сошел со сцены вместе с нею.²⁵⁴

(16 об.) 16 мая. <...>

Фадеев в последнее время был одинок. За несколько дней он вдруг приехал в гости к Маршаку, у которого не бывал, с Е. Книпович²⁵⁵ ездил на выставку Сарьяна. Он почти открыто жил с вдовой Вадима Стрельченко (той, которая была в Чистополе), но все это как_то вяло и без азарта. Окружающие слышали от него высказывания, что жизнь бессмысленна и надо как_то все кончать. Большой роман[,] над которым он работал[,] оказался фальшивым — подсказанный ему сюжет был липой, все было не так в жизни. Это открылось ему[,] и он[,] написав два десятка листов, его бросил. Пытался составить том статей и докладов о соц. реализме, но все устарело. Самолюбивый, властный, он оказался в стороне от всего. На партсобрании в Союзе его бранили за помощь Сурову в восставлении в партии[,] и он понимал, что это только начало сведения с ним счетов. Дружил почему_то с Книпович (последней любовницей Блока) и пригласил ее погостить на даче у него. Степанова уехала с МХТом в Белград. Он с ней только симулировал видимость семьи[,] и они были далеки. С Симоновым был почти врагом. Другей не было. В воскресенье, 13 мая[,] он утром завтракал вместе с Книпович и 15-летним сыном, был весел, не пил вина ни в этот день, ни накануне, после завтрака ушел в кабинет, попросив, чтобы ему не мешали работать. Когда его пришли звать обедать через несколько часов, он был уже мертв. На столе лежали письма: в ЦК партии, родным, некоторые говорят, что было еще письмо Тихонову... Фадеев лежал в постели или на диване. Он обложил себя подушками и одеялами и выстрелил сквозь них, чтобы выстрел не был слышен. Врач сказал, что он попал прямо в сердце, что анатом не мог бы сделать это точнее. Все носит характер обдуманности и подготовки. Письмо в ЦК было толстое в закрытом конверте. Позвали врача из Дома Творчества. Это была Г. — любовница

²⁵⁴ Далее идет строка отточий, после нее в конце листа вырезки из газет: «трагически погиб», «страдал тяжелым прогрессирующим недугом — алкоголизмом», «в состоянии депрессии»...

²⁵⁵ Книпович Евгения Федоровна (1898–1988), литературовед, критик.

Назыма Хикмета. Приехал Сурков, кричал на прислугу, нервный, испуганный. Сначала было решение объявить, что это инфаркт[,] и будто бы такое объявление в тот же вечер было вывешено в Союзе, но слух о самоубийстве моментально разнесся по Москве и была объявлена правда. Обращает на себя подчеркивание как причины — «алкоголизм», точно опасаются, что придет в голову что-либо иное. Впечатление огромное. Все только об этом и говорят. Сегодня его тело лежит в Колонном зале. Вечером в почетном карауле стояли члены правительства. Завтра днем похороны на Новодевичьем кладбище. Вот все подробности пока. Думаю, что выражение из правительственного сообщения «трагическая смерть» здесь как нельзя более уместна.

(I)²⁵⁶ Концы и начала # Роман ##

(1) [нечто вроде эпиграфа:] Что такое самоубийство? Можно ли говорить о «причине» самоубийства и равна ли хоть сколько-нибудь любая такая «причина» — следствию, т. е. смерти?

Да, если взять, напр.[.] самоубийство Геринга за час до повешения. Тут уж действительно никакого выхода быть не могло

А смерти Маяковского, Есенина, Фадеева?

Возникает много вопросов. <...>

Все называемые вслух «причины» [смерти] Маяковского — пустяки перед «следствием». Или — были другие «причины», о которых можно только догадываться по статье Jakobsona и стихам. Но и это не «причины».

Формула Пастернака в его автобиографии не убедительна без подробностей. Но есть ли они?²⁵⁷

²⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 31: «Планы, наброски, записки к неосуществленному роману о С. Есенине», маш-сь с правкой автора; 1960–70 гг.; 11 л.

²⁵⁷ Возможно, под «формулой Пастернака» автор имеет в виду рассуждения Б.Л. в очерке «Люди и положения» (1956–1957) о причинах самоубийств — Маяковского, Есенина, Цветаевой, П. Яшвили, Фадеева: «Приходя к мысли о самоубийстве, ставят крест на себе, отворачиваются от прошлого, объявляют себя банкротами, а свои воспоминания недействительными. Эти воспоминания уже не могут дотянуться до человека, спасти и поддержать его» и далее (СС. Т. 4. 1991. С. 332–333).

А Фадеев? «Алкоголизм», «тупик». Но вот прошли 3–4 года[,] и уже ясно, что «тупик» был мнимым.

А может[,] тяга к самоубийству есть вид душевной болезни, при которой бессмысленно взвешивать «причины», когда это делают люди здоровые и не способные понимать [фраза оборвана, продолжения нет]

(34) 13 дек. <...>

Роман Дудинцева будет напечатан тиражем 30 000.²⁵⁸ Будет выпущен Гослитиздатом роман Пастернака.²⁵⁹

Пастернак будто бы отказался подписать письмо Сартру и еще что-то брякнул. Но может быть, это уже легенды.

<...>

К.Г. Паустовский, с которым я вчера разговаривал по телефону, сказал мне, что у него лежит «Автобиография» Пастернака в 3 с половиной листа, котор[ую] хотят печатать в «Литер. Москве».²⁶⁰ К.Г. очень хвалил моего «Мейерхольда», сказав, что он «удивительно легко читается и что там есть какой-то секрет композиции»...

(34 об.) 15 дек. <...> Вчера вдвоем с К.Г. Паустовским был на «Первой симфонии».²⁶¹ <...>

К.Г. написал предисловье в пол-листа к своему собранию сочинений. У него сейчас дома лежит рукопись такого же[,] но более пространного автобиографического предисловия Б.Л. Пастернака. Он обещает дать прочесть.

²⁵⁸ Дудинцев Владимир Дмитриевич (1918–1998), писатель, автор романа «Не хлебом единым», который опубликован в 1956 г., вызвав горячие дискуссии.

²⁵⁹ Директор Гослита А.В. Котов прочел роман и хотел его издать, но вскоре умер, в конце 1956 г. Договор с Гослитом был подписан 7 янв. 1957 г., в начале февраля А.И. Пузиков потребовал у Пастернака, чтобы тот попросил Фельтринелли задержать издание до конца года, когда выйдет русская книга в Москве. Б.Л. это сделал. Но московское издание не состоялось, и итальянское стало первым.

²⁶⁰ Автобиографический очерк «Люди и положения» был написан по просьбе Гослита как предисловие к сборнику стихов. Но сборник не вышел, и Пастернак предложил очерк в альманах «Литературная Москва».

²⁶¹ «Первая симфония» — пьеса АКГ 1945 г. (романтическая комедия в 5 актах).

<...>

Вчера в антракте говорили с К.Г. о Пастернаке. Я, вспоминая отзыв Б.Л. о «Давным_давно», рассказал К.Г., что он сказал мне: «У вас доверчивое воображение». К.Г. очень понравилось это определение[,] и он добавил в 3-ем антракте: «Еще можно сказать, что у вас: доброе воображение»...

Очень хочется повидаться с Б.Л.[,] и [я] знаю, что он меня встретит приветливо, но стесняюсь. Все кажется, что неудобно навязываться с визитами и пр. Пригласил бы его на спектакль, если бы сам был им доволен.²⁶²

(35) 17 дек. 56 г. Вчера провел вечер у Паустовских. К.Г. дал мне на ночь напечатанную на машинке автобиографию Пастернака, написанную им для однотомника своего.²⁶³ К[а]закевич хочет ее печатать в «Литер. Москве».

Я[,] конечно[,] залпом прочитал ее. Она не повторяет «Охранную грамоту», но, так сказать, соприкасается с ней. Написанная проще, от этого она приобрела качество определенности. Она вся мужественнее, суше, решительнее в оценках себя и других. Есть в ней даже жесткость (в отношении Маяковского, например). Пастернак как бы намеренно пропускает многое из того, что не могло не формировать его дара и чему даже я был свидетелем (война, Чистополь и пр.), в том числе и работу над Шекспиром. Если он оставленное считает главным, то это немного странно. В этой рукописи (в ней 71 стр. на машинке) он прослеживает как бы только основные свои литературные связи и соприкосновения. С оценками

²⁶² Вспомним свойственную АКГ от природы застенчивость, о которой говорилось во вводной статье, то, что сам он называл — *психологической связанностью*.

²⁶³ Ср. в (ВсП, 206): «За несколько месяцев до этого <до встречи 18 авг. 1957> я прочитал его “Автобиографию”...»

Этот автобиографический очерк, который Гладков прочел, был написан в качестве предисловия к подготовленному в Гослите сборнику стихов Пастернака, не изданному и уничтоженному из-за того, что рукопись Живаго была передана итальянскому издателю. Для предполагаемой публикации в «Литературной Москве» очерк получил название «Люди и положения», и тоже не был издан. Не следует путать этот очерк с ответом на вопрос анкеты, названный «Автобиографией».

его часто невозможно согласиться (он отрицает целое десятилетие Маяковского — последнее),²⁶⁴ и в настойчивости их чувствуется какой-то вызов очень одинокого и очень уставшего от одиночества человека, тем не менее подчеркивающего свою особняковую позицию.²⁶⁵ И все это все же очень умно, тонко, искренне, честно, хорошо написано.

К.Г. обиняком предложил мне написать предисловие к своему собранию сочинений[,] и я обиняком отказался.

1957

Записи 1957 года²⁶⁶

(5 об.) 13 янв. <...>

Сегодня днем был у К.Г. <...>

На днях у него дома было заседание редколлегии альманаха «Литерат. Москва». Алигер с перепугу забраковала половину (4 из 8) цикла стихотворений Ахматовой[,] и что-то ее пугает в новой части «Повести о жизни» К.Г., которая там должна идти в 3-ей книге. <...>

<...> История о том, как в ресторане за месяц до самоубийства Фадеева ему кто-то реабилитированный плюнул в лицо. История о причине гибели М. Кольцова: приказ Марти о расстреле трех разведчиков, его ссора с Кольц[овым], его письмо Сталину и проч. Будто бы сам Марти (ныне исключенный из партии) грубый, нетерпимый, с задатками деспотизма. Все это как-то аукнулось на романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

История о скандале Пастернака и Вишневского на новоселье у Федина в начале 50-ых годов. «Пью за будущего советского поэта П.»[,] и Б.Л. спокойно[:] «Идите вы в п...» Общий ужас. Б.Л. повторяет. В. быстро уходит[,] и потом истерика Федина.²⁶⁷

²⁶⁴ См. вводную статью.

²⁶⁵ См. в ВСП: «Мне почудилось за всем этим (переоценкой прошлого) какой-то вызов кому-то, вызов очень одинокого, отчаявшегося и уставшего от одиночества и отчаяния художника...» (С. 207).

²⁶⁶ Ед. хр. 97, 126 л.

²⁶⁷ Реальность этого анекдота представляется сомнительной, с некоторыми вариациями он повторяется в воспоминаниях Евтушенко, который при-

<...> Будто бы А. Сурков живет на грани истерики постоянной от всех этих «вечаний» и волнений. В Союзе писателей тяжелая обстановка грызни и склок.

(41) 15 июня. <...> Встреча с Володиным, который меня давно интересуется, но с которым я незнаком. Нас знакомит Ремез. Долго сидим с ним в Летнем саду. Он меня расспрашивает о Мейерхольде и Пастернаке. Уезжаю на «стреле». <...>

(44) 27 июня. <...> Давно не видел К.Г. Паустовского и очень давно Б.Л. Пастернака, который серьезно болел и сейчас лечится в Узком. Я по нему соскучился и страшно браню себя, что не пользуюсь его отношением к себе и не ищу встреч.²⁶⁸

(83) 18 авг.²⁶⁹ Хороший летний день. Еду в Переделкино. На мосту встречаю Б.Л.[,] он в чем_то вроде пижамы или легкого летнего костюма — белое с синим. Совсем уже седая голова и молодое лицо. Очень приветлив со мной. Сначала говорим, стоя у моста на обочине шоссе. Его здесь все знают[,], и все проходящие оглядываются на нас. Потом по его предложению идем гулять. Я решаюсь опоздать к Ш.[,] к которому ехал[,], и охотно соглашаюсь на предложение Б.Л.

Пруд светлосерый с лилово-розовым налетом. На насыпи стоят раскидистые ветлы. Насыпь огорожена низкими белыми с черной каемкой столбиками. Заходим в парк или, вернее[,], остаток парка, где все еще прекрасны старые липы, кедры и лиственницы. Вдали старинный дом с колоннами. Кажется, это то самое бывшее имение Самариных, которое Б.Л. описал в стихотворении «Старый парк». Дом когда_то принадлежал семье, в которой в студенчес-

писывает этот рассказ К.П. Богатыреву (Борис Пастернак в воспоминаниях современников. М.: Слово, 2005. С. 732). Скорее всего, это подтверждает его фольклорное происхождение.

²⁶⁸ Далее в ВСП, 202–206: о встрече на мостике через речку в Переделкине и разговоре с Б.Л. во время гуляния (часа два) 18 авг. 57 г.; об «автобиографии» — полученной АКГ от Паустовского, о намерении Казакевича ее печатать (206–208), о том, что Б.Л. ясно представлял, что его ожидает из-за истории с романом (203).

²⁶⁹ Ср. ВСП, 202–206.

кие годы Б.Л. дружил с молодым Самариным, о судьбе которого он рассказал в «Автобиографии», а может быть[,] и частично в романе, герой которого чем_то напоминает Самарина.

Бродим часа два и говорим о разном, вернее, как и прежде, говорит почти один он...

И говорит он совсем попрежнему, т. е. стремительно набрасывает кучу слов, сам себя перебивает, уклоняется в отступление, возвращается к прерванному. Часто как_то полусмущенно улыбается. Мне он кажется чем_то взволнованным. В разговоре я немного понимаю, что это связано с ожиданием неприятностей изза публикации романа за границей.

По его словам, над ним нависла настоящая гроза. Роман скоро выйдет в Италии. Б.Л. хотел остановить его выпуск, но почему_то этого не сделал («я не имею права уже это делать»)²⁷⁰, а у нас (в ССП) его окрестили «контрреволюционным». Котов хотел его печатать и даже после прошлогоднего отказа «Нового мира», но он умер, а остальным не до этого — заняты мышинной карьеристской возней...

Из меня хотят сделать второго Зошенко... Да, да, уверяю вас. Нет, уже ничто не поможет. Таков приказ свыше. В пятницу меня вызывали в Союз на заседание (третьего дня). Оно должно было быть закрытым, но я не поехал[,] и они там приняли страшную резолюцию.²⁷¹ Впрочем[,] зачем_то составили комиссию для переговоров со мной... Нет, нет, не спорьте, я знаю, что на этот раз мне будет плохо... Вы же ничего не знаете. Фельтринелли вышел из компартии, когда Тольятти предложил ему отказаться от печатания романа. Тут все очень сложно. Уже в это дело запутано много разных самолюбий, престижей, идет дуэль авторитетов. До самого романа им всем дела мало...

Я дарю ему карточку, где в 1936 г. были сняты — он, В.Э. и я. Он благодарит и спрашивает: есть ли у меня еще экземпляр.

²⁷⁰ Пастернак не хотел остановить выход романа в Италии, его заставляли это сделать (см. об этом примеч. 260).

²⁷¹ Вероятно, запись Gladkova сделана позже 18 августа. Собрание в СП состоялось 20 августа 1957 г. См. о нем и разговорах с Поликарповым и с Сурковым в следующей записи Gladkova 9 сентября и примечаниях к ней.

— У меня же все пропадает. И она пропадет. Какой тут хороший Мейерхольд! А как вы изменились! Вас совсем не узнать...

Он приглашает меня к себе.

— Приезжайте без церемоний в любое воскресенье после часа. Впрочем[,] пожалуй[,] подождите, пока это все пройдет. Хорошо? Зачем вам впутываться в это?

Говорим еще о недавнем разговоре Твард [овского] с Хр[ущевым] с защитой Алигер и словами Тв. о писателях, которые[,] как птицы[,] делятся на «ловчих» и «певчих»[,] и еще о многом.

Б.Л. говорит, что некоторые писатели проявляют странное рвение по обличению его, напр. В. Катаев. Он и подобные ему лихо радят атмосферу.²⁷²

(85) [повтор:] Еще за эти дни: рассказ Б. о беседе Твардовского с Хрущевым. Твард. Защищает Алигер, говорит, что писатели, как птицы, делятся на «певчих» и «ловчих» и что вторые губят первых... «Горох об стену». <...>

(88) 9 сент. <...> Говорят, что Пастернак был у Поликарпова²⁷³ и Суркова и договорился с ними о том, что он пошлет телеграмму в Италию о том, что он перерабатывает роман и просит пока его не печатать.²⁷⁴

²⁷² В. Катаев резко нападал на Пастернака на собрании ССП 20 августа. Возможно, это его слова: «Черного кобеля не отмоешь добела». См. примечание к собранию 20 августа.

²⁷³ Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965), партийный и государственный деятель, заведующий отделом культуры ЦК КПСС в 1955–1962 гг.

²⁷⁴ 20 авг. 1957 г. состоялось заседание секретариата Союза писателей, Б.П. не пошел на него, были О.В. Ивинская, А.И. Пузиков и А.В. Старостин, который редактировал роман для Гослита. По воспоминаниям Пузикова, сообщение Старостина о готовности романа к изданию «было встречено в штыки»: «В ход пошла известная формула — “Черного кобеля не отмоешь добела”» (ПСС. Т. 10. С. 249). Издание в Гослите было остановлено, Пастернак очень не хотел, чтобы его текст искажали редактированием, но, как он записал, Поликарпов ему «грозил смертью» (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 3) и он был вынужден был подписать письма своим издателям в Италии, Англии и Франции о возвращении рукописи «на доработку». На следующий день в разговоре с Сурковым его просили отправить в Италию «просьбу

(90) 19 сент. Сегодня днем случайно встретил у Метрополя Плучека[,] и мы долго сидели с ним в сквере на площади Свердлова и потом как в старину гуляли по улицам. Он проводил меня до дому.

Он сейчас репетирует «Мистерию Буфф». Недавно его назначили главным режиссером театра Сатиры. Живет он еще попрежнему в конуре в одном из арбатских переулков, но ждет получения новой квартиры.

Вот так_то встречаемся мы теперь — только случайно — когда_то неразрывные друзья.

По его словам[,] меня ищет в Москве какой_то итальянский профессор, переводчик Пастернака на итальянский, выпустивший в Италии его целый том с двойным текстом[,] русским и итальянским.²⁷⁵ Ему сказали, что самое интересное из написанного о Мейерхольде — это моя работа[,] и он хочет меня найти и побеседовать со мной...

Плучек — седой, толстенький, курит потихоньку от жены, но более спокойный, хотя попрежнему у него на[правление] то же: Лиля Брик, Эльза Триоле, Луи Арагон, Питер Брук, Пикассо.

(91) 21 сент. <...> Вчера звонил Оттен. Звал ехать с ним в Тарусу. Он там живет, а я к Паустовскому. Наверно[,] поеду на будущей неделе. В 7-ом номере «Театра» напечатано стихотворение Пастернака[,] посв[ященное] юбилею Зуевой.²⁷⁶ ##

(91) 24 сент. <...> Третьего дня с Сагалом²⁷⁷ в ВТО, потом катаемся на его машине. Он говорит, что у него сохранились фотографии, где сняты В.Э., я и... Андре Мальро!²⁷⁸ Это мы снимались в тот же день, как и [с] Б.Л. Пастернаком. Вчера долго болтаю с Олешей. <...>

о возвращении рукописи» (письмо Нине Табидзе 21 авг. 1957 г.) (ПСС. Т. 10. С. 250).

²⁷⁵ Имеется в виду Анджело Мария Рипеллино и его сборник: Boris Pasternak. Poesie 1915–1957. Torino, Einaudi, 1957.

²⁷⁶ Стихотворение «Анастасии Платоновне Зуевой» («Прошу простить. Я сожалею...») было опубликовано в журнале «Театр» (1957, № 7). ПСС. Т. 2. С. 265.

²⁷⁷ Видимо, имеется в виду Даниил Львович Сагáл (1909–2002), актер театра и кино; участник Великой Отечественной войны.

²⁷⁸ Имеется фотография 5 марта 1936 г.

(97) 26 окт. Проболел почти 10 дней гриппом с высокой температурой.

<...>

В «Лит. Газете» на днях было напечатано стихотворенье Пастернака (о уборке хлеба), что[,] видимо[,] означает, что конфликт с ним ССП как_то временно уладился.²⁷⁹

(100) 29 окт. <...>

Забавный рассказ со слов А. Суркова о наших поэтах в Италии. Первая встреча у них должна была быть с поэтами_коммунистами. Их предупредили, что все они сюрреалисты, абстракционисты и беспредметники. Наши смутились и попросили для первого диспута пригласить каких_нибудь поэтов_«реалистов». Им ответили, что такие поэты в Италии тоже есть, но они[,] к сожалению[,] все очень правые — сплошь католики и монархисты... Везде им задавали вопросы о Пастернаке...

(104) 2 нояб. <...>

Вышел первый том «Антологии русской советской поэзии». Там есть и Пастернак, и Ахматова, представленные неплохо, и даже Цветаева. Из реабилитированных погибших поэтов есть Герасимов, Кириллов, Клычков, Орешин, П. Васильев, Корнилов, Третьяков и кто_то еще. Мандельштама нет.

<...>

Вышло новое издание пастернаковского перевода «Фауста».²⁸⁰

²⁷⁹ «В разгаре хлебная уборка» — «Литературная газета» № 19 октября 1957 г. (ПСС. Т. 2. С. 266). Далее в ВСП, 209: о встрече с Б.Л. «в конце года» на спектакле «Фауст» на гастролях Гамбургского театра, когда он давал себя фотографировать журналистам с томиком «Фауста» в его переводе. Сообщение Гладкова о посещении Пастернака «Фауста» нарушает хронологию событий. Это было 12 дек. 1959 г., Пастернак был приглашен на спектакль, в котором знаменитый актер М. Грюдгенс играл Мефистофеля. Это было первое появление Б.П. в общественном месте после скандала по поводу Нобелевской премии. Потом он пригласил к себе в Переделкино немецких актеров. Томика «Фауста» на фотографиях нет.

²⁸⁰ Вероятно, издание 1956 г.

1958²⁸¹**Записи 1958 года**(31) 23 марта. <...>²⁸²

Месяца полтора назад к Пастернаку заявилось четверо англичан за интервью для «Нашионэл гардиэн» (без сопровождающего). Оказывается, его «Доктор Живаго» издан уже в переводе на нескольких языках²⁸³ и о романе появилось[,] в частности[,] в Англии много статей, восхваляющих его и утверждающих, что это первая правдивая книга о революции. Сейчас интервью это напечатано в Англии и перепечатано в «Трибуне Люда», где Саша Б. его сам читал.²⁸⁴ Оно спокойное и тактичное, сдержанное и мудрое. Б.Л. сказал, что он читал все рецензии о романе, но считает их тенденциозными. «Из 200 [первая из цифр этого числа переправлена на «7»] страниц романа все критики цитируют только 3 страницы и приписывают автору мнения его героев». «Мой роман это не картина революции, а только семейная хроника группки русской интеллигенции». «Я не считаю, что я соцреалист, но только потому, что соцреализм это нечто высшее, до чего ни я, ни другие еще не дотянулись». Он уклонился от ответа [на вопрос] об его мнении о роли Окт. Революции в судьбе России, сказав, что он «мал» перед такой темой, но что[,] конечно[,] Окт. Революция это огромное явление, отразившееся на судьбе не только русских, «но и вас, господа!»... Он сказал, что еще работает над окончательной редакцией романа с «юным редактором» (?) и надеется, что она будет лучше того варианта, который помимо его воли поторопились напечатать в Италии и потом в других странах. Он считает, что роман будет

²⁸¹ Ед. хр. 98, 168 л.

²⁸² Из рассказов Борщаговского.

²⁸³ Ошибка датировки. К этому времени вышло только итальянское издание. Французский перевод вышел в начале июня 1958 г., английский и немецкий — в начале сентября 1958 г.

²⁸⁴ Очень интересный факт, но надо все-таки сказать, что сведения, которые Пастернак сообщал журналистам, сочетают истину с осторожностью высказываний или лукавством («хотел остановить его выпуск»), соответствующими требованиям ССП. Вероятно, это интервью было сделано до августовских переговоров, остановивших русское издание романа, которое редактировал для Гослита «юный редактор» А.В. Старостин.

издан в СССР. Корреспонденты рассказывают, что он встретил их на своей даче приветствием на 4-х языках[,] и описыва[ю]т дачу и его кабинет с книгами Кафки, Библией в нескольких издани[ях], книгами по философии... Надеюсь, что это интервью не испортит Б.Л. его нынешнего «статус_кво», а впрочем[,] оно таково, что уж[,] пожалуй[,] его ничто испортить не может.

Еще рассказывал многое.

(39) 22 апр. <...> Вечер у Арбузова. Там еще Плучеки, Миронова и Менакер и Тункель. <...>

Рассказы о Панферове. Его визит к Пастернаку.²⁸⁵ Ссора с Сафоновым. Разрыв с Шолоховым. Молодой писатель в редакции «Октября» с антисоветскими листовками.²⁸⁶ Речь Панферова и письмо в ЦК об «антиревизионизме»[,] под флагом которого снова тешатся антисемиты. Он лег на опасную операцию.

(112) 23 окт. Слух о том, что Пастернаку присуждена Нобелевская премия [п]о литературе.

Конечно, ничего хорошего в этом нет. Это только поставит Б.Л. в трудное и фальшивое положение к ССП и вообще может вызвать повторенье истории Зощенко и Ахматовой. И как всегда в таких случаях, «цепная реакция» проработки прогремит новым взрывом в литературе.²⁸⁷ Не читав романа, трудно судить о нем по рассказам, но

²⁸⁵ «Визит» состоялся в Кунцевской больнице, где Б.Л. лежал в феврале и марте с болями в ноге. Панферов уговаривал его поехать на Каспийское море и описать подвиги нефтяников, чтобы примириться с Союзом писателей. Предлагал для этого свою машину. Потом Панферов был отправлен в Оксфорд для лечения и там уговаривал Лидию Леонидовну Пастернак-Слейтер повлиять на брата, чтобы остановить английское издание «Доктора Живаго», чем «спасти его друга» (Существованья ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М., 1998. С. 533). См. также письмо к Ивинской середины марта 1958 г. ПСС. Т. X. С. 312.

²⁸⁶ Кто имеется в виду, неясно.

²⁸⁷ 27 октября 1958 г. К. Чуковский записал в дневнике слова Федина: «Сильно навредит Пастернак всем нам. Теперь-то уж начнется самый лютый поход против интеллигенции» (Чуковский К. Дневник 1930–1969. М.: Современный писатель, 1994. С. 275). См. также: «Многие писатели даже в частных разговорах осуждали Пастернака, как будто он нарушил какие-то

многое в нем кажется крайне субъективным и сомнительным, если это хоть чуть похоже на последнюю автобиографию, которую я проглядывал у кого-то.²⁸⁸ Там наряду с прекрасными страницами есть просто странные, как[,] например, многое о Маяковском и пр.²⁸⁹

Арбузов читал роман, когда был в Брюсселе²⁹⁰[,] и в общем не в восторге, а я ему верю.

(113) 24⁵ окт.²⁹¹ <...>

Слух о Пастернаке подтвердился.

Сегодня почти вся «Лит. газета» занята огромным письмом редакции «Нового мира» к Б.Л.²⁹² и редакц[ионной] статьей.

Слышал, что сегодня с утра идет заседание парткома ССП и вечером будет президиум, где будут Б.Л. исключать из членов.²⁹³

правила цеховой морали или приличия. Мы, мол, все молчим и терпим, чем он лучше нас, что такое себе позволил» (*Поливанов М. К.* Тайная свобода. — ПСС. Т. 11. С. 467).

²⁸⁸ См. выше зап. от 17 дек. 1956 г. о Паустовском или, позднее, в 1957 г., о Казакевиче.

²⁸⁹ Ср. Всп, 207 — об автобиографическом очерке как о «самопереоценке», «обедняющ<ей> и даже искажающ<ей> портрет того Б.Л. Пастернака, которого <Гладков> знал и любил уже много лет».

²⁹⁰ В авг. 1958 г. в Брюсселе состоялась Всемирная выставка, где в павильоне Ватикана русским посетителям раздавалось пиратское русское издание «Доктора Живаго». Туда приехало довольно большое количество высокопоставленных советских туристов, которые получали эти книги, но везти их в Москву было небезопасно.

²⁹¹ В числе «24» поверх «4» впечатано «5».

²⁹² Отзыв «Нового мира» был написан Симоновым и Фединым (пассаж о ложном христианстве) в 1956 г., когда журнал по указанию Отдела культуры ЦК (Поликарпова и Черноуцана) отказался от издания романа. Прочитав его, Б.Л. писал Т.В. Ивановой, что письмо «составлено милостиво и мягко, трудолюбиво продумано с точек зрения, ставших привычными и кажушимися неопровержимыми, и только в некоторых местах, где обсуждаются мои мнения, наиболее неприемлемые, содержат легко объяснимую иронию и насмешку. Внутренне, то есть под углом зрения советской литературы и сложившихся ее обыкновений, письмо совершенно справедливо. Мне больно и жаль, что я задал такую работу товарищам». 26 сент. 1956 г. (ПСС. Т. X. С. 173).

²⁹³ Пастернак был исключен из членов Союза писателей 27 окт. 1958 г. на совместном заседании президиума правления Союза писателей СССР,

(113) 26 окт. <...> Сегодня в «Правде» большая статья Заславского²⁹⁴ «О литературном сорняке» — все о той же истории с Пастернаком. Когда я сегодня днем сидел в парикмахерской и стригся, ее передавали по радио и все недоумевали: кто такой Пастернак. Но комментарии никаких не было. Помалкивали. «Лит-ра и жизнь» перепечатывает вчерашние материалы «Лит. газеты». От всей этой истории — непроходящее ощущение отвращения и гадливости...²⁹⁵

<...> Все время невольно представляю дачу Б.Л. в эти темные ненастные дни...²⁹⁶ ##

бюро Оргкомитета Московского Союза писателей РСФСР и президиума правления Московского отделения Союза писателей под председательством старого друга Пастернака Н. Тихонова. Пастернак не приехал на заседание и прислал письмо с объяснениями. ПСС. Т. V. С. 272.

²⁹⁴ Заславский Давид Иосифович (Осипович) (1880–1965), публицист, литературовед, литературный критик, журналист, социал-демократический, бундовский и коммунистический деятель. Предполагаемый автор статьи 1936 г. против Д.Д. Шостаковича «Сумбур вместо музыки» (*Ефимов Е. Сумбур вокруг «сумбура» и одного «маленького журналиста»*. М.: Флинта, 2006. 95 стр.). Статья Д. О. Заславского «Шумиха реакционной пропаганды вокруг литературного сорняка» была опубликована в «Правде» 26 октября 1958 г. по требованию ЦК «подготовить и опубликовать в “Правде” фельетон, в котором дать резкую оценку самого романа Пастернака, а также раскрыть смысл той враждебной кампании, которую ведет буржуазная печать в связи с присуждением Пастернаку Нобелевской премии» (Записка секретаря ЦК КПСС М.А. Суслова. «А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть 1956–1972. М., 2001. С. 145).

О нем как журналисте АКГ знал давно. Еще в дневнике 1942 г. он так откликнулся на рецензию того в «Правде» на свою пьесу «Давным-давно»:

«28 апр. Заславский, хотя и бывший меньшевик (как и Вышинский!), но один из самых ярких обскурантов в нашей журналистике. Возвысившийся после того, как исчезли Радек, Кольцов, Зорич, он не занял их места, так как мелок и литературно бездарен, но каким-то образом стал полуофициозным и его писанина часто инспирируется сверху» (Ед. хр. № 82, л. 51).

Зорич (1899–1937) — журналист, опубликовавший в 1926 г. в «Правде» фельетон «Дама с собачкой» о переезде в Ленинград жены Кирова.

²⁹⁵ См. о событиях, связанных с исключением Б.П. из СП (ВСП, 228–229).

²⁹⁶ См.: «Темные дни и еще более темные вечера времен античности или Ветхого Завета, возбужденная чернь, пьяные крики, ругательства и проклятья на дорогах и возле кабака, которые доносились до меня во время вечерних прогулок, я не отвечал на эти крики и не шел в их сторону,

(114) 27 окт. <...> Выходя из театра,²⁹⁷ встречаю Петю и Леню Тур.²⁹⁸ Они были на репетиции своей новой пьесы «Побег из ночи». Идем вместе до улицы Горького. Говорим осторожно о Пастернаке[.] «Вот, позовут нас в Союз и мы проголосуем исключенье!» — говорит Петя. Но в общем откровенностью и не пахнет.

У газетного киоска у МГУ тоже спор о Пастернаке в неожиданном разрезе: еврей он, или нет? Защитники говорят, что он не еврей... Кто-то рассказывает, что ему «студенты» выбили на даче стекла...²⁹⁹ Одни его жалеют, другие молча слушают, кто-то один бранит с антисемитенкой...

(115) 28 окт. Вчера вечером Б.Л. Пастернак исключен из членов ССП. Вот, что напечатано в «Литературной газете»³⁰⁰: «О действиях члена союза писателей СССР Б.Л. Пастернака, не совместимых со званием советского писателя. Постановление президиума правления» <...>

<...> (Принято единогласно)

«Единодушное осуждение»³⁰¹

(118) 31 окт. <...> Сегодня днем в Доме кино было собрание писателей Москвы о Пастернаке...³⁰² Среди выступавших были и Мартынов, и Перцов,³⁰³ и др. В резолюции требуется от прави-

но я не сворачивал назад, продолжая прогулку» (Из письма Пастернака к Ж. де Пруайяр 28 ноября 1958. — ПСС. Т. X. С. 406).

²⁹⁷ Театр Маяковского вел переговоры о написании сценария по «переводу» пьесы японского автора или ее переработки, для Бабановой.

²⁹⁸ *Братья Тур* — творческий псевдоним писавших совместно писателей Л.Д. Тубельского и П.Л. Рыжя.

²⁹⁹ Собрание студентов Литературного института постановило ехать в Переделкино и бить окна Пастернаку. Но эта акция ограничилась демонстрацией перед зданием Союза писателей с лозунгами «Пастернак — Иуда».

³⁰⁰ Вклеена вырезка из газеты, в 2 колонках.

³⁰¹ На обороте листа, тоже в 2 колонки вклеена вырезка из газеты.

³⁰² В издании ВСП YMCA-Press, Paris. 1973 дан подробный рассказ об собрании 31 октября 1958 г., одоббившем исключение Пастернака из СП: «Это событие еще у всех в памяти. Стоит ли говорить, что многие выступавшие против Пастернака были неискренни...» (ВСП. 2002. С. 278).

³⁰³ Перцов Виктор Осипович (1898–1980), литературовед и литературный критик. Активный работник Моск. пролеткульта (1923); с 1926 г. примкнул

тельства лишения его советского гражданства. Третьего дня в докладе о сорокалетию комсомол[а] секретарь ЦК ВЛКСМ Семичастный³⁰⁴ на митинге во Дворце спорта говорил о том-же. Оказывается, Пастернак послал Нобелевскому комитету телеграмму с благодарностью.³⁰⁵

Одновременно газеты сообщают о получении Нобелевской премии трем советским ученым [sic]: акад. Тамм и др.³⁰⁶

<...>

Вечернее радио дважды передало сообщение о требовании писателей о лишении Пастернака гражданства СССР. Видимо[,] этот вопрос предreshен и его вышлют.

(119) 1 нояб. В «Литер. газете» целая полоса с письмами о Пастернаке.³⁰⁷ Вчера в «Комсомольск[ой] правде» стишки Михалкова и каррикатура.³⁰⁸ Невыносимы обывательские разговоры об этом:

к группе ЛЕФ, стал одним из основных сотрудников журн. «Новый ЛЕФ». Один из авторов книги «Канал имени Сталина» (1934). Исследователь биографии и творчества Владимира Маяковского.

³⁰⁴ Семичастный Владимир Ефимович (1924–2001), председатель Комитета государственной безопасности СССР в 1961–1967 гг. Его преемником на этом посту стал Юрий Владимирович Андропов (1914–1984), позднее генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984). Е.П.: Сокращенный в силу резкой грубости выступления Семичастного текст доклада был опубликован в «Правде» 30 октября 1958 г. Речь Семичастного, бывшего тогда секретарем ЦК ВЛКСМ, была произнесена 29 октября на торжественном пленуме ЦК ВЛКСМ в честь 40-летия комсомола. Впоследствии Семичастный признавался, что его слова о Пастернаке были фактически продиктованы ему самим Хрущевым (*Семичастный В. Беспокойное сердце. М., 2002. С. 72–74*).

³⁰⁵ Благодарственная телеграмма в Нобелевский комитет была послана 24 окт. на следующий день после известия о присуждении премии: «Безгранично благодарен, тронут, горд, удивлен, смущен. Борис Пастернак».

³⁰⁶ Тамм Игорь Евгеньевич (1895–1971), советский физик-теоретик, академик (1953), лауреат Нобелевской премии по физике (совместно с П.А. Черенковым и И.М. Франком) 1958 г.

³⁰⁷ После публикации письма Пастернака Хрущеву и «Заявления ТАСС» разворот газеты заполнен возмущенными откликами трудящихся под общим заголовком «Гнев народа».

³⁰⁸ Имеются в виду стихи С. Михалкова «Нобелевское блюдо» («Комсомольская правда», 29 окт. 1958 г.): «Антисоветскую заморскую отраву /

сколько в валюте и на наши деньги в премии Нобеля, еврейство Б.Л. и проч[ее]. Все мещане убеждены, что он обрадуется разрешенью уехать заграницу и уедет.

Мне-же это кажется невероятным. С привычкой его к скромной жизни, неприхотливостью и замкнутостью зачем ему заграница, гонорары, шум. Кроме того — родина... Мне казалось, что если его не вышлют насильно, то он предпочтет любую бедность здесь заграничному сервису.

И вот, сегодня в 7 ч. передали по радио письмо Б.Л. с просьбой оставить ему гражданство и отказ от премии³⁰⁹ и заявление Хрущева в ответ на клики западной прессы, что если Пастернаку угодно ехать, то пусть едет.

К сожалению[,] у меня в комнате радио было выключено[,] и мне это рассказала Тоня, а в 10.30 это уже не повторили, но[,] должно быть[,] завтра будет в газетах.

Варил на кухне наш открытый враг. / По новому рецепту, как приправу, / Был поваром предложен пастернак. / Весь наш народ плюет на это блюдо: / Уже по запаху мы знаем, что откуда!»

³⁰⁹ Именно 29 окт. 1958 г., в день выступления Семичастного, Шведская академия сообщила о получении телеграммы Пастернака с отказом от премии: «В силу того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я вынужден отказаться от незаслуженной премии. Не сочтите за оскорбление мой добровольный отказ» (ВсП, 230). Одновременно Пастернак известил об этом Поликарпова в ЦК. Но об этом отказе в советской печати не было упомянуто. С. Смирнов на общемосковском собрании писателей 31 октября говорил: «Усиленно муссируются слухи, что якобы Пастернак отказался от Нобелевской премии. Должен сказать, что ни в одной советской инстанции такого заявления нет, и мы ничего об этом официально не знаем. Должен сказать, что в иностранной печати нигде не появлялась, а только комментируется телеграмма, якобы посланная в адрес Шведской Академии Пастернаком. Комментаторы пишут, что телеграмма эта такого содержания: “В связи с реакцией советского общества я вынужден отказаться от оказанной мне чести...” Судите сами! Это еще более подлая провокация, которая продолжает ту же самую линию предательства» (Б.Л. Пастернак: Pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике. Антология. Т. 2. СПб., 2013. С. 158).

Кажется, это первый правильный поступок Б.Л. в этой сложной и щекотливой ситуации.³¹⁰

<...> С Б.Н.³¹¹ не хочу пока видеться. Он, увы, всегда эхо обывательских разговоров и пересудов о всех сенсациях дня, а для меня все в этом вопросе (о Пастернаке) очень болезненно. ##

(121) 2 нояб. [вырезка из газеты — с письмом Б.Л. Пастернака «Никите Сергеевичу Хрущеву» и Заявлением ТАСС; об этом в Всп, 230]

Конечно[,] Тоня вчера рассказывала все не так. Никакого интервью Хрущева не было, а только справка ТАСС.

Обращает на себя внимание, что в сегодняшнем номере газеты «Лит. и жизнь» нет отчета и резолюции собрания писателей, которое было в пятницу[,] 31-го, где писатели единогласно требовали лишить Пастернака гражданства СССР[,] и в том числе выступавшие там К. Зелинский, Б. Слуцкий, Л. Мартынов, В. Перцев.³¹² Почему-то нигде нет фамилии А. Суркова. Болен он или в отъезде? Промолчали все_таки кое_кто[,] и в том числе Леонов.

Может быть[,] теперь это все несколько затихнет.

³¹⁰ Отметим, что выраженное здесь отношение АКГ прямо противоположно тогдашней (1958) оценке поступка Б.П. — Шаламовым, с точки зрения которого это была откровенная сдача позиций. Такова же, кстати, была и реакция А.И. Солженицына: «Я мерил его <Пастернака> своими целями, своими мерками — и корчился от стыда за него, как за себя: как же можно было испугаться какой-то газетной брани, как же можно было ослабеть перед угрозой высылки...» (*Ивинская О. В плену времени. Париж: Fayard, <1972>. С. 266*).

Позже, через 14 лет, «боевой задор» сопротивления режиму у В.Ш. заметно иссякнет, но и его в чем-то аналогичный поступок (т. е. письмо в ЛГ 1972 г.) АКГ сумеет оправдать. Правда, при этом книга Пастернака была издана, тогда как книга Шаламова — нет: т. е. обстоятельства самих «отречений» существенно различались.

³¹¹ Ляховский Борис Натанович, *Б.Н.*, или *Бор. Нат.* (1906–1980), режиссер научно-документального кино, товарищ АКГ еще по лагерю, водитель и владелец автомашины, чьими услугами он часто пользуется (ср. 24, 26 апр. 1964), и его сосед по даче (потом, в 70-х гг., еще и по дому на Красноармейской: д. 27, кв. 42) — проживавший по адресу: Часовая ул. 56, кв. 43.

³¹² Имеется в виду Перцов.

(123) 6 нояб. Сегодня в «Правде» напечатано еще одно письмо Б.Л. Вот оно:³¹³

(124) «В редакцию газеты “Правда”» <...>

А в «Известиях» Кочетов называет Б.Л. «отщепенцем». Впрочем, чего ждать от Кочетова?

(125) 7 нояб. <...>

В «Литергазете» в статье Заславского необычайно злобное упоминание о Пастернаке («уж» и пр.). Заславский должен быть очень стар. Старый меньшевик и бундовец, он благополучно проскочил через все политические бури. Когда перед смертью Сталина готовилось воззвание евреев_деятелей культуры против «врачей-отравителей», он, по словам М. Блантера, был его главным инициатором и не по его вине оно не было выпущено в мир, хотя и подписано почти всеми[,] кроме Эренбурга и еще двух-трех людей, из числа намеченных. Первую рецензию на «Давным-давно» тоже написал Заславский (весной 1942 г. в «Правде»). Ему[,] наверно[,] лет 75, во всяком случае — больше 70. Писать он может о чем угодно в любое время и в любом размере.

Б.Н. просматривал коммунистическую прессу Франции. Там такая трактовка событий с Пастернаком[:] инициатор бури против него — Союз Писателей, а прав-во заняло более умеренную позицию... #

(127) 14 нояб. <...> Видел в номере парижского коммунистического «Либерасьон» статью о Пастернаке (от собственного московского корреспондента). Там разграничиваются довольно наивно позиции по отношению к Пастернаку Союза Писателей и советского правительства, но вообще все написано почти с сочувствием к П. Так, например, корр-т иронизирует над тем, что писатели, дружно выступавшие против П.[,] почти все не читали романа и т. п.

³¹³ Вложена вырезка из газеты. Это письмо было написано по требованию Поликарпова к Пастернаку «помириться с народом». Черновик этого письма, написанный 2 ноября 1958 г. и мало похожий на опубликованный в газете текст, сохранился в бумагах О. Ивинской (РГАЛИ. Ф. 379. Оп. 3). ПСС. Т. 10. С. 400.

Эта газета у нас продается свободно во всех киосках. Не знаю[,] продолжают ли продаваться югославские газеты. На польские журналы и газеты большой спрос. А «Америку» невозможно достать. ##

(128) 18 нояб. <...> Обратно³¹⁴ ехал с Мишей Светловым³¹⁵ (нас подвез Табачников).³¹⁶ Миша страшно худ, бледен, щеки совсем провалились. Опять пьет (да и переставал ли?). Уговорил меня зайти в кафе-мороженное,³¹⁷ где мы с ним выпили немного коньяка. Все официантки с ним, как с родным. <...> Долго, уже выпив, рассказывал мне о какой-то своей любовной неудаче. <...> А до этого говорили с ним о молодых поэтах[,] и[,] пока он не опьянел, он говорил умно, остро и ясно. <...> Смеляков понимает, что пишет «не то», и что все это понимают, но играет с внутренним отчаянием взятую роль, ибо запуган своей биографией. От этого и пьет. Я хотел его спросить — а отчего пьет он сам, но не стал... О Пастернаке: он был искренен и тогда, когда писал роман, и «Лейтенанта Шмидта», а этого не понимают, но в этом-то и дело, что в его душе одно не исключает другого. И еще не понимают, что он уже не человек, а явление. Миша живет в Переделкине и сам слышал, как местные хулиганы кричат у дачи П-ка: «Жид» и «Иуда».³¹⁸ Федин просидел у Паст[ернака] ночь перед решением того принять премию и отговаривал, и Б.Л.

³¹⁴ После спектакля.

³¹⁵ Светлов Михаил Аркадьевич (*Шейнкман*; 1903–1964), поэт и драматург.

³¹⁶ Очевидно, Ефим Давыдович Табачников (1922–1994), театральный режиссер и педагог, засл. деятель искусств РСФСР.

³¹⁷ Открытое на Тверской (ул. Горького) *Кафе-мороженое*, «под заграницу», было событием, все стремились пойти туда.

³¹⁸ «Миша Светлов, живший в эту осень в Переделкине, рассказывал мне, что в один из темных осенних вечеров местные хулиганы и пропойцы кидали камни в окна дачи Пастернака. Не обошлось и без антисемитских выкриков» (ВсП, 229). Такого не было, рабочие в Переделкине большей частью сочувствовали Пастернаку и по предписанию Литфонда дежурили около его дачи (Ел.В.П.).

дал ему слово, что подумает, а утром через 2 ч[аса] придет и скажет[,] и не пришел. Сейчас у Б.Л. обмороки. ##³¹⁹

(129) 21 нояб. В программках «Театральной недели» программы «Марии Стюарт» во МХАТе и «Макбета» в Малом печатаются без указания перевода Б. Пастернака. Интересно: это инициатива редакции «Т. недели», или это указание свыше?³²⁰

(139) 12 дек. <...> Хесин рассказывает, что с Пастернаком издательства расторгли договора.³²¹ На днях он взял в ВУАПе две тысячи, денег больше нет. Он живет на литфондовской даче. Гр[игорий] Бор[исович] собирается подождать, пока выздоровеет Поликарпов (ЦК), чтобы поговорить с ним. Если Пастернак будет бедствовать и ему посыпятся из-за рубежа продовольственные посылки, то это будет скандал.

³¹⁹ По требованию Поликарпова, приехавшего к Федину на дачу в Переделкино утром 24 октября, на следующий день после присуждения премии, Федин пошел к Пастернаку, угрожая ему, если он не откажется от премии, начать против него кампанию в печати. Поликарпов ждал у Федина на даче ответ Пастернака в течение двух часов. Пораженный тем, что его друг выступает в качестве официального лица, Пастернак сказал, что уже послал телеграмму в Стокгольм с благодарностью и не хочет выглядеть перед ними лжецом. Увидев выражение лица уходившего Федина, Зинаида Николаевна Пастернак, поднявшись в рабочую комнату мужа, нашла его лежащим в обмороке.

³²⁰ Через некоторое время спектакли по этим переводам были запрещены, чтобы полностью блокировать гонорары Пастернака.

³²¹ В письме 19 января 1959 г. Пастернак спрашивал Хесина, почему не производятся платежи за сданные по договору переводы и будут ли давать ему и оплачивать его работы, «как о том все время делаются официальные заявления, пока не соответствующие истине». В противном случае ему «придется искать иного способа поддерживать существование, один из которых (путем обмена доверенностями с Хемингуэем, Лакснесом, Ремарком, Мориакком и другими)...» (ПСС. Т. 10. С. 413–414). Пастернак имеет в виду, что эти авторы, выступавшие в его защиту во время кампании по поводу Нобелевской премии, могут передавать ему свои гонорары за издаваемые в СССР их книги.

1959³²²

Записи 1959 года

(91) 4 июня 1959. <...>

Встреча с Е.Л. Штейнбергом³²³ на углу против Телеграфа. Он подтверждает несколько в иной редакции рассказ Ак<имова> об интервью Шолохова в Париже о Пастернаке³²⁴ и рассказывает подробности беседы Хрущева с Кетлинской³²⁵ на банкете после съезда, о котором многие говорят. ##

1960³²⁶

1960 год

(15) 12 марта. <...>

Находящиеся в США писатели Леонов, Гончар и Щипачев на одной из прессконференций, отвечая на вопросы насчет Пастернака, наговорили чего-то такого, из-за чего поднялся шум в америк. прессе. Щипачев ссылаясь на то, что он болел, когда Пастернака исключали из ССП, и сказал, что он всегда с волнением читает его новые стихи, которые ему удастся **достать**. Вот из-за этого неудачного словечка

³²² Ед. хр. 99, 116 л. — почти все это подневные записи, за исключением нескольких последних страниц, — на листках отрывного календаря, с разными шрифтами машинок.

³²³ Штейнберг Евгений Львович (1902–1960), историк Востока, автор исторических романов; в 1952 г. осужден Особым совещанием при МГБ СССР «за антисоветскую агитацию» на 10 лет ИТЛ; отбывая срок в Каргопольлаге, работал в санчасти; реабилитирован и освобожден в 1954 г.

³²⁴ Во время пребывания Шолохова в Париже на вопрос о «деле Пастернака» он сказал, что надо было опубликовать «Доктора Живаго» для того, чтобы требовательные читатели нанесли ему поражение. Его мнение о романе полностью совпадает с Gladkovым, он считает роман «бесформенным произведением, аморфной массой, не заслуживающим названия романа» («А за мною шум погони. Пастернак и власть». С. 253–254).

³²⁵ Кетлинская Вера Казимировна (1906–1976), писательница; член ВКП(б) с 1927 г.

³²⁶ Ед. хр. 100, 79 л. В этот дневник вложена записная книжка (л. 1–9) от 2 июня 1960 г., начинающаяся с «Приезжаю в 10 ч. 5 м.» — о похоронах Пастернака в Переделкине (см. ниже).

к нему и прицепились. Леонов будто бы сказал еще того хлеще: он упрекнул П.[,] что он поторопился издать роман за рубежом, а вот он де[,] Леонов, «Золотая карета» которого не понравилась Жданову и Сталину и была ими запрещена, подождал **десять лет** и дождался ее постановки... что-то подобное ляпнул и Гончар. Будто бы Пастернак пишет сейчас пьесу о крепостных актерах.³²⁷ По рукам ходит его стих-ие «Нобелевская премия», говорят — слабое (я не читал), но резкое.³²⁸

(22) 10 мая. Узнал, что умер Ю.К. Олеша и что у Б.Л. Пастерна[к]а тяжелый инфаркт.³²⁹ ##

(23) 15 мая. <...> Тревожные слухи о состоянии Пастерна[к]а.³³⁰

(25) 2 июня³³¹. Приезжаю в 10 ч. 5 м. <...> Снова дома в час дня. Звонок Н.Д. [Оттена]. Он только что из крематория с похорон Е.Л. Штейнберга, умершего в ночь на 31 мая. И сразу — вторая трагическая новость: в ту же ночь без 15 м. 12 (30 мая) умер Пастернак. — Мы едем на похороны в Переделкино. Хотите, заедем за вами?... — Конечно!... Наскоро бреюсь. Н.Д. и Е.М. [Голышева] заезжают раньше, чем через час. Едем. Жаркий день. Всё в цвету. По дороге узнаю подробности неожиданной смерти Евг. Дав. <...>

Б.Л. уже давно болел, и рокового исхода ждали, хотя в последние дни было вроде улучшения (как это часто бывает почему-то).

³²⁷ Работа над пьесой «Слепая красавица», начатая летом 1959 г., не была окончена.

³²⁸ *Я пропал, как зверь в загоне. / Где-то люди, воля, свет, / А за мною шум погони, / Мне наружу ходу нет.* <...> Стихотворение было написано «в те страшные дни», как датировал его Пастернак в одной из машинок. Резкого в нем ничего нет, тем не менее его публикация в «Daily Mail» 11 февраля 1959 г. стала причиной вызова Пастернака к генеральному прокурору Р.А. Руденко и предъявления ему обвинения в «измене родине».

³²⁹ Пастернак слег в постель в последних числах апреля 1960 г. Это был скоротечный рак легких, но первые признаки болезни были диагностированы как инфаркт.

³³⁰ В этот день состояние Пастернака резко ухудшилось.

³³¹ АКГ возвращается в Москву из Ленинграда. На этом и двух следующих листах много исправлений от руки, синими чернилами.

Незадолго до смерти он сказал, когда ему делали очередной укол: «Ну зачем вы меня мучаете? Ведь я все равно умру»...

Утро было безоблачным, а в середине дня появились легкие облака. В Переделкине на повороте улицы перед Домом творчества стоит милиционер. Остановив машину, он спрашивает: «Вам куда?» Н.Д. отвечает: «На дачу Горбатовых» (не желая афишировать приезда на похороны). Милиционер говорит, что если на похороны, то машину надо оставить здесь. Тут я замечаю, что у него погоны майора. Оставляем машину среди других 10–15 машин и пешком идем на улицу Павленко, где находится дача Пастернака (неподалеку от дачи Горбатовых-Афиногеновых). Ворота открыты настежь. В саду уже довольно много народа, хотя до выноса тела еще более двух часов. Вижу К.Г. Паустовского, В. Каверина, Л. Славина, Соколова-Микитова. Проходим в комнату к телу Б.Л. Он лежит в гробу, засыпанном цветами, в черном костюме и белой манишке. Желто-бледное, очень исхудалое, красивое лицо. Три больших венка. Говорят, что один от Литфонда, другой от Вс. Иванова и третий от Чуковского. Выходим с противоположной стороны дома. В саду уже много иностранных журналистов, фоторепортеров и кинооператоров. Они — спокойные, деловитые, большей частью высокие, с галстуками «бабочкой», многие с переводчицами. Хладнокровно делают свое дело. Легко можно заметить и наших «агентов», тоже с фотоаппаратами и тоже снимающими всех, кто находится в саду. Я жалею, что не захватил свой «Зенит». В комнате, соседней с той, где стоит гроб, звуки фортепьяно. Все время, сменяя друг друга, играют Андрей Волконский, С. Рихтер и Юдина. Тут же бродит Галя Арбузова. Толпа заметно увеличивается с каждой минутой. Вижу Б. Ливанова, П. Маркова, Асмуса, Левика, Любимову, Гринберга, Февральского, М. Петровых, Лизу Крон. Немного спустя вижу и А. Крона, но он почему-то стоит около забора и не идет в дом. Переговариваемся с Паустовским. Обмахивается платком разомлевшая Татьяна.³³² Паустовский сидит у окна комнаты, где лежит Б.Л., с Ольгой Ивинской — любовницей или последней женой Пастернака. Ее не пускают в дом к телу,

³³² Третья жена Паустовского Татьяна Алексеевна Евтеева-Арбузова (1903–1978), некогда актриса театра им. Мейерхольда.

и она взбирается к окну и долго смотрит в него...³³³ В этом есть нечто показное.

Постепенно в саду образовалась большая толпа. Много знакомых лиц. Мелькает Мелетинский, потом ко мне вдруг проталкивается Ю. Шаргородский. Он в сером толстом плаще. По его словам, он приехал сдавать испытания в какой-то заочный институт (постоянно он живет с Верой Сенкевич в Борисове), и у них сегодня в общезнании все говорили о похоронах и многие отправились. Будто бы на Киевском вокзале у касс висело написанное от руки объявление о том, где будут похороны и до какой станции ехать. Мы стоим слева от входа в дом, и все, идущие прощаться с Б.Л., проходят мимо. Распоряжается всем Еленсон от литфонда.³³⁴ Он в сером костюме. У него кислое, испуганное лицо. К нам присоединяется Н. Столярова, секретарь Эренбурга (он сам сейчас в Стокгольме). Знакомство с проф. Пинским, приятелем Штейнберга, о котором я много от него слышал, тоже «крестником» Эльсберга.³³⁵ Знакомство с Сухомлиновым, в прошлом эсером и эмигрантом, а сейчас корреспондентом «Либерасьон». Как будто в толпе мелькнул П. Нилин, но не уверен. Обращает на себя внимание отсутствие друга юности Б.Л. Н. Асеева и, конечно, К. Федина, Л. Леонова и др. Впрочем, много от них и нечего было ждать. Утром я встретил в табачном магазине на ул. Горького Твардовского с кем-то. Мне показалось, что он был пьян. Рассказывают, что Федин объявил себя больным (хотя здоров) и сидит на своей даче, тут же, недалеко, с закрытыми шторами. Нет ни Арбузова, ни Штока, ни Малюгина, хотя все трое живут поблизости, а Шток просто рядом (через дачу). Много молодых, не известных мне молодых людей, с усиками, в очках и пр. — как говорят, молодых киношников, композиторов, архитекторов. Мелькнуло бледное лицо Эли Нусинова. Шныряет повсюду и неизбежный Арий Давыдович. У многих в руках охапки цветов, но у гроба цветов уже столько, что девать их некуда. В саду полным цветом цветет белая и лиловая сирень и

³³³ Никакого запрета Ивинской входить в дом не было, она приходила проститься с Пастернаком еще накануне и потом на кладбище.

³³⁴ Возможно, Николай Львович Еленсон (1921–2007), писатель?

³³⁵ «Крестниками» Эльсберга назывались те, кто были арестован по его доносам.

стоят в нежно-белом цвету какие-то деревца.³³⁶ Кто-то рассказывает, что сегодня в «Литер. газете» есть сообщение о смерти «члена Литфонда» Б. Пастернака». Странно, что[,] будучи в Москве[,] я все это время первым делом смотрел в газетах: нет ли сообщения о смерти П. (все знали, что он тяжело болен), а сегодня утром, купив еще на вокзале «Литературку», я так и не успел ее развернуть до звонка Н.Д. и Е.М.³³⁷ Уже передают рассказ о том, как сегодня, знакомясь с кем-то, Каверин назвал себя: «член Литфонда Каверин», и еще кто-то говорит, что теперь звание «член литфонда» будет почетнее звания «члена ССП». Настроение у собравшихся не подавленное, а, как бы сказать, — светло-трагическое. Даже смеются, и это не шокирует. Хорошо, что все-таки пришло так много народа. Многие (и я тоже) ждали, что все будет хуже, жалче (наверно, по ассоциации с рассказом о похоронах М. Зощенко). Народ все идет к телу и прибывает на участок. Американские журналисты воздвигли перед выходом из ворот какое-то деревянное сооружение из досок для кинооператора и фотографа и забрались туда уже. Мне показывают в толпе и известного Г. Шапиро. Иностранцы жадно следят за Паустовским. Когда он подошел к нам, они сразу же стали нас снимать и прислушиваться к разговору, и это было так противно, что я даже отошел. Очень нагло держатся наши филеры. Я полтора часа наблюдал за одним человеком в ковбойке с низким лбом, который все топтался на одном месте, делая вид, что идет в дом к телу. Но сам только зыркал вокруг. Трудно забыть его лицо, такое типажно-выразительное, что не придумаешь лучше. Это был почти откровенный «агент», но, наверно, было и много более тонко засекреченных «стукачей» из нашей среды.

Так мы стоим часа два или около того. В начале пятого — вынос. Сначала закрыли доступ на 20 м[инут] к телу, и у гроба оставались самые близкие. О. Ивинскую не пустили, и она, довольно подчеркнуто и неприятно, стоя на скамейке, смотрела в окно. Потом раскрыли окно, и в окно и в двери стали передавать охапки цветов от гроба. Цветы плыли над толпой, и когда процессия

³³⁶ Сирень еще не цвела, а маленькие деревца — это вишневая аллея, посаженная самим Пастернаком, — расцвели в ночь его смерти.

³³⁷ Извещение о смерти, напечатанное на четвертый день, называло Пастернака «членом Литфонда».

тронулась к кладбищу, цветы были почти у всех в руках. Передали венки, крышку гроба и начали выносить гроб. Мы прошли вперед, чтобы не оказаться в конце шествия. Кладбище от дома метрах в 600 по дороге и гораздо ближе напрямик, через картофельное поле. Была приготовлена машина. Но толпа не дала ставить гроб на машину и его понесли на руках. Говорят, когда Еленсон пытался настоять на машине, его даже угрожающе оттолкнули, и он сразу замолк. Мы пошли напрямик через поле и пришли на кладбище минут за двадцать до шествия с гробом. Место для могилы Б.Л. красивейшее: на пригорке под тремя соснами, открытое со всех сторон и в видимости от его дачи. Кроме почитателей Б.Л., приехавших из города на похороны, вижу на кладбище много местных обывателей, явившихся на «зрелище» и толком не знающих, кого хоронят, с кошелками и авоськами. Вижу и Шуру Шток.³³⁸ Она извиняющимся голосом говорит, что Исидора «срочно вызвали в город», хотя я ее и не подумал спросить о нем. Толпа все растет. Вот подошла и процессия с гробом. Мы отходим, чтоб не толкаться, чуть в сторону. Гроб поднимают над толпой перед тем, как опустить, и я в последний раз вижу лицо Б.Л. Я стою шагах в 8–10 от могилы. Передо мной несколько рядов людей. Не хочется проталкиваться, что довольно бесцеремонно делают иностранные журналисты. Они уже и тут нашли какие-то деревянные ящики и соорудили помосты из досок. Опять мелькает Г. Шапиро с переводчицей. Со своего места я вижу только спины и затылки ораторов, но все хорошо слышу. Кто-то говорит: «Объявляю траурное собрание открытым»... Затем говорит Асмус, старый друг Б.Л., у которого он даже жил в годы войны, вернувшись из Чистополя. Он говорит вполне пристойно. Потом Голубенцев читает «О, если б знал, что так бывает...», затем кто-то, очень юный, читает до сих пор не напечатанного «Гамлета».³³⁹ Концовка этого стихотворения звучит недвусмысленно_выразительно. В толпе пробегает шум[,] и, видимо, в ответ на него, Еленсон объявляет траурный митинг закрытым. Возгласы протестов. Явочным порядком начинает говорить какую-то слащавую мистическую чушь некий молодой

³³⁸ Жена А.В. Штока Александра Николаевна Кононова, актриса театра «Ромэн».

³³⁹ Михаил Константинович Поливанов.

человек (говорят — семинарист). Он говорит о «вечной жизни», о том, что Б.Л. превратится в росу и пр. Начинает попахивать политической демонстрацией, что[,] конечно[,] ненужно и некстати во всех отношениях, и уже хотя бы потому, что Б.Л. этого терпеть не мог. Хриплый голос что-то выкрикивает «от рабочих Переделкина» (?), о том, что «рабочие» любили П., а почему его не печатали, они не понимают, и что он их «любил» и пр. Тут уже принимаются энергичные меры к прекращению разрастающегося скандала и раздаются прозаические возгласы команды: «Раз, два, взяли!» Это опускают гроб, стоящий на земле, в могилу. Вот я слышу, как застучали комки земли по крышке гроба Бориса Пастернака. К этому времени небо закрылось тонкой пеленой облаков, но по-прежнему было жарко. На большом суку одной из сосен висит самый большой венок. Иностранцы (и наши, разумеется) записывали в микрофон все речи. Общее настроение торжественно-приподнятое. Рыдания я слышал только при выносе гроба из дома и когда застучала земля по крышке. Стрекотал портативный киноаппарат. Когда гроб опускали, были возгласы: «Прощай, самый великий!» и слышались громкие споры. Снова читают стихи. Мы отходим в сторону. Кто-то ищет валидол. М. Петровых стало дурно. Тут же и Зоря.

Уезжаем с Н. Столяровой. Когда проезжаем через мост в Переделкине, я вспоминаю, что три года назад я разговаривал с ним на этом месте и что он говорил, что над ним собираются тучи (это было еще до его исключения из ССП).

Я взял с гроба ветку сирени и два красных цветка, но цветы отдал, по ее просьбе, Столяровой.

Приезжаем в город уже в восьмом часу. Заезжаем все к Н.Д. [Оттену] Я почти не спал эту ночь (поезд и пр.) и весь день ничего не ел, и у меня кружится немножко голова. У Оттенов выпил две чашки крепкого кофе. Н. Столярова очень симпатична. Ее рассказы об Ивинских, о сделанном Б.Л. два месяца назад завещании,³⁴⁰ когда он узнал, что у него рак легких. Будто бы он хотел усыновить дочь Ивинской, но не успел. Н.Д., конечно, сразу повисает на телефоне. Звонят и ему (Женя Ласкина, Ю. Смирнов, М. Блейман и пр.). Конечно, все

³⁴⁰ Завещания написано не было. Диагноз «рак легких» был поставлен за четыре дня до смерти.

делают вид, что они не знали о похоронах, а то бы обязательно поехали, и выражают сожаление... ночью я звоню в Киржач, как обещал, а мне звонит Арбузов и держит меня полтора часа у телефона, тоже фальшиво сожалея, что «не смог быть». Пробую поймать «Г[олос] А[мерики]», чтобы узнать, как они рассказывают о похоронах, но его старательно забивают, как и следовало ожидать. #

В общем — от похорон хорошее, светлое, красивое ощущение. Если бы не дешевка речей «семинариста» и «рабочего»,³⁴¹ совсем было бы хорошо.

Долго мне не спится, хотя и очень устал.

Хорошо помню похороны Маяковского. Между теми похоронами и этими (двух великих поэтов) целая эпоха и почти вся жизнь. Вот начать бы роман одними похоронами и кончить другими. Был я и на похоронах Есенина, совсем еще мальчишкой.³⁴²

15 июня. <...> В воскресенье[,] 12-го[,] в Тарусе. В это утро Паустовский, по его словам, поставил точку в 4-й части «Повести жизни».³⁴³ Я сидел у него часа два. Он задыхается и плохо выглядит. Говорили больше обо всем, связанном с Пастернаком. Приехала его сестра Лидия из Лондона, назначенная им душеприказчицей наследства (она англ. подданная).³⁴⁴ Последние слова Пастернака

³⁴¹ Кто имелся в виду под «семинаристом» и «рабочим», АКГ тут не уточняет. Скорее всего, описанные в сцене похорон, в самом конце книги АКГ — первый: человек, чье лица он так и не разглядел, говоривший «сладким голоском», и второй, с голосом «хриплым и едва ли трезвым», говоривший от лица «рабочих Переделкина» (Встречи с Пастернаком. М.: АРТ-Флекс, 2002. С. 245). По мнению присутствовавшей на похоронах Ел.В. Пастернак, это могла быть только «речь В.Ф. Асмуса, других речей не было, отдельные попытки что-то сказать и выкрики, о которых пишет Гладков, тут же заглушались».

³⁴² В 1925 г., когда АКГ было 13 лет. Эта же запись от 2 июня 1960 г. в изд. «In memoriam...», 2000. С. 541–546 (и там же еще зап. от 27 апр., 15 июня, 24 сент., 26 и 29 сент., 9 и 10 окт., 18 нояб. — с. 540–549, 551).

³⁴³ Впервые заключительная книга «Повести о жизни» была опубликована в 1963 г. в № 10 и 11 журнала «Новый мир». Отдельной книгой вышла в издательстве «Советская Россия» в 1964 г.

³⁴⁴ Лидия Леонидовна Пастернак-Слейтер (1903–1989), доктор биохимии, автор двух стихотворных книг, переводчик стихотворений своего брата на английский, жила в Окфорде. Она обратилась в Советское посольство за визой, чтобы проститься с умирающим братом, но получила ее только

(«Откройте окна!... Ну, откройте окна!... Ну, разбейте окна!...»)³⁴⁵
Подробности истории с Ивинской и пр.

Все, кто побоялся пойти на похороны Б.Л., откровенно жалеют об этом. Я слышал это от Трифонова, Штока, Арбузова: правда, двое первых прямо признаются, что «побоялись» и Воронков (секретарь ССП) пугал, а Арбузов врет, что не знал, хотя в это время был в Перedelкине. Паустовский сказал, что не простит этого Арбузову.

(36) 14 июля 1960. <...> Прочел только что вышедший том «Записных книжек и дневников» Афиногенова.³⁴⁶ Я читал их два года назад почти полностью. Конечно, самое интересное выброшено: замечательная запись о поездке на дачу Горького в вечер его смерти,³⁴⁷ всё об отношениях с Киришоновым, всё о том, как шел 37-й год, всё о Пастернаке³⁴⁸ и многое другое... Выброшен и почти щенячий визг после того, как автору дневника дали пинка³⁴⁹ под хвост[,] и наивная «патриотическая» экзальтация[,] и клятвы верности Сталину: сейчас они показались бы просто глупыми. В общем — наивный, незрелый ум, странное гимназичество. Нет ощущения, что это был умный человек. М. б.[,] приятный, но не умный.

(42) 12 сент. Вечером у Паустовского. <...> О чем еще говорили? О Федине вообще и о его поведении в день похорон Пастернака («притворился больным и закрыл окна шторами и ставнями»)³⁵⁰.

в день его похорон. Она не была душеприказчицей, наследниками были жена и двое сыновей. Душеприказчицей считала себя О. Ивинская, хотя юридически она не имела прав на наследство. Б.П., прощаясь с сыновьями, велел им не иметь никаких дел с его «незаконной» стороной (Существованья ткань сквозная... С. 569).

³⁴⁵ Нет никаких подтверждений этим словам. После прощания с женой и детьми Пастернак спросил: «Какая у вас следующая процедура?» (Существованья ткань сквозная..., 1998. С. 569.)

³⁴⁶ Александр Николаевич Афиногенов (1904–1941), драматург, автор множества пьес. Имеется в виду издание: *Афиногенов А.Н. Дневники и записные книжки*. М., 1960.

³⁴⁷ АКГ ознакомился с дневником в рукописном виде.

³⁴⁸ Отрывки из Дневников А.Н. Афиногенова о его дружбе с Пастернаком зимой 1937 г. опубликованы в: ПСС. Т. 11.

³⁴⁹ В рукописи: «пинька».

³⁵⁰ Похоронная процессия шла у него под окнами.

Его письмо Каверину еще во время болезни Б.Л. без упоминания имени именно того («я дал указания всё сделать для вашего больного»). Моцарт и Сальери. Новелла: Федин в день похорон Пастернака. <...> Слух об аресте Ивинской (любовницы Б.Л.) подтвердился. Оффиц[иальный] мотив — спекуляция контрабандой....³⁵¹

(44) 17 сент. <...> [жена Оттена Елена Михайловна] приехала из Москвы. <...> Арестована младшая Ивинская, дочь О. Ивинской, любовницы Пастернака. Про мать — слухи, что за «контрабанду». Маловероятный слух, что для ареста дочери было наряжено 60 оперативников(!). Какие-то темные слухи о их попытке получить «наследство» Б.Л., т. е. его деньги в валюте. Скорее всего, они передали за границу что-нибудь из неопубликованных рукописей Б.Л.³⁵² или намеревались это сделать, или их заподозрили, что они это сделают. Приехавший из Москвы Аркадий Штейнберг тоже полон этими разговорами.

(47) 22 сент. <...> Встреча на улице с Мелетинским. Он сразу начинает говорить о деле Ивинских. Вечером у меня Б.Н.

(54) 9 окт. <...>

В Москве циркулирует слух, что Ив[инск]ие передали (хотели передать и т. п.) какие-то не то дневники или мемуары Пастернака заграницу?³⁵³ Ничего невероятного в этом нет, но Н.Я.,

³⁵¹ О.В. Ивинская была арестована 16 августа 1960 г. вместе с дочерью Ириной Емельяновой по обвинения в валютной контрабанде.

³⁵² Так звучит официальное обвинение, предъявленное Ивинской. О попытке получить заграничное наследство Пастернака говорилось в следственном деле, этим объясняли роман И.И. Емельяновой с французским аспирантом Жоржем Нива и назначенной на 10 августа их свадьбой. Ж. Нива был вынужден покинуть СССР накануне этого дня. Через неделю, 16 августа, была арестована Ивинская.

³⁵³ Имеются в виду Ольга Всеволодовна и ее дочь, Ирина Ивановна Емельянова; их мемуары: *Ивинская О., Емельянова И.* Годы с Пастернаком и без него. М.: Плюс-Минус, 2007. 528 с.

Пояснение К.М. Поливанова: «Относительно же “мемуаров” Пастернака — чистой воды сплетня-слух, возможно, инициированная КГБ. В августе 1960 Ивинская и ее дочь были арестованы, у них были изъяты привезенные из-за границы деньги — гонорары за “Доктора Живаго”, что и стало

много лет дружившая с Б.Л.[,] говорит, что никаких дневников он не вел.³⁵⁴

<...>

(56) 11 окт. Всё утро — работа над сценарием.

<...> Пошел к Н.Я. и присидел у нее не «полчасика», а почти четыре часа. <...>

<...>

Из рассказов Н.Я. о Пастернаке (у нее много его писем)³⁵⁵ удивительно о его славолубии. Это для меня как-то неожиданно. Н.Я. говорит, что из большой четверки поэтов: Ахматова, Цветаева, Мандельштам и Пастернак[,] у него одного была эта черта, в которой он признавался только очень близким друзьям.³⁵⁶

основанием для обвинения в незаконных операциях с валютой. А советская и даже слегка НЕ-советская писательская среда с наслаждением пересказывала небылицы).

³⁵⁴ Н.Я. Мандельштам права, Пастернак никаких дневников не вел. Ивинская переслала Фельтринелли машинописную копию неоконченной пьесы «Слепая красавица». Автограф пьесы у нее был изъят КГБ вскоре после похорон Пастернака.

³⁵⁵ В 1970-х гг. Н.Я. Мандельштам передала письма Пастернака к Мандельштаму и к ней самой Е.Б. Пастернаку.

Письма Пастернака к Мандельштаму были впервые опубликованы в «Вестнике СХД», по машинописным копиям, сделанным В.А. Швейцер. В работе об отношениях Пастернака и Мандельштама напечатали всю подборку писем в сб. Память, № 4 (частично перепечатали эту работу в «Литературном обозрении», 1990. № 2 и 3).

³⁵⁶ Такое представление могло создаться, когда Пастернак шокировал своих собеседников словами, что хочет писать как Симонов и Сурков, или, что есть в записях АКГ: «Читаю Симонова. Хочу понять природу его успеха». Пожизненная мечта Пастернака написать роман выразилась, когда он сказал Гладкову: «Я много бы дал за то, чтобы быть автором “Разгрома” или “Цементы”. Да, да, и не смотрите на меня с таким удивлением... Поймите, что я хочу сказать. Большая литература существует только в сотрудничестве с большим читателем» (ВсП, 125).

(71) 10 нояб. <...>

Из недавнего разговора со Слуцким.³⁵⁷ Сарнов³⁵⁸ как-то напечатал статью о погибших поэтах, друзьях и однокашниках Слуцкого: П. Когане, Кульницком, Майорове и Отраде, восхваляя их. Так вот Слуцкий (их друг) говорит, что он всё страшно пригладил: все эти люди в 40-м году были резко оппозиционны — не Сов. власти, конечно, а курсу ее в литературе[,] и противопоставляли себя ему. Если б не война, говорит С.[.] то дело[,] вероятно[,] кончилось бы «нашей посадкой»: уже вызывали каких-то людей и собирали «матерьял». «Что-то нависло над нами, начавшаяся война всё изменила»... И он, и эти люди из того слоя студенчества, который поразил меня в 46-м году на читке Пастернаком перевода «Гамлета» в Лектории МГУ — я еще тогда записал что-то об этом. Великолепное поколение, неизвестно как взошедшее на мути крови и лжи середины и конца тридцатых годов.

(72) 11 нояб. <...> Он [И. Эренбург] принимает меня очень мило, и разговор сразу «вяжется». Говорим тэт а тэт часов до восьми, потом приходит Слуцкий, сидим втроем, потом еще кто-то, мне не знакомый: человек с молодым лицом и седой головой; проходит минут пятнадцать[,] и я решаю уйти, так как чувствую, что страшно устал. И.Г. провожает меня до вешалки, приглашает приехать на дачу, прощается и Люб[овь] Мих[айлов]на, и я ухожу. Иду до Телеграфа, потом переулками домой. Разговор был страшно интересен и содержателен, но в голове свинцовая усталость. Еле прочитываю вечерние «Известия» и ложусь спать. Запишу весь разговор завтра: он стоит того. <...> # Ночь. Проспал три часа и проснулся... Не спится. Увы, все мысли вертятся не вокруг сценария, а вокруг разговора с Эренбургом. Проворочался и сел за машинку.

<...> Потом он мне рассказал о плане всей книги мемуарной и об уже написанной 2-й части, которая кончается хронологически историей написания «Хулио Хуренито». В этой части есть главы — портреты Мейерхольда, Мандельштама, Пастернака, Маяковского, Брюсова, Цветаевой, Есенина, Табидзе, Яшвилли,

³⁵⁷ Борис Абрамович Слуцкий (1919–1986), поэт, друг АКГ.

³⁵⁸ Бенедикт Михайлович Сарнов (1927–2014), литературовед, литературный критик.

клоуна Дурова, *Таурова*³⁵⁹ и еще кого-то. Видимо, «Новый мир» начнет ее печатать с первого номера 1961 года. Твардовский сказал И.Г.[,] что его беспокоят только главы о Маяковском и Пастернаке и одна цитата из Луначарского о пределах вмешательства государства в дела искусства... Тут же И.Г. мне рассказал концепцию главы о Маяковско[м], видимо, если не повторяющую концепцию Р. Якобсона,³⁶⁰ то близкую к ней. «Беспокоят» — видимо, не Твардовского, а его советчиков и соредкторов из цензуры.

(74) 18 нояб. <...>

15-го Н.Д. видел у Ардовых³⁶¹ Ахматову[,] и она ему не понравилась. По его словам, она «ханжила»: осуждала Пастернака за роман с Ивинской и пр. Говорят, что она похожа на Екатерину II в старости. Живет она в комнатке у кухни, которая предназначена для домработницы.³⁶²

³⁵⁹ Вставлено от руки.

³⁶⁰ Роман Осипович Якобсон (англ. Roman Jakobson; 1896–1982), российский и американский лингвист и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в., оказавший влияние на развитие гуманитарных наук не только своими новаторскими идеями, но и активной организаторской деятельностью.

³⁶¹ Виктор Ефимович Ардов (настоящая фамилия *Зигберман*; 1900–1976), писатель-сатирик, драматург, сценарист, карикатурист. С 1921 г. начал публиковать собственные карикатуры с сопроводительным текстом в журнале «Зрелища» и впоследствии иллюстрировал свои сатирические сборники сам. Регулярно печатался в сатирических изданиях «Крокодил» и «Красный перец»; автор более 40 сборников юмористической прозы (рассказов, фельетонов, театральных скетчей, очерков), киносценариев к фильмам, теоретических работ по технике разговорного жанра на эстраде и в цирке; был дружен с рядом литераторов и деятелей российской культуры, которые бывали в его квартире на Большой Ордынке. В их числе И.А. Бродский, А.И. Солженицын, М.М. Зощенко, Б.Л. Пастернак, А.А. Тарковский, Ф.Г. Раневская и другие. Особенно близка с семьей Ардовых была А.А. Ахматова, которая оставалась в их доме во время своих визитов в Москву в 1934–1966 гг.

Знакомство Ардова или дружба с его семьей перечисленных литераторов объяснялись исключительно гостеприимством, которое они оказывали Ахматовой, дружившей с его женой, актрисой Н.А. Ольшевской. Без Ахматовой никакого знакомства, тем более дружбы, у этих людей с Ардовым не могло быть. (Тем более что, по мнению многих, он был сексотом.)

³⁶² Эта комната в обычное время была комнатой Алексея Баталова.

1961³⁶³(5) 10 янв. Вечер у Бори Слуцкого с Н.Д. и Е.М.³⁶⁴ <...>

Его рассказы <...>. Главлит сдался[,] и в первом номере «Нов. мира» пойдет начало второй части воспоминаний Эренбурга. Видимо[,] будет выброшена из дальнейшей части глава о Пастернаке. Весь синклит «Нового мира» приезжал к Эренбургу и уговаривал ее переделать, но он не согласился и предложил снять ее совсем. Сейчас И.Г. в Швеции, но вернется на будущей неделе. Снова разговоры и слухи о романе В. Гроссмана, который запрещен. Этот роман — плод многих лет работы — вторая часть романа «За правое дело».³⁶⁵ Он описывает события войны с конца 42 года до 45, но с отступлениями в прошлое страны и главным образом в 37-й год. Есть главы, действие которых происходит в лагере. Все это завинчено так туго, что у Кожевникова³⁶⁶ полезли глаза на лоб и он сам отправил роман в ЦК, решительно отказав автору и употребив сравнение с романом Дудинцева и «Доктором Живаго». В ЦК прочитав (кто — неизвестно)[,] сказали, что это «трагическая ошибка большого художника»[,] и предупредили Гроссмана, чтобы он следил за тем, чтоб роман не попал за границу. О напечатании его и речи быть не может, так же, как о переделках. Все

³⁶³ Ед. хр. 101, 104 л.

³⁶⁴ Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986), поэт, друг АКГ. Под инициалами *Н.Д.* и *Е.М.* имеются в виду Николай Давидович Оттен и его жена Елена Михайловна Голышева — *Оттены*.

³⁶⁵ Речь о романе «Жизнь и судьба», над которым писатель работал с 1950 г. Его рукопись была отдана автором для публикации в редакцию журнала «Знамя». В феврале 1961 г. были конфискованы копии рукописи и черновики при обыске КГБ в доме Гроссмана. (Дополнительные конфискации проводились на квартире машинистки Гроссмана и у друзей, всего «изъято» 17 экземпляров.) Подробнее в фильме «Василий Гроссман. Я понял, что я умер» — <https://www.youtube.com/watch?v=J2z3aline2g>. (Фильм Елены Якович был снят по материалам ФСБ, автографы разных редакций романа, забранные в то время этой организацией, называвшейся тогда по-другому, теперь переданы в РГАЛИ.)

³⁶⁶ Кожевников Вадим Михайлович (1909–1984), писатель, с 1949 г. — главный редактор журнала «Знамя».

считают, что Гроссман понимал, на что идет: он человек умный и трезвый. Кочетов, назначенный редактором «Октября», по слухам[,] настроен агрессивно и собирается журнал вести самым боевым образом.

(74) 25 окт. <...>

Сегодня достал у Рахлина³⁶⁷ только что вышедшего Пастернака. Ездил и ходил я за ним раз пять. Он издан изящнее, чем Цветаева, с супером, и составлен сносно: стихотворений сорок напечатано впервые³⁶⁸ (цикл «Когда разгуляется» и несколько вещей из военного цикла). Однако очень многое остается ненапечатанным. Тираж 30 000. Говорят, что треть тиража пошла в киоски на Съезд.

Все_таки удивительная штука жизнь! Только что читал в газете о преступлениях Молотова, Кагановича, Маленкова, передо мной лежат томики стихов Цветаевой и Пастернака, где_то в Калуге печатается новый отрывок моих воспоминаний о Мейерхольде,³⁶⁹ другой отрывок уже напечатан вот в этом лежащем справа номере «Нового мира»... Семь лет назад в ерцевской дыре это казалось фантастичным, если б была охота об этом мечтать. Да еще к тому же полгода назад я бродил по улицам Парижа и Марсея...³⁷⁰

³⁶⁷ Геннадий (Гидалий) Моисеевич Рахлин (1905–1967), директор ленинградского книжного магазина.

³⁶⁸ *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы. М., 1961. В отстаивании «сносного» состава принимали участие З.Н. и Е.Б. Пастернаки и И. Эренбург, как секретарь комиссии по литературному наследию, сражаясь с негласным составителем сборника и главным гонителем Пастернака А. Сурковым, исключившим из сборника самые известные и значительные стихотворения.

³⁶⁹ Воспоминания, заметки, записи о В.Э. Мейерхольде // Тарусские страницы. Калуга, 1961. С. 292–306.

³⁷⁰ Имеется в виду лагерь в Ерцево, под Архангелском, где АКГ отбывал срок (1949–1954), и его поездка в составе туристической группы во Францию (22 фев. — 7 марта 1961).

1962³⁷¹(45) 22 июня³⁷²<...>

Сокращен срок Ирине (забыл фамилию), дочери любовницы Пастернака.³⁷³ Она уже на свободе и будет восстановлена в институте. Ее матери лагерь заменили административной высылкой.³⁷⁴ <...>

25 июня. <...> Вернувшись под вечер на дачу, снова читал, вернее перечитывал отдельные места «Доктора Живаго». Завтра мне нужно книгу отдать. # Что же сказать о ней? Я скорее разочарован[:] есть удивительные страницы, но насколько бы их было больше, если бы Б.Л. написал не роман, а просто книгу_исповедь о самом себе. Все, что от романа — слабо почти, люди не живут. Разговоры интеллигентов — или наивная персонификация авторских размышлений, или неумелая подделка. Все народные сцены по языку диалогов фальшивы: этого Б.Л. *не слышит*. Романно-фабульные ходы тоже наивны, условны и натянуты. Подражание Достоевскому, но у Достоевского получались споры — идейные диспуты, а тут этого нет, так как все герои это маленькие Пастернаки, только одни замешанные густо, а другие пожиже. Картины времени нет. Это моралистическая (не философская) притча с иллюстрациями романического и описательного характера. Но все, что о природе — прекрасно. И об искусстве. И о процессе сочинения стихов. И отдельные (хотя статические) психологические этюды, разбросанные там и тут по ходу действия. И, конечно, стихи. И еще кое-что. Но великого романа нет.³⁷⁵ И зарубежный успех

³⁷¹ Ед. хр. 102, 92 л.

³⁷² В этот день АКГ приезжает в Москву из Ленинграда.

³⁷³ Речь тут об Ирине Емельяновой и ее матери Ольге Ивинской.

³⁷⁴ Поднявшаяся за границей кампания в защиту несправедно осужденных О. Ивинской и И. Емельяновой заставила власти пойти на уступки, лагерный срок заключения обеих женщин был сокращен вдвое. Ивинская была освобождена в 1965 г., ссылки у нее не было. Ирина училась в Литературном институте на переводческом отделении.

³⁷⁵ Потом всё это было перенесено в его книгу «Встречи с Пастернаком». В значительной мере оценка романа совпала с такой, например, эмигрантской рецензией на него (Ю. Иваска): «Мысли, замыслы Юрия Живаго

книги явно политически спекулятивен.³⁷⁶ И понятно наше раздражение, хотя ему и придали, по инерции эпохи «культы», такую грубую, неумную форму. Несомненно, субъективно — опубликование этой книги — акт большого личного мужества Б.Л., но позиция его неверна и немудра. <...> Все евангельские ассоциации мне чужды: если уж сейчас и «Эрфуртская программа»³⁷⁷ кажется анахронизмом, то как же ветхо Евангелие! Мне кажется, что где-то в 50-х годах (в начале их) у Б.Л. произошел какой-то внутренний перелом и он вышел из него чем-то озлобленным и задетым.

26 июня. Перечитал написанное вчера о «Докторе Живаго». Хочу добавить, что в книге есть поразительные внутренние противоречия. Вначале автор голосом одного из героев говорит, что «человек живет не в природе, а в истории», а вся концепция романа именно антиисторична, даже в пастернаковском понимании — «разгадка смерти и ее преодоление» и есть «история». Б.Л. много говорит о прелести «повседневности», «быта», но этого-то совсем нет в романе: «бытовые детали» приблизительны и неточны, почти как в слабой пьесе, лишенной воздуха. Говорю это не без труда: слишком уж я люблю Б.Л. и как поэта, и лично, и бесконечно навсегда благодарен ему за то[,] что получил и продолжаю получать от его поэзии. Но он сам в этой книге говорит, что главная

развиваются, борются в нем, и именно они придают драматичность всей книге, столь неудачно “начиненной” фабулой, но вдохновленной лирикой и философией. В смысле литературном книга удалась бы в целом, если бы Пастернак написал ее в форме дневниковых записей своего главного героя» (Иваск Ю. «Высота суждения». О двух книгах Пастернака: Доктор Живаго и Автобиография // Новое русское слово. 1959, 8 фев. С. 2 и 7).

³⁷⁶ Следующий далее фрагмент есть в публикации С.В. Шумихина (In memoriam, 561).

³⁷⁷ Эрфуртская программа — первая и единственная программа Социал-демократической партии Германии, написанная с марксистских позиций К. Каутским (теоретическая часть) и Э. Бернштайном (практическая часть) и принятая на съезде в Эрфурте в 1891 г. Заменяла Готскую программу, принятую в 1875 г. и включавшую лассальянские теоретические влияния. Написанная под решающим влиянием Ф. Энгельса, полагала закономерным превращение частной собственности на средства производства в социалистическую, главной целью партии указывала завоевание политической власти пролетариатом.

беда времени — отсутствие у людей собственного мнения. В моей книге — естественней безоговорочно хвалить Б.Л. (как это делают Оттены и др.) и психологически труднее признаваться, что роман не понравился, но, исполняя завет Б.Л., решаюсь высказать *собственное мнение*, и мне безразлично, кто и в каких целях в свое время яростно бранил роман (большинство — не прочитав его). Беда Б.Л. в неверном выборе жанра того большого сочинения в прозе, к которому его так тянуло. Вместо того чтобы, как Герцен, самому найти новую форму (или, как Толстой, *в романе*), он взял чужую форму и ему лично чуждую и натянул ее на свой замысел и попал в плен к ней.

<...> Ю. Трифонов принес мне переданный для меня А. Парнисом³⁷⁸ греческий журнал ТЕАТ, роскошно изданный, где перевод моего «Мейерх.» с предисловием Парниса и фото: Пастернак, М-д и я. В предисловии Парниса есть что-то обо мне, но что именно, я прочесть, увы, не могу. Заметил, что там есть дата «1948 г.». Неужели он написал и о моем аресте. Надо бы прочесть. Не знаю, кого можно попросить перевести.

1963

8 марта. <...> У М.Н. Соколовой³⁷⁹ лежит для меня бандероль из Парижа — выпущенный издательством Галлимар томик о Мейерхольде, где есть и сорок страниц и моего, и к тому же я много раз еще упоминаюсь. Есть и фото: В.Э. и я (Пастернак отрезан был при первой перепечатке «Тарусск[их] страниц»). Хороший белый компактный томик с любезной надписью переводчицы

³⁷⁸ Парнис Алексис (*греч.* Αλέξης Πάρνης; род. 1924), греческий писатель и поэт; в 1950 г. приехал в СССР, один год прожил в Ташкенте, в 1951 г. поступил в Литературный институт им. А.М. Горького; автор пьесы «Последняя ночь Афин» (известна также под названием «Остров Афродиты», которая была поставлена в Малом театре в 1960 г., но запрещена в Советском Союзе по распоряжению сверху); в дек. 1962 г. вернулся в Грецию; его пьесы позднее ставились в греческих театрах.

³⁷⁹ Соседка АКГ по даче в Загорянке (дачный дом был разделен на две части).

и составительницы Н.Л. Гурфинкель и редактора серии месье Андре.³⁸⁰

11 марта. <...> У Левы знакомство с Ириной Ивинской (той самой).³⁸¹ Она мила. Ее рассказы о лагере. Она переводит мне из французской книжки о М[ейерхольд]е все, что там говорится обо мне.³⁸²

1 июня. <...> Вышел сборник воспоминаний о Вишневском. В заметках Штейна³⁸³ (прежде напечатанных в «Театре») упоминаются мои записи о М[ейерхольд]е. А.П. [Штейн] называет их «превосходными». Уж не помню, была ли эта оценка в журнальном варианте, кажется[,] нет.

Очень хочется написать о трех людях: о Пастернаке, об Юрии Олеше и об А.Д. Попове.

20 июня. <...> Вместо того, чтобы корпеть над сценарием, пишу заметки к воспоминаниям о Пастернаке.

24 июня. <...> Написал пол-листа о Пастернаке и должен отложить и взяться, наконец, за сценарий.

<...> Все время думаю об одном: надо постепенно, неотрывно, исподволь все время писать что-то большое. Иначе жизнь не имеет

³⁸⁰ Ранее (1961) к АКГ обращалась составительница парижского сборника о Мейерхольде и переводчица Нина Лазаревна Гурфинкель с просьбой разрешить перепечатать его статью из «Нового мира» в сборнике, выпускаемым французским издательством Галлимар.

³⁸¹ Имеется в виду Ирина Ивановна Емельянова, дочь Ольги Всеволодовны Ивинской, автор книг «Легенды Потаповского переуллка» (М.: Эллис Лак, 1997), «Пастернак и Ивинская» (М.: Вагриус, 2006) и др.

³⁸² Сам АКГ, по-видимому, французским не владел настолько, чтобы свободно читать с листа, он только учил его в школе; его мать, Татьяна Александровна Гладкова (в девич. Доброхотова; 1888–1962), по окончании гимназии была преподавателем русского и французского. Занятия иностранными языками в советской школе не давали достаточного знания французского, поэтому пассажи из трактата Гюго, якобы запомненные им со слов Пастернака в Чистополе, по-видимому, переводила для него Ц.И. Кин.

³⁸³ Александр Петрович Штейн (Рубинштейн, 1906–1993), писатель, драматург, сценарист.

цены, балласта осмысленного труда. # Дело не в том, чтобы прославиться или разбогатеть, а в том, чтобы что-то сделать вровень своим силам. Не прожить жизнь силач[о]м, никогда не поднимавшим ничего кроме картонных гирь. Иная (такая, как сейчас) жизнь надоела своей бессодержательной поверхностностью.³⁸⁴

10 августа 1963. Просмотрел, а местами и прочитал, второй выпуск зарубежного сборника «Воздушные пути».³⁸⁵ Первый был еще выпущен к 70-летию Пастернака. В этом выпуске более 50 стихотворений Мандельштама, ранее не печатавшихся (мне они все известны давно), статьи о нем Вейдле, Адамовича и Марголина,³⁸⁶ «Поэма без героя» Ахматовой и статья о ней, интересные заметки композитора Артура Лурье.³⁸⁷ Лучше прочего статья Адамовича, хотя он явно недооценивает Пастернака.

25 августа 1963.³⁸⁸ <...> Встреченный вчера на Невском Рубашкин³⁸⁹ рассказал, что Мандельштам и Заболоцкий отложены еще на год, а Пастернак[,] наоборот[,] будет форсироваться.³⁹⁰

27 авг. <...> Просматривал написанное к «Встречам с Пастернаком» — листа два готово. Думаю, что это две трети того, что я могу написать.

³⁸⁴ Вот, на самом деле, о чем помышлял АКГ в 1963 г., снова и снова обращаясь к своим «Встречам с Пастернаком». Аналогичные мысли владели Пастернаком, когда он работал над «Доктором Живаго».

³⁸⁵ Имеется в виду первая большая (57 стихотворений) публикация стихотворений «позднего» Мандельштама в альманахе «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1961. Альм. 2. С. 7–69).

³⁸⁶ Владимир Вейдле «О последних стихах Мандельштама», Георгий Адамович «Несколько слов о Мандельштаме», Юлий Марголин «Памяти Мандельштама».

³⁸⁷ Лурье А. Детский рай // Воздушные пути. Альм. III. Нью-Йорк, 1963. С. 169–172.

³⁸⁸ АКГ в Ленинграде.

³⁸⁹ Александр Ильич Рубашкин (1930), критик, литературовед, автор книги «Илья Эренбург. Путь писателя»; знакомый АКГ — <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/4/ru14.html>

³⁹⁰ Речь идет о томе большой серии «Библиотеки поэта», издаваемом в Ленинграде. Он был уже давно подготовлен, но редакция задерживала его, он вышел в 1965 г.

23 сент. <...> Вдове Пастернака прислали договор на книжку.

16 окт. <...> Пишу все-таки не пьесу, а «Пастернака». Хочется его закончить, перепечатать и освободить от этого голову, и тогда уже заняться другим.

23 окт. <...> Вчера доп[и]сал «Пастернака» до конца и сдал остаток на машинку. Всего будет больше 100 страниц. #

5 нояб. (....) Перед отъездом сидел у Левы. Он в восторге от моих «Встреч с Пастернаком». Советует только вставить описание похорон и оценку романа и автобиографии.³⁹¹

31 дек. <...> Итак, кончается год. Прошлый год кончился смертью мамы. Оглушенный ею, я приехал в Ленинград. За год я написал почти всю книгу о Мейерхольде, 5 листов о Пастернаке, несколько вариантов сценария «Возвращенная музыка», несколько статей. Дневник. Письма. Количественно — это довольно много, а реализовано из этого очень мало, и хотя после множества перипетий сценарий запущен в производство, а «Новый мир» напечатал 2 статейки — в конце года материально я оказался на мели.

1964

16 янв. Днем обедаю у Эренбурга. <...> Бухарин рассказывал И.Г., что Сталин очень был тронут откликом Пастернака <на смерть своей жены> и долго держал его у себя на столе под стеклом, после того уже как вырезка совсем пожелтела. Поэтому он хорошо относился к Б.Л. Тот написал это вполне искренне: это был чистый порыв.³⁹²

³⁹¹ Что, по сути дела, АКГ и сделал — добавив к своему тексту еще $\frac{1}{5}$ объема (ВсП, 198–247).

³⁹² Имеется в виду приписка Б.П. к письму писателей с выражением сочувствия Сталину в связи со смертью Н. Аллилуевой. — Литературная газета. 17 ноября 1932. См. статью А.Ю. Галушкина «Сталин читает Пастернака», в которой он выражает сомнения в том, «входила ли тогда “Литературная газета” в круг регулярного чтения Сталина. Притом, что версия об убийстве Сталиным своей жены не доказана, нельзя забывать и о его

18 сент. <...> Орлов рассказывал, что в Париже вышла большая биография Пастернака.³⁹³

21 сент. <...> Рассказы Л[евы] о Боре Слуцком и его слабодушии и о том, как он раздружился с Гроссманом, когда тот попал в опалу. М. б. и верно — всем известен аналогичный случай с выступлением Бори против Пастернака.³⁹⁴ Человек он незаурядно умный, но это не исключает слабости характера. Это[,] конечно[,] не подлость, а именно слабость. А м. б.[,] сплетни и выдумки. <...>

25 окт. <...> Бор. Нат. приехал, но я избегаю видеться. В такие моменты я не люблю говорить с ним и Ел. Сем. [его женой] — слишком хорошо помню, как они обсуждали, сколько денег у Пастернака за границей — в трагические дни его исключения. И сейчас все комментарии сведутся к этому: что и как Аджубей, сколько есть у кого денег и пр. В лагере вне семейного окружения Б.Н. был другим,³⁹⁵ а тут он очень под влиянием семейной среды с ее специфической атмосферой.

психологическом состоянии в те дни: было ли дело вождю до соболезнований, которыми были заполнены газеты и журналы?» (В кругу Живаго. Пастернаковский сборник. Stanford, 2000. С. 39–40).

³⁹³ *Jaqueline de Proyart. Pasternak. Paris: Gallimard, 1964.*

³⁹⁴ Выступление Слуцкого на Общественном писательском собрании 31 окт. 1958 г. с осуждением Б.П.: «Поэт обязан добиваться признания у своего народа, а не у его врагов. Поэт должен искать славы на родной земле, а не у заморского дяди...» (Б.Л. Пастернак: Pro et contra // Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике. Антология. Т. 2. СПб., 2013. С. 169). Е.Б. Пастернак вспоминал, что случайно оказался свидетелем разговора Слуцкого с Эренбургом, только что вернувшимся из Швеции. Слуцкий «спросил его, говорил ли он что-нибудь о Пастернаке. — Я согласился поехать в Швецию, — ответил Эренбург, — только с условием, что ни слова не скажу о Пастернаке. — Счастливцев, — позавидовал Слуцкий, — а я не мог отказаться, и теперь мне не подают руки» (Существования ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями. М., 1998. С. 540).

³⁹⁵ Б.Н. был товарищем АКГ по лагерю.

25 нояб. Сегодня днем неожиданно приехал Лева Л[евицкий]³⁹⁶. <...> Особых новостей в Москве нет. <...> Он в редакции долго разговаривал с Соложеницыным: тот прочитал недавно «Доктора Живаго» и он ему очень не понравился. <...>

3 дек. Вчера с 8 часов вечера до начала первого просидел с Д.Я. Даром у него в комнате. Говорили о многом: о Пастернаке, Мейерхольде, стихах. Сошлись во мнениях о «Докторе Живаго». По словам Левы, сходного со мной мнения об этой книге придерживается и Соложеницын.³⁹⁷ <...>

4 дек. Вчера я дал Дару прочесть рукопись своих «Встреч с Пастернаком». Он сказал, что задержит ее на несколько дней, так как у него сейчас много работы, но уже утром стал меня благодарить и хвалить, сказав, что прочел 110 страниц ночью залпом.

<...> Наговорил он мне множество самых лестных слов. Он считает, что пройдет не очень много времени и рукопись эта будет напечатана. Не знаю.

13 дек. <...> Вчера снова до пол-второго разговаривали с Даром в его комнате.

<...> Дописал несколько страниц к «Пастернаку».

14 дек. <...> Целый день работаю. «Пастернак». Надоело, но надо закончить, чтобы не возвращаться. Будет страниц около 140, наверно. А было 108 в первом варианте. <...>

22 дек. <...> В.Ф. [Панова] сегодня взяла читать «Встречи с Пастернаком». Утром я вклеил в рукопись последние вставки. По примерным подсчетам[,] она стала больше страниц на 35, т. е. листа на полтора <...>.

³⁹⁶ АКГ — в Доме писателей в Комарове.

³⁹⁷ Помимо зафиксированного в ВсП, можно указать хотя бы на такую оценку романа в дневнике АКГ (после того как он перечитывает «Доктора Живаго»): 25 июня 1962. *Завтра мне нужно книгу отдать. Что же сказать о ней? Я скорее разочарован. <...> Это моралистическая (не философская) притча с иллюстрациями романистического и описательного характера* (In memoriam, 560).

23 дек. В.Ф. Панова прочитала «Встречи с Пастернаком» и тоже очень хвалит. За «пластичность», за «тонкость портрета», за «маштаб человека»³⁹⁸. <...>

30 дек. <...> Вера Фед-на читает мою рукопись «5 лет с Мейерхольдом»[,] и она ей нравится больше, чем «Встречи с Пастернаком» (Д.Я. Дару наоборот). <...>

Сюда приехал Д.Е. Максимов.³⁹⁹ По его словам, в феврале том Пастернака пойдет в типографию.⁴⁰⁰

<...> Год кончается. В этот год я написал «Зеленую карету», расширил и отделал «Встречи с Пастернаком», переделывал книгу о Мейерхольде, возился (в начале года) с постылыми и напрасными переделками сценария «Возвр[ащенной] музыки», написал один акт «Молодости театра», плюс еще разные наброски. Мало, мало! Очень мало! Ну, еще порядочно страниц дневника, да это не в счет.

1965⁴⁰¹

1 янв. <...> По словам Левы, в Москве тихо. В «Новом мире» разрешен роман А. Рыбакова, который весь пойдет в № 12.⁴⁰² В № 1

³⁹⁸ К. Ваншенкин, описывая заседание президиума правления Союза писателей 27 октября 1958 г., вспоминал, что на обсуждении выступила «прекрасная писательница, уважаемая. Она говорила резко, прямолинейно, неприязненно. Я не верил своим ушам». Это была В. Панова, Ваншенкин не назвал ее имени. Впоследствии А.К. Гладков «спросил ее — как она могла так поступить? И зачем? Она ответила, что испугалась. Она решила, что начинается новый тридцать седьмой год, а она знает, что это такое. И что у нее большая семья, и всех их она очень любит» (Ваншенкин К. Как исключали Пастернака — ПСС. Т.11. С. 743).

³⁹⁹ Максимов Дмитрий Евгеньевич (псевд. Иван Игнатов, Игнатий Карамов; 1904–1987), доктор филол. наук, литературовед, специалист по русской поэзии XIX — нач. XX в.; поэт, печатавшийся в самиздате (см. посмертное изд.: «Стихи». СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1994); корреспондент Н. Мандельштам (Письма Н.Я. Мандельштам к Д.Е. Максиму / Публ., вступит. ст. и коммент. Н.Т. Ашинбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007).

⁴⁰⁰ Том «Библиотеки поэта» вышел летом 1965 г.

⁴⁰¹ РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 105.

⁴⁰² Рыбаков Анатолий Наумович (Аронов; 1911–1998), писатель. Имеется в виду его роман «Лето в Сосняках», вышедший в: Новый мир. 1964. № 12.

журнала должна пойти большая подборка ненапечатанных стихов и статей Пастернака.⁴⁰³ Сейчас это лежит в цензуре.

28 янв. <...> В полученном с машинки «Пастернаке» оказалось 7 с половиной листов — больше, чем думал.⁴⁰⁴ Перепечатано плохо, с массой ошибок: печатала какая-то дилетантка, дама с поэтической душой.

30 янв. <...> Лева пишет, что № 1 «Нового мира» задерживается не из-за мемуаров И.Г. и публикации Пастернака, а из-за вводной статьи Твардовского о сорокалетию журнала с утверждением правильности его линии.⁴⁰⁵

<...> Секретарем правления избран хамелеон Михалков, автор гимна («гимнюк», как острит Е.Л. Шварц) и подлых стишков о Пастернаке в 1958 г.⁴⁰⁶

12 фев. Заболеваю гриппом. <...> Отвез машинистке «Встречи с Пастернаком». Хожу с температурой, а отлежаться негде: у Левы все время Люся⁴⁰⁷ и днем лежать неловко.

28 марта. Умер Д. Заславский, старый газетный волк. В некрологе привычные слова об «обаянии», «честности» и пр., но мы-то знаем, что это он написал статью «О литературном сорняке» — о Б.Л. Пастернаке, послужившую сигналом к исключению его из ССП.

5 апр. Вчера вечером были с А.Б. Никр[итин]ой у Берковских.⁴⁰⁸ Необычайное гостеприимство. Он умница и несколько капризный и тиранический говорун. <...>

⁴⁰³ В публикацию вошли военные очерки «Освобожденный город» и «Поездка в армию» и несколько стихотворений, в том числе пять строф «Памяти Марины Цветаевой».

⁴⁰⁴ Речь идет о рукописи ВсП.

⁴⁰⁵ *Твардовский А.* По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1.

⁴⁰⁶ См. выше, в примеч. к 1 нояб. 1958.

⁴⁰⁷ *Люся*, или Людмила Сергеевна — подруга Льва Левицкого, в будущем жена.

⁴⁰⁸ Берковский Наум Яковлевич (1901–1972), литературовед, литературный и театральный критик (иногда обозначается в тексте как Н.Я.), друг

Сперва он и она пышно хвалят меня за «Встречи с П.»

Б-ий: — Это можно было бы назвать «Мой роман с Пастернаком». <...> Вы надавали по щекам литературной братии, и больше всех Федину и Леонову. <...> Согласен с разбором и оценкой романа, но за плохим романом Пастернака (это Вы доказали прекрасно) есть еще иная скрытая в нем философская книга, вернее лирико-философская, но ее нужно суметь прочесть. (Она добавляет: — Должна сказать, что Вы мне объяснили загадку романа, почему он так написан.)...⁴⁰⁹ Б-ий: <...> Должен добавить, что и второй герой «романа» тоже очень обаятелен и интересен. Это старинный композиционный прием: писать о себе, описывая другого. Им почти не пользуются, а он таит огромные возможности. Я даже считаю, что второй герой этого маленького романа, автор, — написан так экономно и пластично, что он везде кажется достойным своего великого собеседника, а это редкость. Тут найдена удивительная мера — говори Вы о себе меньше, чего-то бы не хватало, говори больше — могло бы показаться нескромностью, впрочем, всё талантливое всегда нескромно на первый взгляд...

Это я записал[,] м. б.[.] треть того, что Наум Яковл. и Ел. Ална говорили. Эмма говорит, что я слушал это с хмурым лицом почему-то.

2 мая <...> Письмо от Над. Як-ны. Среди прочего пишет: «Максимов очень хвалит вашу прозу о Б.Л.П. Я уверена, что она хороша, по тем моментам разговоров, которые вы мне передавали. Они “цитатны”...»⁴¹⁰

Сколько же всего человек прочитали мои «Встречи с П.»?

АКГ; *Берковские* — это еще его жена, Елена Александровна Лопырева, историк литературы и фольклорист.

⁴⁰⁹ Е.А. Лопырева послала Б.П. свою книгу «Лирические народные песни» (1955), он писал ей 2 нояб. и 12 дек. 1955 г. Его письмо 10 ноября 1959 г. содержит благодарность ей за сборник «Французские народные сказки» (М., 1959).

⁴¹⁰ Неясно, какое письмо имеется в виду, но сходные мысли о «цитатности» того, что удастся АКГ воспроизвести в мемуарах, Н.Я. выражала и ранее, в частности в п. от 14 апр. 1964 г. (см. выше, в главе V, о спорах с Н.Я.).

24 июня. <...> Н.Я.[.] к сожалению[.] уехала в Псков. Сегодня приезжает из Англии Анна Андреевна. Я получил открытку от некоего Храбровицкого,⁴¹¹ что он получил из Парижа книгу о Б.Л. на франц. языке, где есть мой портрет. Еду к нему. Да, на самом деле, в книге какой-то графини П.⁴¹² напечатано фото: Б.Л., Мейерхольд и я. Интересно, как оно к нему попало?⁴¹³ Еще оно печаталось за рубежом в греческом театр. журнале вместе с переводом моих театр. воспоминаний о М-де. Наверно — оттуда?

2 июля. Вчера вечером у Л.Я. Гинзбург. Она читает отрывки из своей новой вещи (не умею назвать жанр) о блокаде.⁴¹⁴ Это очень умно, остро и талантливо. Ища влияний, я назвал Пруста. Она сама добавила Толстого.

Л.Я.⁴¹⁵ находит за «общей ласковостью тона» некоторое «лукавство художника», рисующего объективный портрет Б.Л., не боясь всяких красок[.] и, хотя как будто такая цель прямо не ставится, показывающего его огромный и всеобъемлющий эгоцентризм. Согласна с каждым словом о романе «Доктор Живаго» и говорит (уже не первая — то же и В.Ф. Панова и др.), что я первым объяснил ей связь желаний «быть как все», тоски по большому читателю, — с корнями художественной манеры романа. Ее мнение — одного из умнейших читателей — мне дорого. (Анна Андреевна вернулась в Ленинград[.] и сегодня Л.Я. идет к ней.) [АКГ достает у Рахлина «толстый синий том» изданного Пастернака] Комментарий мог бы быть лучше. Я холодно отношусь к Ивинской, но не называть ее имя в комментариях к многим ей посвященным стихам — это почти хамство. Не названо и имя Бухарина, которому посвящались

⁴¹¹ Храбровицкий Александр Веняминович (1912–1989), литературовед, исследователь творчества В.Г. Короленко и краевед. Человек, очевидно, не совсем уравновешенный (см. ниже).

⁴¹² Имеется в виду графиня Жаклин де Пруайар. См. примечание к зап. от 18 сент. 1964.

⁴¹³ То есть как книга с этим фото попала к Храбровицкому. — Храбровицкий переписывался с парижанином-эмигрантом Александром Сионским — по-видимому, через него.

⁴¹⁴ «Записки блокадного человека».

⁴¹⁵ О книге АКГ.

«Волны». И все же хорошо, что этот том вышел. К удивлению, в нем помещено и «В больнице».⁴¹⁶

3 июля <...> С наслаждением читаю Пастернака. <...>

9 сент. <...> А в «Лит. Газете» осторожно бранят «Простор» за подборку Мандельштама и «Юность» за Пастернака,⁴¹⁷ но тоже так обходительно и туманно, что диву даешься.

Устанавливается уже такой стиль: каждое резкое слово обернуто, словно стекло, в стружки, в обволакивающие оговорки. <...>

Читаю вновь «Доктора Живаго». Отдельные прекрасные места, но в целом я был прав — слабый, очень слабый роман. Странная претензия автора все главное сообщать через диалог, которым он владеет почти по-детски. Иногда он так натянут и искусственен, что непонятно, как Б.Л. сам этого не увидел. Натяжка за натяжкой и всё целое странно и неживо. И рядом с этим глубочайшие прозрения и тонкости.

15 сент.⁴¹⁸ [Синявский] <...> еще молодой, но очень солидно выдвигающийся критик, автор предисловия к новому однотомнику Пастернака, эрудированный, тонкий, добросовестный и принципиальный человек. <...> Я с ним не был знаком. <...> Слышал от Н.Я., что это «симпатичный бородач». <...> Говорят, он не трепач, жил замкнуто, недавно у него родился ребенок, трудные жилищные условия: из-за них у него мало кто бывал.

18 сент. <...> Был обыск у машинистки, печатавшей Б.Л. [Пастернака], какой-то Марьи Казимировны.⁴¹⁹ Забрали две машинки,

⁴¹⁶ «Стояли как перед витриной, / Почти запрудив тротуар. <...> Ты держишь меня, как изделие, / И прячешь, как перстень, в футляр».

⁴¹⁷ В «Юности» (1965, № 8) были напечатаны воспоминания К. Чуковского о Пастернаке и стихотворения «Сказка», «Божий мир» и «Август», не вошедшие в том «Библиотеки поэта».

⁴¹⁸ АКТ узнает об аресте А.Д. Синявского.

⁴¹⁹ Баранович Марина Казимировна (1901–1975) — переводчица, помощница и машинистка Б.Л. Пастернака.

В воспоминаниях ее дочери Анастасии Баранович-Поливановой этот «обыск» и его предыстория описаны так: «Познакомилась мама с Солженицыным в сущности совершенно случайно (хотя, как известно, ничего

папки и ее саму, но после допроса вечером выпустили. Рассказы о Синявском как о человеке с огромным неутоленным честолубием. <...> Его еще не уволили из ин-та, но зарплату его жене

случайного...). В 65-м году Д.М. Панин без ведома А.И. дал ей на сутки “В круге первом”. Это стало известно Солженицыну, и он попросил Л.З. Копелева договориться с мамой, можно ли ему к ней зайти. По дороге в театр (в Москве тогда гастролитировал Ла Скала) он вместе с Натальей Алексеевной Решетовской забежал к маме, — я в то время была у нее. <...> С пристрастием А.И. допрашивал маму, в какой именно день и в котором часу она получила рукопись, и в какой день и в котором часу вернула ее Панину. <...> Через неделю, как и условились, А.И. с Натальей Алексеевной опять пришли и просидели целый вечер <...> Пили с нехитрым угощением чай, а говорили и спорили все о тех же проклятых вопросах — истории и судьбах России, реформах, революции, ее причинах... А.И. поражался — Миша <М.К. Поливанов>, физик, столько знает и всем этим интересуется. Пожаловался, что его тревожат некоторые тайники, а куда перепрятывать, не известно. Тут я, неожиданно для самой себя, и предложила, что можно к нам. <...> Примерно через месяц А.И. позвонил по телефону, и не помню уж на каком эзоповом языке, спросил, можно ли принести “В круге первом”. Я предложила, что заеду сама — он жил у родственников жены в районе Сокола — Аэропорта. <...> Я приехала к А.И., чтобы забрать папку, но в последний момент он передумал. — Знаете, лучше я вас все-таки провожу до дома, а то недавно одна девушка везла мою рукопись и в метро потеряла сознание. <...>

Летом был произведен обыск и изъят архив Солженицына у его друзей Т., с которыми мама тоже была знакома. В день нашего возвращения из Эстонии... два молодчика пожаловали к нам... они должны были ехать с мамой к ней домой для изъятия машинки. <...> Мама с ними уехала, а я начала соображать, куда бы спрятать “В круге первом” <...> Обнаружила две поэмы Солженицына, да не в одном, а в пятнадцати экземплярах... Пока муж не приехал, рвала эти экземпляры на мелкие кусочки и спускала, рвала и спускала, мечтая только, чтобы не засорилась уборная. На Лубянке маму продержали до поздней ночи, я места себе не находила от волнения — у нее была уже тяжелая гипертония. Давление, конечно, подскочило, и для дальнейших допросов следователь приезжал к нам домой. Терзали долго, а мне “советовали” повлиять на маму, чтобы не отпиралась, иначе и нам с мужем не поздоровится. В конце концов маму оставили в покое, а машинку вернули только через полгода — единственное, что их интересовало, хотя вслух это не произносилось, не печатала ли мама “Архипелаг”» (*Баранович-Поливанова А.А.* Оглядываясь назад. Томск: Водолей, 2001. С. 29, 28).

не выдали. <...> Никто не сомневается, что арест не обосновательный и ходит эта версия об Абраме Терце. Всё очень странно. Невозможно понять, зачем это ему было нужно: ведь его вполне легальная работа по Пастернаку и нужнее, и серьезнее этих литературных авантюр.⁴²⁰ Но[,] м. б.[,] это неправда. Некоторые, как С., патологически испуганы.⁴²¹ Он хоть был знаком с С[инявским] и Д[аниэлем]. Но испуганы и те, кто, подобно мне, их никогда не видел в лицо. Это всё как-то связывается с бродящими слухами о переменах в правительстве и тревожном международном положении.

20 сент. <...> В городе все говорят о Синявском. <...> Новые рассказы о С-ом: нечто вроде славянофила, увлеченного Киреевским и Хомяковым. Интерес к вопросам связи религии и культуры. Аполитичен. Мягок, спокоен и тверд. Интерес к Пастернаку неслучаен. Н.Я. считает, что «проблема Пастернака» играет тут главную роль. Но почему же тогда выпустили однотомник?

⁴²⁰ Речь о предисловии Синявского к книге стихов Пастернака 1965 г. «Многих удивляет, почему такая беспомощная статья написана для Библиотеки поэта к пастернаковскому тому. Неужели нельзя было найти автора лучше. Оказывается, на качество статьи было обращено внимание самого Пастернака, но Пастернак ответил, что он читал статью, восхищен и прочее... в стиле обычной пастернаковской трепотни. Статья осталась плохая, хотя была полная возможность заказать хорошую» (Записные книжки Шаламова). Синявский написал статью о Пастернаке в 1956 г. для сборника «История советской литературы», готовившегося в ИМЛИ. Он показал ее Пастернаку, который ее очень хвалил, но предупредил, что ее не напечатают. Кандидатура Синявского как автора предисловия была выдвинута в Союзе писателей. Он сильно расширил ее для тома «Библиотеки поэта». Никто другой в то время не мог ничего написать о Пастернаке, им никто не занимался. Е.Б. Пастернак предоставил Синявскому собранные им неизданные материалы. Статью, конечно, испортили в издательстве, сняли анализ стихов из романа. Синявского заставляли написать об ошибках и заблуждениях Пастернака, и, хотя судьба книги висела на волоске, он категорически отказался. Для этого редакция написала несколько слов, предпослав их статье Синявского.

⁴²¹ Лицо, видимо, намеренно зашифровано. Возможно — Н.П. Смирнов (см. ниже).

28 окт. <...> Вчера снова в Москве в ССП на открытом партийном собрании с 2-часовым докладом Демичева <...>. В целом — ни угроз, ни <распеканий>, скорее заискивание и жажда успеха. <...>

Сбивчиво и двусмысленно Демичев говорил об изданиях Кафки и Пастернака.

30 дек. 1965. <...> В последнем письме Н.Я. пишет: «Мне трудно по разным причинам...» И еще: «Мне хвалили Вашего Бориса». (Это значит — мои воспоминания о Б.Л.) Интересно, кто хвалил? В Москве ведь рукопись малоизвестна. Лева передает приветы от Шаламова и К.Г. К.Г. говорил ему, что я «идеальный собеседник». Видимо, в понимании К.Г. я «идеальный» потому, что умею долго молча его слушать. <...>

Это был год странной камерной славы и успеха моей рукописи о Б.Л. и многих знакомств, образовавшихся вокруг этого, год самосознания себя именно эссеистом...

1966⁴²²

13 янв. <...> Рассказ Чекина⁴²³ об американском фильме «Доктор Живаго», выпущенном с большой помпой. Подробностей пока никаких нет.⁴²⁴

1 фев. <...> Эмма получила письмо от Н.Я., где та пишет, что «“Медведь” (это я — так она меня зовет) отлично написал о Б.Л.». Но каким же образом она прочла мою рукопись? В кругу близком ей, по-моему, она хождения не имеет.⁴²⁵ Значит[,] продолжает размножаться и читаться. По совести[,] я немного боялся давать ей читать, так как она хорошо много лет знала Б.Л. и несколько по-особенному, странно ревниво к нему относилась.

⁴²² РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 106.

⁴²³ Чекин Игорь Вячеславович (1908–1970), киносценарист.

⁴²⁴ Имеется в виду кинофильм режиссера Дэвида Лина (1965), созданный по мотивам «Доктора Живаго». Весьма характерно для данного жанра: сообщение в предварение возможного будущего подробного рассказа — автор находится в ожидании новостей и деталей.

⁴²⁵ АКГ кончает свое письмо, отправленное к Н.Я. с Черной речки, из пригорода Ленинграда, 16 фев. 1966 г.: «Очень по Вас соскучился» (л. 12).

12 марта. <...> «Дорош от Вашей рукописи в восторге».⁴²⁶ <...> И еще он говорил, что Вы показываете Б.Л. так, что сквозь рассказ о нем, даже только о нем, сквозит и просвечивает время, еще никем как следует не описанное. <...>

21 марта. <...> Неожданное письмо (вернее, два в одном конверте) от Р. Орловой⁴²⁷ и Л. Копелева.⁴²⁸ Они как-то достали и прочитали рукопись «Встречи с Б.П.» и у кого-то узнали, как меня найти. Письма трогательно сердечные и чрезмерно хвалебные.

<...> «Вот это “электромагнитное” пастернаковское поле очень здорово получилось, читатель и сам словно в него попадает...» <...>⁴²⁹

<...> И она и он, соглашаясь по существу с оценкой романа, советуют изменить категоричность «тона» оценки. Пожалуй, это верно. <...>

22 марта. <...> После писем Орловой, Копелева и пересланного Левого отзыва Дороша захотелось еще раз прочесть рукопись о Б.Л.П., чтобы посмотреть — что там им всем так нравится? Я о ней куда более скромного мнения, чем другие, хотя[,] конечно[,] мне приятно, что хвалят.

⁴²⁶ Из письма Л. Левицкого о «Встречах с Пастернаком».

⁴²⁷ Раиса Давыдовна Орлова (1918–1989), литературный критик, переводчик; правозащитник; жена Л. Копелева.

⁴²⁸ Копелев Лев Зиновьевич (1912–1997), критик, литературовед-германист, диссидент и правозащитник. В 1941 г. записался добровольцем в Красную армию; служил пропагандистом и переводчиком; был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским населением. Приговорен к десяти годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». Освобожден в 1954 г., реабилитирован в 1956-м. Восстановился в КПСС. Содействовал напечатанию в «Новом мире» рассказа Солженицына «Один день Ивана Денисовича». С 1966 г. активно участвовал в правозащитном движении. В 1968 г. исключен из КПСС и Союза писателей, уволен с работы за подписание протестных писем против преследования диссидентов, а также за критику советского вторжения в Чехословакию. В 1980 г. во время исследовательской поездки в Германию был лишен советского гражданства.

⁴²⁹ Из письма Р. Орловой.

25 марта <...> С утра правил и делал вставки в экземпляр воспоминаний о Пастернаке, вдохновившись письмами Орловой, Копелева и отзывом Дороша. А в общем — никому это не нужно, кроме безответственных московских интеллигентов.

30 апр. <...> Вот, у меня с конца 63-го года написано 13–14 листов о литературе (Пастернак, Олеша, Платонов, Кин, о вымысле и истории)[.] но напечатано листа 4 из этого. Это сделано исподволь за 3 с половиной года.

14 мая <...> Китайские газеты вдруг стали поносить Шолохова, объявляя его предателем революции за то, что он принял Нобелевскую премию, «чем уравнивал себя с белогвардейцем Буниным и клеветником Пастернаком». Все смешалось в доме Облонских.

8 июня. Жара. Духота.

Утром из Валентиновки звоню Храбровицкому. Он прочитал в Малеевке рукопись мою о Б.Л. и[.] по его словам, был в таком восторге, что впору ночью давать мне телеграмму. <...>

9 июня. С утра в городе: у А. Храбровицкого и еще в др. местах. Спор с Х-м об Эренбурге. Он мне рассказывает страшную историю, как в Пензе избили до полусмерти его жену, как она сошла с ума, как убила детей и покончила жизнь самоубийством, и винит в этом... Эренбурга, только потому[.] что тот приезжал в Пензу в 49 г., встречался с Х.[.] а после этого за Х. будто бы стали следить из НКВД, и избиение жены — их провокация.⁴³⁰ Это всё ужасно, если правда, но при чем тут Э[ренбург][.] понять трудно. Начинаю думать, что и сам Х. не совсем нормален. Он читает мне черновик письма ко мне (посланного на Леву — я его еще не получил) с самыми пышными похвалами воспоминаниям о Пастернаке.⁴³¹

⁴³⁰ Х. отличался также очевидной склонностью к преувеличениям и прямой лжи: его первая жена не покончила самоубийством, а к 1966 г. давно находилась в психиатрической больнице, он, не расторгнув с ней брака, женился на другой. Убит был только один их сын. Эренбург был в Пензе в 1948 г. (юбилей Белинского).

⁴³¹ В его более поздних воспоминаниях сам АКГ упоминается — в списке «людей недалеких, глупых, малоразвитых» (*Храбровицкий А.В.* Очерк моей

Говорю по телефону с Н.П. Смирновым.⁴³² ему писали о рукописи из Харькова. Х[рабровицкому] давали читать рукопись в Малеевке.

У букиниста встреча с молодым человеком (забыл фамилию), который говорит, что знает меня и тоже читал мои воспоминания. <...> Будто бы некий Медведев (брат того, кот. написал о Вавилове) написал большую работу о Сталине и она тоже бродит по рукам.⁴³³ Еще бродят «Три встречи со Сталиным» Джиласа,

жизни. М.: Новое Лит. обозрение, 2012. С. 87). Ср. также с зап. от 27 авг. 1966 г. в тексте дневника АКГ с заключением: «странный человек с комплексами».

⁴³² Николай Павлович Смирнов (1898–1978), писатель, критик, краевед (входил в группу «Перевал»); в 1934 г. репрессирован (статья 58-10, за распространение контрреволюционной литературы) и провел 4 года в исправительно-трудовых лагерях: после освобождения жил в городе Александрове (105 км от Москвы).

Н.П. Смирнов в 1920-х г. был редактором журнала «Новый мир», когда там печатался Пастернак. После его возвращения из лагеря Б.П. обратился к нему с просьбой прочесть роман и написать ему о своем впечатлении. Смирнов был восхищен романом, Б.П. писал ему с благодарностью 2 и 29 апр. и 1 мая 1955 г.

⁴³³ Рой Александрович Медведев (род. в 1925), публицист, политический деятель, представитель левого крыла диссидентского движения в СССР; автор работ по истории. После XX съезда КПСС вступил в партию, был ее членом с 1959 по 1969 г. был из нее исключен за книгу «К суду истории» (как и книга «Они окружали Сталина», была издана на Западе); в 1989 г. восстановлен и стал народным депутатом СССР; автор более 35 книг по истории, социологии, педагогике, философии, в том числе «Неизвестный Сталин» (в соавторстве со своим братом) (М.: Время, 2007). Его брат-близнец — Жорес Александрович Медведев, ученый-геронтолог, также диссидент, автор книг «Биологическая наука и культ личности» (циркулировала в самиздате), а также вышедшей в США на английском «The Rise and Fall of T.D. Lysenko» и других, в которых критиковал ограничения в научном сотрудничестве и поездках за границу, цензуру почты и получаемых из-за рубежа журналов и книг. В мае 1970 г. был насильственно помещен в Калужскую психиатрическую больницу (освобожден в связи с протестами ученых и писателей, что описано в совместной книге Жореса и Роя Медведевых «Кто сумасшедший» — издана в Лондоне в 1971 г. на английском и русском языках). В янв. 1973 г. с женой и младшим сыном приехал в Англию, а в авг. того же года по обвинению в антисоветской деятельности лишен советского

Померанец, протокол обсуждения книжки Некрича⁴³⁴ и многое другое. После разговора с ним [букинистом] чувствую себя провинциалом, почти ничего из этого не читал.

16 июня <...> Встреча на площади Дзерж[инского] с Паперным,⁴³⁵ который с места в карьер начинает хвалить мои воспоминания о Б.Л., которые он недавно прочел. <...> Говорит, что сейчас в редакциях с Паст[ернако]м легче, чем с Цветаевой. Я его спрашиваю, чем объясняется задержка публикаций Манд-ма. Он говорит: — Порядок живой очереди...

23 авг. <...> Странный слух, что сын Б.Л. Пастернака решил починить скамейку у могилы и[,] сломав ее перед этим, нашел в ней звукозаписывающий аппарат. Всё возможно, конечно.⁴³⁶

3 сент. <...> Просмотрел записи Тарасенковым разговоров с Пастернаком.⁴³⁷ <...> Среди записанного Тар. есть поразительное

гражданства. Сейчас публикует мемуары «Опасная профессия» в киевском еженедельнике «2000».

⁴³⁴ Видимо, о книге: *Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М.: Наука, 1965, за которую автор был исключен из партии.

⁴³⁵ Зиновий Самойлович Папёрный (1919–1996), литературный критик, литературовед, писатель. Также известен как литературный пародист.

⁴³⁶ «Это произошло летом 1965 г. Е.Б. заметил, что тяжелая дубовая доска скамейки качается, и, оторвав ее, обнаружил гирлянду аккумуляторов и магнитофон. Он отнес эту технику на Лубянку и сказал, чтобы подобных игрушек на могиле его отца больше не было. Он залил дырки от аккумуляторов садовым воском и посадил на цемент оторванную доску, но на следующий день она снова качалась. Владельцы аппаратуры приходили проверять, ничего не нашли и пришли на дачу. Е.Б. был в Москве на работе. Они спрашивали, не нашли ли “мы” чего на кладбище. Е.В. сказала, чтобы искали у себя на Лубянке. Е.Б. пришлось снова закреплять доску на скамейке. Этот эпизод оброс фантазиями, кто-то считал, что там нашли сокровища. Евтушенко в своих воспоминаниях накрутил развесистую клюкву» (ПСС. Т. 11. С. 729). Там же (С. 819–820) в комментариях даны разъяснения составителя. Это же описано в книге: *Существования ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е.Б.Пастернаку и его воспоминаниями.* М., 1998. С. 412–413.

⁴³⁷ Имеется в виду рукопись: Анатолий Тарасенков. Из «Черновых записей 1934–1939 годов» (ПСС. Т. 11. С. 158).

высказывание о Вс. Иванове — дружески-резкое — сравнение с по-
водырем медведя и странное (впрочем, характерное) высказывание
о «трагизме» как необходимым элементе жизни, и в связи с этим
об аресте Мейерхольда. <...>⁴³⁸

20 сент. <...> [у Гариных⁴³⁹] Им давала читать мои воспомина-
ния о Б.Л. Женья Ласкина⁴⁴⁰ <...>

⁴³⁸ Этот эпизод подробнее в (In memoriam, 574). См. также: ПСС. Т. 11. С. 183: «Даже В. Иванов, честнейший художник, делал в эти годы подлости... Его, как медведя, выволакивали за губу, продев в нее железное кольцо... заставляли, как и всех нас, повторять сказки о заговорах...»; «У нас трагизм под запретом, его приравнивают пессимизму, нытью. Как это неверно! Трагичен всякий порыв, трагична пора полового созревания юноши, но ведь в этом жизнь и жизнеутверждение. Ужасен арест Мейерхольда и арест его жены».

⁴³⁹ Это многолетние друзья, постоянные собеседники АКГ, он часто бывал у них в гостях: Эраст Павлович Гарин (1902–1980), артист театра и кино, режиссер, сценарист, с 1922 по 1936 г. — актер Московского театра им. В.Э. Мейерхольда; и его жена, Хesia Александровна Локшина (или просто *Хesia*, а также *Х.А.* см. ниже; 1902–1982), режиссер и сценарист.

⁴⁴⁰ Евгения Самойловна Ласкина (1915–1991), первая жена К.М. Симонова; была заведующей отделом поэзии журнала «Москва»; друг Шаламова — хранила и распространяла его рукописи; пострадала (была уволена) за напечатание стихотворения С. Липкина про народ «И»: *Человечество жить не сумеет / Без народа по имени «И»*. Считается, что ей в том числе читатели обязаны публикацией в середине 1960-х гг. и булгаковского романа «Мастер и Маргарита». Однако по мнению В.М. Алпатова — «все-таки главная роль принадлежала А. Вулису и действительно Симонову. Ташкентский литературовед Вулис узнал о существовании романа, связался с вдовой автора, прочёл и начал искать пути для издания. Симонов два года жил в Ташкенте, и Вулис был там с ним знаком, он связался с Симоновым, зная его пробивные возможности. Но идти в “Новый мир” было опасно, к тому же не было уверенности в том, что Твардовскому роман понравится (по тем же причинам, что Гладкову). Решили обратиться в нейтральную в то время “Москву”. А Ласкина (бывшая жена Симонова), работавшая тогда в “Москве”, была, очевидно, посредником между ними и редактором “Москвы” Е. Поповкиным» (сообщение по эл. почте, осенью 2015).

4 нояб. <...> Успех моей ходящей по рукам рукописи все возрастает. Капризный и злоязычный Мацкин⁴⁴¹ хвалил меня без удержу. Я[,] видимо[,] сказал в ней нечто, что ожидалось всеми. Это[,] наверное[,] именно то, о чем говорил мне прошлой зимой Берковский. Мацкин нашел среди моих записей одну фразу, которую он случайно слышал от Б.Л.[] и это уверило в полной «правдивости» моих записей. <...>

Как это ни странно, но «Встречи с П.» — иначе и по-другому дали мне то, что в ином масштабе дала пьеса «Давным-давно» — и больше ничто из всего мною написанного. «Д.д.» дала всенародное и длительное признание и любовь театралов и актеров, а воспоминания о Б.Л. — восхищение и признание узкого круга знатоков, стихолобов и лучшей части литературного мира. Более того, эта рукопись принесла мне много новых друзей, куда более интересных, чем мои бывшие «исторические» друзья — все эти Арбузовы, Штоки и другие.

11 дек. <...> Рассказ Яши Гордина о том, что будто бы Каверин был у Черноусяна⁴⁴² насчет издания собрания сочинений Пастернака. И тот сказал что это[,] возможно[,] и будет решаться[:] 6 томов и в последнем «Живаго».⁴⁴³

⁴⁴¹ Александр Петрович Мацкин (1906–1996), литературный и театральный критик, историк театра. В 1941–1945 гг. на фронте. Ему грозила участь «критиков-космополитов», ошельмованных в 1949 г. (как рассказывают, он был среди обвиняемых в директивной разгромной статье «Правды», но в последний момент его имя вычеркнул проводивший кампанию А.А. Фадеев) — <http://library.mhat.ru/books/reader/12> (см. его послесловие «А.К. Гладков. Личность и черты творчества» к книге, изданной уже после смерти АКГ: Александр Гладков. Театр. Воспоминания и размышления. М.: Иск-во, 1980. С. 437–447).

⁴⁴² Имеется в виду Игорь Сергеевич Черноуцан (1918–1990), партийный работник. В 1967–1981 гг. заместитель заведующего отделом культуры ЦК КПСС. Именно он в качестве инструктора Отдела культуры ЦК, в соавторстве с Поликарповым, первым, рецензируя «Доктора Живаго» в августе 1956 г., назвал его «злым пасквилом на деятелей и участников революции» и «враждебным выступлением против идеологии марксизма и практики революционной борьбы». Здесь он приводит весь набор цитат из романа, повторенный К.М. Симоновым в Отзыве «Нового мира» («А за мною шум погони...» Борис Пастернак и власть. М., 2001. С. 64).

⁴⁴³ Такого издания не было, хотя Е.Б. Пастернак регулярно посылал в Гослит заявки на издание «Доктора Живаго» и это обсуждалось, но за этим непременно

Я прочитал забавные сатирические сценки Гордина о том, как на том свете живут Дантес и Мартынов, Булгарин и Бенкендорф, Николай 1 и Екатерина 2-ая. Эпиграф из Лукиана.⁴⁴⁴ Он интеллигентен, мил, занимается 18-ым веком. Сказал мне, что ему понравился мой «Пастернак».

Боря Б.⁴⁴⁵ не читал «Пастернака» и нынче с некоторой ревностью сказал мне, что Лева ему не дал, а здесь сейчас ходит по рукам экземпляр в переплете, будто бы принадлежащий Мандельштам.

30 дек. <...>⁴⁴⁶ Часть лета жил в Л-де на Кузнецовской.

Попутно собирал жатву похвал за «Пастернака» и потом за «Олешу» <...>

следовал отказ. Наоборот, составленный в издательстве «Искусство» и уже набранный в типографии сборник Б.П. «Заметки об искусстве» был запрещен. В 1967 г. широко торжествовалось 50 лет революции и книги не на эту тему были не нужны. Собрание сочинений в 5 томах, в третьем томе — «Доктор Живаго», вышло только к столетию Пастернака — 1989–1992.

⁴⁴⁴ Комм. Я.А. Гордина: «А.К. имеет в виду мою одноактную пьесу «Новые разговоры в царстве мертвых» в параллель лукиановским «Разговорам в царстве мертвых». Ни напечатана, ни поставлена она не была. Написана в середине шестидесятых. Такие полуабсурдистские тексты тогда были вполне нецензурны. А потом я потерял к этому сочинению интерес».

⁴⁴⁵ Видимо, имеется в виду: Балтер Борис Исаакович, или в дневнике часто просто — Боря (1919–1974), друг АКГ, прозаик, участник сов.-финляндской войны 1939–1940 и войны 1941–1945; в 1953 г. окончил Лит. ин-т им. М. Горького (семинар К.Г. Паустовского); начал печататься в 1953 г. В 1961 г. в альм. «Тарусские страницы» опубл. первая ч. гл. произв. писателя — пов. «До свидания, мальчики!» (заглавие взято из песни Булата Окуджавы); вся пов. появилась в ж. «Юность» в 1962 г., была инсценирована, стала основой для одноим. к/ф. (в связи с эмиграцией в 1970-х гг. режиссера Михаила Калика показ фильма в СССР был запрещен); в 1968 г. был исключен из партии после того, как подписал письмо в защиту Ю. Галанскова и А. Гинзбурга; до конца жизни занимался переводами с узбекского и таджикского языков; автор незавершенной автобиогр. пов. «Самарканд».

⁴⁴⁶ Подводя итоги года.

1967⁴⁴⁷19 фев.⁴⁴⁸ <...>

Вечером уезжает отсюда Лидия Яковлевна. Мне будет нехватать общества этой умнейшей старухи.

<...> Вечером с Гором сидим у Берковских, которые завтра тоже уезжают. Б. хорошо сказал: «снобизм это особая форма одичания». Но я почти ни с чем не согласен, что они говорят, т. е. высказывают: о романах Мережковского, о прозе Белого и т. п. Н.Я. капризно-парадоксален,⁴⁴⁹ Гор просто понимает литературу иначе, чем я. Говорим еще о Пушкине и Гоголе. Н.Я. замечает, что из моего этюда о Пастернаке очень хорошо видно, что я люблю и что не люблю.

1 марта. Слонимский перечитал «Встречи с П.» <...> — Блестящая работа! У вас настоящий, живой Пастернак. Все видно. Превосходный анализ неудачи романа. Точно написано время и люди на его фоне... Его жена прибавляет: — Видно, что вы драматург. Вы не рассуждаете, а показываете...

13 апр. <...> Л.Я. показывала, пока мы были у нее, возмутительное по пошлости стихотворение Галича о смерти Пастернака. Морду бы бить за такие вещи.⁴⁵⁰

25 мая. <...> Лева Тоом⁴⁵¹ подошел ко мне в ЦДЛ и сказал, что прочитал моего «Пастернака», которого давал ему Беленков?!

⁴⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 107.

⁴⁴⁸ АКГ в Комарове.

⁴⁴⁹ Очевидно, что здесь Н.Я. — это Н.Я. Берковский, а не Мандельштам!

⁴⁵⁰ Видимо, имеется в виду стихотворение «Памяти Пастернака»: *Разобрали венки на венки, / На полчаса погрустнели, / Как гордимся мы, современники, / Что он умер в своей постели!* / <...> Пристрастное отношение АКГ к творчеству Галича известно.

⁴⁵¹ Тоом Леон Валентинович (1921–1969), поэт и переводчик, московский эстонец, всю жизнь проживший в Москве: после окончания школы работал актером в студии драматурга Алексея Арбузова (видимо, там АКГ и познакомился с ним). После войны окончил Литературный институт им. Горького и был принят в Союз писателей. Как и его мать, писательница Лидия Петровна Тоом, родом из Эстонии, был переводчиком эстонской литературы на русский язык; переводил также французскую, немецкую, польскую, финскую,

27 мая. <...> Утром у Н.П. Смирнова, затем у Левы. Туда звонит разыскивающий меня Женя Пастернак, еще до моего прихода.⁴⁵² Звоню ему. Он очень просит повидаться с ним[,] и мы улаживаемся, что я заеду к нему к пяти часам.

<...> В ЦДЛ обедаю дежурными блюдами.

<...> Потом еду к Жене Пастернаку на Большую Дорогомиловскую. Он встречает меня хорошо, хвалит мои воспоминания. По его словам, «отец» там наиболее похож на себя[,] и делает два небольших замечания. У него милая беременная (кажется, уже третьим ребенком) жена Аленушка, тоже знаток Пастернака, помогающая в комментировании и издательских делах. Архив Б.Л. огромен.⁴⁵³ <...>

Вопрос с собранием «пошел по инстанциям». Женя рассказывает, что из обильнейшей переписки Б.Л. можно выделить 4–5, как

венгерскую, чешскую, словацкую, латышскую, литовскую, бельгийскую, итальянскую поэзию; писал стихи, но крайне редко публиковал. Единственный его поэтический сборник издан уже посмертно. После XX съезда КПСС стала широко известна его острота — «поздний Реабилитанс». Погиб, упав из окна своей квартиры — причины до сих пор не ясны.

Белинков Аркадий Викторович (1921–1970), прозаик, литературовед. Был арестован в январе 1944 г. и после 22-месячного следствия приговорен к смертной казни, замененной благодаря ходатайству А.Н. Толстого и В.Б. Шкловского восемью годами лагеря, где руководил драматическим кружком. Снова был осужден, на этот раз еще на 25 лет; осенью 1956 г. освобожден по амнистии, смог в Москве получить диплом о высшем образовании, некоторое время преподавал в Литинституте, занимался литературоведением. Публикация глав из книги «Юрий Олеша» в журнале «Байкал» в 1968 г. привела к переформированию редколлегии журнала. В 1968 г. воспользовался поездкой в Венгрию для того, чтобы вместе с женой сбежать оттуда через Югославию на Запад. Поселился в США, где преподавал в нескольких университетах.

⁴⁵² Странная запись, потому что Е.Б. Пастернак не был знаком с Левицким. Может быть, ему дала его телефон Ц.И. Кин, у которой он спрашивал о местонахождении Гладкова. Но вообще в этом месте записок у Гладкова много напутано.

⁴⁵³ Архив Пастернака совсем небольшой. Он ничего не хранил, что-то собрала Зинаида Николаевна. Но многое из переписки собрал Евгений Борисович для своей работы над биографией, но он не брал автографы, ему был нужен текст.

он выразился, «романов в письмах»: семейные, с Цветаевой (Аля Цв[етаева] почему-то возражает против их публикации), с З.Н.⁴⁵⁴, с двоюродной сестрой из Лен-да⁴⁵⁵ (пропали).⁴⁵⁶ Письма Цветаевой пропали, но часть их ранее была скопирована (без спроса) Крученых и так уцелела. Женя думает, что девушка, потерявшая письма, м. б. отдала их «в органы» или у нее отняли их, и они там сохраняются.⁴⁵⁷ <...>

Он по манере говорить ужасно похож на Б.Л., просто удивительно, только голос выше и другой тембр. <...> Так это приятно слышать, что и сказать не могу. Сидел у них до ночи. Он говорит, что уже давно искал меня. ##

30 мая. <...> # Утром заезжаю к Храбр-му. На этот раз он меня как-то раздражает — и своими письмами к разным людям, которые он потом копирует и распространяет[,] и всем вульгарным паразитарным суетливым либерализмом. <...> Затем ЦДЛ и обед за рубль, потом к Н.Я. и с ней⁴⁵⁸ к Жене Пастернаку — сегодня день смерти Б.Л.⁴⁵⁹ Посидев у него часика три, возвращаемся к ней[,] и домой приезжаю лишь к ночи.

⁴⁵⁴ Зинаидой Николаевной Пастернак.

⁴⁵⁵ Фрейденберг Ольга Михайловна (1890–1955), филолог-классик, фольклорист; дочь журналиста и изобретателя Михаила Филипповича Фрейденберга и Анны Осиповны Пастернак, сестры художника Л.О. Пастернака. Ее переписка с Б.П., продолжавшаяся с 1910 до 1954 г., впервые опублик. в Америке в 1981 г. Письма Пастернака к О. Фрейденберг и ее Записки, до сих пор не изданные, были отданы ее наследницей Русудан Орбели Е.Б. Пастернаку.

⁴⁵⁶ Письма Фрейденберг частично сохранились у Пастернака, а его — у Русудан Орбели (см. выше).

⁴⁵⁷ Гладков не понял слов Е.Б. Пастернака, он не мог такое говорить. Он хорошо знал эту женщину, сидевшую в лагере, и она не могла никуда их отнести. Усталая, возвращаясь из Москвы по дороге в Тарасовку, где она жила, она оставила их в лесу, когда села отдохнуть.

⁴⁵⁸ Гладков ошибается. Надежда Яковлевна Мандельштам никогда не была у Е.Б. Пастернака в Москве.

⁴⁵⁹ Гладков ошибается. День смерти отца Е.Б. Пастернак всегда был в Переделкине и весь день принимал гостей у себя в сторожке. Е.Б. читал на кладбище стихи, там были толпы народа.

20 авг. <...> Собрался, наконец, записать некоторые рассказы Стеллы Самойловны Адельсон⁴⁶⁰ о Б.Л. Пастернаке, что откладывал с весны, и чувствую, что уже что-то забыл, хотя[,] м. б.[,] и не главное, но все-таки существенное. ##

26 авг. <...>

Послал бандероль Жене Пастернаку (давно обещал подарить ему свои «Воспоминания»)⁴⁶¹ и журнал «Юность» Ц.И.Кин и Эмме.

2Ж сент.⁴⁶² <...>

<...> Второй спектакль «Мещ[ан]» прошел лучше. Вчера были в театре на Таганке. Смотрели «Павшие и живые» и «Антимиры». Первое — прекрасно, благородно, смело, с невероятными вещами. Например, со сцены читают «Гамлета» Пастернака, еще не напечатанный <...>.

18 окт. <...> Вчера Боря Б[алтер] говорил мне, что я «счастливый человек», потому что могу писать не только о наших днях, что я «выговариваюсь» в вещах, подобных эссеям о Пастернаке и Олеше, и могу наслаждаться красивыми романтическими сюжетами. Нет, не так все это просто: и «Зел. карета» была задумана вовсе не безобидной мелодрамой. Еще Боря говорил, что я недооцениваю свое имя как драматурга.

19 окт. <...> Днем ездил в город ненадолго. Необычайно тепло со мной почему-то поздоровался Гриша Бакланов в ЦДЛ. Наверно, прочел что-нибудь мое, бродящее по городу (Пастернак, Олеша). Но вокруг были люди, шум, и он[,] как-то значительно пожав руку,

⁴⁶⁰ Стелла Самойловна Адельсон (урожд. Фришман; 1901–1988), соседка по квартире на Волхонке из знакомого Пастернакам семейства, въехавшего в порядке так называемого добровольного уплотнения, когда хозяева квартиры сами приглашали жильцов, чтобы избежать подселения чужих людей. Подруга и корреспондентка сестер Жозефины Леонидовны и Лидии Леонидовны Пастернак.

⁴⁶¹ Возможно, что тут имеется виду рукопись АКГ «Воспоминания о Мейерхольде».

⁴⁶² Здесь вторая цифра числа так забита, что разобрать невозможно: на предыдущей странице — запись от 22, на следующей — от 23 сент. Но на самом деле, по-видимому, это запись 26 сентября.

ничего не сказал. Отмечаю это потому, что он последние годы едва мне кивал (тоже неизвестно почему).⁴⁶³

3 нояб.⁴⁶⁴ Перед этим интервью с Набоковым о переводе им самим его романа «Лолита» на русский язык. Он размышляет как всегда усложненно и даже витиевато о разности английского и русского языка, о своей книге и попутно критикует «Доктора Живаго»: «лирический доктор с мещанским языком и мышлением», а Лара — «чаровница из романа Чарской»...

У Романа Гуля твердая, очень русская, вовсе не старческая речь, хотя ему 70 или около того. Судя по книге, он пошел на фронт в 16-м году, а было ему тогда 18–19 лет — стало быть[,] все 70.

Он дважды и по-разному описал свою жизнь, но не литературную — это еще перед ним.⁴⁶⁵ Книга «Конь рыжий» рассказывает почти о том же, что и «Жизнь на Фукса», но на «Жизни на Фукса» заметно влияние эксцентрической прозы Шкловского: «Конь рыжий» ближе к бунинской манере, но не по-эпигонски, не подражательно.

Сейчас серое осеннее утро. Чуть туманно. Хочу ехать в город повидаться с Юрой Трифоновым и[,] м. б.[,] разыскать Лидию Леонидовну Пастернак.⁴⁶⁶

<...>⁴⁶⁷ Вечер. Приехал из города.

<...> Должен был ехать к Лидии Леон[идовне] Пастернак, но почему-то так устал, что вернулся на дачу. ##

⁴⁶³ Как видим здесь, человек АКГ — очень даже в себе неуверенный.

⁴⁶⁴ Дочитывая роман, Гладков по радио «Голос Америки» слушает интервью с Р. Гулем о пожертвовании Светланой *Сталиной* (Аллилуевой) «Новому журналу» 5 тыс. долларов. Гуть Роман Борисович (1896–1986), писатель, эмигрант, журналист, публицист, критик, мемуарист, общественный деятель, участник Гражданской войны и Белого движения, редактор «Нового Журнала».

⁴⁶⁵ То есть ему это еще предстоит?

⁴⁶⁶ Л.Л. Пастернак-Слейтер в эти годы часто приезжала в Москву и оставалась у своих друзей Адельсонов.

⁴⁶⁷ После строки отточий.

1968

26 марта. Три дня назад умер Илья Сельвинский. Сегодня в ЦДЛ гражданская панихида.

Я не был с ним знаком и, когда мог познакомиться, избегал этого. Последние годы то, что он делал, производило впечатление деградации и величавой глупости. Впрочем, не только «последние»: таково почти всё, им написанное с начала 30-х годов. А в середине 20-х он многое обещал и блестяще начал осуществлять. <...> Из троицы имен, названных Багрицким («А в походной сумке спички и табак: Тихонов, Сельвинский, Пастернак»)⁴⁶⁸, как это показало время, только один был поэтом истинным. Два других умерли раньше, чем прекратилось их физическое существование. И конечно, праведник умер первым, а самый сомнительный — еще живет.

20 июля. <...>

В Москве в Вечерке [«Вечерняя Москва»] за 19 июля нашел маленькое объявление о смерти на 83-м году жизни Алексея Елисеевича Крученых.⁴⁶⁹ «Лит. газета» не нашла нужным это сообщить. Я читаю ежедневно 5–6, а иногда и больше газет[,] и нигде этого не было. Трудно сказать, сколько процентов шарлатанства было в его сочинениях, — может быть, 99 %. Но к нему же иногда недурно относились такие люди, как Маяковский и Пастернак.

12 авг. Утром еду в город <...>. Созвонившись с Юрой Тр[ифоновым], иду пешком по ул. Воровского в ЦДЛ. Обед с Юрой. Затем к нам присоединяется Д. Самойлов и Грибанов.⁴⁷⁰

⁴⁶⁸ Багрицкий Э. Разговор с комсомольцем Н. Дементьевым.

⁴⁶⁹ АКГ считает себя обязанным откликнуться и воздать должное незаслуженно умалчиваемому лицу или событию — чтобы пополнить «информационный дефицит», восполнить общий фонд происшествий.

⁴⁷⁰ Грибанов Борис Тимофеевич (1920–2007), писатель и историк; с 1961 по 1966 г. работал главным редактором творческого объединения писателей и киноработников киностудии «Мосфильм». В 1966 г. был назначен заведующим редакцией «Библиотеки всемирной литературы».

Споры о Леве Гинзбурге⁴⁷¹ и Слуцком. Самойлов и Грибанов считают Л. Гинзбурга — говном, «если не хуже». О том, почему Боря [Слуцкий] выступил против Пастернака.⁴⁷²

⁴⁷¹ Гинзбург Лев Владимирович (1921–1980), переводчик, публицист, общественный деятель. Написал несколько книг антифашистской публицистики, в которых описал свои многочисленные поездки в ГДР и в ФРГ.

⁴⁷² Многие современники и коллеги не могут простить Б. Слуцкому выступления против Бориса Пастернака на собрании Союза писателей СССР 31 окт. 1958 г. Он осудил публикацию романа «Доктор Живаго» на Западе. Сам Слуцкий писал о себе: «Уменья нет сослаться на болезнь...» И выступил. Вспоминает Петр Горелик: «Он был прижат к стенке положением секретаря парторганизации поэтической секции Московской писательской организации. Ему оставалось, по его собственному выражению, “выступить как можно менее неприлично”. Наш разговор он закончил прямо и однозначно: “Отказавшись, я должен был положить партийный билет. После XX съезда я этого не хотел и не мог сделать”. Борис, единственный из выступавших (а председательствовал на том собрании Сергей Сергеевич Смирнов, выступал и Леонид Мартынов, не говоря уже о многочисленных софроновых), так вот, только Борис не поддакнул председателю КГБ Семичастному с его отвратительным сравнением — он назвал Пастернака “свиньей, которая гадит там, где ест”; в словах Слуцкого не было и намека на требование изгнать Пастернака из страны и из Союза писателей, не было никаких отрицательных высказываний о художественных достоинствах поэзии Пастернака. А что “поэт должен искать признания на родной земле, а не у заморского дяди” (цитирую по стенограмме выступления Слуцкого, ныне опубликованной), так это соответствовало глубокому убеждению Слуцкого. Ему самому никогда не приходило в голову напечатать за границей сотни своих стихов, не имевших шанса быть опубликованными на родине, хотя там нашлось бы немало желающих. Думаю, что резко отрицательное отношение Бориса к публикациям за границей было одной из тех щелочек, сквозь которую удалось убедить его выступить. Все последующие годы <...> причастность к “пастернаковской” истории он переживал — как свою личную трагедию» (из предисловия О. Хлебникова к книге: *Слуцкий Б. Лошади в океане* (стихотворения). М.: Худлит, 1991).

Литераторы, обвинявшие Слуцкого за его выступление на собрании, потому обрушивались на него, что он сам страшно раскаивался в этом и страдал. Удивительно, что тех «софроновых» и «смирновых», которые продолжали быть уверенными в своей правоте, никто не обвинял, слушая их оправдания типа: «время было такое» и что-то в этом роде. Эта особенность русской

13 авг. Интересны вчерашние рассуждения о мотивах Бори Слуцкого (в выступлении против Пастернака). Самойлов: он считал, что спасает поэзию, т. е. себя и Мартынова (тот тоже выступал). Юра: «Боре позвонил С.С. Смирнов, и тот, любящий представлять, был польщен». Но оба исключают мотив страха (испуга), а я думаю, что он был силен, плюс еще рецидив бориной «государственности», «солдатского долга».⁴⁷³

1969⁴⁷⁴

26 июня. <...> Мельком встреча с В. Семиным,⁴⁷⁵ который говорит, что у него в Ростове есть рукопись моего «Пастернака» и он дает ее читать.

2 авг. <...> Люб. Мих. [Эренбург] сказала мне, что она прочитала моего «Пастернака» (кто-то дал самоиздатовский экземпляр) и не согласна только с двумя вещами: не надо было писать о связи дома Бриков с органами (я ответил, что это мнение Б.Л., а не мое)⁴⁷⁶

ментальности — обвинять кающегося — лежит в основе отказа от разоблачения сталинщины и собственной вины в ней.

⁴⁷³ См.: In memoriam, 591.

⁴⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 109.

⁴⁷⁵ Виталий Николаевич Семин (1927–1978), писатель; в 1942–1945 гг. был на принудительных работах в Германии в качестве оstarбайтера; его повесть «Семеро в одном доме» — воспоминания о войне и повседневная жизнь людей городской окраины — была напечатана в «Новом мире» (1965).

⁴⁷⁶ *Брики* — Лиля Юрьевна и Осип Максимович Брик; последний был с 1920 по 1923 г. сотрудником ВЧК.

Л.Г. Козинцева-Эренбург имела в виду фразу Пастернака о том, что «квартира Бриков была, в сущности, отделением московской милиции». В ВспГладкову объяснял эти слова Г.О. Винокур, частый гость Бриков. «Г.О. усмехается, молчит, но потом с оговорками, что это его личное мнение и прочее, начинает рассказывать о дружбе Бриков со знаменитым Яковом Аграновым, крупным чекистом, занимавшимся по своей линии литературными делами» (С. 118). В частности Я.С. Агранов вел в свое время дело Гумилева, его фамилия стояла первой в некрологе Маяковского. В 1934 г. он, первый замнаркома НКВД, вел допрос В.М. Примакова, очередного «невенчанного мужа» Лили Брик, вскоре расстрелянного. (ВспГ, 267). Для Пастернака

и еще, что ее первое впечатление о «Докторе Живаго» было таким же, как и мое, а когда она его перечитала, она его изменила в лучшую сторону. Может быть, тут она в чем-то и права. Надо мне еще раз перечитать роман.

10 нояб. [Получил №№ «Простора»], где напечатана неоконченная пьеса в прозе Пастернака «Слепая красавица».⁴⁷⁷ <...>

11 нояб. <...> Пьеса Б.Л. загадочна беспомощностью и ненужностью.⁴⁷⁸ Это еще слабее самых слабых мест романа. Чувствую себя перед ней, как сын Ноя перед распростертым телом отца. Пройти мимо молча...

Думаю, что печатать это не стоило.

25 дек. <...> Письмо от Ц.И. от 17-го. <...> Она упрекает Боря Слуцкого, дружившего с Страдой, в том, что он избегает о нем говорить. Для этого перестал звонить Ц.И. Борина «государственная осторожность» похожа на элементарную трусость. Однажды он уже стал из-за нее притчей во языцех (выступление за исключение Пастернака из Союза писателей), стыдился этого, но[,] видимо[,] люди не меняются.

сущность квартиры Бриков стала очевидной после расстрела В.А. Силлова, который был «единственным честным, живым, укоряюще-благородным примером той нравственной новизны... воплощению которой... весь ЛЕФ служил ценой поправки где совести, где — дара» (из письма Н.К. Чуковского 17 марта 1930. ПСС. Т. VIII. С. 411).

⁴⁷⁷ В журнале «Простор», 1959, № 10 была напечатана пьеса Пастернака.

⁴⁷⁸ Пастернак успел написать только пролог и первый акт, по количеству страниц длиной в целый спектакль. Он предполагал сильно сократить и переделать текст. Сохранились черновики предполагаемого продолжения. Пастернак намеревался показать в пьесе исторические корни революции в России. Он надеялся вернуться к работе после болезни и просил не перепечатывать написанное. Публикация в «Просторе» была сделана по неправильной машинописи, рукопись была конфискована у О.В. Ивинской сразу после смерти Пастернака.

1970⁴⁷⁹

1 янв. Итак, вступили в «семидесятые годы».

Встречали Новый год у Берковских. Кроме хозяев и сына Андрея с женой, были Ниновы,⁴⁸⁰ Анна Борисовна Никритина⁴⁸¹ и Н. Роскина (москвичка).⁴⁸² Мы раньше слышали друг о друге[,] и она с первых слов осыпает похвалами мои «Воспоминания о Пастернаке».⁴⁸³

15 янв. <...> Вчера поздно вечером долго разговаривали с Эткиндо. «Ваша работа о Пастернаке — классика этого жанра». Он дружит с Солженицыным. Его рассказы.

15 фев. <...> Еще из рассказов Бори Сл[уцкого]. Вдова Довженко Солнцева⁴⁸⁴ продала дачу в Переделкино пресловутому Виктору Луи[,] и там теперь своеобразная малина: место встреч дипломатов, провокаторов, псевдооппозиционных молодых художников и настоящих стукачей.⁴⁸⁵ Подъезжают черные машины с посольскими знаками и с другими знаками тоже подъезжают частенько.

⁴⁷⁹ РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 110.

⁴⁸⁰ Александр Алексеевич Нинóв (1931–1998), историк литературы, автор первой монографии о советской писательнице Вере Пановой: «Вера Панова. Творчество и судьба» — <http://www.litmir.net/br/?b=81126>. В 1963–1968 гг. заведующий редакцией «Библиотека поэта». (Кто была его жена, установить пока не удалось.)

⁴⁸¹ Анна Борисовна Никритина (1900–1982), актриса, сестра художника-авангардиста Соломона Никритина и жена писателя, поэта, драматурга, Анатолия Мариенгофа.

⁴⁸² Наталья Александровна Роскина (1927–1989), филолог, специалист по русской литературе, автор воспоминаний об А. Ахматовой, Н. Заболоцком, В. Гроссмане и Н. Берковском («Четыре главы», Париж, 1980). Воспоминания Роскиной о Н.Я. Берковском с предисловием Е. Эткинды были также опубликованы в № 7 журнала «Звезда» за 1990 г.

⁴⁸³ Очевидно, имеется в виду будущая книга: *Гладков А.К. Встречи с Пастернаком*. Париж: ИМКА-Пресс, 1973 (до того она ходила в собственных перепечатках АКГ и в самиздате).

⁴⁸⁴ Юлия Ипполитовна Солнцева (настоящая фамилия *Пересветова*; 1901–1989), актриса; жена и ассистент кинорежиссера Александра Довженко.

⁴⁸⁵ Луи Виктор (настоящее имя *Виталий Евгеньевич Луи*, также известен как Виталий Левин, *англ.* Victor Louis; 1928–1992), английский и советский

16 фев. <...> Я с 1961 года печатался, кажется, 8 раз: начиная с «Мейерхольд говорит», да еще одна работа была полупринята и полуоплачена («Слова, слова, слова»)⁴⁸⁶. # А рукопись моя «Встречи с Пастернаком» продолжает свой триумфальный путь. Звонил Б.Н.: он сейчас в Болшеве, встретил там Зяму Гердта⁴⁸⁷,] и тот, только что прочитавший ее, просил меня обнять и расцеловать. Просил меня дать ее ему и Боря Слуцкий...

27 апр. <...> Вчера ездил в город. Заехал за Ц.И.,] и отправились на празднование дня рождения Ю.А. Фельдмана.⁴⁸⁸ Оно было на квартире Мизиано (дочери б. директора Межрабпомфильма,

журналист, тесно связанный с КГБ; считается, что он продал западным СМИ стенограмму общемосковского собрания писателей, подтвердившего исключение Бориса Пастернака за публикацию «Доктора Живаго». Текст стенограммы собрания 31 окт. 1958 г. для публикации в «Новом журнале» (1966 кн. 83) передала Виктория Швейцер. В смутные дни свержения Хрущева В. Луи первым из корреспондентов передал в свою газету сенсационное сообщение об «отставке»; владел квартирой в высотке на Котельнической набережной, квартирой на Ленинском проспекте, квартирой на Фрунзенской набережной и дачей в подмосковной Баковке (рядом с Перedelкиным).

⁴⁸⁶ Статья о Юрии Олеше «Слова, слова, слова...» была предложена АКГ в «Новый мир» и там одобрена, но так и не напечатана; впервые опубликована еще при жизни АКГ, в 1974-м, в альманахе «Россия / Russia» (см. ниже), изданном Витторио Страда, с которым Гладков познакомился у Ц. Кин.

⁴⁸⁷ Гердт Зиновий Ефимович (1916–1996), актер Государственного центрального театра кукол под руководством Образцова и кино.

⁴⁸⁸ Скорее всего, здесь АКГ в очередной раз путает фамилию, имея в виду под Фельдманом — Юрия Александровича *Фридмана* (1899–1985), арестованного в 1939 г. и отсидевшего после этого в ГУЛАГе 17 лет. Воспоминания о нем записаны племянником — В.В. Корчагиным на сайте «Эсперанто-клуб “Scio”» (<https://klubo.jimdo.com/10/>). Вот только один фрагмент из самого их конца:

«Как персональный пенсионер союзного значения он имел право на ежегодную путевку в санаторий. Для получения путевок он был прикреплен к Госплану СССР. Однажды его не пустили в здание Госплана, мотивируя это тем, что он был репрессирован. На вопрос “откуда вы это знаете?” начальник охраны объяснил, что это видно по серии его паспорта. Возмущенный дядька написал письмо в ЦК партии, и ему тут же предложили обменять паспорт, но он отказался, пока не будут обменены паспорта у всех репрессированных. Эти и другие факты привели его к глубокому разочарованию

итальянского политэмигранта).⁴⁸⁹ <...> была Р. Лерт, автор статьи о романе Кочетова, которая полтора месяца назад ходила по рукам.⁴⁹⁰ Моя догадка оправдалась: это та самая Лерт, которая была секретарем редакции в «Рабочем искусстве», когда я начинал репортерить сорок лет тому назад. Она помнит меня юного, знает по моим изданным и неизданным статьям меня теперешнего, но никогда не отождествляла одного с другим. Ю.А. предложил первый тост и минуту молчания за тех, кто не вернулся из лагерей. Второй в честь тех, кто вернулся: в доме их было трое: он сам, Ц.И. и я. Почти весь вечер разговаривал с Лерт. У нее есть копия «Встреч с Пастернаком».

20 мая. <...> Умер Илья Нусинов, драматург и сценарист, писавший вместе с Лунгиным.⁴⁹¹ Он был сын расстрелянного профессора Нусинова.⁴⁹² Я с ним познакомился весной 1942 года в Свердловске, где он был с каким-то военно-инженерным училищем.⁴⁹³ Однажды там ему и его товарищам мы с Арбузовым

и к тяжелой депрессии. Благодарю за помощь в этом — как и во многих других случаях затруднительного опознания лица — Г.Г. Суперфина».

⁴⁸⁹ Мизиано Каролина Франческовна (1913–1994), историк-итальянист, докт. ист. наук; сотрудник ИИ/ИВИ (1959–1994); автор книги «Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв.» (М.: Наука, 1976); Мизиано Франческо (Misiano; 1884–1936), деятель итальянского и международного рабочего движения, политический эмигрант, в 1932 г. директор киностудии «Межрабпомфильм».

⁴⁹⁰ Эта статья увидела свет только два года спустя за границей: *Pausa Lert*. Тракта́т о прелестях кнута // Новый колокол. Лондон. 1972. С. 55–74.

⁴⁹¹ Семен Львович Лунгин (1920–1996), драматург, сценарист. Илья Нусинов и Семен Лунгин — соавторы, друзья. Среди фильмов, поставленных по сценариям этого неразлучного дуэта, такие шедевры советского кино, «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Жил певчий дрозд» и др.

⁴⁹² Исаак Маркович Нусинов (1889–1950), литературный критик, литературовед, лингвист, профессор; отец Ильи Нусинова. Во время борьбы с космополитизмом подвергся преследованиям: в 1947 г. была организована показательная кампания в прессе (с участием Александра Фадеева) против его книги «Пушкин и мировая литература» (1941) как «антипатриотической» и «низкопоклоннической». В 1949 г. арестован и умер в тюрьме во время следствия (по некоторым данным, в результате голодовки, объявленной в защиту одной из заключенных).

⁴⁹³ С Военно-воздушной академией имени Н.Е. Жуковского. Потом он воевал летчиком.

читали только что дописанного «Бессмертного».⁴⁹⁴ Он был хороший человек. Помню его и на похоронах Пастернака. ##

31 мая. <...> Еще передали по радио, что в десятилетнюю годовщину смерти Б.Л. Пастернака к его могиле было паломничество. Поэты читали стихи и пр. А я, откровенно говоря, забыл про эту дату...⁴⁹⁵

23 июня. <...> Какие-то обывательские рассказы о том, что наследникам Б.Л. Пастернака разрешено получить бонами в валютный магазин 3 миллиона рублей зарубежного гонорара: 1 миллион одному сыну, 1 — другому и 1 — семейству Ивинских. Впрочем, слышал я это в литературных кругах.⁴⁹⁶

14 авг. <...> [о похоронах Эрдмана] Ужасная смерть⁴⁹⁷ бывшего Дон Жуана. Страшно своей банальностью. <...> Приезжает

⁴⁹⁴ А.Н. Арбузов был соавтором АКГ по пьесам «Город на заре» (1938) и «Бессмертный» (1942), с которым тот в последние годы почти перестал встречаться, «раздружившись».

⁴⁹⁵ В десятилетнюю годовщину, как и каждый год, на кладбище в Переделкине собирались до сотни человек и читали стихи Пастернака.

⁴⁹⁶ После возвращения О. Ивинской из лагеря наследники обратились в Инюрколлегия и после окончания долгого суда Дж. Фельтринелли с С. Анджело, который требовал половину гонораров Б.П., получили первые деньги. Они были разделены на три доли: З.Н. Пастернак и двум сыновьям. По советским законам Ивинская не входила в число наследников. Сыновья Пастернака Евгений Борисович со своим братом Леонидом отделили от своей доли каждый по трети в пользу О. Ивинской, так чтобы было всем поровну. О суммах ходили разные сплетни.

⁴⁹⁷ Описание похорон Эрдмана — при почти 30-градусной жаре. Эрдман Николай Робертович (1900–1970), драматург, поэт, киносценарист; автор пьес «Мандат», «Самоубийца» и др.; в 1933 г. был арестован (вместе с Владимиром Массом) за сочиненные ими и не предназначенные для печати политически острые стихи и пародии (приговор — ссылка на 3 года); после ареста пьес больше не писал, продолжал работать в кино; стал одним из авторов сценария нового фильма Г. Александрова «Волга-Волга» (премьера 1938 г.). Пьесу «Самоубийца», написанную в 1928 г., в том же году принял к постановке Вс. Мейерхольд, но не получил разрешения Главреперткома; в начале 30-х гг. разрешение как будто было получено: в декабре 1931 г. эту пьесу начали репетировать во МХАТе, но спектакль так и не был выпущен;

Твардовский. Он еле поднялся по лестнице: опухший, мрачный. <...> Открыл панихиду Караганов. Потом говорили пошлости Минц⁴⁹⁸ и Штейн. Лучше других — Каплер.⁴⁹⁹ И совсем хорошо и трогательно умно актер Смахов из любимовского театра.⁵⁰⁰ Он прочитал стихи Пушкина. После мой разговор с ним. Он меня благодарит за «Встречи с Пастернаком». Красивый, интеллигентный, «тридцатилетний» человек.

1971⁵⁰¹

7 янв. <...> Отдал на днях перепечатать «Встречи с Пастернаком», а то у меня не осталось ни одного приличного экземпляра. Ума не приложу — куда все ушли. ##

в мае 1932 г. к репетициям «Самоубийцы» приступил Мейерхольд в Гос-ТиМе, но и его спектакль был запрещен на стадии генеральной репетиции. Рассказ об авторском чтении пьесы в присутствии наркома А.В. Луначарского: «Читка закончилась. Начался ужин. О пьесе — ни слова. После ужина гости встали и, сославшись на то, что их внизу ждут машины, ушли. Эрдман, подавленный, огорченный, попрощался с хозяевами и пошел в переднюю одеваться. Луначарский подал ему пальто и сказал: — Коля! Вы написали гениальную пьесу. Но пока я — нарком просвещения, она не будет идти на советской сцене. Поверьте, так будет лучше. (Историю эту привожу со слов Анатолия Агамирова, чья мать была родственницей жены Луначарского и присутствовала на читке пьесы.)» (*Анна Масс*. Конец дачи Эрмана — <http://www.pahra.ru/chosen-people/erdman/konec.htm>).

⁴⁹⁸ Минц Климентий Борисович (1908–1995), сценарист, режиссер, киновед, педагог.

⁴⁹⁹ Каплер Алексей Яковлевич (имя, данное при рождении — *Лазарь*; 1904–1979), сценарист, актер, киносценарист, телеведущий программы «Кинопанорама» (до 1972 г.). Первой его женой была Татьяна Васильевна Тарновская (1897–1994), красавица, одна из первых актрис советского кино. Роман почти 40-летнего еврея Каплера с юной дочерью вождя Светланой привел к тому, что в 1943 г. К. был арестован, обвинен в связях с иностранцами и шпионаже в пользу Англии и выслан на пять лет в Воркуту, где работал фотографом; в 1948 г., освободившись, приехал в Москву в командировку, за что вновь был арестован и отправлен в исправительно-трудовой лагерь в Инту (Коми АССР). Освобожден и реабилитирован в 1954 г.

⁵⁰⁰ Вениамин Борисович Смахов (род. 1940), актер театра и кино, режиссер, сценарист, литератор.

⁵⁰¹ РГАЛИ. Фонд 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 111.

13 янв. <...> Машинистка вернула «Пастернака». После вставок получилось 175 страниц, т. е. более 7 листов.⁵⁰²

15 марта. <...> Послал письма: Каверину (с опечатками)⁵⁰³, Шаламову, на ул. Грицевец.

[Б. Слуцкий в отклике на «Встречи с Пастернаком»:] «Замечательная книга!»⁵⁰⁴ <...> А в «Пастернаке» прозорливость любви... # Он правильно говорит, что написать — это «пол-дела», как в технике — изобрести. Надо, как там «внедрить», так тут напечатать. Говорит, что я пропустил время. Не считает это невозможным и сейчас, если сделать какие-то купюры, которые не повредят целому вещи. # Во всем этом разговоре была некая психологическая сложность, так как у Бори на душе грех — он выступал за исключение Б.Л. из ССП. Он этим мучается, а я клеймлю тех, кто так поступал, не называя имени.

22 марта. Вместе с вечерними газетами пришло письмо от В.А. Каверина:

«<...>⁵⁰⁵ Статья об Олеше тоже превосходна. Меня всегда поражало стремление к медленной гибели, к игре с полузадушенным горлом, от которой так свободно, счастливо свободен Булгаков и так мучительно <не свободен?> — Платонов.⁵⁰⁶ Вы ее написали первый, отказываясь от роли судьи. <...>»⁵⁰⁷

<...> Когда не печатаешься и работаешь без открытой критики, такие письма получать необходимо. А то ощущение пустыни вокруг иногда нестерпимо.

⁵⁰² Выходит, что АКГ правил и дополнял текст своей книги ВсП почти до самой смерти.

⁵⁰³ Имеется в виду, очевидно, исправление опечаток в рукописи ВсП.

⁵⁰⁴ Но вот об Олеше, по словам Слуцкого, АКГ написал *не так*. Имеется в виду статья АКГ «Слова, слова, слова...».

⁵⁰⁵ Далее в кавычках приводится текст его письма, где Каверин хвалит работу АКГ о Пастернаке и другие.

⁵⁰⁶ Само рассуждение Каверина про работу с «полузадушенным горлом» интересно, но не вполне понятно. Как будто он больше нигде не излагает этого подробнее.

⁵⁰⁷ Конец письма Каверина.

23 апр. <...> Днем в лавке, потом обедаю в ЦДЛ с Костей Ваншенкиным, Л. Гинзбургом и Б. Ямпольским.⁵⁰⁸

Ваншенкин, прочитавший «Встречи с Пастернаком», очень меня хвалит. — Как хорошо написано! За каждым словом картина, мысль... Почему-то мне его похвала приятнее других. Наверно потому[,] что сам Костя другой. Не лучше прочих, а именно другой — он не интеллигентская косточка, так сказать. Его рассказ о заседании правления ССП, когда исключали Б.Л. Он думает, что был момент, когда Поликарпов хотел всё переиграть.⁵⁰⁹ Он спросил Твардовского, Рыленкова,⁵¹⁰ Ваншенкина и С.С. Смирнова⁵¹¹ в перерыве их мнение, как быть, и они все сказали, что нельзя исключать. Он пошел звонить Сулову, но не нашел того, а на себя взять новое решение побоялся. Против выступили: Твардовский, Грибачев (могут быть неприятности за рубежом), Ошанин⁵¹² (тоже) и кто-то еще. Яростно требовала исключения Вера

⁵⁰⁸ Борис Самойлович Ямпольский (1912–1972), прозаик. Посмертно в журнале «Континент» были опубликованы очерки о Юрии Олеше и Василии Гроссмани, и только в 1988 г. смогло появиться на свет его главное произведение, роман «Арбат, режимная улица» (журнальное название «Московская улица») о пронизанной страхом жизни Арбата начала 50-х гг.

⁵⁰⁹ См.: *Ваншенкин К.* Как исключали Пастернака (ПСС. Т. 11. С. 746).

⁵¹⁰ Рыленков Николай Иванович (1909–1969), поэт, писатель, переводчик.

⁵¹¹ Смирнов Сергей Сергеевич (1915–1976), писатель, автор книги «Брестская крепость», в качестве одного из руководителей московской организации Союза писателей в 1958 г. принял активное участие в травле Б. Пастернака. Автор статьи «Апология предательства», основные мысли которой были высказаны им, когда он председательствовал на собрании московских писателей 31 окт. 1958 г. В своем вступительном слове он назвал роман «Доктор Живаго» «апологией предательства», где «предатель возведен в сан героя и предательство воспевается как человеческая доблесть» (Б.Л. Пастернак: Pro et contra. Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике. Антология. Т. 2. СПб., 2013. С. 153).

⁵¹² Грибачев Николай Матвеевич (1910–1992), писатель и общественный деятель, главный редактор журнала «Советский Союз» (1950–1954, 1956–1991); Ошанин Лев Иванович (1912–1996), поэт, автор более 70 поэтических сборников, стихотворных повестей и пьес.

Инбер.⁵¹³ А на общем собрании, которое рьяно проводил тот же С.С. Смирнов, против голосовала одна Аллилуева и негодовала, что он объявил, что «принято единогласно». Но некоторые с голосования ушли.⁵¹⁴

18 сент. <...> как-то всего ломит, да и настроение неважноец.

Зато поднатужился и кончил «Похвалу анекдоту» (мемуарный мини-очерк) о К.Г. Паустовском. Сгоряча нравится, а что буду думать завтра — не знаю.

Это 6-й литературный портрет, написанный мною (В. Кин, А. Платонов, Б. Пастернак, Ю. Олеша, И. Эренбург и К. Паустовский).⁵¹⁵ Другой бы на моем месте уже совался в издательство с книжкой, ведь это вместе 15 листов. Два портрета (Пастернак и Олеша) имеют хождение в Самиздате. Два напечатаны в «Новом мире». Два еще имеют шансы быть напечатанными. # <...> Начал я писать «Похвалу анекдоту» 12 января этого года, потом приписал еще пару страниц и за два дня — вчера и сегодня — закончил.

Еще бы я хотел написать о М. Светлове «Оправдание богемы» и о Маяковском. Совсем маленький портрет мог бы выдать о Е.Л. Шварце.⁵¹⁶ О Маяковском уже начато. # И всё. Если переживу Арбузова, напишу о нем.⁵¹⁷

Хочу еще на досуге соединить статью о Моруа⁵¹⁸ со статьей об историческом жанре (что была напечатана в «Вопр. литературы»)

⁵¹³ Инбер Вера Михайловна (урожденная *Шпенцер*; 1890–1972), поэтесса и прозаик. О ней в народе сложен стишок: «Ах у Веры, ах у Инбер...».

⁵¹⁴ *Ванишенкин К.* Как исключали Пастернака (ПСС. Т. 11. С. 740–746).

⁵¹⁵ Важная функция его дневника: не только «календарное» подведение итогов, но — отчет в какой-то проделанной работе перед самим собой.

⁵¹⁶ Евгений Львович Шварц (1896–1958) писатель, драматург, автор более двадцати пьес для драматического театра и театра кукол, а также сценариев к одиннадцати игровым кинофильмам и одному мультфильму.

⁵¹⁷ Арбузов сам пережил его на 10 лет.

⁵¹⁸ АКГ ценил биографическую прозу Андре Моруа (1885–1967), французского писателя; более всего известного в России как автор биографий знаменитых писателей и политических деятелей; но также ряда образцов психологической прозы.

и с ненапечатанной рецензией на книгу Туркова о Блоке.⁵¹⁹ Может получиться содержательная статья о том, что такое биография. Сюда же можно присоединить кое-что из статей в «Комсомолке».

16 окт. <...> Перечитываю мемуары разные о Маяковском. Самые лучшие написаны художниками, худшие — близкими людьми: Шкловским, Асеевым и др.

О Маяковском у меня недавно был спор слевой. Он из поколения, которое **заставляли** его любить.⁵²⁰ <...> то, что Сталин был вынужден притворяться,⁵²¹ только делает ему честь. Только так надо на это смотреть.

1972

27 янв. <...> # С интересом прочитал в «Нов. мире» и повесть Быкова, и воспоминания М. Шагинян, и А.Л. Пастернака.⁵²² Вот, всё изменилось в журнале — и редколлегия, и редакционный аппарат, а журнал по-прежнему остается лучшим из наших «толстых» журналов. <...>

1 марта 1972. <...> Рассказ В. Ш[аламова] о том, что Н. Дементьев,⁵²³ поэт, был троцкистом и его самоубийство с этим связано. Ш. даже утверждает, что он застрелился в тот момент,

⁵¹⁹ Турков Андрей Михайлович (род. в 1924), критик и литературовед. Работал в журналах «Огонек» и «Юность». Член редколлегии журнала «Вопросы литературы»; имеется в виду его книга «Александр Блок» (М.: Молодая гвардия, 1969).

⁵²⁰ Выделенное слово «заставляли» соотносится со словами Пастернака из очерка «Люди и положения»: «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью. В ней он неповинен» (ПСС. Т. 5. С. 337).

⁵²¹ Притворяться, что любит Маяковского.

⁵²² «Новый мир». 1972. № 1: Василь Быков. Обелиск. Повесть; Мариэтта Шагинян. Человек и время, воспоминания; Александр Пастернак. Лето 1903 года (рубр. «Дневники, Воспоминания»). Александр Леонидович Пастернак (1893–1982), родной брат Бориса Пастернака; архитектор, градостроитель и преподаватель Академии архитектуры.

⁵²³ Николай Иванович Дементьев (1907–1935: покончил самоубийством), поэт-«перевалец», прозаик и переводчик, был широко известен в 20–30-х гг.

когда за ним пришли. Это было в начале 1936 года. Но тогда как раз была передышка между волнами арестов 1935 и конца 1936 гг. Кроме того, будь за ним нечто эдакое — это могли ему припомнить посмертно в разгаре 1937 г. Было же подобное с секретарем Аджарии... забыл фамилию...⁵²⁴ Пастернак написал на смерть Дементьева стихи и напечатал их в апреле 1936 года в «Знамени».⁵²⁵ И все же что-то такое тут есть. Не понимаю, как я в свое время пропустил стихи о смерти поэта. Я был оглушен событиями с расколом среди хмелевцев,⁵²⁶ влюбленностью и — даже пил... #

19 мар. <...> Сварил гречневую кашу из брикетов. Мог бы пойти к кому-нибудь пообедать, да неохота выходить. # Днем читал лежа и задремал. И как обычно после дневного сна, проснулся в тревожном настроении. («Не спите днем»[:] Пастернак.⁵²⁷) Беспочинно, но тягостно.

⁵²⁴ Возможно, имеется в виду Лордкипанидзе Зекерия Дурсунович (1892–1937: расстрелян), секретарь ЦИК Аджарии. Или же АКГ путает Аджарию с Абхазией, и тогда речь идет о Несторе Лакобе: он умер в конце 1936 г. и был торжественно похоронен, а через несколько месяцев объявлен врагом (Нéстор Аполло́нович (Чичуевич) Лако́ба (1893–1936), государственный деятель советской Абхазии).

⁵²⁵ Стихотворение Б.П. «Безвременно умершему», написанное на смерть поэта Николая Дементьева, было опубликовано без названия («Немые индивиды...») в журнале «Знамя» (1936. № 4). Автограф имеет название «Похороны товарища».

⁵²⁶ Имеется в виду театральная студия под руководством Н.П. Хмелева.

⁵²⁷ Цитата из Пастернака («Спекторский»):

Не спите днем. Пластается в длину
 Дыханье парового отопленья.
 Очнувшись, вы очутитесь в плену
 Гнетущей грусти и смертельной лени.
 Не одобровать забывшемуся сном
 При жизни солнца, до его захода.
 Хоть этот день — хотя бы этим днем
 Был вешний день тринадцатого года.

Не спите днем. Как временный трактат
 Скрепит ваш храп с минувшим мировую.
 Но это перемирие прекратят!
 И дернуло ж вас днем на боковую.

20 июня⁵²⁸ <...>

Окуджава держался на парткоме, где его исключали, дерзко.⁵²⁹ Его просили отмежеваться от предисловия к выпущенной в ФРГ его книге (кажется, Филиппова)⁵³⁰. Он сказал, что готов выругать Ф., если тут же он сможет выругать его здешних хулителей. Будто бы он даже сказал: — Мне одинаково надоели и они и вы... <...>

Заправлял исключением С.С. Смирнов, который травил и Пастернака.⁵³¹ ##

⁵²⁸ АКГ пригласил Льва Левицкого в Загорянку, и там, наконец, происходит их примирение. Ср. по дневнику последнего: «Вчера был у Гладкова. Не видел его почти 3 месяца. Виной тому идиотская история с днем рождения. Смертельно обиделся на меня и Юру Трифонова да еще в письме ко мне договорился до того, что Юра дурно на меня влияет. <...> Вчера утром, когда я стучал себе на машинке, раздался телефонный звонок. Как будто не было никаких недоразумений. Гладков звал меня приехать к нему. Я тут же сорвался и поехал. Дачу знаю давно. Сам жил на ней. <...>» (15 июня; с. 273). И почти через месяц, повторно (10 июля; с. 276): «В понедельник навестил Гладкова в Загорянке. <...> Ни за что бы не поехал в Загорянку, если бы не получил накануне письма с приглашением приехать. После восстановления отношений, которые на волоске висят, уклониться было невозможно. Как это случается у нас в последнее время, спорили. Мягко и корректно. Собственный опыт для А.К. — истина в последней инстанции. Если он что-то не понимает, то понимать это и незачем. Если ему чего-то не хочется, недоумевает, как другие могут хотеть этого» (*Левицкий Л.А.* Утешение цирюльника. Дневник. 1963–1977. СПб., 2005).

⁵²⁹ Очевидно, из рассказов Левицкого.

⁵³⁰ Наверное, АКГ имел в виду Бориса Филиппова, который выпустил вместе с Г. Струве трехтомник Мандельштама (Борис Филиппов (настоящие имя и фамилия *Борис Андреевич Филистинский*; 1905–1991), писатель, поэт, издатель, преподаватель; до эмиграции, во время Великой Отечественной войны — коллаборационист). Но тут АКГ, видимо, ошибся: Дм. Быков указывает, что это предисловие «Булат Окуджава — современный Баян» к книге Окуджавы 1964 г. — Натальи Борисовны Тарасовой (1921–2006), главного редактора журнала «Грани» в 1962–1982 гг.

⁵³¹ Очевидно, Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976), писатель, секретарь Союза писателей СССР в 1975–1976 гг. Важно, что старая тема возникает в дневнике снова, когда становятся известны какие-то новые подробности события, подтверждающие высказанную ранее версию, или же новые факты, противоречащие первоначальным выводам.

15 сент. <...> Говорят, больше всего суетился при исключении Окуджавы С.С. Смирнов. Он и при исключении Пастернака тоже был необычайно активен. Двойственная, но очень типичная фигура. С одной стороны — Брест, реабилитация многих бывших пленных, репутация порядочности, а с другой стороны — вот эти и другие — явно непорядочные поступки, старательная угодливость. Я знаком с ним (по ЦТСА)[,] и он всегда[,] видя меня[,] вытаскивает на лицо слащавую улыбку, но не дай бог встретиться с ним на узкой дорожке.⁵³² Иногда мне кажется, что его старанье в обличении Пастернака, Окуджавы и др. вовсе не от политики, а от литературной зависти маленького Сальери. <...>

26 нояб. <...> Прочитал роман В. Максимова «Семь дней творения»[;] это толстый том в 500 страниц.

Это непосредственной и талантливей, чем Солженицын. <...>

Может быть, это еще более беспощадное изображение «порчи времени» (Б.Л.П.), чем это сделали Пастернак и Солженицын, и может быть сравнено только с Гроссманом,⁵³³ хотя картина

⁵³² На «узкой дорожке» в Переделкине Евгений Борисович Пастернак разговаривал с К. Чуковским, к которому подошел какой-то человек и поздоровался, Евгений Борисович тоже протянул ему руку. Тот с радостной улыбкой кинулся ее пожимать. Когда он отошел на некоторое расстояние, Корней Иванович спросил: Вы знаете, кто это был? — Нет. — Сергей Сергеевич Смирнов, мой сосед. — Видимо, тот чувствовал угрызения совести, что так обрадовался протянутой руке. Он не мог подумать, что Е.Б. не знал, с кем он здоровается.

⁵³³ Гроссман Василий Семенович (Иосиф Соломонович; в детстве уменьшительная форма его имени *Йося* превратилась в *Вася* и стала впоследствии литературным псевдонимом — Василий Гроссман; 1905–1964), писатель и журналист, военный корреспондент. Роман «Жизнь и судьба» был отдан автором для публикации в редакцию журнала «Знамя». Однако в фев. 1961 г. копии и черновики рукописи были конфискованы при обыске КГБ дома у Гроссмана, в редакции и на квартире его машинистки, а также у его друзей. (Об этом — в фильме Е. Якович «Василий Гроссман. Я понял, что я умер» — <https://www.youtube.com/watch?v=J2z3aline2g>) Ранее АКГ мог читать «Жизнь и судьбу», так как Гроссман до ареста романа давал читать его довольно широко; кроме того, АКГ мог получить перепечатку через Левицкого, так как Гроссман отдавал роман еще и в «Новый мир», где Левицкий работал. Но, как считает Д.И. Зубарев, здесь речь идет не о романе «Жизнь

Максимова шире и многообразнее. Прежние вещи Максимова мне мало нравились, но этот роман... Впрочем, слово «нравились» тут неуместно. Он как бы вошел в меня всей пестротой судеб. Новизна здесь в том, что взят какой-то новый ракурс. Можно бы сказать, что это «народнее», чем те произведения, это исторический эпос не с позиции драмы интеллигенции, а широко взятой судьбы народа. #

1973

(29) 10 фев. <...> Еще Женя Пастернак просил меня поселить на даче у меня какого-то своего друга.⁵³⁴ Я сгоряча пообещал, но потом понял, что мне это ненужно. Я люблю одиночество, а там трое детей. На кой мне хрен это? Надо вразумительно отказаться. Он переехал на улицу Пушкина, угол Столешникова.

(57) 4 мая. <...>

Воспоминания Ивинской,⁵³⁵ видимо, ходят по рукам, так как их тоже на днях читал Константиновский⁵³⁶, который пришел ко мне в ЦДЛ и сказал, что я там упоминаюсь.

и судьба», носящего антисталинский характер, а о повести «Всё течет...», еще более остро неподцензурной (по его утверждению, в 70-е гг. роман не ходил по рукам в самиздате).

⁵³⁴ Комм. Ел.В. Пастернак: «Может быть, речь шла о нас самих [Е.Б. и Ел.В. Пастернаки] с тремя детьми или о семействе Димы Борисова. Шел уже третий год нашего суда с Литфондом, требовавшим освобождения дачи Пастернака. Е.Б. мог думать о скором нашем выселении. Может быть, он просил подыскать нам в Загорянке какого-нибудь пристанища, и Гладков предложил свою дачу. Это все мои домыслы, я ничего такого не помню. Только вряд ли он мог просить без предложения самого Гладкова. Но потом это все забылось, следующее лето мы снимали сторожку в Абрамцеве».

⁵³⁵ Ивинская О. «В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком». Гладков говорит о машинописи воспоминаний, поскольку книга вышла во Франции в 1978 г. (Период ее появления в самиздате — после 1975 г.)

⁵³⁶ Константиновский Илья Давыдович (1913–1995), писатель, драматург и переводчик.

<...>⁵³⁷ Мы стояли у буфета, он вопросительно смотрел на меня, а я на него, и я заговорил с ним. — Да, мы знакомы заочно, — сказал он. Высказал мнение о романе. Он поблагодарил. Он сказал, что слышал от Солина⁵³⁸ (композитора), что я расширил воспоминания о Пастернаке. Это очень старая новость, но он читал их уже давно в первом варианте. <...>

(58) 7 мая. <...>

Рассказы о семейной драме Н.Р. Эрдмана. Жена и ее любовник. Бывшая жена Наташа Лавровская,⁵³⁹ до конца любившая его, но ушедшая к Лавровскому из-за измен и фокусничества Н.Р. Основная черта Н.Р. бесконечное самолюбование. Отсюда его «донжуанизм». <...> Как мало величия во всех смертях и как много грязи. И все же лучше всех у Пастернака.

⁵³⁷ АКГ, стоя в очереди в буфет ЦДЛ, знакомится с В. Максимовым. Максимов Владимир Емельянович (наст. имя — *Лев Алексеевич Самсонов*; 1930–1995), писатель, публицист; сын рабочего, репрессированного в кампанию борьбы с троцкизмом; сменив фамилию и имя, сбежал из дома, беспризорничал, воспитывался в детских домах. В 1951 г., после освобождения из мест заключения, был определен на жительство в одну из станиц Кубани. Начал выступать как колхозный поэт в газетах Краснодара; в 1961 г. в сб. «Тарусские страницы» вышла его повесть «Мы обживаем землю». Роман-эпопея «Семь дней творения» (1971) пронизан тоской по христианскому идеалу. Углубляет разногласия с властями следующий роман М. «Карантин» (1973), где двое людей в поезде, остановленном в степи из-за эпидемии холеры, ищут друг в друге, а затем и в Спасителе опору для духовного возрождения и выхода из круга бесцельного и греховного существования. Опубликованный на Западе и в «самиздате», роман послужил поводом для помещения его автора в психиатрическую больницу и исключения из СП (1973). В 1974 г. писатель эмигрирует, поселяется в Париже и основывает там журнал «Континент» (до 1992), продолживший герценовские традиции русской литературы в изгнании (информация из Энциклопедии «Кругосвет»).

⁵³⁸ Солин Лев Львович (1923–2008), композитор; автор музыки к драматическим спектаклям Театра им. Евг. Вахтангова, Центрального театра кукол, Малого театра, ЦТСА, Ленинградского театра комедии, Театра им. В. Маяковского и др.

⁵³⁹ По-видимому, о ней как о *Наташе Чидсон* [sic] (и о второй жене с ее любовником) — в воспоминаниях: *Анна Масс*. Конец дачи Эрдмана — <http://www.pahra.ru/chosen-people/erdman/konec.htm>

(65)⁵⁴⁰ 20 мая 1973. На днях к Ц.И. снова звонит Женя Пастернак и разыскивал меня. Я не успел собраться и позвонить ему, и сегодня он пришел днем ко мне вместе с женой.⁵⁴¹ <...>

Болтаем о разном. Синявский написал книгу о Пушкине и о лагере и пишет книгу о Гоголе. Он пытается уехать во Францию, но еще не получил разрешения.

С мемуарами Ивинской Женя еще не знаком.

Они оба постарели, что ли... нет, «постарели» не то слово, конечно, но уже не те, что были.

(139) 6 окт. <...> Думал о юриной рукописи. Выходят из печати, полные вранья и общих фраз разные «истории» советской литературы, и все эти отлично переплетенные тома когда-нибудь сгинут в небытие, а настоящая история будет написана на основании рукописей, которые сейчас пишутся без расчета на опубликование, а из инстинкта сохранить правду о времени и о людях. Таковы юрины «Записки соседа», несколько эссе ев Бори Ямпольского, мои «Встречи с Пастернаком», «Слова, слова, слова» и[,] м. б.[,] еще что-нибудь. Да и[,] наверное[,] я не все знаю: есть и еще.

(164) 12 нояб. <...>

Вечером слышу, что мне бросили в почтовую щель что-то вроде книги или журнала. Не сразу иду посмотреть. В сером конверте без всякой надписи небольшая белая книжка: Александр Гладков «Встречи с Пастернаком». Издательство «Имка-пресс». Париж. Май 1973 г. Мейерхольд и я. Кто это бросил, не знаю и не догадываюсь. Это чудо.

Просматриваю. Это один из первых вариантов, т. е. минус страниц 20–30. Есть ошибки и опечатки.⁵⁴²

⁵⁴⁰ Та же запись — в: In memoriam, 610.

⁵⁴¹ У АКГ в гостях *Женя Пастернак*, Евгений Борисович, с женой. С 1971 г. АКГ жил в купленной им квартире на Аэропорте, в писательском доме на Красноармейской улице. Вероятно, Е.Б. Пастернак навещал его по этому адресу.

⁵⁴² Из воспоминаний об этом Ц.И. Кин: «Конечно, я читала текст Гладкова “Встречи с Пастернаком”. Он во все толстые журналы давал, все восторгалась, и никто не печатал, так и не понимаю почему. А “Литературная Грузия” цитировала этот текст, словно он уже был опубликован. Среди

(165) <...> Это[,] конечно[,] немножко приятно, но я еще не могу опомниться от вчерашнего чуда.

Гляжу, гляжу на небольшую белую книжку и сам не верю своим глазам. <...>

(165) 13 нояб. Вчера, когда я взял в руки книжку, у меня стеснилось в груди и стало больно сердцу. Не метафорически, а буквально, физически. Записываю это, чтобы не забыть.

<...> Я уже тридцать два года член Союза советских писателей, а у меня кроме трех пьес ничего не издано. Даже сборника пьес не было. И по существу моя первая книга вышла только в этом году, и где — в Париже...

итальянцев был один — молодой и милый Эцио Ферреро, прекрасно говоривший по-русски. Его любила я и новомирцы, он нравился и АКГ. (Позднее Эцио погиб в Милане в автомобильной катастрофе, и АКГ вместе со всеми нами подписал отправленную туда телеграмму со словами соболезнования.) Приехал Эцио, красивый и веселый, и привез мне маленькую белую книжечку. Это было 12 ноября 1973 г., сравнительно быстро мы ее получили (в парижском издании точная дата публикации: 15 мая 1973 г.). Случилось так, что в этот день, 12 ноября, АКГ написал мне довольно грубую записку. Но я-то, когда пришел Эцио, знала, что у меня есть для Александра Константиновича небывалый сюрприз, позвонила и стала просить зайти ко мне, потому что приехал Эцио... Нет, АКГ не желает зайти и говорит с крайней степенью раздражения. Все это мне было безразлично, и я, чувствуя себя королевой, в первый и последний раз в жизни ответила ему по телефону: “Заткнитесь”, о чем, конечно, забыла, он сам мне позднее это припомнил. Эцио сидел у меня еще часа два, потом я маленькую белую книжку плотно завернула в газету, чтобы получился плотный пакет и чтобы АКГ услышал стук, когда пакет, опущенный Эцио в дверную щель, упадет на пол. А позвонил он мне еще через час и только сказал: “Я ошеломлен”. На другой день АКГ пришел и рассказал мне, что ему стало нехорошо, когда он увидел книгу. Он страшно обрадовался, но и взволновался и стал читать ее. Конечно, не тот вариант. Конечно, есть опечатки. Мы никак не могли бы узнать, каким образом рукопись попала в Париж. Но ничего странного не было: если рукопись лежала во всех наших журналах и гуляла по нашей стране, могла и во Францию попасть. АКГ я никогда не видела таким счастливым. Он только говорил мне, что почти не с кем поделиться радостью» (О дорогом АКГ. Вступительная статья // *Гладков А.К.* Мейерхольд. В 2 т. / Сост. В.В. Забродин, вступит. ст. Ц. Кин. М.: СТД РСФСР, 1990. Т. 1. — http://teatr-lib.ru/Library/Gladkov/mejer_1/).

Такая странность моей литературной биографии. Откровенно говоря, я думал, что это будет напечатано после моей смерти.

Весной и летом я виделся с Женей Пастернаком. Книга вышла в мае (по новому закону мне за нее ничего не причитается: он действует с 27 мая), а он мне ничего не сказал.⁵⁴³ А он мог бы знать со своими связями. Вит[торио Страда] недавно был в Париже. Мог купить мне и как-нибудь переслать. Но и я не знал, и он не знал.

Ничего я не знал, пока мне кто-то не бросил книгу в почтовую щель. Тоже странность. Кто?⁵⁴⁴

(169) 19 нояб. <...> Почему-то перечитываю мемуары Ф. Степуна⁵⁴⁵ уже в третий или четвертый раз[,] и снова то же ощущение правдивости. Пленительно сочетание быта и истории. Вне правды быта история не может быть рассказана правдиво и точно. Пожалуй, Степун повлиял на меня как мемуариста. Впервые я прочитал эту книгу в конце 50-х годов в Спецхране Ленинской библиотеки, а начал писать о Пастернаке в 1963 г. осенью в Загорянской.

Женя Пастернак, как-то увидев у меня на столе книгу Степуна (другую), сказал, что С. был внутренне близок Б.Л. Это характерно.⁵⁴⁶

⁵⁴³ Е.Б. Пастернак получил эту книжку гораздо позже и не знал ничего о ее выходе.

⁵⁴⁴ См. выше.

⁵⁴⁵ Степун Федор Августович (Степпун, Friedrich Step(p)u(h)n, Николай Луганов, Н. Лугин, Н. Переслегин; 1884–1965), философ, близкий Баденской школе неокантианства, социолог, историк; в 1922 г. был выслан советской властью за границу; один из редакторов журнала «Новый град» (Париж, 1931–1939); с 1947 г. занимал созданную специально для него кафедру истории русской культуры в Мюнхенском университете. После публикации на немецком языке трехтомных мемуаров сам сделал русский двухтомник и сумел его опубликовать (*Степун Федор*. Бывшее и несбывшееся. (I–II). Нью-Йорк: Изд-во им.Чехова, 1956).

⁵⁴⁶ Степун написал статью о Пастернаке, в которой показал «внутреннюю связь» «Доктора Живаго» с символизмом и глубокое отличие его от традиционной формы западноевропейского и русского романа. Пастернак благодарил его за понимание и писал: «Страшно горжусь Вашим признанием и такой одухотворенной захватывающей поддержкой» (6 мая 1960. ПСС. Т. X. С. 600).

29 нояб. 1973.⁵⁴⁷ Прочитал верстку книги Л.О. Пастернака. Рисунки интереснее текста. Л.О. был, все же, несколько провинциален. Это не Серов и даже не мама Серова.

Но есть одно поразительное совпадение со словами Л.О. и словами сына (т. е. Б.Л.). Это то, где он говорит о себе, как о человеке запоздалого развития. То же самое мне говорил Б.Л., но, кажется, нигде не писал. Верно ли это по отношению к Б.Л., т. е. что именно он называл «развитием»? Но все же любопытно. Встретил я еще одну фразу, сказанную мне сыном, о художнике Н.Н. Ге. Вероятно, это семейная шутка.

Очень хороши многие портреты и наброски Б.Л. мальчиком и юношей.

31 дек. <...> Так кончился пустейший год моей жизни. Два события в нем достойны упоминания: моя болезнь в феврале и выход в Париже.⁵⁴⁸ Пожалуй, можно прибавить закрепление за мной квартиры и прописку на Красноармейской.

1974

(5) 6 янв. <...> Первая порция тиража «Архипелаг Гулаг» (300 экземпляров) была продана в Париже в магазине ИМКА-ПРЕСС за час. Может быть, это тот самый книжный магазин, где я был 13 лет назад,⁵⁴⁹ недалеко от С. Женевьев на узенькой улочке во дворе. Смешное совпадение, если там же продаются и «Встречи с Пастернаком». Слышал по радио, что директор этого издательства Иван Морозов.⁵⁵⁰

(64) 29 марта. <...> Под вечер радио сообщило, что семья Солженицына в Цюрихе. Швейцарский самолет был задержан

⁵⁴⁷ Та же запись в: In memoriam, 642.

⁵⁴⁸ Выход книги воспоминаний о Пастернаке: Александр Гладков. Встречи с Пастернаком. Париж: YMCA -Press, 1973.

⁵⁴⁹ В феврале — марте 1961 г. АКГ ездил в Париж с экскурсией по туристической путевке.

⁵⁵⁰ Морозов Иван Васильевич (1919–1978), директор издательства «YMCA-Press» (ок. 1959–1978); главный редактор журнала «Вестник РСХД»; преподавал историю Русской церкви в Свято-Сергиевском институте.

в московском аэропорту на полчаса. Более часа шел обыск. Все казались взволнованными[,] кроме Наташи, которая сказала, что они не сомневаются, что скоро вернутся. Среди провожавших был Женя Пастернак,⁵⁵¹ Екатерина Фердинандовна (теща), Наташа, три маленьких мальчика и одиннадцатилетний сын Наташи от первого брака.⁵⁵² Какая любопытная жизнь открывается перед ними. А.И. встречал их с двумя букетами красной и белой гвоздики. Он поднялся по трапу в самолет, потом минут через пять вышел с двумя мальчиками на руках. Фоторепортеров близко к самолету не подпустили. У многих из провожавших в Москве на глазах были слезы. Лева Копелев рыдал и утирал глаза бородой.⁵⁵³

(200) 25 окт. <...> А Синявский считает неслучайным, что он сам, Максимов, Галич и Пастернак обратились к религии. Неужели ему не режет ухо этот список, где Галич и Пастернак стоят рядом? Он думает, что до революции народ был религиозен, а интеллигенция нет, а теперь будет наоборот... всё вздор и про народ, и про интеллигенцию...

⁵⁵¹ Это сообщение ВВС стало причиной увольнения Е.Б. Пастернака из МЭИ (Энергетического института), где он работал. Он отказался дать этому поступку «политическую оценку», чем окончилась его педагогическая деятельность, и ему предложили не подавать на конкурс. Соответственно, на другую работу его с такой характеристикой не брали. Пришлось менять профессию.

⁵⁵² Их отъезд описан в книге Александра Горлова: «В ночь с 28 на 29 марта 1974 года, в пятницу, уезжала из Москвы в Швейцарию семья Александра Исаевича: жена — Наталья Солженицына, трое его сыновей — Ермолай, Игнат и Степан (все почти погодки: старшему, Ермолаю, около 4-х лет), двенадцатилетний сын Натальи от первого брака Митя и ее мать — Е.Ф. Светлова <...>» (*Горлов А.М.* Случай на даче. Paris, 1977 — <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8505>).

⁵⁵³ Лев Копелев, посадив себе на колени Ермолая, назвал окружавшим его журналистам имена провожающих, которые вовсе не хотели быть названными и всячески отгоняли их от себя. Когда к Е.Б. Пастернаку подскочил один из них со словами: «I am French correspondent», — он ответил ему по-татарски: «Бель ме» (не понимаю).

1975

(15) 18 янв. <...> Кацева⁵⁵⁴ дала почитать новые воспоминания Катаняна о Маяковском — 10 листов.

<...> Залпом прочитал 288 страниц рукописи Катаняна «Не только воспоминания». Мне это очень интересно. Напечатано это вряд ли будет или с большими купюрами. Из полемических отступлений трудно не согласиться с тем, что говорится о сестре поэта, о РАППе, но наивно и вряд ли верно изображение Агранова и Воловича как светлых личностей, пай-мальчиков и светлых друзей. Тут Катанян сам опровергает себя, рассказывая биографию Воловича (об участии его жены в похищении Кутепова — грязной истории, что ни говори). Очень любопытно описание всех лефовских ссор и склок. О Пастернаке мемуарист пишет сбивчиво, пытаясь быть объективным и сбиваясь на осуждение Б.Л.⁵⁵⁵ Конечно[,] изображение Лили как почти святой — вздор, но его трудно за это упрекать, ведь он ее муж. Может быть, главная задача этой рукописи — ее защита. Мемуарист не поднимается до высокого объяснения драмы жизни Маяковского: он пишет пристрастно и сводит счеты, очень страстно и лично, но в этом[,] м. б.[,] и главная ценность мемуаров.

(20) 29 янв. <...> Ю. Даниэль, живущий в Москве (или под Москвой) обратился с письмом в редакцию «Монд», в котором протестует против утверждения диссидента Шафаревича,⁵⁵⁶

⁵⁵⁴ Кацева Евгения Александровна (1920–2005), переводчик, критик и популяризатор германоязычной словесности, с 1949 по 1953 г. редактор отдела критики журнала «Новый мир», далее сотрудник журналов «Знамя» и «Вопросы литературы».

⁵⁵⁵ С точки зрения ЛЕФа, Пастернак был предателем, так как вышел из этой группы по причине сервилизма и раболепства их позиции. См. письмо Пастернака Р.Н. Ломоносовой 17 мая 1927 (ПСС. Т. 7. С. 32).

⁵⁵⁶ Правильно — *Шафаревича*: Ю. Даниэль отвечал на заявление академика Игоря Шафаревича (а не Ю. Шихановича), сделанное в Москве на пресс-конференции по поводу выхода сборника «Из-под глыб» (одновременно в Цюрихе такую же пресс-конференцию проводил Солженицын). Главным предметом нападок обоих стал Синявский и его статья «Литературный процесс в России», опубликованная в 1-м номере журнала «Континент» (с сакраментальной фразой «Россия-сука»). Заодно оба (Ш-ч и С-н)

что добровольная эмиграция это политическое дезертирство (он тут вторит Солженицыну)[,] и утверждает, что эмиграция во многих случаях это наилучший путь служить своей родине. Это, положим, так, но каковы стали нравы. Сразу — письмо в «Монд»! И не боится, что самого за это самое письмо возьмут за шкуру...

<...> Лева уверяет, что С.С. Смирнов настроен — не поднимать скандалов. Но так ли это? В некоторых прочих скандалах (Пастернак) он играл главную роль.

12 фев. <...> Слышал, что брат Б.Л. Пастернака, А.Л. Пастернак[,] написал мемуары чуть ли не в 20 листов. Отрывок был напечатан в «Новом мире», но это малая часть.⁵⁵⁷

30 марта. Жизнь полна удивительных совпадений. Сегодня, в день моего рождения, «Немецкая волна» между 6-ю и 7-ю вечера передавала отрывки из книги «Встречи с Пастернаком», предварив ее моей биографией.⁵⁵⁸

Ввиду поломки моего транзистора я сейчас могу слушать только американцев и не слышал, но Л. [Лев Левицкий?], слушавший, говорит, что это было хорошо. <...>

Ц.И. тоже слушала и после позвонила. У нее тоже хорошее впечатление. Она добавила, что было сказано, когда [книга] «Встречи с Пастернаком» написана (в 1963 г.), а напечатана через 10 лет в Париже (издательство не указано). Еще будто бы это было передано в передаче, посвященной Пасхе.

обругали всех писателей, добровольно уезжающих из России. Даниэль защищал Синявского и вообще право на эмиграцию. Заявление Ю.М. Даниэля «Ответ И.Р. Шафаревичу» (1975) было опублик. в Хронике и есть на сайте Мемориала.

⁵⁵⁷ «Воспоминания» А.Л. Пастернака были изданы полностью в Германии в 1983 г. в Мюнхене (Wilhelm Fink Verlag).

⁵⁵⁸ На след. листе (61) — машинописное письмо с ее (Ц. Кин) подписью от руки и подробным пересказом того, что было в передаче: «Текст звучал великолепно. Передача была абсолютно корректной <...>. Они только не знали, что сегодня еще день Вашего рождения».

(62) 31 марта. <...> Ночью стал перечитывать «Встречи с Пастернаком» в книжке [Парижской] и все время ужасался невероятному количеству опечаток, пропусков, часто делающих текст бессмысленным или — что гораздо хуже, бессмыслица видна, — изменяющих его. В одном месте слово «донос» заменено на «допрос» (это как раз из текста, читавшегося по радио вчера)[.] и всё становится иным. Будет совсем ужасно, если вздумают переводить с книжного текста. Дело в том, что рукопись «Встреч» столько раз перепечатывали вне моего контроля, что[.] видимо[.] опечатки накапливались и в Париж неведомыми путями приплыл совершенно испорченный экземпляр. Есть даже опечатки в стихотворных цитатах, казалось бы широко известных.

(96) 1 июня. <...> Надо писать, как пишу дневник, импровизируя на ходу.

<...> Третьего дня 15-летняя годовщина со дня смерти Бориса Леонидовича Пастернака. А завтра годовщина его похорон. Моя затянувшаяся несобранность помешала мне поехать в Переделкино.

(103) 14 июня 1975. <...> Давно уж не помню, чтобы я что-либо читал с такой жадностью и интересом, как «Бодался теленок с дубом». Можно сделать много оговорок насчет несимпатичного эгоцентризма автора, мутности его политических идеалов и пр. Но характер его и воля к работе удивительны.

И — странное дело — это кажется написанным лучше, чем претендующий на шедевр роман «Август 14», хотя писалось второпях, бегло, прямо набело вероятно. Солженицын человек талантливый и умный, но лишь тогда, когда он не очень старается и когда не рассуждает об исторических и философских проблемах.

Почему же мне это так интересно? Потому что это «было при нас, это с нами уйдет в поговорку»⁵⁵⁹, потому что[.] читая[.] я все время вспоминал, как, что и когда доносилось до меня, и что в это время было.

Твардовский описан масштабно и[.] по-моему[.] верно. Кстати, он никогда не привлекал меня на близкое знакомство. Когда

⁵⁵⁹ Это было при нас. / Это с нами вошло в поговорку (Борис Пастернак. Девятьсот пятый год), начальные строки главки «Отцы» (1925).

большие люди меня интересовали и мне нравились, я как-то без особых усилий близко познакомился с ними (Мейерхольд, Пастернак, Эренбург, Паустовский и другие). Но к Твардовскому не тянуло, скорей даже было какое-то отталкивание от него.

(156) 15 окт. <...> Перечел «Поздние вечера»⁵⁶⁰. Блеска нет, но написано хитро и расчетливо.⁵⁶¹ Тактическая статья.

Это шестой мой этюд о писателях (А. Платонов, В. Кин, Пастернак, Олеша, Паустовский, Эренбург). В отличие от Штока[,] я пишу о настоящих писателях, а не о липовых. Это почти 14 листов, если не больше. На книгу еще не тянет. Но если присоединить А.Д. Попова, что-то из мейерхольдианы и эссе о «Давным-давно», то книжка уже есть.

6 дек. Мои именины. День Александра Невского.

Утром звонки. Сначала Ц.И., потом Женя Пастернак, который говорит комплименты моему эссе об Олеше.

Письмо от Л.Я. Гинзбург. Вот что она пишет про «Поздние вечера»: «Это очень хорошо написано, но не воспринимается мною на том самом уровне, как то, что Вы написали о Пастернаке, Мейерхольде, Олеше. Но дело тут не в Вас, а в персонаже. Понимаю, что это крупная фигура нашего времени, но не могу ее принять. И всё[, что] читаю о нем, какое-то для меня замороженное. Не сердитесь за откровенность. Позволяю себе это, потому что очень и очень ценю Вашу мемуаристику. Да Вы это знаете».

1976

8 янв. <...> Звонок Левы.

По его словам, у С.С. Смирнова рак легкого. Когда он расправился с Пастернаком, у того тоже был рак легкого.

(27) 18 фев. <...> Днем приходит Альма и приносит американский журнал, где еще меня напечатали. Это скорей альманах, чем журнал: толстый, посвящен Левому искусству в России: тут

⁵⁶⁰ Статья АКГ об Эренбурге.

⁵⁶¹ Это он пишет о себе! Довольно странно?

и переводы Хлебникова и Пастернака, и матерьялы о Маяковском, и др. Прекрасные иллюстрации.

2 марта. <...> Еду обедать в ЦДЛ. Ко мне подсаживается Окуджава. Спрашивает, вызывали ли меня в правление из-за книги о Пастернаке (он знает, что она вышла в Париже). Говорю, нет, не вызывали. Он — Привыкли уже... Спрашивает, что делаю. Отвечаю. — А как кормитесь? Говорю о «Давным-давно».... Он: — Вот мне бы написать одну такую пьесу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О ДНЕВНИКАХ ГЛАДКОВА (В РАННИЕ И ПОЗДНИЕ ЕГО ГОДЫ)

...Страница дневника концентрирует, сгущает жизнь»[,] и она кажется содержательной. Дневник как бы вываривает смысл из жизни. И тоска и хандра выкипели, а нечто сгустилось и осталось.

(Гладков А. Зап. из дн. от 21 июня 1974)

§ 1. «Прогрессист второго эшелона» и сумасшедший книжник со склонностью рассказывать и записывать

Александр Константинович Гладков счастливым образом соединял в себе две редко сочетающиеся способности — сам будучи блестящим устным рассказчиком (по свидетельству многих современников), умел и любил еще рассказы записывать, фиксировать на бумаге, оставляя их тем самым не только слушателям, но и читателям и потомкам. При этом заносил на бумагу, конечно, уже не только свои рассказы, а в основном как раз пересказывал чужие, услышанные от кого-то или прочитанные где-то в потаенных местах. Он был, как его называл кое-кто из друзей, «сумасшедшим книжником»¹ — т. е. хранителем, держателем и распространителем всего самого интересного, в том числе запрещенной литературы,

¹ Собственно, это выражение было пущено в оборот К.Г. Паустовским (Гладков. Похвала анекдоту (Из воспоминаний о Паустовском), начало 70-х гг.; РГАЛИ. Ф. № 2590. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 2).

тогдашнего *сам-* и *тамиздата* (за что отсидел шесть лет в Каргопольлаге). Но даже там, в лагере, он умудрялся много читать:

3 янв. 1954. В последней поездке случайно достал и прочел первый том романа Арагона «Коммунисты». Это очень встряхнуло меня. Словно расширился мой горизонт. Теперь мечтаю достать второй том. Книги тут — мое спасенье. Без них я старею. Лишить меня книг — все равно, что нарушить обмен веществ: *заболею физически*. [последние слова вписаны от руки чернилами]²

Уместно привести также и следующее его признание, сделанное в дневнике всего лишь за год до смерти:

6 мая 1975. Сутки напролет читаю (вернее — перечитываю) работу Р.А. [Медведева] Мне все это страшно интересно. Ведь в этом тайна эпохи, в которую я жил и живу, тайна века. # И моя память как бы пишет заметки на полях этой книги. #

Какая именно из книг Роя Медведева здесь имелась в виду, не сказано. Возможно, издававшийся автором вместе с братом Жоресом альманах «XX век» или какое-то из исследований о Сталине, в рукописи,³ или же из написанных им уже тогда монографий.⁴ Так или иначе, тут АКГ афористически выразил свой главный и неизбывный интерес — при чтении книг и в общении с кем-то из свидетелей времени. Ведь делать выводы из сказанного между строк являлось занятием подавляющего числа думающих людей советского времени, но вот еще и — писать «заметки на полях» — свойственно было далеко не каждому. При этом АКГ был читателем, конечно, не только самиздата. Он прочитывал каждый день несколько газет и прежде всего из них пытался почерпнуть

² РГАЛИ. Ф. 2590. А.К. Гладков. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 2.

³ К суду истории: генезис и последствия сталинизма. 1974. В 1964–1968 гг. рукопись имела название «Перед судом истории (К суду истории)»; «Они окружали Сталина» (изд. в США, 1984).

⁴ Октябрьская революция и советская власть (черн. заметки, машинопись, сброшюров. 1972); Книга о социалистической демократии (ЦГАГМ Отдел хранения док-в личных собраний Москвы. Сдаточная опись док-в Роя Ал. Медведева. Ед. хр. 2, 3; Сдаточ. оп. № 9. Ед. хр. 1–9) [на 2016 г. фонд еще не был описан].

важную для себя информацию. Выжимки оттуда откладывались в его дневниках. Вот, скажем, такой факт по записной книжке 1934 г.:

29 апр. 1934. На днях в газетах удивительное событие: в Томске раздавлен машиной нищий-профессионал, который оказался родным братом Григория Распутина. Будто бы у него на груди нашли полуистлевшее письмо Царя к Распутину.⁵

И все-таки, если вернуться к тому, с чего я начал: в одном и том же человеке две указанные способности, или два природных дара, писателя и рассказчика, совмещаются довольно редко. Гораздо чаще, как мы знаем, бывает, что кто-то, замечательный рассказчик, записывать за собой как раз не любит и не умеет. Или кто-то другой, кто умеет и как раз *любит* писать, то же самое, уже изложенное на бумаге, увлекательно рассказать не может, а то даже и не пытается... Обычно что-нибудь одно: или человек уверенно чувствует себя в роли письменного регистратора, *летописца* произошедших событий, или — только в роли *рассказывателя*, но в этом последнем случае он вынужден довольствоваться лишь тем, условно говоря, театральным эффектом, который производят его рассказы на слушателей.

Гладков же был человеком иного склада. Бог наделил его способностью увлекать души и читателей, и слушателей своими устными рассказами, а еще и амбициями историка-хрониста, фиксирующего происходящие на глазах события. Он брал информацию по возможности из первых рук, когда удавалось отыскать людей, кто сам был участником или свидетелем события, прямо расспрашивая их или же отыскивая и прочитывая запрещенные в то время полуполеальные тексты, куда эти факты просачивались, чтобы затем в пересказе со своим комментарием представить их в дневнике. С некоторыми из своих «информантов» АКГ встречается в тогдашней Москве (как, например, с загадочным Х., работником ТАССа, чье имя он так и не раскрывает в дневнике, или с *Игорем Зубковским* (от же — *Горский*), который потом останется в оккупированной немцами Калуге, будет сотрудничать с фашистами в печати,

⁵ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 76. Дневниковые записи. Л. 99.

но в результате погибнет)⁶, а с некоторыми — прямо в тюремной камере, как, например, с бывшим помощником немецкого посла графа фон Шуленбурга (они сидели с ним вместе в переполненной 15-й камере на Лубянке в апреле — мае 1949 г.):

Рассказ немецкого дипломата Бр[еера] Франца Гутовича о последнем визите гр. Шуленбурга к В.М. М[олотову] 22 июня. Фраза М[олотов]ва «Неужели это было вам необходимо?» Ш-г был в душе против войны. Это было не в МИД'е, а в Кремле. До этого часов в 9 вечера пришла шифров[анная] телеграмма из Берлина. В ней был указан час[,] когда посол должен был просить встречи с М. Расшифровывали ее очень долго. Сам Фр[анц] Г[утови]ч только утром вернулся из отпуска.⁷ ##

Но вот как о том же самом фатальном расхождении человеческой природы на две разновидности — *рассказчиков* и *летописцев* — еще за сто лет до АКГ сокрушался, рассуждая уже в своем собственном дневнике, известный публицист и издатель Алексей Сергеевич Суворин, — в итоге беседы, которая у него состоялась накануне с библиографом и знатоком подробностей жизни Пушкина, Петром Александровичем Ефремовым (запись от 20 мая 1899 г.):

⁶ Равдин Б. На полях комментария (в поисках И. Горского и др.) // Псевдонимы русского зарубежья. Материалы и исследования. М.: НЛЮ, 2016.

⁷ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 52 об. — 53: записная книжечка без номера, с надписью на 1-й странице: 1949 г. Июнь — июль — август # Ерцево # Стационар # Первая поездка с театром.

Франц Бреер, с июля 1940 г. по 22 июня 1941 г. был вторым секретарем германского посольства в Москве; в дальнейшем был призван на службу в вермахт и принимал участие в боевых действиях на советско-германском фронте (в основном в качестве юриста: «...я неоднократно участвовал в заседаниях военного суда моей дивизии в качестве обвинителя или защитника. Судили там офицеров и солдат армии, главным образом из личного состава дивизии» (Бреер 23/VIII 1947 г. ЦА ФСБ России. Р-40817. Л. 95–109. Подлинник. Рукопись. Автограф), 19 мая 1945 г. сдался в американский плен, но был передан вместе с другими военными советским войскам. Допрашивался в 1947 г., в 1955 г. был репатриирован в Германию. Так что запись, очевидно, лагерная, сделанная в лагере Ерцево.

Сколько этот человек литературных фактов, слышанных им от разных лиц, унесет в могилу. Сколько раз я ему говорил, чтоб он записывал. «Не могу, — говорит. — Вот если б кто сидел в другой комнате и записал. Когда говоришь, одно тянет другое, вспоминаешь невольно. А с пером в руке не знаешь, с чего начать»⁸.

У говорящего, особенно когда это умелый рассказчик (заправский *тамада*, образцовый *акын*), вслед за чем-то одним из рассказанного само собой всплывает нечто другое. Но, вообще говоря, в точности то же самое характерно и для пишущего: ведь это именно такое состояние, когда, по формуле классика, *мыслям просторно* или когда — *перо тянется к бумаге*...

Развивая свою (и мою) мысль, Суворин отмечал еще одно важное психологическое отличие людей, в соответствии с другой способностью, к удержанию в памяти, во-первых, того, что *услышано*, и, во-вторых, того, что *написано* (что воспринимается из текста). Он сетует опять-таки на несовместимость в его собственной природе этих двух способностей:

К моему сожалению, я запоминал и запоминаю печатное гораздо легче, чем слышанное. Слышанное сейчас же забывается.⁹

Здесь перед нами ситуация, до боли знакомая людям современной, гораздо более «письменной», нежели устной, культуры. Ну, вот и АКГ — размышляет не без некоторого хвастовства (впрочем, у себя в дневнике он предстает на суд только перед самим собой, так что хвастовством это, пожалуй, и не назовешь) о своей склонности преимущественно к письменной фиксации рождающейся мысли:

19 нояб. 1974. <...> # Ночью не спалось[,] и стал перечитывать «Слова, слова, слова...» **в печати**.¹⁰ Да, это хорошо написано. Потому что всё движимо мыслью. Всегда получается, когда пишешь как

⁸ Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Лондон; М., 1999. С. 338.

⁹ Там же.

¹⁰ Речь идет о напечатанной в альманахе Россия/Russia (1974) статье АКГ о Юрии Олеше «Слова, слова, слова...», написанной еще в 1967 г. и предложенной Гладковым тогда же в «Новый мир», но впервые напечатанной только через семь лет.

бы записывая то, что думаешь. И тут уже всё зависит от того, что в тебе есть в смысле способности к богатству ассоциаций, к логике мыслей и запасам словаря и синтаксиса. И это **свое**. Не могу сказать, что это на кого-то похоже. #

То, что дневник является средством если не самовозвеличения, то уж, во всяком случае, постоянной компенсации за разнообразные удары судьбы, *тычки* с ее стороны и «комплексы», которые человеку достаются в течение жизни, общеизвестно. У АКГ дневник регулярно исполняет как эту функцию, так еще и уравнивающую ее — противоположную, которую можно было бы назвать, напротив, самопорицанием, или раздиранием собственных душевных ран...

Но вот, на самом деле, какую мысль он лелеет про себя:

6 окт. 1973. <...> Выходят из печати, полные вранья и общих фраз разные «истории» советской литературы, и все эти отлично переплетенные тома когда-нибудь сгинут в небытие, а настоящая история будет написана на основании рукописей, которые сейчас пишутся без расчета на опубликование, а из инстинкта сохранить правду о времени и о людях.¹¹

Именно этот, как выразился АКГ, «инстинкт», инстинкт сохранения, донесения правды до читателя, был присущ этому человеку в чрезвычайной степени. Очевидно, что себя он причисляет к тем авторам, на основании текстов которых и будет некогда, как он надеется, написана история литературы, — по крайней мере, той части XX в., которую в своем дневнике ему удалось охватить и отразить в подробностях. Например, вот таких:

21 июня 1940. # Ночное радио сообщает, что сегодня в районе Компьенского леса в том «историческом» вагоне, где в 1918 году Фош принял немецких делегатов и который сохранялся французами как музей,¹² Гитлер в присутствии Гесса, Риббентроппа и генерала Кейтеля принял французских уполномоченных и вручил им условия

¹¹ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 139.

¹² 11 ноября 1918 г. в вагоне личного поезда Верховный главнокомандующий союзными войсками во Франции Фердинанд Фош подписал Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну.

перемирия. Этим великолепным историческим спектаклем немцы отомстили тени старика Клемансо за трюк с «зеркальным залом» Версальского дворца.¹³ <...> ##¹⁴

22 июня 1940. (..) # ТАСС указывает, что «СССР и Германию связыва[ю]т не конъюнктурные, а коренные государственные интересы»... (?)# [там же]

Гладков не относил себя ни собственно к диссидентам, активным борцам против советского режима того времени, ни тем более к противостоящей им партии, так называемых русситов, т. е. славянофилов, или борцов за «русскую идею», попросту говоря, обеспокоенных «засильем» инородцев (прежде всего евреев) в русской культуре. Он скромно числил себя — *прогрессистом второго эшелона* (в дневнике от 25 янв. 1974). Но в этом «втором эшелоне», эшелоне культуры, искусства и литературы, им сделано было немало. Не говоря о драматургии, о пьесах, получивших признание уже при его жизни, признанных вполне официально, не говоря о лаврах рассказчика, каковые он заслужил, будучи известен в неофициальных интеллигентских кругах все-таки — довольно узкому кругу своих собеседников, за столами на разнообразных «кухнях», в неофициальных «салонах» обеих тогдашних столиц, он еще и каждодневно, словно отправляясь на работу — погружался в свой дневник и отчитывался уже перед ним обо всем, что только удавалось узнать за день, и как он полагал, могло иметь

¹³ Мирный договор после Первой мировой войны был подписан 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале в Версальском дворце, построенном еще Людовиком XIV за огромные деньги в качестве демонстрации своей власти. Выбор был остановлен на Версале не случайно — именно там 18 января 1871 г. после окончания франко-прусской войны Отто фон Бисмарк провозгласил создание Германской империи. Для подписания договора по указанию премьер-министра Франции Жоржа Клемансо пол зала был застелен паркетом и покрыт коврами времен Людовика XIV. Признав свою ответственность за развязывание войны, Германия потеряла 68 тысяч км² своей территории вместе с 8 миллионами человек населения, проживавших в том числе в Эльзасе — Лотарингии, а также отданной Польше части Восточной Пруссии, обязалась выплатить 20 млрд золотых марок в качестве возмещения нанесенного Франции ущерба, утратила власть над колониями и вынуждена была согласиться на ликвидацию вооружений.

¹⁴ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 45.

значение для будущего. И все это совершенно бескорыстно, не рассчитывая на признание — даже на прочтение своего текста современниками.

§ 2. Назначение дневника: изложение непреложных фактов или то, что говорится (и пишется) исключительно ради красного словца?

Гладков начал вести дневник еще в 1930-х гг. (если говорить точно, даже с конца двадцатых (за годы 1926–1927 дневник утрачен): *7 фев. 1928. Вторник. # Был в школе. # За последние дни часто пропускаю. Все в школе надоело до чорта. <...> Недавно у меня зародилась идея издавать в школе журнал. Конечно[,] частным порядком. <...>*), — заноса в него иногда и такие факты, которые, вообще говоря, по меркам того времени могли считаться потенциально опасными. Его бесстрашие в этом, если не сказать самонадеянность, просто удивляет: так, например, он записывает в дневнике 1938 г., следующее рассуждение (надо иметь в виду, что не прошло еще и года, как арестован и попал на Колыму его родной брат, Лев Гладков):

9 мая 1938. Надо все-таки хоть вкратце записывать то, что приходится слушать. Особого риска я в этом не вижу: если за мной не придут, то ничего не найдут, а если придут, то с дневником ли, без дневника ли — все равно не выпустят. Может быть[,] даже будет лучше: успокоятся на дневнике и не станут задавать бредовых вопросов — кому и за сколько я продал Загорянку — японцам за иены, или немцам за марки. Ведь чем то наполнить «дело» нужно, а тут — какой сюрприз — все уже готово — «записывал клеветнические измышления»... Так вот, новые «клеветнические измышления», о которых говорит вся Москва — это новые аресты среди военных.¹⁵ ##

Как ни странно, о том, чтобы как-то скрывать или маскировать свои записи, АКГ ни тут, ни позднее не помышляет. И даже используя глагол *шифровать*, он имеет в виду, оказывается, не ‘защитить текст от возможности его прочтения органами’, но совсем

¹⁵ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 79. Дневниковые записи. 1938. Л. 34.

другое: ‘записать для себя наскоро, вкратце, чтобы потом, когда будет время, описать подробно’. Вот снова «Из попутных...» (л. 51), с восстанавливаемой здесь датой — это было записано, должно быть, в 1952 г., в лагере:

Познакомился с одним «стариком», местным старожилом, находящимся здесь с 1939 года, т.е. 13 лет. Меня привел к нему С. чтобы поговорить о лагерной «старине». Ужасные рассказы о всеобщей дистрофии во время войны, о сотнях смертей, о тогдашнем произволе, о «лагерных делах», т.е. о судах в лагерях. <...> О том, как зека отрубали себе пальцы и запрыгивали в свертку с жалобой на происходящее в лагере и клали эти свертки в вагоны, нагруженные лесом, чтобы жалобы дошли до прокуратуры в Москве. <...> Надо бы записывать эти рассказы, хотя бы кратко, чего я почти не делаю. Т.е. записываю, но слишком мало и шифруя, так что даже если сохранятся мои записные книжки, я эти записи могу не разобрать. А это удивительная летопись человеческого горя, чудовищного произвола, бессмысленных трагедий, смысл которых невозможно объяснить и понять. #

Вспомним, что было актуальным для живущих в 30-е гг. и происходило совсем недавно:

18 янв. 1938. <...> Вот ситуация, невозможная в либерально-интеллигентской среде старой России. Заметил, что почти не говорят о новых опалах и исчезновениях (кроме Керженцева). Пробегут глазами газету и заговорят о другом, более будничном и житейском. Души выжжены страхом, недоверием и фатализмом. <...>

Ну, а вот его тогдашнее, весьма недвусмысленное понимание трагедии 37-го года в целом (там же, л. 48):

Трагедия не в том, что несколько вырождков пробралось к власти и злоупотребили ею, а в том, что десятки тысяч не вырождков и не злодеев, а простых, обыкновенных людей покорно, а иные не без энтузиазма и рвения выполняли отвратительные, бесчеловечные приказы. История о том, как эти люди были подобраны и подготовлены — это и есть история 37 года.

Хотя и самому АКГ в этом, 1937-м, после ареста брата пришлось пережить то, что переживал, наверное, всякий родственник осужденного:

1 сент. 1937. Среди ночи проснулся от шагов по асфальту у входной двери. Явственно слышал. И как будто несколько ног. Было еще темно. Ждал. Встал и оделся. Но звонка нет. Еще подождал. Вышел во двор. Никого. Но я действительно слышал. Разделся, заснул.¹⁶ #

При этом всякий дневник, написанный на основании по большей части неполных, отрывочных сведений и ограниченных источников, может порождать выводы ошибочные: особенно когда эти выводы продиктованы чувствами. Такое случается и в дневнике АКГ. Ведь он вполне нормальный человек, к тому же далеко не святой — естественно, ему не чужды и страсти. Некоторое множество фактов из тех, что зафиксированы в его дневнике, и на сегодняшний день не имеет устоявшейся «энциклопедической» формы.

Дневник почти всегда, пока жив его автор, представляет собой текст еще не заверченный, так сказать, продолжающий пополняться и дописываться задним числом, что происходит практически всякий раз, когда автор берет его в руки — перечитать, поправить, уточнить какие-то детали. Поэтому в нем постоянно встречаются лица и события, «ключ» к которым или скрыт от читателя, или даже вовсе оказывается потерянным (может быть, он и хранился до времени у самого автора, но сейчас, когда мы читаем его, скорее всего, утрачен), к *финалу* во всяком случае они еще не готовы, не подведены к концовке. Вот, например, запись в дневнике 1947 г., которую автор почему-то не раскрывает, хотя, по-видимому, сам в момент написания держит в памяти событие, ее вызвавшее:

3 июля 1947. <...> # Ночь почти не спал из-за истории, которую не хочется записывать.¹⁷

Эти факты — некая дань повседневности, которую просто по инерции, очевидно, для одного себя фиксирует АКГ, совсем еще недавно начинавший карьеру как журналист: они выхвачены из потока жизни, для того, чтобы день сегодняшний вывести из привычной размеренной обыденности, а иногда облечь его и в жанр какого-то рождественского рассказа. Вот — как в записях уже следующего десятилетия (АКГ уезжает из Ленинграда, где жил тогда в гостинице):

¹⁶ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 78. Дневниковые записи. 1937. Л. 119.

¹⁷ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 36.

24 дек. 1961. <...> # Заказываю по телефону машину, и пока жду ее, толстая горничная рассказывает мне, что на днях в номере 212, соседнем с тем, в котором я жил, повесился на вешалке человек. Нашли его тело только через два дня, из-за чего у гостиничной администрации были неприятности. Он приехал из Сибири с какой-то диссертацией, потом вдруг помрачнел, стал пить и пьяный все говорил: — Все пропало, жизнь пропала... <...> Еще она мне рассказывала, что на 3-м этаже недавно умер от сердечного приступа на проститутке пожилой адмирал. #

Иногда автор вполне сознает, что вынужден записывать в дневник нечто, мягко говоря, не вполне достоверное, довольствуясь лишь полуправдой об излагаемых событиях, — когда единственное, на что можно опираться, это слухи:

22 фев. 1974. <...> Ильинский¹⁸ рассказал П.,¹⁹ что Царев был арестован в 1939 году и просидел месяц, после чего был выпущен (?). А вскоре последовал арест Мейерхольда. Я никогда этого не слышал, но ведь не будет же И[льинский] лгать? Он прямо говорит, что он (Царев) продал В.Э., т. е. дал на него матерьял. Всё может быть. Но это для меня ново. Я думал, что роль Царева была подла и коварна, но не так уж прямо.²⁰ #

¹⁸ Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987), актер, режиссер театра и кино, мастер художественного слова (чтец); автор предисловия к посмертной книге АКГ — Театр. Воспоминания и размышления / Сост. В.В. Забродин, вступит. ст. И.В. Ильинского. М., 1980.

¹⁹ Неясно, кто здесь имеется в виду под П. — и зачем его понадобилось шифровать, но, видимо, все-таки В.Н. Плучек.

²⁰ 23 мая 1937 г. в «Советском искусстве» появилась статья Царева «Почему я ушел из театра им. Мейерхольда», а 18 декабря того же года в «Известиях» была напечатана его статья «Почему я порвал с Мейерхольдом».

На запрос автора в приемную архива ФСБ, имеется ли в следственном деле В.Э. Мейерхольда или в его реабилитационном деле показания М.И. Царева, 25 апр. 2017 г. получен ответ: «в Центральном архиве ФСБ имеется на хранении архивное уголовное дело на Мейерхольда-Райх В.Э. # В материалах дела имеется письмо-отзыв народного артиста СССР, лауреата Сталинской премии Царева М.И. от 21 сент. 1955 г. в отношении Мейерхольда-Райх В.Э.» — и больше ничего. 26 нояб. 1955 г. на заседании Верховного суда (стараниями следователя Бориса Всеволодовича Рязского, стоившими ему понижения в должности) Мейерхольд был реабилитирован — <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/1135>.

Всё это помещает в дневнике человек, сознающий ценность своего текста как свидетельства и понимающий, что многие записи из него будут рано или поздно прочитаны потомками. Но в столь субъективном тексте частная жизнь человека все-таки преобладает и господствует. В 60-е и 70-е гг., на которые падает наиболее интенсивное время ведения дневника, ситуация в стране все-таки кардинально изменится. Писать теперь возможно почти о чем угодно. По оценке Н.А. Богомолова, вообще основное, что составляет дневник Гладкова 60-х и 70-х гг., это передаваемые в литературной среде слухи.²¹ Но на той же странице, где помещена последняя из приведенных записей, через два абзаца, внутри того же фрагмента, говорится уже о чем-то исключительно *высоком*, о делах, так сказать, государственной важности (см. цитату ниже). Итак, что же это, просто досужие рассуждения бездельного писаки — или же серьезный анализ политики, с оценкой ситуаций в стране и в мире? (там же, тогда же: ед. хр. 103, л. 59):

<...> # Совершенно ясно, что сейчас переломный момент в политической истории страны. Все боятся одного: победы наверху антихрущевских сил, о существовании которых догадываются, хотя ничего определенного пока неизвестно. Все, кого я вижу, настроены одинаково — рады конфликту с китайцами, ибо это углубляет анти-сталинскую линию. <...> ##

По-видимому, перед нами документ некоего сложного, промежуточного жанра. По ходу дела, вместе с событиями действительно значимыми в дневник просачивается и какое-то количество разного рода сенсаций, или фактов, для того времени выходящих просто из ряда вон, неких «невидалей», или скандальных происшествий (как, скажем, о человеке, который получил кличку *Мосгаз*: он терроризировал Москву 60-х гг.), впрочем, так же, как это бывает и в летописи, когда повествуется о каком-нибудь *градобитии*, эпидемии невиданной болезни или рождении бычка о двух головах... Иной раз после однократной регистрации такого рода события оно из текста напрочь пропадает, будучи в нем же благополучно похоронено, без дальнейших разъяснений, подробностей

²¹ Богомолов Н. А. К истории первой книги Александра Галича // Богомолов Н.А. От Пушкина до Кибирова. М.: НЛО, 2004. С. 361.

и возвращения к нему еще хоть раз. Но в то же время множество событий и лиц проходят в дневнике как бы пунктиром, автор к ним то и дело возвращается — или наталкиваясь на них сам лицом к лицу, или отыскивая о них информацию, воспринимая и перерабатывая ее в пересказе, тщательно и всесторонне обдумывая какой-то факт и происшествие, с ними связанное.

Нельзя сказать, конечно, что гладковский дневник — какой-то уже готовый, выверенный учебник истории. В описании им фактов тут и там обнаруживаются разного рода субъективные шероховатости, неточности, да и прямые ошибки. Многие уверенные суждения и прогнозы в дальнейшем не сбываются или же оказываются неверны. Как вот, скажем, предварительная оценка Уотергейтского скандала:

23 окт. 1973. <...> # По-видимому[,] вчера военные действия на Ближнем Востоке прекратились. <...> # През[идент] Никсон готов выдать магнитофонные записи.²² Думается, гора родит мышь, и в этих пленках[,] м. б.[,] найдут записи похабных анекдотов и раскаты хохота скучающих политиканов. Это было бы занятно.²³ #

(На самом деле, как известно, расследование этим далеко не ограничилось.)

Также и передача слухов, как выясняется позднее, дело крайне ненадежное — ну, а фраз с «говорят, что...» или «слышал, будто...» в тексте АКГ действительно много.²⁴

²² Уотергейтский скандал, в результате которого президент США республиканец Ричард Никсон в авг. 1974 г. будет вынужден уйти в отставку: 17 июня 1972 г. (за четыре месяца до президентских выборов, на которых Никсон был переизбран на второй срок) в штабе Демократического комитета (кандидат в президенты Джордж Макговерн), расположенном в вашингтонском отеле «Уотергейт», были задержаны пять человек. Они занимались настройкой подслушивающей аппаратуры и, по некоторым данным, фотографированием внутренних документов штаба демократов. В январе 1973 г. начался суд над взломщиками, проникшими в «Уотергейт». В марте была сформирована сенатская комиссия по Уотергейту, и судебные слушания стали передаваться по телевидению на всю страну.

²³ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 152.

²⁴ Здесь АКГ повторяется, он уже писал, пересказывая этот слух практически в тех же словах.

12 окт. 1973. Говорят, Демичев женился на актрисе Володиной.²⁵ Т. е. не «живет», а «законно» женился. И еще говорят, что она сама организует себе сценарии и главные роли и намекает, что фильму²⁶ будет обеспечена зеленая улица.²⁷

Пожалуй, главная особенность самого Гладкова и его дневника в том, что он пишет именно неофициальную, подспудную, домысливаемую, «кухонную» историю, которую может воспринять любой частный человек, а от любых сколько-нибудь официальных — как текстов, так и мероприятий — его просто тошнит:

25 сент. 1975. <...> # Очередной съезд писателей назначен на июнь 19[7]6 года. # Кончилось лето[,] и из Союза и ЦДЛ посыпались повестки и приглашения. Сегодня приглашают на собрание секции драматургов с повесткой дня «Драматурги столицы навстречу XXV съезду партии» с примечанием «Ваше присутствие обязательно» и с просьбой сообщить по телефону, если я не смогу быть. Еще там будет выбор делегатов на московскую писательскую конференцию. Всю жизнь мечтал... ##

Здесь легко прочитывается его собственная, АКГ, гражданская позиция: состоявшая в том, чтобы — за исключением *подписания* отдельных писем, по возможности не участвовать ни в каких офици-

²⁵ Демичев Петр Нилович (1918—2010), в то время министр культуры СССР.

Маргарита Владимировна Володина (род. 1932), советская актриса театра и кино, народная артистка РСФСР. Из интервью с ней, записанного корреспондентом в Париже, где она жила в последние годы: «Ходили упорные слухи, что Володину прекратили снимать, не брали в театр по воле тогдашнего министра культуры Петра Демичева. Дескать, чиновник возжелал интимной близости с актрисой, а та ответила отказом. Понятное дело, как на отказы реагируют мужчины, да еще и чиновники высшего эшелона власти. Он перекрыл ей кислород. На эту тему Маргарита Владимировна говорить не желает» — <http://sobesednik.ru/scandals/20130418-margarita-volodina-strane-kotoruyu-ya-proslavlyala-na-ves-mir-ya-okazalas-nenuzhno>. (Однако среди трех официальных ее мужей Демичева все-таки не было.)

²⁶ Возможно, идет речь о фильме «Последняя жертва» (реж. П. Тодоровский, «Мосфильм») по пьесе А.Н. Островского, где Володина играла роль богатой купеческой вдовы.

²⁷ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 143.

альных мероприятиях, не состоять ни в каких группах и комитетах, не выступать ни на одной из сторон, в том числе и оппозиционных к власти: ни на стороне «западников», ни тем более «славянофилов», — хотя, конечно, наиболее сочувствовал он именно первым, как практически вся интеллигенция, будучи на стороне оппозиции.

§ 3. О традиционном для жанра перемысли косточек: кто кого «перемемуарит»

Несмотря на то что юмору и шутке АКГ отводит у себя в дневнике немало места, дневниковые и мемуарные тексты пишутся им совсем не ради забавы. Дневник не лишен слабостей того человека, кто его пишет: автор в нем естественно склонен себя скорее оправдывать, нежели обвинять. Вот, скажем, такая натурная зарисовка в самой последней записи «Дневника 1954 года» (АКГ совсем недавно освобожден из лагеря):

Еще странная встреча с К. Симоновым на стоянке так[с]и и Думы.
Очередь человек в десять. Машины подходят редко. Стою минут двадцать и уже — первый, когда подходит с маленьким чемоданчиком Симонов, видимо из гостиницы. — Ох, мне до поезда двадцать минут! — говорит он не то мне, не то всей очереди. Стоят парочки и никто его не узнает. — Опоздаю! — снова говорит он. Да, перед этим мы сдержанно поздоровались. Подходит моя машина. Я приглашаю его сесть и говорю, что подвезу его до вокзала. Он благодарит. Я сажусь, как обычно сзади, а ему показываю на место с шофером. Едем. Он что-то смущенно говорит, что рад, что у меня «все обошлось». Хорошее, обошлось. Шесть лет почти. Он «рад», а именно он поливал меня грязью в одной из речей после ареста, хотя ранее мы были в дружеских отношении[ях] и он даже расхваливал в печати «Д[авным-]д[авно]». Довожу его до вокзала. Он благодарит. На его «рад», я молчал. Он выходит, а я еду на проспект Маркса к Киселеву.²⁸

Хотя встречаются, повторяюсь еще раз, и в дневнике самого АКГ они совсем не редкость, некие «моменты истины», переводящие повествование в жанр прямой исповеди, скажем, такие, где

²⁸ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 94. Л. 82.

явно чувствуется самоосуждение и различным взгляд на себя автора отчужденный, как бы со стороны:

19 июня 1974. <...> # Капризничая и возмутительно веду себя с Ц.И. [Кин.] Где-то в зародыше споров я прав, но всё преувеличиваю, хотя и убедительно, но демагогично. (Мацкин,²⁹ Кацева³⁰ и пр.)

И уже на следующий день, возвращаясь к тому же:

20 июня. Утром <я> позвонил Ц.И. и предложил некоторое время не встречаться, так как я сейчас невыносим [т. е. он сам позвонил к Ц. Кин с этим предложением].

И еще:

21 июня 1974. <...> # Браню себя за срывы с Ц.И. Ее обожание утомительно и бестактно, но надо терпеть: я ей очень многим обязан и мое поведение пахнет вульгарной неблагодарностью.

Запись в дневнике АКГ, как правило, эпиграмматична, что делается особенно заметно во все учащающихся к его концу — *эпитафиях*. АКГ приходится посвящать их уходящим товарищам по литературному и театральному цеху:

22 июля 1973. Умер М. Исаковский.³¹ Я узнал об этом из объявления в ЦДЛ <...>. У меня есть от него письмо о моем стихотворении

²⁹ Мацкин Александр Петрович (1906–1996), литературный и театальный критик, историк театра. В 1941–1945 гг. был на фронте. Ему грозила участь «критиков-космополитов», ошельмованных в 1949 г. (рассказывают, что он был среди обвиняемых в директивной разгромной статье «Правды», но в последний момент его имя вычеркнул проводивший кампанию А.А. Фадеев) — <http://library.mxtat.ru/books/reader/12>. (См. его послесловие «А.К. Гладков. Личность и черты творчества» к книге, изданной уже после смерти АКГ: *Гладков А. Театр. Воспоминания и размышления*. М.: Иск-во, 1980. С. 437–447).

³⁰ Кацева Евгения Александровна (1920–2005), переводчик, критик и популяризатор германоязычной словесности, с 1949 по 1953 г. редактор отдела критики журнала «Новый мир», далее сотрудник журналов «Знамя» и «Вопросы литературы».

³¹ Исаковский Михаил Васильевич (1900–1973), поэт; лауреат двух Сталинских премий первой степени (1943, 1949); многие его стихи положены на музыку: наиболее известны «Катюша», «Враги сожгли родную хату» (музы-

«Песня» (из лагерного цикла). Он был редким мастером, так сказать, «лирического примитива». А его песни превосходны. Автобиографическая проза его удивительна по прямоте и неукрашенности.³²

Во множестве дневников мы часто видим «перемыванье чьих-то косточек» — *того* (или *той*), кто откровенно не симпатичен автору. (Этого не то чтобы много, но и это есть у АКГ.) И конечно, особенно часто такое случается, когда кто-то из его знакомых умирает: автор вовсе не придерживается правила, согласно которому о мертвых говорить надо только хорошее или не говорить ничего. Он ощущает себя обязанным дать, как ему кажется, объективную оценку, подведя итог жизни умершего, то есть как-то откликнуться на его уход, если был с ним хоть как-то связан, формулируя своеобразный дневниковый некролог с перечислением как достоинств, так и недостатков человека (здесь как будто нельзя обвинять его в предвзятости):

24 фев. 1945. Третьего дня умер от рака груди А.Н. Толстой. Он был уже с год, как приговорен врачами, но не знал об этом и успел написать несколько сочных и ярких глав «Петра». Это был необыкновенно одаренный писатель, но легкомысленный, суетный, больше всего любивший вкусно жить. Говорят, он был способен и на пакости. Среди написанного им останется меньше половины.

Или в записи за тот же год:

2 нояб. Вчера скоропостижно умер Николай Павлович Хмелев. Ему стало дурно на генеральной репетиции «Грозного». Его отнесли в комнату при ложе дирекции[,] и он там лежал в гриме и костюме до начала вечернего спектакля (шли «Мертвые души»). Вызвали врачей, пустили кровь (у него было повышенное давление). Сначала он был в сознании и даже шутил, уверял, что немного отдохнет и будет продолжать репетицию. Умер в 8 ч. 20 мин. от кровоизлияния в той же комнате при ложе дирекции. Уже мертвого его увезли из театра на вскрытие <...> # Вспоминаются все встречи с Н.П.: все хорошее и все плохое, что я о нем знаю. Актер он был замечательный, а человек сложный, странный и недобрый.

ка М.И. Блантера), «Летят перелетные птицы», «Одинокая гармонь»; автор книги «На Ельнинской земле». Автобиографические страницы (1973).

³² Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 94.

АКГ признает в себе то, что отмечали и многие друзья, — «фантастическую способность обижаться» и мнительность. Вообще говоря, такое состояние — как бы постоянной обиды и напряженного самолюбия — считается сигналом социально-психологического «комплекса вины», в котором следствие и причины могут меняться местами.³³ Не знаю, может быть, здесь и был задействован какой-то комплекс вины, но применительно к АКГ правильнее было бы говорить, мне кажется, просто о скромности и возможно — о запуганности... (то есть о последствиях лагерного опыта). Отмечена им в себе самом еще и склонность к *бирючеству* — именно так Гладков называет это свойство, стремление укрыться от всех в *берлогу* (об этом в зап. от 11 марта 1966 г.).

Ну, а вот одна из обид АКГ, как будто взлелеянная им самим и ставшая потом реальной причиной очередного расставания и расхождения — с человеком, на этот раз весьма близким, другом последних лет, писателем Юрием Трифоновым:

6 авг. 1971. <...> # Возвращаюсь в Загорянку под вечер. Лева сообщает, что «Нов. мир» потребовал, чтобы Трифонов заменил название дачной местности, где живет его герой драматург-мерзавец, чтобы Софронов не принял на себя, и Ю[ра] не нашел ничего лучшего[,] как заменить это название на Загорянскую, где[,] как это известно множеству людей[,] из драматургов живу один я и связан с ней несколько десятков лет. Это, по меньшей мере, бестактность, так как всегда найдутся охотники угадывать по опознавательным знакам прототипов. Разве нельзя было назвать любое подмосковное место, где вообще никто не живет из братьев-писателей, или написать вымышленное место? Как минимум, следовало спросить об этом мое мнение. Эта бесцеремонность меня привела в состояние растерянности. Сначала хотел написать ему, послать телеграмму, потом раздумал. При своей привычке вставлять в свои повести реальные обстоятельства реальных людей[,] Ю. и из моей обиды может сделать сюжет. Ну его к е.... м.....! Расскажу об этом Ц.И.[,] которую увижу на днях, и пусть она ему скажет, что это несколько неприлично.³⁴ #

³³ Лебедев А. Уроки на завтра // Знамя. 1987. № 5. С. 221.

³⁴ Тут возмущение вызвано тем, что Ю. Трифонов назвал дачу персонажа своего произведения *Загорянкой*, — это место, где расположена дача самого АКГ.

Иные штрихи, привносимые дневником Гладкова к портретам или к привычным образам их обладателей, могут оказаться не слишком приятны и не слишком приличны, не комплиментарны и не дипломатичны, как вот, например, следующий:

28 сент. 1973. <...> # Еще в № 9 «Нов. мира» интересны воспоминания Атарова о В. Овечкине.³⁵ Они талантливо написаны[,] и получается эдакий рыцарь без страха и упрека, но... Но я сидел в лагере с его родной племянницей [Ж]еней, у которой была статья «измена родине» за то, что она в оккупации пошла в отряд противовоздушной обороны (девчонкой), чтобы ее не отправили в Германию. И этот высоконравственный дядя не только не похлопотал за нее, но и отказал ее матери (кажется, сестре) в материальной помощи, хотя в те годы много зарабатывал (на посылки). Знает ли об этом Атаров? Вряд ли.³⁶ #

Или же такое, более полувека тому назад записанное им откровение талантливого шахматного композитора (и одновременно литератора):

17 апр. 1960. Гурвич с палочкой.³⁷ Расспрашивает меня о моих воспоминаниях о М[ейерхоль]де. Говорит, что иногда хочется и ему писать мемуары, но вот беда, он помнит про людей только всякую дрянь. «У меня злая память»...

При этом сам АКГ, конечно, прекрасно помнит, что это тот самый *Абраша Гурвич*, который в 1937 г. разразился статьей об А. Платонове,³⁸ а в 1946 г., во время травли АКГ за написанные

³⁵ Овечкин Валентин Владимирович (1904–1968), русский прозаик, драматург. О нем изданное позднее: *Атаров Н.С.* Дальняя дорога: Литературный портрет В. Овечкина. М., 1977.

³⁶ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 135.

³⁷ Абрам Соломонович Гурвич (1897–1962), известный советский шахматный композитор. Основная профессия: литературовед и театральный критик (писал также критические работы).

³⁸ «В монографической статье А. Гурвича “Андрей Платонов” доказывалась ущербность художественного мировоззрения автора “Впрок” и “Реки Потудань”. Платонов обвинялся в ревизии христианства» (А.В. Бычков — <http://blogs.klerk.ru/users/dostoewsky/post74095/>).

«под Голливуд» пьесы, опубликовал и о нем самом довольно подлую статейку:

30 марта 1946. День моего рождения и подарок... Сегодня в «Литературной газете» большая статья Абрама Гурвича «Мелкое умничанье и большой вальс». Автор полемизирует с высказываниями о «Новогодней ночи» Юзовского и... противопоставляет моей героине... Зою Космодемьянскую. Грубый демагогический прием, совершенно недобросовестный. <...> Статейка демагогическая и подлая.³⁹

Однако у АКГ память была как раз не злая, но — достаточно цепкая.

§ 4. Обход некоторых тем молчанием.

Проблемы личной жизни.

Гладков между бездомностью и оседлостью

Еще один традиционный дневниковый поджанр — размышления автора о жизни, его собеседования с самим собой (то, что у древних называлось *soliloquia*), предаваясь которому, как мы видим, можно и отступить от каждодневных правил *дневниковода*, т. е. от обязательной фиксации происходящего за день. Тут автор проговаривается: ведь некоторые факты он как раз — вопреки тому, что провозглашает и хотел бы считать целью писания дневника (ср. эпитаф) — как раз *не хочет* и серьезно *опасается*, старательно **избегает** заносить в свои записки:

14 янв. 1973. <...> # Я очень ждал вести от Эммы, а получив, снова задумался. Издали ее любить спокойнее. Должно быть, это эгоизм. Или просто — усталость... # Вообще я об этом больше думаю, чем записываю в дневник. Это тоже своего рода суеверие: незаписанное, как бы не существует.⁴⁰ #

В эти самые годы, т. е. в начале 70-х гг., АКГ, наконец, расстается со своей возлюбленной последних полутора десятков лет, Эммой Поповой, актрисой ленинградского БДТ. Тяжело переживает их разрыв, но — все-таки расстается:

³⁹ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 23.

⁴⁰ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 13.

14 янв. 1974. Сон, в котором Шток сообщает мне о замужестве Эммы[,] и сердце мне пронзает физическая боль.⁴¹ Просыпаюсь и не сразу понимаю, что это был сон.

Эта женщина была его фактической женой в течение многих лет начиная с 1959-го (именно из-за нее он не живет в это время со своей законной женой, Антониной Тормозовой, тоже актрисой, которая воспитывала их дочку, Таню). Впрочем, в самые последние годы жизни, в 1972–76 гг., он и с Эммой Поповой хоть и встречается время от времени, но живут они все-таки порознь, как бы постоянно балансируя на грани разрыва и всё продолжающихся, но безуспешных взаимных попыток к воссоединению. И вот, через несколько дней после только что цитированной записи в дневнике — снова о ней:

Опять сны с участием Эммы. И все грустные и обидные. Классический механизм «вытеснения».

В мае 1974 г. АКГ как будто в последний раз едет к ней в Ленинград, но всего через несколько недель вновь возвращается к себе, в Москву:

27 мая 1974. <...> Эта поездка как-то, как говорится, поставила точку над «и» в моей бессмысленной жизни.

Время идет, автор сознает, что сам постепенно стареет, что его всё больше и больше одолевают те или иные хвори и недомогания (в прошлом, 1973-м, им был перенесен микроинсульт, а через год, как отмечает дневник, мучают приступы стенокардии. Но лечиться он не любит...).

Ему все-таки неловко, когда по ошибке, в разговоре по телефону со своей официальной женой, Тоней, он автоматически назовет ее именем другой, своей фактической жены, но — тоже бывшей, Эммы:

⁴¹ Шток Исы́дор Влади́мирович (1908–1980), драматург и актер, друг юности АКГ, с которым они потом разошлись (в последние годы АКГ относился к нему с откровенной неприязнью).

22 сент. 1975. <...> # Встаю усталый, хотя спал сносно. # <...> # Звонит Тоня. Она с сестрой и ее мужем ездили в Загорянку вчера и забрали часть яблок. В разговоре я ее нечаянно назвал «Эммой». Неловко. #

Как всегда зорко, АКГ фиксирует происходящие вокруг изменения:

18 марта 1974. <...> В ресторане ЦДЛ резко заметно преобладание новых лиц. Когда-то знал каждого второго, а сейчас знакомые встречаются реже: смена поколений в литературе. #

Именно при помощи дневника АКГ не теряет способности наблюдать за собой — одновременно глядя на себя со стороны (например, мысленно занимая позицию своего друга, Льва Левицкого):

15 июля 1973. <...> Лева как-то сказал мне, что я стал нетерпим. Нет, это не то слово. Я стал обидчив[,] и в этом моя слабость. Я знаю, что под этим — недовольство собой. Когда я бываю недоволен собой, я делаюсь очень требователен к другим.⁴² #

Автор понимает, что это в его характере явное слабое место и недостаток, который вредит правильному ведению дневника. И все-таки, осуждая за какие-то то ли реальные, то ли кажущиеся прегрешения своих бывших или настоящих друзей и коллег, он еще и горько жалуется на самого себя, сравнивая свои недостатки с недостатками других, тех, с которыми уже «раздружился», но с кем имелась когда-то богатая история взаимоотношений:

29 июля 1973. <...> Разговоры на Фестивале с Ритой Лифановой⁴³ снова заставили думать об Арбузове. Не знаю, изменился ли я, но он[,] конечно[,] очень изменился. Сейчас он подчеркнуто уверенный в себе и в образе своей жизни вплоть до мелочей с категоричностью мнений. А в молодости он был иной, как-то вопросительный, что ли, и даже как бы кокетничающий и мягкостью, и неуверенностью, играющий в нее. Он казался неумелым, непрактичным[,] и всем хотелось помогать, что-то делать для него. Вероятно, он немного притворялся

⁴² Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 92.

⁴³ Лифанова Маргарита Ульяновна (1926–2007), актриса театра и кино, жена драматурга Алексея Арбузова.

таким: это было и обаятельно, и выгодно. А сейчас и все интонации его стали жесткими, как бы не допускающими возражений. Тот прежний Арбузов располагал к общению, с ним было просто и легко: этот нынешний отталкивает, держит на дистанции и с ним как-то тягостно. Это изменения психологические. Есть и другие. Рита была, оказывается, уверена, что я избегаю, потому что обижен на него. Другой вариант ей в голову не приходит или она предпочитает о нем помалкивать. Я отрицал обиду и коротко сказал, что «как-то так все получается»... # Плохо, туманно написалось то, о чем думалось ясно. Я просто «вижу» двух Арбузовых: «вижу» и «слышу». # А делаются ли вообще люди в зрелости и старости лучше? Судя по тому, как Анненков написал о Тургеневе,⁴⁴ — да. Но бывает и иначе. Это именно тот случай. # [далее пропуск строки]⁴⁵ #

В конце того же года Гладков прочитает все три части «Детей Арбата» Рыбакова и — неожиданно изменит свое мнение об авторе:

22 окт. 1973. <...> Это не большая проза по словесной ткани: это то, что наши деды называли беллетристикой, но это точно, интересно, умно и по исторической концепции — верно, что важнее всего.⁴⁶

(Ранее же, в зап. от 6 марта 1972 г., после мнения того о «покаянном» письме Шаламова в ЛГ, АКГ отзывался о Рыбакове явно неприязненно.) Ведь и сам он, АКГ, вполне мог бы, наверно, назвать себя «ребенком Арбата»: всю жизнь он был вынужден скитаться, снимая, как правило, временное жилье — то в одном месте центра Москвы, то в другом, то подолгу живя у своей подруги последних лет в Ленинграде... Но вот наконец покупает отдельную кооперативную квартиру в «писательском» доме на Аэропорте, и его скитаниям — между Ленинградом, дачей в Загорянке, где он умудрялся жить чуть ли не до декабря, а потом после зимы еще и норвил переехать туда пораньше весной, чуть ли не в апреле, между писательским домом отдыха в Комарове, где коротал зимы, и его собственной комнатой в квартире, где он только был прописан, но

⁴⁴ Анненков Павел Васильевич (1813–1887), литературный критик, историк литературы и мемуарист; автор книги «Молодость И.С. Тургенева 1840–1856» (Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960).

⁴⁵ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 97.

⁴⁶ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 151.

не жил почти никогда, за исключением юности (как он называл: *переулок Грицевец*)⁴⁷ — реально же обитая в постоянно сменяемых съемных комнатах и квартирах, — этим скитаниям, наконец, приходит конец. Он медленно вырастает в новый быт. Даже к телефону здесь приходится привыкать как-то заново:

15 мая 1973. # Я испытываю некоторое волнение. Сколько лет я жил без телефона. Фактически с 1961 года, т. е. 12 лет. Отвык и научился его игнорировать.⁴⁸ #

За более чем десятилетие, с 1960-го г., т. е. с начала своего романа с Эммой, — и до 1973-го, когда этот роман окончательно распадется, АКГ приспособится жить на два или даже на три дома, без телефона. Кажется, в этом он усматривал даже некоторые преимущества для себя, определенные удобства: так, по крайней мере, он мог избегать ненужных встреч и контактов (ср. «бирючество» и историю его «бегания» от Эльдара Рязанова, в эпоху написания ими сценария к фильму «Гусарская баллада», сначала в изложении Рязанова, а затем — самого АКГ).⁴⁹

Но вот и теперь укоренившаяся привычка дает себя знать:

28 сент. 1973. <...> Иногда звонит телефон, но я не снимаю трубку.⁵⁰

С повторами и рецидивами того же «антиобщественного» настроения:

15 окт. <...> Но я нахожусь в припадке бирючества и не беру трубку.⁵¹

⁴⁷ Согласно записной книжке Н.Д. Оттена: *Гладков А.К. Москва 19 пер. Грицевец д. 8, кв. 24* (РГАЛИ. Ф. 2665. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 112).

⁴⁸ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 63.

⁴⁹ См.: *Михеев М.Ю.* Дело о «плагиате»: пьеса Александра Гладкова о *кавалерист-девице* // *Русская литература*. СПб., 2016. № 1. С. 189–204.

⁵⁰ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 135.

⁵¹ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 147.

§ 5. *Интимное* — или же то, что значимо для всех?

Кажется, мы можем рассматривать два периода ведения дневника АКГ, где рубежом является 1960 г., как фактически два разных текста, или дневники практически разных людей.⁵² Первый, более ранний — дневник исключительно для себя, «эгоистический», прижизненный, предназначенный, как и большинство дневников, так сказать, для «сиюминутного» пользования, в течение жизни самого *дневниковода*. И второй — уже дневник для всех, откуда убраны фрагменты, понятные одному только автору, или в них, в эти фрагменты, дополнительно вставлены необходимые пояснения, но главное — из которых исключена личная жизнь автора в том масштабе, в каком она затрагивает только его. В первом виде дневника, собственно в *эго*-тексте, автор, нисколько не стесняясь, фиксирует свои отношения со множеством женщин (это касается в особенности 1938–1957 гг., когда Гладкову от 25 до 45 лет). Этот текст, с подробностями интимного характера, может быть интересен в отношении изучения разве что литературного и театрального быта того времени, а также изучения существовавших в ту пору социальных шаблонов поведения, скажем выясняющихся из вот таких простодушно сообщаемых АКГ обстоятельств:

5 апр. 1940. Позвонила и пришла Ася. Поломалась немного, но уступила моим домогательствам. Скоро приезжает ее жених-военный, и она полна планов. Семья ей осточертела и работа тоже. Все женщины хотят одного и того же. Расхваливала жениха, лежа голенькая со мной под простыней между двумя схватками, совершенно не чувствуя юмора ситуации.⁵³ ##

При этом, правда, автор дневника не раз и укоряет себя:

6 апр. 1940. <...> # Ночью снова думаю о себе. Зима прошла в половых удовольствиях: все прочее — смутно и неясно. У меня

⁵² Подробнее об этом в статье: *Михеев М.* Излияния или факты? — сфера интимного или то, что следует донести читателю, чего нельзя забыть? (по дневникам и записным книжкам Александра Гладкова) // *Russian literature* (в печати).

⁵³ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 26.

своеобразный способ «спиваться» — не водка, а девки, но в сущности это то же самое... ##

И все-таки перед нами вовсе не дневник каких-то исключительно эротических переживаний. Скорее, это лишь только одна, хоть весьма существенная по объему, из авторских тем. Гораздо более важными для Гладкова являются, во-первых, тема политических событий времени, во-вторых, отчет о прочитанных книгах, ну, а в-третьих, или, вернее, по значимости для него самого, во-первых — еще тема его собственного профессионального определения. Он стал первоначально газетным репортером и журналистом, а потом, последовательно — актером, театральным критиком, режиссером и драматургом, пишущим для театра. Но двойственное самоощущение, всегда неполной, недостаточной самореализации, сохраняется у Гладкова на всю жизнь (подтверждения можно получить, прочитав фрагменты его записей, приводимые на обложке этой книги).

Если уж на то пошло, не является ли дневник, так сказать, — просто возможностью задним числом насладиться обладанием предметом, давно перешедшим в какое-то иное «качество» и иную «собственность»? — вот как здесь:

29 июля 1973. <...> # Когда я был недавно у А.П. Мацкина, он мне стал рассказывать об одинокой и нелепой жизни вдовы Астангова Аллы Владимировны⁵⁴ — моей Аллы зимы 40–41 года, любовницы, отчаянно первым чувством влюбленной в меня.⁵⁵ #

Ради чего эта (как и множество подобных этой) сцена вписана в дневник (причем уже после 1960 г.)? — только ли для того,

⁵⁴ Астангова Алла Владимировна (1920–1981; в девичестве Потатосова), вторая жена актера М.Ф. Астангова, когда-то, в 1941–42 гг., близкая знакомая АКГ (ср. упоминание очевидно о ней в его «Дон-Жуанском списке»: 21. Алла (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 133. Л. 31). До войны поступила в Щукинское училище, потом добровольно ушла на фронт; воевала санинструктором в арtpодразделениях стрелковых бригад и дивизий Ленинградского фронта; в 1949 г. доучилась на актерском факультете, работала — сначала в Драматическом театре ЦДКЖ, потом в Московском театре нефтяников.

⁵⁵ Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 97.

чтобы человек, переваливший за свои 60 лет, мог вспомнить, как он был когда-то привлекателен и неотразим? Или все-таки — ради сочувствия самой женщине, участнице «праздника жизни», в котором участвовал также он сам? Подобные записи у АКГ касаются и многих других — Любове Рудневой-Фейгельман, Ирины Донцовой...

И хотя личная жизнь, как мы видим, складывалась у АКГ не самым счастливым образом, оставленный им в архиве дневник дает неоценимое свидетельство не напрасно прожитой жизни его обладателя.

Илл. 18. Гладков, нояб. 1949, Комендантский пункт
(рис. неизвестного сокамерника)

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ ДНЕВНИКОВ

1. Гладков **1980** — *Гладков А.* Из дневников и «попутных записей» / Сост. и подгот. текста В.В. Забродина // *Гладков А.К.* Театр. Воспоминания и размышления. М., 1980. С. 9–81.
2. Гладков **1982** — *Гладков А.* «Протоколист своего времени» (Письма А.К. Гладкова к брату) / Публ. В.П. Коршуновой // Встречи с прошлым. Вып. 4. М., 1982. С. 289–311.
3. Попутные записи **2006** — *Гладков А.* Попутные записи. Фрагменты / Публ., предисл. и примеч. С.В. Шумихина // Новый мир. 2006. № 11. С. 119–139 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/gl10.html).
- 4–8. Гладков **1936–1940** — «Всего я теперь не понимаю...»: Всеволод Мейерхольд и 1936–1940 годы в дневниках А.К. Гладкова / Публ. и коммент. С.В. Шумихина // Наше наследие. 2013–2014. № 106–111 (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/>).
9. Гладков **1941–1945** — *Гладков А.К.* Из дневниковых записей. 1941–1945 гг. // Музы в шинелях: советская интеллигенция в годы Великой Отечественной войны. Документы, тесты, воспоминания / Публ. С.Д. Воронина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 201–312.
10. Гладков **1945–1973** — *Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–73) / Публ. и коммент. С.В. Шумихина // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Феникс: Atheneum, 2000.
11. Гладков **1960** — Дневник Александра Гладкова 1960 года / Публ. и коммент. М. Михеева // Нева. 2014. № 4. С. 151–167; № 5. С. 153–170.
12. Гладков **1961** — Выписки из дневников Александра Константиновича Гладкова. 1961 // Литературная учеба. 2014. № 3. С. 106–127.
13. Гладков **1962** — Выписки из дневников Александра Константиновича Гладкова 1962 года // Нева. 2014. № 11. С. 114–129 (<http://magazines.russ.ru/neva/2014/11/10g.html>).

14. Гладков **1963** — Александр Константинович Гладков. Дневник 1963 [РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 103. 109 стр. — от 4 янв. до 31 дек.; выписки М.Ю. Михеева] // ФИЛОЛОГОС. Вып. 22 (3). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2014. С. 78–100.
- 15–17. Гладков **1964–1965** — А.К. Гладков. Дневник. 1964, 1965 годы // Новый мир. 2014. № 1. С. 153–161; № 2. С. 127–161; № 3. С. 133–167.
- 18–19. Гладков **1966** — А.К. Гладков. Дневник. 1966 // Новый мир. 2014. № 10–11. С. 151–168 и 127–161 (http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2014_10/Content/Publication6_1240/Default.aspx) или (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2014/10/9gl.html).
- 20–21. Гладков **1967** — А.К. Гладков. Дневник. 1967 // Новый мир. 2015. № 5. С. 139–170; № 6. С. 131–155 (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/5/12gl.html) и (http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2015/6/10glad.html).
22. Гладков **1968** — А.К. Гладков. Дневник. 1968 // Звезда. 2015. № 1. С. 160–193 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/1/11glad.html>).
23. Гладков **1969** — А.К. Гладков. Дневник. 1969 // Звезда. 2015. № 2. С. 148–185 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/2/12gl.html>).
24. Гладков **1970** — А.К. Гладков. Дневник. 1970 // Звезда. 2015. № 3. С. 135–177 (<http://magazines.russ.ru/zvezda/2015/3/8gl-pr.html>).
- 25–26. Гладков **1971** — А.К. Гладков. Дневник. 1971 // Знамя. 2015. № 5. С. 157–176; № 6. С. 136–159 (<http://magazines.russ.ru/znamia/2015/5/11g.html>) и (<http://magazines.russ.ru/znamia/2015/6/10g.html>).
- 27–28. Гладков **1972** — Александр Гладков. Дневниковые записи. 1972 год // Знамя. 2016. № 3. С. 152–175; № 4. С. 161–185 (<http://magazines.russ.ru/znamia/2016/3/dnevnkovye-zapisi-1972-god.html>) и (<http://magazines.russ.ru/znamia/2016/4/dnevnkovye-zapisi-1972-god.html>).
29. Гладков **1973** — Александр Гладков. Дневниковые записи. 1973 год // Нева. 2016. № 6. С. 161–202 (http://www.nevajournal.ru/upload/tjournal/files/Neva_06_2016_160507.pdf).
30. Гладков **1974** — Александр Гладков. Дневниковые записи. 1974 год // Нева. 2016. № 10. С. 169–207; № 11. С. 144–176 (<http://www.reading-hall.ru/neva/102016.pdf>; <http://www.reading-hall.ru/contents.php?id=1607>).
- 31–32. Гладков **1975** — Александр Гладков. Дневник. 1975 год (янв.–июнь) // Нева. 2017. № 5. С. 163–193 (http://magazines.russ.ru/media/uploads/2017/06/21/09_%D0%93%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%9A%D0%9E%D0%92.pdf); Александр Гладков. Дневник.

- 1975 год (июль–дек.) / Публ. и коммент. Михаила Михеева // Нева. 2017. № 6. С. 204–232 (http://magazines.russ.ru/media/uploads/2017/07/25/08_%D0%93%D0%9B%D0%90%D0%94%D0%9A%D0%9E%D0%92.pdf).
33. Гладков **1976** — Александр Гладков. Дневник. 1976 год (янв.–апр.) // Нева. 2017. № 10. С. 193–215 (http://www.nevajournal.ru/Neva201710_20171012.pdf).

Илл. 19–21.
Дача Гладкова
в Загорянке
(современный вид,
июнь 2016)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

(ниже даны ссылки на имена лиц, которые встречаются в тексте самого АКГ, а также в комментариях, но не тех, кому посвящена целиком какая-то глава этой книги: так, в главе II-й в разделе о Маяковском нет ссылок на Маяковского и в разделе о Цветаевой – на Цветаеву: поскольку и тот и другая упоминаются в них на каждой странице; то же касается и глав об Ахматовой, Н.Я. Мандельштам, Бродском, О.Мандельштаме, Шаламове и Пастернаке. Нет надобности и в ссылках на самого АКГ, который присутствует на каждой странице книги. Перечеркнуты в указателе имена тех людей, кто назван ошибочно (либо, как например, Роллан Мальро – ~~Жоржем Садюлем~~, что исправил в тексте сам АКГ, либо, как Ю.А.Фридман, названный ~~Фельдманом~~, что исправлено комментатором только в указателе)

А

- Аввакум (протопоп), 246
Авербах Л.Л., 148, 155
Агранов Я.С., 302, 456
Адамович Г.В., 201, 265, 409
Ада — см. Федерольф-Шкодина
Адельсон С.С., 431
Аджубей А.И., 411
Адлер Г.С., 244
Адмони В.Г., 116, 193
Акимов Н.П., 16, 55, 367, 390
Аксенов В.Е., 57, 243
Аксенова Е.С. — см. Гинзбург А.С.
Аленушка — см. Пастернак Ел. В.
Алешковский И.Е. (Юз), 159
Алигер М.И., 108, 119, 124, 373, 376
Алигер-Энценсбергер М.А., 119
Аллилуева С.И. (Сталина), 106, 132, 192, 397, 444
Алтаузен Джек, 70, 71–72, 319
Алчевская Н.Н., 76–78
Алчевский (адвокат), 77, 79–80, 82
Альберти Р., 314, 320
Альтман Н., 320
Альма — см. Лоу А.
Аля (Цветаева) — см. Эфрон А.С.
Анастасьев В.Ф., 302
Андропов Ю.В., 384
Андрушкевич В.С., 16
Аникст А.А., 196
Анненков П.В., 483

Антокольский П., 110
Арагон Луи, 93, 316, 377, 462
Аплетин, 330
Арбачева (Горбачева) В.Н., 127
Арбузов А.Н., 28, 46, 47–48, 53, 55, 133, 149, 318, 332, 344, 345, 380, 393, 397, 398, 426, 439–440, 444, 482–483
Арбузова Г.А., 392
Ардов В.Е. (Зигберман), 123, 124
Ардовы, 105, 110, 118, 402
Аренс Е.М., 173, 214
Арий Давыдович — см. Ротницкий А.Д.
Арманд В.А., 49
Арский П.А., 333, 335
Асеев Н.Н., 49, 69, 285, 332, 333, 340, 393, 445
Асмус В.Ф., 286, 392, 395, 397
Асмусы, 352, 355
Астангова А.В. (Потатосова), 486
Ася (?), 485
Атаров Н.С., 479
Афиногенов А.Н., 44, 65, 398
Ахматова А.А., 62, 69, 97, 103, 128, 131, 133, 145, 152, 154, 155–156, 159, 170, 172, 177, 192, 193, 195, 198, 199, 201, 206, 225, 232, 274, 282, 285, 302, 360, 362, 373, 378, 380, 400, 402, 409, 416

Б

Б.Н. или *Бор. Нат.* — см. Ляховский Б.Н.
Бабаев Э.Г., 127, 184
Бабанова М.И., 55, 368
Бабель И.Э., 48, 64, 160, 168, 256
Бабенышева С.Э., 196

Бабочкин Б.А., 16
Багрицкий Э.Г., 64, 69, 144, 273, 433
Байрон Джордж Гордон, 8, 364
Бакланов Г.Я., 431
Балтер Б.И., 427, 431
Бальзак Оноре де, 294
Бальмонт К.Д., 113
Баранович М.К., 417
Баранович-Поливанова А.А., 417–418
Баратынский Е.А. (Боратынский), 233
Барбюс Анри, 65
Баталов А.В., 402
Баталов В.П., 127
Батюшков К.Н., 233
Бах И.-С., 114, 343
Бахметьев В., 330
Бахрах А.В., 100
Бедный Демьян (Е.А. Придворов), 71, 290, 313
Безыменский А.Н., 70
Белинков А.В., 428–429
Белинский В.Г., 422
Белкина М.И., 352
Белый Андрей (Бугаев Б.Н.), 62, 79, 146, 270, 428
Белякова И.Ю., 96
Беньяш Р.М., 121
Бердяев, 172
Берковские, 414, 437
Берковский Андрей (сын), 437
Берковский Н.Я., 124, 305, 414–415, 426
Бернштайн Э., 406
Бернштейн С., 85
Бетховен, 343
Бикель М.М., 183
Биргер Б.Г., 195

Бисмарк О. фон, 467
 Блантер М.И., 387, 477
 Блейман М.Ю., 396
 Блок А.А., 68, 69, 114, 121, 128, 186, 444
 Богатырев К.П., 123, 374
 Богачева Анна, 324, 342, 344
 Боголюбов Н.И., 368
 Богомоллов Н.А., 472
 Бодлер Шарль, 231
 Бойко А.Д., 56
 Боков В.Ф., 333
 Бонди С.М., 238
 Борисов В.М., 176, 225
 Борисовы, 197
 Бородин С.П. (Саргиджан), 213
 Борщаговский А.М., 190, 379
 Брамс, 322
 Браун Кларенс, 131, 183–184, 212, 214, 216
 Бреер Франц, 464
 Брик Л.Ю., 212, 302, 340, 377, 435, 456
 Брик О.М., 143, 257
 Брики, 302, 340, 435
 Бродский Д., 145, 146, 226
 Бродский И.А., 117, 131, 160, 161–167, 171, 173–174, 180–183, 225
 Брук П., 377
 Брюсов В.Я., 113, 401
 Будников С., 27–28
 Булгаков М.А., 128, 317, 442
 Булгарин Ф.В., 232
 Бунин И.А., 86, 422
 Бурджалов Э., 273
 Бурлюк Давид, 49
 Бурсов Б.И., 101
 Бухарин Н.И., 31, 65, 204, 228, 235, 297, 284, 314, 319, 320, 410, 416
 Быков Василь, 239

В

В.Э. — см. Мейерхольд В.Э.
 Вавиловых (дом в Чистополе), 282
 Вагинов К.К. (Вагенгейм), 182
 Ваксель О.А., 191, 225
 Ваншенкин К.Я., 413, 443
 Варпаховский Л.В., 16, 368
 Василенко С.В., 213, 229
 Васильев П.Н., 43, 86, 164, 319, 378
 Вахтангов Е., 57
 Вачнадзе Ната, 300
 Введенский Александр, митрополит, 50
 Вейдле В.В., 201, 409
 Вейсбрем П.Л., 16
 Вентцель Т.Д., 186
 Верлен Поль, 231
 Вертинский А.Н., 297, 359–360
 Вигдорова Ф.А., 190
 Виллон (Вийон Ф.), 164
 Вильямс П.В., 50
 Винавер М.Л., 77
 Виноградов В.В., 110
 Винокур Г.О., 302, 342, 343
 Вирта Н.Е., 211
 Виткаускас А.Л., 126
 Вицин, 361
 Вишневская Г.П., 113–114
 Вишневский В.В., 64, 113, 148, 157, 297, 315, 373, 408
 Владимирский («солист»), 322
 Вознесенский А.А., 197
 Волков О., 255
 Волконский А.М., 392
 Волович З.И., 456
 Володин А.М. (Лифшиц), 374
 Володина М.В., 474
 Волошин М.А., 169
 Вышинский А.Я., 274, 297

Г

- Г. («любовница» Хикмета), 369
Галич А.А. (Гинзбург), 133, 348, 349, 455, 472
Галкин, 342
Галушкин А.Ю., 297, 410
Ганецкий-Фюрстенберг, 79, 91, 77
Ганди Мохандас, 168
Гарин Э.П. (Герасимов), 46, 320
Гарины, 46, 274, 425
Гаспаров М.Л., 227
Ге Н.Н., 334, 454
Гейне Генрих, 335
Гербель (?), 337
Гердт З.Е., 438
Герман Ю., 48
Герцен А.И., 171, 226, 232, 407
Герштейн Э.Г., 117, 121, 134, 136, 174, 180, 209
Гесс Рудольф, 466
Гехт С.Г., 50
Гиацинтова С.В., 16
Гинзбург А.И., 229, 252
Гинзбург Саши — см. Галич
Гинзбург Е.С. (Аксенова), 243, 251, 254–255, 259, 268
Гинзбург Л.В., 434, 443
Гинзбург Л.Я., 117, 118, 159–160, 173–174, 188, 189, 190–191, 198, 201, 206, 210, 215, 226, 261, 306–307, 416, 428, 459
Гитлер, 466
Гладков А.М. (двоюродный брат, племянник отца), 14, 31–32, 33, 36
Гладков А.Н. (дядя Шура), 24
Гладков К.Н. (отец), 17, 28, 51, 73–74, 134–135
Гладков Л.К. (брат), 43, 54, 76, 149–151, 262, 277, 468
Гладкова Т.А. (дочь), 481
Гладкова Т.А. (мать, Доброхотова), 18, 25–26, 51, 74
Гладкова (бабушка, мать отца, в де-вичесестве Зворыкина), 14
Глазунов И.С., 189
Глебов А.Г., 325, 327
Глёкин Г.В., 118
Глен Н., 197
Гоголь Н.В., 42, 428, 451
Голодный М., 274
Голубенцев Н.А., 395
Голубков Д., 221–222
Голубовский Е., 245
Гольшшева Е.М., 88, 154, 366, 391, 394, 399, 403
Гольцева К.И., 320
Гончар Олесь, 390–391
Гор Г.С., 428
Горбатовых-Афиногеновых (дача), 392
Гордин Я.А., 426–427
Горелик П., 434
Горлов Александр, 455
Горнунг Л.В., 104
Горнфельд А.Г., 235
Горчаков Н.М., 16
Горький А.М., 65, 77, 171, 257, 268, 317, 398
Грачев Р.И., 259
Гревс Е.М., 175, 191
Греггер-Анастасьева А.Р., 302
Грекова И. (Вентцель Е.С.), 186
Грибанов Б.Т., 433–434
Грибачев Н.М., 195, 260, 443
Грибов А.Н., 125
Грибоедов А.С., 181, 231–232
Григорьев А.А., 337

Гринберг (?), 392
 Гродзенский, 265–266
 Гроссман В.С., 124, 403–404, 411, 448
 Гуль Роман, 432
 Гумилев Л.Н., 107, 110, 112, 114, 124, 150
 Гумилев Н.С., 93, 117, 157, 194, 165, 206, 274, 284
 Гупперт Гуго, 335
 Гурвич А.С., 479
 Гуревич С.Д., 96, 98, 99
 Гурфинкель Н.Л., 408
 Гусев С.И. (Драбкин), 205, 227, 235
 Гюго Виктор, 90, 283, 291–292, 338, 341

Д

д`Арк Жанна, 8
 Давыдов В.Н. (И.Н. Горелов), 52
 Даль В.И., 263
 Даниэль Ю.М., 456
 Дантес Эдмон, 229
 Дар Д.Я., 122, 259, 275, 412, 413
 Деев И.В., 22
 Дементьев Н.И., 445–446
 Демидов А., 277
 Демичев П.Н., 420, 474
 Дерман А.Б., 342
 Джилас Милован, 423
 Дзержинский Ф.Э., 77, 204
 Дмитриева-Маймина Е.Е., 136
 Добин Е.С., 116
 Добровольский А.А., 273
 Довженко А.П., 48, 85, 437
 Долматовский Е.А., 345
 Домбровский Ю., 256
 Донн Джон, 118, 218
 Донцова Ирина, 487

Дорош Е.Я., 247, 421
 Достоевский Ф.М., 101, 175, 207, 267, 405
 Дравич Анджей, 304
 Дрейфус, 8
 Друзин В.П., 158
 Дудинцев В.Д., 371, 403
 Дуров А.Л., 403
 Дьяков, 252, 253, 259
 Дымшиц А.Л., 214

Е

Евтеева-Арбузова Т.А., 292
 Евтушенко Е., 373–374
Е.М. или Елена Михайловна — см. Голышева
 Егоров Б.Ф., 136, 137
 Екатерина II, 402, 405, 427
 Ел. Сем. (жена Ляховского), 411
 Еленсон, 393, 395
 Емельянова И.И., 396, 399, 408
 Енукидзе А.С., 205, 227, 235
 Ермолова М.Н., 42, 44, 360
 Есенин К.С. (сын), 366, 367–368
 Есенин С.А., 8, 14, 22, 36, 44, 70, 87, 145, 370, 397, 401
 Есенина Т.С. (дочь), 166, 168, 366–367
 Есенин-Вольпин А.С., 186
 Есипов В.В., 251–252
 Ефремов П.А., 464

Ж

Жаров А.А., 70, 229
 Жданов А.А., 37, 105, 106, 124, 391
 Живов В.М., 197
 Живов М.Г., 119

Живова Ю.М., 119–120, 175, 177, 197
Жид Андре, 283, 318
Жирмунский В.М., 201, 122

З

З.Н. — см. Райх З.Н. или Пастернак З.Н.

Заболоцкий Н.А., 124, 215, 409
Забродин В.В., 452
Загорский М.Б., 45
Залуцкий П., 274
Заславский Д.И., 382, 387, 414
Зворыкин В.К., 13
Зелинский К.Л., 386
Зенкевич М.А., 123
Злобин С., 246
Зонина Л.А., 196
Зоря (Пекарская / дев. Гольдина), 396
Зощенко М.М., 105, 375, 380, 394
Зубарев Д.И., 252, 448
Зубков[ский] Игорь (Горский), 151, 462
Зуева А.П., 377

И

Иванов Вс., 425
Иванов Вяч.Вс., 101, 120, 184, 297, 289, 392
Иванова Т.В., 381
Иваск Ивар, 405–407
Ивинская О.В., 92, 287, 361, 376, 380, 386, 392, 394, 399, 402, 405, 416, 449, 451,
Ивинские, 396, 399, 440
Ильзен-Грин Е.А., 184
Ильин М.И., 45

Ильинский И.В., 33–34, 367–368, 471

Инбер В.М., 434
Ирина или *Ирина Ивинская* (дочь)
— см. Емельянова
Исаковский М.В., 209, 330, 476

К

Каверин В.А., 101, 137–138, 195, 208–209, 392, 394, 399, 426, 442
Каганович Л.М., 404
Каган-Шабшай Я.Ф., 63, 74
Казакевич Э.Г., 372, 381
Калашников Ю.С., 367
Каменев Л.Б., 65, 79
Каменский А.А., 138, 202, 210
Каминская-Копп Д.М., 146
Каплер А.Я., 441
Караганов А.В., 441
Кассиль Л.А., 195
Катаев В.А., 376
Катанян В.А., 456
Катков М.Н., 189
Каутский Карл, 406
Кафка Франц, 380, 420
Кацева Е.А., 456, 476
Кедров М.Г., 270
Кейтель Вильгельм, 446
Кейхауз Я.И. (Кеймах), 335–336
Керженцев П.М., 469
Кетлинская В.К., 390
Кин В.П. (Суровикин), 13, 44, 422, 444
Кин Ц.И., 13, 61, 99, 103, 183, 292, 305, 429, 431, 436, 451, 457, 459, 476, 478
Киплинг Редьярд, 335
Кипренский О., 317

- Киреевский и Хомяков, 419
Кириллов В.Т., 378
Киров С.М., 156, 205, 235
Киришон В.М., 65, 316, 398
Киселев И.Н., 475
Клемансо Жорж, 467
Клепинин Н.А., 96
Клепинин Н.А. и Сеземан Н.Н., 96
Клычков С.А., 378
Книпович Е.Ф., 369
Коган П.Д., 401
Кожевников В.М., 45
Колпакчи Л.В., 24
Кольцов М.Е., 65, 98, 316, 373
Кома — см. Иванов Вяч. Вс.
Кон Ф., 72
Кононова А.Н., 395
Константиновский И.Д., 449
Копелев Л.З., 196, 421, 455
Коржавин Н., 273
Корнейчук А.Е., 193
Корнилов Б.П., 320, 378
Корнилов В.Н., 112
Корнилова Галя (жена), 113
Корниловы, 116
Коршунова В.П., 224
Косарев А.В., 316
Косарева Н.С., 219
Космодемьянская Зоя, 480
Костенко Л.В., 273
Котов А.В., 371, 375
Кочетов В.А., 195, 387, 439
Крепс — см. Гревс
Кривошеин Н.И., 135
Крон А.А., 392
Крон Лиза, 392
Кругликова Е.С., 88
Крупская Н.К., 49
Крученых А.Е., 50, 86–87, 144, 146, 292, 310, 353, 361, 430
Крыжицкий Г.К., 16
Крыленко Н.В., 274–275
Кугель А.Р., 45
Кудрова И.В., 88–89, 93–95, 99, 100–101
Кузин Б.С., 140, 187
Кузмин М.А., 206, 274
Куйбышев В.В., 37
Кулешов В.И., 177
Кульницкий М.В., 401
Кутепов А.П., 456
Кушнер А.С., 118
- Л**
- Лавинский А.М., 49
Лавров Л.А., 43, 144–145, 164
Лавровская Наташа (Чидсон), 450
Лавровский В., 75
Лакоба Нестор, 446
Лакснесс Хальдоур, 389
Ласкина Е.С., 396, 425
Лаффит С., 111
Лебедев А., 479
Лева — см. Левицкий Л.А.
Левик В.В., 392
Левин Л.Г. (доктор), 321
Левитин Е., 225
Левицкая Л.С., 414
Левицкий Л.А., 112, 122, 172, 177, 188, 191–192, 198, 208, 211, 216, 260, 267, 275, 301, 408, 410, 411–412, 413, 414, 420, 421, 422, 429, 434, 445, 447, 457, 459, 478, 482
Леля — см. Мурина Е.Б.
Лиля — см. Брик Л.О.
Ленау Н., 328
Ленин В.И., 42, 49, 71
Леон М.Т., 320

- Леонов Л.М., 195, 295, 330–331, 342, 346, 390–391, 393, 415
Лермонтов М.Ю., 113, 235
Лерс — см. Эльсберг
Лерт Р.Б., 439
Либерман Е.А., 119
Ливанов Б.Н., 328, 392
Лившиц Б.К., 148, 230
Лившиц Е.К., 188
Лизогуб В.С., 16
Липкин С.И., 170
Лист Ф., 328, 343
Лифанова М.У., 482–483
Лихт Элла (Рахелла), 288
Лобанов А.М., 16, 360, 361
Лобода (?), 151
Лозинский М.Л., 293, 324
Лойтер Е.Э., 327, 343
Локшина Х.А., 46
Ломинадзе В.В., 205, 227, 235
Лопырева Е.А., 305, 415
Лордкипанидзе З.Д., 446
Лоу Альма, 99, 215, 459
Луи Виктор (В.Е.), 437
Лукиан, 427
Луков Л., 106
Луначарский А.В., 29, 328, 402
Лунгин С.Л., 439
Лурье Артур, 409
Людовик XIV, 16, 467
Любимова (М.?), 392
Люся — см. Левицкая Л.С.
Ляховская Е.С., 220
Ляховский Б.Н., 386, 399, 411, 438
- М**
- Макаров А., 319
Майоров Н.П., 401
Майоров С.А., 16
Майя — см. Розанова М.В.
Макарова Ольга, 71
Макарова Т.К., 119
Макашина Т.М., 354
Македонов А.В., 158–159, 226
Маковский С.К., 153, 169
Маколей, 78
Максименков (Л.?), 227
Максимов В.Е. (Самсонов), 184, 273, 448–450, 455
Максимов Д.Е., 121–122, 413, 415
Маленков Г.М., 404
Малиновский Григорий (селькор), 35
Малышкин А.Г., 46
Мальро Андре, 314–317, 377
Малюгин, 393
Мандельштам Е.Э. (брат), 188, 191
Мандельштам Н.Я., 108, 109, 110, 117, 118, 120, 121, 123, 127, 128, 277, 280, 282, 284, 292, 294, 306, 400, 415–416, 420, 428, 430
Мандельштам О.Э., 44, 60, 69, 87, 92, 109, 111, 116, 122, 128, 274, 284, 292, 317, 378, 400, 401, 417, 424
Манн Т., 289
Маргвелашвили Гия, 191, 288
Марголин Юлий, 409
Мариолина — см. Ронкале
Марина — см. Розанова М.В.
Маркиш Ш.П., 177
Марков Г., 273
Марков П.А., 392
Мартин Хосе, 373
Мартынов Л.Н., 383, 386
Мартынов Н.С., 427
Маршак С.Я., 123, 209, 369

- Масленникова З.А., 288
Масс Анна, 450
Мацкин А.П., 99, 426, 476, 486
Маяковский В.В., 14, 22, 31, 43, 49, 52, 60, 61, 62, 87, 98, 116, 129, 215, 238, 257, 299–301, 317, 340, 341, 370, 372–373, 381, 397, 401, 402, 433, 444, 445, 456, 460
Медведев Ж.А., 423
Медведев Р.А., 276, 423, 462
Медведевы, 276, 423
Мейерхольд В.Э., 5, 46, 53, 54, 56, 64, 65, 82, 83, 87, 90, 112, 115, 139, 147, 167, 169, 171, 182, 218, 224, 283, 284–285, 299, 314, 316, 318, 320, 321–323, 325, 328, 331, 361, 366–367, 375–376, 377, 401, 404, 407, 408, 410, 412, 413, 416, 425, 451, 459, 471,
Мейцендорф Нина, 107
Меклер Г., 43, 85, 145
Мелетинские, 176–177, 197, 202
Мелетинский Э.М., 188, 393, 399
Мережковский Д.С., 428
Мериме Проспер, 318
Метгерних Клеменс, 365
Метченко А.И., 177
Мизиано К.Ф., 438–439
Мизиано Франческо, 438–439
Микаэлян С.Г., 16
Миндлин Э.Л., 169–170
Минц К.Б., 441
Миронов В., 151
Миронова и Менакер, 380
Мирский — см. Святополк-Мирский
Михайлов О., 265
Михалков С.В., 122, 384–385, 414
Мнухин Л., 144
Молотов В.М., 205, 227, 235, 404, 464
Моран Р., 351
Мориак Франсуа, 389
Моржаков Ф.М., 22
Морозов А.А., 136, 160, 185, 188, 199
Морозов И.В. (издатель), 454
Морозов М.М., 348–349
Морозова Ю. (Фрумкина), 206
Моруа Андре, 194, 364–365, 444
Мосгаз, 472
Моцарт В.А., 322
Мравинский Е.А., 356
Муравьев В.С., 188
Мурина Е.Б. (Лёля), 133, 267, 472
Мясковский Н.Я., 323
- Н**
- Н.Д.* — см. Оттен Н.Д.
Н.Я. — см. Мандельштам Н.Я. или Берковский Н.Я.
Набоков В.В., 202, 432
Наполеон, 8
Нарбут В., 150
Нейгауз С.Г., 323
Неклюдова О.Ю., 246, 252, 262
Некрич А.М., 424
Нельдихен С.Е., 157
Немирович-Данченко В.И., 295
Нерлер П.М. (Полян), 134, 175, 179, 183, 217, 223–228
Нива Жорж, 399
Никитин, 333
Николай I, 427
Николай II, 462
Никоненко С.С., 103
Никритина А.Б., 414, 437

Никсон Ричард, 473
 Нилин П., 106, 393
 Нинов А.А., 437
 Ниновы, 437
 Ницше Ф., 343
 Нич Д., 245, 246, 252–253, 256,
 263, 265–266, 269, 272
 Нобель А., 385
 Новицкий П.И., 49
 Нусинов И.И., 342, 439–440
 Нусинов И.М., 393

О

о. Александр (Мень), 135
 о. Арсений (Краснов), 19
 о. Сергей (Желудков), 203
О.М. — см. Мандельштам О.Э.
 О.М. (подруга АКГ), 49
 Оборин Л.Н., 322
 Овечкин В.В., 479
 Овечкина Женья (племянница), 479
 Ойстрах Д.Ф., 323
 Окуджава Б.Ш., 266, 447, 460
 Окуневская Т.К., 56
 Олеша Ю.К., 64, 148–149, 367, 391,
 408, 422, 431, 442, 444, 459, 465
 Ольшевская Н.А., 123, 125
 Орданская Л.Р., 361
 Орехова Е., 274
 Орешин П.В., 378
 Орлов В.Н., 101, 156, 198, 207, 411
 Орлов Д.Н., 347
 Орлова и Копелев, 421–422
 Орлова Р.Д., 421
 Отрада Н.К. (Турочкин), 401
 Отген Н.Д. (Поташинский), 28, 87,
 88, 90, 121, 128, 154, 366, 377,
 391, 394, 396, 402, 403
 Оттены, 151, 173, 184, 359, 396, 407

Охлопков Н.П., 368
 Ошанин Н.М., 443

П

Павленко П.А., 44, 205, 235, 392
 Палах Ян, 271
 Панова В.Ф., 255, 305, 412–413
 Панферов Ф.И., 380
 Панченко Н.В., 118, 120, 177, 183,
 188, 197, 203, 271
 Паперный З.С., 424
 Парнах В.Я., 325
 Парнис Алексис, 407
 Пастернак А.Л., 457
 Пастернак Б.Л., 15, 44, 48, 55, 64,
 67–68, 69, 88, 91, 95, 100, 109,
 113, 115–116, 123, 128, 133,
 142, 155, 157, 170, 179, 182,
 205, 218, 234, 236, 237, 239,
 240, 247, 253, 256
 Пастернак Е.Б., 101, 160, 239–240,
 280–281, 288, 301, 305, 359,
 380, 424, 429–430, 431, 449,
 453, 459
 Пастернак Е.В. (Лурье), 312, 359,
 367, 380
 Пастернак Ел.В., 160, 429, 449
 Пастернак З.Н. (Нейгауз), 312,
 316, 359, 410, 429–430
 Пастернак Л.О., 49, 453
 Пастернак-Слейтер Л.Л., 380, 397,
 432
 Паустовский К.Г., 108, 157, 215,
 371–373, 374, 377, 381, 392,
 394, 398, 420, 444, 459, 461
 Перцов В.О., 383, 386
 Петефи Шандор, 327–328
 Петровский Д.В., 69, 313, 319, 326,
 335

- Петровых М.С., 105, 110, 392, 396
Пешкова Е.П., 77
Пикассо Пабло, 172, 189, 377
Пинский Л.Е., 185, 247, 257, 277, 393
Пиросмани Нико, 189
Платонов А.П., 57, 166, 179, 311, 422, 442, 444, 459, 479
Плучек В.Н., 16, 46, 47–48, 53, 90, 97, 98, 149, 318, 368, 377
Плучеки, 380
Погодин Н., 29, 105
Погодиных (квартира), 354
Поливанов Е.Д., 186
Поливанов К.М., 202
Поливанов М.К., 202, 305, 381, 395, 418
Поливанова М.М., 202
Поликарпов Д.А., 375–376, 381, 385, 389, 443
Поляков С.А., 44
Попов А.Д., 16, 345, 347, 367, 408, 459
Попова Э.А., 93, 95, 109, 118, 117, 122, 130, 139, 159, 173, 174, 180, 183, 204, 247, 267, 269, 415, 420, 431, 480–482, 484
Португалов В.В., 149, 150
Поскребышев А.Н., 317
Прокофьев (актер), 362
Пронин Б.К., 147
Пруайяр Жаклин де, 411
Пруст Марсель, 6, 303, 416
Пузиков А.И., 371, 376
Пулькин И.И., 103, 150
Пунин Н.Н., 286
Пунины, 116
Пушкин А.С., 91, 111, 165, 172, 182, 238, 239, 286, 317, 318, 428, 441, 449
Пшибыльский Рышард, 175, 177, 225
Пяст В.А., 230
- Р**
- Равдин Борис, 464
Равель М., 68
Радек К.Б., 66, 79, 319
Радунская (?), 146
(«рабочий на похоронах» Б.П.), 395
Райх З.Н., 316, 317, 321, 367
Раппопорт А.А. (следователь), 146–147
Раскин А.А., 151
Раскина А.А., 202, 248
Распутин Г., 462
Рассадин С., 266
Рахлин Г.М., 404
Ремарк Эрих-Мария, 389
Рембо А., 146
Риббентроп Ульрих фон, 466
Рипеллино Анджело Мария, 377
Рихтер С.Т., 392
Родзевич К.Б., 99, 100
Родченко А.М., 49
Рожанский И.Д., 119, 203
Розанова М.В. (Синявская), 178, 247
Рокоссовский К.К., 65
Ронкале Мариолина, 212, 214
Роскина Н.А., 124, 437
Ростан Эдмон, 90
Ростоцкий Б.Н.И., 367–368
Ротницкий А.Д., 393
Рубашкин А.И., 409
Рубинчик А.Д., 142
Руденко Р.А., 391
Руднева-Фейгельман Л.С., 487
Рудник Л.В., 16
Руйкович В., фотограф, 315

- Рыбаков А.Н. (Аронов), 275, 413, 483
Рыков Н.И., 65
Рыленков А.И., 443
Ряжский Б.В., 299, 367
Рязанов Э.А., 7, 218, 484
- С**
- Саблин Ю.В., 147–148
Сагал Д.Л., 377
Садуть-Жан или Жорж, 316
Самарин Д.Ф., 374–375
Самойлов Д.С. (Кауфман), 433–435
Сарнов Б.М., 106, 266, 401
Сартр Жан-Поль, 371
Сарьян Мартирос, 369
Сахаров А.Д., 112, 249, 251, 271, 276
Сахаров (полковник), 24
Саша Б. — см. Борщаговский А.М.
Свердлин Л.Н., 368
Светлов М.А. (Шейнкман), 43, 65, 84, 274, 388, 444
Светлова Е.Ф. (теща Солженицына), 455
Свирский А.И., 44, 84
Святополк-Мирский Д.П., 143–144, 148–149, 216, 217, 319
Северский, 30
Сеземан Д.В., 93, 96
Селивановский А.П., 143
Селин Луи, 313
Сельвинский И.Л., 64, 69, 319, 433
Семенко И.М., 188
Семин В.Н., 435
(«семинарист» на похоронах Б.П.), 395–396
Семичастный В.Е., 384
Сен-Симон Анри, 15
Сенкевич Вера, 393
Сергеев А.Я., 202
Серов В.А., 453
Симонов К.М., 294, 369, 381, 400, 475
Синявский А.Д., 134, 172, 178, 187, 192, 200, 417–418, 451
Синявский и Даниэль, 112, 132, 247, 249, 251, 419, 455
Сиротинская И.П., 248, 250, 258, 272, 277
Славин Л.И., 492
Словацкий Юлиуш, 341
Слонимский М.Л., 305, 428
Слущкий Б.А., 107, 195, 386, 401, 403, 411, 433, 435, 436, 437, 438, 442
Смеляков Я.В., 70, 388
Смехов В.Б., 441
Смилга И.Т., 65
Смильгис Э.Я., 16
Смирнов Н.П., 261, 306–308, (419?), 423, 429
Смирнов С.С., 240, 435, 443, 447–448, 457, 459
Смирнов Ю., 396
Соболев Л.С., 117, 195
Соколова М.Н., 407
Соколов-Микитов И.С., 392
Солженицын А.И., 139, 178–179, 184, 190, 196, 244, 248, 249, 251–252, 254, 258, 260, 263, 271–272, 276, 277–278, 386, 412, 418, 437, 448, 454–455, 457, 458
Солженицына Н.Д. (Светлова), 249, 454–455
Солженицыны (Ермолай, Игнат, Степан и Дмитрий Тюрин), 254–255

- Солин Л.Л., 450
 Солнцева Ю.И. (Пересветова), 437
 Соломоник И., 6
 Солоухин В.А., 189, 190
 Софронов А.В., 195, 351, 380
 Спасский С.Д., 303
 Спиридонов И.В., 156
 Ставский В.П., 318–319, 328
 Сталин И.В., 65, 106, 107, 211, 237, 262, 285, 297, 304, 317, 320, 346, 373, 387, 391, 398, 410, 423, 445, 465
 Станиславский К.С., 34
 Старостин А.В., 376, 379
 Стендаль Ф., 257
 Степун Ф.А., 308–310, 453
 Столярова Н.И., 183, 193, 198, 211, 247, 393, 396
 Страда Витторио, 214, 436, 453
 Стрельченко В.К., 369
 Струве Г.П., 111, 153, 187
 Суворин А.С., 464–465
 Сувчинский П.П., 216
 Судаков И.Я., 357
 Суперфин Г.Г., 439
 Сурков А.А., 111, 294, 358–359, 370, 374, 375–376, 378, 386
 Суров А.А., 369
 Суслов М.А., 382, 443
 Сулович Р.Р., 16
 Сухово-Кобылин А.В., 42
 Сухомлинов, 393
- Т**
- Т. (друзья Солженицына), 418
 Табачников Е.Д., 388
 Табидзе Тициан, 294, 313, 320, 401
 Таиров А.Я., 215
 Тарасенков А.К., 296, 319, 362, 424
 Тарковский Арс.А., 97, 176, 190
 Тага Б., 25
 Татлин В.Е., 49, 65, 146, 191
 Татьяна — см. Евтеева-Арбузова Т.А.
 Твардовский А.Т., 92, 205, 255, 269, 364, 376, 393, 404, 414, 441, 443, 458–459
 Телешева Е.С., 53
 Тескова А.А., 93, 100
 Тихонов Н.С., 193, 369, 382, 433
 Товстоногов Г.М., 16
 Тодоровский П.Е., 474
 Толстой А.Н., 238, 477
 Толстой Л.Н., 207, 234, 256, 267, 270, 303, 334, 407, 416
 Тольятти Пальмиро, 375
 Тонхилевич Таня (Эрастова), 289
 Тоня — см. Тормозова А.А.
 Тоом Л.В., 428
 Тоом Л.П., 428
 Тормозова А.А. (Тоня), 332, 344, 385, 481–482
 Тренев К.А., 44, 205, 235, 330–331
 Третьяков С.М., 29, 257, 378
 Триоле Эльза, 377
 Трифонов Н.А., 206, 274
 Трифонов Ю.В., 133, 202, 275, 398, 407, 432, 433, 435, 451
 Троцкий Л.Б.Д., 65, 274
 Трощенко Е., 143
 Тункель Д.В., 16, 380
 Тур Л.Л. (Рыжей), 383
 Тур П.Л. (Тубельский), 383
 Тургенев И.С., 234, 483
 Турков А.М., 445
 Тынянов Ю.Н., 156, 208
 Тютчев Ф.И., 113

У

Углицких Борис, 8, 61
Уткин И.П., 70, 72, 84, 85, 229

Ф

Фадеев А.А., 148, 193, 205, 235,
340, 356, 358, 368, 369, 370–371,
373
Фальк Р.Р., 152
Февральский А.В., 82, 392
Федерольф-Шкодина А.А., 88
Федин К.А., 195, 256, 295, 297, 282,
326, 330, 340, 342, 373, 380,
381, 388, 393, 398, 399, 415
Федоров А.В., 54
Фейгельман Л.С. (Руднева), 487
Фельдман [Фридман] Ю.А., 438–
439
Фельтринелли Джанджакомо, 375,
400
Ферреро Энцио, 452
Филиппов Б.А. (Филистинский),
111, 153, 447
Флобер Г., 256, 257
Фолкнер Уильям, 112
Фош Фердинанд, 466
Фрадкина Е.Я., 175
Фрейденберг О.М., 298, 430
Фрейд Ю.Л., 94, 101, 119, 131,
134, 135, 179, 198, 199, 205,
209, 216, 262, 266, 269, 278
Фрид Я.Б., 57
Фрумкина — см. Морозова

Х

Хазин Е.Я., 175, 184, 197, 199
Хазин Я.А., 134

Халатов А.Б., 31, 84
Харджиев Н.И., 136, 140, 153, 156,
180, 194, 212
Хемингуэй Эрнест, 373, 389
Хесин Г.Б., 326–327, 329, 389
Хикмет Назым, 370
Хлебников В.В., 49, 65, 85, 128,
460
Хмелев Н.П., 13, 34, 47, 53, 90,
446, 477
Ходза Н.А., 122
Холопов Г.К., 94
Хомяков А.С., 189, 419
Храбровицкий А.В., 416, 422–423,
430
Хренников Т.Н., 345, 355
Хрущев Н.С., 376, 386, 390

Ц

Царев М.И., 366, 471
Цветаева А.И., 60, 88, 97
Цветаева М.И., 62, 116, 128, 121,
138, 146, 152, 180, 182, 187,
207, 216, 217, 220, 221, 229,
239, 294, 301, 328, 370, 359,
400, 404, 424, 430
Цетлин М.О., 294

Ч

Чагин П., 355
Чаковский А.Б., 266
Чекин И.В., 420
Чекрыгин В.Н., 237, 238
Черноуцан И.С., 381, 426
Чернышевский Н., 268
Чехов М.А., 34, 42, 52
Чижегов М.В., 16
Чуковская Е.Ц., 248, 251, 253

Чуковская Л.К., 104, 119, 122, 138,
180, 181, 190, 209, 288, 285

Чуковский К.И., 119, 201, 252, 380,
392, 448

Чуковский Н.К., 119, 172, 176

Чурилин Т.В., 187

Ш

Шагал М., 42, 181

Шагинян М.С., 123, 445

Шаламов В.Т., 131, 133, 139, 176,
184, 190, 192, 194, 197, 206,
386, 420, 442, 445, 483

Шаляпин Ф.И., 68

Шапиро Г., 394

Шаргородский Ю., 313

Шаров А. (Шор), 259, 260

Шафаревич И.Р., 456

Шварц Е.Л., 209, 213, 414, 444

Швейцер В.А., 101, 160, 187, 188,
267, 292, 400

Шевелёва Е.В., 151

Шекспир Уильям, 291–292, 281,
283, 286, 294, 338–339, 341,
352–353, 355, 361, 372

Шеянов Г.Г., 12

Шкловская-Корди В.В., 119, 177,
183, 188, 197, 203

Шкловская-Корди В.Г., 154

Шкловские, 117–118, 160, 171, 174,
177, 203

Шкловский В.Б., 143, 154, 225,
230, 432, 444

Шкловский Н.В., 203

Шляпников А.Г., 37

Шнейдер М.Я., 46, 320

Шолохов М.А., 195, 380, 390

Шопен, 343

Шостакович Д.Д., 316, 322, 355,
382, 422

Шоу Бернард, 365

Шрейдер Ю.А., 186

Штайн Г.Г., 326, 329

Штейн А.П. (Рубинштейн), 408, 441

Штейнберг А.А., 170, 390, 391,
393, 399

Шток А.В., 318, 393, 398, 426, 459,
481

Шток И.В., 246

Шувалова М., 105

Шуленбург граф фон, 464

Шульман(?), 273

Шумихин С.В., 131, 223, 225, 250,
406

Щ

Щепкина-Куперник Т.Л., 42, 44

Щипачев С.П., 390

Щукин С.И., 29

Э

Эйнауди Дж., 215

Эльсберг Я.Е., 167

Элюар П., 110

Элиот Т.С., 181, 289

Эмма, или *Э.* — см. Попова Э.А.

Энгельс Ф., 78, 406

Эппельбаум М.О., 56

Эрдман Н.Р., 440, 450

Эренбург И.Г., 65, 86, 114, 132,
133, 154, 159, 169, 176, 180,
184, 192, 195–196, 198, 200,
208, 221, 238, 254, 297, 316,
367, 387, 393, 401, 403, 410,
414, 422, 444, 459

Эренбург И.И. (дочь), 195
Эренбург Л.М. (Козинцева), 160,
184, 195, 200, 202, 237, 255,
302, 401, 435
Эрик («сын возлюбленной» Мейер-
хольда), 112
Эрманс В.К., 45
Эсхил, 154
Эткинд Е.Г., 94, 122, 201, 437
Эфрон А.С., 87, 88, 92, 93–94, 95,
99, 100, 152, 154, 289, 302, 430
Эфрон Г.С. (сын), 95, 217
Эфрон Е.Я. (тетка), 97
Эфрон С.Я. (муж), 93–94, 97, 98,
99–100

Ю

Ю.А. — см. Фельдман [Фридман]
Юдина М.В., 17, 392
Южанин Б. (Гуревич Б.С.), 27,
257
Южин А.И. (Сумбатов), 34
Юзовский И.И., 142, 480
Юра — см. Трифонов Ю.

Я

Якобсон Р.О., 370, 402
Якович Елена, 448
Ямпольский Б.С., 443, 451
Яунзем И., 30
Яхонтов В.Н., 230, 345
Яшвили Паоло, 320, 370, 401

1 янв. 1975. (...) До 3-х часов сидел у Б.Н. (Ляховского) Еда была первоклассной и я ел много, но пил немного. Когда шел обратно, сильнейшая типа стенокардической боль в аорте. Несколько раз останавливался, не мог идти. Так иногда бывало и раньше, но давно уже не было. И дома не сразу пришел в норму. Принимал валидол, охал и долго не мог заснуть. (...) Сенсация вечера: никто из правительства не выступал по ТВ с традиционным новогодним поздравлением. Его прочитал Левитан. (...) Б.Н. и Е.С. (Гольшева) смотрели «Театральную жизнь» Зорина у вахтанговцев и бранят. Еще больше он бранит знаменитое «Зеркало» Тарковского пижонский эксгибиционистский фильм, «Фellini для бедных». Его показывали в Доме Кино. (РГАЛИ, фонд А.К. Гладкова, № 2590, оп. 1, е.х. 115)

18 янв. 1975. (...) Кацева дала почитать новые воспоминания Катаняна о Маяковском — 10 листов. (...)

Залпом прочитал 288 страниц рукописи Катаняна «Не только воспоминания». Мне это очень интересно. Напечатано это вряд ли будет или с большими купюрами. Из полемических отступлений трудно не согласиться с тем, что говорится о сестре поэта, о РАППе, но наивно и вряд ли верно изображение Агранова и Воловича как светлых личностей, пай-мальчиков и светлых друзей. Тут Катанян сам опровергает себя, рассказывая биографию Воловича (об участии его жены в похищении Кутепова — грязной истории, что ни говори). Очень любопытно описание всех лефовских ссор и склок. О Пастернаке мемуарист пишет сбивчиво, пытается быть объективным и сбиваясь на осуждение Б.Л. Конечно изображение Лили как почти святой — вздор, но его трудно за это упрекать, ведь он ее муж. Может быть, главная задача этой рукописи — ее защита. Мемуарист не поднимается до высокого объяснения драмы жизни Маяковского: он пишет пристрастно и сводит счеты, очень страстно и лично, но в этом м.б. и главная ценность мемуаров. (...) (е.х. 115, л. 15)

23 сентября 1963. (...) Сегодня с утра работал в Ленинской библ-ке, потом поехал к Над. Яковл., которая живет у Шкловских. Провел там целый вечер (...). Н.Я. показала нам стихи какого-то нового ленинградского кумира Иосифа Бродского. Одно короткое о Васильевском острове — ничего, мило, но длинная ода Джону Донну — манерна, скучна, вяла — типичные старопетербургские стихи. Он не печатается, кумир ленингр. психопаток, еврей с рыжей бородой. От него в восторге Ахматова, а Лидия Яковлевна протезирует А. Кушнеру. (...) (е.х. 103, л. 60)

30 нояб. 1965 (...) Познакомился сегодня с Иосифом Бродским, приехавшим сюда повидать Д.Я. (Дара) и Лидию Корн-ну. Но Д.Я. уехал в город и мы угостили Бр. его обедом. Он хорошо сложен, скорее рыжеват, чем рыж, голос высокий, слегка картавит, речь неразборчива, неважная дикция. Говорили о Н.Я. (у которой он был

на днях в Москве), о Цветаевой (при этом Бр. оживился и сказал, что это самый большой русский поэт, не исключая из числа тех, кто ниже, — и Пушкина). Оказалось, что он пробыл ссылке где-то под Коноше[й], т.е. совсем рядом с Ерцевым. (...)

3 дек. 1965. (...) Вчера пол-ночи читал стихи Бродского. Он, конечно, очень талантлив, в нем есть своя музыка, но я не ощутил **темн**, или она на такой глубине, что сразу не чувствуется. Л.К. говорит, что это потому, что я взял разные и случайные вещи (хотя и много). Он похож на Мандельштама иногда, но импрессионистичней, тот четче, острее. И, хотя он мне и сказал, что Цветаева самый большой поэт и больше Пушкина, совпадений с Цветаевой почти нет, или мало. Трудно угадать его судьбу. Он неуравновешен и даже был освобожден от военной службы поэтому. Раним. Странен. Положим, «не странен кто ж?» Будто бы не тщеславен и не славолубив, чему, все-таки, не верится. (...)

30 нояб. 1966. Чуть подморозило. Ночью прочитал первую часть романа Булгакова «Мастер и Маргарита». Разочарован. Ждал большего и другого. Кроме хорошо написанной вставной новеллы о Пилате, книга эта снова та «дьяволиада», с которой Булгаков начал свой литературный путь, условная и как бы многозначительная фантазмагория со смещением планов, произволом в монтаже разнообразных сцен, лишенная глубокой мысли и истинной веселости. Я читал это со скукой и усилием. Нет уж, лучше любой ползучий реализм: в нем хоть есть крохи правды, а где правда, там и мысль. А тут многозначительная претенциозная жестикуюляция: вещь лишенная своего внутреннего закона, расширяющая как бы возможности прозы, но примерно так же, как расширяет возможности шахмат столклеточная доска: искусство при этом проигрывает. Конечно снобы будут ликовать, вернее делать вид, что ликуют, но это тупиковый путь в искусстве: нечто претенциозно-старомодное. (е.х. 106) [В этой оценке он как будто совпадает с Шаламовым. — Неужели они не обменивались мнениями? Но дневник АКГ этого, к сожалению, не фиксирует...]

27 сент. 1967. (...) Одинокое обедаю в ЦДЛ и еду к Н.Я. Она дает читать мне свои новые наброски и просит совета насчет своего письма О.З. [речь о ее символическом неотправленном письме уже погибшему Мандельштаму — «Последнее письмо», завершающем «Вторую книгу»] Мой совет — выделить его в отдельную главу, — ей нравится. Написанное ею интересно, но это всё вовсе не новая книга, а всё та же, новые фрагменты. И это говорю ей. (...) (е.х. 107)

28 окт. 1967. (...) Снова читал Булгакова. «Мастер и Маргарита» меня не увлекает. Вторично берусь за нее и не увлекаюсь. «Белая гвардия» лучше, но испорчена пыльюковщиной, а «Театральный роман» — прелесть! (е.х. 107, л. 174)

СОДЕРЖАНИЕ (с перечнем иллюстраций)

Благодарности	4
Вводное слово	5
Илл. 1. А.К. Гладков: 1960-е годы	5
Илл. 2. Александр Гладков (1930-е годы)	9
Условные обозначения	10
Глава I. Об имеющихся «автобиографиях» Гладкова	12
<Для автобиографии>	15
Илл. 3–5. Родители Гладкова – отец Константин Николаевич и мать — Татьяна Александровна	17–18
Илл. 6–7. Мать Гладкова в саду с собачкой <1930–40-е?>. Отец и мать Гладковы на даче в Загорянке, 1950-е	59
Глава II. Наброски — о Маяковском, Цветаевой, Ахматовой	60
<Тридцатый год, Маяковский, юность>	63
<О Цветаевой>	86
<Об Ахматовой>	103
Илл. 8. Дружеский шарж (июнь 1949) соллагерника по Каргопольягу	126
Глава III. Диалог с Н.Я. Мандельштам по дневнику и переписке	127
<О Мандельштаме, встречи и беседы с Н.Я.>	142
Илл. 9–10. Александр Гладков. Надежда Мандельштам	142
<Иосиф Бродский под защитой Н.Мандельштам>	218
Илл. 11. Иосиф Бродский	222

Глава IV. [Предисловие П.М. Нерлера] ¹ Осип Мандельштам в записях Гладкова	223
Илл. 12. Осип Мандельштам	228
<Глоссы о Мандельштаме>	229
Глава V. <i>Одержимый правдой</i> — В. Шаламов по дневнику Гладкова	241
Илл. 13–14. Варлам Шаламов и Гладков	241
Глава VI. [Предисловие Ел.В. Пастернак] ² <i>Давным-давно</i> . .	279
Илл. 15–16. Борис Пастернак и Александр Гладков	279
<Из черновиков «Бесед с Пастернаком»>	311
Илл. 17. Б. Пастернак, В. Мейерхольд, А. Гладков (5 марта 1936, квартира Вс.Э. М-да)	311
Послесловие, или Еще раз о дневниках Гладкова (в ранние и поздние его годы)	461
Илл. 18. Гладков, нояб. 1949, Комендантский пункт (рис. неизвестного соллагерника)	487
Приложения. Перечень публикаций дневников	488
Илл. 19–21. Дача Гладкова в Загорянке (современный вид, июнь 2016)	491
Именной указатель	492

¹ Павел Маркович Поля́н (р. 1952), географ, писатель и литературовед (литературоведческие труды и художественные произведения опубликованы главным образом под псевдонимом Павел Нерлер).

² Елена Владимировна Пастернак (урожденная Вальтер; р. 1936), филолог, жена Е.Б. Пастернака, его соавтор и сотрудник в научной и издательской деятельности.

Научное издание

Михаил Юрьевич Михеев

**А. К. ГЛАДКОВ О ПОЭТАХ, СОВРЕМЕННОКАХ
И — НЕМНОГО О СЕБЕ...
(ИЗ ДНЕВНИКОВ И ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК)**

2-е издание

Подписано в печать 26.12.2018. Формат 60х90/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 32. Тираж 600. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК «Гнозис»»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 (499) 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 (499) 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks

3 авг. 1937. У меня нет обиды на друзей, мгновенно исчезнувших с горизонта. (Дневник, е. х. 86, л. 109)

24 нояб. 1934. У меня стало правилом, что дневник я пишу главным образом тогда, когда моя жизнь пуста и бесформенна. # Но вот уже 10 дней, как я работаю в ГОСТИМЕ, т.е. сижу на блистательных мейерхольдовских репетициях Чеховского спектакля, записываю и обязан каждый день сдавать в Реж. часть обработанный дневничек о прошедшей репетиции. И естественно на собственный дневник уже не хватает ни времени, ни охоты. Даже не знаю еще сколько я буду получать зарплаты: как то неловко спросить... # Работа В.Э. вблизи захватывающе интересна и я получаю выше всех своих ожиданий. # Все записываю в блокноты. Это отнимает у меня больше 7 ч. в день. # Сам В.Э. со мной очень любезен: здоровается, заговаривает... Но я его еще стесняюсь и несвободен в разговоре. # (Дневник, е. х. 75, л. 43)

31 июля 1937. После большого перерыва виделся с Х. [работник ТАСС, статистик: полного имени Гладков не раскрывает] <...> Круг арестовываемых становится все шире. Это уже не только начальство, партийная элита, но и средние звенья хозяйственников, студенты, обыкновенные врачи и инженеры. Х. говорит о том, что сейчас автоматически срабатывает карательная машина, если ее питает сырье самых неправдоподобных доносов. Посадить можно всякого, если на него завелась в органах бумажка и пошла ходить по столам. Никто не возьмет на себя ее остановить. Аппарат НКВД, по его словам, это взбунтовавшийся робот. Но это касается общей массы репресслируемых, а на главных есть план и умысел, и расчет. # (Дневник, е. х. 86, л. 108)

30 нояб. 1939. Сегодня в 8 часов утра наши войска перешли финскую границу и президент Финляндии Каллио объявил состояние войны. (Дневник, е. х. 80, л. 68)

2 дек. 1939. Наши войска продвигаются видимо без больших сражений. В газетах сообщается, что правительство Куусинена обратилось к правительству СССР с просьбой об установлении дипломатических отношений. Правда, этому правительству пока подчинена территория бывших дореволюционных дачных окрестностей Петрограда, да и то не целиком. Это все конечно комедия, да и не слишком искусная. (Дневник, е. х. 80, л. 68).

20 апр. 1937. В № 2-ом «Молодой гвардии» стихи Владимира Луговского о последнем процессе. Там есть такие строки: Душно стало? Дрогнули колени? Ничего не видно впереди? К стенке подлецов, к последней стенке! Пусть слова замрут у них в груди!... Что бы после ни писал Луговской, ничто не смоет подлости этого стихотворенья, невиданного в традициях русской поэзии. ## (Дневник, е. х. 86, л. 65)

27 нояб. 1939. <...> # Говорят, на финской границе уже был какой то инцидент и сегодня по городу идут на предприятиях митинги и принимаются угрожающие резолюции. # У Нади в семье все уверены, что мы быстро разобьем финнов и через неделю война закончится. В том, что она на днях начнется, никто уже не сомневается. ## (Дневник, е. х. 80)

10 дек. 1934. Ко мне вернулось очарование ночной работы: теплый, как натюрморт голландцев, вид рабочего стола с разбросанными листками белой бумаги, с зеленым на белой подкладке мягко сияющим абажуром настольной лампы, с темно-золотистым чаем в прозрачном стакане, с наваленными по краям стола и вокруг на кровати и стульях книгами, раскрытыми для справок и выписок и готовыми по первому требованию излить всю ту высокую мудрость, которая была заключена в них их создателями в такие вот вдохновенные бессонные ночи. ## (Дневник, е. х. 75, л. 47)

29 дек. 1934. Все последнее время встречаемся у Плучека и под видом приготовлений к встрече нового года очень весело трепемся о том и сем. Решили в этом году встречать новый год вместе, т.е. Арбузов, Плучек, я и наши присные... # Вокруг нашей «тройки» - Алеша, Валя и я - еще многие. К нам тянутся. И нам вместе хорошо и всегда весело. Надолго ли мы сможем сохранить нашу дружбу? # Если к нам придет, наконец, большой успех - сможем ли мы выдержать это испытание. Или - большая беда? ## (Дневник, е. х. 75, л. 47)